

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

СМИРНОВА Екатерина Викторовна

**НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ СВЯЗИ
РОССИИ С АРАБСКИМ ВОСТОКОМ И
РУССКО-АРАБСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ
(XIX – НАЧАЛО XX В.)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

**Специальность 5.6.2 – Всеобщая история
(исторические науки)**

**Научный руководитель:
доктор исторических наук**

Ланда Роберт Григорьевич

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Источники.....	18
Историография.....	46
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ РОССИИ С АРАБСКИМ МИРОМ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ.....	79
1.1. Русско-арабская культурная коммуникация в контексте взаимоотношений Руси с мусульманским и христианским Востоком.....	79
1.2. Восточная политика России и дипломатические контакты с арабо-османским миром (XVIII – начало XX в.).....	149
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ С АРАБСКИМ ВОСТОКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	190
2.1. Культурно-просветительская среда на Ближнем Востоке и арабо-европейское взаимодействие (XVIII – первая половина XIX в.).....	190
2.2. Российские ученые и Арабский Восток: специфика востоковедной подготовки и русско-арабские контакты.....	224
2.3. Русская духовная миссия в Иерусалиме: просветительская деятельность и взаимоотношения с православными арабами.....	293
ГЛАВА 3. РУССКО-АРАБСКИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	342

3.1. Просветительские задачи России на православном Востоке и их решение в 50 – 70 гг. XIX в.....	342
3.2. Русско-арабское взаимодействие в организации учебного дела Православного палестинского общества.....	395
3.3. Арабские востоковеды в России: научно-исследовательская и педагогическая деятельность.....	536
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 583
 СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	 607

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Диссертационное исследование посвящено истории русско-арабских культурных связей в их научно-просветительском¹ аспекте, формирование которых было сопряжено с решением проблем межкультурной и, прежде всего, вербальной коммуникации. Изучение влияния коммуникативных факторов на развитие взаимоотношений России со странами Арабского Востока² представляется весьма актуальным как с научной, так и социальной точек зрения.

В настоящее время развитие кросс-культурного взаимодействия и его специфика во многом зависят от процессов, происходящих в мире, в том числе тенденции к деглобализации, переориентации направлений международного и межрегионального сотрудничества.

В условиях изменения внешнеполитической стратегии Россия активизирует взаимоотношения с государствами и народами Азии: укрепляет старые связи и стремится наладить новые. Важной составляющей данного процесса является актуализация позитивного опыта взаимодействия России с восточными странами, память о котором сохранилась в культурах их народов.

Как известно, Россия имеет давние исторические связи со странами Востока и его этносами, которые участвовали в процессе становления российской государственности, этногенезе местных народов и формировании их культуры. Несмотря на то, что российское государство не граничит со странами Ближнего Востока, история его взаимоотношений с этим регионом уходит вглубь столетий.

Под влиянием различных факторов русско-арабские культурные связи стали активно развиваться в XIX веке. Начало этого процесса было сопряжено с

¹ В XIX столетии термины «просвещение» и «образование» нередко использовались в качестве синонимов. В данном исследовании оба термина также носят синонимичный характер. При этом под просвещением понимается образовательная деятельность в целом, в том числе имеющая духовно-просветительскую направленность.

² В географическом плане понятие Арабский Восток включает в себя арабские страны, расположенные в Азии, а также Египет.

решением стратегических задач, которые стояли перед Российской империей на Востоке. В условиях периодических войн с Османской империей и Персией, присоединения новых территорий с мусульманским населением, России необходимо было наладить коммуникацию с местными народами, которые имели тесные связи с арабским миром¹. Вместе с тем Россия стремилась усилить свое влияние в Святой земле², поддержать Православные церкви Ближнего Востока и укрепить гуманитарные связи с местными христианами. Во многом этому способствовала реализация просветительских проектов в Иерусалимском и Антиохийском патриархатах, с которыми Россию связывали многовековые культурные и церковные отношения.

Идеи европейского Просвещения, повлиявшие на рост престижа науки и образования в обществе, стали проникать в арабские страны в XIX веке, что привело к развитию местного просветительского движения, интенсификации идейного обмена, углублению культурного взаимодействия арабов с западными странами и Россией.

С началом Первой мировой войны просветительские инициативы Российской империи на Ближнем Востоке и связанные с ними проекты были остановлены. После революции 1917 г. русско-арабские отношения стали выстраиваться в новых исторических условиях, достигнув значительного развития во второй половине XX века. В этот период между СССР и рядом арабских стран было налажено многоплановое сотрудничество. После распада Советского Союза культурный обмен между Россией и арабскими государствами существенно сократился. Несмотря на то, что многие прежние связи были утрачены, основы для развития отношений, формировавшиеся на протяжении столетий, сохранились.

В последние десятилетия Ближний Восток вновь стал важным направлением в российской внешней политике. В связи с этим актуализировались вопросы русско-арабского сотрудничества, которые следует решать с учетом знаний и опыта, накопленных в дореволюционный и советский периоды. В некоторых арабских

¹ Арабский мир – обобщенное понятие, позволяющее объединить в один ареал арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки.

² География Святой земли исторически включала территории нынешней Палестины (государство Израиль и Палестинская национальная администрация), Ливана, Сирии, Иордании, а также Египет и Синай.

странах до сих пор с благодарностью вспоминают русские школы, открытые для местного населения, помощь Советского Союза в подготовке профессиональных кадров и реализации научно-технических проектов. Среди арабов существует узкая прослойка русофилов, которые хорошо знают русский язык и любят русскую культуру. В основном она формируется из выпускников советских и российских вузов, которые так или иначе продолжают поддерживать контакты с Россией. Некоторые из них после окончания учебы трудоустроились в российских городах, реализуя себя в различных сферах деятельности, в том числе в сферах науки и образования.

Вместе с российскими востоковедами и представителями мусульманской общины России, владеющими арабским языком, они составляют кадровый потенциал для налаживания и развития русско-арабских отношений. Успех этого сотрудничества во многом зависит от уровня профессиональной компетенции российских востоковедов, количества арабов, получивших образование в России, а следовательно некоторым образом культурно на нее ориентированных, а также хороших взаимоотношений с российскими мусульманами, которых связывают с арабским миром крепкие духовные узы.

Основы для подготовки отечественных арабистов, а также обучения арабов в российских вузах были заложены в XIX веке. Комплексное изучение русско-арабских научно-образовательных контактов и специфики их реализации в этот период открывает новую грань истории культурных связей России с арабским миром, позволяет дополнить и детализировать представление о контактах России с христианским и мусульманским Востоком; расширить спектр знаний по истории российского востоковедения, системе просвещения в арабских областях Османской империи и организации русских учебных заведений на ее территории, интеллектуальном обмене с восточными народами и особенностях коммуникации с ними. Вместе с тем изучение данного вопроса позволяет раскрыть эффективные механизмы русско-арабского взаимодействия, которые необходимо учитывать для дальнейшего развития отношений с арабскими странами.

Научная и практическая значимость

Материалы данного исследования, отдельные его положения и результаты могут применяться при разработке курсов лекций и учебных пособий, составлении энциклопедических статей по истории востоковедения, истории взаимоотношений России с Востоком, проблемам межкультурной коммуникации и истории российской педагогики. Объемный фактический материал диссертации, касающийся подготовки российских востоковедов, деятельности арабских ученых в Российской империи, а также постановки учебного процесса в школах Палестинского общества, может быть использован при написании статей и монографий на различные темы. Сведения подобного характера могут быть полезны при организации учебного процесса студентов-арабистов, а также реализации российских гуманитарных проектов на Ближнем Востоке, которые в условиях возрождения культурно-религиозных связей с православными арабами становятся актуальными.

Население арабских стран активно интересуется политикой России, прошлым и настоящим ее взаимоотношений со странами Ближнего и Среднего Востока. Информационные сообщения и доклады на подобные темы с успехом могут быть представлены не только на конференциях, но и в рамках официальных русско-арабских мероприятий.

Популяризация исследований о культурных, в том числе научно-образовательных контактах России с арабо-исламским миром имеет большое значение для понимания исторических связей между российскими народами, уяснения положительного опыта их взаимодействия, что, в свою очередь, должно способствовать их консолидации, улучшению в стране межнациональных и межконфессиональных отношений. Распространение сведений подобного характера посредством докладов, публичных лекций, информационных сообщений, статей, теле- и радиопередач на русском и арабском языках играет важную роль в формировании положительного образа России в арабских странах, а также адекватного представления об Арабском Востоке, культуре и религиях местных народов среди русского населения, что является основой для развития русско-арабских отношений.

Апробация работы

Основные результаты диссертационного исследования были опубликованы в рецензируемых журналах из списка ВАК, сборниках Института востоковедения РАН и других научных изданиях. Вместе с тем положения диссертации прошли апробацию в виде докладов, прочитанных в 2015 – 2022 гг. на научных конференциях по истории востоковедения и арабистике в Институте востоковедения РАН, Институте восточных рукописей РАН, Московской духовной академии.

Материалы исследования были использованы автором при составлении специального курса лекций на тему: «Россия и Арабский Восток: история политических и культурных контактов», который был прочитан в Институте стран Востока в 2018 г. Существенную помощь в подготовке лекционного материала автору оказал курс лекций В.В. Орлова, в которых содержится объемный пласт сведений об истории русско-арабских отношений¹.

Отдельные положения диссертации и содержащийся в ней фактический материал нашли отражение в цикле передач о русской культуре, выходивших на арабском языке на радио «Голос России».

Автор диссертации получил благодарственный отзыв от Министерства иностранных дел Бахрейна за доклад об исторических связях России с арабскими странами Залива. Доклад был прочитан в ноябре 2016 г. в Манаме в рамках встречи представителей российских и бахрейнских деловых кругов с участием официальных лиц из Министерства иностранных дел Бахрейна. Кроме того, в 2018 г. автор прочел лекцию в публичном маджлисе «ад-Дуй» в Манаме на тему: «История культурных контактов России с арабским миром», за что получил благодарственное письмо от руководства Маджлиса, учрежденного при содействии мэрии Мухаррака и Министерства культуры Бахрейна.

Научная новизна диссертации заключается в постановке задач и подходах к их решению, определенных в процессе изучения широкого спектра архивных

¹ Орлов В.В. Россия и арабский мир в XX – начале XXI в.: история, культура, геополитика // Межфакультетский курс. ИСАА. 2017.

материалов, (большая часть которых вводится в научный оборот впервые), многочисленных нарративных источников и специальной арабоязычной литературы.

Данная диссертация представляет собой исследование, в котором впервые:

1) осуществляется попытка определить виды наиболее ранних русско-арабских культурных контактов, установить причины их возникновения и факторы развития в контексте взаимоотношений Руси с христианским и мусульманским Востоком; выявляется специфика русско-арабской коммуникации и интеллектуального обмена на разных исторических этапах.

2) комплексно исследуется научно-просветительский аспект культурных связей России с Арабским Востоком, представляющий собой совокупность русско-арабских профессиональных контактов, вписанных в политический и социокультурный контекст эпохи; обозначаются светский и церковный каналы их формирования.

3) выдвигается предположение о том, что расширение арабо-европейских связей в начале XIX века и происходившие вследствие этого в ряде арабских стран социокультурные изменения, способствовали коммуникативной подготовке арабов к контактам с Россией.

На основе изучения материалов фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), а также опубликованных источников:

4) выявляются особенности арабистической подготовки в российских вузах в первой половине XIX в. в условиях развития отечественного востоковедения и политических нужд Российской империи; устанавливается взаимосвязь между процессами улучшения коммуникативных навыков российских востоковедов и активизацией русско-арабского интеллектуального обмена и культурных связей в целом.

5) представлен наиболее полный обзор просветительской деятельности России на Ближнем Востоке в первой половине XIX века и достижений арх. Порфирия

(Успенского) в этой области. Выявляется роль арабских переводчиков в реализации научных, культурно-просветительских и церковно-дипломатических задач Русской духовной миссии в Сирии и Палестине.

6) проводится частичная реконструкция истории организации и деятельности Антиохийского подворья в Москве в контексте просветительских программ России на православном Востоке.

7) вводится систематизированный фактический материал о педагогических комиссиях, учебных программах и организации учебного процесса в школах и семинариях ИППО, деятельности русских и арабских педагогов, школьных инспекторов и их профессиональном сотрудничестве. Прослеживается постепенная эволюция качества образования в школах и семинариях ИППО, выявляются способствующие этому факторы.

8) дополняются и уточняются сведения о биографии и профессиональной деятельности арабских ученых и преподавателей в России: М.О. Агтаи, Г.А. Муркоса, Ф. Сарруфа, И. Нофаля, М.А. ат-Тантави.

9) исследуется объемный пласт арабоязычной литературы о русско-арабских культурных связях, собранной в библиотеках России, Бахрейна, а также присланной коллегами из Египта и Ливана.

Методология исследования

В ходе исследования автор использовал совокупность специально-исторических и общенаучных методов, выбор которых определялся историко-культурным характером работы, ее хронологическим диапазоном, спецификой поставленных задач и широким спектром используемых источников.

Методологической основой диссертации послужили принцип научной объективности и принцип историзма, позволяющий установить причины возникновения культурных контактов Руси с Арабским Востоком, проследить специфику формирования и динамику развития русско-арабских культурных связей в проблемно-хронологическом ключе. Вместе с тем диахронный анализ позволяет выявить качественные изменения, происходившие в системе русско-арабских культурных связей в разные исторические периоды.

С помощью типологического метода может быть создана условная типологизация русско-арабских культурных связей, в которой выделяется научно-образовательный аспект (как наиболее результативный), послуживший катализатором для развития других аспектов русско-арабских отношений. Вместе с тем выявляются прямой и опосредованный виды русско-арабских культурных контактов, определивших характер культурных связей России с Арабским Востоком в разные исторические периоды. Первый тип культурных контактов возникает в результате непосредственной встречи и общения индивидуумов, принадлежащих к разным этническим сообществам. Второй – при контакте с образцами другой культуры.

Системный метод позволяет отобрать и упорядочить факты о русско-арабских контактах, осуществлявшихся в научных и образовательных целях, проанализировать их связи внутри системы взаимоотношений России с Арабским Востоком. С помощью структурного метода можно определить структуру этих связей, формировавшуюся в первой половине XIX века по церковным и светским каналам.

Сравнительно-исторический метод используется при необходимости сопоставить причины возникновения, характер и интенсивность культурных связей Западной Европы и России с арабскими странами, выявить сходства и отличия подходов в организации просветительской работы на Востоке. Наряду с историко-генетическим методом, компаративный анализ позволяет сравнить русско-арабские культурные связи на разных исторических этапах.

Вместе с тем в работе применяются источниковедческие методы (в частности, критический анализ источника, позволяющий выявить его информативность и достоверность содержащихся в нем сведений), а кроме того, методы архивоведения, необходимые для работы с рукописными материалами.

Среди методологических приемов, используемых автором в работе с архивными и другими источниками, следует указать сбор, систематизацию и анализ фактического материала. Нарративный метод позволяет изложить собранный материал в логической последовательности и интерпретировать его согласно причинно-следственным связям. Вследствие этого реконструированные фрагменты истории взаимоотношений России с Арабским Востоком вписываются в общий контекст эпохи.

Комплексный подход позволяет эффективно выявить и проанализировать совокупность факторов, повлиявших на возникновение и развитие научно-образовательных связей России с Арабским Востоком, а кроме того представить целостную картину развития русско-арабских культурных взаимоотношений.

Объект исследования

История научно-просветительских связей России с Арабским Востоком.

Предмет исследования

Русско-арабский коммуникативный процесс и интеллектуальный обмен в научной и образовательной сферах деятельности.

Цель исследования

Представить целостную картину русско-арабских научно-просветительских связей, проследив их эволюцию в контексте взаимоотношений России с Ближним Востоком, с учетом политических и социокультурных (прежде всего коммуникативных) факторов, влиявших на динамику их развития.

Достижению указанной цели способствует решение следующих **задач**:

1. Выявить основные факторы, которые способствовали возникновению культурных контактов Руси с Арабским Востоком.
2. Определить характер ранних русско-ближневосточных культурных связей и проследить их развитие в контексте взаимоотношений Руси с мусульманскими и христианскими народами и государствами.
3. Проанализировать влияние восточной политики России на установление и расширение дипломатических и культурных контактов с арабо-османским миром.
4. Охарактеризовать состояние культурно-просветительской среды в арабских странах в начале XIX века, а также трансформации, происходившие в ней под влиянием арабо-европейского интеллектуального обмена.
5. Исследовать основные задачи и принципы подготовки отечественных востоковедов и особенности их коммуникации с арабами.
6. Определить основные цели и достижения просветительской деятельности арх. Порфирия (Успенского) на Ближнем Востоке в контексте его взаимоотношений с православными арабами и греками.

7. Рассмотреть комплекс просветительских задач России на Ближнем Востоке в 50 – 70 гг. XIX в. и проблемы их реализации.

8. Описать историю создания и начальные этапы деятельности Антиохийского подворья в Москве, а также выявить его задачи по отношению к православным арабам, отправленным на обучение в Россию.

9. Определить сферы, характер и результативность русско-арабского взаимодействия в организации учебной деятельности Православного палестинского общества.

10. Осветить основные вехи биографии, научной и педагогической деятельности арабских преподавателей в России и оценить их вклад в развитие российского востоковедения.

Хронологические рамки исследования определяются временем возникновения научно-образовательных связей России с Арабским Востоком и их развития в дореволюционный период.

Нижней границей исследования является период с конца XVIII – начала XIX века, выбор которого обусловлен началом политических и социокультурных процессов в Западной Европе, России и Ближнем Востоке, содействовавших развитию культурной коммуникации между ними. Возникновение Восточного вопроса и военно-политическая активность европейских государств на Ближнем Востоке (русско-турецкая война 1768 – 1774 гг., а также Египетский поход Наполеона (1798 – 1801) способствовали росту научного интереса к этому региону в Европе и, как следствие, интенсификации арабо-европейских научных и образовательных контактов. Культурному и интеллектуальному обмену арабов с европейцами, способствовали социокультурные изменения, происходившие в Египте под влиянием реформаторской деятельности Мухаммада ‘Али. В то же время активизация восточной политики России и включение в сферу ее интересов Ближнего Востока вызвала необходимость в подготовке отечественных востоковедов. В связи с этим в 1804 г. в российских университетах были открыты отделения восточных языков, что создало предпосылки для установления научных контактов с арабским миром.

Верхней границей исследования является период 1914 – 1917 гг. В связи с началом Первой мировой войны, (когда были закрыты школы ИППО), а затем произошедшей в России революцией культурно-религиозные связи с православным Востоком были прерваны, утратили свою актуальность прежние просветительские программы. С этого времени русско-арабские отношения продолжили развиваться в новых политических и идеологических условиях.

Географические рамки исследования в широком смысле включают все страны Арабского Востока, а также Османскую империю, в состав которой большинство из них входило. В то же время спектр арабских стран, с которыми в европейской части России в XIX веке осуществлялись активные культурные контакты был намного уже, что и позволяет локализовать исследовательские задачи. Если в первой половине XIX в. основной зоной русско-арабских научно-образовательных контактов был Египет (в меньшей степени Сирия и Палестина), что связано с модернизацией системы египетского образования, а также политическим и культурным интересом Египта и России друг к другу, то во второй половине XIX века центром русско-арабского культурного взаимодействия и интеллектуального обмена стала Большая Сирия, где сосредоточились просветительские усилия Российской империи.

Вместе с тем автор считает целесообразным в случае необходимости выходить за указанные хронологические и географические рамки исследования, чтобы представить целостную картину русско-арабских культурных связей, показать специфику их формирования в условиях тесных контактов с христианским Востоком и соседними мусульманскими народами, взаимоотношения с которыми непосредственным образом повлияли на характер и особенности развития русско-арабских научно-образовательных связей в XIX веке.

Тематические рамки исследования

Автор исследует научно-просветительские связи между русскими и арабами в культурно-историческом контексте. Несмотря на то, что политический фон развития русско-арабских отношений учитывается, они не рассматриваются в контексте эпохи колониализма, что должно стать отдельной темой исследования.

Положения, выносимые на защиту

1. На протяжении многих столетий русско-арабские культурные связи формировались в основном опосредованным путем через взаимодействие Руси с христианским Востоком, а также соседними мусульманскими народами и государствами, население которых напрямую контактировало с арабами. При этом специфика русско-арабских культурных контактов (в том числе в духовной и интеллектуальной сферах) зависела от масштабов культурного обмена Руси с византийцами, грекоязычным населением Ближнего Востока, европейцами и исламизированными тюркскими народами, интенсивности их взаимодействия с арабами, а также идеологических и коммуникативных факторов, влиявших на этот процесс.

2. Геополитические факторы содействовали активизации контактов России с арабо-османским миром. Включение России в конце XVIII в. в сферу Восточного вопроса и ее стремление укрепить свои позиции в ближневосточном регионе, прежде всего путем учреждения в арабских областях Османской империи дипломатических представительств, открыло возможность для расширения русско-арабских гуманитарных и, как следствие, культурных связей.

3. Научно-образовательные связи России с Арабским Востоком возникли в первой половине XIX века вследствие появления у русских и арабов интереса к установлению обоюдных интеллектуальных контактов (для решения научных и стратегических задач), а также улучшения коммуникативных навыков, необходимых для их реализации.

4. Первые русско-арабские научно-образовательные контакты происходили с использованием европейских языков-посредников и осуществлялись в тех ближневосточных городах, где было значительным присутствие Запада, а арабы получили опыт интеллектуального обмена с его образованными представителями.

5. Эффективность русско-арабской коммуникации зависела не только от знания арабами европейских языков, но и качества востоковедной подготовки русских ученых, педагогов, дипломатов и церковных деятелей, пребывавших на Ближнем Востоке. Стремление российских властей наладить контакты с мусульманами в России и за ее пределами потребовало ввести в программу российских

университетов преподавание восточных языков. Приглашение в российские вузы первых арабских лекторов, организация учебных командировок и научных экспедиций на Ближний Восток способствовали установлению русско-арабских научно-образовательных контактов и улучшению арабистической подготовки русских востоковедов.

6. Формирование научно-просветительских связей России с Арабским Востоком происходило по светским и церковным каналам при непосредственном участии министерств иностранных дел и народного просвещения, а также Святейшего синода. Большую роль в этом процессе сыграла Русская духовная миссия в Иерусалиме, которая оказывала содействие восточным патриархам в вопросах просвещения местных христиан. С помощью арабских переводчиков, служивших при миссии, ее руководство установило хорошие отношения с православными арабами и организовало некоторые меры для их просвещения, заложив тем самым основу для развития школьной деятельности России в этом регионе.

7. Скоординированные действия Святейшего синода, МИД и российских представительств на Ближнем Востоке позволили укрепить церковные связи с арабским духовенством и организовать в Москве Антиохийское подворье, которое стало центром языковой и культурной адаптации православных арабов, отправленных на обучение в Россию. Арабские выпускники российских учебных заведений составили контингент служителей церкви, профессиональных ученых и педагогов, преподававших в России и на Востоке, в том числе в школах Православного палестинского общества.

8. Качество образования в учебных заведениях ИППО во многом зависело от взаимопонимания между русскими и арабскими сотрудниками школ и инспекций. Русско-арабское сотрудничество осуществлялось на всех уровнях организации школьного дела: в разработке и внедрении учебных программ и инструкций, инспекторском контроле, а также учебном процессе. Поскольку русских служащих в школах ИППО было мало, и они, как правило, не владели арабским языком, основную педагогическую работу выполняли арабы. По мере того, как русские педагоги и инспекторы дольше оставались на службе общества, успевая адаптироваться к

местным условиям и освоить арабский язык, а учебные заведения ИППО пополнялись арабскими выпускниками русских учебных заведений, русско-арабская коммуникация и профессиональное сотрудничество улучшались.

9. Арабские лекторы, окончившие школы ИППО и российские высшие учебные заведения, как правило, более эффективно преподавали арабский язык в российских вузах по сравнению со своими предшественниками, которые недостаточно хорошо владели русским языком. Их научная и педагогическая деятельность в России способствовала углублению русско-арабского научно-образовательного взаимодействия, которое не прекратилось и после революции 1917 года.

Структура диссертации формируется по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников.

Степень разработанности темы. Источниковый и историографический обзор, представленный во введении данной диссертации, свидетельствует о существовании широкого спектра опубликованных источников и научной литературы, в которых рассматриваются вопросы русско-арабского культурного взаимодействия в различных его аспектах. Тем не менее отдельные работы, посвященные научно-просветительским связям России с Арабским Востоком в XIX в., в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют.

Источники

Источниковой базой исследования послужил объемный пласт архивных и опубликованных документов и материалов, выбор которых определялся темой диссертации, ее хронологическими и географическими рамками, а также спектром изучаемых проблем.

Архивные материалы

Вопросы культурных контактов России с Арабским Востоком в XIX веке относились к сфере международных отношений и решались при непосредственном участии Министерства иностранных дел, которое являлось крупным документообразователем. Вследствие этого огромный массив документов и материалов, связанных с историей взаимоотношений России с Османской империей, в том числе и ее арабскими областями, хранится в Архиве внешней политики Российской империи и его многочисленных фондах. Документы, касающиеся ближневосточной политики России, церковных взаимоотношений с восточными патриархатами, дипломатической и торговой активности России на Ближнем Востоке отложились в фондах: 151 «Политический архив», 149 «Турецкий стол», 161/1 «Политические донесения по Ближнему и Среднему Востоку». В фонде «Политический архив» документы подобраны по тематически-хронологическому и географическому принципам. В состав нарядов входят всеподданейшие доклады, записки, проекты, телеграммы министров иностранных дел и консульских представителей на Ближнем Востоке. В материалах, распределенных по странам, отложилась переписка МИД России с российскими миссиями и консульствами на Востоке, в которых отражается международное положение, экономическое состояние и взаимоотношения России с такими странами как Египет, Ирак, Сирия, Ливан и др. Фонд «Турецкий стол» содержит 11 967 единиц хранения. В материалах этого фонда содержатся сведения о деятельности российских консульских учреждений на территории Османской империи, личном составе дипломатических представительств, русских

подданных за границей, переходе османских подданных (в том числе и арабов) в российское подданство, командировках, раскопках, сооружении церквей и монастырей и др.

Вместе с тем большой массив документов на русском, французском, греческом, итальянском и арабском языках, связанных с дипломатической деятельностью России на Ближнем Востоке, торговлей, русскими подданными в Османской империи, а также организацией паломничеств в Палестину и Мекку содержится в фондах: 208 «Консульство в Бейруте», 313 «Вице-консульство в Яффе», 206 «Генеральное консульство в Багдаде, 317 «Дипломатическое агентство и генеральное консульство в Египте», 207/ 2 «Консульство в Бассоре (Басре)» и др. Среди документов, отложившихся в этих фондах, находятся донесения и переписка русских консулов с посланником в Константинополе и Азиатским департаментом, местными властями и консульскими агентами местного происхождения. Изучение документальных материалов, содержащихся в этих фондах, позволяет сформировать представление о политических, церковных и торговых взаимоотношениях России с Османской империей, деятельности российских дипломатических представительств, а также русско-ближневосточных гуманитарных контактах, что является необходимым основанием для изучения культурных связей.

Научно-образовательные контакты России с Арабским Востоком устанавливались при участии Министерства иностранных дел и осуществлялись преимущественно в образовательных учреждениях в России и арабских странах, а также во время командировок российских специалистов на Восток. Документы и материалы, содержащие фактический материал для изучения данного вопроса, находятся в фондах 153 «Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте», 161 «Санкт-Петербургский главный архив», 149 «Турецкий стол», 208 «Консульство в Бейруте», 337/2 «РИППО» (Российское императорское православное палестинское общество).

В фонде «Учебное отделение...» сохранился объемный пласт документов и материалов, в которых отражена история российского востоковедения,

организации и деятельности учебных заведений, ориентированных на подготовку специалистов для службы на Востоке.

Проблеме подготовки российских востоковедов, способных коммуницировать с «азиатскими» народами, и методам ее решения посвящены проекты известного политического деятеля С. Потоцкого¹ и министра народного просвещения П. Завадовского², предлагавших открыть востоковедные учебные заведения.

Ценные сведения об учреждении Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД, его преподавателях, выпускниках и местах их дипломатической службы сохранились в деле, посвященном этому учебному заведению³. Особый интерес представляет записка «Об Учебном отделении восточных языков», составленная в 1886 г. его руководителем М.А. Гамазовым, а также записка, составленная в 1894 г. секретарем и драгоманом российского генерального консульства в Бейруте Н. Стребулаевым. В записках, в частности, указывалась главная цель УОВЯ – подготовка переводчиков и дипломатов к службе в восточных странах, которую следовало вверить «профессорам практикам уроженцам Востока».

Получить представление о востоковедной подготовке в УОВЯ можно благодаря программам, по которым вели занятия и принимали экзамены Ж.Ф. Деманж, Ф. Шармуа, М.Д. Топчибашев и шейх Тантави⁴. Сведения о службе французских профессоров, в частности Деманжа, обстоятельств его увольнения из УОВЯ и назначения шейха Тантави содержатся в личном деле французских профессоров⁵. Анализ информации, представленной в списках «Обучавшихся в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД с 1823 г.»⁶, а также местах их службы на Востоке позволяет сделать вывод о постепенном улучшении

¹ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101 [Учебное отделение восточных языков. Учреждение Отделения, регламенты, записки, проекты]. 1823-1853, 1916.

² АВПРИ. Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 94 [Проекты об образовании Академии школы восточных языков]. 1806, 1820 – 1825.

³ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. [1823. Проект организации Учебного отделения восточных языков].

⁴ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 102 ч. 4, ч. 5 [Examens 1826 – 1844. Programme].

⁵ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 107 [Личное дело Коллежских советников Шармуа и Деманжа профессора Учебного Отделения Восточных языков]. 1826 – 1840.

⁶ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97 [Проект организации Учебного отделения восточных языков] 1823; Д. 147 [О чиновниках, окончивших учебное отделение восточных языков] 1856 – 1866 .

арабистической подготовки российских дипломатов. В материалах фонда сохранились интересные сведения о поиске лекторов восточных языков для УОВЯ на Востоке, педагогической деятельности шейха Тантави, И. Нофаля¹, Герасима (Яреда), а также лекторов турецкого и персидского языков.

Проблемы коммуникации с восточными народами волновали не только МИД, но и региональные российские власти, о чем свидетельствуют предложения об учреждении училищ восточных языков в Одессе (1826 г.)² и в Казани (1829 г.)³, поступавшие на рассмотрение в Министерство иностранных дел. В фонде отложилась переписка 1829 г. министра иностранных дел К.В. Нессельроде с министром внутренних дел А.А. Закревским, министром финансов Е.Ф. Канкриным, оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном и др. о необходимости иметь на службе в местностях пограничных с азиатскими странами специалистов с востоковедным образованием⁴.

В материалах фонда содержится информация о проектах преобразования востоковедных отделений в С.-Петербургском университете и Лазаревском институте восточных языков. Особый интерес представляет проект «О необходимости учреждения при С. Петербургском университете Отделения восточных языков и словесностей»⁵, который был разработан видными востоковедами того времени и содержал новые принципы теоретической и практической подготовки востоковедов, включая необходимость языковой практики с носителями языка в России и научных командировок в страны Востока.

Вместе с тем в фонде «Учебного отделения...» отложились материалы о направлении его выпускников в Персию и Турцию, где они должны были на практике усовершенствовать турецкий и персидский языки для последующей

¹АВПРИ Ф. 153. Оп. 668. Д. 101 [Учреждение отделения, регламенты, записки, проекты и т.п.]. 1823 – 1853, 1916; Д. 169 [О приглашении драгомана Азиатского департамента, Барона Гинзбурга временно занять в Отделении Восточных языков Кафедру арабского и французского языков за болезнью Г. Нофаля].

²АВПРИ Ф. 153. Оп. 668. Д. 292 [Об учреждении в Одессе училища восточных языков]. 1826.

³АВПРИ Ф. 153. Оп. 668. Д. 113 [Об учреждении в Казани училища восточных языков и о предоставлении молодым людям, окончившим здесь курс учения средств с продолжением государственной службы]. 1829.

⁴См. там же.

⁵АВПРИ. Ф.153. Д.118 [О проекте Отделения восточных языков при Санкт-Петербургском университете] 1832.

дипломатической службы¹, а также первой научной командировке российских востоковедов на Ближний Восток, организованной Министерством иностранных дел и Министерством народного просвещения². В деле содержится копия с прошения выпускников УОВЯ А. Мухлинского и А. Гусева, находившихся в Турции, посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу о разрешении им направиться для изучения арабского языка в Египет и Сирию. Это прошение инициировало переписку между К.В. Нессельроде и министром народного просвещения С.С. Уваровым, который указывал на необходимость посещения востоковедами арабских стран для выполнения научных задач, поставленных русским правительством. Вместе с тем в деле отложились донесения российского посланника в Константинополе в Азиатский департамент, а также «Копия с письма Кандидата Гусева Г. Посланнику Бутеневу из Каира от 25 сентября 1834 г.», которое представляет собой описание его путешествия из Турции в Египет. Особый интерес представляют сведения, содержащиеся в материалах дела, которые касаются организации научных командировок на Ближний Восток и роли МИД и МНП в этом процессе, практике обучения востоковедов в Османской империи, специфике их контактов с сирийцами и отношения местного населения к России.

Таким образом, документы фонда содержат объемный фактический материал об организации востоковедных учебных заведений, программах обучения по арабскому языку и литературе, истории, географии Ближнего Востока, преподавателях восточных языков, специфике их педагогической и научной деятельности, качестве образования и арабистической подготовке будущих переводчиков и дипломатов.

Сведения о командировках русских востоковедов на Ближний Восток (В.Ф. Диттеля и И.Н. Березина³, В. Лагуса⁴, Н.И. Ильминского⁵), организованных

¹ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 19 [Официальные бумаги]. 1839.

² АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111 [О дозволении студенту Мухлинскому слушать лекции в Учебном отделении восточных языков и об отправлении как его так и студента Гусева в Константинополь на три года для усовершенствования их в восточной словесности]. 1828 – 1838.

³ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1 [Об отправлении Магистров Казанского Университета Диттеля и Березина на Восток с ученой целью и выдачи им сумм по сему случаю]. 1842 – 1848.

⁴ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 3 [Об отправлении доктора философии Лагуса на Восток для изучения Восточных языков]. 1851.

⁵ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1. [Об отправлении с ученой целью в Каир Магистра Казанской Духовной академии Николая Ильминского]. 1851.

университетами и Казанской духовной академией при участии Министерства иностранных дел, сохранились в материалах фонда «Санкт-Петербургский главный архив». В фонде отложились донесения российских консулов посланнику в Константинополе, в которых сообщалось о местонахождении, состоянии здоровья, финансах, занятиях и контактах русских востоковедов, которым дипломаты оказывали разностороннюю поддержку. Письма и отчеты русских ученых направлялись консулами и консульскими агентами посланнику в Константинополе. Он докладывал в Азиатский департамент МИД, который в свою очередь связывался с другими министерствами и ведомствами, сообщая о состоянии дел русских путешественников.

Помимо документов, посвященных научным путешествиям отечественных востоковедов, в фонде сохранился пласт материалов о командировках и экспедициях российских медиков и ученых-естественников, занимавшихся исследованиями в Египте и других областях Африки. Интересная информация о русско-арабском взаимодействии в естественно-научной сфере и производстве содержится в переписке между Министерством иностранных дел, российскими дипломатами на Востоке, Штабом корпуса горных инженеров, а также другими российскими ведомствами, возникшей вследствие желания Мухаммада 'Али получить сведения о новых способах золотодобычи в России и обучить им египетских инженеров¹. В документах указанного дела отражена история научно-просветительских связей Египта с Россией, формировавшихся на протяжении 10 лет, начиная от снабжения паши научными материалами по интересующим его вопросам, последующего обучения египетских инженеров на Урале, их дружеских и профессиональных отношений с наставником Е.П. Ковалевским и заканчивая его экспедицией в Африку, организованной по просьбе Мухаммада 'Али. Вместе с тем в деле содержится объемный материал о добыче золота в России, подготовленный Е.П. Ковалевским для

¹ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 2 [О сообщении Египетскому Вице-королю описания нового способа добывать золото из золотоносных песков; - о поручении майору Гурьеву перевести на французский язык; - о посылках инженеров; - о присылках в Россию людей Египетского паши для распознавания и разработки золотоносных россыпей и о пожаловании Египетским Пашою, Полковнику Ковалевскому золотой табакерки]. 1838 – 1848.

паши Египта, снабженный многочисленными таблицами, схемами и чертежами, в частности золотопромывальных устройств при Миасских золотых рудниках.

Отдельное дело сформировали документы и материалы, относящиеся к командировке ученого ботаника Л.С. Ценковского, отправленного в Египет вместе с Е.П. Ковалевским¹. В деле сохранилась переписка между Министерством иностранных дел и Русским географическим обществом, отношения Министерства народного просвещения Азиатскому департаменту, донесения генерального консула в Египте посланнику в Константинополе, которые содержат сведения об организации командировки, путешествии по Африке, научных целях и исследованиях Ценковского.

Вместе с тем в фонде сохранилось небольшое дело о намерении Штаба корпуса горных инженеров отправить в 1845 г. в геологическую экспедицию в Персию и Османскую империю ученого-географа П.А. Чихачева². Однако, по рекомендации Министерства иностранных дел, экспедиция была отложена из-за неблагоприятных политических обстоятельств.

Существенно дополняют картину научно-просветительских связей России с Арабским Востоком документальные материалы, посвященные командировкам русских медиков А. Уманца³ и А.А. Рафаловича⁴, отправленных в разные годы в Египет в составе специальных комиссий для изучения чумы и карантинных мер. В переписке между посланником в Константинополе и генеральным консулом в Египте, его отношениях Медицинскому департаменту МВД, а также «копии рапорта к г. Новороссийскому и Бессарабскому Генерал Губернатору от Комиссии для произведения опытов очищения зачумленных вещей посредством усиленной

¹ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 10. Оп. 48. Д. 2 [Об отправлении в Египет магистра Ценковского для исследования естественных произведений]. 1847.

² АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 10. Оп. 48. Д. 2 [О разрешении Коллежскому советнику Чихачеву отправиться в Персию и Азиатскую Турцию для геологических исследований]. 1845.

³ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 10. Оп. 48. Д. 1 [Об оказании содействия отправляющемуся за границу для проведения опытов очищения зачумленных вещей посредством усиленной теплоты: состоящему при Одесском карантине доктору Бюлеру, директору Одесского Карантинного дома Уманцу, медику того же карантина Черникову и статскому советнику Врачко]. 1841.

⁴ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 10. Оп. 48. Д. 1 [Об отправлении за границу для исследования чумы врачей Коробки и Рафаловича]. 1846.

теплоты, от 11/23 мая 1843» содержатся сведения об исследованиях русских медиков в Египте, а также их общении с коллегами на Востоке.

Анализ сведений, содержащихся в документах Фонда, позволяет говорить о том, что Россия была заинтересована в изучении Египта, проведении медицинских исследований, связанных с чумой, и естественнонаучных изысканий, в чем отечественным исследователям содействовали не только российские ведомства, но и египетские власти, которые предоставляли им необходимые условия для решения исследовательских задач.

В другой описи фонда «Санкт-Петербургский главный архив» сохранился внушительный пласт материалов и документов, касающихся духовного присутствия России на Ближнем Востоке, а также деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме, которая повлияла на развитие русско-арабских культурных связей. Для изучения первых просветительских программ России на православном Востоке представляет интерес «Проект инструкции...», разработанный для арх. Порфирия (Успенского) перед его отправлением на Восток. В документе указывался ряд просветительских мер, необходимых для поддержания православия в Палестине¹. Сам арх. Порфирий уделял большое внимание вопросам просвещения православных арабов, о чем свидетельствуют его записки о состоянии Палестинской церкви, а также об устройстве будущей духовной миссии в Иерусалиме, которую архимандрит составил по рекомендации посланника в Константинополе В. Титова в 1845 году². Весьма интересными являются замечания представителей МИД на записки арх. Порфирия, в том числе относительно училища при Русской духовной миссии.

Сведения об учреждении Русской духовной миссии, ее составе, финансовом обеспечении, а также распоряжениях, которые предполагалось сделать будущему ее начальнику, содержатся в материалах другого дела³. Там же сохранилась инструкция для архимандрита Порфирия, где были прописаны весьма ограниченные

¹ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д. 21 [Об отправлении духовного лица в Иерусалим]. 1839 – 1842.

² См. там же.

³ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д. 19 ч. 1 [Об учреждении Российской духовной миссии в Иерусалиме]. 1847.

меры, который он мог предпринять для просвещения православных арабов. Ценные сведения о состоянии православных учебных заведений, попечении о них греческого духовенства, а также содействии генконсула в Бейруте К.М. Базили просвещению местного населения и его отношении к этому вопросу, содержатся с копиях его донесений и рапортов посланнику в Константинополе. Выписка из донесения посланника директору Азиатского департамента, свидетельствует о том, что мнение о просветительских мерах греческого духовенства в отношении православных арабов в Министерстве иностранных дел формировалось под влиянием донесений К.М. Базили¹.

В копии с отношения генерального консула в Бейруте к поверенному в делах России в Турции А.П. Озерову, а также записке арх. Порфирия (Успенского) содержатся интересные сведения о деятельности патриаршего училища, организованного для греков и арабов, при содействии арх. Порфирия и К.М. Базили². Проанализировав информацию, содержащуюся в донесениях и рапортах Базили с 1847 по 1853 г.³, можно проследить как постепенно менялось его отношение к просвещению православных арабов.

О достижениях Русской духовной миссии в том числе в области арабского просвещения арх. Порфирий сообщал в отчетах и донесениях посланнику в Константинополе В.П. Титову, а также директору Азиатского департамента Л.Г. Сеньвину⁴.

Интересные сведения о научных занятиях миссии содержатся в отчетах арх. Порфирия за 1853 и 1854 гг.⁵, в которых упоминается об успехах членов миссии в изучении арабского языка, а также выполненных ими переводах произведений арабской христианской литературы под руководством местного наставника.

¹ См. там же.

² АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д. 15 [Училище, основанное в Иерусалиме для образования арабов, предназначенных в духовное звание]. 1847 – 1853.

³ См. там же.

⁴ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д. 15 [Училище, основанное в Иерусалиме для образования арабов, предназначенных в духовное звание]. 1847 – 1853.

⁵ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19. Ч.2 [О научных занятиях Духовной миссии в Иерусалиме] 1848 – 1855.

Важный блок документов, которые касаются церковно-дипломатических мер, направленных на просвещение православных арабов и получение ими духовного образования в России, хранится в фонде 149 «Турецкий стол», в делах, посвященных Антиохийскому подворью в Москве.

Основу этих документов составляет переписка Святейшего синода с МИД, а также Азиатского департамента с миссией в Константинополе, включая выписки из рапортов и донесений консула в Бейруте. Содержащиеся в документах сведения касаются учреждения Антиохийского подворья¹, его настоятелей (арх. Гавриила², еп. Кирилла³), материальной помощи Антиохийской патриархии и взаимоотношений с патриархом Иерофеем, а также отправлении сирийцев на обучение в Россию⁴.

В отдельное дело собраны документы, связанные с наследством настоятеля Антиохийского подворья митрополита Неофита, который завещал часть собранных им в России средств на просветительские нужды православных сирийцев⁵. Особый интерес представляют частные письма православных арабов из Дамаска, переданные в Святейший синод в 1857 г., в которых рассказывается о состоянии Антиохийской церкви, проблемах во взаимоотношениях православной арабской общины с греческим духовенством, отношении арабов к России и необходимости ее содействия в вопросах просвещения. Письма включены в конфиденциальную переписку между товарищем министра иностранных дел И.М. Толстым и обер-прокурором Святейшего синода А.П. Толстым⁶. В отношениях Святейшего синода Министерству иностранных дел, донесениях и рапортах российских дипломатов на Ближнем Востоке раскрывается комплекс церковно-дипломатических мер, направленных на то, чтобы убедить патриарха Иерофея назначить руководителем Антиохийского подворья в Москве представителя арабского духовенства⁷. В

¹ АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 502/1 Д. 3874. 1849.

² АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880 [Архимандрит Гавриил]. 1863.

³ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3881 [Епископ Кирилл]. 1874.

⁴ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3875 [Иеромонах Агапит]. 1850.

⁵ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/а. Д. 666 [Неофит, архиепископ ум. в Москве. Наследство] 1886 ; Оп. 502/1. Д. 3879. [Антиохийское подворье в Москве. Лица им заведующие]. 1860.

⁶ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877 [Предположение о назначении на место Неофита архимандрита Афанасия]. 1857.

⁷ См. там же.

доверительной переписке между посланником в Константинополе Н.П. Игнатьевым, директором Азиатского департамента П.Н. Стремоуховым, а также обер-прокурором Святейшего синода¹ была обозначена принципиальная позиция российских властей: не допустить на должность настоятеля подворья представителей греческого духовенства, которые препятствовали православным арабам в получении духовного образования в России. Изучение материалов, содержащихся в указанных делах, позволяет выявить роль Антиохийского подворья в развитии русско-арабских церковных связей, реализации просветительских программ России по отношению к православным арабам, а также участия в этом процессе Министерства иностранных дел и Святейшего синода.

Огромный массив документов, в которых нашла отражение история просветительской деятельности России на Ближнем Востоке, русско-арабских культурных и гуманитарных связей, отложился в фонде 337/2 «РИППО» (Российское императорское православное палестинское общество, а также фонде «Консульство в Бейруте». Несколько сотен дел в фонде РИППО посвящены школьной деятельности Палестинского общества. Дела, сгруппированные в основном по географическому и хронологическому принципам, содержат документы и материалы за каждый год по учебным заведениям в Галилейском, Иудейском, Южно- и Северосирийском учебных округах общества. Средний объем дела составляет более 150 рукописных листов. Основу документальных материалов, содержащихся в указанных делах, составляет переписка русских педагогов и инспекторов с руководством общества и генконсулом в Бейруте, отношения, донесения и сопроводительные записки школьных инспекторов в Совет ИППО, отчеты по деятельности школ за конкретные периоды. В фонде «Консульство в Бейруте» хранятся документы, связанные с просветительской деятельностью общества, а также католических и протестантских миссий в Сирии. Это материалы, посвященные школам общества в

¹ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/ а. Д. 3881 [Епископ Кирилл]. 1874.

районе Триполийского вице-консульства¹, Латакийского округа², школе в Хамате³, школам М.А. Черкасовой в Бейруте⁴, статистические сведения о школах и списки служащих, предоставлявшиеся генконсулу в Бейруте⁵, а также сведения о католических и протестантских учебных заведениях⁶. Вместе с тем в фонде содержится дело с материалами о командировке в Сирию секретаря общества А.А. Дмитриевского, которому следовало изучить состояние сирийских школ ИППО, чтобы решить вопрос их дальнейшего существования⁷. Особый интерес представляют материалы совещания, состоявшегося 27 января 1910 г. в Дамаске⁸ с участием А.А. Дмитриевского, уполномоченного российским посольством в Константинополе Н.В. Кохманского, помощника инспектора Галилейских школ А.А. Стасевича, а также консула в Дамаске Б.Н. Шаховского, во время которого обсуждались проблемы сирийских школ ИППО и меры, которые следовало принять для улучшения учебного процесса.

В другом деле фонда отложились документы и материалы, в которых содержатся сведения о начальном этапе просветительской работы ИППО, учреждении первых школ, деятельности А.Г. Кезмы в качестве агента общества, его координации с руководством, контактах с российскими представителями на Ближнем Востоке, а также греческим духовенством⁹. Там же находится инструкция, данная Кезме Палестинским обществом, донесения и.о. консула в Иерусалиме посланнику в Константинополе относительно действий агента ИППО, переписка М.П. Степанова и К.Д. Петковича по вопросам устройства школ и др.

Ценные материалы, касающиеся дальнейшего устройства школ и русско-арабского взаимодействия в этом процессе, содержатся в фонде РИППО.

¹ АВПРИ. Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 283 [Школы ИППО в округе Триполийского Вице-Консульства]. 1902 – 1914.

² АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 285 [Школы ИППО в Латакийском округе]. 1904.

³ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 284 [Школа в Хамате]. 1903.

⁴ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 286 [Школы М.А. Черкасовой]. 1906 – 1914.

⁵ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 276. 1898.

⁶ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 296. [Школы в Бейруте и Сирии]. 1890.

⁷ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 288 [Школы ИППО. Д.С.С. Дмитриевский. Командировка его по делам ИППО]. 1909 – 1910.

⁸ См. там же.

⁹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273 [Православное палестинское общество]. 1882 – 1885.

Теоретические принципы организации обучения в школах и семинариях ИППО отражены в материалах педагогических комиссий, программах и инструкциях¹, разработанных для школ общества. Анализ данных материалов позволяет проследить, каким образом менялись программы и подходы к обучению в школах ИППО с течением времени. Для того, чтобы выяснить как именно эти программы реализовались на практике и какое влияние оказывали на учебный процесс, необходимо собрать и проанализировать фактический материал, сосредоточенный в многочисленных делах фонда.

Интересные сведения о работе женских школ общества, коммуникации арабских и русских учительниц содержатся в делах о Назаретской², Иерусалимской³, Бейт-Джалльской школах⁴, а также женской учительской семинарии. В материалах указанных дел отложились объемные и весьма информативные переписки начальниц женских школ: М.С. Савельевой⁵, М.П. Глебовой⁶, А.С. Петровой⁷, А.Ф. Клементовской⁸, Е.И. Голубевой, Е.М. Таракановой с В.Н. Хитрово, М.П. Степановым, а также генеральным консулом в Бейруте К.Д. Петковичем.

В переписке учительниц с руководством общества раскрываются проблемы, связанные с устройством школ, адаптацией к местной среде, поиском арабских учительниц и сотрудничеством с ними, коммуникацией с арабскими коллегами, детьми и местным населением, взаимоотношениями с греческим духовенством, русскими представителями на Ближнем Востоке и османскими властями. Вместе с тем среди материалов сохранились инструкции для начальниц школ, а также написанные ими отчеты по учебным заведениям за определенные периоды. Поскольку отчеты нередко составлялись в произвольной форме, весьма трудно проследить

¹ АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 438 [Педагогические съезды учителей и выработка программ и инструкций для школ общества]. 1888 – 1902.

² АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 362 – 368 [О Назаретской женской школе].

³ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 390 – 392 [О Иерусалимской женской школе общества].

⁴ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 371 – 387 [О Бет-Джалльской женской учительской семинарии и иудейских школах общества].

⁵ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 362 [О Назаретской женской школе]. 1885 – 1886.

⁶ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 371 [О Бет-Джалльской женской учительской семинарии и иудейских школах общества]. 1886.

⁷ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 368 [О Назаретской женской школе]. 4 января 1895 – 16 декабря 1899.

⁸ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 390 [О Иерусалимской женской школе общества]. 12 августа 1898 – 31 декабря 1904.

некоторые школьные процессы в динамике, в частности работу арабского педагогического штата. В то же время встречаются весьма обстоятельные отчеты. Один из них был составлен начальницей Бейт-Джалльских учебных заведений Е.М. Таракановой за 1893 – 1894 гг.¹. В отчете указаны имена русских и арабских педагогов, классы в которых они преподавали, списки детей и сведения об их успеваемости, а также пройденном по каждому предмету материале.

Следующий блок документов фонда РИППО, в котором содержится фактический материал о русско-арабских культурных связях, включает донесения, сопроводительные записки, отношения школьных инспекторов (Д.Ф. Богданова, П.П. Николаевского², П.И. Ряжского³, И.И. Спасского⁴, и др.) в Совет общества. Большой интерес представляет отчет А.И. Якубовича об организации сирийских школ общества⁵, а также переписка Д.Ф. Богданова с В.Н. Хитрово⁶ по поводу развития школьного дела на севере Сирии, постановки учебного процесса и финансовых вопросов. Из документов, поступавших от школьных инспекторов в канцелярию общества, можно получить детальное представление о состоянии школ, учительском составе и составе инспекций, взаимодействии инспекторов с арабскими общинами по вопросам строительства и ремонта школьных помещений, обеспечении школ учебным инвентарем и пособиями, (а также их подготовке и переводах), организации школьных библиотек, формировании педагогического штата, организации, контроле и корректировке учебного процесса, профессиональных и дружеских взаимоотношениях с арабскими педагогами и секретарями инспекций. Вместе с тем дела содержат переписку инспекторов с русскими учительницами, которая свидетельствует о не всегда простом характере взаимоотношений между русскими сотрудниками школ. Большой интерес представляют протоколы педагогических

¹ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 374 [О Бет-Джалльской женской учительской семинарии и иудейских школах общества]. 1893 – 1894.

² АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 339 [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах общества]. 1899.

³ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 354 [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах]. 1909.

⁴ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416 [О Северо-сирийских школах Общества]. 14 января 1906 – 10 декабря 1907.

⁵ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393 [О Южно-Сирийских школах Общества]. Июнь 1895 – 23 декабря 1896.

⁶ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409 [О Северо-Сирийских школах общества]. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899.

советов, в которых участвовали русские и арабские педагоги Назаретской семинарии, обстоятельные отчеты о школах, написанные инспекторами, их помощниками и арабскими учителями. В документах, которые инспекторы отправляли в Совет ИППО, содержались сведения об арабских педагогах, их биографии, личных качествах, педагогической деятельности, а также роли, которую они играли в школьном деле общества.

В целом документы и материалы фонда РИППО содержат ценную информацию о трудностях и успехах организации школ и учебного процесса, разработке и внедрении учебных программ, специфике преподавания отдельных дисциплин, профессиональном взаимодействии русских и арабских сотрудников школ и инспекций, их отношениях между собой и с местным населением. Изучение документов и материалов, отложившихся в указанных делах, позволяет сформировать объективное представление о том, как развивалось школьное дело на протяжении нескольких десятилетий и какие факторы этому способствовали.

Ценные материалы, содержащие сведения о русско-арабских контактах в сфере образования, отложились в фондах «РИППО» и «Консульство в Бейруте» в делах, посвященных экскурсиям на Ближний Восток, которые были организованы для русских студентов и педагогов¹. Вместе с тем в документах фонда «Консульство в Бейруте» содержится информация о биографии арабских ученых, педагогов и агентов ИППО, сыгравших важную роль в развитии русско-арабских культурных связей: А.Г. Кезме, Г. Сарруфе², Г.А. Муркосе³, Селиме Хури⁴ и др.

Внушительный пласт документов и материалов, в которых отразилась история научно-просветительских контактов России с Арабским Востоком хранится не только в АВПРИ, но и в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ), прежде всего в фондах образовательных учреждений, где учились или работали арабы. В связи с этим следует упомянуть фонды Вифанской духовной семинарии, Московской духовной академии и Лазаревского института восточных языков. В

¹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 302. [Научные командировки и образовательные экскурсии]. 1910 – 1914.

² АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 163 [Переписка о Ливане]. 1861 – 1864.

³ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 662 [Духовное завещание Муркоса]. 1911 – 1912.

⁴ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 498 [Подданство]. 1911 – 1913.

одной из описей фонда Московской духовной академии (МДА) хранятся личные дела ее воспитанников, среди которых были и арабы: С. Абуд¹, И. Абурус², А.Г. Кезма³, Я. Х. Ханания⁴, П.К. Жузе⁵, А. Шамиэ⁶, А. Хаким⁷ и др. В личных делах студентов МДА содержатся сведения об их происхождении, целях поступления, обучении и успеваемости, переводах в другие учебные заведения или уходе из Академии, перечни прослушанных дисциплин, дипломы и различные прошения. Все это имеет немаловажное значение для уточнения биографических данных арабских ученых, педагогов и деятелей культуры, которые жили и работали в России.

Документы, содержащие информацию о научной и педагогической деятельности сирийцев в Москве, отложились в фонде Лазаревского института восточных языков. Подобно УОВЯ Лазаревский институт был ориентирован на подготовку востоковедов-практиков, следовательно приглашал в качестве преподавателей носителей восточных языков. В фонде ЛИВЯ сохранились личные дела и другие документы, связанные с арабскими учеными и преподавателями в России, прежде всего Г.А. Муркосом и М.О. Атгаей. Широкий спектр сведений о педагогической и научной деятельности Муркоса, а также список его научных и публицистических трудов содержится в нескольких делах фонда⁸. Сведения о биографии и профессиональной деятельности М.О. Атгаи сохранились в его личном деле⁹. Среди документов, включенных в личное дело Атгаи, находится формулярный список о его службе, ведомости, прошения, протоколы заседания Специальных классов, изучение которых позволяет получить представление о семье Атгаи, его педагогической и научной деятельности в ЛИВЯ, научных и дидактических трудах, программах курса арабского языка, взаимоотношениях с Муркосом и студентами,

¹ ЦИАМ. Ф. 229. Московская духовная Академия. Оп. 4. Д. 4 [Абуд Спиридон]. 1854 – 1855.

² ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5 [Абурус Илья, Иеромонах Игнатий]. 1903.

³ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1676 [Кезма Александр Гаврилович]. 1882 – 1883.

⁴ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4602 [Хабиб Ханания Яков Христофорович студент]. 1890 – 1896.

⁵ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1330 [Пантелеймон Жузе]. 1892 – 1896.

⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4772 [Шамиэ Александр студент]. 1894 – 1898.

⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4605 [Хаким Александр студент]. 1904 – 1908.

⁸ ЦИАМ. Ф. 213. Лазаревский институт восточных языков. Оп. 2. Д. 177 [О предоставлении звания и.о. ординарного профессора специальных классов Георгию Муркосу]. 1896 – 1897.

⁹ ЦИАМ. Ф. 213 Оп. 2. Д. 12. [Личное дело преподавателя практических занятий в Специальных классах по арабскому языку Михаила Атгаи]. 1873 – 1916.

сотрудничестве с ИППО и Московским археологическим обществом, орденах и наградах, присвоенных ему за отличную службу. Сведения о педагогической и научной деятельности Аттая, его взаимоотношениях с коллегами, в частности с А.Е. Крымским, содержатся также в других делах фонда¹.

Таким образом, в фондах АВПРИ и ЦИАМ отложился объемный массив документов и материалов, касающихся ближневосточной политики России, деятельности российских дипломатических представительств, учреждения и функционирования отечественных востоковедных центров, занимавшихся подготовкой специалистов для службы на Востоке, организации научных командировок и экспедиций в арабские страны, обучения, научной и педагогической деятельности арабов в России, российских школ в Сирии и Палестине. Привлечение указанных архивных материалов, большинство из которых вводится в научный оборот впервые, позволяет решить поставленные в исследовании задачи и придать ему характер объективности.

Опубликованные источники

К опубликованным источникам, используемым в диссертации, относятся документы, отчеты, описания путешествий, письма, воспоминания, статьи и сообщения ученых, педагогов, религиозных деятелей и сотрудников ИППО, которые во многом дополняют сведения, содержащиеся в архивных материалах, позволяя рассмотреть изучаемые вопросы с различных сторон.

К первой группе источников следует отнести фундаментальное собрание документов по истории русского духовного и политического присутствия на Ближнем Востоке, которые были опубликованы в трехтомном издании «Россия в Святой земле»², подготовленном Н.Н. Лисовым. Первый том посвящен деятельности русских учреждений на Ближнем Востоке (дипломатическим представительством,

¹ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1102. [Переписка с попечителем Учебного Округа о разрешении на выдачу вознаграждения преподавателю мусульманского права]. 1900 – 1901; Ф. 213. Оп. 2. Д. 11. [Аттая Михаил. Преподаватель специальных классов]. 1912; Ф. 213. Оп. 1. Д. 1527. [О рассмотрении прошений профессора А. Крымского о проверке подлинности диплома преподавателя М.О. Аттая].

² Россия в Святой Земле: документы и материалы / сост., подготовка текста, вступ. статья и комм. Н. Н. Лисового. Т. 1. М., 2015; Т. 2. М., 2017; Т. 3. М., 2020.

Палестинскому комитету и Палестинской комиссии). В разделе, озаглавленном «Императорское православное палестинское общество», представлены документы, тематически связанные с материальной основой русского присутствия в Святой земле, а также архитектурно-строительными проектами ИППО. Там же опубликовано несколько документов, имеющих непосредственное отношение к школьной деятельности Палестинского общества: донесения начальников учебных заведений ИППО А.Г. Кезмы и М.А. Черкасовой, помощника инспектора С.С. Аверкиева, а также доклад П.И. Рязского вице-председателю ИППО А.А. Ширинскому-Шихматову. Материалы второго тома издания посвящены деятельности Русской духовной миссии с 1847 по 1917 гг. Для изучения истории русско-арабских научных связей особый интерес представляют документы 1915 г., связанные с докладом сенатора Е.П. Ковалевского, в котором содержалось предложение о создании русского археологического института в Палестине и привлечении к сотрудничеству образованных арабов¹. В третьем томе указанного издания также содержатся документы, посвященные образовательной деятельности учебных заведений ИППО, в частности, назаретских школ и семинарии².

В собрании сочинений основателя и секретаря Православного палестинского общества В.Н. Хитрово опубликованы его письма к директору мужской учительской семинарии в Назарете А.Г. Кезме³. В этой части эпистолярного наследия В.Н. Хитрово содержится ценная информация о русско-арабском сотрудничестве в вопросах арабского просвещения и организации школьного дела.

Солидная подборка материалов, посвященных взаимоотношениям Русской и восточных православных церквей, содержится в монографии Н.Н. Лисового и И.Ю. Смирновой⁴. Изучение опубликованных документов, связанных с историей дипломатических и церковных отношений России с православным Востоком

¹ Россия в Святой земле... Т. 1. М., 2000. С. 339.

² Россия в Святой земле... Т. 3. М., 2020. С. 596.

³ Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия/ Сост., подг. текста и комментарии Н.Н. Лисового и Л.А. Герд. М.: ИППО; СПб.: «Издательство Олега Абышко». 2012.

⁴ Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб.: «Нестор-История», 2015.

необходимо для понимания специфики формирования и развития русско-арабских культурных связей.

Весьма содержательные документы и материалы по истории школьной деятельности ИППО были опубликованы в последние годы А.Г. Грушевым¹ и П.В. Федотовым².

Важнейшим источником для изучения научно-образовательных связей России с Арабским Востоком, в том числе деятельности ИППО, являются материалы периодической печати, изданные самим обществом. Речь идет о «Сообщениях Императорского православного палестинского общества», которые издавались с 1886 по 1916 гг. и составили более 20 томов. На страницах «Сообщений» публиковались письма и отчеты составленные начальниками и инспекторами учебных заведений ИППО: А.Г. Кезмой³, М.С. Савельевой⁴, Е.М. Таракановой⁵, А.И. Якубовичем⁶ и др. Оригиналы некоторых этих отчетов и писем хранятся в фонде «РИППО». В отличие от архивных дел, в которых собраны все имевшиеся материалы об учебных заведениях за конкретный период, в СИППО публиковались лишь наиболее информативные и позитивные отчеты и письма, обладавшие хорошей литературной формой. Письма, в которых содержались сведения о неподобающем поведении учителей, ссорах между сотрудниками ИППО, конфликтах с местным населением, греческим духовенством и османскими властями в «Сообщениях...», как правило, не размещались. Помимо отчетов по школам, в СИППО публиковались весьма интересные сообщения о выездных прогулках семинаристов⁷, а также экскурсиях русских студентов и педагогов на Ближний Восток.

¹ Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22).

² Федотов П.В. Кадровая политика Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке (1882 – 1914 гг.): Русские сотрудники учебных заведений // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. Вып. 2.

³ Отчет начальника Назаретского пансиона А.Г. Кезма за учебный 1895 – 1896 г. // СИППО. Вып. 2. 1897.

⁴ Извлечения из писем М.С. Савельевой начальницы женской школы в Назарете. 23 января 1886. // СИППО. Май 1886. №5.

⁵ Отчет по Бейт-Джалльскому женскому пансиону за учебные 1890 – 92 гг. // СИППО. Октябрь 1892.

⁶ Выписка из письма старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича от 8 мая 1891 г. // СИППО. Февраль 1892.

⁷ Пасхальная прогулка воспитанников Назаретской Василия Николаевича Хитрово семинарии в 1904 г. Из отчета преподавателя Николая Сака // СИППО. Т. XVI. Вып. 3. 1905.

На страницах СИППО часто встречаются отчеты и другие материалы по образцовым школам и учительским семинариям в Назарете и Бейт-Джале, где учебный процесс осуществлялся наиболее эффективно. Сведения о других начальных школах общества в Сирии в «Сообщениях» публиковались реже. Проследить динамику развития школьного дела некоторым образом позволяют отчеты о проведенных в школах ревизиях, которые в разное время выполнили В.П. Кулин, В.А. Латышев¹, Н.М. Аничков², А.А. Дмитриевский. Важным источником статистических данных о количестве и типах школ, арабских и русских учителях, состоящих на службе общества, а также учениках являются отчеты по учреждениям ИППО, опубликованные в приложениях³.

Ценные сведения о школах Палестинского общества можно найти в таких разделах СИППО как «Летопись Палестинского общества» и «Вести с православного Востока».

Получить представление о том, как было организовано учебное и внеклассное время воспитанников Назаретской семинарии, можно из «правил» поведения семинаристов⁴, опубликованных А.Г. Кезмой, а также сообщений о праздниках и торжественных мероприятиях. Помимо Кезмы, свои заметки и статьи в СИППО размещали и другие арабские авторы: К.И. Каназе⁵, А. Жерьес, А. Баллан⁶, П.К. Жузе⁷, Ю. Халеби⁸, которые также сотрудничали с Палестинским обществом. В опубликованных арабскими учеными и педагогами сообщениях содержатся

¹ Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества (из отчета директора народных училищ С.-Петербургской губернии В.А. Латышева по командировке в Палестину и Сирию в 1897 г.) // СИППО. Вып. 3. 1897.

² Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии // СИППО. Т. XI – XII. 1899.

³ Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского общества 28 апреля 1913 // СИППО. Т. XXIV. Вып. 2. 1913.

⁴ Правила для воспитанников Назаретской В.Н. Хитрово учительской семинарии Общества // СИППО. Т. XV. Вып. 1. 1904.

⁵ Каназе К.И. Из Назарета (Корреспонденция). Двадцатипятилетний юбилей службы начальника Назаретской учительской семинарии А.Г. Кезма в учебных заведениях Императорского Православного Палестинского Общества // СИППО. Т. XIX. Вып. 4. 1908.

⁶ Баллян А.Д. Влияние Германии и Италии в Сирии и Палестине. Корреспонденция // СИППО. Т. XXV. Вып. 1 – 4. 1914.

⁷ Жузе П.К. Устав Антиохийской православной церкви. Т. XVII. Вып. 1. СПб., 1906; Жузе П.К. Епархии Антиохийской Церкви. Исторический этюд по истории антиохийской церкви // СИППО. Т. XXII. Вып. 4. 1911.

⁸ Халеби. Ю. Из Сирии. 25-летний юбилей архипастырской деятельности Епифанского митрополита Григория // СИППО. Т. XXIII. СПб., 1912.

ценные сведения об учебных заведениях Сирии и Палестины, а также по истории Антиохийской церкви.

Помимо материалов о школах и семинариях общества, в СИППО публиковались сообщения о католических и протестантских учебных заведениях¹, анализ которых позволяет сравнить подходы ИППО и инославных миссий в организации учебного дела.

В целом, в «Сообщениях» Палестинского общества содержится широкий спектр сведений о деятельности учебных заведений в Сирии и Палестине: организации школ и постановке учебного процесса, методиках преподавания различных дисциплин, а также успехах русско-арабского профессионального сотрудничества.

Помимо «Сообщений» ИППО, обществу принадлежало и другое периодическое издание – «Палестинский сборник», который вновь стал выходить в свет с 1954 г. На страницах «Палестинского сборника» до сих пор публикуются документы и статьи, посвященные культурным связям России с православным Востоком.

Важным источником для изучения культурно-религиозных контактов России с Ближним Востоком служат материалы, опубликованные в других периодических изданиях дореволюционного периода: «Русский паломник», «Московские ведомости» и др.

Объемный пласт фактического материала о школах общества, специфике учебного процесса, русских и арабских педагогах содержится о отчетах Н.М. Аничкова, Н.В. Кохманского и А.А. Дмитриевского, которые были командированы на Восток для изучения школьного дела ИППО.

Отчет сенатора Н.М. Аничкова, посетившего Сирию и Палестину вместе с М.О. Атгаей в 1899 г., был издан в двух частях в 1901 и 1910 гг.². Будучи профессиональным педагогом, Аничков с помощью Аттаи подробно изучил школьную

¹ Латинская семинария св. Анны в Иерусалиме. Учебно-Воспитательная деятельность Франции в Сирии и Палестине // СИППО. Т. XXI. Вып. 4. 1910.

² Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета общества Н.М. Аничкова. Часть 1. Учебные заведения Сирии и Иудеи. СПб.: Типография Киришаума 1901; Ч. 2 Учебные и врачебные заведения Галилеи. СПб., 1910.

деятельность Палестинского общества, обстоятельно изложил информацию об учебных заведениях, педагогах, качестве преподавания дисциплин, а также специфике русско-арабской коммуникации, указав на проблемы в учебном процессе и пути к их разрешению.

В отчетах А.А. Дмитриевского¹ и Н.В. Кохманского,² составленных в 1910 г. и опубликованных недавно Н.Н. Лисовым и А.Г. Грушевым, учебному процессу уделялось меньше внимания. Тем не менее представляется интересным сравнить сведения, содержащиеся в указанных отчетах, с информацией, представленной в отчете Н.М. Аничкова, для того, чтобы проследить изменения, произошедшие в школьном деле за 10 лет.

Важнейшим источником для изучения научно-просветительских связей России с Арабским Востоком служат дневники, отчеты, описания путешествий в Османскую империю русских ученых и духовных деятелей. История церковных взаимоотношений России с Востоком, а также русско-арабских культурных связей нашла отражение в многотомных дневниках архимандрита Порфирия (Успенского). Первые пять томов «Книги бытия моего»³ посвящены многолетнему периоду пребывания арх. Порфирия на Востоке, в течение которого он день за днем фиксировал происходившие с ним события, свои впечатления и мысли. В дневниках содержится информация об учреждении Русской духовной миссии, состоянии местной культуры и образования, православных, протестантских и католических учебных заведений, взаимоотношениях Порфирия с греческим и арабским духовенством, в том числе и по вопросам просвещения, его общении с местными жителями, просветительских мерах, в которых архимандрит видел необходимость и его

¹ Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Машинописная копия без титульного листа, места и даты из АВПРИ ИДД МИД РФ. Публикатор Лисовой Н.Н. // Палестинское общество и русские школы на Востоке./ Под редакцией Лисового Н.Н. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2014.

² Кохманский Н.В. Отчет по командировке в Сирию для обследования вопроса о преобразовании школьной деятельности Палестинского Общества. (1910) / Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб.: «Контраст». 2016.

³ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки еп. Порфирия Успенского. Т. 1 – 8. СПб., 1894 – 1902; Путешествие по Египту и в монастыри святого Антонина Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. Архимандрита Порфирия Успенского. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1856.

достижениях в этой области, а также сотрудничестве с учителем и переводчиком миссии Фадлаллой Сарруфом. Таким образом, дневники арх. Порфирия содержат наиболее полную информацию о начальном этапе просветительской деятельности России на Востоке, а также его собственном участии в этом процессе.

Первостепенными источниками для изучения русско-арабских научных и образовательных контактов, дополняющими архивные материалы, служат опубликованные отчеты и описания путешествий русских востоковедов, медиков и ученых-естественников. В отличие от документов АВПРИ, в которых отражаются прежде всего вопросы организации командировок, решавшиеся между различными ведомствами, в отчетах путешественников содержится более полная информация об их научной деятельности на Ближнем Востоке, специфике общения с местным населением и профессиональных контактах. Сведения о первом научном путешествии на Ближний Восток, которое предпринял российский востоковед О.И. Сенковский, содержатся в его «Воспоминаниях о Сирии»¹, а также в биографической статье, написанной его учеником П. Савельевым². Весьма интересны упоминания О.И. Сенковского о его обучении в маронитском монастыре 'Айн-Тура, занятиях арабским языком, общении с арабскими семинаристами и местными жителями.

Источником информации о командировке в арабские страны, Турцию и Персию В.Ф. Диттеля³ и И.Н. Березина⁴, служит план научного путешествия составленный их учителем А.К. Казем-Беком⁵, а также отчеты, написанные востоковедами после их возвращения. Сравнительный анализ, содержащейся в указанных источниках информации, позволяет выяснить насколько востоковедам удалось выполнить поставленные Казем-Беком задачи, относительно посещения восточных библиотек, лекций местных ученых, а также общения с их учениками.

¹ Сенковский О.И. Воспоминания о Сирии. СПб.: «Лань», 2013.

² Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского XXII – XXIII/ Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса) Т. 1. СПб., 1858.

³ Диттель В. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку магистра Виллиама Диттеля. //Журнал Министерства народного просвещения. 1847. № 10.

⁴ Березин И. Обзор трехлетнего путешествия по Востоку магистра Казанского университета И. Березина. (из журнала Мин. Нар. Просвещения). 1847. № 7.

⁵Казембек М. План ученого путешествия по Востоку магистров Казанского Университета Диттеля и Березина. Казань: Университетская типография. 1841.

Сведения о русско-арабских контактах, изучении арабского языка и научных занятиях на Востоке, а также деятельности школ Палестинского общества, содержатся в письмах А.Е. Крымского¹ и воспоминаниях о путешествии И.Ю. Крачковского², написанных его женой.

Отчеты о своих путешествиях на Ближний Восток составляли не только русские востоковеды, но медики, а также ученые-естественники. Весьма интересные описания Египта и других частей Африки оставили А.А. Рафалович³, А. Уманец⁴, и Е.П. Ковалевский⁵. В работах исследователей содержатся важные сведения о влиянии реформ Мухаммада 'Али на социокультурную, бытовую и хозяйственную жизнь Египта, их научной деятельности на Востоке, контактах с коллегами египетского, а также европейского происхождения. Проанализировав информацию, содержащуюся в указанных отчетах и описаниях путешествий, можно получить представление о характере и эффективности коммуникации русских ученых с местным населением в бытовой и профессиональной сферах, а также просветительской составляющей этих контактов.

К особой группе источников следует отнести документы, письма, воспоминания, статьи и заметки о русско-арабских культурных связях, которые публиковались православными арабами в России и на Востоке.

Одним из первых на исторические связи России с Арабским Востоком указывал профессор Лазаревского института восточных языков православный сириец Г.А. Муркос. В своей статье «Интересы России в Палестине», опубликованной в преддверии открытия ИППО, он писал о необходимости учреждения русских школ на Ближнем Востоке и института для православных арабов в самой России, что должно было бы укрепить русско-арабские отношения⁶. Другой сириец, Тауфик из Дамаска, в 1904 г. опубликовал статью об отношении арабов к России, в которой

¹ Крымский А. Е. Письма из Ливана (1896–1898). М.: Наука, 1975.

² Крачковская В.А. Путешествие И.Ю. Крачковского на Ближний Восток (1908 – 1910 гг.) // Палестинский сборник. Вып. 25 (88): Культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. Л.: Наука. 1974.

³ Рафалович А. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям дельты. СПб.: Типография Якова Третьякова, 1850.

⁴ Уманец А. Поездка на Синай. С приобщением отрывков о Египте и Святой земле. Ч. 1 - 2. СПб., 1850.

⁵ Ковалевский Е.П. Путешествие во внутреннюю Африку. Часть 1-2. СПб., 1849.

⁶ Муркос Г.А. Интересы России в Палестине. М.: Университетская типография (М. Катков), 1882.

рассказал с каким почетом и уважением жители ливанских деревень встречали русского инспектора, прибывшего для проверки школ Палестинского общества¹. Автором этой статьи был Тауфик Кезма, выпускник Киевской духовной академии, который преподавал арабский и греческий языки в украинских учебных заведениях, а также публиковал статьи о российских востоковедах в арабских журналах. О русских ученых на страницах арабских периодических изданий писал лектор Петербургского университета Антуан Хацаб. Так, в журнале «ал-Машрик» он опубликовал некролог на смерть востоковеда В.Р. Розена, где осветил основные вехи его жизни и научной деятельности, отметил его педагогические заслуги, а также широкую известность и уважение в научных кругах². Антуан Хацаб и Тауфик Кезма были выпускниками российских учебных заведений и выступали популяризаторами русской науки и культуры на Ближнем Востоке.

Выпускником учебных заведений ИППО был Ас'ад Дагир. В 1901 г. он опубликовал статью, в которой предсказывал скорую победу русских школ над западными учебными заведениями в Великой Сирии³. Преимущества русских школ он видел в следующем: в покровительстве Палестинскому обществу императорской семьи, бесплатном обучении, русско-арабских религиозных связях, а также методах образования.

Истории Православного палестинского общества посвятил обстоятельный труд другой выпускник Назаретской семинарии Шукри Свидан, который эмигрировал в Америку⁴.

О том, что деятельность общества способствовала русско-арабскому культурному сближению, свидетельствует работа Афифы Абдо посвященная ее

¹ Дамаскин, Тауфик. Арабские симпатии к России // Московские ведомости. 1904. № 95.

² Хацаб, Антуан. Ал-барун Фиктур фун Рузин ал-мусташир ар-руси ал-'аллама аш-шахир (Барон Виктор фон Розен – выдающийся русский ученый-востоковед) // Ал-Машрик. 1908. № 3.

³ Дагир, Ас'ад. Ал-мадарис ар-русийа фи Сурийа (Русские школы в Большой Сирии) // Ал-Муктатаф. Каир, 1901. Октябрь.

⁴ Свидан, Шукри. Та'рих ал-джам'ийа ал-имбиратурийа ал-уртудуксийа ал-филастинийа 'ан руб' ал-карн. (История Императорского православного палестинского общества за четверть века). Бостон. Сурийа ал-Джадида пресс, 1912.

наставнице и коллеге, известной русской просветительнице Марии Черкасовой – Маме, как ее называли в Бейруте¹.

К источникам мемуарного характера следует отнести воспоминания выпускников учительских семинарий ИППО К.В. Оде-Васильевой² и М. Нуайме³, которые были опубликованы во второй половине XX века. Несмотря на то, что К.В. Оде-Васильева почти всю жизнь прожила в России, а М. Нуайме уехал из Полтавы в 1911 г., после окончания духовной семинарии, русская культура оказала огромное влияние на них обоих. В своих воспоминаниях, проникнутых чувством благодарности к России, авторы рассказывают о школах ИППО, образовательных программах, педагогах, которые любили своих воспитанников и внушали им чувство гордости за их отечество. По сравнению с авторами, писавшими о русских школах до революции, М. Нуайме и К.В. Оде-Васильева могли на основе своего жизненного опыта точнее определить роль просветительской деятельности ИППО в развитии арабской культуры.

Современные арабские исследователи нередко публикуют письма арабских ученых, преподававших в России, в том числе выпускников школ ИППО, а также документы, в которых содержатся сведения об учебных заведениях Палестинского общества. Арабская исследовательница Джульетт Арраси опубликовала в своей статье письма Антиохийского патриарха к митрополиту Триполи, в которых упоминается инспектор сирийских школ И.И. Спасский, а также вопрос о сохранении школьного имущества ИППО в период Первой мировой войны⁴. Хусайн аш-Шафи‘и, включил в свою монографию фрагменты переписки шейха Тантави с его другом и просветителем Р. ат-Тахтави. Письма арабских ученых и литераторов И.Ю. Крачковскому были опубликованы в монографии ‘Умара Махамида.

¹ Абдо А. Краткая история жизни Мамы – Марии Черкасовой, главы и основательницы русских школ Российского Императорского Православного Палестинского Общества в Бейруте // *Всматриваясь друг в друга. Россия и арабский мир: взаимное восприятие*. М.: ИВ РАН, 2013.

² Оде-Васильева К.В. Взгляд в прошлое // *Палестинский сборник*. М.-Л.: Наука, 1965. Вып. 13(76).

³ Нуайме М. Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980.

⁴ Арраси, Джульетт. Ал-мадарис ал-уртудуксийа фи минтакатай Хасбийя ва Мардж‘айун ма‘а индила‘ ал-харб ал-‘аламийа ал-ула (Православные школы в районах Хасбийи и Марджаюна с разгаром Первой мировой войны) // *Лубнан фи-л-харб ал-‘аламийа ал-ула*. (Ливан в Первой мировой войне). Бейрут. 2011.

Определенный интерес для изучения, а также последующего сравнения культурных контактов России и западных держав с Ближним Востоком представляют статьи, заметки и описания путешествий в арабские страны европейских ученых и миссионеров. Об учебных заведениях ИППО в Назарете весьма похвально отзывался в своей статье немецкий пастор, перевод которой был опубликован в российских изданиях¹. С. Грэхэм в своей работе писал о благотворительных учреждениях Палестинского общества². О состоянии просвещения в арабских странах и общении с местными жителями, в том числе и мусульманскими учеными, упоминали европейские востоковеды, которые долго путешествовали и жили на Востоке: К.Ф. Вольней³, Дж. Л. Буркхард⁴, Э. Лэйн⁵, У. Оусли⁶, Ф. Мишо⁷. Тему просвещения в Египте затрагивал в своем очерке медик французского происхождения А.Б. Клот-бей, служивший при дворе Мухаммада 'Али⁸.

Отдельную группу источников, необходимых для изучения профессиональной деятельности арабских ученых и преподавателей в России (Г. Муркоса, М. Аттая⁹, П. Жузе¹⁰, И. Нофаля¹¹ и др.), составляют их научные, дидактические и публицистические труды: статьи, пособия, словари, монографии. Ценные сведения о биографии арабских ученых содержатся в некрологах Г. Муркоса¹² и М. Аттая¹³, написанных их учениками.

¹ Отзыв протестантов о русских назаретских школах. *Warte des Tempels*/ 1891 № 23. Московские ведомости 1891. № 152.

² Graham S. *With the Russian pilgrims to Jerusalem*. London, 1913.

³ Вольней К.Ф. Путешествие Вольнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784, 1785 годах. М.: Унив. Тип., у Ридигера и Клаудия, 1795.

⁴ Burckhardt, John Lewis. *Travels in Syria and the Holy Land*, London 1992, Darf Publishers LTD, 668 p.; *Bedouins and Wahabys collected during his travels in the East*. London, 1831.

⁵ Лэйн. Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века. М., 1982.

⁶ Ouseley, William. *Travels in various countries of the East more particularly Persia*. Vol. 1. London, 1819.

⁷ Michaud M. *Correspondance D'Orient*. Paris, 1834.

⁸ Клот-бей. А.Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. СПб., 1843.

⁹ Аттая М. О. Арабско-русский словарь. М., 1913; Аттая М. О., Крымский А. Е. *Семь спящих отроков Эфесских*. М.: Типография Крестного календаря, 1914; Аттая М. О., Рябинин М. В. *Книга Калила и Димна*. М.: типография и словолитня О.О. Гербек, 1889.

¹⁰ Жузе П.К. *Ислам и просвещение*. Казань: Типография Университета, 1899; Жузе П.К. *Полный русско-арабский словарь*. Казань: Типо-литография. 1903.

¹¹ Нофаль И.Г. *Курс мусульманского права, читанный в 1884/85 г. в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте профессором И. Нофалем*: Пер. с фр. Вып.1 СПб.: Военно-учебный Ком. Глав. Штаба, 1886.

¹² Крымский А.Е. Некролог Муркоса// *Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества*. Т 4. М.: Типография крестного календаря А. Гатцука, 1913.

¹³ Беляев Е. А. М.О. Аттая. Некролог // *Известия*. 1924. № 214, 19. IX; Беляев Е.А. М. О. Аттая. Некролог // *Новый Восток*. Кн. 6. М.: Типо-литография «Искра революции», 1924.

Привлечение комплекса архивных и печатных источников, изучение содержащегося в них фактического материала позволяет по-новому взглянуть на историю русско-арабских культурных связей в их научно-образовательном аспекте, а также представить политический и социокультурный контекст в котором они существовали и развивались.

Историография

Теме русско-арабских взаимоотношений в различных ее аспектах посвящено немало исследований, опубликованных в России и за рубежом. Это статьи, монографии и учебные пособия, в которых получили отражение политические, дипломатические, церковные, культурно-просветительские, литературные и отчасти научные связи России с Арабским Востоком. Комплексные исследования о русско-арабских культурных связях в указанный период практически отсутствуют, как впрочем и специальные работы, посвященные научно-образовательному их аспекту.

Используя проблемно-хронологический метод, историографию культурных связей России с Арабским Востоком можно разделить на несколько периодов, в каждом из которых следует выделить основные подходы к изучению этой темы.

Отечественная историография

В дореволюционный период история контактов России с Арабским Востоком интересовала, прежде всего, ученых востоковедов. В это время изучались арабские источники по истории Руси, исследовались найденные в России средневековые арабские монеты. Важной особенностью европейского и российского востоковедения той поры был интерес к изучению древнего и средневекового Востока. Поскольку историей тогда считалось то, что было до XVI века (а то что после – предметом журналистики), Восток современный не являлся предметом классических штудий, следовательно, проблемы его культурных контактов находились за рамками востоковедных исследований. Тем не менее уже в этот период появились первые труды по истории российского востоковедения, в которых приводились сведения о русско-арабских контактах в науке и образовании.

Одним из первых российских ученых, упомянувших об арабских лекторах в России, был академик В. В. Бартольд. В своих трудах, посвященных изучению

Востока в России, он писал о шейхе Тантави, И. Нофале, А. Хащабе и других арабах, преподававших в Петербургском университете¹. В. В. Бартольд связывал приглашение «педагогов-туземцев» в российские вузы с преподаванием языковой практики, которая была необходима для подготовки переводчиков и дипломатов. Признавая педагогические заслуги лекторов-арабов, ученый утверждал, что большинству из них не хватало европейского образования и знания русского языка, что мешало их научной карьере². В целом, В. В. Бартольд рассматривал русско-арабские научные контакты как единичные факты в истории Петербургского востоковедения, при этом не упоминая об арабских ученых в Москве.

Помимо востоковедов, русско-арабскими контактами в сфере образования интересовались историки, упоминавшие об этой проблеме в связи с культурно-религиозными задачами России на Ближнем Востоке. У истоков изучения духовных связей России с православным Востоком стояли церковные и общественные деятели, участвовавшие в организации просветительской деятельности среди арабов-христиан. Особо следует отметить начальника первой Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Порфирия (Успенского), обогатившего русскую науку трудами по истории христианства на Востоке. В своих исследованиях он намечает тему исторических взаимоотношений Русской и восточных Православных церквей, духовных уз, связывающих православные народы России и Ближнего Востока³.

Среди многочисленных трудов арх. Порфирия (Успенского) нет отдельных работ, посвященных проблемам арабского просвещения. Тем не менее он не только впервые обозначил этот и другие вопросы в историографии русско-арабских культурных связей, но и лично заложил крепкий фундамент для дальнейшего их развития.

После открытия Палестинского общества об историческом призвании России на Востоке писал государственный деятель, член ИППО М.П. Соловьев. В своей

¹ Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Т.9: Работы по истории востоковедения. Обзор деятельности факультета восточных языков. М.: Наука, 1977.

² Там же. С. 125.

³ Путешествие по Египту и в монастыри святого Антонина Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. Архимандрита Порфирия Успенского. СПб.: тип. Акад. Наук, 1856.

работе он представил краткий обзор развития исторических связей России со Святой землей¹. Вслед за Порфирием он писал о приниженном положении арабского клира и бедности арабов-христиан, указывая на их важную роль в сохранении православия в Святой земле. М. П. Соловьев, рассматривая причины упадка православия на Востоке, видел в России силу, способную объединить восточные церкви и просветить арабских христиан. Проблема арабского просвещения рассматривается в другом его труде, посвященном деятельности ИППО². Соловьев считал Палестинское общество делом государственной значимости, развитие которого должно было укрепить православие на Ближнем Востоке и усилить там позиции России. Одной из важнейших задач Палестинского общества, по мнению автора, было просвещение арабских христиан. Подробно останавливаясь на проблемах, возникших у ИППО при организации школьного дела, М. П. Соловьев указывал на сложности с русскими учителями, которые в силу незнания языка, непривычки к местным условиям не задерживались на Ближнем Востоке. В этой связи он коснулся вопроса русско-арабского взаимодействия в сфере образования, упомянув об арабе А. Г. Кезме, который стоял у истоков организации русского школьного дела в Святой земле³. По мнению М.П. Соловьева, православные арабы, особенно те, кто окончили русские школы, должны были стать опорой российского государства в борьбе с растущим влиянием западных миссий. Для этого следовало укреплять экономические и культурные связи с арабскими воспитанниками школ.

Палестинскому обществу посвятил обстоятельный труд историк-византист А. А. Дмитриевский⁴. В своей работе автор уделил большое внимание становлению школьной деятельности России в Святой земле, а также указал на значимую роль арабских агентов и педагогов (А. Кезмы, С. Хури, М. Дауд и др.) в этом процессе⁵. По мнению автора, православные арабы являлись не только объектами, но и субъектами русской просветительской деятельности, которые при помощи

¹ Соловьев М.П. Историческое призвание России в Святой земле. Tobольск: Губернская типография, 1894.

² Соловьев М.П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское общество. М.: Индрик, 2012.

³ Там же. С. 223.

⁴ Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. (1882–1907). СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1907.

⁵ Там же. С. 301, 307.

России могли сыграть значительную роль в возрождении арабов и укрепить их связи с русским народом.

После начала Первой мировой войны и революции 1917 года религиозные связи России с Ближним Востоком ослабли, были закрыты школы Палестинского общества. Однако интерес к арабскому миру остался, а русско-арабские отношения начали выстраиваться на другой идеологической основе. Несмотря на то, что в советских вузах продолжали работать востоковеды, которые раньше были членами ИППО, а также арабы – выпускники русских духовных школ, религиозный аспект русско-арабских отношений исследователями почти не затрагивался. В этот период изучение культурных связей России с арабским миром стало прерогативой ученых-востоковедов.

Впервые вопрос о существовании русско-арабских культурных связей (в частности в науке и литературе) был поставлен в советский период выдающимися востоковедами А. Е. Крымским и И.Ю. Крачковским. Ученые не раз касались этой темы в своих трудах. Однако отдельных работ о русско-арабских научных связях они не оставили.

Подобно историкам XIX века И. Ю. Крачковский и А. Е. Крымский были свидетелями интенсивного развития русско-арабских отношений. Оба хорошо знали Арабский Восток и были знакомы со школьной деятельностью ИППО. Кроме того, они лично внесли огромный вклад в развитие русско-арабских научных связей. Ученые тесно общались с арабскими коллегами, работавшими в России. Так, А.Е. Крымский в студенческую пору учился у сирийцев Г.А. Муркоса и М.О. Атт-таи, с последним он долгие годы сотрудничал в Лазаревском институте. Объемный фактический материал о русско-арабских культурных связях А.Е. Крымский изложил в своем фундаментальном труде по истории новой арабской литературы¹. Данные факты имеют большую ценность в связи с использованием личного архива и материалов мемуарного характера. В своей работе автор уделил особое внимание постановке арабского образования, а также русским духовным и просветительским

¹ Крымский А. Е. История новой арабской литературы. М.: Наука, 1971.

учреждениям на Ближнем Востоке. Говоря о русском культурном влиянии в Сирии и Палестине, он указывал, что начало его восходило к 1840-м годам, когда была открыта Русская духовная миссия в Иерусалиме. Надо сказать, что ученый неоднозначно оценивал первые просветительские меры миссии, обращая внимание на то, что в ее школьных программах делался упор на церковное образование. Важнейшей вехой в истории развития русско-арабских взаимоотношений А. Е. Крымский считал основание ИППО и его школьную деятельность. Несмотря на развитую сеть школ и наличие двух семинарий, ИППО не создало на Ближнем Востоке русского университета, в чем А. Е. Крымский видел существенный недостаток его образовательной системы¹. В целом ученый положительно оценивал просветительскую деятельность ИППО, результатом которой было знакомство арабов с русской культурой. А.Е. Крымский был одним из немногих советских востоковедов, кто писал о влиянии школьной деятельности общества на арабское культурное возрождение. Вместе с тем он собрал и обобщил сведения о церковных и общественных деятелях-арабах, чья жизнь была связана с Россией.

Большой вклад в изучение русско-арабских научных связей внес И.Ю. Крачковский. Подобно А. Е. Крымскому он несколько лет провел на Ближнем Востоке, где познакомился с арабскими коллегами. Вернувшись в Россию, Крачковский опубликовал статью, в которой коснулся культурных взаимоотношений России и Арабского Востока. Чуть позже он начал собирать материалы о шейхе Тантави, о котором впоследствии опубликовал книгу¹⁴⁹. В своей работе он подробно писал о жизни, научной и педагогической деятельности египетского ученого в Каире и Петербурге, его вкладе в российское востоковедение. Книга И. Ю. Крачковского о шейхе Тантави была первой и долгое время единственной фундаментальной работой об арабском ученом в России. В другом своем труде, посвященном истории российской арабистики, И. Ю. Крачковский писал о некоторых арабских преподавателях, которые жили и работали в России². При этом ученый не ограничился упоминанием их имен, но сообщил сведения об их биографии, научной и

¹ Там же. С. 311.

² Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М. - Л.: АН СССР, 1950.

педагогической деятельности. По мнению И.Ю. Крачковского, после шейха Тантави в дореволюционной России не было столь одаренного ученого араба. Тем не менее он признавал заслуги Г. А. Муркоса, П. К. Жузе, М. О. Аттаи и других арабских ученых и педагогов¹. Писал И. Ю. Крачковский и о своей коллеге К. В. Оде-Васильевой, которая считала его своим другом и наставником².

Выше упоминалось, что К.В. Оде-Васильева опубликовала свои воспоминания об обучении в Бейт-Джалльской семинарии на страницах «Палестинского сборника». Возобновление его издания в 1954 г. свидетельствовало о растущем внимании в СССР к Ближнему Востоку и истории российских взаимоотношений с этим регионом. В последующие десятилетия в «Палестинском сборнике» были опубликованы статьи Л.И. Надирадзе³, М.А. Старокадомского⁴, Р.Ш. Шарафутдиновой⁵, посвященные просветительской деятельности России на Ближнем Востоке и русско-арабским культурным связям.

Обзор документов ЦГАЛ, в которых отразилась история культурных взаимоотношений России с арабскими странами в дореволюционный период, составил А.А. Карцев⁶.

Отдельно следует упомянуть диссертацию о Русской духовной миссии в Иерусалиме, написанную в 1950-е гг. воспитанником Ленинградской духовной академии, впоследствии митрополитом, Никодимом (Ротовым). В своем исследовании, построенном в том числе на материалах архива РДМ в Иерусалиме, Ротов упоминал о просветительской деятельности начальников Русской духовной миссии и их взаимоотношениях с арабами⁷.

¹ Там же. С. 197.

² Оде-Васильева К. В. Мои воспоминания об академике И.Ю. Крачковском. // Палестинский сборник. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1956. Вып. 2 (64–65).

³ Надирадзе Л.И. Из истории Палестинского общества // Палестинский сборник. Л. 1974. Вып. 25 (88).

⁴ Старокадомский М.А. О культурно-просветительской деятельности Палестинского общества на Ближнем Востоке // Палестинский сборник. М.; Л., 1965. Вып. 13 (76).

⁵ Шарафутдинова Р.Ш. Русско-арабские культурные связи (странички из истории русско-арабских школ) // Палестинский сборник. Л. 1974. Вып. 25 (88).

⁶ Карцев А.А. Обзор документов Центрального государственного исторического архива в Ленинграде по вопросу о культурных связях России с Сирией, Ливаном и Палестиной в XIX – начале XX в. // Ученые записки ИВ АН СССР. Арабский сборник. Т. XIX. М.: Изд-во восточной литературы. 1959.

⁷ Никодим (Ротов). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. СПб.: Изд-во С.-Петербургской духовной академии. 2019.

Важное место в историографии русско-арабских культурных связей занимают монографии Б. М. Данцига, посвященные русским путешественникам на Ближнем Востоке¹, а также истории изучения этого региона в России². В своих работах ученый изложил интересные факты, позволяющие отнести возникновение русско-египетских научных контактов к первой половине XIX века. В частности, Б.М. Данциг упомянул о приглашении русских ученых (Е.П. Ковалевского, П.А. Чихачева, А.А. Рафаловича) ко двору правителя Египта Мухаммада 'Али, а также отправке египетских инженеров на Урал для обучения горному делу.

Ценные сведения о научно-образовательных контактах России с Арабским Востоком содержатся в монографии А. П. Базиянца, посвященной истории Лазаревского института³. Рассматривая историю становления востоковедения в этом учреждении, он посвятил несколько страниц преподававшим там арабам: Г.А. Муркосу и М. О Аттае. Если Г. А. Муркос, по мнению автора, был слишком увлечен религиозно-общественной деятельностью, которая мешала его научной карьере, то М. О. Аттая все свое время посвящал педагогической и научной работе. Интересные факты о М. О. Аттае и его научном сотрудничестве с А. Е. Крымским приводятся в очерке историка-арабиста И. М. Смилянской, посвященном востоковедной деятельности выдающегося русского ученого⁴.

Таким образом, в советский период ученые исследовали и обобщили огромный фактический материал о русско-арабских культурных и научных связях, наметив дальнейшие пути их исследования.

После распада СССР проблема научно-просветительских контактов России с Ближним Востоком стала рассматриваться с различных сторон. С одной стороны, ею продолжали заниматься арабисты, изучавшие историю востоковедения, с другой – исследователи, обратившиеся к изучению темы церковных, дипломатических и в целом культурно-исторических взаимоотношений России с православным

¹Данциг Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль, 1965.

²Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М.: Наука, 1973.

³Базиянец А.П. Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М.: Наука, 1973.

⁴Смилянская И. М. Очерк востоковедной деятельности А. Е. Крымского // Письма из Ливана. М.: Наука, 1975.

Востоком, которая в постсоветский период вновь стала актуальной.

Среди работ, посвященных православному Востоку необходимо отметить монографию К.А. Панченко¹, в которой исследуется положение Антиохийского и Иерусалимского патриархатов под властью османов. Христианским общинам на Ближнем Востоке посвящен труд Т.Ю. Кобищанова². История Антиохийского и Иерусалимского патриархатов в XIX веке рассматривается в трудах И.Ю. Смирновой³, М.И. Якушева⁴. При этом авторы уделили особое внимание взаимоотношениям восточных патриархатов с Российской империей.

Проблемы русского духовного и политического присутствия в Святой земле в XIX – начале XX века рассматриваются в монографии Н. Н. Лисовой⁵. Небольшой раздел в своей работе автор посвятил просветительской деятельности ИППО, где рассказывается об организации русского школьного дела на Востоке. Среди основных проблем, с которыми обществу пришлось столкнуться в учебно-просветительской работе, он отмечает текучку русских педагогических кадров, а также недостаточную квалификацию арабских учителей. Тем не менее Н.Н. Лисовой указывает на важную роль педагогов-арабов в организации учебного процесса⁶.

Вопросы дипломатического и консульского присутствия России на Ближнем Востоке подробно освещены в коллективной монографии И.М. Смилянкой, Н.М. Горбунова и М.М. Якушева⁷. О российской дипломатии в Аравии написал обстоятельную статью академик В.В. Наумкин⁸. М.М. Якушев посвятил

¹ Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия 1516 – 1831. М.: Индрик, 2012.

² Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX века). М.: Доброе слово, 2003.

³ Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб.: «Нестор–История», 2015; Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет (Дроздов) и Православный Восток // Родное и вселенское. К 60-летию Николая Николаевича Лисового. М.: Издание Памятного центра Московского Патриархата, 2006.

⁴ Якушев. М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013.

⁵ Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2006.

⁶ Там же. С. 199 – 200.

⁷ Смилянская И.М., Горбунов Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик, 2015.

⁸ Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX вв.) // Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады / отв. ред. и сост. В.Я. Белокреницкий и И.Д. Звягельская. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

монографию русскому православному паломничеству на Ближний Восток¹, уделив особое внимание деятельности российских дипломатических представительств и Русской духовной миссии в Иерусалиме, которые сыграли важную роль в развитии русско-арабских отношений. Феномен русского православного паломничества в различных его аспектах исследуется в монографии С.А. Кириллиной² и статье И.М. Смилянской³.

Среди работ, посвященных культурно-религиозным связям России с Ближним Востоком, следует выделить монографию И.А. Воробьевой, в которой рассматривается деятельность Русских духовных миссий и ИППО в Святой земле⁴. Автор отмечает, что, хотя учреждение русских миссий на Ближнем Востоке было продиктовано политическими и религиозными задачами, им удалось добиться намного большего. Прежде всего, это касается просветительской деятельности ИППО, которая оказала огромное влияние на развитие русско-арабских связей и способствовала росту авторитета России и русских на Ближнем Востоке.

Непосредственно духовным и образовательным контактам России с православным Востоком посвящена статья Н.Ю. Суховой, в которой рассказывается об арабах, обучавшихся в русских духовных школах⁵. В ряду выпускников духовных академий автор статьи называет византиниста и церковного деятеля Герасима (Яреда), востоковедов Т. Г. Кезму и П. К. Жузе. Особо Н. Ю. Сухова отмечает научный вклад, сделанный выпускниками-арабами в изучение истории христианства на Ближнем Востоке, а также истории восточных церквей. В основном автора интересуют арабские выпускники, которые продолжили служение церкви, способствовали развитию духовного просвещения своих соотечественников, а также укреплению взаимодействия Русской церкви с восточными патриархатами. Сухова

¹ Якушев М.М. Эволюция османо-российских отношений и русское православное паломничество на Ближний Восток (1774 – 1847). М.: Индик, 2017.

² Кириллина С.А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI – XVIII столетий. М.: Ключ, 2010.

³ Смилянская И.М. Арабский мир в представлениях русских паломников XII – первой половины XIX в. // Встречаясь друг в друга... Россия и Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

⁴ Воробьева И. А. Русские миссии в Святой земле в 1847–1917 годах. М.: ИВ РАН, 2001.

⁵ Сухова Н. Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в российских духовных академиях. Доступно на: <http://ippo.ru/history/school/int/4/> (дата обращения: 15.05. 2016).

отмечает, что, если бы религиозные связи с Ближним Востоком не были прерваны, научно-просветительская деятельность служителей церкви, получивших образование в России, могла бы способствовать взаимодействию с русскими учеными в области востоковедения, церковной истории, а также библейской археологии.

Об арабских выпускниках российских духовных школ, а также просветительской деятельности Палестинского общества пишет в своих статьях Е.М. Копоть¹.

Следует отметить, что тема школьной деятельности ИППО, в различных ее аспектах, пользуется особым вниманием отечественных исследователей. Учебным заведениям Палестинского общества посвятили статьи Р.Б. Бутова², Н.А. Лагузова³, Г.З. Пумпян⁴, Обстоятельные исследования, основанные на изучении документов петербургских архивов, а также Архива внешней политики Российской империи, опубликованы А.Г. Грушевым⁵ и П.В. Федотовым⁶, которые продолжают активно работать над темой школьной деятельности Палестинского общества.

В другом ряду работ, содержащих интересные сведения о русско-арабских

¹ Копоть Е.М. Митрополит Агапий Эдесский: «русский воспитанник» и типичный монах-левантинец второй половины XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2013. № 2. (12); Русское духовно-политическое присутствие в Биляд-аш-Шам в к. XIX- н. XX вв. с его правовой стороны (на примере просветительской деятельности ИППО). М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.А. Шолохова. 2010.

² Бутова Р.Б. Школа Е.Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой земле. Доступно на: <https://www.ippo.ru/old/history/school/s/1/index.html>. (дата обращения: 15.07.2020).

³ Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского православного палестинского общества 1905 – 1914. Доступно на: <https://www.ippo.ru/old/history/school/s/6/index.html>. (дата обращения: 10.01. 2020).

⁴ Пумпян Г.З. Отражение просветительской деятельности Императорского православного палестинского общества (ИППО) в Сирии, Ливане и Палестине в изданиях и публикациях Общества // Подарок ученым и утешение просвещенным: сборник статей посвященных 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой со- ставитель и автор идеи Дзевановский-Петрашевский. СПб: Петербургское востоковедение. 2016.

⁵ Грушевой А.Г. Реформирование школ Палестинского общества в Сирии – проекты российских представителей и отношение к ним местного населения (по данным инспекции 1910 г.) // Письменные памятники Востока № 2. (21). Осень – зима 2014; Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб.: Контраст. 2016; Последняя учебная программа учительских семинарий императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22).

⁶ Федотов П.В., Бахер Т. «Московские школы» Ливана 1887 – 1914: фотографии Императорского Православного Палестинского Общества из собрания Государственного музея истории религии (отрывки из записок путешественников, воспоминаний и отчетов должностных лиц сборник к 130-летию Императорского Православного Палестинского общества и 125-летию основания первой школы ИППО в Ливане). СПб.; Бейрут. 2012; Кадровая политика Императорского православного палестинского общества на Ближнем Востоке (1882 – 1914 гг.): русские сотрудники учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. Сер. 17. Вып. 2; Галилейский учебный округ Императорского православного палестинского общества в 1892–1914-х гг.: русские сотрудники школьной инспекции // Былые годы. 2020. № 57 (3). 2020.

научных и образовательных контактах, находятся исследования историков изучавших жизнь, педагогическую деятельность и научное наследие арабских ученых в России. Интересные факты о жизни некоторых арабских ученых содержатся в биографии академика И.Ю. Крачковского, написанной его ученицей А. А. Долининой¹. Рассказывая о жизни выдающегося русского востоковеда и его научно-педагогической деятельности, автор упоминает преподавателей-арабов (А. Хацаба, П. К. Жузе, К. В. Оде-Васильеву), с которыми И. Ю. Крачковский непосредственно общался. Изучив мемуары и архивные материалы, А. А. Долинина пишет о неизвестных ранее фактах их дружеских и профессиональных взаимоотношений².

Комплексно рассмотрела деятельность арабских ученых в России и проанализировала их вклад в отечественную науку историк С. А. Кириллина, создавшая в ИСАА школу арабистики³. В своей статье С.А. Кириллина указывает, что приглашение лекторов восточного происхождения (как христиан, так и мусульман) было связано с развитием российского востоковедения, а также растущим интересом русского правительства к Ближнему Востоку. Рассмотрев основные этапы жизни и научной деятельности русских арабов в дореволюционный период, автор пришла к выводу, что они «не только содействовали формированию системы отечественного образования... но и всемерно способствовали развитию научных и культурных контактов между Россией и арабским миром»⁴.

О неугасающем интересе отечественных востоковедов к арабским ученым в России свидетельствует сборник статей, опубликованный к 200-летию со дня рождения шейха Тантави. В издание вошли статьи ведущих петербургских востоковедов (Н. Н. Дьякова, А. А. Долининой, О. Б. Фроловой) и других авторов, посвященные жизни и научной деятельности египетского ученого. Выход в свет данного сборника говорит о глубоком уважении и признании современными арабистами

¹ Долинина А. А. Невольник долга. (Биография И. Ю. Крачковского). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.

² Там же. С. 288.

³ Кириллина С. А. Арабские ученые в России (XIX – начало XX столетия) // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М.: Ключ – С., 2008.

⁴ Там же. С. 146

вклада шейха Тантави в русское востоковедение¹.

В 2012 году в Казани была выпущена коллективная монография М.А. Кострюкова, М.З. Хабибуллина о другом арабском ученом – Пантелеймоне Крестовиче Жузе². Исследуя его биографию, научную и педагогическую деятельность, авторы указывают, что именно в России Жузе сформировался как ученый, имя которого стало широко известно³. Весомым вкладом авторов в изучение русско-арабских контактов в сфере науки и образования было исследование общественной, просветительской и научно-популяризаторской деятельности П. К. Жузе на Ближнем Востоке.

Лектору арабского языка в С.-Петербургском университете – ливанцу А.Ф. Хащабу – посвятил статью В.М. Дзевановский-Петрашевский⁴.

О русско-арабских культурных и научно-образовательных контактах упоминают в своих работах Н. Н. Дьяков⁵, К.А. Жуков⁶, Т. М. Сипенкова⁷, писавшие об исторических связях России с Арабским Востоком и Западом в Новое время. Русско-арабские культурные и научные контакты (как в дореволюционный, так и в советский, и постсоветский периоды) рассматриваются в статье А. Б. Подцероба⁸.

Гуманитарным и культурным связям между Россией и Египтом посвящены труды В.В. Белякова⁹ и Г.В. Горячкина¹⁰.

¹ Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861): Материалы конференции / Отв. ред. Н. Н. Дьяков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.

² Кострюков М. А., Хабибуллин М. З. Пантелеймон Крестович Жузе (1870– 1942): востоковед, исламовед и общественный деятель. Казань: ЯЗ, 2012.

³ Там же С. 190.

⁴ Дзевановский-Петрашевский В. М. Антоний Феодулович Хащаб (1874 – 1948): Новые материалы к биографии ученого арабиста. // Подарок ученым и утешение просвещенным: сборник статей посвященных 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой составитель и автор идеи Дзевановский-Петрашевский. СПб: Петербургское востоковедение. 2016.

⁵ Дьяков Н.Н. Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 176–203.

⁶ Дьяков Н.Н., Жуков К.А. Россия и Ближний Восток (Турция и арабские страны) в Новое и Новейшее время: (Учебно-методическое пособие). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета. 2014.

⁷ Сипенкова Т.М. Россия и Арабский Восток: этапы историко-культурного взаимодействия // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

⁸ Подцероб А. Б. Россия – арабский мир: культурные и научные связи // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4.

⁹ Беляков В.В. Гуманитарные связи России с Египтом. Конец XIX – середина XX века. Взаимные миграции и межкультурное взаимодействие. Саарбрюкен, 2011; Беляков В.В. Сфинксы над Невой: Египет в русской культуре. М.: ИВ РАН, 2015.

¹⁰ Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь, 2010; Горячкин Г. Из Страны пирамид в Страну восходящего солнца // Восточная коллекция. Осень 2010 № 3(42); Горячкин Г. «...Мой прах навсегда оставят в Египте» русский дипломат на Берегах Нила // Родина. 2008, №1.

Взаимоотношения России с мусульманским Востоком, в том числе вопросы истории и культуры российского ислама, рассматриваются в трудах Р.Г. Ланды¹, А.К. Аликберова², В.О. Бобровникова³.

Таким образом, историографическая традиция русско-арабских культурных связей насчитывает более ста лет. Обращение отечественных исследователей к этой теме было вызвано политическими и религиозными причинами. У истоков изучения культурных связей в дореволюционный период стояли историки, рассмотревшие в своих трудах проблему исторического призвания России в Святой земле, духовные связи с восточными церквями, а также первые результаты просветительской деятельности ИППО. При этом основное внимание исследователей сконцентрировалось на религиозном аспекте взаимоотношений, что было обусловлено их мировоззрением, а также внешнеполитическим курсом Российской империи. Особенность исследований культурных связей России с Арабским Востоком, написанных в XIX – первой половине XX в., заключалась в том, что их авторы не только изучали различные аспекты русско-арабских взаимоотношений, но и активно содействовали их развитию. В советский период ученые сосредоточились на изучении научно-образовательных и литературных контактов и связей. Уделяя особое внимание деятельности ученых арабов в России, советские исследователи старались не акцентировать внимание на их связях с православным Востоком, что не всегда позволяло рассмотреть научно-образовательные контакты в широком историческом контексте. Современный этап изучения русско-арабских связей в науке и образовании включает в себя различные подходы. В целом, современные историки внесли большой вклад в исследование просветительской деятельности русских духовных миссий и ИППО, а также их влияния на развитие русско-арабских культурных связей. Тем не менее, фокусирование на религиозном аспекте приводят некоторых ученых к более узкой трактовке русско-арабского взаимодействия. В

¹ Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М. – Н. Новгород: Медина. 2011.

² Аликберов А.К. Роль «русского мусульманства» в социокультурном пространстве евразийских коммуникаций // Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2020.

³ Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры / Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир». М.: ИВ РАН, 2019.

последнее время появилось несколько работ, посвященных арабским ученым в России, которые имеют особое значение, как для изучения истории русского востоковедения, так и истории русско-арабских научных контактов.

Зарубежная историография

Следует отметить, что тема русско-арабских культурных связей является весьма популярной не только среди российских, но и арабских исследователей, которые изучают ее на протяжении многих десятилетий. За это время ими было опубликовано немало работ, в которых отражена специфика восприятия и оценки арабами исторического опыта русско-арабских взаимоотношений. Исследование статей и монографий, написанных на данную тему, позволяет определить круг тем, интересовавших арабских авторов в рамках русско-арабского взаимодействия, проследить трансформацию их представлений о культурных связях России с Арабским Востоком с учетом конфессиональной принадлежности исследователей, исторического контекста и специфики русско-арабских отношений.

Первые работы арабских исследователей о русско-арабских культурных связях появляются в последней четверти XIX века. Растущий интерес арабов к России в этот период был обусловлен, с одной стороны, началом арабского культурного возрождения, ростом политизации в арабском обществе и, как следствие, пристальным вниманием к политике Османской империи и ее взаимоотношениям с европейскими державами, с другой – активизацией дипломатических, культурно-религиозных связей России с Арабским Востоком, особенно его православным населением. Неудивительно, что первыми арабами, обратившимися к изучению русско-арабских культурных связей были православные выпускники российских учебных заведений, которые жили и работали в России. Поддерживая тесные связи с православной арабской общиной, они ратовали за просвещение своих соотечественников и единоверцев при содействии Российской империи и были заинтересованы в развитии русско-арабских взаимоотношений. В вышеупомянутых работах Г.А. Муркоса, А. Ф. Хацаба, Т.Г. Кезмы присутствует чувство глубокого уважения и

благодарности к России, ее педагогам-просветителям, а также востоковедам, много сделавшим для изучения арабского культурного наследия.

Первая мировая война и Революция 1917 г. внесли серьезные изменения в русско-арабские отношения. Прежние связи хотя и не были полностью разорваны, существенно ослабли после закрытия школ ИППО и прекращения отношений с восточными патриархатами. Бывшие единоверцы на Востоке тяжело восприняли гибель Российской империи, которая являлась их основной опорой. В то же время Октябрьская революция, ее лозунги и осуждение мандатной системы вызвали симпатии к новой России и создали моральное обоснование для дальнейшего развития русско-арабских взаимоотношений.

Некоторое представление об отношении арабов к России в межвоенный период можно получить из работы Наджиба ал-'Акики «Востоковеды», опубликованной в Бейруте в 1937 г.¹ Рассматривая историю востоковедения в контексте взаимоотношений Европы с Востоком, автор связывает развитие этой науки на Западе с миссионерской деятельностью и колониальной экспансией, тогда как в России – с наличием собственного мусульманского Востока и влиянием европейской научной мысли. Автор отмечает, что Россия не является западной страной и при этом не чужда Востоку². Ей были знакомы Коран и исламские обычаи, поскольку на ее территориях жили мусульмане. При этом ал-'Акики не упоминает о войнах России с восточными соседями, но говорит о завоевании Руси монголо-татарами как первом опыте столкновения с Востоком. Автор относит появление востоковедения в России к эпохе Петра I. Далее он пишет о востоковедных центрах, известных российских арабистах (Х.Д. Френе, О.И. Сенковском, В.Р. Розене, И.Ю. Крачковском), а также об арабских ученых в России (С. Нофале, А. Хащабе, Г. Муркосо, М. Аттае). При этом об ученых сиро-ливанского происхождения он обладал наиболее точными сведениями, чем, к примеру, о шейхе Тантави, видимо потому, что книга о нем И.Ю. Крачковского еще не была переведена на арабский язык. Следует отметить, что ал-'Акики, будучи христианином, с сожалением писал об утрате

¹ ал-'Акики, Наджиб. Ал-Мусташиркуна (Востоковеды). Бейрут, 1937.

² См. там же. С. 155.

церковных связей России с Востоком, которые были крепки до революции. Несмотря на то, что автор без особых симпатий говорит о стремлении большевиков распространить свою идеологию по всему миру, он отмечает, что советские власти затрачивали немало средств на обучение арабской молодежи в своих школах¹. Таким образом, ал-‘Акики рассматривает русско-арабские связи уже не просто как христианин, но и как арабский националист, указывая на преемственность в отношении к арабам России и СССР.

Во второй половине XX века русско-арабские отношения стали интенсивно развиваться. С одной стороны, это объяснялось намерением арабских стран заручиться поддержкой сильного государства в борьбе с колониальными интересами Великобритании и Франции, с другой – стремлением СССР приобрести союзников на Ближнем Востоке в условиях блокового противостояния. После Суэцкого кризиса влияние Советского Союза в арабском мире и особенно в Египте значительно выросло, что отразилось на публикациях работ о российско-египетских отношениях. Так, в начале 1960-х гг. вышла статья египетского ученого Амина аль-Холи о политических, культурных и этнических контактах между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом². В основу работы был положен доклад, сделанный на XXV конгрессе востоковедов в Москве. В это же время в Египте была опубликована монография И.Ю. Крачковского о шейхе Тантави. Эта работа, переведенная на арабский язык К.В. Оде-Васильевой, вызвала у арабов большой интерес. А в 1976 г. была издана небольшая книга Хусайна Абд Раббаха о советско-египетских культурных связях³.

Во второй половине 1950-х гг. арабские исследователи все чаще обращаются к истории взаимоотношений европейских государств с Ближним Востоком, их политическому, духовному и культурному присутствию в регионе в османский период.

¹ См. там же. С. 157.

² аль-Холи, Амин. Связи между Нилом и Волгой. М.: Наука, 1962.

³ ‘Абд Раббах, Хусайн. Ал-‘илакат ас-сакафийа ал-мисрийа – ас-суфйатийа (египетско-советские культурные связи). Каир, 1976.

Весьма негативно культурно-просветительскую деятельность европейцев на Ближнем Востоке оценивали арабские националисты-мусульмане Омар Фаррух и Мустафа аль-Халиди, посвятившие монографию миссионерам и политике Запада в арабских странах¹. Публикация этой работы на русском языке в 1961 г. свидетельствовала о том, что противостояние Западу идеологически сближало советских коммунистов с арабскими националистами и создавало основу для налаживания контактов. Анализируя методы, цели и результаты европейских и американских миссионерских организаций, авторы пришли к выводу, что большинство из них реализуют политические задачи, стремясь обеспечить господство западных стран на Ближнем Востоке. В разделах, посвященных просветительской деятельности миссий, основное внимание уделяется протестантским и иезуитским образовательным учреждениям, школы ИППО не упоминаются. Тем не менее положительная роль русских миссий состояла, по мнению авторов, в противодействии влиянию Запада.

В 1982 г. была опубликована обстоятельная статья палестинского историка Хайрийи Касимийи об отношениях царской России с Арабским Востоком, которая оставалась основополагающим трудом на арабском языке по этой теме до 1990-х гг. В своем исследовании автор объяснял появление интереса России к Ближнему Востоку духовными узами, связывающими русский народ со святыми местами, а кроме того, стратегическими интересами российского государства в Османской империи и соперничеством с другими великими державами в регионе. Помимо военно-политических, дипломатических и церковных контактов России с Ближним Востоком, Хайрийа уделяет внимание и русско-арабским культурным связям. Так, автор упоминает об ученых, (в частности Е.П. Ковалевском), которые посетили Арабский Восток для того, чтобы укрепить взаимоотношения с этим регионом и лучше изучить его².

¹ аль-Халиди Мустафа, Фаррух Омар. Миссионеры и империализм в арабских странах. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.

² См. Касимийа, Хайрийа. Русийа кайсарийа ва-л-Машрик ал-'араби. (Царская Россия и Арабский Восток)// Дирасат Та'рихийа (Исторические исследования). Дамаск. Октябрь 1982. № 9-10. С. 48.

Вместе с тем Хайрийа пишет о просветительской деятельности России на Ближнем Востоке, упоминая об арх. Порфирии (Успенском), его общении с арабами и добром отношении к ним.

Отдельная главка статьи посвящена учебным заведениям Палестинского общества. Автор пишет, что развитию школьного дела ИППО на Ближнем Востоке препятствовало несколько обстоятельств: нехватка профессиональных учительских кадров, недостаточное финансирование, отсутствие средних учебных заведений в Сирии, подобных учительским семинариям в Назарете и Бейт Джале, а кроме того, отсутствие высшего учебного заведения на Востоке. Несмотря на это, России удалось посредством своих школ оказать определенное влияние на арабскую культуру, чему способствовало обучение арабов русскому языку, возможность получить образование в России, знакомство с произведениями русской литературы и их перевод на арабский язык. Вместе с тем Хайрийа отмечает большое внимание в школах общества к арабскому языку и литературе, а также уважение к арабской культуре, что способствовало, по ее мнению, подъему арабского национализма.

Говоря о русско-арабских культурных связях в работах арабских авторов, нельзя не упомянуть о диссертациях, написанных арабами в Советском Союзе. Среди них работа Салмана Абдуллатифа, посвященная теме Арабского Востока в произведениях русских художников¹. Автор высоко оценил работы русских мастеров, которые изображали простых людей, природу, достопримечательности арабских стран, в отличие от западных художников, сконцентрировавшихся на изображении восточной экзотики и сцен гарема. Эта интересная искусствоведческая работа затем была положена в основу монографии и издана на арабском языке в 2008 году².

Таким образом, в советский период арабские исследователи в основном положительно оценивали опыт русско-арабского культурного взаимодействия в

¹ Абдуллатиф Салман. Арабский мир в произведениях русских художников XIX-начала XX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения 17.00.04. Л.: Акад. художеств СССР. Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 1988.

² Абд ал-Латиф, Салман. Ал-Ватн ал-'араби фи ибда'ат ал-фаннанин ар-рус фи-л-карн ат-таси' 'ашр ва бидайа ал-карн ал-'ишрин. (Арабский мир в произведениях русских художников в XIX – начале XX вв.). Дамаск, 2008.

отличие от взаимоотношений с Западом. В это время появились тенденции рассматривать культурные связи России с арабами в целом, без учета конфессиональных различий, что связано с идеями арабского единства.

На современном этапе история русско-арабских взаимоотношений интересует арабских исследователей из стран, имевших длительный опыт отношений с Российской империей и Советским Союзом: Ливана, Сирии, Египта, Палестины, Ирака, а также региона Залива, с которым отношения России были не так развиты. При этом в постсоветский период, когда оживились религиозные связи, существенно вырос интерес арабских авторов к культурному взаимодействию России с христианским и мусульманским Востоком. Кроме того, в последние годы арабские исследователи обратились к изучению истории русско-арабских взаимоотношений, чтобы лучше понять интересы России в ближневосточном регионе.

Вопросы русского духовного присутствия в Палестине в контексте взаимоотношений России с Османской империей и Иерусалимским патриархатом рассматривал Ханна Килдани – католический священник из Иордании, состоящий на службе Латинского патриархата. Свою монографию, опубликованную в 1993 г. на арабском языке, а затем переведенную на английский, Килдани посвятил христианству на Святой земле, образованию и деятельности различных церковных структур и институтов¹. При этом автор уделил особое внимание просветительской активности Англо-пруссского епископата, Латинского патриархата, Русской духовной миссии и Православного палестинского общества, позитивно оценивая вклад этих организаций в развитие местного образования.

Учебные заведения ИППО и их влияние на арабскую культуру, особенно интересует арабских исследователей из Сирии, Палестины и Ливана, где осуществлялась просветительская деятельность Палестинского общества. В 2002 г. была опубликована монография палестинского историка, учившегося в России, Омара ('Умара) Махамида о литературных и культурных связях России и Палестины на

¹ Kildani, Hanna. *Modern Christianity in the Holy Land* /Translated by George Musleh. Bloomington, 2010.

рубеже веков¹. В своей работе автор рассматривает жизнь и творчество знаменитых выпускников школ ИППО (Искандера (Искандара) ал-Хури, Бандали ал-Джаузи, Селима (Салима) Куб'айна и др.), анализирует их вклад в развитие русско-арабского культурного диалога, а также влияние, которое оказали школы на развитие их литературного и научного творчества. В работе приводятся свидетельства палестинских ученых и литераторов об огромной роли ИППО в формировании арабской интеллигенции. В 2015 г. в Наблусе была опубликована другая работа О. Махамида, в которой также рассказывается о русско-арабских литературных и научных связях². В своей монографии исследователь уделяет особое внимание работам путешественников, посетивших Ближний Восток, темам Арабского Востока и Палестины в русской классике, а также влиянию русской литературы на литературу арабских стран в период «ан-Нахды». Отдельный раздел монографии, написанный на основе изучения архива РАН, посвящен переписке арабских ученых и литераторов с И.Ю. Крачковским. О. Махамид рассказывает о содержании писем, приводит интересные сведения о биографии их авторов, а также их дружеских и профессиональных взаимоотношениях с И.Ю. Крачковским. В приложении автор приводит полный текст некоторых писем, фотокопии их оригиналов и других материалов из архива РАН, а также архива Сухайла Радван в Хайфе³. Другой палестинский исследователь Ханна Абу Ханна опубликовал в 2005 г. работу о выпускниках русских школ, которые стали авангардом палестинского возрождения и внесли существенный вклад в развитие различных сфер арабской культуры, прежде всего, литературы, прессы и образования⁴. Ту же тему в своей статье развивает Садия Агсус, которая подчеркивает роль русских школ в формировании интеллектуальной элиты

¹ Махамид, Омар. Россия и Палестина: диалог на рубеже XIX – XX веков: историко-литературные очерки. СПб.: Лики России, 2002.

² Махамид, 'Умар. Мукаддама фи-л-адаб ал-'араби ва-л-истишрак ар-руси ва мурасалат байна Игнати Крацкуфски ва-л-куттаб ал-филастинииин ва гайрухум мин ал-'араб (Введение в арабскую литературу и российское востоковедение. Переписка Игнатия Крачковского с палестинскими и другими арабскими писателями). Наблус, 2015.

³ Там же. С. 132.

⁴ Абу Ханна, Ханна. Тала'и' ан-Нахда фи Филастин. Хирриджу ал-мадарис ар-русийа. (Авангард возрождения в Палестине. Выпускники русских школ). Бейрут: Му'вассаса ад-дирасат ал-филастинийа (Организация палестинских исследований), 2005.

арабского возрождения¹. Исследования Абу Ханны и Агсус во многом основаны на изучении документов израильских архивов, а также воспоминаниях родственников выпускников учебных заведений ИППО.

Работы, посвященные русско-арабским культурным и литературным связям, в том числе школьной деятельности Палестинского общества, издаются также ливанскими авторами. В 2010 г. Искандер Кфури, главный редактор бейрутского журнала «Восток. Русский голос в арабском мире», опубликовал статью о русских школах в Ливане, в которой привел мнение современных ливанцев о преимуществах школ ИППО в сравнении с западными учебными заведениями². Эти преимущества состояли в бесплатном образовании, заботе об учениках, преподавании на арабском языке, возможности обучения в России и подготовке педагогических кадров на местах. Кроме того, Кфури пишет, что после того, как деятельность ИППО возобновилась на Палестинских территориях, ливанцы надеются, что общество вернется и в их страну, как старейшая научная и благотворительная организация, которая внесла огромный вклад в гуманитарное развитие этой части Ближнего Востока³. Небольшую работу о ливанской школе в Амьёне, находившейся под управлением Палестинского общества, опубликовал Илйас Халил Зайн⁴, мать которого училась в этой школе после Первой мировой войны.

О большом интересе к русско-арабским научным и литературным связям в Ливане свидетельствуют переводы на арабский язык «Бейрутских рассказов»⁵ А.Е. Крымского и «Сирийских рассказов» С. Кондурушкина⁶, опубликованные ливанским писателем и журналистом 'Имад ад-Дином Ра'ифом. Несколько лет назад им была опубликована работа, в которой особое внимание уделяется русско-

¹ См. Agsous Sadia. The Palestinian graduates of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) and the making of the native cultural Nahda // Contemporary Levant, 2021.

² Кфури Искандер. Русские школы Ливана // Русские в Ливане. Бейрут: Шамас, 2010.

³ Там же. С. 24 – 25.

⁴ Илйас, Халил Зайн. Бад' ал-харакат ат-та'лимийа фи Амийун. Ал-мадраса ар-русийа тали'а ан-нахда ат-тарбавийа. (Начало просвещения в Амиуне. Русская школа в авангарде образовательного возрождения). Третий Амьонский фестиваль. 2009.

⁵ Ра'иф, 'Имад ад-Дин. Агатангил Крымски. 1897. Кисас байрутийа. (Агафангел Крымский. Бейрутские рассказы). Бейрут. 2017.

⁶ Ра'иф, 'Имад ад-Дин. Хикайат Кундурушкин. Лубнан кабла карн би-риша русийа (Рассказы Кондурушкина. Ливан век назад русским пером). Бейрут, 2016.

арабскому культурному взаимодействию¹. Сам автор учился в России, в Ростове-на-Дону, и хорошо владеет русским языком, что позволило ему выполнить качественные переводы.

Помимо научно-просветительской деятельности Российской империи на Ближнем Востоке, арабских авторов интересуют и другие темы, связанные с историей межкультурных взаимоотношений, а именно: история российского востоковедения и арабские ученые в России. Одним из первых арабских авторов, затронувших эту тему, был иракский журналист Салам Мусафир, более тридцати лет проживающий в России. В своей статье, посвященной отечественному востоковеду палестинского происхождения Бандали Джаузи (П.К. Жузе), он рассказал о жизни и научной деятельности видного ученого в дореволюционный и советский периоды, его вкладе в российскую науку и образование². В 2013 г. в Каире была опубликована монография Хусайна аш-Шафи‘и о шейхе Мухаммаде ат-Тантави³. Автор отмечает, что в России внимание к личности шейха по-прежнему велико, в отличие от арабских стран, где его имя не так известно. В связи с этим целью своей работы автор ставит не только изучение наследия египетского ученого, но и его популяризацию в арабском мире. Этому немало способствует включение в монографию текстов автобиографии ат-Тантави, работы о нем И.Ю. Крачковского, «Описания России», и некоторых других его трудов, а также переписки ученого с арабскими деятелями культуры. Среди трудов ат-Тантави автор особо выделяет его «Описание России», которое было написано с целью познакомить соотечественников с европейской цивилизацией и способствовать возрождению египетского общества. При этом Тантави был первым арабским ученым, кто писал о культуре и общественном прогрессе в России для правительства в Египте и Османской империи. Однако в отличие от «Описания Парижа» ат-Тантави, сочинение ат-Тантави не оказало влияние на возрождение египетской культуры, потому как он сам и его потомки

¹ Ра’иф, ‘Имад ад-Дин. Мин Байрут ва ‘анха. Аурак Аурасияа фи-т-тафа‘ул ал-хадари (Из Бейрута и о нем – евразийские страницы о цивилизационном взаимодействии. Бейрут: изд. Дар ал-мусаввар ал-‘араби, 2018.

² Мусафир Салам. Выдающийся ученый Бандали Салиба Джаузи // Россия и арабский мир. СПб.: Ноах, 1994.

³ аш-Шафи‘и, Хусайн. Мин турас аш-шайх Мухаммад ‘Айад ат-Тантави. Авваль му‘аллим ли-л-‘арабияа фи-л-билад ар-русийя. (Наследие Мухаммеда Айада ат-Тантави. Первый учитель арабского языка в России). Каир, 2013.

остались в России, и его труд на родине долгое время не был известен. Указывая на важность изучения сочинения ат-Тантави как в историческом, так и филологическом аспектах, аш-Шафи‘и с горечью отмечает, что оно до сих пор не удостоилось должного внимания со стороны арабской интеллигенции¹.

Еще одна тема, которая интересует арабских авторов в рамках русско-арабского культурного взаимодействия, – восточные рукописи в России. Здесь следует упомянуть статью Марвана Судаха, опубликованную в иорданском журнале «ан-Нашра»². В статье автор отметил предпосылки установления русско-арабских контактов, указывая, что Россия достаточно поздно обратила внимание на арабский мир. С одной стороны, интерес русского государства к Арабскому Востоку был обусловлен его соперничеством с западными державами, с другой – социальными и религиозными факторами в самой России³. При этом Россия стремилась наладить контакт с Палестиной, как родиной христианства, а также арабами в целом из-за сочувственного отношения к мусульманам. Автор пишет о собраниях арабских рукописей в России, их роли в развитии востоковедения, упоминает российские востоковедные центры, политической задачей которых было углубление связей с арабским миром.

Отдельно следует упомянуть монографию Насира Зайдана⁴, в которой автор рассматривает взаимоотношения России со странами Ближнего Востока и Северной Африки на протяжении нескольких столетий в контексте стратегических интересов российского государства в регионе, а также определяющих их политических, экономических и культурных факторов. Отдельную главу автор посвятил взаимоотношениям Российской империи с Персидским (Арабским) заливом, Египтом, Сирией и Палестиной.

¹ См. там же. С. 29.

² Судах, Марван. Ал-Махтутат ал-‘арабийя фи Русийа (Арабские рукописи в России) // Ан-Нашра. Амман, 2002. № 22.

³ Там же. С. 29 – 30.

⁴ Зайдан, Насир. Даур Русийа фи-л-Шарк ал-Аусат ва шимал ал-Ифрикийя мин Бутрус ал-Акбар хатта Фладимир Бутин (Роль России на Ближнем Востоке и Северной Африке от Петра Великого до Владимира Путина) Бейрут. 2013.

В России работы о русско-арабских культурных связях публикует Назим Маджид ад-Дайрави. В 2012 г. вышла его статья о России и Ираке в российских и арабских сочинениях в X – XIX веках¹. Исследуя произведения арабских средневековых авторов, паломническую литературу, записки русских путешественников и дипломатов, автор уделяет внимание взаимному восприятию русских и арабов, отмечает точность описания реалий арабского мира русскими путешественниками. Ад-Дайрави упоминает ученых, военных, дипломатов, которые служили в Ираке и писали о нем (И.Н. Березина, В. Машкова, Е.И. Чирикова, А. Адамова, А. Круглова и др.). В своих работах русские исследователи сосредоточились на изучении культуры, языков, литературы Междуречья, его архитектурных памятников, а также религий. Автор надеется, что рассмотренные в статье работы войдут в список источников для изучения политической и общественной истории Ирака, а также истории русско-иракских взаимоотношений². В другой работе ад-Дайрави перевел и снабдил комментариями поэтические произведения русских классиков, в которых нашли отражение коранические мотивы³. Во вступительной статье автор указал, что развитию связей России с арабо-мусульманским миром способствовал интерес царских властей к культурному и религиозному наследию мусульман, в частности к Корану, переводы которого имели просветительское значение и расширили сферу взаимодействия между православной и мусульманской культурами⁴.

Несколько в ином контексте взаимоотношения России с Арабским Востоком рассматриваются в работах, написанных авторами из региона Залива. Среди этих работ – диссертация о российско-саудовских отношениях Мухаммада Али аль-

¹ ад-Дайрави, Назим Маджид. Русийа ва-л-‘Ирак фи-л-му’аллафат ал-‘арабийа ва-р-русийа (ал-карн ал-‘ашр – ал-карн ат-таси‘ ‘ашр) (Россия и Ирак в арабских и русских сочинениях (X – XIX вв.)). СПб., 2012.

² См. там же. С. 135.

³ ад-Дайрави, Назим Маджид. Ал-Кур’ан ва-н-Наби Мухаммад фи-л-ши’р ар-руси ал-класики (Коран и пророк Мухаммад в русской классической поэзии). СПб., 2011.

⁴ См. там же. С. 164.

Шехри¹, статьи ‘Али Абахсина², Халила Халида аш-Шахбандара³ и Тарика Нафи‘ ал-Хамдани⁴, опубликованные в бахрейнском научном издании «ал-Васика». Рассматривая взаимоотношения между Российской империей и арабскими странами Залива, авторы пишут, что Россия имела политические, стратегические и экономические интересы в этом регионе. При этом стратегические цели были указаны еще Петром I, который якобы завещал своим потомкам продвигаться, пока они не достигнут берегов теплых вод, чтобы оживить древние торговые пути Востока. Однако, если аль-Шехри считает, что в завещании Петра была определена генеральная линия российской политики на Ближнем Востоке (тенденции которой наметились еще в царствование Ивана Грозного), то авторы статей из сборника «ал-Васика» склонны более лояльно оценивать политику России в регионе, упоминая о завещании Петра скорее в рамках историографической традиции. При этом исследователи рассматривают политику России на Арабском Востоке в контексте российско-англо-османских взаимоотношений. Они отмечают, что основным проводником политического влияния России в Заливе были ее консульства, которые поддерживали связь с местными властями. В своей работе ал-Хамдани подробно останавливается на контактах российских дипломатов с шейхом Кувейта Мубараком, которые были весьма активны в период осmano-кувейтского кризиса в 1901 году. Нужно отметить, что упомянутые авторы активно ссылаются не только на британские, но и российские источники, нередко считая последние более достоверными. Так, ‘Али Абахсин указывает на необходимость изучения документов в российских архивах, которое позволит увидеть многие события, происходившие в Заливе, с другой стороны. Это имеет немаловажное значение, поскольку бахрейнцы знают историю

¹ аль-Шехри Али Мухаммад. Советско-саудовские и российско-саудовские отношения, 1926 – 1997 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.15. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, 1999.

² Абахсин, ‘Али. Хаула ал-‘илакат ат-та’рихийа байна Русийа ва дувал ал-Халидж ал-‘Араби (Об исторических связях России с государствами Залива) // Ал-Васика. Манама, 1999. № 35.

³ аш-Шахбандар, Халил Халид. Мин ал-‘илакат ас-сакафийа байна Русийа ва дувал ал-Халидж ал-‘араби (о культурных связях России с государствами Арабского Залива) // Ал-Васика. Манама, 1999. № 35.

⁴ ал-Хамдани, Тарик Нафи‘. Ал-‘усманийуна ва-р-рус фи-л-Халидж ал-‘Араби дираса фи-л-‘илакат ас-сийа-сийа байнахума 1878 – 1907 (Османы и русские в Арабском заливе, изучение политических взаимоотношений между ними 1878 – 1907) // Ал-Васика. Манама, 1990. № 16.

региона в основном по материалам из архивов Западной Европы и Индии¹. Уделяя особое внимание в своей статье русско-бахрейнским контактам, Абахсин доказывает, что активность русских в Бахрейне была выше, чем свидетельствуют о том некоторые английские источники. Ссылаясь на труды Е.А. Резвана и Г.В. Горячкина, автор пишет о русском ученом-естественнике Николае Богоявленском, посетившем Бахрейн в начале XX в. Абахсин отмечает, что цели его были не только научные, но и политические – установить контакты с местными шейхами. В то же время местные власти видели в России силу, способную противостоять британской экспансии, надеясь с ее помощью ослабить английское влияние в регионе. В результате Богоявленский, по мнению автора, реализовал не только научные и политические задачи, но и открыл двери для культурных взаимоотношений между Россией и странами Залива².

Непосредственно культурным связям России с регионом Залива посвятил статью Халил Халид аш-Шахбандар, который рассматривает эту тему в контексте взаимодействия России с мусульманским Востоком. Рассказывая о возникновении русско-арабских культурных связей, автор упоминает о мусульманах Хазарского каганата, посольстве Ибн Фадлана в Волжскую Булгарию, а также русских путешественниках, посетивших арабские страны. Менее последовательно автор пишет о контактах Руси с мусульманским Востоком в ордынский и постордынский периоды. Акцентируя внимание на принятии ислама ханом Узбеком, автор не упоминает об исламизации Золотой Орды и ее взаимоотношениях с Русью. Далее аш-Шахбандар пишет о периодах военного взаимодействия русских с мусульманами, в частности, упоминает о роли татар в освобождении Московского царства от поляков. Нужно отметить, что автор также имел представление о тесных связях ордынской и княжеской знати, поскольку писал, что Касимовским царством могли долгое время управлять лишь мусульмане. Рассматривая взаимодействие Российской империи с миром ислама, аш-Шахбандар отмечает лояльное отношение русских властей к мусульманам, в частности, упоминает об учреждении муфтията при

¹ Абахсин, 'Али. Хаула ал-'илакат ат-та'рихийя... С. 30.

² Там же. С. 44.

Екатерине II, строительстве мечетей и медресе¹. Возникновению и развитию культурных связей России с регионом Залива, по мнению аш-Шахбандара, во многом содействовал хадж, который вдыхал жизнь в российский ислам². Большое влияние на развитие русско-арабских культурных связей оказало и российское востоковедение, благодаря которому расширилось представление об арабо-исламском мире.

Таким образом, арабские исследователи зачастую пишут о русско-арабских культурных связях через призму собственного опыта контактов с Россией, а также опыта своей страны. На протяжении нескольких веков их восприятие культурных связей России с Арабским Востоком менялось в зависимости от специфики русско-арабских отношений, а также исторических событий. Однако культурные контакты, в отличие от политических, трактовались арабами чаще всего положительно. Интерес арабов к русско-арабским культурным связям часто обусловлен их стремлением лучше узнать историю собственной культуры и оценить взаимовлияние русской и арабской культур. На данном этапе арабов интересует весь спектр культурных контактов как светских (в сфере литературы, науки, образования), так и религиозных. При этом стоит отметить важную лепту, которую арабские ученые вносят в изучение этой проблемы, поскольку строят свои исследования на материалах архивов России, Великобритании, Индии, Бахрейна, а также стран Ближнего Востока, включая Израиль.

В отличие от российских и арабских ученых, их западные коллеги, как правило, не избирают русско-арабские культурные связи в качестве основного предмета своих исследований, рассматривая их внутри более широких тем, связанных с изучением ближневосточной политики России.

Следует полагать, что интерес европейцев к российской политике на Ближнем Востоке возник в период русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. и продолжал развиваться в течение следующих столетий на фоне роста конкуренции между Россией и европейскими державами в данном регионе. Об этом свидетельствует ряд

¹ аш-Шахбандар, Халил Халид. Мин ал-'илакат ас-сакафийа... С. 15.

² Там же. С. 19.

франкоязычных работ, посвященных присутствию России в Сирии и Палестине, которые были опубликованы в начале XX века¹.

В это время в англоязычной историографии Восточного вопроса бытовали русофобские тенденции, основанные на представлении о том, что Россия вела агрессивную восточную политику, которая заключалась в стремлении разрушить Османскую империю, захватить проливы и открыть путь к завоеванию Индии. Подобное восприятие российской внешней политики доминировало в Британии на протяжении многих лет и было отражено в работах Дж. А. Р. Мэрриота², Х. Темперли³, Г. Болсовера⁴. Лишь в 60-е гг. XX века появились более взвешенные интерпретации политического курса Российской империи⁵. Интерес к российской внешней политики на Ближнем Востоке в это время наблюдался не только в Западной Европе, но и Соединенных Штатах Америки, что связано с усилением конфронтации между западными странами и СССР в контексте блокового противостояния, а также укреплением позиций Советского Союза в ряде арабских стран. В 1950 – 1960-х гг. в США был опубликован ряд исследований, в частности статьи и монографии В. Персена и Б. Джелавич⁶, посвященные ближневосточной политике России. В своей работе В. Персен отметил, что с начала XIX века русская дипломатия стремилась использовать церковные связи с Сирией и Палестиной, чтобы укрепить позиции России в Восточном Средиземноморье в качестве великой державы. Другая работа ученого была посвящена российским военным действиям в Сирии во время русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов⁷.

В это время в Европе был опубликован ряд англоязычных исследований, посвященных российскому духовному и политическому присутствию на Ближнем

¹ Alonzo A. La Russie en Palestine, Paris 1901, L. Boyer, imprimeur—éditeur, 140 p; Deplaisan P. La politique russe dans la Palestine et la Syrie, in Echos d'Orient. Vol. IV. 1900 – 1901.

² Marriot J.A.R. The Eastern question an historical study in European diplomacy. Oxford, 1917.

³ Temperley. H. England and the Near East: The Crimea. London. 1936.

⁴ Bolsover G. Russian and the Eastern Question 1832 – 1841 // Bulletin of the institute of Historical Research. 1933. Vol. IX. № 32

⁵ Anderson M. The Eastern Question 1774 – 1923. London – New York, 1966.

⁶ Jelavich B. A century of Russian Foreign Policy 1814 – 1914. New York, 1965.

⁷ Persen W. The Russian Occupation of Beirut 1772 – 1774. Royal Centre Asian Journal. July – Oct. 1955.

Востоке. Это статьи и монографии Д. Хопвуда¹, Т. Ставру², а также А.Л. Тибави³. Следует отметить, что авторы имели разное этническое происхождение: английское, греческое и арабское, что так или иначе отражалось на их восприятии данной темы, которую они рассматривали с учетом опыта взаимоотношений России со своей исторической родиной. Подобно В. Персену, Т. Ставру отмечает, что русская дипломатия стремилась укрепить положение России на Ближнем Востоке посредством религиозных связей⁴, а кроме того, повысить конкурентоспособность российской политики в регионе. Учреждение Русской духовной миссии Ставру связывал с решением политических задач русского государства. Он отмечал, что несмотря на недолгое пребывание первой Русской духовной миссии в Иерусалиме, ей удалось создать основу для эффективной культурной деятельности России на Ближнем Востоке в конце XIX в.

По сравнению со Ставру, А.Л. Тибави больше внимания уделял взаимоотношениям арх. Порфирия (Успенского) с православными арабами, указывая, что цель его командировки на Восток заключалась не только в сборе сведений о состоянии местных православных церквей, но и в приобретении симпатий местных жителей, а также помощи в их нуждах. Важнейшим итогом первого пребывания арх. Порфирия на Востоке в 1843 – 1844 г., по мнению Тибави, стало то, что он сблизился с греческим духовенством и завоевал расположение православной арабской паствы. Тибави писал не только об арх. Порфирии, но и о других начальниках духовной миссии, в том числе об Антонине (Капустине), упомянув, в частности, основанную им в Бейт-Джале русскую школу. Вместе с тем он отмечал успехи школьной деятельности ИППО, указывая на то, что многие арабские дети оставили католические и протестантские учебные заведения, чтобы поступить в Назаретский пансион. Сам автор имел палестинское происхождение. Получив образование в Иерусалиме, он несомненно был знаком с выпускниками учительских семинарий ИППО, их

¹ Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine 1843 – 1914. Church and Politics in the Near East. Oxford Clarendon Press, 1969.

² Stavrow T. Russian interests in Palestine 1882-1914. Thessaloniki, 1963.

³ Tibawi A. L. Russian cultural penetration of Syria-Palestine in the nineteenth century, London. 1966.

⁴ Stavrow T. Russian Interest in the Levant 1843 – 1848. Porfiri Uspenskii and establishment of the first Russian ecclesiastical Mission in Jerusalem // Middle East Journal, 1963. Vol. 17.

педагогической и литературной деятельностью. В частности, Тибави отмечал, что после Первой мировой войны выпускники Назаретской семинарии руководили преподаванием арабского языка в школах подмандатной Палестины. Помимо русского духовного присутствия на Ближнем Востоке, Тибави интересовала просветительская деятельность британской и американской миссий в регионе, о чем свидетельствуют другие его работы¹.

Обстоятельный труд о политических, религиозных и культурных связях России со Святой землей написал Дерек Хопвуд, в котором он уделил особое внимание деятельности Русской духовной миссии и Православного палестинского общества. Вслед за Ставру и Тибави Хопвуд отмечал хорошие отношения арх. Порфирия с православными арабами, а также некоторые успехи миссии в сфере просвещения, которых ему удалось достичь благодаря тесному сотрудничеству с Иерусалимским патриархом Кириллом. Вместе с тем он указывал на весьма ограниченные возможности РДМ, вследствие чего она не могла соперничать с католическими и протестантскими духовными миссиями и практически была обречена на провал. Большой раздел Хопвуд посвятил Палестинскому обществу и его школьной деятельности, которую он также сравнивал с просветительской работой западных духовных миссий. Среди проблем, препятствовавших развитию школьного дела ИППО, Хопвуд называл: фактическое отсутствие русских педагогических кадров, знавших арабский язык, нехватку квалифицированных арабских педагогов, недостаточное финансирование, упор на религиозное просвещение в начальных школах, а кроме того, презрительное отношение русских учителей к своим арабским коллегам². Несмотря на то, что Хопвуд верно обрисовал проблемы, существовавшие в школах Палестинского общества, особенно в сфере русско-арабской коммуникации, он несомненно преувеличил негативное отношение русских педагогов к арабам.

Следует отметить, что англоязычные труды об интересах России в Палестине, а также деятельности Русской духовной миссии издавались не только в

¹ Tibawi A. L. *British Interests in Palestine. 1800–1901. A Study of Religious and Educational Enterprise.* London, 1961; Tibawi A. L. *American Interests in Syria. 1800–1901. A Study of Educational, Literary and Religious Work.* Oxford, 1966.

² Hopwood D. *The Russian Presence in Syria and Palestine...* P. 154.

США и Европе, но и в Израиле. В связи с этим следует упомянуть небольшую работу обзорного характера, опубликованную Русской духовной миссией в Иерусалиме¹.

Таким образом, в период холодной войны был опубликован ряд обстоятельных трудов на европейских языках, посвященных истории взаимоотношений России с Ближним Востоком, ее политическому, духовному и культурно-просветительскому присутствию в регионе.

В начале XXI века Россия активизировала связи с арабскими странами и другими странами Востока, вызвав тем самым новую волну интереса западных исследователей к ее восточной политике. В это время продолжают публиковаться работы на английском языке, посвященные различным аспектам взаимоотношений России с восточными странами. В 2006 г. была издана монография А. Битиса, в которой рассматривается политика России в Восточном вопросе². В своем исследовании автор стремится выявить роль русской армии, правительства и общества в военной и дипломатической борьбе России с Османской империей и Персией на Балканах, Кавказе и Ближнем Востоке. Несколько разделов Битис посвящает истории российско-османских дипломатических отношений, уделяя особое внимание Адрианопольскому мирному договору и анализу его международных последствий. О политике великих держав Восточном вопросе пишет в своей монографии Мирослав Шедиви³. Взаимоотношения России с греками и арабами в XIX веке рассматриваются в работе Д. Вовченко⁴.

Фундированный труд об отношении России к Азии опубликовал Д. Схимельпеннинк ванн дер Ойе⁵, рассмотревший историко-культурные связи России с Востоком на протяжении нескольких столетий. Автор исследует возникновение и

¹ The Russian presence in Palestine (1843 – 1970). Brief sketch of Russian church and political activities in the Middle East. By The Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. Jerusalem, 1970.

² Bitis A. Russia and The Eastern question. Army, Government and Society 1815 - 1833. Published for the British Academy by Oxford University press, 2006.

³ Šedivy M. Metternich, the Great Powers and the Eastern Question. Published by the University of West Bohemia, 2013.

⁴ Vovchenko D. Creating Arab Nationalism. Russia and Greece in Ottoman Syria and Palestine (1840–1909) // Middle Eastern Studies. Vol. 49, 2013. No. 6.

⁵ Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven and London, 2010.

развитие российского востоковедения, а также восточных мотивов в русской литературе, (неслучайно обозначая их термином «ориентализм»), в контексте исторических взаимоотношений России с Востоком и ее стратегических интересов. Интерес России к странам Востока Схимельпенник объясняет не только тесными связями с восточными народами, но и прежде всего политическими целями русского государства. Рассматривая историю Казанского и Петербургского востоковедных центров, Схимельпенник упоминает о восточных ученых (шейхе Тантави и А.К. Казем-Беке и др.), присутствие которых в Петербурге вызывает у автора интерес. Подробно останавливаясь на деятельности А.К. Казем-Бека в период его деканства в Петербургском университете, Схимельпенник указывает на то, что он был ориентирован на развитие практического востоковедения, что отвечало политическим задачам российского государства.

О восточных ученых в России и русских ученых на Востоке, а также их профессиональном взаимодействии упоминают в своих постколониальных исследованиях В. Тольц¹ и Р. Джераси². Подобно Схимельпеннику ванн дер Ойе, они в определенной мере продолжают и комментируют известную работу Э. Саида³. Однако ориенталистский дискурс не всегда эффективен, чтобы изучать поведение русских ученых и педагогов на Востоке, специфику их восприятия местных реалий, а также взаимоотношений с восточными коллегами. Для изучения этих вопросов необходимо учитывать не только «имперские» задачи России, решению которых была призвана содействовать деятельность русских специалистов на Востоке, но и их личную мотивацию, опыт и специфику взаимоотношений с восточными странами и местными народами.

В завершении историографического обзора следует отметить, что статьи и монографии европейских и американских историков, посвященные взаимоотношениям России с Ближним Востоком, служат важным источником для изучения этой

¹ Тольц, В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

² Джераси, Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение. 2013.

³ Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006.

темы. Помимо тенденциозного отношения к восточной политике России, в работах западных исследователей прослеживается иная точка зрения на происходившие в XIX веке события, которая формировалась под влиянием местной историографической традиции, а также благодаря изучению документов, содержащихся в европейских и американских архивах, что несомненно заслуживает внимания.

ГЛАВА 1.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ РОССИИ С АРАБСКИМ МИРОМ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ

1.1. Русско-арабская культурная коммуникация в контексте взаимоотношений Руси с мусульманским и христианским Востоком

Восточные славяне и их соседи: установление прямых и опосредованных культурных контактов с арабским миром

I

История культурных связей России с Арабским Востоком насчитывает не одно столетие. Можно с уверенностью сказать, что русско-арабские культурные связи возникли задолго до XIX века, в течение которого они получили интенсивное развитие. В отличие от Южной и отчасти Западной Европы, которые столкнулись с арабами практически в начале исламских завоеваний (VII в.) и продолжали активно контактировать с ними на протяжении всего Средневековья, жители Восточной Европы, в силу географической удаленности, с арабами встречались значительно реже. На Руси эти контакты происходили в основном при посредничестве тюркских народов, с которыми восточные славяне соседствовали с незапамятных времен, а также Византийской империи, граничившей с Арабским халифатом.

Первые контакты восточных славян с арабским миром происходили в VII – VIII веках¹. В то время Арабский халифат был одной из крупнейших культурно развитых держав Средневековья, а древние русичи только приступали к созданию своей государственности. Знакомство славян с Арабским Востоком в это время происходило различными путями. Одним из наиболее ранних видов славяно-

¹ См. Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию. М.: Медина, 2016. С. 33.

арабских контактов были контакты военные, которые происходили во время сражений арабов с хазарами и византийцами. Исламские завоевания на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на юге Европы и Кавказе привели к многочисленным войнам Арабского халифата с Византийской империей, а также с Хазарским каганатом, с которым арабы воевали в основном за контроль над Дербентом. При этом Византия и Хазария периодически вступали в союзнические отношения и координировали свои действия в борьбе с нараставшей арабской экспансией¹. Славянские народы, (часть которых проживала на территориях подвластных Византийской империи, часть платила дань Хазарскому каганату) так или иначе оказались вовлечены в орбиту взаимоотношений крупнейших средневековых государств. Об этом свидетельствует участие славян в войнах Хазарии и Византии против Халифата.

Воюя на стороне хазар и византийцев, славяне нередко попадали к арабам в плен. Так арабский историк IX в. ал-Балазури упоминает о 20 000 славян, которых захватил в плен арабский полководец Марван ибн Мухаммад, победивший хазар в 737 г. В то же время бывали случаи добровольного перехода больших отрядов славян на сторону арабов, в частности, в период правления императора Юстиниана II. После таких сражений славяне уходили со своими семьями на Ближний Восток, где зачастую расселялись в приграничных сирийских и месопотамских городах и крепостях. При этом роль славян заключалась в охране границ и в участии в набегах на византийские территории².

Наряду с военными поселенцами, на Арабском Востоке в большом количестве присутствовали славянские невольники, попадавшие туда в том числе и с Руси. Большинство из них были захвачены в плен тюркскими кочевниками, а затем привезены в арабские страны через Волжскую Булгарию и Хорезм, а также через южнорусские степи и Кавказ. Среди славянских рабов были мужчины, женщины и дети, часть из которых попадала на службу к знатным арабским вельможам или

¹ Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским халифатом во второй половине VII – VIII веке: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук. Махачкала, 2010. С. 41.

² Мишин. Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2002. С. 115.

даже халифам. Кроме того, некоторым славянам удавалось добиться высокого положения в обществе и сыграть важную роль в политической жизни арабского мира. В отличие от Фатимидского Египта, где славяне участвовали в государственных делах и даже были наместниками провинций, в Машрике они не занимали столь высоких постов. Славяне, попадавшие на Ближний Восток, нередко были евнухами, пройдя через содержание у рабовладельцев, опасавшихся их бегства. Однако некоторым из них удавалось стать влиятельными особами, приближенными к правителю. В гаремах арабских халифов присутствовали наложницы-славянки, которые иногда становились матерями наследных принцев. Так, ал-Мас'уди упоминал о славянском происхождении матери халифа ал-Муста'ина. Кроме того, из славян формировались воинские отряды и отряды дворцовой стражи, на которых опирались халифы. Несмотря на то, что в основном славянские невольники принимали ислам и хорошо осваивали арабский язык, халифы нередко разговаривали с ними на родном языке, что могло свидетельствовать как о большом количестве слуг-славян при дворе, так и о том, что арабские правители не стремились быстро их арабизировать, чтобы они как можно дольше верно служили своему повелителю. Арабские халифы стремились сохранить «особость» славянских невольников, чтобы отдалить их от массы других подданных, восстания которых им приходилось подавлять.

Безусловно, большинство славян, попадавших на Ближний Восток, постепенно включалось в социокультурные процессы арабо-мусульманского мира, однако некоторые из них, особенно те, кто жили в общинах, продолжали какое-то время сохранять свою этническую и культурную самобытность. Об этом, согласно Д.Е. Мишину, свидетельствует тот факт, что славяне еще долгое время продолжали давать детям свои имена. Что касается славянских общин в Машрике (к примеру, в Антиохии), то они существовали вплоть до середины VIII столетия. По свидетельству ал-Йа'куби, славяне и в середине VIII века еще принимали деятельное участие в войнах за престолонаследие в Халифате¹.

¹ Гаркави. А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах: с половины VII до X по Р.Х. М.: USSR: ЛЕНАНД, 2016. С. 65.

Между тем после утверждения власти Аббасидов следы славянских общин на границах Сирии и Месопотамии постепенно теряются, что во многом объясняется заселением пограничных крепостей выходцами из восточных областей Халифата¹. Неизвестно о новых случаях перехода славян на сторону арабов во время арабо-византийских столкновений. Это дает основание полагать, что с середины VIII века постепенно начинается процесс ассимиляции славян на Арабском Востоке.

Иначе дела обстояли на Арабском Западе, и особенно в Ал-Андалусе, где славяне, несмотря на процесс исламизации и арабизации, еще долго сохраняли сплоченность и некоторую самобытность. Об этом свидетельствуют созданные в IX – XI вв. славянами династии, в частности в Мурсии и Валенсии. Кроме того, хорошо известна гвардия халифов Кордовы из «сицилийских молодцов» – вывезенных из Сицилии славян, которые привели к власти Ибн Аби Амира ал-Мансура.

Так или иначе пребывание славян в арабском мире не прошло бесследно для истории Халифата. Подтверждение тому можно найти в средневековой арабской литературе. Упоминая о ближневосточных славянах, арабоязычные писатели прежде всего интересовались их участием в военных и политических событиях, происходивших на Арабском Востоке, образ жизни и культура славянских невольников не привлекали их внимание. Вместе с тем местные славяне могли интересоваться арабов, прежде всего ученых и купцов, как информаторы, которые могли сообщить полезные сведения об их исторической родине. Косвенно об этом свидетельствует А.Я. Гаркави, отмечавший, что еще в VII веке о славянах упоминал в своих трудах ал-Ахтал, который «жил в то время в столице Халифата и имел возможность лично познакомиться со славянами, переселившимися в это время в Сирию к Арабам»².

Несмотря на то, что военные контакты славян с арабами продолжались на протяжении всего восьмого столетия, постепенно в истории русско-арабских связей все большее значение приобретали торговые отношения, которые также

¹Мишин. Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире... С. 124.

²Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей... С. 3.

установились при посредничестве Хазарского каганата и Византии. Следует отметить, что большую роль в развитии торговых связей Европы с Востоком сыграла стабилизация хазаро-арабских отношений, которая пришлась на начало IX века и была во многом связана с отказом Аббасидов от активной экспансии ради сохранения внутреннего единства государства, а также удержания контроля над ранее завоеванными территориями.

К этому же времени (к 70 – 80 гг. VIII века по Л.В. Янину) относится проникновение арабских дирхемов в Восточную Европу, население которой нуждалось в серебре. Эти обстоятельства способствовали активизации международной торговли на Волжском направлении и, следовательно, установлению торговых отношений Северной и Восточной Европы с Аббасидским халифатом. Именно через Хазарский каганат по Волжскому пути осуществлялся транзит товаров из Европы на Восток и обратно, значительную роль в котором играли и славянские купцы. Неудивительно, что в это время упоминания о славянах и их землях встречались в трудах арабских ученых и путешественников. Для арабов сведения о других странах и населявших их народах носили, главным образом, стратегический характер. Прежде всего, арабских авторов интересовали вопросы политических и торговых сношений, импорт и экспорт из различных стран, территория расселения, религии, обычаи и нравы народов, которые контактировали с Халифатом или его соседями. Можно предположить, что славяне интересовали арабов главным образом потому, что имели интенсивные военные, политические и торговые отношения с Византией и Хазарским каганатом, с которыми Халифат непосредственно граничил. Д.А. Хвольсон отмечал, что «Арабы могли получать известия о славянах из двух мест: 1) из Константинополя, куда часто приходили мусульманские посланцы, и где часто находились в плену Арабы, которые там могли иметь сношения со Славянами; Славян же всегда было много в Константинополе; 2) из Итиля, столицы Хазар при устье Волги, потому что там постоянно жили многие Руссы и другие Славяне»¹. Кроме того, сведения о Восточной Европе, в том числе и о Хазарском

¹ Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах. Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн Дада. М.: URSS, 2014. С. 143 – 144.

Каганате могли проникать в арабо-исламскую географическую литературу (прежде всего литературу Прикаспия) через мусульманскую колонию в Итиле¹. Подобным образом о народах Восточной Европы, в том числе о славянах и русах, узнал известный арабоязычный географ IX века Ибн Хордадбех. Хотя в Восточной Европе ученый не бывал, он пользовался в своих исследованиях оригинальными источниками, в частности, сообщением Салама ат-Тарджумана, который ездил через Кавказ к хазарам и далее на Восток в правление халифа ал-Васика². Важно отметить, что Ибн Хордадбех был персом по происхождению, поэтому мог знать о хазарах, булгарах и славянах больше, чем арабы.

В своем сочинении «Книга путей и царств» он сообщал сведения о Кавказе, Хазарии, бассейне Черного моря, которые имели стратегическое значение для Халифата. В связи с этими районами он упоминал о славянах и русах, их землях и торговых маршрутах. Ибн Хордадбех отмечал, что купцы – норманно-русы, привозили заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи к берегу Румского моря, где они отдавали десятую часть византийскому императору. Иногда они на кораблях ходили по Волге. В Итиле они платили пошлину хазарскому кагану. Оттуда они отправлялись в Каспийское море, где могли зайти в любой порт. Иногда они везли свои товары от Джуржана до Багдада на верблюдах. Переводчиками им служили славянские слуги-евнухи³. Таким образом, Ибн Хордадбех указал два основных торговых пути, по которым славянские купцы вели торговлю с Востоком – Днепровский путь (из Варяг в Греки), по которому славяне связывались не только с Византией, но и некоторыми странами Аббасидского халифата, и Волжский путь, обеспечивавший связь Руси с Востоком. Важно отметить, что путь «из Варяг в Греки» занял главенствующее положение во внешней торговле Руси позднее. Основной магистралью на Восток была Волга, об этом свидетельствует и «Повесть

¹ Заходер. Б.Н. Итиль три рассказа//Международные связи России до XVII в.: М., 1961. С. 43.

² Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX – X вв. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 38.

³ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран/ Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку: Элм, 1986. С. 124.

временных лет»¹, в которой указывается на связь Волжского пути с арабским миром. «На Руси может ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы и на вѣсток дойти в жребий Симов...»².

Хазарский каганат в то время был основной контактной зоной восточных славян с арабо-мусульманским миром. Именно там произошло их первое знакомство с исламской культурой, прежде всего благодаря частым контактам с местными мусульманами, численность которых по сведениям арабских авторов достигала 10 тыс., а также развитию торговли с Халифатом.

Прибывая в торговые города Хазарского каганата, а также зависимой от него Волжской Булгарии, славяне оставались там на некоторое время, дожидаясь купцов из Хорезма и арабских стран. Некоторые славяне могли ехать дальше на Восток, другие продавали свои товары еврейским купцам, которые были важными посредниками в их торговле с арабо-мусульманским миром. На продажу они привозили невольников, меха, рыбий клей, моржовые клыки. Хотя основная доля вывоза падала на сырье, из Руси вывозились и ремесленные изделия в том числе ювелирные украшения, а также льняные одежды, которые на Востоке пользовались немалым спросом³. При этом самым ценным товаром являлись рабы и меха. С.М. Соловьев отмечал, что потребность в мехах усилилась на Арабском Востоке в царствование Харуна ар-Рашида. «До нас дошло известие, – писал он, – что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела в моду шубы, подбитые русскими горностаями или соболями»⁴. В обмен на свои товары «руссы могли брать у арабов дорогие камни, бисер, особенно зеленого цвета (нити его составляли любимое ожерелье русских женщин... золотые и серебряные изделия, цепочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, ручьятки, пуговики, бляхи для украшения одежды и конской сбруи, быть может также шелковые, шерстяные и бумажные ткани... Но как видно руссы сильно желали выменивать на свои товары арабские монеты, диргемы, которые везде и во всяком

¹ См. Мельникова Е.А. Волжский путь в ментальной карте составителя «Повести временных лет»// Труды по русской истории. М.: Парад. 2007. С. 130.

² Повесть временных лет/ под редакцией Д.С. Лихачева. М., 1999. С. 9.

³ Лимонов Ю.А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества. Международные связи России до XVII в.: М., 1961. С. 56.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т.1-2. М.: Мысль, 1988. С. 243.

значении имели большую ценность. Посредством этого пути арабские монеты распространялись по разным местам тогдашних русских областей; как редкие, всегда ценные вещи, как украшения переходили они из рода в род, из рук в руки...»¹.

Налаживание торговли с Халифатом по Волжскому пути имело ряд очень важных последствий для народов и государств Восточной Европы. С одной стороны, возросшие объемы торговли с Востоком привели к экономическому и политическому расцвету Хазарского каганата². С другой – активное участие восточных славян в международной торговле способствовало становлению Древнерусского государства и его экономическому развитию, которое во многом было обусловлено поступлением на Русь большого количества арабского серебра, широко использовавшегося в зарождавшемся денежном обращении, а также ювелирном производстве³. Кроме того, интенсивное торговое общение купцов славяно-русов с мусульманскими и еврейскими купцами во многом способствовало дальнейшему росту и развитию производства, а также распространению изделий русского ремесла, в том числе и на Востоке. При этом Русь начиная с IX в. выполняла не только посреднические функции, но и являлась вполне самостоятельным торговым партнером Востока. Более того, до крестовых походов Русь была важнейшим посредником в торговле Европы с восточными странами.

Таким образом, в основе контактов Руси с Арабским Востоком в этот период лежали причины экономического порядка, обусловленные ее потребностью в серебре, (причем не только как в капитале, но и сырье), которая удовлетворялась за счет поступления куфических монет.

Развитие торговли с Арабским Востоком в IX – X вв. имело не только экономические последствия для Руси, но и способствовало некоторому культурному влиянию арабов на восточных славян. В частности, это касалось ювелирного дела. Так, можно выявить сходство орнамента на арабских дирхемах со сложными плетеными конструкциями на некоторых лунницах – лунообразных подвесках, сделанных, как

¹ Там же. С. 243.

² Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата ... С. 43.

³ См. Мельникова Е. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX – XII веков. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 80.

правило, из бронзы. Кроме того, в X веке на Руси получили широкое распространение бусы из двухслойного стекла с золотой и серебряной фольгой, которые производились в основном в Египте, Сирии, Ливане. Такой тип бус был очень популярен на Руси в том числе и среди деревенского населения. Несмотря на то, что большинство таких бус представляли собой продукт импорта, присутствовали и образцы местного производства. М.В. Фехнер отмечает, что «подобные подделки под золоченые бусы не раз встречались в курганах Смоленской области; это дает основание считать, что в пределах последней существовала стеклоделательная мастерская, где по восточным образцам изготовлялись посеребренные и позолоченные бусы, а также их имитации»¹. Помимо техники исполнения бус, заимствовалась и форма восточных образцов. В частности, на Руси была очень популярна бипирамидальная форма бус, которая имела восточное происхождение. Таким образом, существование торговли с Халифатом оказало влияние не только на экономическое развитие древнерусского государства, но и в некоторой степени содействовало культурному обмену с Арабским Востоком. При этом определенную роль в налаживании межкультурной коммуникации и торговых взаимоотношений играли славяне с Ближнего Востока, которые выступали переводчиками славянских купцов, прибывших на Восток, а также сопровождали караваны и даже посольства в северные страны.

Несмотря на то, что русско-арабские контакты были установлены достаточно рано, они в основном носили нерегулярный, поверхностный, а иногда враждебный характер. Это во многом объяснялось напряженными отношениями между Хазарским каганатом, Византией и Халифатом, основная часть населения которых исповедовала разные религии, что в итоге препятствовало интенсивному культурному обмену.

II

Более основательное знакомство Руси с исламским Востоком произошло благодаря Волжской Булгарии, которая в то время находилась под властью Хазарского

¹ Фехнер М.В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных торговых связей до середины XIII века. М., 1967. С. 50.

каганата. После того, как в VII веке Великая Булгария прекратила свое существование, часть ее населения осела на территориях Хазарского каганата. При этом болгары, населявшие степи между Волгой и Кавказом, были вынуждены уйти на север под нажимом арабов, которые в то время активно воевали с хазарами. Выгодное географическое расположение заселенных булгарами земель, находившихся на стыке торговых путей на Средней Волге, способствовало быстрому становлению Булгарского царства¹.

Между тем Хазария, получавшая огромные доходы от транзитной торговли с Востоком, стремилась контролировать все торговые пути, связанные с ее обширными территориями. Не были исключением и пути, проходившие через Волжскую Булгарию, и особенно город Булгар, который являлся важным международным рынком, связывающим Восточную Европу с Арабским Востоком. Стремление Волжской Булгарии выйти из-под подчинения Хазарскому каганату, а также его соседу и союзнику Хорезму, послужило причиной установления дипломатических контактов с Аббасидским халифатом и предопределило духовный и цивилизационный выбор, сделанный волжскими булгарами в X веке.

В это время в Волжской Булгарии возникла политическая и социальная необходимость в утверждении монотеистической религии, что было связано с возникновением феодального общества и необходимостью централизации власти. Выбор был сделан в пользу ислама, что было обусловлено тесными торговыми и культурными связями с Центральной Азией, а также стремлением ослабить влияние иудейского Хазарского каганата. Политику исламизации Волжской Булгарии начал царь Алмуш. Согласно его стратегическому плану, принятие ислама должно было решить для Волжской Булгарии сразу несколько политических задач. С одной стороны, Булгария приобретала союзников в лице мусульман Хазарии, шла на сближение с государствами Центральной Азии, с другой – получала покровительство Аббасидского халифата. При этом Алмуш не обратился за помощью в исламизации

¹ См. Валеев Р.М. Основные этапы развития торговли и денежно-весовых систем Поволжья и Прикамья периода средневековья (IX – начало XV вв.)// Ученые записки Казанского государственного университета. Том. 151. Серия: гуманитарные науки Книга 2. Часть 1. Казань, 2009. С. 29 – 37.

к государствам Центральной Азии. Принять ислам от хорезмийцев означало для болгар попасть в зависимость от хорасанских эмиров и одновременно сделать своими врагами дружественных гузов, которые могли перекрыть Булгарии все торговые пути на юг. А.П. Ковалевский справедливо отмечал, что далекий Багдад, согласно рассуждениям Алмуша, не мог оказать политического воздействия на Булгарию, поскольку к тому времени Аббасидский халифат претендовал на основную массу своих бывших территорий лишь номинально. Однако принятие ислама от повелителя правоверных было очень престижно, так как давало Алмушу массу возможностей как клиенту самого халифа и более того ставило его в один ряд в социальной иерархии с центральноазиатскими эмирами¹. Исходя из этого, царь Алмуш отправил ко двору халифа посольство, которое прибыло в Багдад в 921 г. Однако халиф ал-Муктадир, предпочитавший больше заниматься своим гаремом, чем политическими делами, не сразу принял болгарское посольство. Обратив внимание на посла из Волжской Булгарии халифа, видимо, заставил титул царя Алмуша, который был представлен царем славян, (под которыми в данном случае подразумевались северные народы, включая болгар), а также определенные политические перспективы на Севере. В письме, переданном халифу, царь Алмуш просил прислать к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, «чтобы установить на ней от его имени призыв к вере в его собственной стране»², а кроме того просил халифа о постройке крепости, чтобы укрыться в ней от царей своих противников. В это время в Багдаде были уже осведомлены, что где-то на севере есть царство болгар, и что их царь принял ислам (об этом упоминалось еще в сочинении Ибн-Руста)³. Намерение халифа отправить посольство в Булгарию было сопряжено с решением политических и миссионерских задач: подорвать мощь Хазарского

¹ Гагин И.А. Волжская Булгария: очерки истории средневековой дипломатии (X – первая треть XIII вв.). СПб-гос. Унив. Рязань, 2004. С. 111.

² Ковалевский А.П. Посольство халифа к царю волжских болгар в 921-922 гг. //Исторические записки. Т. 37. М.: Наука, 1951. С. 192.

³ На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X – XVI вв.). М.: ИНСАН, 1996. С. 53.

каганата и тем самым открыть прямой водный путь на Север¹, а также распространить в Булгарии ислам и установить там шафиитский мазхаб в противовес ханафитскому и соответствующие порядки на молитве. Посольство халифа, которое, по сообщению Ибн Фадлана, составляло более 5000 человек, включая богословов, строителей и ремесленников, прибыло в Волжскую Булгарию в 922 г. О тщательной подготовке к путешествию в Восточную Европу свидетельствует тот факт, что на службе у посольства состояли башкир-мусульманин, а также славянин по имени Барис, чье присутствие должно было способствовать налаживанию коммуникации с местными народами. В качестве секретаря посольства был назначен Ибн Фадлан, который привез царю богатые подарки от халифа. При этом он выполнял не только задачи посла, но занимался активной миссионерской деятельностью обращая местных жителей в ислам, налаживая культ и борясь с местными обычаями среди обращенных². Встречаясь в Булгарии с представителями различных народов, в том числе и славянами, Ибн Фадлан наблюдал за их деятельностью, знакомился с ними, собирал сведения об их землях, религиях, обычаях и нравах. Многие сведения, собранные Ибн Фадланом и записанные им в своем отчете, до сих пор не утратили исторической значимости, сыграв выдающуюся роль в решении основных проблем этногенеза и истории культуры народов России³.

Посольство провело в Булгарии больше полугода. Несмотря на усилия Ибн Фадлана и других участников посольства, столь обширное дипломатическое предприятие, имевшее целью установление прямой связи с далекой северной страной, не принесло ожидаемых результатов. Не получив от посольства значительной материальной поддержки, царь Алмуш разуверился в помощи халифа. В результате он отказался устанавливать шафиитский мазхаб и остался при ханафитском. Такое решение объяснялось не столько обидой на самого халифа, сколько тесными связями Булгарии с центральноазиатскими государствами, а также меньшей

¹ См. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. Издательство Харьковского ордена трудового красного знамени Государственного университета, Харьков. 1956. С. 31.

² Ковалевский А.П. Ибн-Фадлан: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Издательство Харьковского им. А.М. Горького 1950. С. 25.

³ См. там же.

строгостью ханафитского толка, принятого в Центральной Азии, по сравнению с шафиитским в Ираке. Кроме того, не удалось исламизировать гузов – противников каганата и Хорезма. Подверглась репрессиям мусульманская община в самой Хазарии. Следовательно, для Аббасидского халифата эта экспедиция успеха не имела. Посольство Ибн Фадлана вернулось в Багдад в 923 г. Об отношении халифского правительства к его результатам можно судить по тому, что отчет Ибн Фадлана о его наблюдениях «в стране тюрок, хазар, русов, сакалиба, башкир и других» остался без внимания властей. А.П. Ковалевский отмечал, что раздосадованные приближенные халифа и он сам перестали интересоваться страной булгар, и все это дело, вместе с сочинением Ибн Фадлана, было предано забвению¹. Несмотря на то, что между Аббасидским халифатом и Волжской Булгарией не установились регулярные дипломатические отношения, посольство Ибн Фадлана имело важные политические и культурные последствия: оно способствовало скорейшей исламизации болгарского царства его объединению и укреплению. Кроме того, Булгарии удалось ослабить свою зависимость от Хазарского каганата, страдавшего в то время от нашествия печенежских орд. С тех пор вассалитет булгар носил лишь номинальный характер. Вместе с тем посольство открыло возможности для дальнейшего развития торговых и культурных взаимоотношений Булгарии с Арабским Востоком, выразившихся прежде всего в паломничестве булгар в Мекку. Известно, что еще при жизни халифа ал-Муктадира в Багдад из Булгара было отправлено ответное посольство во главе с сыном царя Алмуша, которое посетило столицу Халифата по дороге в Мекку. Вместе с дорогими подарками, упомянутыми ал-Мас‘уди, посольство привезло также дань². Все это доказывает, что в Булгарии чтити аббасидского халифа и стремились поддерживать с ним хотя бы формальные взаимоотношения. В свою очередь аббасидское правительство было слабо заинтересовано в дальнейшем укреплении связей с Волжской Булгарией, что было

¹ Ковалевский А.П. Ибн-Фадлан: автореферат... С. 27.

² На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X – XVI вв.). М.: ИНСАН, 1996. С.72.

обусловлено как внешнеполитическими причинами, так и ситуацией внутри самого Халифата.

В IX веке достаточно четко обозначился процесс распада это государства. В первой половине VIII века отделился Арабский Запад. С 821 г. началось отпадения Ирана, на территории которого возникли новые династии, осуществлявшие самостоятельное управление. Такие процессы, происходившие и в других частях Халифата, препятствовали развитию политических и торгово-экономических связей Аббасидов с другими государствами. Так, возникновение в Азербайджане в 916 г. дейлемитской (иранской) династии Мусафиридов осложнило торговлю между Итилем и Багдадом, с которым у Хазарского каганата установились стабильные отношения. Эти обстоятельства заставили хазар организовать несколько походов в Прикаспийские земли. Причем в походах участвовали не гурганцы-мусульмане, которые отказывались воевать с единоверцами, а наемники-русы¹. Сведения о походах русов и разорении ими мусульманских земель нашли отражение в сочинениях ал-Мас'уди. По-видимому, ал-Мас'уди узнал об этих событиях от купцов во время своего пребывания на Кавказе². Те же купцы могли рассказывать ему о Хазарском каганате, а также Волжской Булгарии, где они часто бывали.

Между тем интерес Аббасидов к Булгарии исчезает с падением Хазарского каганата, а также приходом к власти в Багдаде шиитской династии Буидов, «превративших халифа в чисто религиозного суверена»³.

После гибели Хазарского каганата в 965 г. под ударами Святослава и печенегов Волжская Булгария становится важнейшим центром транзитной торговли Арабского Востока и Центральной Азии с Восточной Европой, а также главным посредником в налаживании культурных контактов Руси с арабо-исламским миром. Принятие ислама в качестве государственной религии сформировало приоритеты в геополитической и культурно-религиозной ориентации болгар. Оказавшись северным форпостом исламского Востока, Волжская Булгария поддерживала

¹ Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Эксмо, 2015. С. 44

² Миккульский Д.В. Арабский Геродот. М.: Алетея, 1998. С. 205.

³ Ланда Р.Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005. С. 34.

тесные связи с крупнейшими культурными и духовными центрами арабо-мусульманского мира, что способствовало возникновению контактов в различных сферах культуры, науки и образовании. Д.К. Валеева отмечает, что с принятием ислама в Булгарию стали появляться восточные мастера, а вслед за ними и ученые, способствовавшие развитию местной культуры¹.

Распространение среди болгар арабского языка и арабской графики, принятой у всех мусульманских народов, позволило им приобщиться к восточному просвещению, достигшему значительного развития². В тот период высшей ступенью мусульманского образования считалась учеба в культурных центрах Ирака, куда наряду с другими мусульманами ездили и болгары. Завершив обучение, одни болгары оставались на Арабском Востоке, другие возвращались на родину, где писали трактаты и комментарии на арабском языке, предназначенные не только для внутреннего пользования, но и всего мусульманского мира. Наряду с местными учеными, получившими образование на Арабском Востоке, в Булгарию приезжали ученые из других мусульманских стран, в том числе и арабы. Здесь уместно вспомнить, что среди участников арабского посольства в 922 г. были богословы, ремесленники и архитекторы, которые могли внести вклад в развитие местной культуры.

Приобщение Волжской Булгарии к культуре арабо-мусульманского мира, привело к тому, что со временем Булгар сам стал крупным научным центром, где получали образование и некоторые жители Арабского Востока. Так Ибн Хаджар сообщает о выходце из Ирака, получившем образование в Булгаре, а потом проживавшем в Анатолии и Сирии³. Булгарские ученые, познакомившись с широко распространенными в XI – XIII вв. трудами известных арабских историков и географов, таких как ал-Балхи, Ибн Халдун, ал-Мас‘уди, ал-Марвази, ал-Идриси, сами внесли определенный вклад в развитие географического знания того времени. Г.М. Давлетшин отмечает, «что болгары лучше всех знали территорию своего расположения... и все, что расположено за ней к северу, западу и востоку. Без

¹ Валеева Д.К. Искусство волжских болгар (X– начало XIII вв.). Казань, 1983. С. 9.

² Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период, X – нач. XIII вв.) Казань: Татарское книжное издательство. С.116.

³ Там же. С. 124.

преувеличения можно сказать, что содержащиеся в мусульманской географической литературе XI – XIII вв. сведения о различных народах и землях севера, в какой-то мере Руси, Урала и Западной Сибири, в значительной степени являются болгарской информацией. Такую информацию о странах Севера, народах Поволжья, Уральских горах... получили в Булгарии и Ибн Фадлан, и ал-Гарнати»¹.

Арабо-мусульманская культура с Ближнего Востока, Ирана и Центральной Азии проникла во все сферы болгарской культуры: архитектуру и фундаментальное строительство, материальную и бытовую культуру. Археологические данные свидетельствуют о том, что еще в X в. в Булгарии возникли регулярные исламские институты, включая мечети, кладбища и т.д., которые заняли центральное положение в структуре города и общественной жизни. О влиянии арабо-мусульманской культуры на материальную культуру и прикладное искусство болгар говорят такие археологические находки, как посуда с арабографическими надписями, замки в форме львов и лошадей, поясные накладки и украшения. Д.К. Валеева отмечает, что начиная с X века и до татаро-монгольского нашествия в Булгарии «наблюдается необычайно высокое развитие всех видов и жанров искусства, в том числе и декоративно-прикладного»². И хотя в архитектуре и декоративном искусстве Булгара доминировало влияние зодчества, ремесленных традиций из Центральной Азии, генетически большинство из них восходило к Арабскому Востоку. К примеру, мотивы орнаментов, украшающих Малый минарет, который был построен до монгольского нашествия, позволяют проследить их более глубокие генетические корни, отсылающие к ранним декорам Ближнего и Среднего Востока³.

С потерей Аббасидским халифатом своего политического значения интенсивные экономические и культурные связи Волжская Булгария продолжает поддерживать с государствами Центральной Азии, народами Закавказья и Ираном.

¹ Там же. С. 136.

² Валеева Д.К. Искусство домонгольской Волжской Булгарии X – нач. XIII вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М. Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств ордена Ленина Академии художеств СССР, 1981. С. 21.

³ Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство/ Под ред. Г.А. Федорова-Давыдова. М.: Наука, 2001. С. 54.

Таким образом, имея тесные культурные и торговые отношения с мусульманским миром, в том числе и Арабским Востоком, Волжская Булгария так или иначе выступала проводником этой культуры на восточных славян.

Освободившись от влияния Хазарского каганата, Волжская Булгария и Киевская Русь, имевшие общие границы на северо-востоке, продолжали укрепляться и активно контактировать друг с другом. В это время Булгария, к которой перешло наследие хазар от нижнего до среднего течения Волги, становится важнейшим партнером Руси в ее торговле с Востоком. Однако стремление обоих феодальных государств поставить под свой контроль пограничные территории, связанные с транзитной торговлей по Волжскому пути, не раз приводило к военным конфликтам. Так Булгария, воспользовавшись начавшейся на Руси междоусобицей после гибели Святослава, стремилась распространить свое влияние на племена вятичей, мурома и меря. При этом вятичи жили по обоим берегам Оки, которая являлась торговой магистралью, связывающей Европу с арабским миром. В свою очередь, Русь тоже была активна в борьбе за преобладание в Волго-Окском междуречье, о чем свидетельствует поход князя Владимира в 984 г. против вятичей и родимичей. Кроме того, в следующем 985 году в «Повести временных лет» зафиксирован поход объединенных русско-гузских полков на Волжскую Булгарию, который закончился победой Руси. Князь Владимир, возглавлявший этот поход, понимал, что Булгария является сильным государством с развитой экономикой и культурой, поэтому заставить ее платить дань не удастся. Вместе с тем необходимость развития торговли с Востоком, а также возможность втягивания в конфликт других мусульманских стран убедили Владимира заключить с булгарами «вечный мир», о чем красноречиво сказано в «Повести временных лет»: «И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть»¹. Очевидно, что это событие благотворно сказалось на развитии дипломатических и культурных связей Руси с Волжской Булгарией, поскольку в 986 г. в Киев прибыло болгарское посольство с

¹ Повесть временных лет/ под редакцией Д.С. Лихачева. М., 1999. С. 176.

предложением принять ислам. Вероятно, в Булгарии были осведомлены о намерении Владимира провести религиозную реформу и утвердить на Руси монотеистическую религию. Возможная исламизация Руси открывала для Волжской Булгарии, а также Хорезма большие политические и экономические перспективы. Будучи дальновидным политиком, Владимир отправил послов в Булгарию и Хорезм для ознакомления с исламом, а также политическим состоянием мусульманских государств. Сведения, доставленные послами, дали основание Владимиру усомниться в том, что утверждение ислама на Руси укрепит его власть и поможет приобрести сильных политических союзников. Эти и другие причины, связанные с некоторыми ритуалами и запретами в исламе, заставили Владимира отвергнуть предложение болгарских послов. Несмотря на отказ Владимира ввести на Руси ислам и последующую ее христианизацию, между Киевской Русью и Булгарией на некоторое время установились мирные взаимоотношения, что безусловно содействовало развитию торговли с Арабским Востоком, а также более интенсивному взаимодействию с арабо-мусульманским миром.

До конца X века на Русь продолжали активно поступать дирхемы, ввозились восточные ткани и ремесленные изделия. О том, что русичи могли подолгу контактировать в Булгарии с арабами (в основном приезжавшими туда торговцами и ремесленниками) свидетельствует тот факт, что там могла существовать небольшая русская община. Кроме того, Булгар в это время являлся крупнейшим каналом работорговли, по которому русские невольники продолжали попадать на Арабский Восток.

Между тем в конце X века в связи с серебряным кризисом в Аббасидском халифате объемы торговли с Европой резко сократились, уменьшился и приток славянских рабов из Булгара. И. Дубов отмечает, что активность на Волжском пути во многом зависела от состояния дел на Востоке, а «кризис в поступлении куфического серебра отразился и на дальних торговых связях, в том числе и по Волжскому пути»¹. Следует полагать, что упадок торговли с Арабским Востоком, наряду с

¹ Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. С. 171.

развалом самого Халифата, негативно сказались на интенсивности культурных и торговых контактов булгар, а через них и славян с арабами. Несмотря на то, что влияние арабской мусульманской культуры все больше заменялось центральноазиатским ее вариантом, черты культуры Аббасидского халифата в ее классическом варианте Булгарией были все же восприняты. Это, прежде всего, сказалось на орнаментальном искусстве, расцвет которого пришелся на конец домонгольского периода.

Что же касается Руси, то в силу географического фактора она не могла напрямую контактировать с арабской исламской культурой и воспринимала отдельные ее элементы через Волжскую Булгарию. Период мирного сосуществования, установившийся между двумя странами в результате мирного договора, сменился в XI веке чередой конфликтов сначала из-за Муромы, а затем в связи с образованием Ростово-Суздальского княжества и борьбой за Мордву. Именно к Ростово-Суздальской земле перешла эстафета контактов с булгарами от Киевского княжества, которое в это время утратило свое прежнее положение. Причиной тому во многом послужили крестовые походы, в результате которых произошло смещение торговых путей, прошедших мимо Киева, из-за чего старый торговый город оказался в коммерческом тупике. В то же время новые торговые пути вызвали большое оживление итальянских, французских и немецких городов, что в свою очередь дало толчок к дальнейшему росту Новгорода, подняло значение Крыма, превратив его в базу генуэзской торговли с Восточной Европой и, в частности, с Ростово-Суздальской землей.

Владими́ро-Суздальское княжество располагалось на удобных речных путях и было непосредственно связано на северо-западе с Новгородом, на востоке с Булгарским ханством, в то же время имело возможность по речным системам соотноситься с югом и юго-востоком по Волжскому и Донскому путям¹, что значительно содействовало его экономическому развитию. Блестящим периодом в истории Владимирской земли было время княжения Всеволода Большое гнездо (1176 – 1212) –

¹ Греков Б.Д., А.Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 183.

при котором контакты с Волжской Булгарией были особенно интенсивными. При нем границы княжества значительно расширились, главным образом на Востоке: два похода на Булгарское царство и четыре похода на Мордву дали ему возможность продвинуться к Волге, а его сыну Юрию – закрепиться там. Необходимость развития торговли с арабо-мусульманским миром влияла на внешнюю политику владими́ро-суздальских князей, о чем свидетельствовал ряд мирных договоров между княжеством и Волжской Булгарией¹. Подобные мирные отношения создавали условия для укрепления торговых связей, а также культурного взаимодействия. В это время на Руси, прежде всего в областях, находившихся по соседству с Волжской Булгарией, становится заметно влияние болгарского искусства. Элементы арабо-мусульманской культуры проникали в русское ювелирное дело, декоративное творчество, а также архитектуру. Именно в эпоху Всеволода Большое Гнездо на Северо-Востоке Руси происходит расцвет фасадной резьбы, которая непосредственно связана с мусульманским орнаментальным искусством².

Несмотря на географическое соседство и длительное историческое взаимодействие, приводившее в ряде случаев к этническому смешению, Булгария и Русь принадлежали к разным цивилизациям, которые были антагонистически настроены по отношению друг к другу. Это несомненно влияло на широту и специфику культурного обмена. Как правило, Русь заимствовала те элементы мусульманской культуры (прежде всего, в ее художественной сфере), которые не имели явных коннотаций с исламом. Примером тому может служить растительный орнамент, который в христианском и мусульманском искусстве семантически соотносится с образом рая. Мусульманское орнаментальное искусство, канонические принципы которого вырабатывались в Халифате, с легкостью заимствовалось русскими мастерами, находя свое отражение в церковной архитектуре, а также прикладном искусстве. При этом орнаментальные композиции заимствовались либо полностью, либо перерабатывались в процессе творчества. Авторы «Истории русского искусства»

¹ См. Лимонов Ю.А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества// Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 59.

² Беляев Л.А. Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке// Поволжская археология, 2016. № 2(16). С. 21.

отмечают, что орнаменты и изображения на восточных изделиях, особенно тканях влияли на образотворчество русских мастеров¹. Влияние восточного орнамента отразилось на чеканном и гравированном узоре в виде стилизованных цветов и растительных завитков, характерных для искусства Руси X–XIII вв. Кроме того, были широко заимствованы техники восточных ювелиров, такие как зернь и скань, которые применялись при изготовлении подвесок, бус, звездчатых колтов и лунниц.

Из вышеизложенного следует, что посредством интенсивных контактов с Волжской Булгарией Русь начала свое знакомство с культурой исламского, в том числе и Арабского Востока. Разобщенность обоих государств помешала им дать отпор надвигавшейся монгольской угрозе, в результате чего пострадали и были разрушены крупнейшие культурные центры обеих стран. Несмотря на это, в период господства Золотой Орды взаимодействие Руси с мусульманским миром было не только продолжено, но и стало значительно интенсивнее.

III

Как известно, Монгольская империя возникла в XIII веке в результате походов Чингис-хана и его преемников, завоевавших огромные территории от Тихого океана до Средиземного моря. С завоеванием Центральной Азии и Хорезма под властью монголов оказались мусульманские народы, обладавшие по сравнению с кочевниками более развитой культурой. Это привело к тому, что арабо-исламская культура постепенно распространялась среди населения огромной империи. Между тем после смерти Чингис-хана его держава начала распадаться на отдельные улусы, среди которых самым крупным был улус его сына Джучи. Арабские географы XIV – XV вв. указывают примерную государственную границу Джучиева улуса так: «Царство его (лежит на северо-востоке и (простирается) от моря Константинопольского (Черного) до реки Иртыша, в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Бабелебваба (Дербента) до города Булгара, т.е. приблизительно на 600 фарсахов»². Таким образом, улус Джучи включал огромные территории,

¹ История русского искусства. В 13 т. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. 1. 1953. С. 253.

² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. С. 206.

охватывавшие почти половину Азии и Европы. Его правителем в 1227 г. стал внук Чингис-хана хан Батый, который считается основателем Золотой Орды. Именно его армия совершила поход на Запад, завоевав Волжскую Булгарию, а затем и русские земли. О завоевании Булгарии в русских летописях говорится: в 1236 г. «пришедше безбожнии Татарове поплениша всю землю Болгарскою и град их Великий взяша и иссекоша вся и жены и дети, а иные в полон взяша»¹. При этом войско Бату-хана, состоявшее больше чем на половину из ранее покоренных мусульман, в летописях именуется не иначе как «безбожнии Измаилитяне»².

После завоевания камских болгар в 1236 г. монголы в течение года подчинили себе народы Поволжья: болгар, башкир, половцев и др., а после курултая 1237 г. было принято решение идти походом на Русь, которая практически целиком была подчинена Монгольской империи.

Нашествие монголов на русские земли является одним из наиболее трагичных событий в отечественной истории. Вторгшись на Русь в 1237 г., хан Батый со своей армией разорили ее земли, уничтожили многие города и их население, нанеся тяжелый ущерб культуре русских княжеств. Р.Г. Ланда отмечает, что после нашествия Батые еще целый век не строились каменные крепости, надолго или навсегда исчезли ремесла, большинство ремесленников или погибли, или были увезены в Орду³. С этого времени культурные контакты Руси постепенно переориентируются с Запада на Восток. И хотя контакты Руси с мусульманским миром установились в период существования Хазарского каганата и Волжской Булгарии, интенсивность их существенно возросла, когда основные народы этого региона были объединены под властью Золотой Орды.

О нашествии Батые писали не только русские, но и арабские авторы. Так, средневековый арабский историк ал-‘Айни отмечал: Войска Бату хана, вторгнувшись в северные страны, «покорили жившие в них тюркские народы и племена кипчакские, аланские, аские, авлакские, черкесские и русские, да (прочих)

¹ Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 513.

² Ипатьевская летопись/ под ред. О.П. Лихачева. Л., 1990. С. 518.

³ Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию. М.: Медина, 2016. С. 54.

обитателей этих стран; они одолели их разбоем, грабежом, пленом и опустошением. Взятые в плен из этих народов были отвезены в земли Сирийские и Египетские. Из них-то и произошли мамлюки аделийские, камилийские, ашрефийские, муазземийские, насырийские да азизийские, оставившие прекрасные следы в государствах мусульманских»¹. Таким образом, ал-‘Айни отметил, что в результате завоевательных походов монголов, создавших огромную империю, возникли этнические, а затем и культурные связи Золотой Орды и населявших ее народов с Арабским Востоком. Установлению межкультурных контактов в империи способствовала военная практика ханов использовать «в своих войсках мусульман Центральной Азии, Ирана, Булгарии и Кавказа, аланов, кыпчаков, касогов, русских и прочих»².

Между тем Золотая Орда, на территории которой оказались крупные центры мусульманской культуры, исторически связанной с культурами Арабского Востока, Ирана и Центральной Азии, постепенно втягивалась в орбиту исламской цивилизации. При Бату-хане Золотая Орда находилась в состоянии мира, развивалась международная торговля, были заложены основные маршруты дальних караванных морских и речных путей³. Налаженное торговое сообщение с другими государствами, а также внутри самой Золотой Орды содействовало культурному обмену с мусульманским Востоком. В правление Батыея в Золотой Орде началось градостроительство, был основан Сарай-Бату, куда были завезены ремесленники и строители из покоренных стран.

Намного активнее контакты Золотой Орды не только с мусульманским миром, но и Арабским Востоком (прежде всего с Египтом) стали происходить при преемнике и брате Батыея хане Берке (1257 – 1266), который в отличие от своего предшественника был мусульманином. Это обстоятельство содействовало его победе в борьбе за ханский престол, которую ему обеспечили влиятельные мусульманские купцы. Однако еще до вступления на престол Берке мусульмане в Орде

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С. 503.

² Ланда. Р.Г. Россия и ислам... С. 49.

³ См. Егоров В.Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды// Владимирцовские чтения 111, Доклады и тезисы всероссийской научной конференции. (Москва, 25-26 октября 1993 г.) М., 1995. С. 13.

были влиятельны. Они встречались и в кругу башкирской знати, и в массе рядовых воинов. Одновременно Берке нашел поддержку мусульманского духовенства Хорезма и Булгара, желавшего видеть на троне не язычника, а сторонника ислама. Несмотря на то, что Берке принял ислам в Бухаре, он поддерживал дружеские отношения с Аббасидским халифом в Багдаде, с которым вел переписку и обменивался посольствами. Вступление на престол золотоордынского хана мусульманина было встречено в исламских странах с большим торжеством. Его имя произносилось после имени султана во время пятничной молитвы с минбаров в мечетях Каира, Иерусалима, Мекки и Медины. Его политическое влияние простиралось от берегов Волги до Нила¹. В свою очередь известный исследователь истории Крымского ханства В.Д. Смирнов отметил, что принятие ислама золотоордынским ханом Берке сделало его настоящим героем в глазах арабских летописцев, и они все подробно распространялись о его деяниях, а особенно о его сношениях с египетским султаном и о вмешательстве в дела малоазиатских государств².

Намереваясь распространить ислам в Золотой Орде, Берке активно приобщал к нему наиболее сильных представителей ордынской власти, открыл мусульманским купцам доступ ко всем государственным учреждениям, предоставил мусульманскому духовенству возможность вести активную миссионерскую деятельность.

Между тем, укрепив свою власть, правительство Берке начало борьбу за усиление военно-политического могущества улуса Джучи. Пользуясь слабостью других монгольских государств, правительство Берке начало вмешиваться в дела улусов Чагатай и, особенно, Хулагу, война с которым растянулась на сто лет. Государство Хулагуидов возникло на территории Ирана в конце 50-х XIII в. в результате завоевательных походов внука Чингис-хана – хана Хулагу. Его войска, вторгшись в 1258 г. в Ирак, разрушили Багдад и убили халифа ал-Муста‘сима после чего, по словам историка Мухаммада ал-Хадри-бека, закатилось солнце Аббасидского халифата³. По окончании войны в Иране между двумя монгольскими ханскими

¹ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII – XIV вв.). М.: Наука, 1966. С. 33.

² Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII – XV вв. М.: Вече, 2016. С. 36.

³ Ал-Хадри-бек, Мухаммад. Ад-даула ал-‘Аббасийа (Государство Аббасидов). Каир. 2003. С. 439.

домами – Джучидами и Хулагуидами – началась распря, предметом которой был вопрос об Азербайджане. При этом важную роль в этом конфликте играл религиозный фактор, связанный с защитой ислама¹. Убийство аббасидского халифа, являвшегося повелителем всех правоверных, давало возможность хану Берке считать войну против Хулагуидов священным Джихадом².

Конфликт между двумя крупнейшими монгольскими державами привел к тому, что в его орбиту оказались вовлечены другие государства и народы. Общие политические цели – борьба с государством Ильханов способствовала установлению регулярных дипломатических сношений между Золотой Ордой и Египтом, находившимся со второй половины XIII в. под властью мамлюкских султанов. Эти отношения начались при деятельном участии Берке-хана и мамлюкского султана ал-Малика аз-Захир-Рукн-ад-Дина Бейбарса, который происходил из Крыма. Так как Египту уже случалось встречаться с Хулагуидами в Сирии (граница между двумя государствами проходила в Месопотамии) султан Бейбарс был очень заинтересован в политическом союзе с Улусом Джучи. При этом, с одной стороны, мамлюки стремились поддержать дружественные отношения и военный союз с Золотой Ордой против Хулагуидского Ирана, а с другой – ослабить эти государства, настраивая их друг против друга, т.к. чрезмерное усиление нового союзника за счет разгрома Хулагуидов не отвечало бы интересам Египта³. В то же время союз Золотой Орды с мамлюкским Египтом (с 1262 г.) – наиболее сильным мусульманским государством в то время – был логичен и для Берке, поскольку подкреплялся формальным признанием духовной власти проживавшего в Каире халифа и являлся подготовкой к реальному отказу посылать дань в Каракорум. Тот факт, что Берке отказывался признавать над собой власть Великого хана подтверждает чеканка золотой монеты не с именем Хубилая, а с именем халифа Наср ад-Дина.

¹ См. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом ... С. 6, 13.

² Яценко С.А. Выбор веры в истории номадических обществ. // Вера, Мысль, Выбор: По материалам Зерновских конференций 2012 – 2013 гг.: «Философская мысль и религиозный опыт», «Свобода и выбор веры в истории мировых религий». М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 131

³ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом... С. 4.

Военные столкновения между монгольскими государствами отражались на торговых и культурных сношениях. Давние торговые связи Поволжья с крупными городами Ирана и Багдадом, дороги въезда и выезда купцов, свободное перемещение ремесленников и ученых были значительно затруднены. Вместе с тем установление союзнических отношений между Золотой Ордой и Египтом способствовало развитию экономических и культурных связей между обоими государствами¹. Более того, сложившаяся политическая обстановка способствовала переориентации культурных и религиозных контактов ордынцев с Багдада на Каир.

Большое влияние на развитие культурных связей между Египтом и Золотой Ордой оказали дружеские отношения между Берке-ханом и султаном Бейбарсом, которые вели дипломатическую переписку друг с другом, а также регулярно обменивались посольствами. Среди подарков, которые султан часто отправлял в Золотую Орду, египетские авторы упоминают священное писание, левантийские и александрийские платья, подушки, ковры, светильники, коврики для совершения намаза, рабов, египетских ослов и нубийских верблюдов, поварих и многое другое². Такие роскошные подарки производили невероятное впечатление при дворе золотоордынского хана, который при всем своем желании тогда не мог быть на уровне мусульманской культуры. Вместе с подарками в Орду из Египта посылались строительные материалы для мечетей, архитекторы, ремесленники и ученые богословы, что несомненно говорило о стремлении мамлюков приобщить ордынскую знать к арабо-исламской культуре. Кроме того, султаны настойчиво предлагали Берке исламизировать Золотую Орду, что, прежде всего, отвечало их политическим интересам. При этом сам Берке неоднократно демонстрировал свою приверженность исламу: облачался в одежды, присланные ему в дар от халифа³, приближал к себе мусульманских духовных лиц из Египта. По сообщениям арабских писателей, «был у царя Берке человек факир из жителей Фаюмских, по имени Шейх Ахмед

¹ На стыке континентов и цивилизаций... С. 320.

² См. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С. 189.

³ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом ... С. 32.

Эльмысри¹, который пользовался у него большим почетом»². При Берке также было начато строительство мечетей, которое нередко осуществлялось на субсидии из Египта. Став мусульманином, золотоордынский хан покровительствовал политике исламизации в своем государстве. Стремление утвердить ислам в Золотой Орде было обусловлено намерением укрепить собственную власть, поддержать дружбу с Египтом, укрепить тесные связи Орды с Булгаром, а также культурными центрами Средней Азии. Тем не менее сколько Берке-хан ни старался углубить исламизацию, последняя при нем захватила только верхние слои господствующего класса, да и то только те, которые были близки к ханскому двору³. При этом Берке не стремился распространить ислам на Руси, хотя при нем ордынская власть над русскими землями была полностью установлена.

При преемниках Берке, особенно при ханах Туда-Менгу и Тохте, также развивались взаимоотношения Орды с Египтом, продолжались обмены посольствами. При этом мамлюкские султаны окружали золотоордынских послов подчеркнутым вниманием, приглашая на проповеди халифа, оплачивая расходы на паломничество в Мекку и Медину, организуя хадж для самих ханов и представителей ордынской знати.

Как и прежде, в Орду посылались дорогие подарки, причем не только семье хана, но и наиболее крупным вельможам. Продолжала оказываться помощь в строительстве культовых сооружений. Так, по словам Ибн ал-Фурата, в 1287 году египетский султан ал-Малик ал-Мансур отправил множество разных припасов для мечети, которая строилась в Крыму, стоимостью в две тысячи динаров. На этой мечети были начертаны имена египетского султана. Был также послан каменщик-каменотес для того, чтобы высечь на мечети султанские титулы. Отправлены были с послами и масляные краски.

Еще больше религиозные и культурные связи Золотой Орды с арабо-мусульманским миром окрепли при хане Узбеке, при котором Орда стала одним из

¹ ал-мисри – египтянин (араб.).

² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С. 194.

³ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. - Л., 1950. С. 80.

сильнейших государств в Европе и Азии. Взойдя на престол в 1312 г. при активной поддержке исламской аристократии, Узбек начал борьбу с шаманами, требуя от подданных обращения в ислам. Сам Узбек, согласно египетскому писателю аль-Омари (ал-‘Умари¹), был «мусульманином чистейшего правоверия, открыто проявляющий свою религиозность и крепко придерживающийся законов мусульманских»². Именно его усилиями ислам окончательно утвердился в Золотой Орде. Несмотря на то, что основную роль в распространении ислама среди кочевого населения и знати золотоордынского государства сыграла Центральная Азия, активное участие в этом процессе принимал и Египет. Об успехах исламизации в своем государстве Узбек сообщал египетскому султану ал-Малику ан-Насиру Мухаммаду, который, между прочим, был женат на одной из чингисидских царевен.

При хане Узбеке снова активизировалась вражда с Хулагуидами. Не исключено при этом, что Узбек лелеял тайную мечту соединить оба государства под своей властью. В истории «Шах Увайса» говорится о некоей Багдад-хатун, которая вела переписку с Узбеком, приглашая его на хулагуидский престол, за что была казнена в 1335 году.

С принятием ислама в Золотой Орде получила большое распространение и арабская культура³. Кроме того, в этот период значительно вырос интерес к городской жизни⁴. Именно города и крупные культурные центры, основанные Узбеком: Солхат, Сарай ал-Джадид, а также старый Булгар, сыграли огромную роль в налаживании торгового и культурного обмена между Золотой Ордой и Египтом. Непосредственно связанной с Арабским Востоком была и Астрахань. По одной из версий название Хаджи-Тархан город получил по имени одного паломника, который, возвращаясь из Мекки, остановился в этом месте. В Астрахани, по словам Ибн Баттуты, существовало множество базаров. Во всех крупных ордынских городах шла интенсивная торговля с Арабским Востоком. Так, к примеру, с Сирией и Египтом

¹ Здесь и далее в скобках приводится более точная кириллическая транслитерация некоторых арабских имен, фамилий, географических названий и литературных произведений.

² Тизенгаузен. В.Г. Сборник материалов... С. 230.

³ На стыке континентов и цивилизаций... С. 317.

⁴ Наумов И.Н., Шарапов Д.Ю. Становление и развитие золотоордынской городской культуры. История в подробностях 2013. № 8. (38). С. 9.

ордынцы активно обменивались изделиями из стекла. Об интенсивных торговых взаимоотношениях с Ближним Востоком свидетельствуют монеты отчеканенные от имени сеньора Бейрута Жана I, а также монеты халифа Наср-ад-Дина, которые были найдены в Сарае ал-Джадиде¹. В новой столице было построено множество мечетей, медресе, мавзолеев. Ибн Батутта, посетивший город в 1334 г., указывал на 13 соборных мечетей, в том числе одну шафиитскую. С распространением ислама начинает развиваться мусульманская духовность и ученость, которая не мыслима без знания арабского языка. О постепенном знакомстве в Золотой Орде с арабским языком и графикой свидетельствуют археологические находки местного производства, на которых присутствуют арабские надписи. Знакомство с арабским языком, изучение арабоязычной литературы, позволило установить духовные контакты с арабским миром. Арабский исследователь Амин аль-Холи отмечает, что между Сараем и Каиром существовали тесные научные и культурные связи. Многие ученые из Каира приезжали в Сарай, а из Сарая – в Каир, они вносили вклад в развитие научных и культурных связей между Волгой и Нилом². Так, в Сарае жил ведущий представитель учения Малики Шамс ад-Дин ал-Мисри, имя которого свидетельствует о его египетском происхождении. Нередко местные мусульманские ученые обучались в ал-Азхаре. Помимо египтян, Ибн Батутта встречал в Крыму и иракцев, которые также были учеными-богословами, правоведами и даже старостами деревень. Активное участие в развитии научных связей между Ордой и Египтом играл и Солхат. Известно, что во времена сына Узбек-хана Джанибека ученые из Крыма: Дийа' ал-Кирми и Рукн ад-Дин ал-Кирми были приглашены в Каир, где читали лекции в известных медресе³.

В золотоордынский период происходит переориентация духовных и богословских традиций с Хорезма на Каир. Г.М. Давлетшин отмечает, что «если болгары домонгольского периода в вопросах религии, в том числе в области

¹ Калан Э. Городская культура и торгово-экономические отношения Золотой Орды (на примере Сарай ал-Джадид – Нового Сарая) // Ученые записки Казанского Университета. Т.151: Гуманитарные науки. Кн.2. Ч.1. Казань, 2009. С. 83.

² См. Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой / Пер. З.И. Левин. М.: Наука, 1962. С. 28 – 29.

³ Абдулаева Г.А. Золотая эпоха Крымского ханства: Очерки. Симферополь.: Издательство Крымучпедгиз, 2012. С. 144.

религиозных учений, придерживались взглядов Хорезма, то в период Джучиева Улуса больше обращались к государству, признанному центром исламского мира, – к Египту...»¹. Известно, что Египет был основным центром религиозной учености, куда обращались за духовной литературой и консультацией. После того как в 1323 г. египетское посольство посетило Сарай, вслед за ним было отправлено письмо с просьбой прислать толкование книги сунна, а также сборник хадисов пророка.

Активные контакты Орды с Египтом, а также другими мусульманскими странами, привели к тому, что арабо-исламская культура распространилась на территории Дешт-и-Кипчака², оказав исключительное влияние на все сферы культурной и бытовой жизни ее народов. Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что «в силу ориентации ханов на мусульманство... в южнорусской степи, далекой от ислама, вдруг пышно распускается совершенно чуждаяномадам яркая урбанистическая восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана и математиков-алгебраистов, изысканного тонкого орнамента и каллиграфии»³.

В это время культурная жизнь Золотой Орды значительно обогатилась новыми элементами на основе сплава различных достижений многих народов. В золотоордынских городах работают как местные ремесленники и строители из Булгара, так и привезенные с Арабского Востока, Средней Азии, Кавказа, Руси. Благодаря их совместным усилиям местное ремесленное производство и архитектура достигли большого успеха. Среди ремесленников из других стран были египтяне, которые часто отправлялись в Орду в качестве султанских подарков. На новом месте они передавали свою технику, а вместе с художественной техникой заносили элементы художественной культуры, привить которые в городской среде не

¹ Давлетшин Г.М. Мусульманское богословие в Золотой Орде (исторический аспект)// Золотоордынская цивилизация. Вып. 2 Казань: ФЭН. 2009. С 27.

² Дешт-и-Кипчак (Половецкая степь) – исторический регион Евразии, представляющий собой Великую степь от низовий Дуная до Иртыша и озера Балхаш.

³ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. С. 118.

составляло особого труда. Активное культурное взаимодействие с Египтом способствовало проникновению художественных элементов, характерных для его искусства и архитектуры. «Археологические находки египетских тканей, вышивок, ювелирных изделий, монет и других предметов, как и элементы египетской архитектуры (так называемый мамлюкский срез – треугольные скосы при переходе от квадратного основания здания к шести-восьмиграннику), представленные в конструктивно-декоративной системе болгарских и крымских зданий, являются доказательством этих взаимоотношений»¹. Влияние ближневосточной архитектуры заметно и в соборной мечети Булгара. Важной особенностью декоративного убранства была многоцветность, сближавшая облик зданий Золотой Орды с архитектурой Ближнего Востока и Малой Азии. Она достигалась применением в декоре цветных изразцов, которыми были облицованы стены жилых и общественных зданий.

По словам Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, влияние арабо-мусульманской культуры выразилось в утверждении с XIV века принципа орнаментальности, доминировании цветочно-растительного, геометрического, а также арабескового узора, в который органично вписывалась вязь арабских надписей. Широкое распространение получила и каллиграфия. Арабские надписи и эпиграфический орнамент охватывают широкий круг изделий прикладного искусства², в том числе и ювелирного. Гравировка наносилась на перстни, браслеты и другие ювелирные изделия, которые получили широкое распространение в Европе, в том числе среди русской знати. В золотоордынской керамике встречается орнамент в виде глубоко врезанных треугольников, которые присутствуют в керамике Закавказья, Ирака и Ирана с IX – X в.

С другой стороны, черты тюрко-татарской золотоордынской культуры были выявлены в искусстве Египта. Во многом это объясняется тесными этническими связями между ордынскими тюрками и мамлюками-кипчаками. Придя к власти в Египте, мамлюки стремились пополнить свои ряды не только за счет кыпчакских

¹ Валеева-Сулейманова Г.Ф. Искусство Золотой Орды как часть исламской цивилизации//Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань. 2009. С. 20.

² Там же. С. 25.

(половецких) рабов, но и родственников, вызванных туда из Орды. Амин аль-Холи отмечает, что кипчаков в Египте было так много, что их пребывание оставило «заметный след» в истории этой страны¹. О том же пишет средневековый арабский автор ал-‘Умари: мамлюкские цари «чувствовали склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так что Египет заселился ими и стал охраняем со всех сторон. Из них были светила государевой свиты, представители собраний, предводители войск земли его (Египта)»².

Между тем активное взаимодействие Орды с Арабским Востоком, распространение на ее территории арабо-исламской культуры не могло пройти бесследно и для Руси. Влияние мусульманского Востока на Русь возросло при ханах Узбеке и Джанибеке, в правление которых Золотая Орда достигла наибольшего политического и культурного расцвета. В это время, по словам Р.Г. Ланды, происходит включение Руси вместе с Золотой Ордой в ареал действия арабо-исламской цивилизации³. Об активном приобщении Золотой Орды к культуре исламского мира свидетельствовали и арабские ученые, которые всерьез заинтересовались Дешт-и-Кипчаком со времен хана Берке. О Золотой Орде писали ал-‘Умари, Абу-л-Гази, ал-Муфаддал, Ибн Халдун и др. Некоторые из них, как например Ибн-Баттута, посетили Золотую Орду лично. Следовало ожидать, что вместе с Золотой Ордой в поле зрения арабских авторов, оказывались земли и народы, находившиеся под ее властью, в том числе и Русь. Так, интересные сведения о русских содержатся у ал-‘Умари: «У султана этого государства (золотоордынского хана) рати Черкесов, Русских и Ясов. Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, водится скот, текут реки и добываются плоды. Они (Черкесы, Русские, и Ясы) не в силах сопротивляться султану этих стран и потому обходятся с ним как подданные его, хотя у них есть свои цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и

¹ Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой ... С. 12.

² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С. 232.

³ Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию... С. 96.

стеснял их осадами; сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен их жен и детей, уводил их рабами в разные страны»¹. Далее он пишет: «Что касается городов Черкесских, Русских, Ясских... в настоящее время между ними уже распространен ислам и засиял над странами их свет правоверия»². Упомянув о вассальной зависимости русских земель от Золотой Орды, ал-Умари заключает, что ислам утвердился не только в самой Орде, но и на подвластных ей территориях. Хотя это утверждение не верно, следует отметить, что Русь через влияние Золотой Орды так или иначе приобщалась к мусульманской цивилизации и ее культуре. О Руси и русских писали и другие арабские авторы. Так, например, ал-Муфаддал, ссылаясь на сведения послов ал-Малика аз-Захира, писал о том, что в Крыму помимо кипчаков и алан обитало множество русских. Действительно большое количество славян издавна жили на побережье Азовского моря, а также на Кавказе. Писал он и о том, что по Волге плавали русские суда³. О причастности русичей к торговле с мусульманским и, в частности, с Арабским Востоком говорит тот факт, что в это время в русский язык проникает много арабизмов прежде всего из торгово-экономической сферы.

Таким образом, на основании сообщений арабских авторов можно сделать вывод о том, что русские в большом количестве проживали в ордынских городах, где присутствовали также и арабы, активно вели торговлю с мусульманским Востоком, состояли на службе в армии золотоордынских ханов, отряды которой доходили в том числе до Арабского Востока, Китая и Юго-Восточной Азии. Кроме того, славяне часто обращались в рабство и продавались в Египет и Сирию. Эти факты свидетельствуют о том, что в период Золотой Орды славяне пусть и не массово, но все-таки контактировали с арабами. Тем не менее вопрос о существовании русско-арабских культурных связей в этот период является весьма сложным. Если в Ал-Андалусе и Сицилии в тот же период культурные контакты между европейцами и арабами осуществлялись напрямую, отсюда возникал интенсивный

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С. 231.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 193.

культурный обмен, а также влияние арабо-исламской культуры на европейскую, то культурные контакты Руси с арабским исламским Востоком являлись скорее опосредованными и происходили через Золотую Орду. Вместе с тем даже после утверждения ислама в Золотой Орде на Руси им по-прежнему особо не интересовались, довольствуясь сведениями об арабах и их религии, поступавшими из Византийской богословской литературы. Не особенно уделялось внимание процессам исламизации ордынского общества и в русских летописях. Так, в Лаврентьевской летописи упоминается лишь дата восшествия на престол хана Узбека. Следовательно, все культурные события, происходившие в то время в Орде, оставались без внимания.

Между тем с началом исламизации Орды усиливаются позиции православной церкви, что происходило, в том числе благодаря участию мусульманских ханов. Так, Берке в 1260 г. разрешил учредить в золотоордынском Сарае православную епархию. Активно привлекал на свою сторону православную церковь и хан Узбек, небезосновательно считавший ее политической силой. Действительно, по мнению Л. Гумилева, тонкая церковная дипломатия сыграла значительную роль в установлении союза между православной Русью и мусульманской Золотой Ордой¹.

Развитию связей Руси с мусульманским Востоком в значительной степени содействовали купцы. Во многом именно благодаря активной внешней и внутренней торговле в Золотой Орде, происходил интенсивный культурный обмен с мусульманским Востоком. По этим каналам вместе с восточными товарами культура арабского мира проникала и на Русь.

Пожалуй, самые интенсивные контакты Руси с арабо-исламским Востоком происходили через княжеско-боярскую верхушку, которая была тесно связана с ордынской знатью причем не только вассальной зависимостью, но и кровными узами. Несмотря на то, что ордынские ханы не навязывали свои порядки на Руси, князья сами старались им подражать. Во многом это было связано с образом самого золотоордынского хана, который на Руси именовался вольным царем. При этом князьями заимствовались не только политическая культура Орды, ее методы управления,

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Кн. 2. М.: Ди дик, 1997. С. 123.

судебная практика (которая в Орде с XIV века базировалась на нормах шариата), но также бытовая культура. Этому значительно способствовали межэтнические браки между представителями ордынской и русской знати, а также пополнения ее рядов выходцами из Орды. Л. Гумилев указывал на то, что первое появление татарских жен в русских теремах относилось к середине XIII века¹. Кроме того, значительная часть знатных ордынцев переехала на Русь, не желая принимать ислам. Конечно, не они принесли с собой на русские земли элементы арабо-исламской культуры. Однако на Русь уезжали также ордынские мусульмане (в основном по личным причинам), выдавались замуж за русских князей сестры мусульманских ханов. Так, например, сестра Узбека Кончака, которая привезла на Русь татарскую шапку, впоследствии известную как «шапка Мономаха», вышла замуж за московского князя Юрия. Несмотря на то, что поступавшие на службу к князьям ордынцы зачастую обязаны были креститься, многое из мусульманской культуры ими сохранялось и переносилось уже на русскую почву. То же можно сказать и об ордынских женах князей, которые не только сохраняли связь со своими мусульманскими родственниками в Орде, но и укрепляли с ней связи русской знати. Благодаря тесным этническим контактам княжеско-боярской верхушки с ордынской знатью, а также активной торговле русских купцов с мусульманским Востоком русской культурой усваивались черты культуры арабо-мусульманского мира. Р.Г. Ланда отмечает, что при княжеских дворах пользовались расписной посудой из Ирана, изделиями из сиро-египетского стекла, поясами и шлемами с арабскими надписями². Князья и их челядь, постоянно общаясь с ордынцами, усваивали их художественные вкусы, одаривали и получали от них подарки, украшенные мусульманской символикой или же выполненные в манере ближневосточных мастеров³. Более того, через Орду происходили единичные этнические контакты Руси с Арабским Востоком. Так, князья Черкасские возводили свой род к одному из мамлюкских султанов Египта. Следует заметить, что хотя по происхождению бахритские мамлюки были

¹ Там же. С.123.

² Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию... С. 96.

³ Там же.

кипчаками, они не были замкнуты в этническом плане, а постепенно ассимилировались с арабами, на что указывает аль-Холи. Он отмечает, что Бейбарс был женат на арабке-бедуинке, от которой у него родился сын Саламыш ибн аз-Захир Бейбарс ибн ал-Бадавийа¹. Кроме того, уже с XIV века в Золотой Орде подобно остальному мусульманскому миру начинают особенно почитать потомков пророка Мухаммада, т.е. потомков четвертого праведного халифа 'Али, женатого на дочери пророка Фатиме. А.В. Беляков указывает на то, что Чингисиды, испытывая глубокое уважение перед сеидами, старались брать в жены представительниц этого сословия². Поскольку московские князья и цари находились в родстве с Чингисидами, можно предположить, что и в их родословной могли оказаться потомки пророка Мухаммада.

В отличие от русской знати простой народ контактировал с ордынцами в основном во время переписей населения, а также набегов на русские земли, что повлияло на формирование негативного отношения к мусульманам. Этим можно объяснить то, что на народную культуру Руси мусульманский Восток оказал весьма мало влияния. Тем не менее в городскую среду элементы арабо-исламской культуры активно проникали. Это было связано с тем, что в конце XIV – начале XV в. мусульмане, в основном татары, стали селиться в русских городах. Постоянно они проживали в таких городах как Москва, Касимов, Романов, Юрьев, Кашира, Серпухов. В этих городах строились мечети, возникали татарские слободы. Все это, безусловно, влияло на социокультурный облик этих городов, характер, привычки и поведение населения³.

Через татарских поселенцев арабская культура влияла и на культуру Руси. Значительное влияние происходило через ремесленников и зодчих, которые трудились в Сарае и других ордынских городах вместе с мастерами из Центральной Азии, Кавказа и Арабского Востока. Русские ремесленники знакомились с искусством других народов, перенимали их опыт и технику. Г.Ф. Валеева-Сулейманова

¹ Аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой ... С. 13.

² Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов// Тюркологический сборник 2007 – 2008. М.: Восточная литература РАН, 2009. С. 43.

³Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию... С. 98.

отмечает, что «Широкое культурное взаимодействие между мусульманскими народами, совместное творчество во дворцах правителей художников из разных частей исламского мира, торговые связи и многое другое обусловили мобильность идей и методов в ремеслах и искусстве. Независимо от географической территории или исторического периода получили распространение художественные идеи, характерные формы и мотивы искусства»¹. Это объясняет каким образом влияние арабской культуры достигало Руси. Так, на некоторых Московских соборах XIV – XV вв. фризový орнамент с мотивом «арабского цветка» имеет разительное сходство с резными фризами дворцов и мечетей в Египте и Палестине. При этом трехчленная схема фризového орнамента не была результатом переработки владими́ро-суздальской традиции, а «создана заново, на основе знакомства с опытом сельджукской архитектуры»².

Таким образом, русские мастера, побывавшие в Орде, и татарские ремесленники, осевшие на Руси, приносили на русскую почву, прежде всего в городскую архитектуру и интерьеры, восточные заимствования, которые имели в том числе арабское происхождение.

Если до монгольского нашествия с мусульманским Востоком было прежде всего связано Владимиро-Суздальское княжество, то впоследствии культурное и политическое значение Владимирского центра падает. В начале XIV века среди русских городов начинает выделяться Москва, чему способствовало не только ее выгодное географическое положение и умелая политика московских князей, но и поддержка ордынских ханов. Именно Москва с этого времени становится центром русских земель, который испытал существенное влияние мусульманского Востока.

В то время как на Руси начался процесс образования сильного национального государства, в Орде заметно вызрели элементы распада³. После смерти Джанибека в Улусе Джучи началась смута. А в 1395 г. Золотая Орда была практически

¹ Валеева-Сулейманова Г.Ф. Искусство Золотой Орды... С. 19.

² Беляев Л.А. Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси... С. 22.

³ См. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение... С. 246.

уничтожена ханом Тимуром, в результате чего ее культуре был причинен непоправимый ущерб.

IV

В XV веке происходят важнейшие события в истории России, а также других европейских и восточных государств. Падение Константинополя и образование Османской империи, с одной стороны, распад Золотой Орды и централизация Московского государства – с другой, привели к серьезным геополитическим и культурным изменениям в Европе и Азии, а также изменили расстановку сил в Восточной Европе.

После распада Золотой Орды на ее территории образовались самостоятельные государства – Большая и Ногайская Орды, Крымское, Казанское, Сибирское и Астраханское ханства, которые не замедлили приступить к разделу сфер влияния в регионе. Претендуя на наследование власти Золотой Орды, ее государства-преемники воспринимали Московское княжество как своего вассала, которое было обязано платить им дань. Ханы часто нападали на Русь, грабили ее, уводя в плен многие тысячи русских людей, оказывавшихся в итоге на невольничьих рынках Средиземноморья, пополняя ряды египетских мамлюков¹. Несмотря на то, что Москва избавилась от политической зависимости, ей было сложно жить в окружении постордынских государств, само существование которых несло в себе потенциал неизбежных конфликтов. Тем не менее взаимоотношения с преемниками Золотой Орды у Московского княжества складывались по-разному, в зависимости от их отношений между собой и интересов Москвы в конкретный исторический период. В связи с этим в борьбе с постордынскими государствами Москва использовала не только военные, но и другие средства, в частности, создание буферных зон (Касимовское царство), а также политические интриги.

Наиболее интенсивные взаимоотношения (как в военном, так и культурном аспектах) у Руси сложились с Казанским ханством, которое возникло в 1438 г. на

¹ См. Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию... С. 88.

месте Булгарского улуса. Основатель казанской династии Улу-Мухаммад осаждал многие русские города, включая Москву¹. А его сыновья пленили великого князя Василия II после битвы у Нерли в 1445 г. Тем не менее подобные обстоятельства не мешали тесным контактам князей с татарской знатью, связи с которой они часто использовали в своих интересах. Р.Г Ланда отмечает, что, освободившись из плена, Василий II привел в Москву множество татарских вельмож с их войсками, наградив их землями и поставив в качестве служилых людей на «кормление»². В это время в Москве строились мечети и повсюду была слышна татарская речь. Укрепление связей с мусульманским Востоком принесло князю Василию политическую выгоду. В частности, сын казанского хана Касим, находившийся у князя на службе, разбил войско ордынского хана Саида Ахмеда, подступавшего к Москве, за что в благодарность получил область на Оке, впоследствии названную Касимовским царством. Касимовские правители, (которые были мусульманами) и в дальнейшем содействовали освобождению Руси от Золотой Орды, а также нередко выполняли посредническую роль во взаимоотношениях московского княжества с постордынскими государствами. Так Касим, претендовавший на казанский трон, выступил в 1467 г. в поход против казанского хана Ибрагима при активной поддержке Ивана III. Несмотря на то, что во время похода Касим умер, победа осталась за Московским княжеством, а хан Ибрагим вынужден был вернуть Москве пленников, захваченных за 40 лет. Активные наступательные действия против Казани Иван III повел после стояния на реке Угре, в результате чего над ханством на несколько десятилетий установился «русский протекторат».

Наиболее сильным постордынским государством, противостоявшим Руси, было Крымское ханство, которое возникло в 1428 г. под управлением династии Гиреев. Стремясь подчинить генуэзцев, имевших хорошо укрепленную крепость в Каффе, Хаджи-Гирей обратился за помощью к Порте, в результате чего в 1454 г. было заключено соглашение о доступе Османов на Крымский полуостров. В силу

¹ См. Аксанов А.В. Казанское Ханство и Московская Русь.: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, 2016. С. 52 – 53.

² Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М.: Медина, 2011. С. 53.

этого не только Кафа, но и само Крымское ханство фактически сделались зависимыми от турецкого султана¹. А в 1475 г. Крым стал чем-то вроде османского протектората.

С момента своего образования Крымское ханство стремилось собрать под своей эгидой другие осколки Золотой Орды, что, безусловно, влияло на взаимоотношения с Московским княжеством. Несмотря на периоды политического взаимодействия (в частности во время русско-крымского союза, основанного на враждебном отношении к Большой Орде и Польско-Литовскому государству), отношения с Крымским ханством были сложными. После разгрома Большой Орды совместными усилиями Менгли-Гирея и Ивана III, представители крымской династии постепенно пришли к власти в других ханствах. Для того, чтобы утвердиться в Поволжье, Гиреи пытались заручиться поддержкой Московского княжества. Москве же было невыгодно поддерживать Крым в его борьбе с волжскими Чингисидами, поскольку это грозило ненужным военным и политическим ростом Крыма, усилением влияния на Казань, которую великие князья начинали рассматривать своим юртом. Тем не менее в 1521 г. Гиреям все же удалось прийти к власти в Казани, свергнув в ходе переворота Московского ставленника Шаха-Али. М.Г. Худяков отмечает, что с этого времени Казань делает попытки освободиться от «русского протектората» и входит в тесный союз с Крымом и Турцией². Таким образом, военные столкновения Москвы и Казани становятся постоянными, а в Поволжье усиливается ориентация на Османскую империю.

Хотя связи османов с Золотой Ордой возникли еще в XIV столетии после падения Константинополя они получили новое развитие. С распадом Улуса Джучи Османская империя перестроилась на взаимоотношения с государствами, возникшими на его территории: Крымским, Казанским, Астраханским ханствами, Ногайской Ордой, а также Московским княжеством. В это время Порты, занятая войнами в Азии, Африке и на Балканах, не имела возможности для прямого вмешательства

¹ См. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X – XVI вв. ... С. 510.

² Там же. С. 590.

в дела постордынских государств. Тем не менее Османы внимательно следили за развитием событий в регионе. В основном интересы Порты сосредотачивались в сфере обеспечения безопасности черноморской навигации, поддержания баланса сил в Восточной Европе. Этим в том числе был обусловлен интерес Османов к Крымскому ханству. По мнению Д.К. Кантемира, одной из причин активности Османов в Крыму и на Кавказе было османо-египетское противостояние. Турки в условиях вражды с мамлюками пытались подорвать военные и экономические силы Египта. Отсюда стремление контролировать черноморские рынки, как центры продажи живого товара, а также и прилегающие районы Северного Кавказа (источник поступления мамлюков)¹. В целом же Османы долгое время спокойно относились к событиям, происходившим на территории бывшей Золотой Орды.

Между тем в Москве завоевание Византии турками-османами и возникновение на обломках православной империи могущественной мусульманской державы вызывали серьезные опасения. В это время на Руси шел активный процесс формирования централизованного государства, который сопровождался собиранием земель вокруг Москвы, все больше осознававшей себя преемницей Византии. Несмотря на крепкие культурно-религиозные и родственные связи с византийскими императорами, русские князья не спешили предъявлять османам права на византийское наследство ввиду возможной конфронтации с ними. Еще Иван III, при котором установились дипломатические отношения с Османской империей, предвидел выгоды от торговли с Портой, как и то, что она станет покровителем пост-ордынских государств и опасным врагом для поляков. Ввиду этих причин мирные взаимоотношения с Османами Москве были выгодны. В дальнейшем Московское царство неоднократно отправляло своих послов к двору османского султана, которые не упускали возможности подчеркнуть доброе отношение русского государя к мусульманам. В первой четверти XVI века московское правительство стремилось наладить русско-османские отношения, чтобы обуздать агрессивные действия зависевшего от Порты крымского хана и создать более мирную обстановку на своих

¹ Зайцев И.В. Историография истории отношений постордынских юртов с Россией и Османской империей. Казань, 2002. С. 275.

южных границах. Однако Стамбул уклонялся от обсуждения вопроса о создании русско-османского союза и дальнейшей нормализации русско-турецких отношений¹. В то же время Порты не хотела отталкивать от себя Россию с момента подготовки своего наступления на Балканах, чтобы не допустить ее сближения с антиосманскими силами в Европе. В данной ситуации Стамбул, с одной стороны, не намеревался идти на политическое сближение с Московским государством, с другой – делал вид, что поддерживает с ним дипломатические отношения².

Между тем с приходом к власти в Казани Гиреев московско-османские отношения осложнились. Это было связано с активной политикой Порты, которая, усилив свое влияние в Казани, выражала стремление выступить в роли гегемона в системе тюркских государств в Восточной Европе. При этом в Стамбуле были осведомлены о казанских делах в основном через крымского хана, который подавал информацию в нужном для него ключе. В то же время Крымское ханство желало удержать Москву от участия в казанских делах под мнимой угрозой втягивания в войну с Портой. Несмотря на то, что московские государи прекрасно представляли себе силу Османов и не были готовы вступать с ними в конфронтацию, они должны были решить ряд геостратегических и экономических задач, связанных с безопасностью и развитием русского государства.

Стремление Москвы овладеть землями бывшего улуса Джучи, достигшее своего апогея в XVI веке, было обусловлено прежде всего защитой границ от татарских набегов, необходимостью приобретения плодородных земель и установлением контроля над Волжским торговым путем. Важной причиной борьбы с постордынскими ханствами был также религиозный фактор. Известно, что церковные иерархи призывали «Христолюбивое воинство» мужественно стоять за «православную веру против безбожных Агарян»³. Активные меры по решению внешнеполитических задач русского государства на Востоке, были предприняты при Иване Грозном, который последовательно завоевал Казанское и Астраханское

¹ Кузнецов А.Б. Россия и Османская империя в первой четверти XVI в. //История в культуре и культура в истории: Материалы V Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск: тип. «Крас. Окт» 2001. С. 153.

² Fisher A. *Moscovite – Ottoman relations in the XVI – XVII centuries* // *Humaniora islamica*, 1973. Vol. 1. P. 25.

³См. Аксанов А.В. Казанское Ханство и Московская Русь... С. 231.

ханства. При нем же на южных границах стали возводиться укрепительные сооружения, призванные защитить Русь от набегов крымских татар. Следует отметить, что политика московской власти в отношении присоединенных ханств была различной. Если в Казани местные жители выселялись за черту города, разрушались мечети, то в Астрахани из-за ее географической удаленности Москва не могла позволить применять столь жесткие меры. В Москве понимали, что более действенной в Нижнем Поволжье окажется не политика силы, а стратегия уступок и компромиссов. Поэтому в регионе какое-то время сохранялась ситуация двоевластия (Дервиш-Али (Дарвиш 'Али) со своими приверженцами были в одном городе, московский представитель Леонтий Мансуров – в другом). Это в итоге привело к новому конфликту, в результате которого Дервиш бежал в Азов под османскую защиту, а оттуда в Мекку, где и скончался¹.

С завоеванием Казани и Астрахани долго не могли смириться ни Крым, ни Стамбул. И если до 1560 г. Османы предпочитали не вмешиваться напрямую в дела Поволжья, то с этого времени Порты оказывает деятельную поддержку Крымскому ханству в борьбе с Московским государством. Это прежде всего выразилось в совместном крымско-османском походе на Астрахань в 1569 г., целью которого для Порты являлась в том числе подготовка подходящего плацдарма для нападения на Иран. Хотя поход не достиг своей цели, Порты больше не вступала в открытый конфликт с русским государством. В то же время в Крыму склонны были винить Стамбул в том, что его позиция не позволила ханам противопоставить что-то русским завоеваниям². Именно после 1569 г. (точнее в 1571 г.) Крымский хан Девлет-Гирей сжег Москву, разорил еще 36 русских городов, убил 60 тысяч и увел в плен от 60 до 150 тысяч человек. Между тем нейтралитет Османской империи в решении внутриджучидских проблем позволил Московскому государству выиграть спор с Крымом и захватить к середине 50-х гг. значительную часть бывшей Золотой

¹ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 170.

² Там же. С. 172.

Орды¹. Слабую активность Османов в решении постордынского вопроса с Россией отмечал также В.В. Бартольд в работе «Турция, ислам и христианство».

После завоевания Казани, Астрахани, а затем и Сибири единственным противником России из постордынских государств оставалось Крымское ханство, которому русские государи продолжали выплачивать поминки вплоть до середины XVII века. Опустошительные набеги крымских татар на Русь продолжались в XV, XVI, XVII и даже в XVIII вв. Крымцы разоряли русские земли уводили в плен тысячи людей. Так, огромное количество угнанных пленников крымскими татарами в годы смуты привело к падению цен на невольничьих рынках Ближнего Востока и Средиземноморья. Тем не менее долгое время Россия не решалась на открытую конфронтацию с Крымом, что грозило столкновением с Османской империей. Только в 1687 – 1689 г. Россия попыталась организовать поход на Крым, правда закончившийся неудачей.

Несмотря на враждебные отношения с постордынскими государствами Московская Русь не стремилась оборвать с ними все связи, что, впрочем, вряд ли представлялось возможным. Р.Г. Ланда отмечает, что за два с половиной века пребывания под властью Золотой Орды, непрерывных контактов с ее представителями, русские восприняли многие их представления, обычаи и социокультурные ценности². В это время продолжают развиваться торговые связи, происходит этническое взаимодействие на уровне московской и постордынской политических элит. По сведениям, приведенным А.В. Беляковым, в России в XV – XVII в. проживало около 200 потомков Чингис-хана³. Московская знать не только не боялась, но и стремилась породниться с татарской аристократией, что в значительной степени объяснялось желанием русских князей вступить в родство с представителями рода Чингис-хана. Известно, что многие московские аристократы, включая царей, вели свое происхождение от ордынской знати. Этот факт упоминают и арабские исследователи, говоря о выдающейся роли представителей татарской мусульманской

¹ Там же. С. 173.

² Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама... С. 51.

³ Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов... С. 35.

аристократии, которую они играли в политической истории России. Об этом в частности пишет Халил Халид аш-Шахбандар, упоминая о мусульманском происхождении Бориса Годунова¹. Несмотря на то, что Годунов мусульманином не был, он являлся прямым потомком Мурзы Четы. Вместе с тем известно, что мать Ивана Грозного вела свое происхождение от потомков Мамая. Сам Иван IV, считавший себя наследником золотоордынских ханов, значительно содействовал усилению связей России с Востоком, прежде всего за счет присоединения Казанского и Астраханского ханств. При нем потомки ханов Казани, Крыма, Астрахани, Сибири, Ногайской Орды правили в Касимове, Юрьеве, Серпухове, часто сохраняя свою принадлежность к исламу².

Необходимость решения внешнеполитических задач, в том числе и на Востоке, требовала от царя учреждения специального внешнеполитического ведомства, которое бы отвечало за дипломатические отношения с другими государствами. Среди служащих Посольского приказа были переводчики и толмачи не только с европейских, но и восточных языков. При этом к работе в ведомстве активно привлекались служилые татары, а также новокрещены, которые были очень полезны в вопросах взаимоотношений Крымского ханства, Нагайской Орды, государств Центральной Азии, а также Османской империи. Кроме того, из них состояла значительная часть переводчиков с азиатских языков³, в том числе с турецкого и арабского. Основной обязанностью таких переводчиков было участие в дипломатических миссиях в мусульманские государства⁴. Практически каждый российский дипломат, отправлявшийся в мусульманские страны, имел в качестве сопровождавших лиц служилых татар и новокрещенов. Постепенно среди них выработывалась система наследственности службы в дипломатическом ведомстве. Таким образом, можно предположить, что российские мусульмане, находясь на государственной службе, содействовали установлению контактов с арабо-османским миром.

¹ аш-Шахбандар, Халил Халид. Мин ал-'илакат ас-сакафийа... С. 15.

² Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию... С. 104.

³ См. Лисейцев Д. Служилые татары и новокрещены Посольского приказа в начале XVII века. Казань: Эхо веков. 2003 № 1-2 (30/31). С. 31 – 44.

⁴ Там же. С. 34.

Важно отметить, что контакты России с арабским исламским Востоком в этот период происходили через двойное посредничество: мусульман бывшей Золотой Орды и Османскую империю. При этом Османы, завоевав практически все арабские страны, сами испытали сильнейшее влияние арабского языка и культуры. Если до 1517 г. важнейшие духовные центры мусульманского мира находились на Арабском Востоке, то после завоевания Египта и ликвидации последнего аббасидского халифа, политическим и религиозным центром стал Стамбул, а османский султан был объявлен повелителем всех правоверных. Это обстоятельство существенно усилило политическую и духовную ориентацию мусульман-суннитов на Османскую империю, заложив основу для дальнейшего культурного взаимодействия.

После распада Улуса Джучи каждое из его государств-преемников продолжало развивать определенные аспекты золотоордынской культуры. Они сохраняли арабскую письменность, литературные традиции, а также многие культурно-бытовые навыки, связанные с семьей и религией. Наиболее интенсивно связи с арабо-османским миром развивались в Крымском ханстве. На протяжении первой половины XV века Крым продолжал активные культурные и торговые взаимоотношения с мамлюкским Египтом. По словам испанца Перо Тафура, посетившего Крымский полуостров в 1435 – 1439 гг., в Каффе присутствовали купцы из Каира; а египетский султан имел здесь свою факторию¹. После установления османского протектората в Крыму усилилось влияние османской культуры, а также турецкого варианта ислама². Тем не менее это не означало, что связи с арабской культурой прекратились. И.В. Зайцев отмечает, что с воцарением в Крыму Саадат-Гирея образцом для ханов становится канцелярия османских султанов³, куда активно проникают не только османизмы, но и арабизмы. В это время библиотеки крымских ханов пополняются закупками книг из Османской империи, в том числе ее арабских областей: Египта и Сирии; активно переписываются книги на турецком, персидском и арабском языках. При этом крымские писцы работали не только в Крыму,

¹ На стыке континентов и цивилизаций... С. 507.

² Загидуллин И.К. Мусульманское духовенство в Крымском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 92.

³ Зайцев И.В. Письменная культура Крымского ханства // Восточный архив. М., 2006. № 14 – 15. С. 88.

но и в Османской империи и Московском государстве. Так, к примеру, в собрании РГАДА находится небольшая коллекция Коранов, переписанных крымскими книжниками в Великом Устюге¹. Основной репертуар книжной крымско-татарской продукции в Средневековье были фикх, грамматика арабского языка, хадисы, молитвенники, а также изящная литература в том числе и на арабском языке.

Через Крым культурное влияние арабо-османского мира достигало Казани. Его мощные волны, исходившие из нового центра арабописьменной культуры – Османской империи, давали новый импульс развитию арабского письма в Казанском ханстве². Арабская духовная, а также философская мысль продолжала оказывать влияние на казанскую литературу³. Несмотря на то, что после похода Тимура культура Булгарского улуса пришла в упадок, Казань оставалась главным проводником арабо-исламской культуры на Московское государство. Прежде всего потому, что Московская Русь была связана с Казанским ханством теснее, чем с другими постордынскими государствами. После присоединения к Московскому государству мусульманских ханств культурное влияние исламского мира на Русь не ослабло, а порой даже усиливалось. Г.М. Худяков отмечает две эпохи, когда восточные мотивы особенно интенсивно вливались в московскую культуру. Это – первая половина и середина XVI в. (правление Василия III и начало царствования Ивана IV) и вторая половина XVII в. (царствование Алексея Михайловича). Этот период отмечен сильным притоком культурных влияний с Востока, а также увлечением русских восточными модами (в основном османскими). В это время в России сооружают храмовые колокольни в виде 8-гранных башен с беседкой-площадкой наверху, увенчанных высоким шатром, что отсылает к форме минаретов мечети, получают распространение луковичные главки, пришедшие в Россию из мусульманской архитектуры. При этом «появление мусульманских форм в русском

¹ Там же. С. 90.

² См. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). М., 2004. С. 127.

³ Давлетшин Г.М. О духовной культуре населения Казанского ханства и Казани // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала /Школа. Материалы 111 Халиковских чтений / Отв. Редактор Ф.Ш. Хузин. Казань, 2006. С 375 – 397.

зодчестве было встречено с восторженным удивлением и возбуждало необычайное восхищение»¹.

До конца XVII века Московское государство продолжало взаимодействовать с мусульманским миром, знания о котором постепенно расширялись. В это время восточные влияния проникали в самые различные пласты русской культуры (бытовую культуру, архитектуру, прикладное искусство и др.). Вместе с тем культурные связи Московской Руси (как впрочем и коммуникация) с арабо-османским миром продолжали осуществляться при посредничестве российских мусульман, а также Крымского ханства, которые как и прежде являлись проводниками культурного влияния Востока на русские земли. В XVI – XVII вв. посредником в контактах Руси с культурой арабского мира становится Европа. Вместе с сочинениями на европейских языках на Русь попадали сведения об арабских странах, а также некоторые научные знания, имевшие арабское происхождение. В целом же богословская, литературная и научно-философская традиции арабо-исламского мира русским оставались практически неизвестны.

Взаимодействие Руси с христианским Восточным Средиземноморьем и русско-арабские культурные контакты

Помимо исламизации восточных соседей славян и взаимоотношений с ними был и другой фактор, повлиявший на возникновение культурных связей Руси с Арабским Востоком – это ее крещение. Включение Руси в христианскую цивилизацию способствовало установлению религиозных связей с Византией, Европой и Святой землей, вместе с тем ограничив сферу культурного взаимодействия с исламским миром.

Известно, что в результате арабских завоеваний Византия лишилась Сирии, Палестины, Верхней Месопотамии, Египта и других территорий в Северной Африке, население которых было в основном исламизировано. Как правило, переход

¹ На стыке континентов и цивилизаций... С.756 – 757.

в ислам, суливший политические и экономические выгоды, осуществлялся местными жителями добровольно. Наряду с исламом на этих территориях быстро распространялся и арабский язык. Р.Г. Ланда отмечает, что говорившие по-арамейски жители Сирии, Палестины и Ирака арабизировались достаточно быстро¹. При этом арабский язык стал языком быстро развивавшейся на исламской основе культуры и науки нового многонационального государства.

Бывшие подданные византийского императора, предпочитавшие сохранить христианскую религию, также были вынуждены освоить арабский язык. При этом знание арамейского и греческого языков в христианской среде сохранялось, особенно у представителей духовенства. По словам К.А. Панченко, греческий язык выходит из употребления на православном Востоке на рубеже VIII – IX веков². Несмотря на то, что связи ближневосточных христиан с Константинополем ослабли, отдельные церковные контакты с Византией сохранялись и осуществлялись, судя по всему, при помощи греческого языка.

Следует отметить, что византийцы, как и представители других народов, оказавшихся в составе Халифата, принимали участие в формировании арабо-мусульманской культуры. Арабские правители активно привлекали ко двору ученых христиан и иудеев, которые занимали видные государственные посты и имели возможность заниматься наукой. Усилиями христиан, владевших греческим языком, был осуществлен перевод трудов античных авторов на арабский язык. Причем произведения древнегреческой философии переводились в два этапа: сначала на арамейский, потом на арабский языки³. Перевод с древнегреческого на арамейский, судя по всему, выполнялся этническими греками. На арабский язык, вероятно, переводили сирийцы, которые были быстро арабизированы. Труды древнегреческих философов, переведенные на арабский язык, позволили арабам и другим арабоязычным народам ознакомиться с достижениями античной философии, что наряду с

¹ Ланда Р.Г. История арабских стран. М.: Институт стран Востока; Институт востоковедения РАН. 2017, С. 34.

² Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия 1516 – 1831. М.: Индик, 2012. С. 35.

³ См. Ланда Р.Г. История арабских стран. М., 2005. С. 98.

заимствованием знаний у византийцев, персов, индийцев и китайцев содействовало появлению и стремительному развитию арабо-исламской научной мысли. К VIII – IX вв. мусульманам удалось достичь внушительных успехов в области изучения математики, астрономии, медицины, географии и истории. Труды ар-Рази, Ибн-Сины, ал-Хорезми (ал-Хаваризми), ал-Идриси, Ибн Рушда и др., написанные на арабском языке, пользовались большим авторитетом не только на Востоке, но и на Западе, оказав влияние на развитие европейской науки. Так, медицинские труды ар-Рази, переведенные на латинский язык, столетиями использовались восточными и европейскими врачами. «Канон медицины» Ибн Сины (Авиценны) издавался на латыни несколько десятков раз вплоть до середины XVII века.

Южная (в меньшей степени Западная) Европа имела тесные военные, коммерческие, дипломатические и культурно-образовательные контакты с арабским миром. Европейцы общались с арабами во время их вторжения на юг Европы в VIII – IX вв., достаточно длительного пребывания на многих европейских территориях: Иберийском полуострове, Сицилии и юге Италии, Мальте, Сардинии, Кипре, Крите, Корсике, юге Франции, а кроме того, во время крестовых походов. Посредническую роль в контактах Европы с арабским миром выполняли арабы-христиане, греки, армяне и евреи, которые имели тесные торговые связи с итальянскими городами-республиками. Итальянцы, наряду с жителями Иберийского полуострова, быстро осознали необходимость изучения арабского языка и сыграли важную роль в ознакомлении Европы с культурными достижениями арабо-исламского мира. Уже в IX в. итальянцы выполнили первые переводы с арабского языка. Значительный вклад в переводческую деятельность внесли арабы-христиане, проживавшие в европейских монастырях. Так, труды иракского врача X века Хали ‘Аббаса перевел в монастыре Монте Кассино Константин Африканский, медик христианин из Туниса. В XII в. Джерардо из Кремоны изучил в Италии греко-арабскую медицину, с достижениями которой впоследствии познакомил Испанию и Францию. Его усилиями была создана школа переводчиков, в которой трудился мосараб – андалусийский христианин – Галиб. В Барселоне переводили труды по геометрии и астрономии Абрахам бар Хийя и итальянец Платон из Тиволи.

Распространению арабской культуры и научной мысли способствовали и некоторые европейские монархи. Так, под эгидой короля Кастилии Альфонсо X Мудрого и при участии представителей различных конфессий с арабского языка на латынь и кастильский было переведено множество сочинений научного, философского и прикладного содержания¹. Известно, что арабская культура процветала при короле Сицилии, Иерусалима и Священной Римской империи Фридрихе II Гогенштауфене, который приглашал ко двору арабских учителей и поэтов. Он собирал труды арабских математиков, астрономов и врачей, часть которых перешла в созданный им университет в Неаполе.

Основной поток арабского культурного влияния на европейские страны проходил через Ал-Андалус, а также мусульманскую Сицилию. Этому способствовало активное взаимодействие андалусийцев, принадлежавших к различным конфессиям, а также знание арабского языка не только местными мусульманами, но и христианами. При этом культурные связи андалусийцев с Испанией, югом Франции и Италией носили массовый характер. Ал-Андалус в учебных целях посещали и католические монахи. Там они изучали арабский язык, знакомились с трудами арабских авторов, что не мешало им по возвращении на родину писать антиисламские полемические трактаты².

Подобно европейским государствам, Византия имела не только военные контакты с арабскими странами, но и торговые и дипломатические взаимоотношения³, что подразумевало и некий культурный обмен. Так, арабский географ X века Ибн Хаукал упоминал о византийских торговых кораблях, которые заходили в мусульманские порты, а византийские купцы путешествовали по мусульманским странам не только с торговыми целями, но и для сбора информации⁴. Позднее Византия установила дипломатические отношения с мамлюкским Египтом. Император Михаил Палеолог разрешил свободный проход через Константинополь

¹ Ланда Р.Г. История арабских стран... С. 95.

² См. ал-'Акики, Наджиб. Ал-Мусташиркуна (Востоковеды). Бейрут, 1937. С. 40

³ Jacoby D. Diplomacy, Trade, Shipping and Espionage between Byzantium and Egypt in the Twelfth Century // Byzantinisches archiv. Band 19. K.G. Saur München – Leipzig, 2000, P. 83.

⁴Ibid. P. 84.

морским судам Египта и Золотой орды, поддерживавших между собой тесные связи. Опасаясь вторжения крестоносцев, Византии приходилось искать политических союзников в регионе.

Посредниками в контактах Византии с арабским миром выступали ближневосточные христиане, которые владели греческим и арабским языками. Они были переводчиками и информаторами, сообщавшими о происходивших в арабских странах событиях. Вместе с тем Константинополь продолжал некоторым образом поддерживать культурно-религиозные контакты с представителями Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской церкви, получивших статус патриархов в V веке. Можно предположить, что интеллектуальный обмен Византии с Ближним Востоком носил в основном внутриконфессиональный характер, т.е. осуществлялся между православными христианами. Однако при этом нельзя исключать посреднической роли местных христиан в знакомстве византийцев с арабо-мусульманской научной мыслью, которое, вероятно, имело место. Труды арабских авторов, возможно, попадали в Византию при посредничестве купцов. Перевод арабских рукописей на греческий язык могли осуществить те же сирийские или палестинские христиане. К.А. Панченко упоминает о палестинских монахах, которые оседали в Византии и играли существенную роль в культурном обмене с Ближним Востоком¹. Период активного культурного взаимодействия между Византией и Ближним Востоком пришелся на вторую половину X и XI вв., когда в результате византийской реконкисты Северная Сирия вновь оказалась под властью Константинополя. В это время Антиохия стала крупным центром арабской и греческой культуры. Известно, что в 1060-х гг. там работал «корифей тогдашней медицинской науки» багдадец Ибн Бутлан². Несмотря на подобные арабо-византийские контакты, масштабной переводной деятельности с арабского языка на греческий в Византии, судя по всему, не было. Причиной тому могло быть чувство религиозного и культурного превосходства, которое поначалу испытывали византийцы по отношению к вышедшим из пустыни арабам, а кроме того негативное отношение к

¹ Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством... С. 44.

² Там же. С. 54.

исламу, препятствовавшее интенсивному интеллектуальному обмену с мусульманской цивилизацией.

Свое представление об исламе Византия сформировала на основе сведений и полемических трактатов, написанных ближневосточными христианами. Известно, что Иоанн Дамаскин, который был секретарем при дворе халифа Йазида и знал арабский язык¹, написал полемическое антиисламское сочинение «Беседа сарацина с христианином». Сочинения бывшего мусульманина монаха Мелетия послужили материалом для четырех речей императора Кантакузена.

Специфика контактов Византии с арабами, а также созданный в византийской религиозной литературе образ ислама, повлияли и на взаимоотношения Руси с арабо-мусульманским миром. Принятие на Руси христианства и включение ее в сферу влияния восточно-средиземноморской (византийской) цивилизации на многие века определили выбор особой культурно-идеологической доминанты, сделав невозможным широкомасштабное проникновение на ее территорию священных текстов ислама и распространение здесь арабоязычной традиции².

Это утверждение верно не только для религиозных текстов, но и трактатов в различных областях знания, написанных мусульманами. Согласно авторам коллективной монографии «Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема», у России (в отличие от Европы) «не было нужды искать у мусульман эллинской мудрости – все необходимое она получала в готовых формах от Византии; да она и не могла бы этого сделать, поскольку находилась «в общении» с периферией исламского мира³. Действительно, общаясь напрямую с Византией, Русь не нуждалась в арабоязычных переводах античных авторов. Однако вопрос о периферии Волжской Булгарии, которая непосредственно граничила с Киевской Русью, весьма относительный. По своему географическому положению Волжская Булгария действительно находилась на северных окраинах мусульманского мира. Но необходимо

¹ Муркос Г.А. Интересы России в Палестине. М.: Университетская типография (М. Катков), 1882. С. 5.

² Редькин О.И. Арабский язык в России проблемы межкультурного диалога //Россия и Восток: Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: СПбГУ Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. С. 210.

³ Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема./ Отв. ред. А.В. Смирнов. М: Языки славянских культур, 2010. С. 128.

учесть и другое. Несмотря на географические и этнолингвистические различия мусульманских стран, арабо-исламский мир был един в своей культурно-религиозной основе. Процесс исламизации народов сопровождала их частичная арабизация, что проявлялось в переходе на арабскую графику, преподавании арабского языка в медресе, а также распространении арабоязычной литературы. Кроме того, мусульмане (в том числе ученые, ремесленники, поэты) свободно перемещались внутри границ обширного исламского мира. Такие путешествия были сопряжены с религиозными, торговыми, а также учебными целями. Таким образом, происходил широчайший культурный обмен между различными частями мусульманского Востока и Запада. Известно, что арабо-исламская наука оказала огромное влияние на развитие болгарской культуры, которая к XII в. достигла значительных высот. В это время болгары писали на арабском языке труды по фармакологии и другим медицинским наукам, получившие известность в арабском мире. Так, врач-фармаколог Гадж (Хаджж) ад-дин ибн Йусуф ал-Булгари, который учился, а затем жил в Мосуле написал сочинение «О возможностях лекарственных трав». Его коллега и соотечественник Абу-л-‘Ала’ Хамид ибн Идрис ал-Булгари написал в XII веке сочинение по эмбриологии¹. Несомненно, что болгарские врачи были знакомы с трудами своих арабских коллег, в частности Ибн Сины, сочинения которого предположительно стали известны в Болгарии в XII веке. Получив образование на Ближнем Востоке, многие болгары возвращались на родину, где продолжали писать свои труды по-арабски. Таким образом, еще в домонгольский период Волжская Булгария успела усвоить достижения арабской научной мысли. Для того, чтобы ознакомиться с арабоязычной литературой, восточным славянам необходимо было изучать арабский язык у болгарских мусульман. Однако реализовать это было сложно, да и не было острой необходимости ввиду эпизодичности контактов с арабами, а также культурной ориентации на Византию. Для болгар, которые были культурно

¹ Зыятдинов К.Ш., Галиуллин А.Н. Дорога через века (история развития здравоохранения и медицинской науки на территории Республики Татарстан от древности до наших дней. Казань.: Изд-во «Слово», 2012. С. 17.

ориентированы на мусульманский Восток, интеллектуальный обмен со славянами, а через них с христианской Византией также не имел особого значения.

И.Ю. Крачковский отмечал, что «наши предки могли получить совершенно отчетливое представление о состоянии арабской схоластической традиции, если бы обратились к своим соседям, находившимся под влиянием мусульманской культуры». Однако этим интересоваться серьезно никто не мог, так как мусульманский Восток и Русь «тогда плохо знали друг друга и не могли достичь взаимопонимания»¹.

Разные культурные и цивилизационные основы: византийско-христианская и арабо-мусульманская, на которых формировались русская и болгарская культуры, ограничивали возможность и спектр культурных заимствований. То, что славяне и болгары не были знакомы с письменной литературой друг друга, не являлось следствием лишь языкового барьера. Старославянский и арабский языки принадлежали не только к различным языковым семьям, но и, по словам О.И. Редькина, функционировали в рамках цивилизаций с различными религиозно-идеологическими системами². Как видно специфика и эффективность межъязыковых контактов зависела от факторов религиозно-идеологического характера.

С принятием христианства на Руси стала распространяться византийская культура, система просвещения и знаний. Это происходило в том числе при посредничестве сирийских христиан, которые несмотря на ближневосточное происхождение, являлись для восточных славян носителями и трансляторами христианско-эллинистической культуры.

Согласно Киево-Печерскому преданию, первым Киевским митрополитом, крестившим Русь вместе с князем Владимиром, был святой Михаил Сирин, который был сирийцем по происхождению. Помимо киевлян он крестил жителей Новгорода и Ростова Великого. По совету митрополита князь открыл православные училища в Киеве и других русских городах. Одним из первых учебных заведений, основанных князем Владимиром, была дворцовая школа с преподаванием

¹ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.- Л.: АН СССР, 1950. С. 39.

² Редькин О.И. Арабский язык в России проблемы межкультурного диалога... С. 209.

греческого и латинского языков для детей дружинников, бояр и городской знати. Известно, что митрополит Михаил принимал всяческое участие в организации просветительской работы: он призывал к себе учителей и наставлял их в обращении с детьми. После смерти митрополита в 992 г. просвещение местных жителей продолжали прибывшие с ним епископы¹. С этого времени между Киевской Русью и Византией были налажены тесные образовательные контакты. Основным средством коммуникации славян с византийцами и сирийскими христианами был греческий язык, который наряду с латынью являлся языком международного общения. Следует отметить, что и до крещения Руси греческий язык был знаком славянам: прежде всего князьям и торговцам, которые поддерживали коммерческие и военные контакты с Константинополем и часто там бывали.

С X века центром распространения греческого языка и учености становятся русские монастыри. Известно, что в Киево-Печерской лавре жили монахи-византийцы, которые занимались переписыванием и переводом книг с греческого языка. В то же время русских церковнослужителей отправляли учиться в Константинополь. Е.В. Воевода отмечает, что начиная с Владимира Мономаха все русские князья говорили, а некоторые и писали по-гречески². Учителями княжеских особ нередко выступали этнические греки, которые в том числе преподавали в русских учебных заведениях. Так, при Всеволоде Большое Гнездо было организовано училище, где преподавали византийские педагоги.

Через византийскую литературу, контакты с греками и антиохийскими христианами славяне получали некоторые сведения об исламе, арабских странах и местных научных знаниях, но уже в эллинизированной обработке. Это относилось к медицине и астрономии. Так на Руси было известно космографическое сочинение Иоанна Дамаскина из его книги «Точное изложение православной веры»³. Выше упоминалось, что Дамаскин знал арабский язык и вполне мог ознакомиться с

¹ Пересыпкин О. Антиохийская церковь и Россия // Москва и Ближний Восток: духовные и культурные связи. М.: Круг, 2007. С. 82 – 83.

² Воевода Е.В. История языковой подготовки кадров для внешнеполитических учреждений российского государства. М.: Изд-во МГИМО – Университет, 2016. С. 35.

³ Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М.: Русская панорама, 2007. С. 350.

арабоязычными трудами по астрономии. В XII веке в Киеве был известен «лечец» Петр Сириянин, который, вероятно, был врачом князя Николая Черниговского. По мнению И.Ю. Крачковского, он вполне мог быть представителем «снискавшей себе мировую славу сиро-арабской медицины, для которой основным орудием науки служил арабский язык»¹. Действительно, христианин Петр из Сирии мог быть знаком с трудами арабских медиков. Кроме того, на Руси у него, вероятно, были помощники – славянские лекари, которые переняли его знания и опыт и впоследствии применяли их на практике. О том, что медицинские сведения арабоязычного характера тем или иным путем достигали Руси, свидетельствуют слова арабского происхождения, зафиксированные в «лечебниках», «зельниках», «травниках»². Подобная лексика, вероятно, проникала на Русь через Византию. При этом нельзя исключить локального обмена практическими медицинскими сведениями между славянами и булгарами, учитывая их частые этнические контакты. Однако о переводах медицинских трактатов с арабского языка на Руси тогда не могло быть и речи. В то же время они вряд ли достигали русских земель и в латинском переводе. В отдельных русских городах, к примеру в Новгороде, который активно контактировал с Европой, латыни уделяли значительное внимание. В целом же после церковного раскола этот язык на Руси начал ассоциироваться с католицизмом и стал уничижительно называться «папешским». Вследствие этого переводы латиноязычной литературы и ее распространение считались делом небезопасным. Таким образом, в силу религиозно-идеологического и языкового барьеров Русь не могла интеллектуально взаимодействовать с арабо-исламским миром ни при болгарском, ни при западноевропейском посредничестве.

Крещение Руси и установление духовных связей со Святой землей привело к возникновению паломничества, которое явилось одной из наиболее ранних форм регулярных контактов Руси с арабским миром. Путешествуя по арабским странам, паломники не имели возможности и намерения основательно ознакомиться с местной культурой и философско-научной традицией. Однако благодаря сведениям,

¹ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 14.

² Там же. С. 16.

которые богомольцы сообщали о своих путешествиях, на Руси постепенно накапливались знания о ближневосточном регионе. Непосредственные контакты паломников с Арабским Востоком так или иначе находили отражение в русской культуре и имели определенное значение для дальнейшего развития культурных связей с этим регионом.

В географическом плане в понятие Святая земля исторически входили территории современных Палестины, Сирии, Ливана, Иордании, а также Египта и Синая, которые образовывали большую часть православного Востока, объединявшего юрисдикционные пределы Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского патриархатов¹. Первые представления о Святой земле восточные славяне получили из Византии уже в X столетии. Вслед за этим (в XI – XII вв.) на Руси появились наиболее популярные произведения византийской духовной литературы, где упоминалась Палестина, а также проскинитарии – путеводители по Святой земле. Важное место среди произведений этого жанра занимали «Очерки обетованной земли» из хроники Георгия Амартола, греческого писателя IX века, в которых содержались известия о Святом Граде Иерусалиме. Согласно господствующей средневековой христианской космологии, определявшей картину мира, в Иерусалиме при Голгофе располагался центр мироздания, рядом находился пуп земли, относительно которого определяли «пределы» и «край» вселенной. Считалось, что в окрестностях Иерусалима предстояло совершиться Страшному суду, после чего с неба спустится Небесный Иерусалим и наступит царство Божье². Вот почему паломничество в Святую землю считалось не просто путешествием, а духовно-очистительным подвигом. Следует отметить, что первые паломничества к святым местам происходили на Руси в начале XI века. Совершавшие путешествие паломники-первопроходцы были людьми образованными, скорее всего монахами. Готовясь к

¹ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX - начале XX в.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2007. С. 6.

² Смилянская И.М. Арабский мир в представлениях русских паломников XII – первой половины XIX в. //Всматриваясь друг в друга... Россия и Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 54.

путешествию, они могли получить необходимые сведения о Святой земле в Константинополе, во время общения с греческими монахами, а также чтения проскинитариев.

На Ближнем Востоке богомольцы посещали прежде всего места, связанные со священной историей, чтобы увидеть то, о чем сказано в Писании. При этом они так или иначе контактировали с местным населением, наблюдали культурно-бытовые реалии, получали представление о географии арабских стран. Тем не менее паломнические контакты с представителями ближневосточного социума и местной культурой имели свою специфику, которая определялась целями их путешествия, религиозным мировосприятием, а также практической необходимостью.

Основной целью паломников было посещение святых мест, изучение церковных обрядов, памятников христианской культуры, а также политической ситуации. В связи с этим в Святую землю нередко отправлялись представители русского клира, купцы, члены княжеских семей. Вопрос об информативности контактов русских паломников с жителями региона зависел от коммуникативной системы, которая делала это общение доступным. Нельзя исключить, что языком посредником при подобных контактах мог быть греческий язык, который знали греки, местные купцы и представители христианского духовенства. Благодаря знанию греческого языка, русские паломники могли получить необходимую информацию, установить контакты с представителями местных церквей. При посредничестве местных христиан, владеющих греческим языком, русские паломники могли общаться и с арабами-мусульманами. Однако это общение имело практический характер и было весьма ограниченным в виду религиозного и языкового барьеров. В то же время представители русской церкви могли знать и латынь, позволявшую им общаться с европейцами, которые проживали в основанных крестоносцами ближневосточных государствах.

Неудивительно, что представители русского духовенства были первыми русскими паломниками, которые посетили Святую землю и оставили описания своих путешествий. Так, в 1062 г. в святых местах побывал св. Варлаам игумен Дмитровский. В начале XII века (1106 – 1107 г.) совершил паломничество игумен Даниил,

который оставил описание своего хождения, ставшее выдающимся памятником древнерусской литературы. В Хождении игумена Даниила, как и в последующих произведениях этого литературного жанра, рассказывалось об историческом прошлом христианства, библейских местах, сообщались некоторые сведения о религии, географии, обычаях и нравах народов Ближнего Востока. Вместе с тем записки паломников обладали рядом специфических черт, обусловленных их религиозным сознанием. И.М. Смилянская отмечает, что большое влияние на повествование и восприятие пилигримами окружающей действительности оказывала Библия. Сюжеты канонических и апокрифических текстов Ветхого и Нового заветов определили места поклонения, их религиозный смысл, канон самого описания Святой земли. Ранние паломники считали достойным зафиксировать в тексте непреходящее, вечное, отбросив все частное и конкретное. Вот почему библейский образ в таких описаниях во многом заслонял действительность¹.

Однако не все русские паломники были движимы исключительно духовными целями, кто-то выполнял и дипломатические поручения. Так, путешествие игумена Даниила, по мнению ряда исследователей, было организовано с целью выяснения военной и политической обстановки, сложившейся на Ближнем Востоке в результате крестовых походов. Так это или нет с уверенностью говорить трудно. Сам Даниил упоминал, что встречался с иерусалимским королем Болдуином², который принимал его как посланника русских князей. Вместе с тем в его хождении содержатся сведения о политической ситуации в Палестине. Из описания известно, что Даниил прибыл в Иерусалим после того, как его заняли крестоносцы, в связи с чем королевство представлялось ему во враждебном мусульманском окружении. В Святом Граде также было беспокойно и Даниилу приходилось передвигаться с вооруженной охраной крестоносцев, опасаясь нападения мусульман. Кроме того, он активно пользовался услугами проводников и переводчиков, без которых невозможно было осмотреть святыне места³.

¹ Смилянская И.М. Арабский мир в представлениях русских паломников... С. 54.

² Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли. М.: Изд. Центр «Россия молодая». 1999. С. 40.

³ Там же. С. 4.

Страх перед «погаными» (т.е. язычниками, как тогда представляли мусульман) заставил Даниила отказаться от намерения посетить Сирию. Какого же было его удивление, когда он со своими спутниками был дружелюбно встречен смешанным мусульманско-христианским населением большой палестинской деревни. Более того, сарацинский старейшина сам с оружием проводил их до Вифлеема, чтобы оградить от возможных нападений. Конечно, нападения на паломников со стороны бедуинов и горцев случались, но в большинстве случаев палестинские мусульмане относились к пилигримам терпимо. Об этом косвенно свидетельствует факт, что в XII – XIII веках паломничество среди русских людей приобрело массовый характер и не прекратилось даже в ордынский период. К примеру, в 1389 – 1405 г. Святой Град посетил Игнатий Смолянина¹, а в 1415 – 1417 г. Епифан Мниха, которые оставили описания своих хождений. Вместе с тем сохранилось хождение иеродиакона Зосимы, побывавшего в Иерусалиме и Египте в 1420 г. К его рукописи прилагался список числительных, заимствованных, вероятно, из разговорного арабского языка. Следует отметить, что в хождениях нередко упоминались арабские топонимы, а также иная лексика арабоязычного происхождения. Ею, в частности, изобилует «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, который длительное время пребывал на Востоке и посетил Ормузд².

Специфика контактов русских паломников с местным населением, а также характер сообщаемых ими сведений зависели от рода их деятельности. Так, восприятие ближневосточных реалий и общение с местными жителями у паломников-клириков и паломников-купцов отличалось. Если первые большое внимание уделяли церковным вопросам и общению с представителями местного духовенства, то вторые активно интересовались местной торговлей. В целом же контакты паломников с арабами были достаточно поверхностными.

Посещение паломниками святых мест, знакомство с местными архитектурно-топографическими, литургическими и церковно-археологическими реалиями, которые производили на них неизгладимое впечатление, нашли отражение не только

¹ Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль, 1965. С. 17.

² Никитин А. Хождение за три моря. Л., 1950. С. 30 – 31, 69.

в русской литературной традиции, но и в церковном искусстве. Известно, что богомольцы, посетившие Палестину, нередко привозили с собой на родину паломнические реликвии: крестики, реликварии, иконки. Так, в Новгороде были найдены 4 перламутровых крестика схожих форм (квадратное средокрестие и округлые завершения ветвей), которые датировались XI, XII, и XIII – XIV вв. Подобная форма крестов, имевшая восточно-средиземноморское происхождение, могла способствовать появлению особого типа древнерусских бронзовых крестиков-нательников с квадратным средокрестием и с шариками на концах, которые получили распространение в русских деревнях в XII – XIII веках¹.

Между тем геополитические изменения в Европе и Азии в XV столетии, связанные с завоеванием Византии турками-османами и освобождением русских земель от власти Золотой Орды, повлияли на характер взаимоотношений Руси с православным Востоком.

Падение Константинополя, который тысячу лет был центром восточного христианства воспринималось на Руси не просто как геополитическая катастрофа, но и как Божья кара, постигшая греков за вероотступничество – принятие унии с католической церковью на Флорентийском соборе в 1439 г. При этом гибель Византийской империи совпала по времени с возвышением Москвы. Идеологическое осмысление этих процессов привело к возникновению представлений о Москве, как о третьем Риме, которые были сформулированы старцем Филофеем. Появлению этой доктрины способствовали не только внешние, но и внутренние факторы: такие как женитьба Ивана III на Софье Палеолог, что сделало его наследником византийских императоров, а также освобождение Московского княжества от Большой Орды в 1480 г. Став в определенном смысле преемницей Византии, Русь перенимала ее культурные и политические задачи. Теперь русский царь, «как единственный представитель и поборник вселенского православия» должен был заботиться о его сохранении и процветании не только у себя на Руси, но и на всем

¹ Мусин А. Археология древнерусского паломничества в Святую землю в XII – XV вв. // богословские труды сборник тридцать пятый к 150-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме (1847 – 1997). Издательство Московской патриархии, 1999. С. 97.

православном Востоке¹, поддерживая христианские народы, находившиеся под гнетом Османской империи. Именно поэтому после падения Константинополя на Русь усилился поток просителей милостыни с Востока, которые сообщали о бедственном положении Православных церквей². Среди них были представители различных автокефальных церквей: настоятели монастырей сирийских, палестинских, египетских, иноки, игумены, белые священники, мирские лица и, конечно, сами патриархи³. Так, в 1619 г. в Россию приезжал патриарх Феофан, который провел здесь два года и получил 30 тыс. руб. в качестве пожертвований. Приезды восточных иерархов обходились недешево русской казне. Помимо денежных средств, они увозили на родину дары от царского дома, бояр и духовных властей, включавшие церковную утварь и произведения церковного искусства⁴. Оказание материальной помощи и предоставление убежища на Руси было тогда единственным доступным способом поддержать христиан на Востоке, поскольку необходимо было избегать конфронтации с Османской империей. В то же время такая поддержка имела и важное политическое следствие, поскольку через благотворительность русское государство укрепляло взаимоотношения с восточными патриархатами. Важную роль в этом процессе играли русские паломники и путешественники, которые в XVI столетии нередко посещали Ближний Восток с дипломатическими поручениями⁵. С подобной миссией на Восток в 1559 г. был отправлен архиерей Василий Позняков, имевший поручение доставить дары восточным иерархам. Первым Позняков посетил Александрийского патриарха, которому преподнес в дар от царя шубу и образ богородицы⁶. Беседуя с русским посланцем, предстоятель Александрийской церкви осведомился есть ли в русском царстве «неверные». Позняков ответил отрицательно, рассказав патриарху о том, что русский царь покорил многие царства и устроил там православие. Судя по всему Позняков имел в виду меры, принятые

¹ Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI – XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 103.

² Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской.

³ См. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к Православному Востоку... С. 105.

⁴ Там же. С. 110 – 119.

⁵ См. Кириллина С.А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI – XVIII столетий. М.: Ключ, 2010. С. 27.

⁶ Хождение купца Василия Познякова в Иерусалим и по Святым местам в 1558 г. М., 1884. С. 3.

Иваном IV в отношении мусульманского населения Казани. Растроганный патриарх поведал русскому посланцу греческое пророчество, которое гласило: «Восстанет царь от восточной страны православной и покорит ему Бог многие царства. И будет имя его славно от Востока до Запада, якоже в древние лета Александра царя Македонского, и сядет на престоле града царствующего, да и мы избавлены будем рукою его от безбожных Турок»¹! В этом пророчестве отражены чаяния восточных христиан и их надежды, связанные с Россией вплоть до революции 1917 года.

Помимо Александрийского патриарха, Василий Позняков должен был посетить и Иерусалимского патриарха Германа, который был одним из первых предстоятелей Иерусалимской церкви, установивших прямые отношения с Москвой. Встречи с восточными иерархами были нужны Московскому царству не только чтобы укрепить религиозные связи, но и получить информацию о политической обстановке, обострившейся в регионе в связи с упразднением османами мамлюкского султаната, а также завоеванием Московским царством Казани и Астрахани. Все это свидетельствовало о растущем интересе Москвы к мусульманским странам и их политике, что отразилось и в паломнической литературе.

В хождениях и путешествиях этого времени рассказ о святых местах становится более катким. На пути в Святую землю путешественники отмечали города и села, реки, уделяли внимание демографии и социальной организации города. Существенное влияние на интересы паломников оказывали профессия и социальное положение: купцы отмечали состояние торговли, горожане специфику градостроительства. Особенно русских паломников интересовало, что мусульмане и христиане иногда жили в одном селении и близко общались друг с другом. Так, Василия Познякова поразило то, что сирийцы обеих конфессий почитают Георгия Победоносца, образ которого, по его словам, исцелял и тех, и других. Интерес русских богомольцев к опыту межконфессионального взаимодействия на Арабском Востоке во многом был обусловлен контактами с мусульманами на родине, особенно после присоединения Казанского и Астраханского ханств.

¹ Там же. С. 3 – 4.

Внимание русских паломников к человеку и его деятельности в этот период, И.М. Смилянская объясняет постепенной сменой теоцентрической картины мира, господствующей в средневековье, на антропоцентрическую, которая начинает формироваться в эпоху преренессанса¹. (Эта эпоха выделяется в истории отечественной литературы со второй половины XV – первой половине XVII в.).

С этого времени паломники отмечали и культурные достижения мусульман, искренне восхищаясь красотой мусульманской архитектуры. Так, старообрядец Иоанн Лукьянов, чье туркофильство отметила С.А. Кириллина², путешествуя по Османской империи в конце XVII века, писал: «Паче же у них у мечетов забудешься: все на них смотрел бы да около их гулял»³. При этом добавляя, что в Москве не получится построить «единого Мечета», (соборную мечеть) так как не найти таких хороших камней. Подобная мысль посетила Лукьянова потому, что в Москве проживали мусульмане. Следует отметить, что знакомство русских людей с мусульманской культурой у себя на родине, как и появление новых стилей или элементов в церковной архитектуре, созданных под влиянием исламского зодчества, отразилось на их эстетическом восприятии культуры арабо-исламского мира в целом.

Мусульманской архитектурой восхищался другой русский путешественник, зодчий и церковный деятель – Арсений Суханов, который побывал на Ближнем Востоке с церковной и дипломатической миссией в 1649 – 1653 гг. Его отъезду на Восток предшествовало важное событие в истории русско-ближневосточных отношений. В 1649 г. Москву посетил видный религиозный деятель – Иерусалимский патриарх Паисий, приехавший к царю Алексею Михайловичу просить о милостыни для храма Гроба Господня. Помимо основной цели своего визита, он активно занимался дипломатическими маневрами и немало времени уделял поклонению русским церковным святыням⁴. Он же обратил внимание царя и патриарха Иосифа на несогласие в чинах и обрядах Русской церкви с церковью восточной. Вследствие

¹ Смилянская И.М. Арабский мир в представлениях русских паломников... С. 80.

² Кириллина С.А. Очарованные странники... С. 254.

³ Цит. по: И.М. Смилянская. Арабский мир в представлениях русских паломников... С. 91.

⁴ Кириллина С.А. Очарованные странники... С. 23.

этого было принято решение отправить на Ближний Восток строителя Богоявленского монастыря, принадлежавшего Троице-Сергиевой Лавре, Арсения Суханова. Следует отметить, что иеромонах Арсений был весьма образованным представителем Русской православной церкви, владел латынью, греческим и польским языками¹. Выполняя поручение, А. Суханов изучил церковные чины и обряды и представил о них соответствующие сведения. Кроме того, в Иерусалиме он сделал топографию и точное описание местонахождения различных христианских памятников², в том числе подробно описал храм Гроба Господня. Эти сведения, а также доставленная А. Сухановым из Иерусалима деревянная модель храма Воскресения Христа использовались при проектировании Воскресенского собора Ново-Иерусалимской обители, которая была построена «согласно плану и облику Гроба Господня, и воспроизводила географию Евангелия»³.

Во время путешествия по Ближнему Востоку А. Суханов побывал не только в Палестине, но и Египте, Синае и Сирии. Возвращаясь из своего путешествия в 1652 г., он посетил в Дамаске Антиохийского патриарха, а затем неделю провел на митрополичьем дворе в Алеппо. Встреча А. Суханова с патриархом Макарием сподвигла последнего на путешествие в Москву, где по заверениям русского гостя его ожидал радушный прием. По словам А.П. Ковалевского, А. Суханов был «противником греков» (греческого духовенства – Е.С.), в связи с чем он испытывал особые симпатии к арабскому патриарху⁴.

Когда Арсений вернулся в Москву, на патриаршем престоле восседал уже Никон, который проводил церковную реформу. Нововведения были направлены на внесение изменений в церковные книги и обряды в целях унификации с современными греческими. Спустя некоторое время в Москву прибыл и Антиохийский патриарх Макарий, который принял деятельное участие в процессе церковного реформирования.

¹ Там же. С. 76.

² Уханова И.Н. Культовые изделия из перламутра, дерева и кости XVIII – начала XIX века// Христиане на Востоке. Государственный Эрмитаж. СПб.: Славия, 1998. С. 60.

³ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 47.

⁴ Ковалевский А.П. Описание путешествия Павла Алеппского как источник по истории Украины в эпоху ее воссоединения с Россией. Харьков: Универс. Им. А.М. Горького, 1954. С. 260.

Следует отметить, что Макарий был не первым антиохийским иерархом, посетившим Русь. В 1586 г. при Феодоре Иоановиче в Московском царстве побывал патриарх Иоаким в связи с вопросом об учреждении патриаршества¹. В 30-х гг. XVII века на Русь отправился митрополит Аккрский, который скончался в Путивле.

Антиохийский патриарх Макарий прибыл в Москву в 1654 с рекомендательными письмами от вселенского патриарха для сбора пожертвований. В путешествии его сопровождали: его сын, архидиакон Павел Алеппский, выполнявший функции секретаря, а также священники Муса, Григорий, Азар, и Бутрус. В свите патриарха присутствовал и толмач Михайло Остафьев. Необходимость в переводчике была связана с тем, что знание греческого языка в среде русского духовенства за прошедшие столетия ослабло. Кроме того, на Ближнем Востоке в это время получил распространение новогреческий язык, который отличался от среднегреческого или византийского.

Выше отмечалось, что приезд патриарха Макария в Москву пришелся на время, когда Никон приступил к церковным преобразованиям и ему было весьма полезно авторитетное содействие восточного иерарха. Макарий был не только советчиком, но и одним из идеологов и участников церковных реформ в Московском государстве. Он принимал активное участие в соборе 1655 г., созванном для исправления богослужебных книг, на котором занимались рассмотрением древних греческих и славянских рукописей. К ним патриарх Макарий присоединил свой служебник на греческом и арабском языках, по которому были исправлены некоторые церковные книги². Интересно, что именно патриарх Макарий проклял двоеперстие. Анафема была принята поместным собором Русской церкви. Вместе с Александрийским патриархом Паисием Макарий содействовал устранению канонических нарушений, связанных со статусом патриарха, которые существовали в практике Русской церкви, также он участвовал в выработке принципов взаимоотношений между светской и духовной властью.

¹ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 38.

² См. Муркос Г. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. Выпуск первый. М.: Университетская типография, страстной бульвар. 1896. Предисловие с. IV.

Во время пребывания Макария в России туда дважды приезжали несколько арабов-христиан, находившихся некоторое время в составе его свиты. Речь идет о священниках Михаиле и Евфимие, появившихся в Москве в январе 1655 года¹. Представителей антиохийского духовенства высоко ценили при царском дворе. Об этом свидетельствует приглашение их на прием к Алексею Михайловичу в Кремль, 12 февраля 1655 г. Патриарх, восхищенный русским церковным искусством, обратился к царю с просьбой, чтобы по его указу местные мастера написали образа для соборных храмов Антиохии и Дамаска². Вероятно, его просьба была выполнена, и иконы были доставлены на Восток. В свою очередь представители антиохийского духовенства преподнесли в дар патриарху Никону христианские святыни с Востока³. Следует предположить, что обмен церковными дарами позволял русским и сирийским христианам получить некоторое представление о церковном искусстве и христианской традиции Руси и Ближнего Востока.

Помимо Москвы, патриарх посетил Троице-Сергиеву Лавру и Новгород. В Лавре сирийские гости были встречены своим старым знакомым келарем Арсением Сухановым, который, по словам Павла Алеппского, выказал им «радушие и дружбу».

Приезд в Москву Антиохийского патриарха Макария и его двухлетнее пребывание в российских землях несомненно было весьма значимым событием в истории отношений Московского государства с православным Арабским Востоком, оставившим о себе долгую память как в Сирии, так и в России. Вернувшись в на родину в 1659 г., Макарий направил посольство в Россию, с извещением о своем благополучном возвращении и просьбами о новой милостыне. В посольстве приняли участие его спутники в первой поездке, которых хорошо знали в Москве. Спустя несколько лет в Россию отправилось еще одно посольство, которое возглавил

¹ Чеснокова Н. Антиохийский патриарх Макарий в Москве // Москва и Ближний Восток: духовные и культурные связи. М.: Круг, 2007. С. 100 – 101.

² Брюсова В.Г. Иконы русских иконописцев XVII века на Ближнем Востоке // Православный Палестинский сборник, вып. 31-й (94-й). М.: Издание ИППО, 1992. С. 129.

³ Чеснокова Н. Антиохийский патриарх Макарий в Москве... С. 97.

архимандрит Неофит¹. Вместе с тем Макарий сам посетил Москву 10 лет спустя после своего первого приезда для участия в суде над патриархом Никоном. В 1666 г. церковный собор с участием Антиохийского и Александрийского патриархов сместил Никона с патриаршего престола. Таким образом, ближневосточные церковные иерархи (как греки, так и арабы) играли важную роль в церковно-общественной жизни российского государства, способствуя некоторым образом религиозному просвещению его населения.

Несмотря на периодические контакты Московской Руси с представителями антиохийского духовенства, арабо-христианская литература, (включая путешествие в Московию патриарха Макария, описанное его сыном Павлом Алеппским), оставалась для Руси неизвестной. Арабская христианская культура воспринималась как культура греков или эллинизированных сирийцев. Этноним «араб» долгое время использовался на Руси только по отношению к мусульманам. Вследствие этого для общения с сирийскими христианами употреблялся лишь греческий язык.

Следует отметить, что греческий язык в Московском царстве не играл главенствующей роли в общении с другими народами, какую он играл на Руси в домонгольский период. В XVII в. в Москве значительно вырос интерес к другим иностранным языкам, что объяснялось расширением контактов с западными и восточными странами. В это время в Московском государстве выполнялись переводы с европейских языков, которыми занимались греки, немцы², а также русские, побывавшие на обучении в Европе. Из европейской литературы в XVII веке на Русь попадают сведения о восточных странах, а также научные знания арабов. И.Ю. Крачковский отмечал, что Московская Русь, создавая свою науку, привлекала не только антично-византийскую традицию, но и арабскую, что заметно в астрономии или астрологии. К примеру, В «Космографии жидовствующих» была отражена астрономическая система ал-Битруджи (около 1200 года)³. Распространению на Руси

¹ См. Панченко К.А. Православные арабы – осведомители российского посольского приказа в XVII в. // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (История, экономика и политика), Вып. 4. М., 2000. С. 310.

² См. Кобищанов Ю.М. Встреча христианских цивилизаций в святых местах Палестины и Египта (глазами русских паломников XV – XVIII веков) // К 150-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме (147 – 1997), сб. 35. М., 1999. С. 200.

³ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 35.

сведений, содержащихся в этом трактате, в XV веке содействовал караим из Кафы Захария Скары, который сам был астрономом и астрологом¹. В целом же культурные контакты Руси с христианским и мусульманским Арабским Востоком оставались весьма ограниченными и определялись спецификой и масштабом культурного обмена с православными греками и сирийцами, мусульманскими народами и европейцами, которые в той или иной мере выступали посредниками в ее взаимоотношениях с арабским миром.

Между тем церковные контакты с арабским православным Востоком в XVII веке постепенно сходят на нет, ввиду стремительной эллинизации Иерусалимского патриархата, которая произошла при Константинопольском патриархе Паисии², а затем аналогичных процессов в Антиохийском патриархате.

На рубеже XVII – XVIII веков во взаимоотношениях России с православным Востоком видное место стал занимать Иерусалимский патриархат. Особенно тесные взаимоотношения в последней четверти XVII века на Руси сложились с Иерусалимским патриархом Досифеем. Он являлся политическим и дипломатическим представителем России в Османской империи, а также информировал российское правительство о важнейших событиях в общественно-политической и религиозной жизни на Ближнем Востоке. Такие ценные сведения о ситуации в этом регионе имели особое значение в эпоху Петра I, который избрал восточное направление одним из приоритетных в своей внешней политике. С его воцарением в России произошла смена культурных ориентиров, были поставлены новые внешнеполитические цели, что в свою очередь отразилось на развитии культурных связей с Арабским Востоком.

¹ См. Святский Д.О. Астрономия Древней Руси... С. 386.

² См. Муркос Г.А. Интересы России в Палестине... С. 11.

1.2. Восточная политика России и дипломатические контакты с арабо-османским миром (XVIII – начало XX в.)

XVIII и, особенно, XIX века стали качественно новым этапом в истории взаимоотношений России с арабским миром, что, прежде всего, связано с активной внешней и внутренней политикой российского государства на Востоке. При этом характер и интенсивность контактов России с арабскими странами во многом определялись спецификой ее взаимоотношений с Портой и осуществлялись в контексте Восточного вопроса¹, вызванного упадком Османской империи и борьбой европейских держав за контроль над ее территориями.

Следует отметить, что период и причины возникновения Восточного вопроса по-разному рассматривались как в отечественной, так и в зарубежной историографии. К примеру Дж. А. Р. Мэрриот связывал появление Восточного вопроса в истории Европы с периодом греко-персидских войн². Автор классического компендиума по истории России С.М. Соловьев видел сущность Восточного вопроса в исконной борьбе между Азией и Европой³, а Н.Я. Данилевский – в столкновении народов, принадлежащих к романо-германскому и греко-славянскому культурным типам⁴. Большинство российских дореволюционных историков относили появление Восточного вопроса к периоду завоевания Византии турками-османами. Так, С. Жигарев писал, что «падение Царь-Града и установление нового порядка в юго-восточном углу Европы... породили те элементы и отношения, из которых сложился и развился восточный вопрос»⁵. При этом основная цель восточной политики для России после падения Византийской империи сводилась, по мнению

¹ Восточный вопрос – принятое в дипломатии и в исторической литературе обозначение комплекса международных противоречий в XVIII – в начале XX вв., связанных с наметившимся распадом Османской империи, ширившимся национально-освободительным движением населявших империю народов и борьбой европейских великих держав за раздел ее владений.

² Marriot J.A.R. The Eastern question an historical study in European diplomacy. Oxford: Clarendon press, 1917. P. 1.

³ См. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 16. М.: Мысль, 1994. С. 630.

⁴ См. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Типография братьев Пантелеевых. Казанская 33, 1889. С. 325 – 355.

⁵ Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе. Ее история в XVI – XIX веках, критическая оценка и будущие задачи. М.: Университетская типография Страстной бульвар, 1896. С. 22.

Жигарева, к разрешению двух вопросов: вопроса материального, заключавшегося в обеспечении экономических и политических интересов России на Востоке, и вопроса религиозно-национального, состоявшего в заботах русского народа о положении православных христиан, находившихся под властью Османов¹. В свою очередь, большинство авторов советского и постсоветского периодов считали главным в восточной политике России не религиозный, а политический, экономический и геостратегические факторы, а само появление Восточного вопроса относили к концу XVIII столетия.

Новый этап во взаимоотношениях России с Востоком начался уже в эпоху Петра. Его реформы и внедряемое им «западничество» исключало многие аспекты влияния мусульманского Востока на русскую культуру, к примеру, бытовавшую среди знати гордость восточными генеалогиями. Вместе с тем при Петре интерес к Азии значительно вырос, что было обусловлено активной восточной политикой царя, поставившего своей стратегической целью приобретение выхода к южным морям. Арабский исследователь ‘Али Абахсин отмечает, что именно в петровскую эпоху возникли политические предпосылки для установления контактов России с Арабским (Персидским) заливом. По его мнению, русский царь указал стратегические цели России на Востоке в своем «завещании», которое гласило: продвигайтесь пока не достигнете берегов Залива, чтобы оживить древние торговые пути со Средним Востоком². Несмотря на то, что происхождение и подлинность этого «завещания» весьма сомнительны, Петр действительно воевал с крымцами, турками и персами за выход к южным морям, в том числе чтобы наладить интенсивную торговлю с Востоком.

Первый шаг в этом направлении был сделан Петром I еще в конце XVII века во время Азовских походов. Однако, завоевав Азов, он не смог добиться от Порты разрешения вести торговлю на русских судах, а после неудачи в Прутском походе

¹ Там же. С. 145.

² Абахсин, ‘Али. Хаула ал-‘илакат ат-та’рихийя байна Русийа ва дувал ал-Халидж ал-‘араби (Об исторических связях России с государствами Залива) // Ал-Васика. Манама, 1999. № 35. С. 30.

в 1711 г., которая привела к утрате Азова, Петр должен был отказаться от мысли развить русскую торговлю посредством свободного судоходства по Черному морю.

Для того, чтобы решить стратегические задачи на Востоке, Петру нужны были люди, знающие регион и владеющие его языками. Вместе с тем необходимо было улучшить коммуникацию и наладить контакт с российскими мусульманами, чтобы повысить их лояльность русскому государству, уменьшить ориентацию на Османскую империю, а также добиться содействия во внешнеполитических акциях на мусульманском Востоке. В связи с этим при Петре были приняты меры, которые в итоге способствовали появлению российского востоковедения. В это время в России был осуществлен перевод Корана, опубликовано «первое русское сочинение об исламе»¹, написанное Дмитрием Кантемиром, а также сделана попытка ввести преподавание восточных языков. Кроме того, во время похода 1722 г. были использованы арабские шрифты (пригодные в то время для всех языков мусульманского Востока), которые предназначались для печатания царского манифеста на татарском языке². Из Персидского похода были привезены книги, восточные рукописи и монеты, пополнившие затем коллекции Кунсткамеры. Все это имело большое значение для знакомства в России с арабо-мусульманским Востоком и последующего его изучения.

Несмотря на то, что Петру так и не удалось добиться военных успехов в борьбе с Османской империей и приобрести выход к Азовскому и Черному морям, дипломатические отношения с Портой существенно окрепли. Этому прежде всего способствовало открытие в Османской империи русского посольства. Первым постоянным русским послом в Константинополе стал П.А. Толстой, который основательно интересовался состоянием дел во всех частях османского государства, включая Арабский Восток. Об этом свидетельствует одно из его дипломатических донесений – «Состояние народа турецкого в 1703 году», которое включало в себя сообщение об Ираке. Арабские области Османской империи упоминались в

¹ аш-Шахбандар, Халил Халид. Мин ал-'илакат ас-сакафийа... С. 15.

² См. Халидов А.Б. Издания на арабском языке до конца XIX века // Россия и арабский мир научные и культурные связи. Вып. 3. СПб., 1998. С. 7.

донесениях и других резидентов, в частности А.И. Неплюева. Им была подготовлена записка в ответ на инициативу президента коммерц-коллегии князя Юсупова, пожелавшего получить сведения об экономике Турции и ее торговле с другими странами¹. Можно предположить, что русское правительство интересовалось арабскими странами с целью уяснения их социально-экономического значения для Османской империи с возможной перспективой установления торговых контактов. Однако пока Россия была отрезана от Черного моря, она не могла вести активную торговлю с Востоком, а также оказывать влияние на решение Восточного вопроса, ставшего в XVIII веке одной из главных проблем международной политики.

С одной стороны, Восточный вопрос был вызван нараставшим ослаблением Османской империи, включавшей в свой состав многие территории и народы Балканского полуострова, Ближнего Востока и Северной Африки (где усиливалось национально-освободительное движение и сепаратистские тенденции), с другой – борьбой европейских держав за влияние в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке². Наряду с сильнейшими западноевропейскими странами Россия включилась в сферу Восточного вопроса во второй половине XVIII века. Английский историк Дж. А. Р. Мэрриот среди основных проблем, составлявших суть Восточного вопроса для России выделял ее естественное стремление в Средиземноморье, попытки установить контроль над проливами, а также ее отношения с единоверцами, находившимися под властью султана³. Средиземноморский вектор внешней политики России особенно четко обозначился в эпоху Екатерины II, считавшей себя наследницей и продолжательницей дела Петра Великого⁴. В то время перед Россией, как и прежде, стояла цель выйти к берегам Черного моря, куда тяготели ее основные речные артерии. Однако мореплавание по Черному морю еще не обеспечивало прямых связей с Европой, требовался свободный проход в Средиземное море. Вместе с тем присутствие России в средиземноморском регионе – средоточии

¹ Пумпян Г.З. Ирак в русской периодической печати и записках путешественников XVIII – начала XX веков// Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 6. СПб. 2000. С. 59.

² Георгиев В.А., Ерофеев Н.Д., Киняпина Н.С... История России XIX начала XX века. М.: Изд-во «Зерцало», 1998. С. 47

³ Marriot J.A.R. The Eastern question and historical study... P. 2.

⁴ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 65.

экономических, политических и культурных коммуникаций между Европой, Азией и Африкой – придало бы ей статус великой державы, позволив укрепить свое положение не только на Западе, но и на Востоке.

Стремление императрицы утвердиться в Средиземноморье проявилось в ходе русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. и связано с Архипелагской военноморской экспедицией. Речь идет о русской эскадре под командованием А.Г. Орлова, которую Екатерина II отправила в Средиземное море для операций против османского флота, а также поддержки антитурецкого движения греков и славян. После поражения морских сил Порты в битве при Чесме в 1770 г. русская эскадра осуществляла полный контроль над восточной частью Средиземного моря. Вместе с тем Чесменская победа сыграла важную роль для установления военно-политических контактов России с арабо-османским миром. Русский консул К.М. Базили писал, что «...победы русских на Буге, на Днестре и за Дунаем и появление Чесменского флота в Архипелаге потрясли до основания Османскую империю и едва не подали повод к совершенному отторжению Египта, Сирии и Аравии от власти султанов и к возрождению независимой черкесской династии на берегах Нила»¹. Речь идет о правителе Египта ‘Али-бее ал-Кабире, который вместе с ближайшими сподвижниками-беями сосредоточил в своих руках реальную власть над Египтом². ‘Али-бей пытался воссоздать самостоятельное государство подобное мамлюкскому султанату. Однако он не стремился к полному разрыву религиозно-политических уз, связывавших его с султаном³.

Воспользовавшись началом русско-турецкой войны, ‘Али-бей в 1769 г. провозгласил независимость от османов и для борьбы с ними заключил союз с шейхом Дахиром ал-‘Умаром, правителем области Сафад на севере Палестины. Кроме того, ‘Али-бей отправил своих представителей для переговоров с Венецией и Россией,

¹ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством. О историческом и политическом отношениях. М.: Мосты культуры, 2007. С. 68.

² См. Сабри, Мухаммад. Та’рих Миср мин Мухаммад ‘Али ила -л-‘аср ал-хадис. (История Египта от Мухаммада ‘Али до Новейшего времени). Каир, 1996. С. 22.

³ См. Смилянская Е.Б., Смилянская И.М., Велижев М.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011. С. 342.

чтобы заключить с ними союз¹. В свою очередь, российскому правительству, армии и флоту также был выгоден союз с сепаратистки настроенным лидером Египта². Договорившись в 1771 г. с графом А.Г. Орловым, (разгромившим османский флот в битве при Чесме), ‘Али-бей установил единство действий с русскими и с помощью шейха Дахира развернул наступление против османов в Палестине и Сирии, подчинив Дамаск и Сайду, осадив Яффу³. В ходе военной операции русские даже взяли Бейрут, однако, подписав в 1772 г. с Портой перемирие, покинули его.

По словам авторов коллективной монографии «Россия в Средиземноморье...», во время перемирия между командованием российской эскадры и арабскими союзниками продолжался обмен посланцами и разведка российскими офицерами египетских берегов с целью подготовки совместных с ‘Али-беем действий в Египте. Однако в 1773 г. ‘Али-бей был убит. Россия лишилась, как считали во флоте, своего важного союзника⁴.

Между тем по окончании перемирия с Османской империей в июне 1773 г. русская эскадра вновь появилась у берегов Сирии. Эмир Йусуф Шихаб порвал союз с османами и выступил совместно с русскими и шейхом Дахиром. После трех месяцев осады Бейрут вновь был взят русскими. В октябре 1773 г. Йусуф Шихаб обратился к императрице Екатерине II с просьбой принять его в российское подданство и установить протекторат России над Ливаном. В конечном итоге эта просьба была отклонена, и русская эскадра покинула Сирию вследствие заключения с османами Кючук-Кайнарджийского мира в июле 1774 года⁵. Таким образом, русско-турецкая война 1768 – 1774 гг. сделала Россию активным участником Восточного вопроса, а также способствовала установлению военно-политических контактов с Арабским Востоком. При этом русско-арабские отношения в ходе войны основывались «на взаимных интересах – военно-стратегических для России (поэтому она

¹ Сабри, Мухаммад. Та’рих Миср мин Мухаммад ‘Али ила -л-‘аср ал-хадис ...С. 23.

² См. Кобищанов Т.Ю. Русские мамлюки в Османском Египте// Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. 2008. №1. С. 57.

³ Ланда Р.Г. История арабских стран... С. 118.

⁴ См. подробнее: См. Смилянская Е. Б., Смилянская И. М., Велижев М. Б. Россия в Средиземноморье.

⁵ Ланда Р.Г. История арабских стран... С. 119.

употребляла те силы, которые не были в ущерб ее основным операциям) и военно-политических для арабских союзников, решавших с помощью России свои задачи». В итоге, «для арабского мира эти контакты означали преодоление культурно-политического изоляционизма, для России – включение нового мира в пространства ее культуры и внешнеполитических отношений»¹.

Победа в русско-турецкой войне стала важным внешнеполитическим достижением екатерининской эпохи, обеспечившим защиту российских интересов на Ближнем Востоке, а также имела большое значение для внутреннего развития России. В результате этой войны русское государство укрепило свои позиции на Черном море, стал независимым от Османской империи Крым. Подписав Кючук-Кайнарджийский мирный договор, Россия получила право торгового мореплавания по Черному морю и прохода российских торговых судов в Средиземное море, а также право строительства портов на Черноморском побережье². Согласно договору, «Русские подданные пользовались преимуществами, предоставленными подданным Франции и Англии»³, что фактически поставило Россию в один ряд с ведущими западными державами и заставило Порту считаться с ее интересами. Победа в русско-турецкой войне имела очень важные последствия для укрепления взаимоотношений России с православным Ближним Востоком. Арабский исследователь Филипп Хитти отмечает, что Кючук-Кайнарджийский мир поставил османского султана в униженное положение и предоставил России преференции, к которым она давно стремилась – защиту православных⁴ (имеется в виду православное население Османской империи – Е.С.). Кроме того, согласно 7-8 статьям мирного договора, русские паломники получили правовую защиту на территории Османской империи и могли беспрепятственно посещать Святую землю. Вместе с тем Кючук-Кайнарджийский мирный договор создал благоприятные условия не только для

¹ Смилянская Е.Б., Смилянская И.М., Велижев М.Б. Россия в Средиземноморье... С. 409.

² Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатъева, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. М.: Международные отношения, 1992. С. 79.

³ Соловьев. С.М. История России с древнейших времен. Книга 15. М.: Мысль, 1994. С.77.

⁴ Хитти, Филипп. Та'рих Лубнан мунзу акдам ал-'усур ат-та'рихийя ила 'асрина ал-хадир. (История Ливана с древнейших времен до наших дней). Бейрут, 1959. С. 523.

развития религиозных связей России со Святой землей, но и установления более прочных дипломатических контактов с арабскими областями Османской империи.

Особое значение для последующего развития культурных и политических связей России с Арабским Востоком имела 11 статья Кючук-Кайнарджийского мирного договора, согласно которой Россия получила право назначать «консюлей» в Османской империи «во всех тех местах, где они признаны будут надобными»¹. По договору Порты признавала за русскими консулами все права и привилегии консулов других европейских держав, в частности обширную уголовную и гражданскую юрисдикцию. Однако на практике открытие и деятельность русских дипломатических представительств на территории Османской империи в том числе и ее азиатских провинциях было сопряжено со значительными трудностями. Только в 1783 г. был заключен Торговый трактат, в котором по сути регламентировались вопросы двухсторонних консульских взаимоотношений, были определены права и преимущества российских консулов. Кроме того, трактат объявлял об их неподсудности местным османским властям, так как все тяжбы против консулов должны были слушаться в Порте. Все споры между русскими подданными подлежали рассмотрению исключительно консулов, которые решали их по законам и обычаям России². С этого времени российские консульства, основные задачи которых заключались в содействии русской торговле и защите интересов русских подданных, все больше использовались в политических целях, став надежными каналами для установления непосредственных контактов с подвластными Порте народами и расширения русского влияния. К концу XVIII столетия российские консульства были открыты в различных городах Арабского Востока: в Дамаске, Александрии, Каире, Сайде. Кроме того, планировалось учреждение консульства в Бейруте. В Высочайшем указе коллегии иностранных дел от 16 мая 1785 г. императрица повелела «для

¹ Россия в Святой земле документы и материалы. М., 2000. С. 6.

² См. Желтикова С.О. Из истории консульской службы России XVIII века // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия. Иркутск., 2000. С. 244 – 250.

пользы службы нашей и пособия торговле... определить... вице-консулами в Барут капитана Режиса Коронелла, в Дамаск капитана Дмитрия Магзана...»¹.

Согласно инструкции Коллегии иностранных дел, вице-консулу в Бейруте Р. Коронеллу надлежало: содействовать развитию торговли и защите интересов русских подданных, составлять отчеты, доклады о российской торговле, состоянии дел в Османской империи, ее описание, доставлять сведения о вспышках заболеваний, снабжать сведениями относительно пребывающих в российские порты торговых судах из Бейрута. Кроме того, следовало опровергать «всякие предосудительные слухи и впечатления о здешней ИМПЕРИИ, а напротив того стараться укоренять в тамошнем крае понятия справедливые о величии и могуществе ее...»². Особо подчеркивалась обязанность консулов вызволять из плена русских невольников на основании 25-го Артикула мирного и 10-ой статьи Торгового трактатов. Таким образом, из инструкции следует, что русские консулы наделялись широким спектром полномочий, чтобы защищать интересы России и русских подданных в арабских областях Османской империи, а также содействовать там укреплению авторитета российского государства.

Заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора имело большое значение не только для взаимоотношений России с Османской империей, но и западными державами, поскольку с этого времени ни одна крупная международная проблема на Балканах и в Восточном Средиземноморье не рассматривалась без участия российского государства. Несмотря на то, что Россия не получила права прохода своих военных кораблей через Босфор и Дарданеллы, сразу же после подписания мирного договора проблема проливов вызвала резкое столкновение с западными державами. «Именно с этого момента начинает формироваться программа европейской дипломатии, сводящейся к ограничению влияния России Черным морем и к закрытию проливов для ее военных кораблей»³.

¹ Высочайший указ императрицы Екатерины II Коллегии иностранных дел, от 16 мая 1785 г. // Россия в Святой земле: документы и материалы. М., 2000. С. 46.

² Там же. С. 48.

³ Киняпина Н.С., Георгиев В.А, Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1978. С. 38.

В конце 80-х гг. отношения России с Портой вновь обострились, что привело к русско-турецкой войне 1787 – 1791 гг. В это время в ближневосточной политике России произошли некоторые изменения. По мнению П. Перминова, если в войне 1768 – 1774 гг. действия русского флота в Средиземном море и Леванте под влиянием рассудительного Н. И. Панина носили более осторожный характер, и планы похода на Константинополь рассматривались лишь в качестве вспомогательной военной операции, то в конце 80-х в ближайшем окружении Екатерины II доминирует уже другая идея¹. Речь идет о так называемом «Греческом проекте», который свидетельствовал, по мнению Н.Н. Лисового, о формировании «новой концепции русской внешней политики на Православном Востоке»². Его суть заключалась в изгнании турок из Европы и восстановлении Византийской империи, на престол которой Екатерина II намеревалась посадить своего внука Константина Павловича. Реализации данного проекта должны были содействовать российские консульства, что, по сути, составляло их скрытое предназначение³.

Несмотря на то, что планам императрицы, предусматривавшим кардинальное изменение карты Юго-Восточной Европы, не суждено было сбыться, «идеи, шедшие в русле «греческого проекта», имели все шансы получить монаршее одобрение»⁴. Причем это касалось не только европейской части Османской империи, но и ее азиатских провинций, особенно Египта, где власть Порты отнюдь не была стабильной.

После гибели ‘Али-бея Египет вновь погрузился в смуту и борьбу за власть между мамлюкскими беями, которую Порта нередко использовала в своих интересах. В результате власть оказалась в руках беев грузинского происхождения Мурада и Ибрагима. Свой «бейт», как и их предшественники, соправители продолжили пополнять русскими мамлюками, которые поступали на Ближний Восток по каналам работоторговли, а также в результате русско-турецких войн. Среди солдат и

¹ Перминов. П. Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке. Первый консул в Александрии// Азия и Африка сегодня. М., 1987. № 9. С. 53.

² Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 67.

³ Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик. 2015. С. 3.

⁴ Перминов. П. Три эпизода из истории русско-арабских связей... С. 53.

офицеров, которые попадали в плен к османам или дезертировали было немало тех, кто принимал ислам и поступал в дальнейшем на службу в один из мамлюкских домов. Т.Ю. Кобищанов отмечает, что только после войны 1768 – 1774 гг. состав египетских бейтов пополнили около 400 русских¹. Некоторым из них удавалось сделать прекрасную карьеру и стать из рядовых воинов кашифами или даже беями. Как, например, Симону Рутченко (Касиму ал-Мускува) приближенному беев Мурада и Ибрахима, который в 1783 г. получил ранг санджак-бея, а затем был назначен правителем Са'ида в верхнем Египте². О большом влиянии Касим-бея писал в докладе на имя князя Потемкина поручик Качкачишвили, желавший подчеркнуть влияние русских в окружении правителей Египта. Кроме того, при Касиме казначеем был Хасан-кашиф (предположительно Иван Михайлович Ухтомский, служивший раньше в канцелярии графа Панина)³.

Присутствие в Египте мамлюков русского происхождения, сепаратистские настроения в правящей верхушке, а также обострившиеся в 80-х гг. отношения между Портой и Россией создали благоприятные условия для продолжения русско-египетских контактов, возникших во время русско-турецкой войны.

Большую роль в установлении политических и дипломатических связей с Египтом сыграло русское генеральное консульство в Александрии, открытое в 1784 г. Генеральным консулом был назначен барон Конрад фон Тонус, к которому практически сразу проявили внимание Мурад и Ибрахим-беи, а Касим-бей и Хасан даже приглашали русского посланника навестить их в Каире. Однако барон Тонус первоначально не имел четких инструкций, как ему следует себя вести по отношению к бывшим соотечественникам. Во многом это объяснялось тем, что российское правительство поначалу не рассматривало русских мамлюков, как фактор способный оказать существенное влияние на успех российской политики в регионе. Тем не менее поражение союзников России на Ближнем Востоке 'Али-бея и шейха Дахира заставили русскую дипломатию обратить внимание на часть египетской

¹ Кобищанов Т.Ю. Русские мамлюки в Османском Египте... С. 51.

² Там же. С. 56.

³ См. подробнее: там же.

элиты, которая в силу своего происхождения могла быть настроена пророссийски. Формированию новой стратегии России на Ближнем Востоке непосредственно содействовал барон фон Тонус, который увидел в регентах-соотечественниках силу, способную привести Египет в сферу российского влияния¹. Предпосылки к возникновению нового русско-египетского союза возникли во время русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. Уже вскоре после ее начала в Государственном совете были оглашены донесения барона Тонуса «о нынешнем состоянии Египта и его возможности произвести перемену в правлении тамошнем...»². По этому поводу барон Тонус предлагал использовать расположение египетских беев для пользы российского государства. Генконсулу было поручено тайно доставить беям императорские грамоты, в которых «содержался призыв к египтянам сбросить османское иго и была обещана военная помощь и политическая поддержка России в этом деле»³.

Наиболее тесные отношения у Тонуса сложились с Ибрахим-беем, который был родом из Тифлиса. В это время отношения России и Грузии достаточно окрепли, что связано с установлением в 1783 г. российского протектората над Картли-Кахетинским царством. Можно предположить, что подобные события, происходившие на родине грузинских беев, с которой они продолжали поддерживать связь, усилили их интерес к России. О намерении Ибрахим-бея установить более тесные контакты с российским государством свидетельствовало его стремление увеличить число русских в своем окружении. Так, в 1786 г. он выразил желание получить от России инструкторов артиллеристов, а два года спустя попросил прислать барона 500 русских солдат, что, несомненно, позволило бы ему укрепить положение своего бейта. Вероятно, командовать этим корпусом должен был племянник Ибрахим-бея, артиллерийский офицер российской армии, незадолго до того ушедший по призыву своего дяди в отставку и переехавший в Египет. Переговоры с бароном фон Тонусом на эту тему Ибрахим и Мурад-беи доверили вести не бывшему родной язык «Московиту» Касиму.

¹ Кобищанов Т.Ю. Русские мамлюки в Османском Египте... С. 58.

² Перминов. П. Три эпизода из истории русско-арабских связей... С. 53.

³ Там же. С. 54.

Между тем ситуация в стране складывалась не в пользу Ибрахим-бея и в 1786 г. он был изгнан в Верхний Египет. Однако отношения российского консула с опальными беями не были прерваны. Связным между ними выступал также русский мамлюк, который делал это, рискуя своей жизнью.

Несмотря на столь активные контакты, Тонус, по мнению авторов коллективной монографии «Россия в Средиземноморье...», «преувеличил антитурецкие настроения и прорусские склонности мамлюков»¹. Узнав о его миссии, Порты несколько раз требовала прислать русского эмиссара в Константинополь. Однако египетские беи, ожидавшие скорого появления русского флота в Средиземном море, больше года не решались выдать туркам генконсула. Когда стало ясно, что русский флот не придет, судьба Тонуса была решена. В 1788 г. Тонус был арестован и через год казнен. «С гибелью посланника дипломатическая активность России в Египте практически сошла на нет: Коллегия иностранных дел сочла бессмысленным продолжать политическую игру с потенциальными союзниками, вытесненными из важнейших стратегических пунктов Египта, тем более, что русская эскадра в Средиземное море так и не была направлена. Мамлюкам также стало ясно, что Российская империя не намерена посылать войска для их поддержки»². Хотя русско-египетские контакты во время войны 1787 – 1791 г. не имели политических последствий, они вновь указали России на стратегическую значимость арабских стран, как потенциальных союзников в ее борьбе с Османской империей, а кроме того значительно расширили представления российских властей об арабо-мусульманском мире.

Между тем, одержав победу в русско-турецкой войне, Россия продолжила укреплять свое положение в зоне Черного моря и Османской империи в целом. В 1792 гг. был подписан мирный договор в Яссах, который подтвердил ранее заключенные русско-османские соглашения, включая акт о присоединении Крыма. По

¹ Смилянская Е. Б., Смилянская И. М., Велижев М. Б. Россия в Средиземноморье... С. 735.

² Кобищанов Т.Ю. Русские мамлюки в Османском Египте... С. 59.

справедливому замечанию Дж. А. Р. Мэрриота, заключение Ясского мирного договора закрыло важную главу в истории Восточного вопроса¹.

Через русско-турецких войн, политические контакты с правителями арабских областей и присоединение новых территорий с мусульманским населением требовали от русского правительства продуманной политики на мусульманском Востоке, причем как внутри России, так и за ее пределами. Важные шаги в этом направлении предприняла Екатерина II, при которой отношение к мусульманскому Востоку некоторым образом изменилось. Об этом свидетельствует изданный в 1773 г. «Закон о терпимости всех вероисповеданий», «запрещавший православному духовенству вмешиваться в дела других конфессий и предоставлявший светским властям право решать самостоятельно вопрос об учреждении храмов любой веры»². Таким образом, Екатерина уравнивала ислам и христианство (как и прочие религии). В царствование Екатерины II были приняты некоторые меры по организации преподавания арабского языка в учебных заведениях, находившихся в местностях с населением, исповедующим ислам. Кроме того, в Петербурге был опубликован Коран, который императрица рассчитывала распространить среди мусульманского населения России, чтобы использовать его в соответствии со своими политическими целями в войне с Османами. Меры, принятые для улучшения этноконфессионального и экономического положения российских мусульман, отчасти способствовали усилению среди них пророссийской ориентации, налаживанию, благодаря их посредничеству, контактов с зарубежным мусульманским Востоком, а кроме того, обеспечивали надежный тыл во время внешнеполитических акций.

Между тем в конце XVIII – начале XIX века Восточный вопрос вновь обострился, что было связано с египетским походом Наполеона (1798 – 1801), открывшим эпоху нового военного проникновения Западной Европы на Арабский Восток. В амбициозные планы генерала Бонапарта входило завоевать восток и юг Средиземноморья, создать там колониальную империю Франции и выстроить кратчайший путь к Британской Индии. В тоже время Англия, обеспокоенная экспансией

¹ Marriot J.A.R. The Eastern question an historical study... P. 147.

² Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама... С. 108.

французов в Египте, сама стремилась установить контроль над Красным морем, а также Персидским (Арабским) заливом, которые обладали стратегическим значением на пути к индийским землям. Уже к началу XIX века практически весь Арабский Восток за исключением Египта оказался в сфере британского влияния¹. В Египте же после ухода французов, не выдержавших натиска мамлюков, Османов и англичан, началась анархия. В ходе вспыхнувшей гражданской войны к власти пришел албанец Мухаммад 'Али, который добился признания себя пашой Египта, а после того, как изгнал англичан в 1807 г., еще более укрепил свою популярность².

Усиление колониальных интересов Франции и Великобритании в арабских странах было связано, с одной стороны, с подъемом их экономики, требующей поиска новых источников сырья и рынков сбыта, с другой – военной и политической слабостью Османской империи, находившейся в состоянии глубокого упадка.

В отличие от Англии и Франции Россия не имела на Арабском Востоке колониальных интересов. Тем не менее события, происходившие в этом регионе, существенно влияли на ее взаимоотношения с Османской империей и западными державами, для которых Восточный вопрос «составлял одну из важнейших проблем международных отношений»³.

Для Российской империи Восточный вопрос в начале XIX века представлял сложный комплекс решения собственных геополитических задач. Российскому государству были необходимы стабилизация политической ситуации в черноморском регионе, укрепление собственных границ, а также нормализация взаимоотношений с южным соседом – Османской империей. Важной задачей дипломатии было обеспечение наиболее выгодного международно-правового режима черноморских проливов: свободное плавание российских торговых судов, возможность прохода по ним военных кораблей, а также гарантии Портой недопущения в Черное море военно-морских сил западных стран. Не менее важной для России была и

¹ См. ад-Дейрави, Назим Меджид. Ост-Индская компания и интересы Англии на Ближнем Востоке// Россия и арабский мир. Вып. 6. СПб., 2000. С. 55.

² Ланда Р.Г. История арабских стран... С. 123.

³ Bitis A. Russia and The Eastern question. Army, Government and Society 1815 – 1833. Published for the British Academy by Oxford University press. 2006. P.1.

балканская проблема, которая заключалась в необходимости укрепления своего положения на Балканском полуострове и поддержке местных христиан.

После воцарения Александра I в российских верхах была разработана программа действий в Восточном вопросе. Она предполагала отказ от политических сделок с другими западными державами по разделу Османской империи и в связи с этим дальнейшее укрепление российско-османских отношений. Внешнеполитические убеждения императора нашли отражение в инструкции, предназначенной российскому послу в Вене графу Разумовскому от 10 сентября 1801 г.: «Одно из основных начал моей политической системы всегда будет состоять в том, чтобы всеми средствами содействовать сохранению этого государства, которого бессилие и плохое внутреннее управление служат драгоценным ручательством безопасности»¹. Подобная политика приносила свои результаты в сложных международных условиях.

Между тем российско-османские взаимоотношения осложнялись в связи с необходимостью для России выступить в защиту христианских народов, находившихся под властью Порты. Однако, если в российском обществе это воспринималось как прогрессивная идея, большинство европейцев, согласно А. Битису, считали помощь России балканским народам лишь прикрытием ее экспансионистских целей².

В 1806 г. отношения России с Портой резко обострились по ряду спорных вопросов, что в итоге спровоцировало начавшуюся в 1807 г. русско-турецкую войну. Намереваясь взять реванш в отношении Крыма и Северного Причерноморья, Османы также стремились восстановить полное господство над Молдовой, Валахией, Сербией. Для России эта война носила вынужденный характер. Русское правительство не ставило перед собой цели приобретения новых территорий за счет Османской империи. Главной задачей было закрепить политические позиции на Востоке, достигнутые в конце XVIII века, а также упрочить свое влияние на

¹ Из инструкции Александра I русскому послу в Вене графу Разумовскому от 10 сентября 1801 г. /Шебунин А.Н. Россия на Ближнем Востоке. Л.: Кубуч, 1926. С. 15.

² Bitis A. Russia and The Eastern question... P. 5.

Балканах. После того, как в 1811 г. русская армия под командованием М.И. Кутузова окончательно разгромила османские силы, в мае следующего года был подписан Бухарестский мирный договор. По его итогам к России отходили участок Черноморского побережья Кавказа с городом Сухум, а также Бессарабия. Молдова и Валахия остались под властью Османов на правах автономии. Была предоставлена широкая автономия Сербии¹. Бухарестский мирный договор, заключенный накануне вторжения наполеоновской армии в Россию, был несомненной победой русской дипломатии. В лице Османской империи Франция лишилась союзника, которому в предстоящей войне отводилась весьма существенная роль².

Разгром наполеоновской армии привел к значительному росту международного авторитета России. Русское правительство в этот период стремилось использовать результаты достигнутой победы для укрепления своих новых границ, расширения политического влияния в Европе и на Балканах. Кроме того, Россия стремилась к укреплению мирных отношений с европейскими государствами. Важнейшим принципом, регулирующим внешнюю политику, стала поддержка Венской системы, т.е. европейского равновесия и дворянско-монархических режимов на континенте. Однако европейские державы, по мнению С.М. Соловьева, воспользовавшись силами России для свержения ига Наполеона, «никак не хотели допустить Турцию почувствовать влияние России, заставить ее подчиняться требованиям последней, дать России что-нибудь сделать для турецких христиан и тем скрепить связь между ними и Россией»³. Им было в тягость возросшее значение России и ее участие в международных делах.

Задачи, которые ставило перед собой русское правительство в этот период, были противоречивы. С одной стороны, оно покровительствовало национальным движениям христианских народов на Балканах, с другой – проводило консервативную политику, основанную на принципе легитимизма. В свою очередь это вносило определенную непоследовательность в решении внешнеполитических вопросов.

¹ Георгиев В.А., Ерофеев Н.Д., Киняпина Н.С. История России XIX начала XX века... С. 58.

² Российская дипломатия в портретах... С. 134.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 16... С. 639.

Непосредственное влияние на формирование внешнеполитического курса Российской империи оказывало Министерство иностранных дел, которое после 1815 г. возглавляли И. Каподистрия и К.В. Нессельроде. Формально функции между ними были разграничены: в ведении Нессельроде были сношения России со странами Запада, в ведении Каподистрии – со странами Востока. В отличие от Нессельроде, который был проводником консервативной политики (в духе Священного союза), Каподистрия придерживался либеральных взглядов. Будучи греком по национальности, он являлся сторонником решительных действий в восточных делах, активно выступая за помощь христианским народам¹. Причем это касалось не только православных народов Балкан, но и Ближнего Востока.

Для того, чтобы решить стратегические задачи в ближневосточном регионе, России необходимо было укрепить там свои позиции посредством дипломатических представительств. Подобную необходимость прекрасно осознавал российский посланник в Константинополе барон Г.А. Строганов, который в 1819 г. командировал на Ближний Восток Д.В. Дашкова (второго советника императорской миссии) для изучения российских консульств. Выполняя поручение, Дашков писал обстоятельные письма барону Строганову о состоянии дипломатических представительств и о ситуации в этом регионе². В составе группы, покинувшей Константинополь вместе с Дашковым, были актуариус императорской миссии Георгий Мострас, третий драгоман А. Деодати и янычар А. Бендерли. Во время поездки Мострас остался в Яффе, чтобы приступить к организации вице-консульства³. Главная задача нового диппредставительства состояла в обеспечении эффективной защиты и оказания помощи российским паломникам, прибывшим в Палестину для поклонения святым местам⁴. Необходимость защиты российских подданных, прибывающих в Яффу, обуславливалась тем, что богомольцы нередко подвергались «угнетениям со стороны обитателей того края», а их путешествие было сопряжено

¹ Российская дипломатия в портретах... С. 145.

² См. АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 103 [Доклады 1820 – 1839]. Л. 131 – 132.

³ См. подробнее: Якушев М.М. Об учреждении российского вице-консульства в Яффе во главе с Г.И. Мострасом. // Православный палестинский сборник. 118-й вып. М.: Индрик. 2020. С. 504.

⁴ См. АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 191 [Дела агентств 1845 – 1849] Л. 42.

с большими трудностями¹. Помимо пособия российским подданным в передвижении по Святой земле вице-консульство оказывало различную помощь в имущественных делах², осуществляло поддержку местного православного населения, особенно тех его представителей, которые сотрудничали с российским консульством³.

Важным направлением деятельности российских дипломатов по укреплению взаимоотношений России с православным Востоком было налаживание контактов с руководством Иерусалимского и Антиохийского патриархатов. Этому во многом способствовало греческое происхождение некоторых российских консулов. Т. Прусис отмечает, что в первой половине XIX века большинство консулов, переводчиков и торговых представителей России в Османской империи имели балканское, итальянское или греческое происхождение, что объяснялось обычаем назначать лиц, знающих главные языки торговли в Леванте и знакомых с османским обществом и учреждениями⁴. Вместе с тем вице-консульство в Яффе, а также другие российские дипломатические представительства активно привлекали на службу местных жителей, причем не только христиан, но и мусульман. Среди них были агенты, секретари, драгоманы, кавасы, которые охраняли консульство, доставляли важные сведения, а также сопровождали важных русских особ в путешествии по Ближнему Востоку⁵. Яффское вице-консульство находилось в подчинении Генерального консульства России в Александрии во главе с А.О. Дюгамелем.

Несмотря на наличие российских консульств, а также агентств на Ближнем Востоке, дипломатические усилия России в регионе (как и ее присутствие там) были намного слабее по сравнению с активностью западных держав. Во многом это объяснялось тем, что внимание российского государства в это время было сконцентрировано на Греческом вопросе, который особенно обострился в 20-е годы в связи с продолжавшимися греческими восстаниями. В это время Россия наряду с

¹ См. подробнее: Якушев М.М. Об учреждении российского вице-консульства в Яффе... С. 506.

² См. АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 103. [Доклады]. Л. 94.

³ См. АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 189 [Консульская организация 1839 – 1840]. Л. 9.

⁴ Прусис Т.С. О торговле и консульствах Российской империи на Ближнем Востоке (обзор архивных материалов) // Вопросы истории № 1. М. 2001. С. 140.

⁵ См. АВПРИ/ Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819 Д. 103. [Доклады]. Л. 95.

западноевропейскими державами, не желавшими ее одностороннего вмешательства в балканские дела, активизировали свои действия для решения Греческого вопроса. В 1827 г. Россия, Англия и Франция подписали Лондонский протокол о согласованных действиях в пользу Греции. Они потребовали от османского правительства признания ее полной внутренней автономии. Последовал отказ от Порты, который привел к морской битве кораблей России, Англии, Франции и Османской империи в Наваринской бухте 20 октября 1827 года. В сражении также участвовал египетский флот, который по требованию султана был прислан Мухаммадом 'Али¹.

Несмотря на поражение турецко-египетской эскадры в этой битве, Порта, ободренная прекращением военных действий против нее Англии и Франции, объявила войну России. В ходе русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Османская империя потерпела поражение на Балканах и на Кавказе. В 1829 г. между двумя государствами был подписан Адрианопольский мирный договор, который согласно В.И. Шеремету, решил две основные проблемы, определявшие конфликт между Турцией и Россией – «требование царского правительства относительно свободы торгового судоходства в проливах, соблюдения автономии Сербии и Дунайских княжеств»². Согласно данному трактату была решена судьба Греции, получившей в 1830 г. полную независимость. Освобожденные при содействии России балканские области как бы автоматически переходили в сферу российского влияния³.

Заключение Адрианопольского мирного договора имело большое значение как для государственных интересов России, так и для судеб некоторых балканских и закавказских народов. Он способствовал дальнейшему развитию национально-освободительного движения на Балканах. Что же касается отношений России с Портой, то они на длительный период стабилизировались.

Между тем внутривосточное положение Порты было нестабильным. Помимо роста национально-освободительных движений на территориях европейской

¹ См. Мухаммад 'Али баша ал-кабир (Мухаммад 'Али великий паша). Al-Hilal Press Heritage Center. 2015. С. 67.

² Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М.: Наука, 1975. С. 185.

³ Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османско-русских отношений (1774 – 1847). М.: Индрик, 2018. С. 99

части Османской империи, в борьбу за независимость от османского султана были вовлечены и арабские провинции. После поражения османов в русско-турецкой войне престиж Порты на Арабском Востоке еще больше пошатнулся. Этим попытались воспользоваться правители Египта и Ирака с целью добиться независимости от Стамбула.

В 1832 г. возник первый турецко-египетский конфликт. Мухаммад ‘Али – паша Египта, формально входившего в состав Османской империи, начал военные действия против Порты. Слабая османская армия была разбита египетскими войсками¹. Османской империи грозил распад. Как отмечает Мухаммад Сабри, эта победа распространила влияние Египта на Великую Сирию, Малую Азию и Ирак, однако Мухаммад ‘Али стал требовать от Турции всю азиатскую часть ее владений, чтобы основать из них новую арабскую империю². Будучи албанцем по происхождению, не знавшим арабского языка, Мухаммад ‘Али, безусловно, больше заботился о своих интересах и интересах своего окружения, которое по преимуществу было не арабским. В результате завоевательной политики паши к Египту были присоединены Аравия, север Судана, Крит, Сирия, Палестина и Киликия. Так что к 1833 г. владения Египта по территории превосходили основную часть Османской империи. Поражения, нанесенные войсками Мухаммада ‘Али османским вооруженным силам, подорвали престиж Порты в глазах населения Сирии, что в конечном итоге способствовало развитию антитурецких настроений³. В это время Сирией управлял сын Мухаммада ‘Али Ибрахим-паша, а эмир Ливана Бешир II стал их союзником и практически вассалом. Это серьезно укрепляло власть египетского паши в Великой Сирии и усиливало сепаратистские тенденции.

В сложившихся обстоятельствах Махмуд II обратился за помощью к западным державам, в первую очередь – Англии, которую просил послать 15 военных кораблей против египетского паши⁴. Однако Англия отказалась от участия в

¹ Георгиев В.А. Ерофеев Н.Д., Киняпина Н.С. История России XIX начала XX века... С. 161.

² Сабри, Мухаммад. Та’рих Миср мин Мухаммад ‘Али ила -л-‘аср ал-хадис... С. 67.

³ См. Смилянская И.М. Из истории народного освободительного движения в Сирии в середине XIX века. Восток в Новое время. Экономика, государственный строй. М.: Наука, 1991. С. 107.

⁴ Šedivý, Miroslav. Metternich, the Great Powers and the Eastern Question. Published by the University of West Bohemia, 2013. P. 493.

военных акциях в Восточном Средиземноморье, прежде всего, из-за внутривосточных сложностей. В то же время Франция, тесно связанная с Мухаммадом 'Али, не спешила оказывать поддержку Порте. Единственной европейской державой, выступившей в защиту целостности Османской империи была Россия. Как писал К.М. Базили, «Если бы Мухаммад 'Али не страшился России, которая по своему положению имела особенные причины предостерегать Восток от новых потрясений...нет сомнения в том, что он не замедлил бы явиться в беззащитную столицу и ниспровергнуть правительство...»¹. По мнению чешского исследователя Мирослава Шедиви, решение русского правительства оказать военную помощь Порте было логичным результатом политики «слабого соседа», принятой в сентябре 1829 г., поскольку свержение султана могло иметь для Российской империи фатальные последствия: падение Османской империи или же ее более жизнеспособное состояние, чем нынешнее, могли бы создать угрозу для российского доминирования в Черном море². Подобное поведение русской дипломатии было продиктовано, с одной стороны, желанием сохранить устойчивое положение в Османской империи, с другой – усилить русское влияние в Константинополе. С этой целью на Восток был отправлен глава военно-дипломатических миссий в Константинополе и Каире генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев (Карский), который хорошо владел турецким языком. К его дипломатической миссии был прикреплен А.О. Дюгамель, которому следовало собрать военно-географические и статистические сведения³.

В Египте Н.Н. Муравьев должен был провести переговоры с Мухаммадом 'Али и склонить его к прекращению военных действий против султана⁴. Вслед за этим к берегам Босфора прибыл 30-тысячный русский десантный отряд для защиты турецкой границы. Несмотря на то, что вскоре между Османской империей и Египтом было достигнуто согласие, султан, напуганный египетской агрессией, предложил России заключить договор. Как писал свидетель событий Н.Н. Муравьев: «Вся

¹ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством. О историческом и политическом отношениях. М., 1962. С. 174.

² Šedivý, Miroslav. Metternich, the Great Powers and the Eastern Question... P. 493.

³ См. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М.: Восточная литература. 2005. С. 82 – 83.

⁴ Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток... С. 102.

приветливость султана была притворством вследствие тяжелой необходимости, которой он покорялся»¹. В результате в 1833 г. в Ункяр-Искелеси был заключен русско-турецкий договор о дружбе и взаимопомощи. Он подтверждал Адрианопольский мирный договор и другие российско-османские соглашения. Согласно данному договору, Россия должна была предоставить военную помощь в случае нового османо-египетского конфликта. При этом российское государство получило выгодный для него режим черноморских проливов. Согласно секретной статье, Порты была обязана закрывать по требованию русского правительства Босфор и Дарданеллы для прохода военных судов других европейских держав в Черное море. Таким образом, Ункяр-Искелесийский договор поставил Порту в почти вассальную зависимость от России и на некоторое время ослабил влияние европейских держав в Османской империи. Вместе с тем Россия стремилась усилить свое дипломатическое присутствие на территории Египта. В 1833 г. генеральные консульства в Каире и Александрии были преобразованы в одно генконсульство в Египте. С этого времени дипломатическое представительство стал возглавлять штатный генконсул. До этого, как отмечает М.М. Якушев, внештатными генконсулами в Александрии были османские подданные итальянского происхождения².

Заключение Ункяр-Искелесийского договора вызвало шок у Франции и Великобритании, которые особенно опасались доминирования России в Леванте, что привело к попыткам западных держав упредить ратификацию договора. Однако Порты отреагировала протестной нотой, утверждая, что документ не несет опасности для третьей стороны, и султан, как суверен, может заключать соглашения с другими странами³. Подобные заявления не могли успокоить западные державы, которые с того времени приложили все усилия, чтобы нивелировать успехи России в этом направлении.

К концу 30-х годов европейским государствам путем экономического и политического давления на Порту удалось ослабить позиции России в

¹ Муравьев Н.Н. Дела Турции и Египта в 1832 – 1833 гг. М., 1870. С. 4 – 5.

² Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток... С. 229.

³ Šedivý, Miroslav. Metternich, the Great Powers and the Eastern Question... P. 535.

Константинополе. К этому же времени относится усиление европейского дипломатического присутствия на Ближнем Востоке. В 1838 г. было открыто британское консульство в Иерусалиме, затем французское и австрийское. В связи с этим значение Яффского вице-консульства в борьбе за интересы России в Палестине перед лицом не только османской власти, но и конкурирующих западных держав возросло. В это время скончался возглавлявший консульство около 20 лет Г. Мострас. На его место по предложению К.В. Нессельроде был назначен К.М. Базили, ставший вице-консулом в 1839 году¹. Тогда же возникла идея о перенесении консульства из Яффы в Бейрут, которое поддержали генеральный консул в Египте граф А.И. Медем и посланник в Константинополе А.П. Бутенев. «Министерство полагало полезным переместить его (консульство – Е.С.) в Байрут для вящего наблюдения за духовными делами и за ходом политических событий в Сирии, заслуживающих ныне особенного внимания Правительства»². Поскольку Бейрут был важным торгово-экономическим, политическим и культурным центром Османской империи, а также местом сосредоточения коммерческой, миссионерской и дипломатической деятельности западных держав перемещение консульства было целесообразным. «Город сей имеет непрестанные сообщения с Египтом и, сделавшись рынком всей Сирии, посещается купеческими кораблями всех Европейских держав, коих консулы пребывают в Байруте и заведуют находящимися в Яффе простыми агентствами»³. Кроме того, Бейрут находился в одном дне пути от Дамаска – местопребывания генерал-губернатора Сирии, что облегчало российскому консулу общение с ним в случае необходимости. Важным было и то, что Сирия в это время приобрела большую политическую важность, сделавшись средоточием всех военных действий египетского паши.

В инструкции, переданной консулу К.М. Базили, ему предписывалось немедленно сообщать в Константинопольскую миссию о нарушениях привилегий православных и Православной церкви в Сирии и Палестине, доносить о спорах и

¹ См. АВПРИ. Ф. Вице-консульство в Яффе. Оп. 823. Д. 3. 1838. Л. 102.

² Всеподданнейший доклад вице-канцлера К.В. Нессельроде о перемещении консульства из Яффы в Бейрут от 30 декабря 1839 г. // Россия в Святой земле: документы и материалы. М., 2000, С. 52.

³ Там же. С. 53.

конфликтах между различными христианскими церквями и главное – поддерживать перед османскими властями законные требования православного населения, что по сути являло собой новое направление политики России в этом регионе¹.

Договор о назначении российского консула «Бейрута и Палестины» был подписан между Портой и Россией в 1839 году². Тем не менее вице-консульство в Яффе продолжало функционировать. На место К.М. Базили вице-консулом был назначен тоже грек – Н.С. Марабутти, который занимал этот пост несколько десятилетий. По словам М.М. Якушева, о новом вице-консуле и его гостеприимстве весьма лестно отзывались некоторые русские путешественники³. В 1844 г. Марабутти принял российское подданство, а в 1845 присягнул на верность и службу российскому императору.

За годы службы в вице-консульстве в Яффе К.М. Базили успел заслужить уважение сирийской администрации, представители которой выражали ему свое почтение и радость по случаю его назначения консулом в Бейрут, указывая, что переезд консула будет весьма полезным, и что их страна – его дом⁴. Следует отметить, что в Бейруте и до Базили поддерживали тесные отношения с российскими дипломатами. Так, генеральный консул в Александрии А.О. Дюгамель, пребывавший на этом посту с 1833 – по 1838 г., пользовался расположением эмира Бешира II, который называл его своим другом⁵.

Назначение К.М. Базили совпало с новым обострением ситуации на Ближнем Востоке. В 1839 г. отношения Египта с Портой снова испортились, начался новый турецко-египетский кризис. Однако, несмотря на военное положение, российское генеральное консульство в Александрии продолжало функционировать и поддерживать связь с консульством в Бейруте⁶.

¹ См. Смилянская И.М. Константин Михайлович Базили//Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука, 1991. С 244.

² См. АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 104. [Политическая переписка]. 1839 – 1840. Л. 11.

³ См. Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток... С. 227.

⁴ АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 104. Л. 18.

⁵ См. АВПРИ Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 104. Л. 11.

⁶ См. Там же, Л. 65.

К началу второго турецко-египетского конфликта положение России в Османской империи уже не было прочным из-за активных действий западных держав. В данных обстоятельствах русскому правительству пришлось искать союзников для решения Восточного вопроса. Выбор Николая I и его окружения ошибочно пал на Англию, которую русское правительство долгое время рассматривало как благожелательную сторону в решении международных проблем на Ближнем Востоке.

Со своей стороны, Великобритания блестяще использовала сложившуюся ситуацию для ослабления Франции в странах Леванта и России в Константинополе. В 1840 – 1841 гг. европейские державы подписали две Лондонские конвенции. Первая была направлена против Франции, а вторая, подписанная уже с ее участием, касалась судоходного режима Босфора и Дарданелл. «Судоходство в проливах ставилось под международный контроль, провозглашался принцип их закрытия для военных кораблей всех европейских держав в мирное время»¹. Конвенция 1841 г., фактически заменившая Ункяр-Искелесийский договор, лишила Россию права решать свои отношения с Портой в вопросе о проливах путем двухсторонних актов и изолировала ее флот в черноморском бассейне. Кроме того, Россия лишилась единоличного права покровительства христианам Османской империи, что значительно ослабило ее положение в Святой земле.

Фактически сразу после подписания Лондонских конвенций началось более интенсивное проникновение западных держав на Ближний Восток в том числе через дипломатические и духовные миссии. При этом каждая европейская держава стремилась укрепить свое влияние на Ближнем Востоке, поддерживая разные религиозные общины. Россия оказывала помощь православным, Франция – католикам и маронитам, Англия – друзам². Служащих британского правительства в Сирии даже упрекали в том, что они оказывали друзам военную поддержку и снабжали их порохом и военным снаряжением³. Все это вело к еще большей дестабилизации

¹ Георгиев В.А. Ерофеев, Н.Д., Киняпина Н.С. История России XIX начала XX века... С. 165.

² Хитти, Филипп. Та'рих Лубнан мунзу акдам ал-'усур... С. 523.

³ См. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 105. 1841. Л. 56.

положения в Сирии, нередко провоцируя межрелигиозные столкновения. На фоне активной дипломатической, духовной и просветительской деятельности западноевропейских стран попытки России распространить свое влияние на Ближнем Востоке были значительно слабее. Тем не менее даже в этих неблагоприятных условиях российские консулы прикладывали большие усилия для налаживания политических, а также культурных контактов с арабо-османским миром. Для развития культурных связей многое сделали генеральный консул России в Александрии граф А. Медем и особенно К. М. Базили, который с 1843 г. стал генеральным консулом в Бейруте. Этот пост он занимал более 10 лет и, как представитель России, пользовался почетом и уважением. За время своей службы генконсул способствовал укреплению позиций православия на Ближнем Востоке: содействовал улучшению положения российских паломников, оказывал защиту и покровительство своим единоверцам, предотвращал кровавые столкновения. Известно, что К.М. Базили активно участвовал в урегулировании друзско-маронитского конфликта, вспыхнувшего в Ливане в 40-е годы. В 1844 г., когда конфликт обострился, он направил посланнику в Стамбул проект, согласованный с его английским и французским коллегами. К.М. Базили полагал, что во главе Ливана нужно поставить не двух каймакамов, что усилило бы межрелигиозный антагонизм, а полномочного правителя, способного бороться с сепаратизмом феодалов. Концепция российского консула предвосхитила основные положения Органического статуса 1861 года¹. К.М. Базили прекрасно разбирался в ситуации на Ближнем Востоке, знал историю, экономику, культуру региона. Об этом свидетельствует его фундаментальная работа о Сирии и Палестине, а также многочисленные доклады и консульские донесения, которые особенно ценил Азиатский департамент МИД. Находясь на Ближнем Востоке, К.М. Базили составлял научную библиотеку, заказывал копии со старинных образцов церковной живописи, собирал арабские рукописи, которые затем отправлял в Министерство иностранных дел.

¹ См. Смилянская И.М. Константин Михайлович Базили... С. 247.

Дом российского консула в Бейруте был культурным центром сирийской православной общины. Благодаря его усилиям была восстановлена православная типография, открыты школы при религиозных центрах¹. К.М. Базили поддерживал регулярные отношения с другими российскими консульствами и агентствами, а также дипломатическими представительствами европейских держав на Ближнем Востоке. Помимо консульства в Бейруте и вице-консульства в Яффе, в разные годы были открыты вице-консульства в Сайде, Триполи, Хаме. В Алеппо консульскими агентами были представители из местной семьи Пиччиотто². Кроме того, в 1842 году было открыто консульское агентство в Хайфе³, которое наряду с другими дипломатическими представительствами России оказывало поддержку российским подданным на Ближнем Востоке. Следует отметить, что российские дипломаты пользовались уважением османских чиновников, которые писали им весьма любезные письма. В своих письмах представители османской администрации нередко подчеркивали, что на подвластной им территории они проявляют заботу о христианских общинах, а также оказывают покровительство греческим и армянским храмам и монастырям.

Между тем «охранительная» политика России на Ближнем Востоке претерпевала изменения. В расчеты Николая I входил пересмотр невыгодного для России статуса Черноморских проливов, установленного Лондонскими конвенциями, и всей системы соглашений касательно Османской империи. Планы русского правительства предусматривали усиление влияния России на Балканах и Ближнем Востоке. Император предполагал, что международная обстановка благоприятствует осуществлению его намерений⁴.

Таким образом, в конце 1840-х годов на Ближнем Востоке назрел новый конфликт, на стремительное развитие которого повлиял спор между Россией и Францией о преобладании католической или православной церкви в Палестине. В 1850 г. патриарх Иерусалимский Кирилл обратился к Порте для того, чтобы получить

¹ Там же. С. 250.

² См. АВПРИ Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 190 [Дела агентств 1842 ч. 2]. Л. 5.

³ См. там же. Л. 22.

⁴ Российская дипломатия в портретах... С. 188.

разрешение на починку купола храма Гроба Господня. В свою очередь Франция потребовала восстановить католическую серебряную звезду, снятую со Святых Яслей, и передать католикам право на обладание ключом от главных ворот церкви в Вифлееме¹. Спор о Святых местах продолжался между Францией и Россией еще на протяжении нескольких лет. И та, и другая держава для его разрешения использовала свое влияние в Стамбуле. Однако Порты все больше склонялась к позиции Франции. По мнению Н.С. Киняпиной, спор о Святых местах не был лишь надуманным поводом к развязыванию войны, а явился важной причиной конфликта, учитывая глубокий религиозный менталитет людей того времени. Особенно остро он был воспринят православным населением России и лично Николаем I, который принимал близко к сердцу успехи и неудачи единоверцев на Востоке. Защита привилегий православной общины Палестины составляла часть общей задачи покровительства России всему христианскому населению Османской империи². В политическом аспекте этот спор стал соревнованием русской и французской дипломатии за влияние на султана, в собственности которого находились христианские святыни. Используя религиозные мотивы, «Николай I... надеялся распространить русское влияние не только на страны Балканского полуострова, но и на Сирию, Ливан и Палестину»³, чтобы укрепить свое влияние в вопросе о святых местах и усилить покровительство над ортодоксальной греческой церковью⁴. Стремление России включить в сферу своего влияния святые места, по мнению Филиппа Хитти, привело к войне⁵.

Как известно, в 1853 г. русское правительство предъявило ультиматум Порте и потребовало обнародования фирмана о привилегиях православной церкви и признания турецким правительством прав православного населения Османской империи, а также об особом покровительстве ему со стороны России. При этом российское государство ошибочно надеялось на поддержку Англии и нейтралитет

¹ Георгиев В.А. Ерофеев Н.Д., Киняпина Н.С. История России XIX начала XX века... С. 172.

² Там же. С. 172.

³ Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 – начале 40-х годов XIX века. М., 1975. С. 133.

⁴ См. там же. С. 133.

⁵ Хитти, Филипп. Та'рих Лубнан мунзу акдам ал-'усур... С. 523.

Австрии. Однако эти расчеты не оправдались. Англия была не намерена связывать себя союзом с Российской империей, к тому же она стремилась заморозить ситуацию на Ближнем Востоке, сложившуюся после 1841 года. В свою очередь Австрия желала получить контроль над дельтой Дуная и уберечь от России Валахию¹. Отказ Порты выполнить ультиматум русского правительства свидетельствовал о том, что у России нет союзников для вмешательства в православные дела, а также о том, что Османская империя не желала идти на компромисс в вопросах предоставления прав и привилегий православной церкви².

В сложившихся обстоятельствах Великобритания и Франция выступили на стороне Османской империи, Австрия же заняла позицию недоброжелательного нейтралитета по отношению к России. Чуть позже к союзу присоединилась и Сардиния. Кроме того, на стороне Османов выступил и Египет, который рассчитывал извлечь из русско-турецкой войны свои выгоды. Находившийся у власти внук Мухаммада 'Али 'Аббас намеревался получить от султана некоторые территории, а также изменить титул «вали» на «'азиз»³. Однако в 1854 г. 'Аббас был убит.

20 октября 1853 г. началась очередная русско-турецкая война, которая скоро переросла в войну сильнейших держав Европы против России, оказавшейся в полной политической изоляции. В это время была прекращена деятельность российских консульств на Ближнем Востоке. Из Бейрута в Италию выехал Базили, по требованию Порты пределы Египта покинул другой российский консул, вверив заботу о русской общине консулу Швеции⁴.

Вскоре после начала война для России утратила наступательный характер и превратилась в основном в оборонительную. В ходе военных действий европейские державы предпринимали попытки к дипломатическому урегулированию конфликта. В качестве предварительных условий заключения мирного договора

¹ Clayton G. D. Britain and the Eastern question. London: White Lion Publisher, 1974. P. 102 – 103.

² Fairey, Jack. Russia's quest of Holy Grail: relicts, liturgics and Great-Power politics in the Ottoman Empire// Russian-Ottoman Borderlands. The Eastern Question Reconsidered/ Edited by Lucien J. Frary and Mara Kozelsky. The University of Wisconsin Press. 2014. P. 133.

³ ал-'Абидин, Зайн Шамс-ад-Дин. Миср фи 'ахд 'Аббас ва Са'ид (Египет в эпоху Аббаса и Саида). Каир, 2009. С. 28.

⁴ Таусун, Амир 'Умар. Ал-Джайш ал-мисри фи-л-харб ар-русийа ал-ма'руфа би-харб ал-корм (Египетская армия в Крымской войне). Каир, 1993. С. 115.

европейские государства предъявили России знаменитые «четыре пункта», которые до конца войны стали основой мирного урегулирования: 1) замена русского покровительства Дунайским княжествам протекторатом пяти великих держав 2) свобода судоходства по Дунаю с установлением контроля держав над устьем реки 3) пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. о черноморских проливах в пользу союзников 4) замена покровительства России православному населению Османской империи коллективной гарантией прав христианских подданных султана со стороны всех великих держав¹.

В 1855 г. на престол взошел Александр II, при котором возобновились переговоры относительно заключения мирного договора. В результате, 18 (30) марта 1856 г. в Париже был подписан мирный трактат, который отражал новую расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке. Договор касался проблем режима проливов и черноморского бассейна, территориальных вопросов, а также судеб балканских народов. Особое значение для России имел пункт о нейтрализации Черного моря. Кроме того, Россия лишилась южной части Бессарабии, утратила право единоличного покровительства Дунайским княжествам и Сербии. Все это ослабило позиции Российской империи на Балканах и на Ближнем Востоке.

В послевоенный период важнейшей стратегической задачей России стала ликвидация статей договора по нейтрализации Черного моря. Вместе с тем большое значение в ее внешней политике вновь приобрело религиозное направление². В это время Россия намеревалась восстановить свое влияние на православные народы Османской империи, а также укрепить дипломатические и торгово-экономические связи с Ближним Востоком. С этой целью в 1856 г. было создано Российское общество пароходства и торговли, в задачи которого входило развитие торговли с ближневосточным регионом, организация пассажирских перевозок и почтового сообщения с портами Черного и Средиземного морей. Тогда же во главе генерального консульства в Бейруте был поставлен опытный дипломат Н.Я.

¹ Георгиев В.А., Ерофеев Н.Д., Киняпина Н.С. История России XIX начала XX века.... С. 177.

² Gerd, Lora. Russia, Mount Athos, and the Eastern Question, 1878 – 1914// Russian-Ottoman Borderlands. The Eastern Question Reconsidered. Edited by Lucien J. Frary and Mara Kozelsky. The University of Wisconsin Press. 2014. P. 193.

Мухин, владеющий восточными языками¹. В 1857 г. была возобновлена деятельность Русской духовной миссии, затем открыто консульство в Иерусалиме, учрежден Палестинский комитет. Вскоре после этого открылось и консульство в Хайфе, значение которой в экономической жизни Палестины возросло.

Появление новых церковных и дипломатических представительств в Святой земле после окончания Крымской войны свидетельствовало о возросшем внимании царских властей к Ближнему Востоку, а также их намерении расширить в регионе русское духовное и политическое присутствие.

К 70-м гг. на мировой арене сложилась благоприятная ситуация, способствующая решению проблемы нейтрализации Черного моря. Изменению политической обстановки в Европе способствовала Франко-прусская война, которая явилась причиной распада «Крымской системы», направленной против России. Русское правительство воспользовалось данным обстоятельством для отмены ограничительных условий Парижского мира. Решение Петербургского кабинета об отмене нейтрализации Черного моря было изложено в циркуляре А.М. Горчакова, который был направлен правительствам государств, подписавших Парижский договор. Для обсуждения данного вопроса в Лондоне была созвана конференция с участием представителей европейских государств и Порты, по итогам которой был подписан протокол, отменявший нейтрализацию Черного моря при сохранении других статей Парижского договора.

Отмена ограничительных условий Парижского мира в 1871 г. способствовала восстановлению влияния России на Балканах. В этот период русское правительство считало своей задачей охрану подступов к Константинополю посредством политического и экономического проникновения на Балканы. Османская империя, формально сохранявшая суверенитет, фактически становилась зависимой от западных государств, что усилило кризис ее экономики². При этом экономический

¹ См. Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции... 2015. С. 33.

² Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в./ Под ред.: И.А. Федосова. М.: Изд-во Московского университета, 1981. С. 7.

кризис сопровождался ростом национально-освободительных движений. В городах Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины возникали комитеты, руководители которых пытались объединить славянские народы для борьбы с османским господством. В этих условиях Порты видела решение своих внутренних проблем в разгроме освободительного движения на Балканах.

Используя противоречия европейских держав на Ближнем Востоке, османское правительство не спешило проводить обещанные еще в 1830 – 50-е годы реформы по уравниванию положения христиан с мусульманами. Указы, урезавшие автономию христиан, вызывали брожение в православных провинциях Османской империи. Порты, в свою очередь, переходила к арестам христиан, обвиняя их в заговорах.

В 1875 г. вспыхнули восстания в Боснии и Герцеговине, которые положили начало новому восточному кризису. Боснийское восстание было поддержано славянскими народами других областей. В сложившихся обстоятельствах Османская империя оказалась на краю пропасти, что вынудило европейские правительства заняться решением Восточного вопроса. На начальном этапе восточного кризиса русское правительство выступало за урегулирование конфликта на Ближнем Востоке дипломатическим путем. Иного мнения был наследник престола (будущий император Александр III) и посол в Константинополе Н.П. Игнатъев, которые выступали за военную помощь повстанцам. Активную позицию в этом вопросе занимала и русская общественность, выступавшая за действенную помощь единоверцам. Поскольку среди европейских кабинетов не было единства по решению этого вопроса, царское правительство опасалось, что в случае одностороннего вмешательства возможен рецидив «Крымской ситуации», когда Россия оказалась в изоляции.

Стремительное развитие событий на Балканах стало поводом для созыва в 1876 г. Константинопольской конференции великих держав с целью оказания давления на Порты в пользу подвластных народов. Однако в день открытия конференции в Османской империи была обнародована конституция, которая утверждала равенство христиан с мусульманами. В результате Стамбул отверг все требования великих держав о реформах на Балканах, как беспочвенные. После провала

Константинопольской конференции русско-османские отношения резко ухудшились. Последующее отклонение Портой Лондонского протокола, также призывавшего османское правительство к проведению реформ, привело к русско-турецкой войне 1877-1878 гг., которая закончилась поражением Османской империи.

В результате Порты обратилась к России с просьбой о перемирии, и 3 марта в Сан-Стефано был подписан прелиминарный мирный договор, в котором была выдвинута российская программа независимости Сербии, Черногории, Румынии, Болгария получала автономию. Россия получала часть Южной Бессарабии и ряд городов в Малой Азии. По мнению С.Л. Чернова это были долговременные интересы России на Востоке, отражавшие «насуточные экономические, политические и стратегические потребности российского государства»¹. Условия договора представляли несомненные выгоды для России, балканских и кавказских народов.

Сан-Стефанский мирный договор вызвал резкое противодействие европейских держав, особенно Великобритании и Австро-Венгрии. Под угрозой восстановления коалиции времен Крымской войны Россия была вынуждена согласиться на пересмотр договора. На Берлинском конгрессе, который проходил в июне-июле 1878 г., он был заменен многосторонним договором, который «сводил на нет значение военной победы России»². По сути, цель конгресса для государств Западной Европы сводилась к ослаблению влияния России, достигнутого в войне с Османской империей, а также утверждению ведущей роли европейских держав на Ближнем Востоке.

Несмотря на то, что в ходе конгресса условия Сан-Стефанского мирного договора были изменены в ущерб России, ее новая программа относительно балканских стран была закреплена. Победа России оказала влияние и на ситуацию в арабских странах, где еще больше ослабло влияние Порты, усилилось национально-освободительное движение, а кроме того, укрепился авторитет самой России, особенно среди христианского населения Ближнего Востока. Вместе с тем создались

¹ Россия и восточный кризис... С. 214.

² Костяшов Ю.В., Кузнецов А.А., Сергеев В.В. Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII – начале XX века. Калининград, 1997. С. 53.

и благоприятные условия для усиления влияния российского государства в регионе. В этот период происходит расширение сети дипломатических представительств: открываются консульства в Дамаске и других арабских городах. Кроме того, возникает необходимость в создании нового представительства в Святой земле, призванного отстаивать интересы России. В связи с этим в 1882 г. было создано Императорское православное палестинское общество, которое сыграло огромную роль в укреплении взаимоотношений России с православными арабами.

В последней четверти XIX века европейская напряженность в Восточном вопросе постоянно нарастала из-за углубления противоречий между европейскими державами. Их противостояние определяло обстановку в мире, включая Арабский Восток. В это время усилились колониальные интересы Германии в Османской империи, что подтолкнуло Россию к союзу с Францией и ускорило колониальную экспансию Англии и Франции в арабских странах. Объектом экспансионистских планов Англии являлись Кипр, Египет, страны Персидского (Арабского) залива, Ирак, Палестина. В свою очередь Франция укрепила свои позиции в Сирии и Ливане, а в 1881 г. установила протекторат над Тунисом. Таким образом, западные державы фактически отказались от поддержки статус-кво в Османской империи, приступив к ее разделу.

В годы восточного кризиса 90-х, вызванного усилением диктатуры султана Абдул Хамида II по отношению к подвластным Порте народам и ростом национально-освободительных движений, Россия придерживалась традиционной политики, направленной на покровительство христианскому населению Османской империи. Вместе с тем русское правительство стремилось сохранить целостность Османской империи, что делало его сторонником дипломатического урегулирования конфликтов. Подобная позиция России, проявившаяся во время Критского восстания в 1896 г., вызвала негативную реакцию христиан на Ближнем Востоке. Находившийся в то время в Бейруте А.Е. Крымский писал, что политика России,

отдавшей «критян во власть турков», вызвала бурное негодование местных христиан, жертвой которого он сам едва не стал¹.

Следует отметить, что в это время Россия была лишена возможности проводить самостоятельную политику в Османской империи и стремилась к сотрудничеству с другими державами по стабилизации обстановки в регионе и сохранению существующего режима проливов².

Ключевой для русской внешней политики становится черноморская проблема, которая актуализируется в начале XX века в связи с проникновением Германии на Ближний Восток. Укрепление позиций Германии в Османской империи угрожало интересам России в Малой Азии, зоне Проливов, а также на Кавказе. Эта проблема встала особенно остро из-за предоставления Германии концессии на строительство Багдадской железной дороги, которая должна была соединить Константинополь, Багдад и Басру. Причем часть этой дороги планировалось провести по южному побережью Черного моря, вплотную подходя к границам России на Кавказе. Путем дипломатического давления на Порту русскому правительству удалось добиться гарантий от Османов, что в случае если они признают своевременным постройку железных дорог в зоне Черного моря и сами не станут их строить – то предоставят концессию на постройку России. Это соглашение удовлетворило русские власти, и обстановка в районе проливов на время стабилизировалась. Тем не менее активное включение Германии в Восточный вопрос, стремление колонизировать Османскую империю и проложить пути в Индию вносило существенные коррективы во внешнеполитическую стратегию не только России, но и Англии, которая стала искать союзников в борьбе с германской экспансией. Об этом свидетельствуют русско-английские переговоры, которые состоялись в 1898 году. Английский посол в Петербурге О'Коннор изложил план русско-британского сотрудничества в вопросе разграничения сфер влияния причем не только на Дальнем, но и Ближнем Востоке. Согласно этому плану, к России отходила та часть Османской

¹ Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896 – 1898). М., 1975. С. 120.

² Болдырев А.В. Ближний Восток и проливы во внешней политике России и западноевропейских стран на рубеже XIX – XX вв. // Вестник МГУ Сер.8. История. 2001. № 5. С. 6.

империи, которая переходит в Черное и Эгейское моря вместе с долиной Евфрата вплоть до Багдада. В свою очередь Англия получала территории Месопотамии, Аравийского полуострова и османской Африки, что полностью согласовалось с ее ближневосточной стратегией. Несмотря на то, что предложение Англии отвечало интересам России, она от него отказалась. С одной стороны, русское правительство испытывало недоверие к политике Великобритании, с другой – подобное соглашение нанесло бы ущерб союзническим отношениям России с Францией, которая соперничала с Англией за контроль над Египтом.

Между тем соперничество российских и британских интересов в Иране, а также стремление Англии и Германии усилить позиции в Персидском (Арабском) заливе, заставили Россию обратить внимание на этот регион. Растущий интерес России к Аравийскому полуострову, по мнению арабского исследователя ‘Али Абахсина, был, прежде всего, обусловлен политическими, экономическими и научными интересами¹. В немалой степени это объяснялось стремлением российского государства сдерживать своих давних соперников в регионе – Османскую империю и Великобританию. Однако, по справедливому замечанию В.В. Наумкина, было бы ошибочным объяснять интерес России к Персидскому заливу исключительно противоборством с другими державами или экспансией², поскольку на ее территориях издавна жили мусульмане, которые поддерживали связи с главными религиозными центрами Аравии.

С целью покровительства русским паломникам, совершавшим хадж, в 1890 г. открылось консульство в Джидде. Первым российским консулом стал действительный статский советник Шигимурад Мирясович Ибрагимов. Консулу вменялось в обязанность оказывать поддержку российским и среднеазиатским паломникам, наблюдать за хаджем и его влиянием на российских подданных. Для этого Ибрагимов, как мусульманин, имел уникальную возможность, так как беспрепятственно мог посещать святыни, а также устанавливать контакты с местным

¹ См. Абахсин, ‘Али. Хаула ал-‘илакат ат-та’рихийя байна Русийа ва дувал ал-Халидж ал-‘араби ... С. 30 – 31.

² См. Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX вв.) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (История, экономика и политика). Вып. 4. М. 2000. С. 334.

населением и властями. При этом консулу следовало выказывать расположение к исламу со стороны России и ее правительства, а также желание сохранить в среде мусульманского мира существующий строй. В.В. Наумкин отмечает, что «акцент на защите самобытности господствующего в Хиджазе строя от попыток Англии изменить его позволял российской дипломатии вызывать расположение местного населения»¹. Этому же способствовало вероисповедание российского консула. То, что российским консулом в Джидде стал мусульманин, было особо благосклонно воспринято правителем Египта, а также русскими мусульманами в Аравии, которые очень тепло встретили консула. Ему даже позволили верхом въехать в Джидду, что было недопустимо для консулов других стран. Вскоре после своего прибытия к месту службы Ибрагимов установил контакты с правителями Джидды, Мекки и Хиджаза. К сожалению, на посту консула Ибрагимов пробыл лишь около года, во время совершения хаджа он скончался.

Помимо консульства в Джидде, в 1896 г. было учреждено консульство в Багдаде. Практически с самого его открытия консул А.Ф. Круглов неоднократно ставил вопрос о расширении консульской сети в регионе². Это было необходимо прежде всего для того, чтобы вовремя получать объективную информацию о событиях, происходивших в Ираке и на Аравийском полуострове. Согласно Н.Н. Дьякову, именно доклады консулов и офицеров были главным источником информации об аравийских делах для русского правительства вплоть до конца XIX века³.

Приняв к сведению рекомендации багдадского консула, Государственный совет решил учредить генеральное консульство в Бендер-Бушире, консульство в Басре, а также преобразовать консульство в Багдаде в генеральное консульство⁴. Основными целями данных дипломатических представительств, помимо помощи паломникам, было содействие развитию торговли и наблюдение за действиями

¹ Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX вв.) // Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады / отв. ред. и сост. В.Я. Белокрыцкий и И.Д. Звягельская. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 234.

² Трутнев В. Глубокие корни // Азия и Африка сегодня. 1991. № 4. С. 49.

³ Дуаков N. N. The Arabian Peninsula and the Gulf in St. Petersburg's periodicals (early 20th C.A.D.) // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 7. СПб., 2000. С. 84.

⁴ Трутнев В. Глубокие корни... С. 49.

Англии. Тем не менее Россия воздерживалась от активной политики в регионе, дабы не нарушить *status quo* и не спровоцировать конфликт с Великобританией, важнейшей задачей которой было держать Германию и Россию подальше от берегов Персидского залива¹.

Помимо консульств в начале XX века открылось прямое пассажирское сообщение по морю из Одессы до Персидского (Арабского) залива, что значительно облегчило совершение хаджа, а также способствовало росту путешествий из России на Аравийский полуостров. Эта регулярная торгово-пассажирская линия обслуживалась пароходами «Тигр» и «Евфрат», совершавшими 4 рейса в год. Кроме торговых пароходов, воды Залива посещали русские военные корабли: «Гиляк», «Варяг», «Аскольд», «Боярин». Таким образом, к началу XX века Россия наладила торговые связи, а также установила дипломатические и культурные контакты с Ираком и арабскими странами Залива. Так, у российского консула А.А. Адамова установились хорошие отношения с эмиром Кувейта, который в 1901 г. даже узнавал о возможности принятия русского покровительства. Хотя русское правительство не посчитало возможным удовлетворить его просьбу, оно в том же году воспрепятствовало планам Англии сделать из Кувейта свой протекторат.

Еще больше чем в Заливе Российская империя противодействовала Англии в Египте, что было связано в том числе со стратегическим значением Суэцкого канала для сообщений с Дальним Востоком. Русский генеральный консул в Каире А.И. Кояндер, «прекрасно знавший обстановку в стране и пользовавшийся там большим авторитетом»², неоднократно настаивал на выводе из Египта английских оккупационных войск, а также на соблюдении всех международных договоров относительно Египта, как автономной части Османской империи. Важной задачей русской и французской дипломатии в Египте было пресечь интриги английского консула, направленные на обострение турецко-египетских отношений, что «неминуемо должно было ухудшить положение Египта и еще больше усилить

¹ Clayton G. D. Britain and the Eastern question. London, White Lion Publisher 1974. P. 191.

² Бондаревский Г.Л. Русско-египетские отношения в конце XIX века (по архивным данным). М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. С. 5.

зависимость от Англии»¹. Усилиями российских консулов и прежде всего Кояндера, к которому прислушивался хедив 'Аббас II, удалось отсрочить британскую колонизацию Египта и укрепить там авторитет России. Этому же способствовала деятельность другого русского дипломата А.А. Смирнова, который занимал пост генерального консула в Каире с 1905 г. Благодаря его усилиям совершались взаимные визиты представителей династий Романовых и Мухаммада 'Али. Кроме того, консул принимал непосредственное участие в организации поездки принца Мухаммада 'Али на Дальний Восток через Россию, а затем и Среднюю Азию².

Активно содействовал укреплению позиций русского государства на Ближнем Востоке генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев. Он прилагал большие усилия для того, чтобы не дать западным державам ущемить интересы России и православия в Святой земле, принимал активное участие в отстаивании и оформлении недвижимости, которая стала Русской Палестиной. Кроме того, его консульские донесения «являлись лучшим источником по истории русского присутствия в Палестине в конце XIX – начале XX вв».³

Отличительной особенностью русских дипломатических миссий на Ближнем Востоке в последней четверти XIX века было то, что их зачастую возглавляли не просто дипломаты, но и востоковеды: ученик В.Р. Розена консул в Каире А.Ф. Шибунин⁴, генеральный консул в Каире А.А. Смирнов, генеральный консул в Мосуле Ю.С. Карпов, ученик М.О. Аттаи консул в Дамаске князь Б.Н. Шаховской⁵. Они не только содействовали укреплению русско-ближневосточных отношений, но и обогатили отечественную науку своими исследованиями.

Между тем с началом Первой мировой войны русские представительства на Ближнем Востоке прекратили свою деятельность. После революции 1917 г. Россия

¹ Там же. С. 8.

² См. Горячкин Г. «...Мой прах навсегда оставят в Египте» русский дипломат на Берегах Нила // Родина. 2008, №1. С.68; Из Страны пирамид в Страну восходящего солнца // Восточная коллекция. Осень 2010 № 3(42) С. 60 – 80.

³ Лисовой Н.Н. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок ученым и утешение просвещенным: Сборник статей, посвященный 90 –летию профессора Анны Аркадьевны Долининой. СПб: Петербургское востоковедение, 2016. С. 309.

⁴ Шибунин А.Н. Россия на Ближнем Востоке. Л.: Кубуч, 1926.

⁵ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1527. Л. 25.

вышла из войны и, следовательно, из Восточного вопроса, отказавшись от участия в разделе Османской империи, а также утратив земельную собственность в Святой земле. Несмотря на то, что дипломатические и религиозные взаимоотношения России с арабскими странами были прерваны, культурные связи продолжились развиваться. Так, после 1917 г. часть соотечественников осталась в арабских странах или оказалась там вследствие эмиграции. Известно, что генеральный консул в Каире А.А. Смирнов не вернулся в Россию после революции, а стал «отцом» русской колонии в Египте, численность которой достигала 10 000 человек¹.

Таким образом, внешняя политика России и включение ее сферы Восточного вопроса непосредственно повлияли на установление и развитие дипломатических и культурных взаимоотношений российского государства с Арабским Востоком. При этом специфика контактов России с арабскими странами определялась не только давними культурно-историческими связями, но и взаимоотношениями с Портой в конкретный исторический период, а также западными державами, усилившими колониальную экспансию на Ближнем Востоке. Важнейшим каналом для проведения российской политики в регионе была сеть дипломатических представительств, которая расширялась благодаря успехам России в борьбе с Османской империей, а также дипломатическим победам над западноевропейскими странами, стремившимися ограничить влияние России на решение Восточного вопроса. Российские консульства налаживали контакты с местными правителями и церковными иерархами, оказывали покровительство местным церквям и православным общинам, способствовали урегулированию конфликтов, защищали российских подданных, тем самым способствуя расширению культурного и дипломатического влияния России в арабо-османском мире.

¹ Горячкин Г. «...Мой прах навсегда оставят в Египте» русский дипломат на Берегах Нила // Родина. 2008, №1. С.68 – 69.

ГЛАВА 2.

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ С АРАБСКИМ ВОСТОКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

2.1. Культурно-просветительская среда на Ближнем Востоке и арабо-европейское взаимодействие (XVIII – первая половина XIX в.)

Луч науки, истекший некогда с Востока на Запад и ныне отраженный Западом на
Восток, силен направить гражданское развитие обновляющегося Востока...

К.М. Базили¹.

На развитие кросс-культурных связей влияют не только внешнеполитические факторы, но и социальные, экономические и культурные процессы, происходящие внутри страны. Способность к межэтнической коммуникации во многом зависит от уровня образования и состояния культуры общества в целом. Чем выше уровень межкультурной компетентности у коммуницирующих народов, чем больше политических и экономических предпосылок к налаживанию контактов, их исторической обусловленности, тем шире сфера культурного взаимодействия и тем оно интенсивнее.

К началу XIX в России и на Арабском Востоке был накоплен определенный опыт межкультурных взаимоотношений, который при соответствующих политических обстоятельствах способствовал развитию русско-арабских гуманитарных связей. Русские веками жили по соседству с восточными народами, были знакомы с исламской культурой и даже испытывали ее влияние. Вместе с тем они посещали Святую землю, получая определенное представление об обычаях и нравах

¹ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении. М.: Мосты Культуры, 2007. С. 104.

ближневосточных народов, контактировали с представителями восточных церквей. В свою очередь, арабы-мусульмане жили бок о бок с православными арабами, считая их органичной частью восточного социума, контактировали с российскими единоверцами, имели торговые сношения с Восточной Европой. Так или иначе контакты России с Арабским Востоком, осуществлявшиеся прямым и опосредованным образом на протяжении многих веков, оставили след в обеих культурах. Однако говорить о более или менее регулярном русско-арабском общении, а также обоюдном намерении его интенсифицировать можно только с XIX века. Каковы же внутриполитические и социокультурные процессы, происходившие в России и в арабских странах в конце XVIII – начале XIX века, которые позволили наладить данную коммуникацию?

Для начала попытаемся охарактеризовать состояние арабской культуры и образования в этот период, определить факторы, способствующие их развитию, а также географические области, где, в силу определенных обстоятельств, возникла благоприятная среда для углубления межэтнического и межцивилизационного взаимодействия.

Несмотря на региональные, этнолингвистические, конфессиональные и бытовые различия, арабы вместе с другими ближневосточными народами Османской империи составляли общий арабо-османский культурный ареал. Будучи мусульманами, турки высоко ценили арабскую культуру и систему традиционного исламского образования, которую заимствовали у подвластного им арабского населения.

Первые учебные заведения в Турции появились в XV веке. По приказу султана Мехмеда II в Стамбуле было построено 8 зданий для медресе¹, где преподавались, прежде всего, религиозные науки. Немало медресе было открыто при Сулеймане ал-Кануни в 1550 – 1557 гг. Там обучались не только религиозные деятели, но и специалисты в других областях знания, например, врачи и архитекторы. Важные изменения в системе турецкого образования произошли в XVIII веке. После

¹ Коротько Т.В. Начальное, среднее и среднеспециальное образование в Турции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2011 / URL: file:///C:/Users/Admin/Downloads/nachalnoe-srednee-i-srednespetsialnoe-obrazovanie-v-turtsii.pdf. (Дата обращения: 15. 07. 2020).

поражения в войне с Россией султан Селим III предпринял попытку создать новую армию по европейскому образцу. С этой целью в Турцию были приглашены западные специалисты, открыты первые на территории Османской империи светские училища для подготовки артиллеристов и военных инженеров. Тогда же был осуществлен перевод на турецкий язык ряда европейских трудов по техническим специальностям. Хотя попытка обновить вооруженные силы и связанные с ней просветительские меры оказали некоторое влияние на турецкую культуру, они носили локальный характер и в арабских странах отражения не получили. Между тем проведенные преобразования не могли отсрочить военно-политическое дряхление Османской империи. В XVIII веке османское государство оказалось в состоянии «глубочайшего социально-экономического и политического кризиса»¹, который отразился и на состоянии культуры подвластных Порте народов.

В этот период образование на Арабском Востоке носило традиционный характер и было неразрывно связано с религией. Система исламских учебных заведений включала духовные школы начальной ступени – куттабы (или мактабы), а также высшие школы – медресе (мадрасы). Куттабы (в частности, в Египте) были распространены как в крупных городах, так и в провинциях и действовали при мечетях, мавзолеях и других общественных местах. Начальные школы делились на два типа. В первом обучали чтению и письму, во втором изучали Коран и основы исламского вероучения². Помимо грамоты и коранических дисциплин, в куттабах прививали элементарные знания по арифметике. Однако в основном учебный курс, рассчитанный на несколько лет, сводился к механическому заучиванию Корана, значение текста и его грамматический анализ в программу не включались³. При этом заучивание наизусть, как и чтение лекций, были основополагающими методами традиционного обучения в школах на Ближнем Востоке.

¹История Востока. В 6 т. Т. 4. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XX в): Кн. 1. М.: Восточная литература РАН. 2004. С. 58.

² ал-Джийар, Са'ид Ибрахим. Та'рих ат-та'лим ал-хадис фи Миср. (История современного образования в Египте). Каир. 1971. С. 10.

³ См. Пончаева Х.Д. Духовная элита и модернизация системы образования в Египте в эпоху Мухаммеда Али. СПб. Издательский дом С.-Петербургского университета. 2004. С. 6.

Высшие мусульманские школы – медресе находились преимущественно в городах и были открыты для мусульман различных национальностей вне зависимости от их социального происхождения. Египетский историограф ‘Абд ар-Рахман ал-Джабарти упоминал, что в Египте в XVIII веке существовало довольно много высших учебных заведений. Только в Каире было более 20 религиозных институтов. Помимо медресе преподавание религиозных и других наук велось в суфийских обителях, частных библиотеках, домах ученых и дворцах мамлюкских беев.

Важнейшую роль в системе высшего образования в Египте играл религиозно-просветительский центр мечети ал-Азхар, имевший огромное значение для сохранения мусульманской культуры¹. В конце XVIII века там обучались три тысячи студентов из разных мусульманских стран и преподавало 186 учителей. Основными дисциплинами, которые преподавали в ал-Азхаре, были религиозные науки (ал ‘улум ан-наклийа), юриспруденция (фикх), тафсир (толкование Корана), хадисы (священное мусульманское предание), таухид (учение о единобожии). Вместе с тем большой популярностью пользовались таджвид (общие принципы рецитации Корана) и кира’а (принятые системы чтения священной книги). Помимо коранических наук, в университете преподавался блок филологических дисциплин: нахв (грамматика) сарф (морфология), балага (риторика), луга (лексикография), байан (стилистика), ‘аруд (просодия)². Что касается рациональных наук, таких как арифметика, алгебра, геометрия, медицина, астрономия, логика, философия, то они занимали в учебных программах более скромное место и преподавались в основном в крупных образовательных центрах. Большинство трактатов, изучаемых студентами по всем этим дисциплинам, были написаны в XIII – XVI вв.

Продолжительность обучения в ал-Азхаре не регламентировалась и могла составлять как два три года, так и десять лет и более. Следует отметить, что отсутствие ограничений по срокам обучения или возрасту учащихся³ было характерно

¹ См. подробнее: ал-Джийар, Са‘ид Ибрахим. Та’рих ат-та‘лим ал-хадис фи Миср... С. 18.

² См. Кириллина С.А. Сбережение и передача знаний в мире ислама: система высшего образования в османском Египте XVIII столетия // Вестник Московского университета. Сер. 13. 2004. № 4. С. 12.

³ См. Халидов А.Б. Книжная культура // Очерки истории арабской культуры V – XV вв. М.: Наука, 1982. С. 262.

для системы арабского образования еще в средневековье. Во время учебы студенты ал-Азхара находились на содержании университета. По завершении обучения наиболее способные из них получали иджазу (диплом), дававший право на ведение педагогической деятельности. Помимо преподавания, выпускники ал-Азхара занимались наукой: составляли теологические трактаты и комментарии. Также они выступали хатибами – проповедниками и имамами – настоятелями и попечителями мечетей, смотрителями книгохранилищ, управляющими вакфов¹. Помимо Каира, крупные медресе существовали при религиозных центрах в Танте, Дамаске, Багдаде, Алеппо, Медине и других городах Арабского Востока. Окончившие их студенты составляли наиболее образованную часть арабо-мусульманского общества, его интеллектуальную элиту.

В отличие от последователей пророка, входивших в мусульманскую умму, иноверные подданные султана были объединены в миллеты, имеющие экстратерриториальный религиозно-политический характер. Миллеты делились на еврейский, православный и армянский, куда помимо армян-григориан входили последователи других восточно-христианских нехалкидонских конфессий, а также местные католики и марониты². За состояние дел в христианских миллетах отвечали греко-православный и армянский Константинопольские патриархи, в ведении которых, в том числе, находились образовательные учреждения общин. Подобно мусульманским куттабам христиане имели церковно-приходские школы, а также своего рода образовательные кружки, где обучение велось священниками. В таких городах как Триполи, Яффа и Акка существовали приходские школы, в которых преподавали арабский и греческий языки, однако греческий был не востребован. Высших учебных заведений, таких как духовные академии или даже семинарии, у православных Арабского Востока в этот период не было.

Определенную культурно-просветительскую роль на Ближнем Востоке продолжали играть монастыри, которые в средние века были центром христианской

¹ См. Пончаева Х.Д. Духовная элита и модернизация системы образования в Египте... С. 14.

² См. Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX века). М.: Доброе слово, 2003. С. 39 – 40.

учености. Однако в XVII – XVIII вв. они пришли в запустение, что объяснялось экономическими и демографическими кризисами в регионе. К началу XVIII века в большинстве сирийских монастырей насчитывалось по 5 – 6 обитателей¹. В Иерусалиме монастыри также опустели, превратившись в подворья для паломников. Лишь в некоторых православных обителях, таких как Баламандский монастырь в Сирии, сохранились внушительные библиотеки, а монахи продолжали изучать рукописи и заниматься научным творчеством. В целом же уровень образования православных Сирии и Палестины существенно снизился. Грамотность у местных церковнослужителей была отнюдь не повсеместным явлением, не говоря уже об ученых-богословах, которые были редкостью среди православного клира на Ближнем Востоке. Упадок образования среди арабских священнослужителей был следствием не только экономического кризиса, но и внутриконтрессиональных проблем. После того, как в XVI веке произошла эллинизация Иерусалимского патриархата, арабы не только лишились значимых церковных постов, но и перестали пополнять ряды местного черного духовенства. Вследствие этого арабов фактически не осталось в палестинских монастырях, которые так или иначе являлись центром христианской культуры. В сложившихся обстоятельствах знание арабского языка в среде греческого духовенства стало утрачиваться, что не позволяло ему наладить образовательный процесс среди своей арабской паствы и обеспечить приходские школы необходимым количеством педагогических кадров. Иначе дела обстояли в Сирии, где культура мелькитов в XVII веке пережила своеобразный ренессанс. В сирийских монастырях арабы преобладали до XVIII века и только затем по мере эллинизации Антиохийского патриархата там стал заметен греческий элемент. Высокая арабо-христианская культура продолжала сохраняться в Дамаске, где располагался патриарший престол. В тамошних монастырях можно было изучить арабский и греческий языки. Поэтому наиболее образованные православные сирийцы были именно оттуда. Кроме того, из Дамаска выписывали учителей арабского языка для Палестины. Однако, по мере удаления от резиденции патриарха, содержание

¹ Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия 1516 – 1831. М.: Индрик, 2012. С. 263.

монастырей и образование у священников ухудшалось, не говоря уже о мирянах, которые были чаще всего безграмотны. Школьное дело в Антиохийском патриархате, по замечанию М.И Якушева, было поставлено плохо¹.

Основным поставщиком преподавателей и ученых на православном Востоке была Патмосская духовная академия (интеллектуальный центр греков), которая была основана в 1712 году². Тем не менее лишь немногие ее воспитанники добивались до Ближнего Востока. Но и те, кто приезжал в Сирию и Палестину, не в силах были подготовить арабских священнослужителей, поскольку не знали арабского языка.

Следует отметить, что в христианской среде на Ближнем Востоке, (причем не только среди греков, но и арабов) знание литературного арабского языка постепенно утрачивалось. Причиной тому был недостаточный интеллектуальный и научный обмен между христианской и мусульманской духовной элитами в силу их конфессиональной замкнутости. Помимо этого, в арабо-мусульманской среде бытовало мнение, что представители иных вероисповеданий не в состоянии должным образом освоить священный язык Корана.

В силу указанных причин школьное обучение в Иерусалимском и Антиохийском патриархатах к началу XIX в. деградировало до элементарного уровня. О подобной ситуации, причем не только в христианской, но и в мусульманской среде свидетельствовал К.Ф. Вольней. Путешествуя по Ближнему Востоку, он отмечал, что «все образование детей ограничивалось тем, что частные учителя учили их читать Коран или псалмы, немного писать и считать в уме»³.

Несколько иначе обстояли дела с образованием у арабов-католиков, маронитов и униатов, которые имели тесные связи с Западной Европой. Контакты маронитов с католическим миром установились еще во время крестовых походов, в

¹ Якушев. М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013. С.133.

² См. Соколов И.И. Дидаскал Иаков Патмосский. Очерк из истории духовного просвещения в Сирии и Палестине в XVIII в. //СИППО (Сообщения Императорского православного палестинского общества). 1909. Т. XX. Вып. III (Июль - сентябрь). С. 322.

³ См. Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М.: Наука, 1972. С. 6.

которых, согласно арабским и европейским хроникам, они принимали участие. Тогда же произошло первое знакомство маронитского патриарха с римской курией¹. А в 1182 г. марониты заключили унию с Римом. Несмотря на крепнувшие духовные узы, сношения арабов-христиан с католиками перестали быть активными после того, как в 1187 г. Салах ад-Дин изгнал их из Святой земли. Позднее, в период мамлюкского правления, отношения маронитского патриарха с Римом были фактически прерваны. Однако после завоевания Османами Византии и последующего падения мамлюкского султаната Рим снова устремился на Восток, отправляя туда своих посланников для укрепления связей с местными христианами. Благодаря одному из них (Дж. Дандини), который был председателем на соборе, проходившем в конце XVI века в присутствии маронитских прелатов и местной знати, маронитами были приняты основные догматы католицизма².

Расширению контактов с Европой в этот период содействовали и внутривосточные обстоятельства, сложившиеся в Сирии и особенно Ливане. В частности, ливанский правитель Фахр ад-Дин II, проведя в Италии около 5 лет³, поощрял западное культурное влияние, предоставив свободу действий католическим орденам, которые вели в Сирии благотворительную и просветительскую деятельность.

Укреплению религиозных, а также научно-образовательных связей ливанских христиан с католиками способствовала Маронитская коллегия, открытая в Риме в 1584 г. Туда в качестве стипендиатов отправлялись наиболее талантливые представители маронитской молодежи, которые затем должны были вернуться на родину, увеличив число по-европейски подготовленного духовенства. По словам отца Салима Дуккаша, выпускники Маронитской коллегии принесли на Восток первую искру, из которой разгорелось пламя культурного возрождения⁴. Несмотря на то, что образование в этом учебном заведении предоставлялось религиозное, в духе европейской схоластической традиции, оно было весьма фундаментальным.

¹См. Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М.: Наука, 1982. С. 16.

² Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья ... С. 27.

³ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством ... С. 47.

⁴ См. Дуккаш, Салим. Ал-Муварана ва-л-китаб мин ал-карн ал-хамис 'ашара хатта-л-йаум (Марониты и книга. От XV века до наших дней) // Ал-Машрик. Январь 1996. С. 127.

Именно там марониты получили возможность изучить европейские языки и познакомиться с западной наукой и литературой. После обучения далеко не все сирийцы возвращались на родину. Некоторые из них оставались в Риме и других европейских столицах, где занимались переводческой, научной и преподавательской деятельностью¹. Присутствие маронитов в Западной Европе содействовало развитию востоковедения, а также знакомству европейцев с культурой христианского Востока. Вспомнить хотя бы высокоученых маронитов братьев Ассемани, которые занимались описанием арабских рукописей в Ватиканской библиотеке.

Важные культурно-религиозные задачи выполняли типографии, где печатались книги на арабском и сирийском языках. (На сирийском диалекте арамейского языка читается маронитская литургия)². К примеру, в типографии Флоренции, основанной в 1536 г., было напечатано 18000 экземпляров Евангелия, которое предполагалось распространять на Востоке³. Помимо литературы религиозного содержания, в этих типографиях, прежде всего в типографии Медичи, печатали грамматики арабского языка, географию ал-Идриси, канон медицины Ибн Сины (1593 г.)⁴. Осуществлять перевод и набор текста помогали все те же выпускники Маронитской коллегии, которые затем наряду с миссионерами распространяли опубликованные книги среди грамотного христианского населения Востока. Они же содействовали организации образовательных учреждений для маронитов у себя на родине. Особо следует выделить монастыри-семинарии, представлявшие собой учебные заведения типа академии для подготовки будущих клириков⁵. Маронитская коллегия, а также учебные заведения, открытые католиками и маронитами на Востоке, готовили высокообразованных священнослужителей, которые впоследствии могли заниматься наукой. Так, научной деятельности посвятил себя маронит Герасим, в епископстве Герман Ибн Фархат (1660 – 1732). В юности он освоил литературный арабский язык в Алеппо. Там же он изучил сирийский, а также итальянский

¹ Там же. С. 131.

² Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья С. 11.

³ ал-‘Акики, Наджиб. Ал-Мусташиркуна... С. 121.

⁴ Дуккаш, Салим. Ал-Муварана ва-л-киتاب ... С. 129.

⁵ См. Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 137.

язык, который был весьма распространен в этом городе. Затем, находясь в ливанском монастыре, он выучил французский и латынь у одного французского монаха, а в 1711 г. съездил в Рим. Ибн Фархат переработал словарь классического арабского языка Фирузабади XIV – XV вв., а также составил «Толковую грамматику» арабского языка, которая получила известность у европейских востоковедов.

Помимо ливанских гор, особые условия для расширения культурных контактов с Европой сложились в Алеппо, где западные миссионеры были также весьма активны. Наряду с Каиром и Дамаском Алеппо был одним из крупнейших городов Арабского Востока. После того, как в XVI веке был открыт морской путь из Европы в Индию сухопутное сообщение через Дамаск перестало играть важную роль в мировом торговом обмене, что неизбежно привело город к экономическому упадку. Единственный караванный маршрут Дамаска, не утративший свое значение, был паломнический к священным городам Мекки и Медины. При этом город оставался крупным религиозным центром ислама, где пилигримы посещали множество мечетей и медресе. Тем не менее смещение торговых путей привело к сокращению контактов с Европой и, как следствие, к некоторому культурному изоляционизму. Все это способствовало превращению Дамаска, по выражению К.М. Базили, в город «ханжества...ненависти к иностранцам гяурам», или по крайней мере высокомерного отношения к ним, их знаниям и культуре¹.

В отличие от Дамасского пашалыка Алеппо испытал значительно больше европейского влияния, поскольку караванный путь через Северную Сирию не потерял своего значения. Торговое присутствие итальянцев, французов, англичан в городе было весьма значительным. Так, по сведениям за 1775 г., в Алеппо насчитывалось 80 различных европейских фирм. Помимо левантийских компаний, в городе присутствовали европейские консульства, которые защищали их торговые интересы. Вместе с тем наличие дипломатических представительств в Алеппо обеспечивало более лояльное отношение местных мусульман к европейцам, чем в других городах мусульманского Востока². Для реализации своих коммерческих интересов

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы, М.: Наука. С. 105.

² Там же. С. 112

в регионе европейцы нуждались в посредничестве местного населения. Поскольку торговля между странами Ближнего Востока и Европой осуществлялась преимущественно местными христианами, они и стали торговыми посредниками, которые перепродавали европейские товары на внутреннем рынке и скупали сырье для вывоза за границу. Растущая христианская торгово-предпринимательская прослойка была заинтересована в покровительстве европейских консульств, которые по ряду договоров получили право предоставлять османским подданным свою протекцию. К примеру, расширено толкуемые главы капитуляции 1740 г., предусматривавшие определенные гарантии и привилегии европейцам, произвольно переносились на подданных Порты¹.

Тесные коммерческие связи содействовали ознакомлению жителей Алеппо с Западом и его культурой. Еще более этому способствовала деятельность западных миссионеров, которые занимались не только «духовным окормлением европейских торговых факторий», но и вели активную религиозную пропаганду среди местных православных².

Группа папских эмиссаров прибыла в Сирию во время патриаршества Макария. Поселившись в Алеппо, Сайде, Дамаске, они делали крупные пожертвования в православные храмы, занимались бесплатным лечением больных, обучением детей. В 1629 г. иезуит Жером Кейро открыл школу в Джудайде, а пять лет спустя в Дамаске. От прозелетической активности иезуитов не отставали и другие католические ордена, в частности францисканцы. Этому благоприятствовали политические обстоятельства. В 1688 г. вследствие заключенного трактата между Османской империей и Францией католики получили право обращать в свою веру православных³.

Несмотря на то, что деятельность католических миссионеров в Сирии на протяжении XVII века была сдержанной, она приносила свои плоды. Уже в 1656 г. в унию перешла часть алеппских сиро-яковитов, образовав особую церковную

¹ Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья... С. 31.

² Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством... С. 424.

³ Там же. С. 290.

структуру. Переходу православных сирийцев в унию способствовали внутриконфессиональные проблемы. В результате полувековой борьбы за антиохийский престол, которая началась после смерти патриарха Макария в 1672 г. и закончилась победой греков, арабы были вытеснены с важных церковных постов. После этого алеппские христиане на протяжении XVII – XVIII вв. стали массово переходить в унию. Ее успех в целом объяснялся ослаблением Османской империи и усилением европейского влияния на Ближнем Востоке. Более конкретно: тесными контактами экономики Сирии и арабо-христианских торгово-предпринимательских кругов с Европой, а также деятельностью миссионеров в культурно-образовательной сфере. Важным фактором перехода восточных христиан под власть папы было использование западными миссионерами в богослужении арабского языка¹. Кроме того, униатские церковные иерархи были арабами, тогда как православные – греками. Для успеха религиозной деятельности европейские миссионеры перевели на арабский язык огромный корпус латинской богословской и пропагандистской литературы. Но так как эти переводы были в основном косноязычны, их редактировали симпатизировавшие католикам арабы². Так, ‘Абд Аллах Захир помогал переводить на арабский язык христианскую литературу Пьеру Фромажу – главе иезуитской миссии в Алеппо.

Для того, чтобы усилить культурно-религиозное влияние на местных христиан в Алеппо, был создан ряд католических просветительских учреждений, деятельность которых способствовала превращению этого города в крупный интеллектуальный центр Арабского Востока. В конце XVII века там образовался кружок молодых христианских интеллектуалов, в который входили марониты, армяне и будущие униатские лидеры. Понимая, что в христианской среде знание литературного арабского языка было утрачено, они обратились к видному мусульманскому ученому, грамматисту шейху Сулайману ан-Нахави, который принялся их обучать арабской филологии. В то же время кади Алеппо, принимавший участие в религиозных диспутах, проходивших в 1701 г. между представителями различных

¹ Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире... С. 50.

² Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством... С. 525.

христианских конфессий, был весьма увлечен логикой и красноречием греко-католического протоиерея Михаила Бадж‘а¹. По некоторым сведениям он получил образование в Риме и преподавал ‘Абд Аллаху Захиру и его товарищам богословие, философию и математику. Надо сказать, что условия для подобного научного взаимодействия между христианами и мусульманами были благоприятней в Алеппо, нежели в Дамаске, поскольку алеппские мусульмане интенсивнее контактировали с иноверцами и относились к ним более терпимо.

При содействии католических миссионеров униаты создали в Сирии разветвленную сеть учебных заведений. Прежде всего, они организовали начальные школы, а в 1811 г. открыли семинарию в ливанском селении ‘Айн-Траз. Следует отметить, что в Ливане католики располагали внушительной просветительской базой. Еще в XVII веке в ‘Айн-Туре иезуитами был построен костел с большой библиотекой. Основными образовательными центрами арабов-католиков выступали монастыри Шувайр и Дайр ал-Мухаллис. Крупным учебным центром униатов был монастырь Мар Йуханна, на базе которого располагалась школа для детей мирян. Ее выпускники могли также в монастыре продолжить обучение религиозным и светским наукам, например медицине. Из светских дисциплин наибольшей популярностью у монахов пользовалась филология, поэтому в монастырских обителях хранились десятки грамматических трактатов мусульманских и арабо-христианских филологов².

Несмотря на религиозные и научные контакты униатов с Западной Европой, в библиотеках арабских монастырей практически не было литературы на европейских языках, а присутствовали лишь переведенные богословские трактаты. Поскольку большинство униатских монахов не владели европейскими языками, из западной науки они брали лишь немного, в целом оставаясь в лоне ближневосточной традиции. Тем не менее церковные иерархи униатов стремились приобщить к европейской культуре своих талантливых единоверцев. Наиболее способных монахов в возрасте от 18 до 40 лет отбирали для восьмилетнего обучения в Риме, где

¹ Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире... С. 179.

² Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством... С. 535.

для униатов была создана коллегия наподобие маронитской. Несмотря на то, что в Рим отправлялись лишь единицы униатов, те, кто вернулся на родину, сформировали интеллектуальную среду мелькитов. Не все униаты, получившие миссионерское образование, в дальнейшем связывали свою жизнь с церковной службой. Многие избирали коммерческую деятельность, становясь преуспевающими сиро-христианскими торговцами. Их успех объяснялся не только полученными знаниями, но и тесными связями с европейскими купцами и консульствами, под покровительством которых они зачастую находились. Немало униатов входили в многочисленную когорту «людей пера». Ее составляли две большие группы наиболее образованных османских подданных. Первая была связана с господствующей религией и включала в себя служителей ислама: ученых богословов – улемов (‘улама’), преподавателей мусульманской школы, правоведов – фукаха’, судей и сотрудников шариатских судов и нотариата. Вторая группа «людей пера» относилась к сфере гражданского администрирования и объединяла служащих нерелигиозных государственных учреждений, сборщиков налогов, секретарей и управляющих делами частных лиц, среди которых было много христиан. Известно, что в Сирии и Ливане большинство писцов-катибов были именно христианами¹.

Полученное арабами-униатами и маронитами образование позволило им улучшить свое благосостояние и укрепить положение в османском обществе. Католическая система образования на Ближнем Востоке, которая в течение нескольких веков оттачивалась на маронитах, стояла неизмеримо выше, чем система просвещения местных православных. И.Ю. Крачковский писал, что преимущество маронитов и униатов перед православными заключалось в том, что ориентированные на Запад слои «могли опереться... на давнюю традицию и серьезную помощь как в школах, так и в развитии письменности... Православное духовенство таких возможностей не имело»². Созданная православными литература была ориентирована

¹ См. Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире... С. 128.

² Труды по истории и филологии христианского Востока /Крачковский И.Ю. Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII веке. СПб.: Ин-т вост. рукописей РАН. 2015. С. 238

«в идеологических стремлениях на греко-византийскую письменность... не имела центра, сколько-нибудь похожего на Рим, к которому могла бы тяготеть»¹.

Следует отметить, что православные иерархи поначалу относились лояльно к католическим миссионерам, их просветительской и благотворительной деятельности. По словам К.А. Панченко, упадок ближневосточного христианства, культурная деградация и невежество паствы и духовенства весьма болезненно воспринимались частью православного, коптского, яковитского и армянского клира. В среде каждой из левантийских церквей находились значительные группы духовенства, готовые ради шанса на духовное обновление и возрождение своих общин идти на союз с католиками, использовать их отлаженную систему образования и просвещения. Примером может служить митрополит Алеппо и впоследствии Антиохийский патриарх Мелетий Евфимий II Карма (1572 – 1635), который весьма доброжелательно отнесся к открытию в 1627 г. католическими миссионерами школы в Алеппо², поскольку имел представление о техническом и интеллектуальном потенциале Запада.

Однако уже в XVIII столетии православные иерархи вполне ощутили последствия католической пропаганды в Сирии. Для того, чтобы оказать идеологическое противостояние униатам, Антиохийский патриарх Сильвестр обратился к ректору Патмосской академии Макарию Калогере с просьбой содействовать в организации семинарии. Для этой цели на Ближний Восток был послан Иаков Патмосский, который при поддержке патриархии открыл в 1726 г. в Алеппо училище³. В школе, помимо богословских наук, преподавался греческий и арабский языки. В помощь Иакову Макарием Калогерой были посланы два иеромонаха – Григорий и Каллиник⁴. Несмотря на то, что последний из них был знаком с арабским языком, резонно предположить, что преподавание велось на греческом. Это обстоятельство весьма осложняло восприятие дисциплин арабами, (которые там обучались вместе с

¹ Там же. С. 238.

² Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством ... С. 433.

³ Там же. С. 448.

⁴ Соколов И.И. Дидаскал Иаков Патмосский. Очерк из истории духовного просвещения в Сирии и Палестине в XVIII в. //СИППО. 1909. Т. XX. Вып. III. С. 335.

греками) и препятствовало их подготовке в качестве православных проповедников. Поскольку педагогическая деятельность Иакова не имела особых успехов среди православных арабов Алеппо, (развитию школы препятствовали и католические миссионеры), она была закрыта в 1728 г. и перенесена в Триполи, а затем в Дамаск. Своими проповедями Иаков пытался повлиять на униатов, но поскольку он не знал арабского языка, то не мог установить с ними полноценный контакт. Не сумев смириться со своими неудачами, он в 1735 г. навсегда покинул Сирию. Очевидно, что в этот период Антиохийская патриархия не обладала необходимыми финансовыми и интеллектуальными ресурсами, чтобы соперничать с католиками и униатами в сфере образования. Однако с этих пор православные иерархи серьезно задумались о просветительских мерах, способных поддержать православие на Ближнем Востоке.

Пока православные Сирии и Палестины продолжали жить и развиваться в относительно замкнутой интеллектуальной среде, марониты и униаты укрепляли научно-образовательные связи с Западом, осуществлявшиеся не только посредством обучения арабов в миссионерских образовательных центрах, но и благодаря знакомству с европейскими учеными. Как известно, востоковедение в Европе в XVII – XVIII веках активно развивалось. Европейцы, желавшие поближе познакомиться с Арабским Востоком и изучить языки его народов, время от времени посещали этот регион. Для своего пребывания они избирали места наиболее безопасные для жизни и в то же время благоприятные для реализации научных целей. Таким городом с развитой сетью европейских консульств, способных защитить своих подданных, а также лояльно настроенным к европейцам населением был, несомненно, Алеппо. Этот город был северным центром культуры и торгово-ремесленной деятельности Сирии, который испытывал на себе влияние Европы¹. Именно там европейские востоковеды в XVII – XVIII вв. могли найти для необходимого интеллектуального обмена образованных арабов, знавших не только арабский, но и европейские языки. Одним из таких ученых был священнослужитель Эдвард Покок,

¹ См. Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции... С. 85.

который отправился в Алеппо в 1629 г. в качестве капеллана алеппской английской фактории. Там он изучил сирийский, а также арабский языки. При этом учителями его были как арабы-христиане, так и мусульмане, с которыми он установил дружеские отношения. Покок пробыл в Сирии 6 лет. За это время он не только основательно изучил восточные языки, но и приобрел в Алеппо множество ценных арабских рукописей, которые отправил в Англию. Подобно другим европейским востоковедам Покок сочетал научные цели с религиозными, в частности переводил на арабский язык английские сочинения. После возвращения на родину Покок возглавил кафедру арабского языка в Оксфордском университете, которая специально была создана для него. Таких приезжих ученых европейцев, как Э. Покок или профессор-голландец Я. Голиус, Алеппо видел немало. Известный швейцарский ученый Джон Льюис Буркхардт, окончивший Лейпцигский и Геттингенский университеты, а затем изучавший арабский язык в Кембридже, в Алеппо провел два года (1809 – 1811). Там он приобрел фундаментальные знания в арабском языке и Коране¹, что помогло ему подготовиться к знаменитому путешествию по Аравии, во время которого он совершил хадж вместе с паломниками-мусульманами. Помимо Алеппо, европейцы изучали арабский язык и в Ливане. К примеру, шведский пастор и востоковед Я. Бергрэн обучался арабскому языку в маронитском монастыре в 'Айн-Туре. Пребывая на Ближнем Востоке, европейские востоковеды завязывали контакты, в том числе и научного характера, с дружественно расположенными к ним арабами, помогая им «ближе знакомиться с интересами европейской науки»².

Если в Сирии условия для частичного синтеза арабской и европейской культур постепенно складывались начиная с XVI века по мере усиления религиозного, торгово-экономического и дипломатического присутствия Запада в регионе, то в Египте активизация арабо-европейского культурного взаимодействия произошла по другим причинам, носившим в том числе военно-политический характер. В османский период отношения с европейскими государствами старались развивать

¹ Travellers to the Middle East from Burckhardt to Thesiger: An Anthology/ Edited by Geoffrey Nash. London – New York: Anthem Press publ. 2011. P. 44.

² Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 115.

мамлюки: «они стимулировали оживление внешней торговли и добивались от Порты открытия европейского судоходства по Красному морю, чтобы направить через Египет потоки восточных товаров»¹. Кроме того, беи пытались освободить страну из-под власти султана, установив с этой целью военно-политические контакты с Россией.

Традиционно значительным в Египте было дипломатическое и торговое присутствие европейских стран. В частности, в Александрии располагались европейские консульства, вели коммерческую деятельность венецианские купцы.

Новый этап во взаимоотношениях Европы с Арабским Востоком открыл военный поход Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию. В июле 1798 г. французский генерал высадился в Египте с 38-тысячной армией, разгромил мамлюков и взял Каир. Стремясь обеспечить лояльность населения, Наполеон распространял исламофильские заявления, уверяя египтян в своем почтении «пророку» и «великому Корану»², и обещал освободить Египет от мамлюков, которые не подчиняются султану. Однако мусульманское население не обольщалось искренностью данных слов, не доверяя в своей основной массе чужакам и иноверцам. Вследствие этого французская армия везде встречала сопротивление. Для того, чтобы установить контакт с местными жителями, французское командование избрало своей социально-политической опорой улемов – наиболее образованную часть египетского населения, пользующуюся его доверием и поддержкой. К тому же мусульманские ученые обладали обширным опытом взаимодействия с инородной и иноконфессиональной частью египетского общества. Они традиционно выступали посредниками между мамлюками и египтянами, а кроме того, поддерживали контакты с коптами, к которым относились весьма лояльно. Для того, чтобы познакомить улемов с достижениями европейской общественно-политической мысли, французы перевели на арабский язык «Декларацию прав человека», которую вместе с Кораном выкладывали перед ними на французских приемах. Однако идеи, порожденные эпохой Просвещения и французской революцией, близкие европейскому

¹ История Востока. Т. 4. Восток в Новое время... С. 77.

² Ланда Р.Г. История арабских стран... С. 122.

сознанию, не были близки египтянам. Им был понятен средневековый идеал «справедливости» (‘адл) - «понятие сложное, означавшее и правосудие и правопорядок, освященный традицией»¹. Тем не менее не все улемы негативно отнеслись к сотрудничеству с французами. Важную роль в этом сыграл глубокий интерес мусульманских ученых к техническим достижениям европейской цивилизации, с которыми они успели ознакомиться за время пребывания французов в Египте. Приняв на себя ответственность за взаимодействие оккупационной армии и населения, видные улемы составляли ядро диванов при всех их реорганизациях². Так, председателем каирского дивана при французах был богослов-правовед, ректор университета ал-Азхар (с 1793 – по 1812 г.) ‘Абд Аллах аш-Шаркави³, который возглавлял египетскую улемскую иерархию. Шейх Исма‘ил ал-Хашшаб был назначен французами в диван для разрешения тяжб между мусульманами⁴. Тесно контактировал с французскими учеными выдающийся улем (‘алим) – ученый схоласт и литератор Хасан ал-‘Аттар, впоследствии также возглавлявший ал-Азхар. Он охотно обучал любознательных иностранцев арабскому языку и вел с ними интеллектуальные беседы, приобщаясь тем самым к достижениям западной цивилизации.

Всего в Египет вместе с армией Наполеона прибыло 167 ученых. Среди них были востоковеды, врачи, химики, математики, зоологи, геологи, археологи, историки, географы и другие. Они основали в Каире научно-исследовательский Египетский институт, составили первую подробную географическую карту этой страны и первое научное «Описание Египта», второе издание которого составило 24 тома.

Будучи первыми сотрудниками института, французские ученые заложили основы научной египтологии. Более того, они явились в определенном смысле зачинателями просвещения египтян в европейском духе. Этому, в частности, способствовало начатое французами типографское дело. С Мальты ими были привезены типографии с арабским шрифтом и переводчики, которые выполняли

¹ История Востока. Т. 4. Восток в Новое время... С. 79.

² Там же. С. 81.

³ См. ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммада ‘Али (1806 – 1821). М.: Восточная литература, 1963. С. 368.

⁴ См. там же. С. 529.

посредническую функцию между арабами и французами. Затем стал издаваться информационный листок «ат-Танбих» на арабском языке. Помимо этого, образованные египтяне могли познакомиться с научными коллекциями и библиотекой светских книг, которые привезли с собой французы. Конечно, эти меры имели лишь косвенное значение для развития просвещения в Египте. Тем не менее арабский просветитель Рифа‘а ат-Тахтави отмечал, что «достижения французов в области египтологии в конечном счете открыли глаза египтянам на их древнюю историю...»¹.

Несмотря на положительный опыт египетско-французских культурных контактов, недовольство иностранным присутствием в Египте возрастало, в том числе среди улемов, которые отнюдь не всегда относились сочувственно к французам. В 1800 г. они поддержали массовые восстания против европейских оккупантов, а уже в 1801 г. французская армия под натиском английских войск, турецкой армии и мамлюкских группировок вынуждена была капитулировать. Однако французы покинули Египет не одни. Вместе с ними во Францию отбыло довольно много египетских и сирийских христиан, «которые за обнаруженную ими приверженность к французским оккупантам имели основания бояться за себя при восстановлении турецкой власти в Египте и Сирии»². Значительная часть этих эмигрантов сосредоточилась в Марселе и Провансе, где всегда проживали арабские купцы. Другие – направились в Париж. Среди них был копт Элиос Боктор (1784 – 1821), который был родом из Асьюта в Южном Египте. В 15 лет он стал переводчиком в главном штабе французской армии, а затем продолжил трудиться на этом поприще во Франции. Вместе с тем Боктор преподавал в Школе живых восточных языков разговорную арабскую речь и состоял там преподавателем до своей смерти в 1821 году³. За время работы в этом учебном заведении он опубликовал несколько кратких пособий по арабскому языку и составил большой французско-арабский словарь, который был издан в двух томах в 1828 – 1829 гг. Его друг сирийский христианин

¹ История Востока. Т. 4. Восток в Новое время... С. 80.

² Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 208.

³ Там же. С. 209.

М. Саббаг присоединился к экспедиции Бонапарта в Дамаске. Уже в Париже на него обратил внимание Сильвестр Де Саси. Там М. Саббаг работал в императорской типографии, а также библиотеке в отделе рукописей, где ему поручалась реставрация старых арабских манускриптов¹.

Между тем после капитуляции французской армии связи Египта с Западной Европой не только не прекратились, но и усилились, что было следствием реформаторской деятельности Мухаммада 'Али. Придя к власти в 1805 г., он оказался перед необходимостью преобразований, направленных на создание новой армии и превращение Египта в сильное государство. Проведение военной, административной реформ, перестройка отдельных хозяйственных отраслей, требовали реорганизации системы просвещения, а также подготовки кадров, имевших современное светское образование. Согласно Ибрахиму ал-Джийару, Мухаммад 'Али стремился достичь этой цели тремя способами: 1) приглашением европейских специалистов: военных инструкторов, инженеров, медиков, педагогов. Возглавляя образовательные и медицинские учреждения, промышленные объекты, они должны были постепенно обучать египтян, которые с ними работали; 2) направлением учебных миссий в Европу, где студентам следовало изучать западные науки, а также иностранные языки, чтобы затем переводить на арабский язык специальную литературу. Первые подобные командировки были организованы в Италию в 1809 г., во Францию в 1818 г., затем в Англию и Австрию. 3) организацией светских учебных заведений², первыми из которых стали специализированные училища. Так, в 1816 г. была открыта Школа инженеров-математиков, с 1822 по 1828 гг. пехотное и военно-морское училища, а также офицерская школа, в 1825 г. училище генштаба, в 1827 г. медицинская и ветеринарная школы, в 1831 г. артиллерийское и кавалерийское училища, в 1833 г. сельскохозяйственное училище. Позднее была учреждена школа живописи, музыки, а также других искусств и ремесел. Как видно, образование, которое предоставлялось в указанных учебных заведениях имело, прежде всего, практическую направленность и должно было служить нуждам государства.

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 210.

² ал-Джийар, Са'ид Ибрахим. Та'рих ат-та'лим ал-хадис фи Миср... С. 57

Между тем начало подготовки египетских специалистов выявило ряд проблем, требующих скорейшего разрешения. Одна из них заключалась в том, что специализированные учебные заведения были созданы раньше чем начальные светские школы, которые должны были подготовить учеников к получению дальнейшего образования¹. Следовательно, египтяне проходили специальный курс, минуя общеобразовательный. Кроме того, они не знали европейских языков, на которых велось преподавание. Как известно, специализированные предметы в училищах преподавали европейские специалисты – французы, итальянцы, англичане. Среди студентов новых учебных заведений было немало выпускников ал-Азхара, которые прекрасно владели арабским языком, знали традиционные мусульманские науки, но имели смутное представление о точных и специальных дисциплинах. Так, по свидетельству создателя медицинского училища француза Клот-бея, первыми учениками его были именно студенты ал-Азхара, которые направлялись на изучение медицины особым правительственным указом. Для того, чтобы облегчить учебный процесс, студентов разделили на группы и вели занятия с помощью переводчиков. Сначала лекции переводились на арабский язык, затем медленно диктовались. Со второго курса вводились специальные дисциплины: общая и патологическая анатомия, терапия, фармакология, судебная медицина. Несмотря на подобную практику ведения занятий, преподавателям-иностранцам было тяжело объяснять слабоподготовленной аудитории сложные дисциплины, изобилующие специальной терминологией. В результате многие выпускники училищ оказывались профессионально непригодными. Стремясь разрешить эту проблему, египетское правительство учредило начальные и подготовительные учебные заведения. К первым относились 3-годичные школы – мактабы, которые делились на три вида: 1. начальные школы в населенных пунктах с числом жителей от 2 до 5 тысяч человек. 2. Школы в районных городах с населением в 5 – 10 тыс. жителей. 3. школы в крупных городах. По сути мактабы представляли собой усовершенствованный вариант куттабов. Изучению Корана там отводилось меньше времени, а кроме чтения, письма и

¹ См. ал-Джийар, Са'ид Ибрахим. Та'рих ат-та'лим ал-хадис фи Миср... С. 56 – 57.

арифметики преподавались история, элементы географии и гигиена. В 1839 – 1840 гг. в Египте насчитывалось 38 школ с общим количеством учеников до 5 тыс. человек¹. Часть мактабов имела ремесленный уклон, другие готовили учителей для младших классов, чертежников, землемеров. Несмотря на то, что эти школы должны были подготовить учащихся к получению профессионального образования, лишь немногие выпускники провинциальных мактабов попадали в специальные училища. При этом больше шансов на поступление было у выпускников школ третьего типа, которые открывались только в крупных городах и имели более сложную программу, включая преподавание иностранных языков.

Обучение в новых школах и училищах также, как и в традиционных (в куттабах и медресе), было бесплатным. Более того, студентам выплачивалась небольшая стипендия. Это имело большое значение, поскольку среди учащихся присутствовали представители разных социальных слоев, включая детей ремесленников и крестьян². После окончания учебных заведений египтян иногда отправляли в Европу, где они осваивали военное и инженерное дело, технические науки, приобретали другие специальности, имеющие практическую значимость. Однако, оказавшись за границей, молодые люди не были готовы к правильному восприятию западноевропейского общества и его духовных ценностей. Более того, далеко не все египтяне положительно оценивали реформы Мухаммада ‘Али в сфере образования. Некоторые родители противились обучению детей в открытых пашой светских школах, бывших диковинкой для Египта. Находились и такие, кто изувечивал детей, чтобы их не принимали в школы. По мнению И. ал-Джийара, подобная реакция египтян (в том числе улемов ал-Азхара) на реформу в системе просвещения была следствием того, что Мухаммад ‘Али не стремился обновлять и развивать традиционное образование³, освященное для мусульман религией, а создавал сеть светских учебных заведений. И все же египетское общество постепенно включалось в культурно-просветительские процессы, происходившие в стране. Ведь полученное

¹ Пончаева Х.Д. Духовная элита и модернизация системы образования в Египте... С. 26.

² См. ал-Джийар, Са‘ид Ибрахим. Та’рих ат-та‘лим ал-хадис фи Миср... С. 24.

³ Там же. С. 57

образование в светских школах давало возможность сделать карьеру на государственной службе. Теперь египетские специалисты могли участвовать в организации новых строительных проектов, поступать на службу в модернизированные армию и флот. Впрочем, поначалу в армии египтяне не могли подняться выше чина капитана, а в провинциальном управлении – должности ма'мура.

Помимо того, что молодые люди приобретали узкоспециальные знания во время обучения, они знакомились с исторической, географической литературой Западной Европы. В этом им помогало знание европейских языков, которые они изучали в некоторых школах и училищах. Знакомство с европейской культурой, контакты с ее представителями так или иначе отражались на жизни египетского общества. Под европейским влиянием происходили некоторые перемены, прежде всего в быту, одежде, манерах тех, кто больше других общался с иностранцами. По замечанию Клот-бея (французского врача, служившего при Мухаммаде 'Али), многие из вельмож ввели у себя европейские тарелки, стаканы и предметы мебели. Конечно, влияние Западной Европы долгое время распространялось только на высшие слои египетского общества, не касаясь образа жизни народных масс. Ему мощно противостояли силы традиций, привычек, застойного мировоззрения. Египетскому обществу европейский образ жизни был чужд. Особенно это было заметно в среде улемов, где преобладали упаднические настроения относительно будущего и неприязненное отношение к новшествам идейного и социального порядка. Тем не менее со времен французской экспедиции в Египте находились и такие улемы, которые положительно оценивали перспективы культурного и научного обмена с Западом.

Следует отметить, что Мухаммад 'Али, придя к власти с помощью шейхов ал-Азхара, весьма скоро подверг их репрессиям, опасаясь роста их влияния. Однако улемы сохранили полную свободу действий в качестве служителей культа, теологов, правоведов и шариатский судей. Они продолжали преподавать в куттабах и медресе, которые существовали наряду со светскими учебными заведениями. В то же время они привлекались в качестве преподавателей и в новые школы, учитывая нехватку педагогических кадров. Помимо обучения арабскому языку, они

помогали европейским педагогам переводить лекции, выступали корректорами учебных пособий после их перевода. В процессе обучения, а также педагогической деятельности в светских учебных заведениях улемы общались с западными специалистами, знакомились с европейскими идеями, рациональными науками, специальной терминологией, педагогическими методами. Приобретенные знания, а также сохранение глубоких связей с религиозной традицией позволили им начать интеграцию европейских знаний в арабскую культуру. Так, в процессе осуществляемого ими перевода инженерно-технической и другой специальной литературы на арабский язык происходило становление современной арабской научной лексики.

Именно выходцы из среды улемов стали первыми видными деятелями на поприще арабской светской культуры. Выдающуюся роль здесь сыграли вышеупомянутый шейх, а затем и ректор ал-Азхара, ал-‘Аттар, его коллега филолог-пурист, преподаватель в политехнической школе инженеров-математиков Ибрахим ад-Дасуки (1811 – 1883), Воспитанник ал-Азхара и лидер арабских просветителей Рифа‘а ат-Тахтави (1801 – 1873)¹. В 1826 г. Тахтави был отправлен на три года в Париж в качестве муллы и наставника египетской образовательной миссии во Франции. После возвращения на родину он много времени уделял переводческой работе, в том числе выполнял сложные технические переводы, редактировал первую в Египте арабскую газету «ал-Вакаи‘ ал-Мисрийя». Более того, он стал во главе созданной в 30-е гг. Дар ал-Алсун – школы иностранных языков и переводчиков. Этим учреждением было переведено на арабский язык и частично опубликовано более двух тысяч произведений, включая учебники и специальную литературу. Рифа‘а ат-Тахтави был также ярким представителем новой арабской литературы. Его перу принадлежит «Извлечение чистого золота из посещения Парижа», которое он написал после своего путешествия в Европу. В произведении Тахтави Франция представляется источником многих благ, необходимых Египту. Особенно достойны подражания, по его мнению, французская система образования и

¹ История Востока. Т. 4. Восток в Новое время... С. 89.

постановка научной деятельности. В своей работе Тахтави указывал на необходимость всемерно развивать прикладные науки, без чего невозможно создать мощную армию и флот. По мнению Хусайна аш-Шафи‘и, описание путешествия Тахтави оказало влияние на различные сферы жизни Египта, в том числе социальную и образовательную, а также развитие культуры в целом¹.

Помимо просветительской, переводческой, литературной и редакторской деятельности в заслугу египетским ученым этого периода можно поставить тесное сотрудничество с европейскими востоковедами. Для находившихся в Египте европейцев Мухаммад ‘Али создал весьма комфортные условия пребывания и обеспечил их безопасность. Подобные обстоятельства способствовали притоку иностранцев в эту страну, в том числе и европейских востоковедов. Обучая западных ориенталистов арабскому языку, египетские улемы сами усваивали европейские языки, перенимали научную методологию. Так, Ибрахим ад-Дасуки обучал известного английского арабиста Э. Лэйна и помогал ему в составлении многотомного словаря. У него же в Каире учились востоковеды Г. Валлин и А. Кремер. Шейх ал-Азхара Мухаммад ‘Айад ат-Тантави был учителем Г. Вейля и Ф. Френеля. Интересно, что Дасуки и Тантави были друзьями, а Тантави и Тахтави поддерживали между собой интенсивную переписку. Эти и другие египетские улемы, наладившие интеллектуальный обмен с европейцами, который оказал несомненное влияние на их научное и литературное творчество, были яркими представителями начавшегося на Арабском Востоке культурного возрождения.

Таким образом, реформы Мухаммада ‘Али в Египте, направленные на создание системы светского образования, способствовали появлению в стране своих педагогов, руководителей учебных заведений, специалистов в разных областях, которые составили костяк зарождавшейся египетской интеллигенции. З.И. Левин отмечал, что благодаря преобразованиям, «в Египте раньше, чем в остальных арабских

¹ См. аш-Шафи‘и, Хусайн. Мин турас аш-шайх Мухаммад ‘Айад ат-Тантави. Аввал му‘аллим ли-л-‘арабийя фи-л-билад ар-русийа. (Наследие Мухаммада ‘Айада ат-Тантави. Первый учитель арабского языка в России). Каир, 2013. С. 27.

провинциях Османской империи, кроме может быть Ливана, создались предпосылки к синтезу двух культур – восточной и западной»¹.

Однако если говорить не только о Ливане, но о Большой Сирии в целом, ее население в начале XIX века имело менее богатый опыт общения с европейцами, по сравнению с Египтом. До 1830-х гг. эта область Османской империи продолжала жить в политической атмосфере XVIII века. Глобальные перемены, происходившие в то время в Турции и Египте, прошли ее стороной. Вторжение Наполеона в Палестину и кратковременное пребывание в Сирии не оставили там значительного следа. Не отразились на ее общественной жизни и реформы, проводившиеся в Османской империи сначала Селимом III в Турции, затем Мухаммадом ‘Али в Египте. Однако в 1831 г. ситуация резко изменилась, когда в результате турецко-египетского конфликта под властью Мухаммада ‘Али оказалась вся территория Сирии. «Согласно единодушному мнению ученых, египетская оккупация Ближнего Востока, сопровождавшаяся радикальной модернизацией традиционного сирийского общества, открыла качественно новую эпоху в истории региона»². Армия Мухаммада ‘Али во главе с его сыном сераскиром Ибрахимом вторглась в Сирию в 1831 году. На их стороне выступил со своим ополчением эмир Ливана Бешир II, который находился в союзнических отношениях с Мухаммадом ‘Али. По настоянию эмира, маронитский патриарх призвал христианское население оказать египтянам дружеский прием. Сирийские христиане действительно благожелательно встретили египетскую армию, мусульмане напротив – со скрытым недоверием. Это настороженность объяснялась негативным отношением традиционных мусульманских кругов к проведенным преобразованиям в Египте.

Став наместником в Сирии, Мухаммад ‘Али установил там авторитарный режим. Проводником его политики был Ибрахим-паша, осуществлявший контроль над гражданской властью. При нем Сирия стала единой провинцией, что сделало возможным распространение на ее территории (кроме горного Ливана) общего

¹ Левин. З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М.: Наука, 1972. С. 16.

² Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством... С. 114.

политико-правового режима. Сирийской столицей был назначен Дамаск, ввиду религиозной и политической значимости этого города. Вместе с тем подобный выбор мог быть продиктован намерением Ибрахим-паши «сокрушить дух исламского изоляционизма и ксенофобии, царивший в городе»¹. Утвердив свою власть, Ибрахим-паша приступил к преобразованиям, в результате которых началась медленная трансформация сирийской общественно-политической жизни, «построенной на принципах корпоративно-общинной солидарности, в направлении становления подданнических отношений»². По примеру Египта, христианскому населению в Сирии были предоставлены практически равные права с мусульманами, отменены некоторые дискриминационные ограничения, упорядочена фискальная система³. Кроме того, христианам был открыт доступ к государственной службе. Так, при Ибрахим-паше финансовую службу возглавлял греко-католик сирийского происхождения Бахри-бей, который перестроил сирийское делопроизводство на современный лад. В распоряжение его ведомства из Египта были направлены коптские финансовые чиновники, которые владели «особенной способностью для счетных дел»⁴. В результате финансовая и хозяйственная сфера, которая, согласно К.М. Базили, «при прежних пашах не имела никакого устройства... получила под новым управлением «образование прочное и правильное»⁵.

Равенство христиан и мусульман перед законом, лояльное отношение властей к европейцам и установление внутренней безопасности еще больше привлекло внимание западных держав к Сирии. Власти Египта, полагая, что смогут контролировать находящихся в стране иностранцев, предоставили свободу действия западным духовным миссиям, учреждению европейских дипломатических представительств, а также проникновению их торгового капитала. Воспользовавшись данной ситуацией, европейские и американские миссионеры устремились в горный Ливан и Бейрут, который приобрел особое экономическое и стратегическое значение.

¹ История Востока. Т. 4. Восток в Новое время... С. 95.

² Там же. С. 96.

³ Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика... С. 132.

⁴ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством... С. 179.

⁵ Там же. С. 179.

Кроме того, после массового перехода алеппских христиан в унию, Бейрут наряду с Дамаском стал крупнейшим центром сирийского православия. Это обстоятельство не мешало западным миссионерам вести активную религиозную пропаганду и просветительскую деятельность в Ливане. Так, в 1834 г. в ливанском селении 'Айн-Тур лазаристы открыли франко-католический коллегийум с интернатом (с преподаванием на французском языке), предназначенный, прежде всего, для воспитания знатных арабских детей. Другой такой коллегийум был ими открыт в Алеппо и в Бейруте. Кроме того, в Бейруте в 40-х гг. лазаристы отстроили здание для женского училища с пансионом, где также располагался приют и больница. Иезуиты в 1846 – 1847 гг. учредили в Газире духовную семинарию, где преподавание также велось на французском языке. В свою очередь, американские протестанты открыли недалеко от Бейрута училище для подготовки арабских миссионеров. Как видно, в Сирии, в отличие от Египта, система светского образования не была создана новыми властями. Местное школьное дело находилось в руках западных духовных миссий и развивалось «под влиянием консервативных, а иногда и прямо клерикальных тенденций»¹.

Просветительскую деятельность западных миссионеров в Ливане активно поддерживал Бешир II, который, по мнению некоторых его современников, тайно исповедовал христианство². Его политика, направленная на обеспечение в стране безопасности, строительство дорог, укрепление экономических связей с Западом, активизировала культурную жизнь в Ливане. При дворе эмира в Байт-ад-Дине царил атмосфера веротерпимости, интереса к светской культуре, внимания к событиям современного мира. В окружении Бешира II оказались создатели исторических хроник Ливана – Хайдар Шихаб и Таннус Шидийак, поэт и историк Никола ат-Турки, филолог и литератор Насиф Язиджи (Йазиджи)³. Известные деятели культуры того времени, обучавшиеся в ливанских школах, организованных миссионерами в дальнейшем многое сделали для сирийского просвещения. «Они уже

¹ Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте... С. 25.

² См. Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством... С. 121.

³ См. История Востока. Т. 4. Восток в Новое время... С. 94.

отличались от деятелей внутрисирийской городской культуры, творивших преимущественно в застывших традициях средневековья. Однако новых светских направлений, возникших к этому времени в Египте под европейским влиянием, ливанская придворная культура эпохи эмира Бешира не создала»¹.

Между тем активные сношения с Западом, отказ от канонических норм ислама в конфессиональной политике, введение рекрутской повинности и подушного налога оскорбляли религиозные чувства сирийских мусульман, ложились тяжелым материальным бременем, дискредитируя в глазах населения реформаторскую деятельность пашей Египта². По мнению Базили, Мухаммад 'Али, приступив к преобразованиям в Сирии, не учел, что этот край отличается от Египта «по географическому образованию... преданиям и по духу жителей»³. В конечном счете это привело к восстаниям, в которых участвовали представители различных конфессий. Несмотря на то, что народные выступления были подавлены, египтянам в 1840 г. под нажимом Порты и европейских государств пришлось оставить Сирию, а эмир Бешир II был отправлен османскими властями в ссылку. После этого Сирия вновь была разделена на пашалыки, которые оказались под управлением османских чиновников.

В отличие от Сирии и Египта другие области Арабского Востока испытали меньше влияния европейской культуры, что объяснялось спецификой их контактов с Западом, а также общественно-политическим и социокультурным положением.

В конце XVIII века Ирак представлял собой относительно самостоятельное политико-административное образование внутри Османской империи, власть над которым принадлежала мамлюкам. В 1817 г. правителем Багдада стал Дауд-паша, который приступил к укреплению подвластного ему пашалыка. Он приложил немало усилий для восстановления и расширения ирригационной системы, что положительно отразилось на экономике Ирака. В частности, были оживлены пустынные земли, расширены посевные площади, повышена урожайность. Кроме того, Дауд-

¹ Там же. С. 94.

² См. там же. С. 96

³ Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством... С. 171.

паша активизировал градостроительство. При нем были построены новые базары, мосты, мечети, бани; получило благоприятное развитие ремесло. Немало внимания Дауд-паша уделял развитию традиционного мусульманского образования. Им были организованы новые медресе, открыта типография, а также бумажная фабрика. По примеру Мухаммада 'Али он начал преобразования в стране с военной реформы, успешному проведению которой способствовало приглашение французских и английских офицеров. С их помощью Дауд-паша за короткое время сумел создать вооруженную и обученную на европейский манер регулярную армию в несколько тысяч человек. Однако контакты Ирака с европейскими специалистами в это время были локальными и непродолжительными, поэтому не успели оказать влияние на развитие светского образования в стране. Этому помешали и военно-политические обстоятельства. Начатые Дауд-пашой преобразования были прерваны неудачной попыткой освободить Ирак от власти Порты во время русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг.

После этого контакты Ирака с Европой не прекратились, но продолжились развиваться в контексте усилившейся в регионе британской экспансии. Реализация военно-стратегических и экономических задач требовала от англичан всестороннего изучения страны, арабского языка и местных его диалектов, в том числе посредством коммуникации с местными жителями. Общение с образованными представителями иракского населения способствовало установлению научно-образовательных контактов. Известно, что еще в конце XVIII века в Кембридже преподавал иракец из Багдада Дауд Замио, который обучал арабскому языку востоковеда Карлайла и готовил его к путешествию в арабские страны¹. Религиозно-просветительская деятельность западных миссий в Ираке не получила большого развития, поскольку процент местного христианского населения был значительно ниже, чем в Сирии, а обращать мусульман в христианство было запрещено османскими властями.

¹ См. ал-'Акики, Наджиб. Ал-Мусташрикуна... С. 162.

Что касается самой восточной части арабского мира – Аравии, то ее политические образования, как и жизнь местных племен, были по-прежнему организованы по канонам Средневековья. В XVIII веке аравийское общество переживало последствия кризиса, происходившего в Османской империи и Персии. Вместе с тем на события в Аравии влияли смена португальского и голландского присутствия в Заливе, позднее: англо-французское соперничество за контроль над проходившими там торговыми путями¹. Стратегическая роль этого региона особенно возросла после вторжения Наполеона в Египет, что заставило Великобританию, опасавшуюся потери своих индийских владений, усилить в Заливе свое присутствие.

В это время в Аравии господствовал ваххабитский Саудовский эмират, представлявший собой конгломерат из покоренных политических образований и племен, а также небольших племенных государств и конфедераций. В относительно стабильном состоянии пребывал Хиджаз, который был военно-политическим плацдармом османов на Востоке Аравийского полуострова. Ежегодно сюда прибывали сотни тысяч паломников со всего мира, чтобы совершить хадж. Паломничество к священным городам Мекки и Медины объединяло мусульманский мир, интенсифицируя межкультурный и образовательный обмен между различными его частями. Отправляясь в Аравию, паломники посещали мечети и медресе в крупных религиозных центрах, изучали мусульманские науки, готовясь к важнейшему событию в их жизни. Наряду с Египтом и Сирией, Аравия привлекала студентов и высокоученых мужей со всего мусульманского Востока, где они получали фундаментальное теологическое образование и обменивались религиозно-правовыми знаниями.

Между тем культурно-просветительские процессы, осуществлявшиеся за счет хаджа, оказались под угрозой, когда ваххабиты получили контроль над Хиджазом, Меккой и Мединой. Еще в 1803 г. они начали препятствовать караванам паломников, направлявшимся в хадж, а в 1807 – 1808 гг. доступ большим партиям пилигримов из Османской империи был закрыт, хотя полностью паломничество не

¹ История Востока. Т. 4. Восток в Новое время... С. 102.

прекратилось. Ал-Джабарти писал, что ал-Ваххаби не мешал паломникам, прибывшим для «совершения хаджа на основаниях предусмотренных шариатом», но чинил препятствия тем, кто прибывал на манер, противоречащий закону: например, везущим махмал «в сопровождении цимбал, барабанов и флейт»¹. Сложившаяся ситуация дискредитировала не только политическую, но и духовную власть султана на всем мусульманском Востоке. В связи с этим Порта указала Мухаммаду ‘Али на необходимость подготовки военной экспедиции против Хиджаза для освобождения священных городов². В 1811 г. Мухаммад ‘Али организовал компанию по возвращению аравийских территорий, в результате которой египтяне освободили Мекку и получили мекканский пашалык в свое управление.

Подчинив Аравию, паша Египта не стал проводить там масштабных преобразований поскольку не имел соответствующих условий и материальных средств. Нововведения, сделанные пашой, касались установления гарнизонов и назначения аравийского губернатора. На местах сохранялось традиционное управление, которое осуществлялось представителями знатных семей, лояльных властям Египта. Несмотря на это, египетские гарнизоны не могли обеспечить элементарной безопасности и порядка, в результате чего в Западной Аравии снова вспыхнули межплеменные конфликты, а сам регион стал погружаться в состояние хаоса.

Внутриполитическая нестабильность Аравии и существование на ее территориях главных святынь ислама затрудняло посещение этого региона европейскими востоковедами. В отличие от Сирии и Египта в Аравии они не могли находиться открыто с научными и образовательными целями. Лишь единицы особо смелых и подготовленных европейцев путешествовали по аравийским землям и даже совершали вместе с мусульманами хадж. Так, испанец Г. Бадиа-и-Леблих, путешествовавший по мусульманскому Востоку под именем ‘Али-бея ал-‘Аббаси, побывал в Мекке в 1807. В священных городах несколько месяцев провел Дж. Л. Буркхардт. Во время своего путешествия по Аравии он не раз общался с арабскими племенами, отмечая невысокий уровень их грамотности. Мнение Буркхардта, очевидно, не

¹ ал-Джабарти ‘Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммада ‘Али... С. 211.

² Там же. С. 188.

распространялось на мусульман, получивших традиционное образование, с которыми ему не удалось близко общаться. Несмотря на подобную ситуацию, научные контакты аравийцев с представителями европейской науки все-таки происходили. Известно, что улемы из Аравии приглашались с просветительскими целями в далекие мусульманские страны, оказываясь в том числе на юго-востоке Российской империи.

Таким образом, традиционные формы арабской культуры и образования, сложившиеся еще в период средневековья, к середине XIX века претерпели изменения под воздействием внешне-и внутривосточных факторов. К первым относится усиление политического, торгового и культурно-религиозного присутствия Запада на Ближнем Востоке. Ко вторым – политические, экономические и социокультурные преобразования в арабских областях, в ходе которых местные правители или духовная элита содействовали налаживанию научно-технических и образовательных контактов с европейцами. Наличие указанных факторов в ряде арабских стран позволило сформироваться благоприятной социокультурной среде для углубления межцивилизационного взаимодействия. Чем выше был процент образованного населения, владеющего европейскими языками, в той или иной арабской области, тем шире шел культурный обмен с Европой, что особенно заметно на примере Египта, Ливана, в меньшей степени Сирии. Россия, которая в XVIII веке включилась в культурные процессы эпохи Просвещения, имела свои стратегические задачи на Ближнем Востоке, для решения которых она использовала как собственный опыт многовековых взаимоотношений с восточными народами, так и опыт европейских стран, налаживших общение с арабами значительно раньше. Установить первые научно-образовательные контакты с арабами русские могли в странах, население которых уже имело к тому времени опыт интеллектуального обмена с европейцами.

2. 2. Российские ученые и Арабский Восток: специфика востоковедной подготовки и русско-арабские контакты

Восточная политика и востоковедение

В XIX столетии контакты Западной Европы и России с арабским миром становятся не только интенсивнее, но и содержательнее, и если первое связано с внешней политикой великих держав, то второе – с развитием востоковедной науки, а также началом культурного подъема на Ближнем Востоке.

Успехи востоковедения в Европе, согласно В.В. Бартольд, были обусловлены европейской колониальной политикой, а также успехами, достигнутыми в эту эпоху европейской научной мыслью¹. Прямую связь между развитием востоковедения и европейской экспансией на Ближний Восток, начиная с крестовых походов, видел ливанский исследователь Наджиб ал-‘Акики².

Вполне естественно, что в Западной Европе весьма рано заинтересовались арабским миром, учитывая географическую близость региона, военное и идеологическое противостояние исламской цивилизации, а также интенсивные культурные и торговые связи. Еще в XIV веке на соборе в Виенне было постановлено учредить профессуры арабского, еврейского и халдейского³ языков при университетах Рима, Парижа, Болоньи, Оксфорда и Саламанки. Однако регулярное преподавание восточных языков началось в Европе лишь в XVI веке. Интерес к мусульманскому Востоку в эту эпоху существенно вырос в связи с военными успехами Османской империи, что так или иначе ускорило развитие европейского востоковедения, в том числе и тюркологии. К концу XVIII столетия восточные языки преподавались уже не только в европейских университетах, но и специальных востоковедных учреждениях, таких как Венская академия и Школа живых восточных языков в Париже. Э. Саид, пишет, что в XIX веке «появились ученые ориенталисты, увеличилось

¹ Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т.9: Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977. С. 319.

² ал-‘Акики, Наджиб. Ал-Мусташрикуна... С. 36.

³ Имеется в виду арамейский язык.

число изучаемых на Западе языков и количество изданных, переведенных и прокомментированных манускриптов»¹. В это же время началось всестороннее изучение Арабского Востока, что было связано, прежде всего, с военным походом Наполеона в Сирию и Египет в 1798 г.

По мнению Марвана Судаха, интерес к Ближнему Востоку в России возник значительно позже, чем в Западной Европе и был обусловлен соперничеством с европейскими государствами, а также социальными и религиозными факторами в самой России: стремлением наладить контакт с родиной христианства – Палестиной, и арабами в целом из-за сочувственного отношения к мусульманам². Безусловно, внешне-и внутривосточные факторы стимулировали в Российской империи интерес к Ближнему Востоку. В условиях сложных взаимоотношений с Персией и Османской империей, присоединения новых территорий на юге и юго-востоке, русским властям необходимо было устанавливать и налаживать контакты с мусульманами, как в России, так и за ее пределами. Кроме того, Россия пристально следила за внешнеполитической и научной активностью европейских держав на мусульманском Востоке, стараясь не отставать от их инициатив.

Высшие российские сановники не раз указывали на то, что «Россия, по географическому положению своему, по беспрестанным связям и сношениям с различными народами Азиатскими, и самому свойству населения своего, состоящего отчасти из Азиатских племен, не может быть сравнена с прочими Европейскими государствами относительно необходимости заведений для образования молодых переводчиков, назначаемых на службу правительству»³.

В начале XIX века острая нехватка переводчиков с восточных языков ощущалась как Министерством иностранных дел, которое должно было снабдить дипломатическими кадрами миссии на Востоке, так и местными властями в

¹ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. С. 150.

² Судах, Марван. Ал-Махтутат ал-'арабийя фи Русийа (Арабские рукописи в России) // Ан-Нашра. Амман, 2002. № 22. С. 29 – 30.

³ АВПРИ Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 118. [О проекте отделения восточных языков при Санкт-Петербургском университете]. 1832. Л. 3 – 3 об. (Проект был представлен К.В. Нессельроде министром народного просвещения Карлом Ливеным).

Оренбургской, Астраханской, Казанской, Симбирской и Грузинской областях¹. По традиции, сложившейся в постоордынский период, переводчиками с восточных языков в России нередко выступали местные мусульмане. Однако в условиях конфронтации с соседними исламскими государствами русское правительство не всегда доверяло переводчикам-мусульманам, которые могли симпатизировать своим единоверцам за границей. Ситуация осложнялось и тем, что при русских миссиях в Турции и Ближнем Востоке, драгоманами были «большою частью иностранцы не знающие русского языка»², которые могли одновременно служить в дипломатических представительствах различных европейских держав.

Проблему подготовки переводчиков с восточных языков, способных наладить дипломатические контакты и обеспечить коммуникацию с мусульманскими народами, русские власти пытались решить с XVIII века. В это время были организованы первые учебные командировки в Персию и Османскую империю, введено преподавание татарского, а кое-где арабского языков в народных училищах мусульманских регионов России. При этом обучение осуществлялось представителями восточных народов, после чего ученики могли получить языковую практику в татарских слободах. Вместе с тем для преподавания восточных языков в Академию наук в Петербурге в разное время были приглашены европейские ученые: Г.З. Байер и Г.Я. Кер. Однако эти меры, ввиду своей нерегулярности, отсутствия или недостатка у студентов теоретической востоковедной базы, а порой и общего образования, незнания иностранными преподавателями русского языка, не позволяли достичь необходимых результатов. В отличие от европейцев, которые изучали восточные языки в основном в университетах и были лишены языковой практики, русские осваивали татарский, персидский и турецкий языки методом погружения, что способствовало появлению у них навыков разговорной речи, однако не позволяло выполнять грамотные переводы. Сложившаяся ситуация заставила русское правительство серьезно задуматься о постановке в России востоковедного

¹ Проекты о[б] образовании школы для восточных языков /АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 94. 1806, 1820 – 25. Л. 9 – 9. Об.

² Краткая выписка из доклада об учреждении классов для восточных языков/ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 94. 1806, 1820 – 25. Л. 23.

образования, а также организации специальных учреждений, которые должны были ориентироваться на нужды государства и готовить квалифицированных переводчиков.

В начале XIX века в российских верхах обсуждались несколько проектов, призванных решить проблему с подготовкой востоковедных кадров. В 1802 г. известный политический деятель граф С. Потоцкий подал докладную записку в Генеральную коллегию иностранных дел, в которой указывалось, что для государственной пользы России необходимо иметь специальное учреждение для изучения восточных языков. Он отмечал, что западные державы, не имея в составе своего народонаселения таких масс мусульман как в России и не соприкасаясь ни с какой стороны с мусульманами Востока, имеют для его изучения специальные учреждения, как, например, Австрия или Дания, посылающая для изучения Аравии научные экспедиции. В связи с этим граф Потоцкий предлагал создать в Петербурге Азиатскую академию¹. Однако эта идея не получила воплощения, поскольку внешнеполитическому ведомству нужны были не ученые-востоковеды, а «ориенталисты-практиканты» – переводчики с турецкого и персидского языков. Для этих целей Коллегия иностранных дел отправляла молодых людей на обучение при русских дипломатических миссиях в Тегеране и Константинополе², где при здании миссии с середины XVIII века существовала специальная школа. Вместе с тем эффективность обучения русских студентов в константинопольской школе все больше вызывала сомнение у русских чиновников. Изучение восточных языков там происходило под руководством штатных переводчиков российских миссий, которые не являлись профессиональными педагогами и были загружены текущей дипломатической работой. Кроме того, в здание миссии приходили и восточные учителя, не владевшие, как правило, европейскими языками и, следовательно, с трудом общавшиеся с русскими студентами. Все это указывало на нецелесообразность обучения

¹ Историческая записка об Учебном отделении восточных языков со времени его основания в 1823 г. до настоящего времени. 1823 – 1916/ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101. [Учебное отделение восточных языков. Учреждение отделения, регламенты, записки, проекты и т.п.]. Л. 79.

² См. АВПРИ Ф. 153. Оп. 668. Д. 94 [Проекты о[б] образовании школы для восточных языков]. 1806, 1820 – 25. Л. 8.

переводчиков при русских миссиях в отсутствие специального образования, полученного ими в России.

Другим проектом, направленным на восполнение недостающих востоковедных кадров, был проект (1803 г.) министра народного просвещения графа П. Завадовского, согласно которому в российских учебных заведениях предполагалось организовать 4 класса восточных языков: 1) при Московском университете, где следовало преподавать турецкий, арабский и персидский языки с целью подготовки кадров для дипломатических миссий; 2) при Казанской гимназии, где студенты изучали бы татарский и монгольский языки для подготовки к казенной службе в Томской, Тобольской, Иркутской, и Оренбургской губерниях; 3) в Астраханском военном училище, где большее значение придавалось киргизскому и калмыцкому языкам, а также подготовке военных востоковедных кадров; 4) в Тифлисе, где должны были изучать грузинский и армянский языки¹. При этом основным местом для преподавания восточных языков должна была стать Казань, где изучались бы языки Ближнего, и Дальнего Востока, мусульманских регионов России, а также Кавказа. Несмотря на достоинства этих проектов, проблема востоковедного образования в России была решена иначе, что связано с реформами в системе просвещения, которые провел Александр I в начале XIX века. Согласно именному указу, Российская империя в 1803 г. была разделена на 6 учебных округов: Виленский, Дерптский, Московский, Казанский, Петербургский и Харьковский, во главе которых стояли университеты. Каждому из них надлежало иметь факультет (или отделение) словесных наук с кафедрой восточных языков, преподавание которых было введено Университетским уставом в 1804 г.

Европейские востоковеды в российских университетах

Под восточными языками в России в это время подразумевались языки близкого к ее границам мусульманского Востока: прежде всего арабский, турецкий и

¹ Проекты о[б] образовании школы для восточных языков Л. 12- 12 об.; Копия с письма Графа Завадовского к Генералу Будбергу от 8 декабря 1806 г. Л. 26 – 29/ АВПРИ Ф. 153. Оп. 668. Д. 94. 1806, 1820 – 25.

персидский. Поскольку своих ученых-ориенталистов в России тогда не было, их приглашали из Европы, в частности немецких университетов, по образцу которых были организованы российские вузы.

Еще в 1803 г. в России начали вести переговоры с европейским семитологом Х.Д. Френом – выпускником Ростокского и Геттингенского университетов, которого пригласили в Казань для преподавания восточных языков. В связи с этим на Френа возлагались большие надежды по подготовке отечественных востоковедов, прежде всего арабистов, а также проверке квалификации местных восточных учителей. Для молодого европейского ученого переезд в Казань стал настоящим событием, открывшим ему новые возможности к изучению арабо-мусульманского мира. По прибытии в Россию в 1807 г. Френ приступил к преподаванию восточных языков сначала в Казанской гимназии, а затем университете, где возглавил кафедру арабо-персидской словесности в должности ординарного профессора. Вскоре после этого Френ столкнулся с рядом проблем, которые существенно осложняли исполнение возложенной на него миссии. Основной проблемой в педагогической практике немецких ученых в России был языковой барьер, поскольку русские студенты плохо понимали немецкий язык и латынь, на которых читались лекции. Положение усугублялось отсутствием учебных пособий по востоковедным дисциплинам. Несмотря на то, что Френ старался использовать все доступные издания и материалы для обучения арабскому языку, это не принесло особых результатов и на его курсе осталось лишь несколько человек. К сожалению, педагогическая деятельность Френа в Казани не была настолько успешной, как надеялись местные власти. Однако именно там произошло его научное становление, и Френ, по словам И.Ю. Крачковского, «превратился из обычного на Западе семитолога-экзегета... в первоклассного арабиста...»¹. Особую роль в этом процессе сыграло знакомство с культурой мусульманского Востока, а также работа с обширной местной источниковой, в том числе нумизматической базой. До приезда в Казань, подобно многим европейским ориенталистам, Френ никогда не бывал на Востоке, изучая

¹ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 76.

востоковедные науки и языки по книгам под руководством европейских профессоров, которые в большинстве своем были кабинетными учеными.

Вследствие этого Френ не владел разговорными восточными языками, не знал ни одного арабского диалекта, что не позволяло ему подготовить специалистов для практической работы на Востоке. В то же время он быстро осознал географические, этносоциальные и культурно-исторические преимущества Казани для изучения арабо-мусульманского мира, как и необходимость путешествий на Восток для подготовки ученых-востоковедов. Именно поэтому он ходатайствовал об отправлении в 1816 г. своего лучшего студента Я. О. Ярцова на обучение татарскому и персидскому языкам к ученому мулле Сейфутдину (Сайф ад-Дину) в деревню Сабы в 100 км от Казани. А в 1817 г. тот же Ярцов при содействии Френа отправился в Персию, где год изучал персидский язык при русской дипломатической миссии в Тегеране. Историк Казанского университета Н.А. Мазитова отмечает, что путешествие Ярцова было первой в истории русского востоковедения командировкой, организованной университетом в восточные страны с целью подготовки своих научных кадров¹. Помимо путешествий на Восток, Френ считал весьма полезными контакты с мусульманскими учеными, что впоследствии сыграло важную роль для российской науки, а также русско-арабских культурных связей. Сам он регулярно общался с лектором татарского языка И.И. Хальфиным. Именно он помог Френу в исследовании золотоордынской нумизматики, поскольку до приезда в Казань немецкий ученый не знал татарского языка. В свою очередь Френ обучал своего татарского коллегу научной методологии, что впоследствии позволило ему получить звание адъюнкта татарской словесности. Кроме татарского языка в университете, И.И. Хальфин обучал и другим восточным языкам (в том числе арабскому) в Казанской гимназии.

Френ преподавал в Казани до 1817 г., а затем переехал в Санкт-Петербург. Там он стал директором Азиатского музея, многолетняя научно-исследовательская деятельность в котором принесла ему славу одного из крупнейших ученых-

¹ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань: Издательство Казанского университета, 1972. С. 28.

арабистов своего времени. На место Френа в Казанский университет был приглашен его соотечественник Ф. Эрдман, педагогическая деятельность которого также не имела особых успехов. Бесследно прошло недолгое преподавание восточных языков в Харьковском университете, которое осуществлялось И.Б. Барендтом, а затем и Б.А. Дорном, в 1842 г. сменившим Френа в должности директора Азиатского музея.

Переезд Френа в Петербург в 1817 г. совпал с прибытием в российскую столицу французских востоковедов – Ф.Б. Шармуа и Ж.Ф. Деманжа, учеников известного французского арабиста Сильвестра де Саси. Сам ученый, будучи крупным знатоком восточных языков, не имел специального востоковедного образования. Он изучал арабский, сирийский, халдейский, а затем и древнееврейский языки частным образом в бенедиктинском аббатстве¹. По словам Э. Саида, де Саси не претендовал на знакомство с реальным Востоком и знал его преимущественно по книгам². Несмотря на то, что ученому не довелось побывать в арабских странах, он общался с арабами-христианами, прибывшими во Францию с армией Наполеона. Именно к де Саси, в Париж, приезжали многие выпускники европейских университетов для дальнейшего изучения восточных языков. Что касается Шармуа и Деманжа, то они были приглашены для занятия кафедр словесности арабской и персидской в Педагогический институт (впоследствии С.-Петербургский университет) по инициативе С.С. Уварова, знакомого с де Саси и другими видными востоковедами того времени³. Созданный Уваровым «Проект Азиатской Академии», напечатанный в 1810 г. в Париже, обратил на молодого человека внимание императора, который сделал его в том же году (в 24 года) попечителем С.-Петербургского учебного округа, что имело большое значение для последующего развития отечественного востоковедения.

Подобно Френу, приехавшему в Казань в 25 лет, Шармуа и Деманж были молодыми востоковедами, не успевшими зарекомендовать себя научными трудами в

¹ См. Саид Э.В. Ориентализм... С. 191.

² Там же. С. 246.

³ Историческая записка об учебном отделении восточных языков со времени его основания в 1823 г. до настоящего времени / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101 (1823- 1916). Л. 81.

Европе¹. Несмотря на то, что они преподавали на французском языке, который был практически родным для русского дворянства, их педагогическая деятельность в С.-Петербургском университете продлилась недолго. Французские профессора, наряду с другими учеными Петербургского и Казанского университетов, были заподозрены в распространении вредных идей и уволены. Эти события, известные как «университетские погромы», которые учинили попечители Петербургского и Казанского учебных округов Д.П. Рунич и М.Л. Магницкий, нанесли серьезный ущерб университетскому образованию в России, не успевшему оправиться после войны 1812 г. Вследствие этого в Петербургском университете, в том числе и на историко-филологическом факультете, положение было безотрадным. По словам В.В. Григорьева, «Далее сухого изложения фактов по отжившим век школьным или непригодным учебникам, без малейшего проникновения в причины и соотношения событий, никто из преподавателей здесь не шел»².

В то время как Шармуа и Деманж были уволены из Петербургского университета, в Москве с 1811 г. восточные языки успешно преподавал другой ученик Сильвестра де Саси, но уже русского происхождения. Речь идет о А.В. Болдыреве – выпускнике Московского университета, который после его окончания был направлен для изучения восточных языков в Геттингенский университет, а затем, согласно общеевропейской традиции, в Париж. Первоначально в Московский университет планировали пригласить геттингенского востоковеда Т. Х. Тихсена, переговоры с которым, также как и с Френом, начались в 1803 г. Однако в отличие от своего коллеги и соотечественника Тихсен в Россию не приехал. Быть может именно поэтому, по словам И.Ю. Крачковского, Московский университет оказался единственным высшим учебным заведением России, где арабский и персидский языки преподавал русский профессор³. Несмотря на то, что Болдырев, подобно своим европейским коллегам, не бывал на Востоке, он владел русским языком, что не только облегчило процесс преподавания, но и позволило ему составить первые

¹ См. Григорьев. В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Типография В. Безобразова и комп. 1870. С. 21.

² Там же. С. 72.

³ См. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 79.

отечественные учебные пособия по востоковедным дисциплинам. Его «Арабская грамматика», а также «Арабская» и «Персидская» хрестоматии, по которым учились несколько поколений востоковедов, выдержали ряд изданий и разошлись по всей России. Педагогическая деятельность Болдырева была более долгой и плодотворной, чем деятельность Шармуа и Деманжа в Петербургском, а Френа в Казанском университетах. Несмотря на то, что ему не удалось создать научную школу, несколько его учеников: Д.П. Ознобишин и П.Я. Петров оставили свой след в востоковедении. Другие его ученики М.А. Коркунов и Н.Г. Коноплев несколько лет преподавали в Московском университете арабский язык. Тем не менее после ухода Болдырева с поста ректора, в связи с публикацией «Философического письма Чаадаева» в 1836 г., востоковедение в Московском университете стало угасать.

Таким образом, в начале XIX века в России была заложена основа для последующего развития востоковедения: учреждены университеты с кафедрами восточных языков, приглашены в Россию европейские востоковеды, которые вели педагогическую, а также научную работу на базе российских источников. Несмотря на то, что европейские профессора были учениками известных в Европе ориенталистов, им не удалось подготовить российских специалистов для практической работы на Востоке. С одной стороны, это объяснялось языковым барьером, существовавшим между ними и русскими студентами, с другой – незнанием реалий арабомусульманского мира, его разговорных языков, культуры, традиций и нравов восточных народов, что не позволяло сообщить студентам сведения, важные для работы на Востоке.

Российские учебные заведения для подготовки востоковедов-практиков

Присоединение к России закавказских территорий в результате русско-персидской войны 1804 – 1813 гг., наряду с обострившимся в начале 20-х гг. Восточным вопросом, усилили потребность русских властей в востоковедах-переводчиках, которых к этому времени не удалось подготовить университетам. В связи с этим необходимо было учредить специальные учебные заведения, ориентированные на подготовку востоковедов-практиков. Первым из них стало Учебное

отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, созданное в 1823 г. «с специальною целью готовить молодых людей к драгоманской службе при Императорских миссиях и консульствах на Востоке»¹. В студенты УОВЯ зачислялись молодые люди православного вероисповедания, которые уже имели высшее образование и были знакомы с французским языком. Желая поступить в УОВЯ должны были подать прошение на имя заведующего отделением, который испрашивал дозволения у директора Азиатского департамента, чтобы принять ту или иную кандидатуру². В основном это были выпускники С.-Петербургского, Виленского, Казанского университетов, С.-Петербургской гимназии, Лазаревского института восточных языков, а также других российских учебных заведений, не всегда имевших востоковедные кафедры. Вследствие этого поступавшие в Учебное отделение молодые люди не обязательно были знакомы с восточными языками.

Главными учебными дисциплинами в УОВЯ были арабский, персидский и турецкий языки, преподавание которых планировалось поручить «просвещенным туземцам» Востока. Поскольку найти преподавателей восточного происхождения в Петербурге было сложно, в Учебное отделение пригласили Шармуа и Деманжа, уволенных из Петербургского университета в 1822 г. Их появление в УОВЯ не было случайным, поскольку французские ученые состояли при Государственной коллегии иностранных дел, а в 1820 г. были причислены к Азиатскому департаменту МИД³. Несмотря на то, что новое учебное заведение обладало своей спецификой, методика преподавания французских профессоров осталась неизменной в сравнении с их курсом в Санкт-Петербургском Университете – в ее основе по-прежнему лежал грамматико-переводной метод. Так, программа Деманжа в 20-е годы была ориентирована на перевод классических текстов: некоторых сур Корана, текстов из арабской хрестоматии де Саси, Истории Тамерлана ‘Араб-шаха, Калилы и Димны, му‘аллак Лабида, басен Лукмана и макама ал-Харири⁴. Практические

¹ АВПРИ Ф. 153. Д. 97. [Проект организации Учебного отделения восточных языков]. Л. 6.

² Там же. Л. 8.

³ Аттестат полученный Статским Советником Шармуа от 29 августа 1835 г. подписанный К.К. Рудофининым / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 107. [Личное дело Шармуа и Деманжа]. Л. 64.

⁴ Programme des cours de l' institute oriental /АВПРИ Ф. 153. Оп. 668. Д. 102. Ч. 5. [Examens 1826 – 1844, Programme] Л. 86 – 87.

занятия по арабскому языку, которые должен был вести лектор-араб, долгое время отсутствовали, поэтому выпускники УОВЯ в большинстве своем не были готовы к драгоманской службе на Ближнем Востоке. Программа Шармуа, преподававшего в Учебном отделении персидский и турецкий языки, также основывалась на работе с классическими текстами, что больше подходило для университетского курса. Вследствие этого результаты педагогической деятельности французских ученых, как и сама методика их преподавания, не раз подвергались критике. Так, попечитель Казанского учебного округа писал в 1825 г.: «Мы, имея в своем распоряжении природных учителей для восточной словесности, особенно в Казани и Астрахани, и все возможные способы к приобретению неизвестных в Европе восточных рукописей, выписываем за дорогую цену учеников Саси из Парижа и делаем их профессорами той самой словесности, которой бы они у нас учиться должны были. Иностранцы, выучившиеся восточным языкам по книгам, не только говорить, но и основательно учить разбирать даже рукописи не могут»¹. В словах чиновника, знакомого по долгу службы с мусульманским Востоком, была доля истины. Несмотря на то, что французские профессора переводили и исследовали классические рукописные тексты на восточных языках, (Шармуа даже получил от императора бриллиантовый перстень за перевод персидской книги о древних военных действиях между Россией и Персией)² они вряд ли могли научить разбирать дипломатические документы и переписку, которая по стилистике, грамматике и лексике весьма отличалась от средневековых текстов. К примеру, язык записок, приходивших в российские консульства от арабских агентов или местных арабских властей, представлял собой смешение литературного арабского языка с местными арабскими диалектами и включал долю османизмов. Кроме того, письма были написаны разными каллиграфическими почерками, которыми тогда пользовались на Ближнем Востоке. Так, в русское консульство в Бейруте в первой половине XIX века приходили письма, написанные шрифтами ат-Та'лик, ар-Рук'а, Сульс. При этом подпись

¹ Цит. по: Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань: Издательство Казанского университета, 1972. С. 49.

² Записка тайного советника К.К. Рудофиникина Г. Управляющему Учебным отделением восточных языков для Действ. Статского советника Аделунга от 6 мая 1830 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 107. Л. 27.

нередко оформлялась Дивани без диакритических знаков. Следовательно, научить разбирать и переводить такие тексты мог либо носитель языка, либо тот, кто долгое время служил на Востоке. С разговорной восточной речью у французских профессоров дела обстояли еще хуже. Известный арабист XIX века П. Савельев, который был их учеником в УОВЯ писал: «Большая часть Европейцев, изучавших этот язык (имеется в виду арабский – Е.С.) лишь в кабинете, произносят так, что ни один Араб не поймет их... например, г. Деманж произносил арабские гортанные буквы с парижским акцентом»¹. Это было следствием специфики обучения в европейских университетах, которое, согласно исследованиям Е.В. Воеводы, велось преимущественно в форме теоретических лекций, не предусматривавших выполнения практических упражнений. «Господствовавший в преподавании восточных языков грамматико-переводной метод не обеспечивал развития элементарных навыков устной речи и аудирования»². Именно поэтому Шармуа и Деманж едва ли были способны подготовить квалифицированных переводчиков. Несмотря на это, их ученики вполне успешно служили драгоманами на Востоке, в основном в Персии и Турции, за что французские профессора неоднократно были отмечены русским правительством³. Успехи выпускников УОВЯ в турецком и персидском языках были заслугой не только Шармуа, но и Мирзы Джа‘фара Топчибашева, который с 1825 г. вел в УОВЯ практические занятия по персидскому, а иногда и турецкому языкам. Он родился в Гяндже в 1790 году и вел свое происхождение от азербайджанских беков. Еще в детстве Топчибашев вместе с семьей переехал в Тифлис, где он обучался в местной медресе. Там он освоил арабский, турецкий и персидский языки, а кроме того неплохо выучил грузинский и армянский. Важную роль в его последующей научной и преподавательской карьере сыграло знакомство с русским языком в Грузии, которая тогда уже была частью Российской империи.

¹Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского XXII – XXIII/ Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса) Т. 1. СПб., 1858. С. XLII.

²Воевода Е.В. История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи. М.: Изд-во Московского государственного областного университета. 2010. С. 95.

³Аттестат, полученный Статским Советником Шармуа от 29 августа 1835 г. подписанный К.К. Рудофиникиным /АВПРИ. Ф. 153. Д. 107. Л. 64, Л. 72 – 74.

Именно знание русского языка помогло Топчибашеву стать переводчиком в персидском посольстве, отправлявшемся в Санкт-Петербург. Там талант молодого переводчика сразу заметили и предложили в 1819 г. преподавать персидский язык в С.-Петербургском университете. О высоком качестве преподавания Топчибашева свидетельствует тот факт, что в 1825 г. он был приглашен в УОВЯ в помощь Шармуа и Деманжу вести практические занятия по персидскому языку. За шесть лет работы в Университете Топчибашев превратился из простого лектора восточных языков в настоящего ученого, который владел разговорными восточными языками, прекрасно знал классическую персидскую литературу, а также русский язык. Согласно документам фонда УОВЯ, Топчибашев отработывал со своими студентами те же материалы, что и Шармуа. Однако при этом он старался приучить их «к чистоте выговора» и легкости изъяснения мыслей, показывая красоты аллегорий и метафор персидского языка. Он переводил оды Хафиза, «Гулистан» Са‘ади, упражнял в переводах известных русских писателей и поэтов: Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского и И.А. Крылова на персидский язык. Кроме того, Топчибашев знакомил студентов с официальными документами на персидском и турецком языках: приучал к дипломатическому слогу, переводил фирманы персидских шахов и османских султанов¹, что являлось весьма важным для будущих сотрудников дипломатических миссий. Помимо разговорной практики Топчибашев преподавал в УОВЯ арабскую, турецкую и персидскую каллиграфию², знание которых позволяло читать дипломатические документы из разных мусульманских стран.

Кроме Топчибашева, в УОВЯ преподавали лекторы турецкого языка, в основном греческого и армянского происхождения. Первые двадцать лет существования Учебного отделения практические занятия по турецкому языку вел грек Чорбаджи Оглу. Несмотря на то, что Чорбаджи был родом из Константинополя, по сообщениям современников, он говорил по-турецки неправильно с резким греческим акцентом. Его сменил Оханнес Алиди, преподававший в УОВЯ до 1849 г. Как и его предшественник он был из Константинополя однако имел армянское

¹ Программа занятий Топчибашева / АВПРИ. Ф. 153. Д. 102. Ч. 5 [Examens 1826 – 1844, Programme]. Л. 82.

² Там же. Л. 204.

происхождение. В отличие от Чорбаджи Оглу он в совершенстве владел теорией и практикой турецкого, но не знал ни одного европейского языка, поэтому не всегда мог объяснить учебный материал. Таким образом, педагогическая деятельность Чорбаджи Оглу и Оханесса Алиди не была столь результативной, сколь преподавание Мирзы Топчибашева.

Помимо восточных языков, в УОВЯ с 1825 г. преподавался французский язык, а также история и география Востока, которую читал Арберг, а затем Синнер. Кроме того, в программу Учебного отделения с 1835 г. была включена восточная нумизматика, которую преподавал переехавший из Харькова Дорн¹, он же вел историю Османской империи и историю арабской литературы. Общая теоретическая подготовка была, несомненно, важна для будущих сотрудников дипломатических миссий, особенно для тех, кто не имел востоковедного образования. Учебная программа отделения, включавшая три восточных языка, один, а позднее несколько европейских языков, а также ряд теоретических предметов была весьма сложной, так что окончить УОВЯ могли лишь наиболее способные и прилежные студенты. Из них к выпускному экзамену допускались лишь те, кто по трем восточным языкам набирал не менее 33 баллов при 12-бальной системе оценок. При этом по каждому языку нужно было набрать не менее 10 баллов². Воспитанники этой категории зачислялись на действительную службу.

Однако даже лучшие студенты за время обучения в УОВЯ не успевали в нужной мере освоить разговорные восточные языки. Об этом свидетельствуют жалобы русских дипломатов, которые не были довольны уровнем языковой подготовки выпускников, поступавших на службу в русские миссии. Если проблемы с турецким и арабским языками объяснялись отсутствием квалифицированных лекторов в УОВЯ, то с персидским дела обстояли иначе. Находясь при Тегеранской миссии, неопытные переводчики с трудом понимали язык придворных Каджарских правителей, которые были тюрками по происхождению и говорили на азербайджанском

¹ Список управляющих, преподавателей и студентов в УОВЯ /АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 39.

² АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97 [Проект организации Учебного отделения восточных языков]. Л. 6 – 10.

языке¹. В связи с этим выпускники Учебного отделения поступали на службу в дипломатические миссии в звании студентов с тем, чтобы на месте продолжить изучение восточных языков².

Следует отметить, что с появлением Учебного отделения процесс подготовки востоковедных кадров для внешнеполитического ведомства существенно улучшился. Теперь обучение восточным языкам происходило не только при русских дипломатических миссиях в Константинополе и Тегеране. Молодые люди сначала получали высшее нередко востоковедное образование в российских гимназиях и университетах, затем оканчивали полный курс УОВЯ и только после этого отправлялись на Восток, где продолжали изучать восточные языки под руководством местных ученых и переводчиков. Получив основательную теоретическую подготовку по части востоковедных наук в самой России, начинающим переводчикам было значительно легче усовершенствовать навыки разговорной речи, адаптироваться к местным условиям, а кроме того, установить контакты с местным населением. Пребывая на Востоке, они вникали в политические и социальные процессы, происходившие в регионе, знакомились с культурой, обычаями и нравами восточных народов. Возможность дальнейшего обучения на Востоке с зачислением на дипломатическую службу было важным преимуществом УОВЯ в сравнении с другими российскими учебными заведениями, где изучались восточные языки.

Отправляясь на службу в Персию или Османскую империю, выпускники УОВЯ со временем должны были стать консулами в русских дипломатических представительствах, однако не всегда поднимались выше должностей драгоманов и секретарей. При этом в первые двадцать лет существования УОВЯ его выпускники гораздо чаще становились переводчиками и консулами в Турции и Персии, чем в арабских странах. Причиной тому, как отмечалось выше, было отсутствие у студентов УОВЯ соответствующей разговорной практики, что не позволяло им

¹ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101 [Учебное отделение восточных языков. Учреждение отделения, регламенты, записки, проекты и т.п.]. 1823 – 1916. Л. 134.

² Записка «Об учебном отделении Восточных языков», составленная М. Гамазовым 6 января 1886 г. / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101. Л. 26.

освоить хотя бы один арабский диалект. Кроме того, для работы на Ближнем Востоке необходимо было знать не только восточные, но и европейские языки, употребляемые в регионе: французский, итальянский и новогреческий. Если французский язык преподавался в УОВЯ почти с самого начала, то итальянский и новогреческий были введены в учебную программу значительно позже, последний только в середине столетия. В условиях тесных контактов России с ближневосточными патриархатами и греческим духовенством, поддержка которых была важной задачей царского правительства, российским дипломатам и переводчикам, служившим на Ближнем Востоке, важно было знать не только арабский, но и греческий языки. Поскольку в России таких специалистов не готовили, драгоманами при русских консульствах часто служили ближневосточные христиане, среди которых были греки и арабы.

Несмотря на то, что студенты УОВЯ не успевали хорошо освоить арабский язык в стенах учебного заведения, они, пусть и не всегда, но могли компенсировать недостаток своих знаний на Востоке. Как правило, российские драгомены не служили долго в одном месте. Их назначали в различные провинции Османской империи и в Персию, так что они могли получить солидную практику в восточных и западных языках, а также увидеть различные страны Ближнего и Среднего Востока, что способствовало их профессиональному становлению. В российских верхах отмечали, что по прошествии немногих лет на Востоке появилась целая плеяда русских драгоманов и консулов, заслуги которых были высоко оценены Министерством иностранных дел. Многие из бывших студентов Учебного отделения достигали значительного положения по службе и были даже высшими представителями на дипломатическом поприще¹.

Тем не менее подготовленных УОВЯ специалистов было недостаточно, чтобы ликвидировать дефицит переводчиков в русских дипломатических

¹ Список «Обучавшихся в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД с 1823 г.» /АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 43 – 58 ; Д. 147. [О чиновниках, окончивших Учебное отделение восточных языков].

представительствах. Ежегодно в Учебное отделение поступало не больше 6 человек. Из них далеко не все получали высшие балы на выпускных экзаменах, что было необходимо для зачисления на дипломатическую службу. Вследствие этого переводчиками могли стать лишь несколько студентов от ежегодного выпуска.

Как известно, УОВЯ готовило востоковедные кадры в основном для внешне-политического ведомства. Однако нужду в переводчиках с восточных языков испытывал не только МИД, но и МВД, а кроме того, региональные власти на юге и юго-востоке Российской империи. В связи с этим в первые десятилетия XIX века были открыты еще несколько учебных заведений, в задачи которых входила подготовка востоковедов-практиков. Среди них был Лазаревский институт восточных языков, ставший главным востоковедным центром Москвы после ухода Болдырева из Университета.

Лазаревский институт был основан в 1815 г. представителями армянского аристократического рода Иваном и Иакимом Лазаревыми и представлял собой частное учебное заведение, ориентированное на подготовку учителей и церковно-служителей из армянских юношей. Возникновение подобного училища в Москве не было случайным, поскольку этот город имел давние исторические связи с Востоком. Кроме того, там существовала крупная армянская диаспора, что определило специфику этого учреждения. Первые десятилетия Лазаревскому институту, как частному заведению, было трудно существовать. Однако после присоединения Восточной Армении к России по Туркманчайскому мирному договору¹ российское правительство обратило внимание на это учебное заведение. С одной стороны, это было связано с желанием приспособить институт к нуждам восточной политики, с другой – необходимостью укрепления взаимоотношений с Закавказьем. В это время появился проект устава под названием «Армянская Лазарева академия высших наук и восточных языков», согласно которому помимо западных языков, русского и армянского, в нем должны были изучаться персидский турецкий и арабский языки. Расширение профиля института в соответствии с нуждами российской

¹ Туркманчайский мирный договор был заключен в 1828 г.

политики должно было обеспечить лояльное отношение властей к учебному заведению. При этом планировалось подготовить переводчиков для Кавказского региона, где присутствовали представители различных восточных народов, говоривших на основных языках мусульманского мира.

Первыми преподавателями восточных языков в Лазаревском институте были армяне. В основном те из них, кто ранее жил в Османской империи и Персии и имел возможность выучить местные языки. По словам А.П. Базиянца, армянские преподаватели знали восточные языки настолько, что могли составлять учебные пособия и выступать в роли квалифицированных переводчиков¹. В отличие от преподавательского состава Учебного отделения, где преобладали востоковеды-теоретики, в Лазаревском институте восточным языкам обучали востоковеды-практики. Среди них был архиепископ Михаил Салатян, который знал турецкий, арабский, персидский и армянский языки. Вместе с тем он был хорошо эрудированным человеком своего времени, обучался в Европе и Азии, много путешествовал по Востоку. Несмотря на то, что большинство преподавателей Лазаревского института не имели специального востоковедного образования, они обладали хорошим запасом практических сведений о восточных странах и, что самое важное, могли обучить разговорной восточной речи, необходимой переводчикам. Среди преподавателей ЛИВЯ особого внимания заслуживает А.А. Шахумов, который читал курс турецкого и арабского языков во второй четверти XIX века. Будучи уроженцем Измира, он получил свое первоначальное образование в Смирне, где изучал армянский, турецкий, французский и новогреческий языки. Затем для усовершенствования себя в турецком и арабском языках Шахумов отправился в Египет. Там он поступил в учебное заведение Мухаммада 'Али, где изучал турецкий и арабский языки 4 года после чего получил полный аттестат². Во время турецко-египетского конфликта он переехал в Триест, а затем отправился в Россию. Выдержав в Петербургском университете экзамен на звание старшего учителя турецкого и татарского языков,

¹ Базиянец А.П. Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М.: Наука, 1973. С.30.

² Там же. С. 36.

Шахумов стал преподавателем в Лазаревском институте. Следует отметить, что в то время в России было немного преподавателей восточных языков, которые закончили учебные заведения на Востоке, а затем подтвердили свою квалификацию в российском университете.

В первые десятилетия существования Лазаревского института преподаватели-армяне обучали сразу нескольким восточным языкам, которые не все знали одинаково хорошо. Но уже в 30-е годы руководство института старалось найти для каждого восточного языка отдельного преподавателя. Среди языков мусульманского Востока особое место отводилось арабскому, который рассматривался как основа для дальнейшего изучения турецкого и персидского. Согласно постановлению института (от 1830 года), студенты сначала изучали арабский язык, через два года приступали к персидскому, а еще через год к турецкому. При этом основное внимание уделялось практике, теория и страноведческий аспект были второстепенны. Несмотря на это, вплоть до 1848 г. языки мусульманского Востока в Лазаревском институте изучали лишь единицы. Армяне, которые поступали в Институт не только из России, но и Персии и даже Индии должны были изучать прежде всего родной язык. Арабский, персидский и турецкий языки преподавались по назначению начальства института в зависимости от способностей каждого¹. Русские чаще всего проходили общий гимназический курс. В связи с этим выпуск специалистов со знанием языков зарубежного Востока был совсем небольшой. После окончания курса² студенты, находившиеся на иждивении основателей института, обязаны были проработать не менее 6 лет в армянских школах России, так как подготовка учителей являлась одним из профилей данного учебного заведения. Лазаревский институт направлял своих выпускников в армянские школы Астрахани, Тифлиса, Новой Нахичевани. «С просьбой прислать учителей обращались в Институт даже из Персии и Египта»³. Другой обязанностью Института была подготовка чиновников для Закавказского края (в основном из кавказских народов), основательно

¹ Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / Под. Ред. Академика РАН А.В. Торкунова. М., 2014. С. 76.

² По правительственному уложению 1838 г.

³ Базиянц А.П. Лазаревский институт восточных языков... С. 42.

знающих местные языки, а кроме того, переводчиков, хорошо знакомых со всеми употребляемыми в Закавказье языками, включая арабский, турецкий и персидский.

Подготовка востоковедов-практиков в Лазаревском институте была сопряжена с рядом трудностей. Поскольку в 30-е годы статус Института был повышен и его причислили ко второму разряду учебных заведений наравне с гимназиями, он должен был готовить воспитанников к поступлению в Московский университет. Однако в Университете после ухода Болдырева преподавание восточных языков прекратилось, и выпускники Лазаревского института могли утратить полученные знания. Конечно, помимо Московского университета, они могли поступить в Учебное отделение МИД, однако такой путь подготовки специалистов к службе на Востоке был весьма долгим. Решению этой проблемы способствовал новый устав Института, принятый в 1848 г., согласно которому выпускники Лазаревского института могли поступать сразу на службу, а не только в Университет. В это время в Лазаревском институте изучались три основных языка Закавказья и три зарубежных восточных языка, что позволяло его выпускникам поступить на службу на Кавказе, в Османскую империю и Персию. Министр иностранных дел А. М. Горчаков, посетивший Институт в 1859 г., выразил свое удовлетворение постановкой преподавания, отметив, что некоторые из воспитанников поступали в МИД, и министерство было чрезвычайно довольно их подготовкой¹. Так, известно, что выпускниками Лазаревского института были консулы в Дамаске В. Ионин и А.П. Беляев. Там же начинал обучение Б.Н. Шаховской². Лазаревский институт окончил Н. Илларионов, ставший впоследствии консулом в Иерусалиме³.

В 20-е годы проблема отсутствия переводчиков в России заботила не только центральные, но и местные власти тех регионов, где были развиты связи с Востоком, в частности Северного Причерноморья. Об этом свидетельствует проект учреждения училища восточных языков, представленный в 1826 г. на рассмотрение

¹ Там же. С. 54.

² См. Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М... С. 78.

³ Список обучавшихся в Учебном отделении Восточных языков при Азиатском департаменте МИД с 1823 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668 Д. 97 [Проект организации Учебного отделения восточных языков]. Л. 50.

К. В. Нессельроде¹. Известно, что министр иностранных дел весьма заботился «об учреждениях, облегчающих сношения с Азиатскими народами»². Согласно проекту, училище предполагалось открыть в Одессе, представлявшей собой «средоточие полуденного края России, где восточные языки наиболее употребительны по соседству с Турцией и по населению Крыма и Бессарабии»³. Необходимость данного училища аргументировалась следующим образом: «По сие время, за неимением Русских переводчиков должно было и в том и другом случае употреблять иностранцев, на верность и преданность коих не всегда можно полагаться. Заметив сие неудобство, Правительство уже учредило Училище восточных языков в Петербурге, но сие заведение при всей ожидаемой от него пользе недостаточно для доставления переводчиков во всех тех местах России, где со дня на день нужда в оных становится ощутительнее»⁴. Предполагалось, что в одесском училище будут преподаваться арабский, персидский и турецкий языки. В качестве преподавателей восточных языков планировалось избрать двух профессоров и адъюнкта, который должен был иметь восточное происхождение, или опыт длительного проживания на Востоке. В ведении адъюнкта находилась разговорная практика, в ведении профессоров – обучение грамматике. Главным предметом обучения студентов должны были стать переводы с турецкого и на турецкий язык⁵. Курс обучения в училище, согласно плану, составлял три года. При этом каждый год туда должно было приниматься 6 студентов. Этот проект во многом повторял план учреждения УОВЯ с той только разницей, что приоритет отдавался изучению турецкого языка. Также как и в Учебное отделение в одесское училище предполагалось принимать только русских студентов православного вероисповедания. При этом не была учтена национальная специфика Одессы, где находились целые диаспоры восточных народов: евреев, греков, армян и даже арабов, а кроме того постоянно проживали европейцы, которые желали обучаться восточным языкам.

¹ Проект, вероятно, был составлен А. Ф. Ланжероном, бывшим генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии.

² АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 292 [Об учреждении в Одессе училища восточных языков]. Л. 4.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Там же. Л. 3 – 3 об.

Между тем организация училища столкнулась с большими трудностями, в связи с чем было решено не создавать новое учебное заведение, а добавить восточное направление в Ришельевский лицей. Он образовался в 1818 г. на базе Одесской коммерческой гимназии, а также пансиона Ришелье, который затем был превращен в благородный институт и Ришельевский лицей¹. От идеи моноэтнического состава учащихся пришлось отказаться, т. к. она не соответствовала одесским реалиям. В отличие от УОВЯ и Лазаревского института, созданного изначально для обучения армянского юношества, в Ришельевском лицее получали образование представители различных народов и конфессий: сербы, греки, французы, итальянцы, евреи, а также представители мусульманских народов. В связи с этим важная роль отводилась преподаванию русского языка. Из иностранных языков первостепенное внимание уделялось итальянскому и греческому, учитывая расположение Одессы и ее роль в торговле со Средиземноморьем, преподавались также немецкий и латынь². Позднее в учебную программу предполагалось ввести английский, французский и турецкий языки. В действительности преподавание восточных языков (турецкого, арабского и персидского) было введено в программу Ришельевского лицея уставом 1837 г., согласно которому лицей был приравнен к Высшим учебным заведениям. Помимо других факультетов, в его состав вошел и Институт восточных языков, который просуществовал до 1854 г. Учебная программа ИВЯ Ришельевского лицея кроме восточных языков предусматривала преподавание некоторых теоретических предметов, таких как история, география, а также история коммерции Востока, включая Арабский Восток и Восточное Средиземноморье. При ИВЯ была создана библиотека, куда вошли издания по истории арабских стран, а также пособия и словари по арабскому языку. В частности, «Арабская грамматика» и «Хрестоматия» А.В. Болдырева, «История арабов», латино-арабский словарь и др.³ Тем не менее библиотека не была богата востоковедными изданиями. Среди преподавателей

¹ Ленц Н. Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей 1804 – 1817. Одесса, 1903. С. 6.

² См. Учебный план Благородного института в Одессе в 1814 г. / Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. Ришельевский лицей. Иваново, 1993. С. 57.

³ См. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 115 – 116.

восточных языков были А. Шутов, Г. Кузьмин, Г. Кнорре. Несмотря на то, что в лицее основное внимание уделялось преподаванию турецкого языка, это учебное отделение сыграло определенную роль в подготовке специалистов по Арабскому Востоку. Известно, что выпускниками Ришельевского лицея еще до открытия там Института восточных языков были К. М. Базили и А.А. Рафалович, труды которых заняли достойное место в истории русского востоковедения. Тот же лицей позднее окончил генеральный консул в Бейруте, выходец с Балкан, К.Д. Петкович¹.

Помимо Одессы, в переводчиках с восточных языков нуждались российские регионы с мусульманским населением. По замечанию П. Сартори и П. Шаблей изучение местных языков являлось важной составляющей колониального управления. В 1825 г. в Оренбурге было открыто Неплюевское военное училище, в задачи которого входила подготовка переводчиков, чиновников и военных кадров, происшедших из народов Оренбургского края². Получив образование, местные жители, должны были участвовать в решении административных и политических задач в регионе.

В 20-е годы нехватка переводчиков с восточных языков ощущалась также в Казани. Об этом свидетельствует отношение попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина к директору Азиатского департамента К.К. Рудофиникину. Мусин-Пушкин отмечал, что «между подданными России состоит великое число Татар и... род Киргизов, и что сверх того Закавказские области населены во множестве мусульманами, следственно по разным частям управления в тех краях нужны люди, знающие языки тамошних жителей»³. В связи с этим он предлагал открыть в Казани училище, которое будет заниматься подготовкой переводчиков с восточных языков. Из Казанской гимназии и Университета планировалось пригласить преподавателей. Кроме того, особое внимание

¹ См. Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции... С. 78.

² Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение. 2019. С. 45.

³ Отношение К.В. Нессельроде А.Ф. Закревскому от 12 февраля 1829 г. /АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 113. [Об учреждении в Казани училища восточных языков и о предоставлении молодым людям, окончившим здесь курс учения средств с продолжением государственной службы]. 1829. Л. 2 об.

предполагалось уделить языковой практике студентов, которую они легко могли получить в Казани, учитывая ее тесные торговые связи с различными восточными народами¹. По сути Казанское училище должно было отличаться от гимназии и университета только целями, которые заключались в подготовке переводчиков.

Между тем успех подготовки востоковедов-практиков зависел не только от наличия специализированных учебных заведений и качества преподавания, но и дальнейшего их трудоустройства, которое, несмотря на повсеместный дефицит востоковедных кадров, оказывалось проблематичным. В письме к К.В. Нессельроде Мусин-Пушкин отмечал, что возможность дальнейшего поступления на службу, соответствующую востоковедному образованию, могло бы стимулировать студентов тщательно изучать восточные языки. Со своей стороны, Министерство иностранных дел выразило готовность оказать всяческое содействие для решения этой проблемы. Нессельроде даже собирался доложить императору о тех выгодах, которые «неминуемо произойдут от принятия на службу по Азиатской границе... студентов, основательно знающих восточные языки...»². Вместе с тем он отправил письма одинакового содержания министру внутренних дел А.А. Закревскому, министру Финансов Е.Ф. Канкрину и Оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену, в которых указывал на необходимость иметь на службе переводчиков с восточных языков в российских регионах, граничащих с азиатскими странами. Более того, Нессельроде отметил, что таким специалистам следовало «предоставить, преимущественно перед прочими, должности по разным частям пограничных управлений со стороны Азии в Западной Сибири в Оренбургском (крае) и Российских областях по его и другую сторону Кавказа, постановив, чтобы сначала они были принимаемы туда переводчиками восточных языков, с последующей возможностью произвести их в высшие чины, чтобы в дальнейшем им (в соответствии с их заслугами) можно было вверить обязанности начальников пограничных ведомств, чтобы они обладали приоритетом в назначении на эти должности по сравнению с

¹ Письмо А.И. Мусина-Пушкина к К.К. Рудофиникину /АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 113. 1829. Л. 1.

² АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 113. [Об учреждении в Казани училища восточных языков и о предоставлении молодым людям, окончившим здесь курс учения средств с продолжением государственной службы]. 1829. Л. 8.

другими чиновниками, не знающими восточные языки»¹. В свою очередь МИД обещался назначать их на службу в Персию, Левант и прочие восточные страны. Ответы от других министров и представителей региональных властей последовали весьма быстро. Так, министр финансов в ответном письме (от 27 марта 1829 г.) полностью поддержал предложение Нессельроде, отметив, что для начала выпускников востоковедных учреждений можно назначать переводчиками и толмачами в таможнях: Оренбургской, Троицкой, по Сибирской, Кавказской линиям на границе с Персией, в Закавказском крае и в Астрахани. Кроме того, «уместно взять их на службу в Казенные палаты сопредельных с Азиатским краем Губерний»². Министр внутренних дел сообщал, что специалисты со знанием восточных языков могут быть приняты в карантинные ведомства и конторы в восточных пограничных областях с последующим служебным ростом до директоров карантинных домов, а также инспекторов карантинных³. Вместе с тем их могли взять на службу в штат главноуправляющего в Грузии, Астраханской губернии, области Кавказской и т.д., а также в полицейские части в губерниях Казанской, Симбирской и других⁴. Министр внутренних дел также получил отзывы от графа Паскевича Эриванского, графа Воронцова, генерал-губернатора Западной Сибири, от Казанского, Симбирского гражданских губернаторов, которые указывали на то, что в квалифицированных востоковедах нуждаются присутственные места мусульманских провинций, их начальники, экспедиции верховного грузинского правительства, канцелярии главного закавказского начальства, Армянское областное правление, окружные начальники, главные приставы, таможни и карантинные⁵. Граф Воронцов заявлял о пользе службы в Крыму и Бессарабии переводчиков с турецкого языка. Переводчик с татарского был бы полезен начальнику мелитопольских нагайцев. В переводчиках с турецкого языка нуждались в карантинах Керчи, Феодосии, Евпатории, в местных

¹ Отношение К.В. Нессельроде А.Ф. Закревскому от 12 февраля 1829 г./АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 113. 1829. Л. 3.

² Отношение Е.Ф. Канкрин К. В. Нессельроде от 26 марта 1829 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 113. 1829. Л. 5.

³ Отношение А.Ф. Закревского К.В. Нессельроде от 9 апреля 1829 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 113. 1829. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 12 – 13.

таможнях, а также мусульманском духовном правлении в Крыму. Таврическая гражданская и уголовная палаты также часто нуждались в переводчиках. Вместе с тем граф Воронцов отмечал, что должности переводчиков на этих местах очень низкооплачиваемы, поэтому рекомендовал выплачивать им дополнительные жалования. С ним соглашался и казанский гражданский губернатор. Между тем переводчиками в российских восточных областях в это время по-прежнему выступали представители местных народов.

Из вышеизложенного следует, что специалистов, которых выпускали русские заведения, ориентированные на подготовку востоковедов-практиков, было недостаточно, чтобы обеспечить нужды внешне-и внутривосточных ведомств, а также наладить коммуникацию с восточными народами. Процесс подготовки востоковедов был очень длительным, кроме того, его теоретический аспект плохо коррелировал с практическим. Между преподаванием европейских кабинетных ученых и восточных учителей нередко существовала пропасть методологического характера. (Исключение, в первой четверти XIX века составлял преподавательский тандем Шармуа и Топчибашева). Учебные заведения, которые готовили востоковедов-практиков (УОВЯ и Лазаревский институт) не могли за несколько лет выучить квалифицированных переводчиков в условиях недостатка серьезной теоретической востоковедной базы, которую должны были дать восточные факультеты российских университетов. При том, что в Учебное отделение нередко поступали студенты из вузов, в которых восточные языки не преподавались. Выпускники же Лазаревского института необязательно поступали в Учебное отделение, где могли бы продолжить востоковедную подготовку, вследствие этого не так часто поступали на службу в Персию и Османскую империю. По сравнению с турецким и персидским языками арабский преподавался в востоковедных заведениях России весьма слабо. С одной стороны, это объяснялось отсутствием в российских учебных заведениях лекторов-арабов и востоковедов, бывавших на Ближнем Востоке, с другой – меньшей значимостью арабского языка по сравнению с турецким и персидским для нужд российской внешней политики. Вследствие этого до конца 20-х г.

российским востоковедным вузам не удалось подготовить арабистов, которые бы хорошо знали Ближний Восток и могли свободно общаться с арабами.

О. И. Сенковский и А.К. Казем-Бек: новая методика преподавания

Во второй половине 20-х годов происходят качественные изменения в университетском востоковедении, что связано с педагогической и научной деятельностью О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека. Они представляли собой новый тип российских ученых-востоковедов и преподавателей, непосредственно знакомых с Востоком, что позволило им не только внести большой вклад в развитие отечественной науки и образования, но и содействовать возникновению русско-арабских научных связей.

Осип Иванович Сенковский родился в 1800 г. в Вильнюсском уезде Российской империи и был поляком по происхождению. Получив прекрасное домашнее образование, он поступил в Минский коллегиум, а затем Виленский университет, где обучался сразу на нескольких факультетах. Тогда же Сенковский увлекся арабским и турецким языками, которые изучал частным образом, ввиду отсутствия в Виленском университете кафедр восточных языков. Желание продолжить востоковедное образование заставило Сенковского задуматься о путешествии на Ближний Восток. Поскольку научные командировки в восточные страны Виленским университетом не практиковались, организация и финансирование этого предприятия ложилась целиком на плечи Сенковского. Существенную помощь в сборе средств на путешествие молодому востоковеду оказали виленские ученые и литераторы, которые высоко оценили дарование Сенковского после опубликованного им перевода басен Лукмана¹. Таким образом, не дождавшись окончания Университета, Сенковский в 19 лет отправился на Восток. По прибытии в Константинополь он посетил главу российской миссии барона Г.А. Строгонова, который предложил ему поступить на дипломатическую службу. Благодаря ходатайству Г.А. Строгонова, Сенковский был зачислен на службу в Константинопольскую миссию в 1820 г., что

¹ См. Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского / Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса) Т. 1. СПб. 1858. С. XXII – XXIII.

обеспечило ему необходимую протекцию во время путешествия по Османской империи. Кроме того, по распоряжению Комитета министров «за успехи в науках» он получил «шестьсот рублей серебром из сумм Виленского университета, от которого ничего не получил при отправлении в путешествие»¹.

После недолгого пребывания в Константинополе Сенковский отправился в Сирию, где собирался основательно изучить арабский язык. Там он остановился в одном из маронитских монастырей в 'Айн-Туре, где преподавал «ученейший из маронитов, считавшийся первым знатоком арабского и сирийского языков, восьмидесятилетний Антон Арыда...»². Он был профессором восточных языков в Вене и автором нескольких сочинений об арабском языке. После возвращения на родину 'Арида стал ректором 'Айн-Турской семинарии. В это время вместе с Сенковским там обучалось четыре араба, впоследствии к ним присоединился еще один европейский ученик – пастор посольства Швеции в Константинополе Яков Бергрэн. Под руководством 'Ариды Сенковский старательно изучал арабский язык и восточные рукописи. Это был редкий случай, когда между восточным учителем и российским студентом не существовало языкового барьера, что было возможно при широком образовании обоих. С 'Аридой Сенковский (по крайней мере в начале своего обучения) мог общаться на немецком языке, который он освоил в учебных заведениях Вильнюсского округа. 'Арида выучил немецкий, пребывая в Вене. Доверительному общению между арабским ученым и Сенковским способствовали связи обоих с католическим миром. Помимо занятий с арабским наставником, Сенковский постоянно общался с другими учениками семинарии, а также местными жителями, что позволило ему усовершенствоваться не только литературный, но и разговорный арабский язык. Обучение Сенковского в семинарии продлилось лишь семь месяцев и было прервано смертью 'Ариды. Тем не менее столь малый срок не помешал Сенковскому овладеть арабским языком в совершенстве. Про свои успехи он писал: «Я считал себя почти равным Аристотелю, когда Аравитяне, которые к своему языку проникнуты настоящим обожанием любовников, и новые каламбуры,

¹ Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского... С. XXVI.

² Там же. С. XXVII

быть может весьма основательно, ценят также высоко, как мы новые мысли, называли меня фейлусуф, философом, за то, что я хорошо произносил их гортанные буквы, или спорили со мною, что я не Франк, а должен быть ибн-эль-Араб¹, арабский сын. Мне удалось состряпать десяток дурных арабских стихов, которые имели большой успех в околотке, и слава моя распространилась на несколько смежных гор. Шейхи Маронитов и Друзов часто заезжали ко мне выкурить трубку джеббли с любопытным Франком, который «знает толк» и осведомиться о политических новостях Европы...»².

После смерти 'Ариды Сенковский в 'Айн-туре не остался, как впрочем и в Ливане, вероятно, из-за отсутствия там в это время другого столь одаренного педагога и ученого. Из Сирии он отправился в Египет, где собирался изучить местный диалект. В Александрии и в Каире он провел около трех месяцев (с ноября 1820 по февраль 1821), после чего отправился вверх по Нилу, осмотрел пирамиды, посетил Нубию и Верхнюю Эфиопию. «В чалме и восточной одежде, изъясняясь по-арабски на чистом сирийском диалекте, хаваджа Юсуф – так называли Сенковского на Востоке – мог безопасно делать наблюдения над нравами и бытом жителей Нильской долины, тогда как в разных областях Турции мусульманский фанатизм воздвигал жестокие гонения на христиан»³. В этом смысле Сенковский следовал примеру других европейских ученых, которые, путешествуя по Востоку или проживая там длительное время, уподоблялись местным жителям. Так поступал известный английский арабист-самоучка Э. Лэйн. Находясь в Каире, он старался перенять язык, обычаи и одежду египтян. Более того, чтобы добиться наибольшего успеха в изучении арабской литературы, он решил почти всецело себя связать с мусульманским населением страны⁴. Это позволило ему основательно изучить не только арабский язык, но и обычаи и нравы египтян, которые он впоследствии описал в своем труде. Выдавая себя за араба, совершил паломничество в Мекку Дж. Л. Буркхардт. Во время путешествия в Тадмор Буркхардт читал своим арабским спутникам какой-

¹ Ибн ал-'араб.

² Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского... С. XXX – XXXI.

³ Там же. С. XXXI.

⁴ Lane, Edward William. Manners and customs of the modern Egyptians. London 1860/ Author's preface. P. XV.

либо пассаж из истории ‘Антары, отмечая, что никогда не встречал среди них того, кто читал бы по-арабски лучше, чем он¹. Подобная методика изучения Востока путем полного погружения в языковую и культурную среду была очень эффективной, но весьма рискованной. Впрочем, в то время среди европейцев, приезжавших на Ближний Восток, было немало авантюристов.

В связи с обострением греческого вопроса в 1821 г. существенно осложнились отношения России с Османской империей, вследствие чего Сенковскому пришлось вернуться в Петербург. Однако в Россию он вернулся не один, а вместе с мальтийским арабом Насером (Насиром), или Игнатием Портелли², который сопровождал его из Египта. В Петербурге он остался во служении у Сенковского, который продолжал с ним упражняться «в стихах и в устной беседе»³, тем самым поддерживая уровень арабского языка.

Говоря о роли, которую сыграло путешествие Сенковского в его профессиональном становлении, П. Савельев отмечал, что за два года пребывания на Востоке он «приобрел редкие в Европе сведения в арабском и турецком языках, на которых говорил и писал – и писал каллиграфически-щеголевато – прозой и стихами, как на своем природном; выучился персидскому и сирскому, новогреческому и итальянскому; изучил мусульманский Восток, в его рукописях и живом быте – его религию, законы, литературу, предания, суеверия нравы и обычаи. Он приобрел все, что только можно приобрести знаний на Востоке, чтоб быть первостепенным ориенталистом»⁴.

После возвращения Сенковского в Петербург в 1822 г. ему было предложено занять в университете кафедры арабской и турецкой словесности, освободившиеся после увольнения Шармуа и Деманжа, причем сразу в звании ординарного профессора, несмотря на то, что ему был 21 год. С появлением Сенковского в университете существенно изменился методический подход к преподаванию восточных языков, что имело огромное значение для подготовки арабистов. В отличие от своих

¹ Burckhardt John Lewis. Bedouins and wahabys collected during his travels in the east. London 1830. P. 42.

² Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского... С. XXXII.

³ Там же. С. XLVII.

⁴ Там же. С. XXXII – XXXIII.

предшественников Шармуа и Деманжа Сенковский долгое время обучался на Востоке, что позволило ему приобрести фундаментальные знания в арабской грамматике и синтаксисе, прекрасно освоить некоторые арабские диалекты, а кроме того использовать восточные методы обучения в своей педагогической практике. Такая синтетическая методика преподавания, основанная на дидактических материалах Востока и Запада, давала прекрасные результаты и несомненно являлась уникальной в России. Преподавая арабский язык на первом курсе, Сенковский не только читал и переводил суры Корана, «Калилу и Димну», занимался со студентами по грамматике де Саси, как это делал Деманж, но объяснял грамматику арабского языка по системе своего арабского учителя 'Ариды. Впоследствии арабский язык на первом курсе стал преподавать ученик Сенковского М.Г. Волков. Отмечая уникальный характер методики преподавания Сенковского, его ученик, историк В.В. Григорьев, писал: «План которому действовал он в своих лекциях Арабского языка – едва ли не самый лучший, какой только можно придумать. Студентов, поступавших во второй курс, после того как адъюнкт Волков ознакомил их в первом с Арабскою грамматикою по Европейским руководствам, и освоил несколько с самым языком через перевод басен Локмана, нескольких глав Корана, и некоторых исторических отрывков – сажал тотчас Сенковский за перевод какой-нибудь грамматики Арабской на Арабском же языке (Альфийэ или Ибн Ферхата¹), с тем, чтобы познакомить их со взглядом самих Арабов на строй своего языка и техническими терминами их этимологии и синтаксиса; затем приступали к чтению «Му'аллак» с комментарием Зеузени (Заузани – Е.С.) или «Хаммасы» с комментариями Тебризи (Табризи – Е.С.), причем, благодаря личному знакомству профессора с природою страны и особенностями быта кочевых Арабов, эти древние памятники бедуинской поэзии, столь темные для кабинетных арабистов Европы, восставали для слушателей его во всей их свежести и яркости. В третьем курсе работали студенты над Макамами Харири, с комментарием по изданию де-Саси: это, труднейшее по языку,

¹ Ибн Малик. Алфиййа; Ибн Фархат.

произведение... объяснял Сенковский, перефразируя его по-Арабски же»¹. На арабском Сенковский объяснял и историю Тамерлана 'Араб шаха. Другой ученик Сенковского П. Савельев, писал что его лекции «не ограничивались языком и литературой, а были живою энциклопедией науки о Востоке: по поводу слов, он объяснял понятия и идеи, вводил слушателя в местный быт, знакомил с историей и топографией, выходил нередко из пределов Востока, чтобы показать параллельные явления в Греции, Риме, или Европе, разбирал критически европейские сочинения о Востоке и указывал путь к самостоятельным изысканиям... Таким образом, слушатель выносил из его лекций массу разнородных и живых знаний о Востоке, которые возбуждали и питали его любознательность и заставляли пополнить запас своих сведений чтением лучших авторов».² Помимо лекций по восточным языкам, Сенковский читал очерк литературы мусульманских народов и географии Азии³.

Важной особенностью методики преподавания Сенковского в сравнении с европейскими востоковедами было то, что он обращал внимание на правильность произношения, а также необходимость изучения различных восточных почерков. (Выше отмечалось, что восточную каллиграфию в учебных заведениях Петербурга преподавал Топчибашев, который обучился ей на Востоке). Кроме того, Сенковский на собственном опыте осознал ценность научных командировок для подготовки ученых-востоковедов. Именно поэтому он рекомендовал на вакантное место в Пекинской миссии своего лучшего студента П.П. Курляндцева, который весьма преуспел в языках Ближнего Востока. Сенковский был первым отечественным востоковедом, кто предложил составлять учебный и научный план для выпускников, отправлявшихся для дальнейшего изучения языков в восточные страны. Он отмечал, что прежде молодые люди, отправлявшиеся в Пекин, не получали ученую инструкцию «для руководства их в занятиях по части филологии и наблюдения тамошнего края». Впрочем, по его словам, возможно они не были способны

¹ Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. С.-Петербург.: Типография В. Безобразова и комп., 1870. С. 74 – 75.

² Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского... С. XLII – XLIII.

³ См. Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет... С. 52.

«действовать по ученой инструкции»¹. (Вероятно, Сенковский имел в виду отсутствие у них востоковедного образования). На эту проблему указывали другие ориенталисты и чиновники, отмечавшие, что выпускники отечественных вузов, отправляемые на Восток, в совершенстве овладевают местными наречиями, однако остаются чужды европейской учености и не в состоянии писать обстоятельные востоковедные труды на русском языке². Несмотря на то, что Сенковский подчеркивал разницу между учеными-востоковедами и практиками, он несомненно осознавал прикладные задачи востоковедной науки. Об этом свидетельствует изданный им русско-турецкий разговорник, который принес русским немалую пользу в Османской империи, облегчив общение с местными жителями. Большую роль в подготовке отечественных арабистов мог сыграть арабско-русский словарь, который Сенковский начал составлять вместе с Я. Бергреном. Однако после того, как Академия наук отпечатала 19 листов, издание прекратилось из-за отсутствия средств. Позднее оно было продолжено уже в Швеции, судя по всему самим Бергреном, и напечатано в Упсале не ранее 1844 г. Несмотря на то, что курс Сенковского в университете посещало немного слушателей, ему удалось подготовить несколько видных востоковедов (ученых и дипломатов). Среди них были М. Волков, А. Гусев, А. Мухлинский, И. Ботьянов, П. Савельев, Н. Мухин, которые сыграли значительную роль в истории российской науки, а также налаживании русско-арабских культурных связей. В тридцатые годы Сенковский фактически отошел от преподавания, посвятив все свое время журналистике, а также литературе, которая благодаря его произведениям обогатилась арабскими темами и образами.

Другой знаковой фигурой в истории отечественного востоковедения был Александр Касимович Казем-Бек, который начал преподавательскую деятельность практически одновременно с Сенковским, но не в Петербургском, а в Казанском университете. Отмечая их заслуги перед российской наукой, Н.И. Веселовский писал: не иностранцы привили в России изучение Востока, и если изучение это

¹ Цит. по: Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского... С. XLV.

² О необходимости учреждения при С. Петербургском университете Отделения восточных языков и словесностей / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 118. 1832. Л.2 – Л.11.

пустило глубокие корни, то тем обязаны мы, прежде всего, Сенковскому в Петербурге и Казем-Беку в Казани, которые дали целый ряд знаменитых востоковедов из своих учеников¹.

Несмотря на то, что Казем-Бек был широко известным в Европе востоковедом, членом различных Азиатских обществ его путь в науку, как и его образование, были совершенно иными по сравнению с европейскими учеными того времени.

Подобно Мирзе Топчибашеву Казем-Бек имел азербайджанское происхождение и был родом из персидского города Решт. Детство и юность Мухаммада ‘Али (Казем-Бека) прошли уже в Дербенте, где его отец, хаджи Мухаммад, занимал должность шейха ал-ислама с 1807 по 1820 гг. Занять такой пост мог человек, глубоко знающий Коран, фикх, а также другие мусульманские науки. Образование, весьма фундаментальное для мусульманского ученого, хаджи Мухаммад получил в Аравии, где занимался изучением мусульманского законовещения, посещал знаменитых шейхов и улемов. Вернувшись в Персию в 1801 г. в звании хаджи и муджтахиды, он обладал правом на истолкование мусульманского законодательства. Все это помогло Мухаммаду Казем-Беку дать сыну прекрасное мусульманское образование для того, чтобы со временем он занял его должность. Мухаммад ‘Али Казем-Бек довольно рано освоил курс мусульманского учения, занимался логикой, риторикой и юриспруденцией. От родителей он усвоил турецкий и персидский языки, от учителей – арабский. Его учителем на протяжении двух лет был известный арабский ученый из Бахрейна Шейх Мухаммад, которого хаджи Казем-Бек пригласил в Дербент в 1819 г. Под руководством бахрейнского шейха Мухаммад ‘Али изучал мусульманское право, науку о толковании Корана и хадисах. Именно эта мусульманская подготовка – по словам ученика А.К. Казем-Бека И.Н. Березина – несмотря на схоластический метод преподавания, послужила основанием последующего развития даровитого юноши и даже «доставила ему блестящую карьеру и большую известность в европейском ученом мире»².

¹ См. подробнее: Веселовский Н.И. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869 – 1894. СПб. 1898.

² Цит. по: Н.А. Мазитова. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете... С. 165.

Необыкновенные успехи сына усилили желание отца отправить его на дальнейшее обучение в Персию и Аравию. Однако этим планам не суждено было сбыться в связи с вынужденным переездом всей семьи в Астрахань. Там молодой Мухаммад 'Али познакомился с шотландскими миссионерами-протестантами, которые искали учителя арабского и турецкого языков. В процессе преподавания и общения с миссионерами Казем-Бек выучил английский язык. Это знание, столь редкое для мусульманского ученого того времени, предоставило Казем-Беку уникальную возможность познакомиться с европейской наукой и литературой, а кроме того, христианской догматикой, что способствовало его переходу в протестантизм. В 1823 г. шотландцы крестили Мухаммада 'Али под именем Александр. Принятие христианства, как и следовало ожидать, существенно осложнили взаимоотношения Казем-Бека с его семьей, в результате чего он покинул дом.

Педагогическая деятельность Казем-Бека началась в Омске, где он в кадетском корпусе преподавал татарский язык. Там же он служил переводчиком при главном управлении с жалованием из Министерства иностранных дел. Волей случая Казем-Бек оказался в Казани, где познакомился с ректором Казанского университета К.Ф. Фуксом, который пригласил его преподавать восточные языки в первой Казанской гимназии. Таким образом, в 1826 г. Казем-Бек стал лектором арабского и персидского языков в Казанской гимназии, затем в университете. А уже в 1828 г. он возглавил кафедру турецко-татарского языка. Для того, чтобы получить степень магистра, Казем-Бек представил диссертацию на персидском языке на тему: «Взгляд на историю языка и словесности арабской», о которой положительно отозвался Х.Д. Френ. После этого в 1831 г. он стал адъюнктом восточной словесности. В это время Казем-Бек изучал вопросы тюркологии, арабистики, иранистики, исламоведения, истории, культуры и литературы Востока.

В 1845 г. А.К. Казем-Бек издал капитальный труд по мусульманскому праву¹. Рецензируя эту работу И.Н. Березин отметил, что только при глубоких и обширных сведениях в исламе возможно было исполнить такой важный труд. В этом состояла

¹ Казем-Бек А.К. Мюхтесерюль вигкает или сокращенный вигкает: курс мюсюльманского законовещения по школе ханефидов. Казань, 1845.

уникальность Казем-Бека как ученого. Он не только владел восточными и европейскими языками, освоил европейскую научную методологию, но и долго жил на мусульманском Востоке, воспитывался и обучался в лоне его духовной традиции. Все это позволило ему получить обширные знания по географии, религии, обычаям и нравам мусульманских народов, а вместе с тем обрести глубокое понимание традиции, уважение к исламской цивилизации. Такие познания наделили Казем-Бека колоссальными преимуществами по сравнению с другими востоковедами в изучении ислама, истории, языков и культуры мусульманского мира. Несмотря на смену вероисповедания, Казем-Бек продолжал поддерживать связи с восточными народами, что позволило ему быть в курсе социальных, политических, культурных и религиозных процессов, происходивших на Востоке. В этом ему помогали специальные корреспонденты, имевшие восточное происхождение и проживавшие в мусульманских регионах России и за рубежом. Они доставляли в Казанский университет восточные рукописи, а кроме того, сообщали ценные сведения по истории, географии и статистике восточных стран, собранные ими на месте. Таким корреспондентом в 1840 г. по предложению Казем-Бека был избран «ученый азиатец» из Дербента Аху-аджи-мулла-Таки¹. Сам Казем-Бек постоянно общался с образованными представителями мусульманского мира, включая учителей в медресе, а кроме того, призывал к подобному общению гимназистов и студентов в целях разговорной практики, а также научного обмена.

Благодаря своей методической и педагогической работе, Казем-Бек внес большой вклад в преподавание восточных языков Казанского университета, а также гимназии. Согласно разработанному им в 1836 г. учебному плану, (по которому восточные языки преподавались в гимназии на протяжении 15 лет) основное внимание уделялось арабскому языку – девять уроков в неделю, другим восточным языкам – по четыре. Такой же план был составлен Казем-Бек для Астраханской и Тифлисской гимназий. Кроме того, преподаватели гимназий получали от него постоянную помощь. Об учебном плане и методике преподавания Казем-Бека

¹ Возможно, имеется в виду Абу-Хаджи.

весьма лестно отзывался Сенковский, который писал: «Мне кажется, он отлично знаком со всеми подробностями и удобствами преподавания западного и восточного и умел избрать из того и другого все лучшее, чтобы произвести счастливый состав 2-х метод, обещающих много существенных выгод к гимназическому курсу 3-х языков магометанских»¹. Из всех востоковедов, преподававших в то время в России, лишь Сенковский мог по достоинству оценить подобный синтетический метод, который сам использовал. Оба российских востоковеда хорошо знали реалии мусульманского мира, обучались у арабских ученых, владели разговорными восточными языками, а кроме того, знали русский. Вместе с тем они всячески способствовали расширению контактов своих учеников с восточными странами. Все это позволило Сенковскому и Казем-Беку подготовить плеяду известных отечественных востоковедов, чего не смогли сделать европейские профессора. Среди учеников Казем-Бека в казанских вузах были такие видные тюркологи и арабисты как И. Березин, И. Холмогоров, М. Навроцкий, Н. Ильминский.

Методика обучения Сенковского и Казем-Бека давала высокие результаты и постепенно входила в отечественную систему образования. В частности, новые подходы в подготовке востоковедов были зафиксированы в проекте, который был составлен в начале 30-х гг. отечественными учеными и чиновниками. Проект был посвящен учреждению Факультета восточных языков в С.-Петербургском университете. Наряду с фундаментальной теоретической подготовкой студентов-восточников, (включавшей изучение западных и восточных языков, всеобщей истории и географии, литературы, статистики Востока, мусульманского права и др.), подчеркивалась необходимость практических занятий, без которых была невозможна подготовка квалифицированных востоковедов. Согласно пункту 4, признавались обязательными практические занятия с лекторами восточных языков. «Для упражнения студентов сего отделения в практическом употреблении восточных языков и в чистописании, определяется по одному лектору из природных ученых Азиатцев, при следующих кафедрах: Арабской, Персидской, Турецкой, Монгольской,

¹ Цит. по: Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете... С. 214.

Армянской и Грузинской словесностей»¹. При этом лекторы восточных языков должны были иметь помещение в том же здании, где и казенно-штатные студенты, с которыми они «обязаны беседовать сколько можно чаще, употребляя в разговорах с ними восточные языки, которые они учат»². Для магистров признавались необходимыми командировки на Восток для усовершенствования своих познаний в восточных языках. Вследствие этого выпускники востоковедных учреждений должны были отправляться за казенный счет на год или два в Тифлис, Тегеран, Алеппо, Константинополь и в другие города Востока. Магистров, командированных в восточные страны, «Университет снабжает особенными письменными от себя наставлениями и предлагает им такие ученые задачи и вопросы, разрешение коих должно клониться к распространению избранной каждым из них науки, сообразно с удобностию и способами, которые доставят места пребывания их»³. Несмотря на то, что проект учреждения восточного факультета Санкт-Петербургского университета в это время не был реализован, некоторые его пункты относительно подготовки востоковедов постепенно входили в университетскую практику. Этому способствовала поддержка центральных и региональных властей: министра народного просвещения С.С. Уварова, министра иностранных дел К.В. Нессельроде, попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, а кроме того, деятельность О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека, благодаря которым научные командировки, как метод подготовки отечественных востоковедов, постепенно стали важной частью университетского образования.

Научные командировки на Ближний Восток и русско-арабские контакты

Между тем в 30-е гг. XIX века путешествия в страны Ближнего Востока университеты еще не организовывали. Для того, чтобы отправиться на Восток, выпускники С.-Петербургского университета должны были с отличием окончить Учебное отделение МИД, после чего их зачисляли на дипломатическую службу.

¹ Проект положения для отделения Восточных языков и Словесностей при С.-Петербургском Университете/ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 118. Л. 14.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 19 – 20.

Дальнейшее обучение выпускников УОВЯ осуществлялось при российских миссиях в Константинополе и Тегеране. Поскольку Учебное отделение готовило востоковедные кадры для дипломатической, а не для научной деятельности, путешествия с целью основательного изучения стран Ближнего и Среднего Востока, включая арабские страны, не предпринимались. Не составлялось и научных инструкций для отправлявшихся на Восток молодых специалистов, основной задачей которых было изучение восточных языков. Следует отметить, что не все выпускники Учебного отделения, побывавшие на Востоке, продолжали службу в дипломатических представительствах, некоторые возвращались преподавать в университеты. Подтверждением тому служит пример известного российского востоковеда польского происхождения А.О. Мухлинского.

Антон Осипович Мухлинский родился в 1808 г. Начальное образование он получил в школе монастыря Тренитариев, затем окончил Виленский университет. За отличные успехи в учебе его отобрали в Дерптский профессорский институт. Однако интерес к востоковедению и желание получить образование в этой области заставили его отказаться от почетного приглашения. Желая изучить восточные языки, Мухлинский не отправился сразу на Восток, как это сделал Сенковский, а предпочел вначале получить теоретическую подготовку в Петербурге, где востоковедение активно развивалось, в том числе благодаря его знаменитому соотечественнику. Поступив в Университет, Мухлинский не ограничился тамошним курсом лекций, а посещал еще занятия в Учебном отделении восточных языков¹. Следуя примеру Сенковского, который приобрел в своем путешествии колоссальные знания, Мухлинский стремился попасть на Восток. Завершив обучение в 1831 г., Мухлинский подал прошение в Азиатский департамент МИД об отправлении его в восточные страны на три года, где он мог усовершенствовать себя в турецком, персидском и арабском языках. В связи с этим выяснялась возможность у К.К. Рудофиникина употребить Мухлинского и А. Гусева (другого выпускника УОВЯ – Е.С.)

¹ Письмо его превосходительству Павлу Гавриловичу от Карла Ливена от 3 сентября 1828 г. / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111 [О дозволении Студенту Мухлинскому слушать лекции в Учебном отделении Восточных языков и об отправлении как его, так и студента Гусева в Константинополь на три года для усовершенствования их в восточной словесности]. 1828 – 1838. Л. 2.

при миссии Царьградской¹. МИД нашел это уместным. Однако из-за долгих согласований финансовых и организационных вопросов между Азиатским департаментом, Министерством народного просвещения и Министерством финансов Гусев и Мухлинский отправились на Восток только спустя 9 месяцев. Намечалась стандартная учебная командировка, одна из тех, которые организовывал Азиатский департамент МИД. Предполагалось, что молодые люди будут изучать восточные языки при Константинопольской миссии, где их обучение поручалось штатным драгоманам². После года обучения в Константинополе Мухлинский и Гусев достигли «приметных успехов» в изучении турецкого языка, о чем писал русский посланник А. Бутенев директору Азиатского департамента К.К. Рудофиникину³. В этом была заслуга не только обучавших их переводчиков, но и восточных учителей. Так, турецкую и османскую литературу Мухлинский изучал под руководством местного писателя Ходжи (Хаджи) 'Айни, а также Неджиба (Наджиба) Эффенди⁴. Однако научные задачи Мухлинского и Гусева не ограничивались изучением турецкого языка. Поскольку организатором командировки выступало Министерство народного просвещения, желавшее получить ценные научные кадры, молодым людям надлежало одинаково хорошо изучить все три языка мусульманского Востока. Несмотря на то, что арабский язык им преподавал отец (Абун) Филлипос из Алеппо, этого оказалось недостаточно. Мухлинский писал, что в Константинополе было «чрезвычайно трудно найти человека, знающего ученым образом сии две отрасли восточной литературы (арабской и персидской – Е.С.), что для нас необходимо; и даже если бы нашли сведущего наставника, то здесь не можем иметь никакой практики в сих двух языках и получить понятия об обычаях и нравах арабов и персиян, кои, конечно, несмотря на единство религии имеют много особенного от

¹ Письмо К.К. Рудофиникину от Карла Ливена от 27 июня 1831 г. / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 12.

² Донесение А.П. Бутенева К.В. Нессельроде от 6 июня 1831 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 37.

³ Донесение А. Бутенева директору Азиатского департамента К.К. Рудофиникину от 7 февраля 1833 г. /АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 60.

⁴ Дерягина Т.П., О.Б. Фролова. Арабские рукописи из коллекции Антония Мухлинского в Библиотеке Санкт-Петербургского университета // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 3. СПб., 1998. С. 15.

турецкого. Посему для нас желательно бы было, при первых благоприятных обстоятельствах, отправиться в Сирию и Египет, и под конец трехгодичного нашего путешествия провести несколько месяцев в Тебризе на возвратном пути в наше отечество»¹. В связи с этим Мухлинский и Гусев просили ходатайствовать посланника перед российскими министерствами о дозволении им отправиться в путешествие и о выплате соответствующего жалования. Кроме того, они отмечали, что отпускаемых им средств было недостаточно для приобретения восточных книг. Однако ввиду разразившегося турецко-египетского кризиса Нессельроде рекомендовал С.С. Уварову отложить поездку студентов в Сирию и Египет «до лучшего устройства дел в означенных местах»². Уваров выразил согласие с мнением министра иностранных дел³. Однако спустя несколько месяцев направил другое письмо Нессельроде, в котором сообщал, что руководство университета считает необходимым дальнейшее усовершенствование Мухлинского и Гусева в арабском языке, без которого «они не смогут быть вполне сведущими профессорами восточных языков»⁴. Вследствие этого университет ходатайствовал об отправлении Мухлинского и Гусева в Сирию и Египет, поскольку «смутные обстоятельства, происходившие в означенных странах, могут ныне считаться конченными»⁵. При этом Уваров подчеркивал особую значимость целей этого путешествия, которые были определены правительством при отправлении Мухлинского и Гусева на Восток⁶. Получив таким образом в феврале 1834 г. средства на дальнейшее путешествие, они отправились в Александрию⁷. Большое содействие в путешествии Гусеву и Мухлинскому оказала русская дипломатическая миссия в Константинополе, желавшая

¹ Копия с прошения Г. Посланнику Бутеневу от Кандидатов: С. Петербургского Университета Александра Гусева и Виленского Университета Антона Мухлинского от 23 Января 1833 г. /АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 61.

² Отношение К.В. Нессельроде министру народного просвещения С.С. Уварову от 27 марта 1833 г. / АВПРИ. Ф. 153 Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 65.

³ Отношение С.С. Уварова К.В. Нессельроде от 1 апреля 1833 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 66.

⁴ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. Л. 78.

⁵ Там же. Л. 78.

(Имеется в виду подписание Ункяр-Искелесийского договора).

⁶ Там же. Л. 78.

⁷ Донесение поверенного в Константинополе Действительного статского советника П.И. Рикмана К.К. Рудфиникину от 6 апреля 1834 г. Л. 101.

«преподать (им) сколь можно более способов приобрести навык в восточных языках и ознакомиться с восточными странами», снабдив их необходимыми фирмами и рекомендациями к консульским агентам в тех местах, где пролегал их путь¹. Кроме того, посланник поручил генеральному консулу в Александрии А. Дюгамелю «иметь о них попечение и оказывать им зависящее [от него] покровительство»². Подобные меры были необходимы для того, чтобы обеспечить безопасность путешественников в арабских странах, а также помочь им наладить контакт с местными властями, отчего во многом зависел успех предприятия. Как видно, организация подобной научной командировки на Ближний Восток ввиду ее исключительности требовала максимально скоординированной работы 1) Министерства иностранных дел, которое снабжало указаниями Константинопольскую миссию, а та, в свою очередь, транслировала их по консульской сети на Ближнем Востоке, затем получала от консулов сведения о состоянии путешественников, их контактах и деятельности и передавала информацию обратно в МИД; 2) Министерства Финансов, которое должно было снабжать путешественников денежными средствами, передавая их через консульские службы, 3) Министерства народного просвещения, которое совместно с университетом снабжало путешественников инструкциями, получало сведения об их маршруте, о ходе исследований, корректируя научные цели. При этом весь процесс министры контролировали лично. В частности, Нессельроде регулярно получал донесения от посланника Константинопольской миссии, который докладывал ему о местопребывании и занятиях молодых ученых.

В свою очередь, начинающие востоковеды писали подробные отчеты о своем путешествии и ходе исследований. Так, Гусев, направляясь с Мухлинским в Каир из Константинополя, записывал свои наблюдения, которые затем вошли в отчет, предназначенный для русского посланника при Порте, а также С.С. Уварова, как его непосредственного начальника³. Копия этого отчета была также отправлена К.К. Рудофиникину.

¹ Там же. Л. 101.

² Там же. Л. 101.

³ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 124.

По дороге в Египет Гусев описывал Сарды, Эфес, Смирну, Конью их достопримечательности, развалины древних городов, мечети, которые они посетили. Особое внимание он обращал на угнетенное состояние османских христиан, прежде всего греков, которые ждали прихода русских, способных облегчить их участь¹. После недолгого пребывания в Алеппо Мухлинский и Гусев должны были отправиться в Дамаск, однако из-за начавшихся арабских выступлений, направленных против османских властей, им пришлось ехать через Латакию. Находясь в Сирии, молодые ученые так или иначе общались с местным населением, получая языковую практику, а также ценные сведения о социально-политических процессах, происходивших в стране и об отношении ее жителей к России. Так, по свидетельству Гусева, после заключения Ункяр-Искелесийского договора русских в Сирии почитали в качестве союзников. «И чем больше та или иная местность привержена султану, – писал он, – тем лучше для русских путешественников»². Такое отношение было следствием недовольства политикой в Сирии Ибрахим-паши, который «раздражил народ, вводя вдруг без всякой постепенности порядок дел, каков оный в Египте»³, что не могло не привести к выступлениям.

Из общения с сирийцами Гусев понял, что они слабо верили в успех преобразований, проводимых Ибрахим-пашой на их родине. А кроме того, считали весьма неудачной реформаторскую деятельность Мухаммада ‘Али в Египте, «где есть машины и флот, но где три четверти жителей среди плодоноснейших в мире полей не имеют чем прикрыть своей наготы и просят куска хлеба; им ужасно представить, что быть может подобная участь и их ожидает»⁴. Сирийцы верили, что несчастья, постигшие Сирию под управлением Египта, были следствием того, что «Ибрагим-паша – неверный, не знает и не читает Корана» и хочет сравнять их с гяурами⁵. В связи с этим сирийские мусульмане много раз изъявляли желание Мухлинскому и Гусеву, чтобы русские пришли в Сирию и освободили их от власти

¹ Копия с письма Кандидата Гусева Г. Посланнику Бутеневу из Каира от 25 Сентября 1834 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 135.

² Там же. Л. 134.

³ Там же. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 141.

⁵ Там же. Л. 140.

паши. При этом они были уверены, что желание их должно скоро исполниться. Гусев отмечал, что это лишь пустые слова, «но оные тем не менее показывают какое влияние на образ мыслей здешних жителей [имел] великодушный поступок российского императора в последней войне»¹. «Давно ли сии же самые несчастные считали русских своими смертельными врагами, с которыми никогда нет для них мира. Ныне на тех же самых Русских основывается вся их надежда. Слава веку, в который молва о могуществе России раздается от берегов Невы до степей Газы». – писал Гусев².

Несмотря на вышеизложенное, наладить общение с сирийскими мусульманами в то время было сложно. В отличие от городского населения Египта, которое при Мухаммаде ‘Али привыкло к соседству европейцев и так или иначе контактировало с ними, сирийское общество было более замкнутым. Его традиционные устои едва успела поколебать реформаторская деятельность египетских пашей, присоединивших Сирию к своим владениям в ходе конфликта с Портой. Гусев отмечал, что фанатизм мусульман в Сирии был столь же силен, сколь в глуши Анатолии. Когда он шел по базару в Триполи, толпа мусульман, завидев одну голову в шляпе, стала читать первую суру Корана при его приближении. Подобные происшествия свидетельствуют о том, что Египет с точки зрения европейцев был более предпочтительным местом для изучения арабского языка, а также общения с местным населением, нежели Сирия. Там же могли осуществляться и плодотворные контакты с мусульманскими учеными.

Продолжая свой путь в Александрию, Гусев и Мухлинский посетили Яффу, где они были представлены Ибрахим-паше и Мухаммаду ‘Али, которые приняли их «чрезвычайно благосклонно»³. После этого русские ученые отправились в Вифлеем и Иерусалим. По прибытии в Александрию они посетили русского генерального консула А. Дюгамеля, который выразил полную готовность оказать путешественникам содействие в обучении. Поскольку в Александрии основным

¹ Там же. Л. 141; (А. Гусев имеет в виду военную и дипломатическую поддержку, которую оказал российский император османскому султану в конфликте с египетским пашой).

² Там же. Л. 141.

³ Там же. Л. 142.

употребляемым языком был итальянский, Гусев и Мухлинский решили переехать в Каир, где и приступили к занятиям. Там Мухлинский полгода изучал арабский язык под руководством местных ученых, которые, вероятно, были из ал-Азхара. К сожалению, в это время в Каире разразилась чума, от которой в мае 1835 г. скончался Гусев – «молодой ориенталист, подававший о себе столь лестные надежды», – писал о нем А. Дюгамель К.К. Рудофиникину¹. Спасаясь от чумы, Мухлинский покинул Каир и переехал сначала в Файюм, а затем в Луксор. Однако в ноябре 1835 г. российский посланник при Порте А.П. Бутенев распорядился о возвращении Мухлинского из Александрии (где он тогда находился) через Константинополь в С.-Петербург². Таким образом, Мухлинский пробыл в Египте около года. Посетить Персию, как изначально планировалось, ему не удалось. За время пребывания на Востоке Мухлинский усовершенствовал свои знания в арабском, турецком, новогреческом, армянском языках, собрал много ценного материала, включая книги и рукописи на арабском языке. По-видимому, в Египте он приобрел сочинения по арабской грамматике и синтаксису, в том числе популярную «Достаточную» Ибн ал-Хаджиба, принятую в качестве учебника в крупнейшем мусульманском университете ал-Азхар и ставшую затем основным учебным пособием во всех центрах исламской культуры³. По возвращении в Петербург Мухлинский в качестве адъюнкта преподавал на кафедре Сенковского арабский язык: читал со слушателями Коран с комментариями ал-Бадави, переводил религиозную поэму «ал-Бурда». Приобретенные на Ближнем Востоке знания позволили Мухлинскому, так же как и его старшему коллеге, преподавать арабский язык не только по европейским, но и арабским грамматикам, в частности грамматике Ибн Фархата. Несмотря на то, что будущее Мухлинского было связано с тюркологией, а не арабистикой, он внес большой вклад в изучение Ближнего Востока и представлял уже

¹ Донесение генерального консула в Александрии А. Дюгамеля К.К. Рудофиникину от 21 июля/ 2 августа 1835 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 144.

² Письмо С.С. Уварова к К.В. Нессельроде. 24 ноября 1835 г./АВПРИ. Ф. 153 Оп. 668. Д. 111. 1828 – 1838. Л. 153.

³ См. Дерягина Т.П., О.Б. Фролова. Арабские рукописи из коллекции Антония Мухлинского в Библиотеке Санкт-Петербургского университета// Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 3. СПб., 1998. С. 18.

новый тип ученого-востоковеда, который был знаком с реалиями Востока. Путешествия Сенковского и Мухлинского на Ближний Восток продемонстрировали исключительную роль научных командировок для подготовки востоковедов. Однако ввиду организационных сложностей, больших финансовых затрат и риска для жизни путешественников научные командировки в арабские страны предпринимались университетами редко.

Помимо Учебного отделения МИД, языковую практику для студентов (преимущественно на Востоке России) организовывал Казанский университет. Кроме того, казанские ученые имели опыт в организации научных экспедиций на Восток. Так, в 1825 г. была направлена экспедиция профессора Э.И. Эйхвальда с целью изучения флоры, фауны, геологических особенностей Каспийского моря. Френ и Эрдман предприняли экспедицию на развалины Булгарии. Большую поддержку в организации подобных предприятий оказывали попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин, а также ректор Казанского университета Н.И. Лобачевский, многолетнее сотрудничество которых «открыло новую страницу в истории Казанского университета – эпоху его расцвета»¹. Благодаря поддержке властей, сложившимся научным традициям и тесным связям с Востоком, Казанский университет был первым российским университетом, который организовал научную командировку в Персию и Османскую империю. В отношении, направленном Министерством народного просвещения в Азиатский департамент МИД (от 6 февраля 1842 г.), сообщалось: «Магистры Казанского Университета Диттель и Березин отправляются с Высочайшего соизволения в Июне текущего года в ученое путешествие по Востоку на три года, для приготовления к занятию со временем в Университете Кафедр языков Арабского, Персидского и Турецко-Татарского»². Помимо Казанского университета, в организации научной командировки принимали участие Министерство народного просвещения и Азиатский департамент МИД, без поддержки которых она не смогла бы осуществиться. Подготовкой командировки

¹ Очерки истории Казанского университета. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. С. 41.

² АВПРИ Ф. 161. СПб. Главный Архив II – 10. Оп. 48. Д. 1. [Дело об отправлении Магистров Казанского Университета Диттеля и Березина на Восток с ученой целью и выдачи им сумм по сему случаю]. 1842 – 1848. Л. 1.

и определением ее научных задач занимались Френ, Эрдман, и Казем-Бек, который составил подробный научный план путешествия. И.Н. Березин отмечал, что в этом плане, напечатанном в Казани в 1841 г., «были указаны все места, которые должен был я посетить с несомненною пользою для Науки, определены сроки переездов и для остановок в больших городах, и, наконец, означены предметы моих занятий»¹. Только Казем-Беку, знавшему реалии мусульманского Востока, обладавшему огромным опытом научной и педагогической работы, было под силу составить подобную научную инструкцию. Согласно плану, магистры должны были провести 10 месяцев в Персии, 8 месяцев в арабских странах (Ираке, Сирии и Египте) и около года в Турции. Как видно, большая часть времени отводилась на пребывание в Персии и Турции, а не в арабских странах. Кроме того, частые переезды из одной арабской страны в другую вряд ли способствовали выполнению одной из задач плана «усовершенствовать арабский язык», не говоря уже об изучении арабских диалектов, для чего необходимо было наладить контакт с местным населением. Так, на посещение Ирака отводилось не больше месяца. В некоторых сирийских, ливанских и палестинских городах предполагалось пробыть от 10 до 20 дней в каждом. Только в Каире магистры должны были провести два месяца. Таким образом, посещение арабских стран, согласно утвержденному плану, скорее напоминало обзорную экскурсию, во время которой можно было ознакомиться с местными достопримечательностями, но вряд основательно изучить арабский язык.

Помимо указанных стран и городов, которые следовало посетить, а также сроков пребывания в них, в плане регламентировались научные занятия магистров. Так, в Тебризе и Тегеране Диттелю и Березину следовало нанять местных учителей, с которыми три раза в неделю по три часа заниматься персидским и два раза по два часа арабским языками. Со своими восточными наставниками, в поисках которых им помогали российские дипломаты, они должны были читать, переводить тексты, а также заниматься каллиграфией. Так же следовало поступать и в арабских

¹ Обзор трехлетнего путешествия по Востоку Магистра Казанского Университета И. Березина. (из журнала Мин. Нар. Просвещения). 1847. № 7. С. 2.

странах. В Каире магистрам рекомендовалось три раза в неделю заниматься литературным арабским языком и два раза турецким. Помимо индивидуальных занятий с местными преподавателями, Казем-Бек рекомендовал магистрам посещать лекции видных мусульманских ученых для расширения культурных связей, а также научного обмена, что «Полезно будет во всех тех городах, где они будут останавливаться на продолжительное время, посещать при удобных случаях лекции Мюдеррисов¹ известнейших школ и Академий, разумеется, испросив на то предварительно дозволение по принадлежности. Не излишне им ознакомиться со... студентами этих заведений, и вступать с ними в рассуждения о различных ученых предметах (за исключением религии и политики). Таковые посещения, лекции Мюдеррисов и ученые беседы с студентами, послужат молодым ориенталистам скорейшим средством к изучению языков, ознакомлению себя с новым методом преподаваний и занятий»². Казем-Бек также привел список медресе, академий и библиотек, которые им следовало посетить в Турции. Общаясь с местным населением, русским путешественникам надлежало вести себя скромно и вежливо, не выказывать неуважения к обычаям и религиям других народов.

Помимо изучения языка, путешественникам следовало уделять особое внимание историческим памятникам и достопримечательностям тех стран, которые они посещали. Особенно это касалось Дербента, Баку и персидских городов, которые Казем-Беку были наиболее знакомы и близки. Студентам также вменялось в обязанность приобретение важных рукописей, книг, монет, восточных редкостей, снятие копий или оттисков с надгробных камней и даже сбор семян различных растений³.

Таким образом, научная командировка, организованная университетом, предполагала не только основательное изучение восточных языков (как это делалось выпускниками УОВЯ, зачисленными на дипломатическую службу), но и изучение истории, культуры, быта, литературы, нравов, архитектурных памятников и

¹ Мударрис – учитель (араб.).

² Казембек М. План ученого путешествия по Востоку магистров Казанского Университета Диттеля и Березина. Казань: Университетская типография. 1841. С. 31.

³ См. Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете... С. 88 – 89.

природы Востока. Магистры должны были вести путевой дневник и отсылать регулярные отчеты (раз в три месяца) о ходе своего путешествия и занятиях на имя попечителя Казанского учебного округа.

План путешествия Диттеля и Березина был напечатан в 23 экземплярах с тем, чтобы отправить его к посланникам при Порте, Тегеранском дворе, а также консулам в Египте, Тебризе, Смирне, Бейруте и Салониках «дабы во время пути оказываемо им было возможное покровительство и содействие к достижению предначертанной им Правительством цели»¹. Кроме того, Казем-Бек снабдил своих бывших студентов рекомендательными письмами к местным влиятельным особам на всем протяжении пути, чтобы облегчить путешествие и сделать его более результативным. Письма следовало передать члену-корреспонденту Казанского университета Ахунту-аджи-Мулле-Таки в Дербенте², шейху Аджи Мухаммад-эфенди – в Константинополе, Мирзе Кашиф эфенди – в Каире, а также другим. По мнению Казем-Бека, все они могли быть полезны «как туземцы из высшего сословия, могущие... указать не только удобства для жизни на Востоке, но и многие чрезвычайно важные предметы в научном отношении»³.

Путешествие Березина и Диттеля началось в Астрахани в 1842 г. Затем через Тарху, Дербент и Баку 20 октября 1842 г. они достигли Тебриза. Незадолго до этого Коллежский советник Аничков выслал путешественникам три расама⁴, по разным направлениям, чтобы они добрались со всеми удобствами⁵. В Тебризе, согласно плану Казем-Бека, магистры приступили к изучению персидского и арабского языков. Кто были их учителя неизвестно, но, вероятно, они были местного происхождения, поскольку Диттель в своем отчете указывал, что изучал языки северных провинций Ирана «с помощью природных Гилянцев и Мазандеранцев»⁶. После Тебриза путешественники отправились в Тегеран, где Березин продолжил на

¹ Отношение Министерства народного просвещения Азиатскому департаменту МИД от 6 февраля 1842 г./ АВПРИ Ф. 161. СПб II – 10 Главный Архив. Оп. 48. Д. 1. 1842 – 1848. Л. 1.

² Казембек. М. План ученого путешествия по Востоку... С. 15.

³ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете... С. 89.

⁴ Вероятно, имеется в виду план путешествия от араб. «расм» - план, чертеж.

⁵ АВПРИ. Ф. 161. СПб II – 10 Главный Архив. Оп. 48. Д. 1. 1842 – 1848. Л. 123.

⁶ Обзор трехгодичного путешествия по Востоку магистра Виллиама Диттеля// Журнал министерства народного просвещения. 1847. № 10. С.7.

протяжении двух месяцев изучать персидский язык и его новейшие диалекты, а также наречия тюркских языков. Большое содействие в научных занятиях Диттелю и Березину оказал полномочный министр русской дипломатической миссии в Тегеране граф А. Медем, который не только снабдил их дипломатическими бумагами для чтения¹, но и представил их шаху, первому министру и министру иностранных дел Персии, а кроме того показал дворец и ряд местных достопримечательностей. «Желая доставить молодым ... ориенталистам более пищи их любознанию и больше удобства ознакомиться с обычаями и нравами Персиян», Медем советовал им отправиться в Исфахан и Шираз². Как в Тегеране, так в других частях Персии и Османской империи русские дипломаты помогали путешественникам получить протекцию местных властей, установить контакты с мусульманским духовенством, от которого зависело посещение мечетей, медресе и библиотек.

В отличие от Березина, который мало писал о своих контактах с местным населением в Персии, (разве что упоминал об общении с персидскими армянами и суфиями), Диттель в своем отчете остановился на этом вопросе более подробно. В частности, Диттель писал о посещении ряда медресе, где он вместе с «Мусульманами слушал лекции их Ученых», что открыло ему «взгляд на состояние тамошней науки и показало настоящее состояние и степень ее упадка в Персии»³. Кроме объяснений Корана и его догматов, Диттель слушал лекции, посвященные арабоязычным врачам: ар-Рази, Ибн-Сине. Из любопытства он ознакомился с местными приемами врачевания, убедившись, что едва ли где медицина «стоит на высшей степени невежества, как в Персии»⁴. Кроме того, Диттелю удалось познакомиться с представителями высшего персидского духовенства, такими как Имам Джум'а и др., что позволило ему «понаблюдать над религиозным и умственным состоянием» страны. В Исфахане, который Диттель считал столицей персидской образованности и вкуса, ему довелось познакомиться с местными учеными, что открыло ему

¹ Там же. С. 10.

² Отношение С.С. Уварова К.В. Нессельроде от 4 марта 1848 г./ АВПРИ Ф. 161. СПб II – 10 Главный Архив. Оп. 48. Д. 1. 1842 – 1848. Л. 129.

³ Обзор трехгодичного путешествия по Востоку магистра Виллиама Диттеля... С. 11.

⁴ Там же.

путь к посещению училищ, а также некоторых библиотек. Занимаясь там изучением старинных рукописей, Диттелю удалось приобрести некоторые из них для библиотеки Казанского университета¹.

В Персии Диттель и Березин провели 8 месяцев, после чего через Бендер-Бушер по водам Залива отправились в Месопотамию. Узнав от дипломатов в Тегеране о скором прибытии Березина и Диттеля на территорию Османской империи, Константинопольская миссия получила у Порты фирманы к главным властям Азиатской Турции для оказания магистрам защиты и покровительства в особенности в местах, где нет российских консулов и агентов².

Вопреки плану Казем-Бека Березин провел в Басре и Багдаде несколько месяцев из-за начавшейся там эпидемии холеры. Там он впервые познакомился с арабским разговорным языком, занялся изучением иракского диалекта, а также памятников вавилонского, персидского и халифатского периодов. Для того, чтобы лучше узнать бедуинов, Диттель некоторое время провел с ними в пустыне. В Багдаде он занимался преимущественно литературным языком, а также изучал местный диалект³. Кроме того, в Месопотамии ему удалось изучить библиотеку английского резидента полковника Тейлора, который посвятил более 25 лет приобретению сочинений на арабском, персидском и турецком языках и собирался ее продать. После Багдада путешественники отправились на север Ирака в Курдистан, где продолжили заниматься арабским языком, а также начали изучать курдский. Там Березин посетил Киркук, Эрбиль, Мосул, осмотрел памятники Ниневии⁴. В Курдистане ему также удалось осмотреть храм малоизученных в то время езидов, который он подробно описал в своем очерке⁵. Диттеля в Курдистане особенно интересовали вопросы филологии и этнографии. Он был одним из первых российских востоковедов, кто обратил пристальное внимание на курдов и их языки. Указывая на

¹ Там же. С. 12.

² АВПРИ Ф. 161. СПб. II – 10 Главный Архив. Оп. 48. Д. 1. 1842 – 1848... Л. 19.

³ Обзор трехгодичного путешествия по Востоку магистра Виллиама Диттеля ... С. 16.

⁴ См. ад-Дайрави, Назим Маджид. Русийа ва-л-‘Ирак фи-л-му’ аллафат ал-‘арабийя ва ар-русийа (ал-карн ал-‘ашр – ал-карн ат-таси‘ ‘ашр) (Россия и Ирак в арабских и русских сочинениях (X – XIX вв.)). СПб., 2012. С. 142 – 141.

⁵ См. подробнее: Березин И.Н. Езиды //Россия и Арабский мир. Ирак в работах русских путешественников и дипломатов. Вып. 12. СПб., 2011. С. 42 – 64.

научную, а также политическую необходимость изучения Курдистана для России, Диттель писал: «Мы, русские, чуть ли не соседи этим курдам, и соседи с двух сторон – со стороны Кавказа и Черного моря»¹.

Из Курдистана путешественники отправились в Сирию, там посетили Алеппо, Бейрут, Антиохию, Дамаск, уделяя пристальное внимание сиро-ливанскому диалекту. В Алеппо Диттель побывал в одной из местных библиотек. Кроме того, магистры посетили Иерусалим, после чего снова вернулись в Бейрут, а затем отправились в Египет. Путешествуя по Ближнему Востоку, Диттель и Березин нередко на месте вносили коррективы в план Казем-Бека в соответствии с меняющимися погодными и политическими условиями, а иногда из соображения удобства и рациональности. Вот почему путешествие по Месопотамии и Сирии заняло у Диттеля и Березина не два (как планировалось), а восемь месяцев.

В 1844 г. магистры прибыли в Александрию. Ознакомившись с местными достопримечательностями, они отправились в Каир. Там на протяжении двух с половиной месяцев они занимались изучением литературного арабского языка и египетского диалекта; познакомились с окрестностями города, посетили древние мечети, дворцы, пирамиды и прочее. При этом основное внимание молодых востоковедов было сосредоточено на изучении местных мусульманских народов, их языков, обычаев, нравов, а не восточных древностей². Пребывание в Каире, даже столь непродолжительное, имело большое значение для изучения магистрами Арабского Востока, поскольку там располагался центр арабской учености. Кроме того, в Каире могли состояться наиболее плодотворные научные контакты. Диттель писал, что знакомство с египетскими учеными и шейхами, предоставило ему большую пользу для изучения языка, а кроме того, позволило узнать о состоянии науки в Египте. «Из принадлежащих к этому сословию (ученых – Е.С.), я нашел здесь людей, оправдывающих свое знание более, чем в остальной части Мусульманского мира. Литература Арабская хотя и не производит ныне большого числа оригинальных

¹ Диттель В.Ф. Очерк путешествия по Востоку с 1842 по 1845. Курды и Бедр-Хан-Бек.// Россия и Арабский мир. Ирак в работах русских путешественников и дипломатов. Вып. 12. СПб., 2011. С. 81.

² См. Диттель В. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку... С.7 – 8.

сочинений, но взамен того обогащается множеством книг, переводимых и переделываемых с разных языков»¹. При этом Диттель отмечал, что несмотря на преобразования в Египте, которые в основном затронули молодое поколение, Каир более чем Дамаск сохраняет свои древние обычаи и образ жизни. В Египте Диттель не только занимался арабским языком, но и изучал состояние местного образования, обычаи и нравы. С этой целью он по мере возможности «старался сближаться с арабами в их кочевом и оседлом быту», а в период Рамадана «принимал участие во всех сборищах арабов, слушал их рассказчиков и чтецов...»². Несмотря на относительно свободное общение с египтянами, а также местными учеными, Диттель отметил, что в Египте, как и в других мусульманских областях Османской империи, было запрещено европейцам посещать мусульманские библиотеки.

После Египта Березин и Диттель отправились в Константинополь, где они пробыли еще около года, изучая язык османлы, а также продолжая заниматься арабским и персидским языками. На этом путешествие Березина и Диттеля по Ближнему и Среднему Востоку подошло к концу. По итогам трехлетнего пребывания на Востоке магистры написали отчеты, которые затем были опубликованы. Обращая особое внимание на выполнение научных задач в соответствии с данным им планом, Березин отмечал, что, как и было предписано, основное время он уделял изучению арабского, персидского и турецкого языков. Находясь в больших городах: Тебризе, Тегеране, Исфахане, Ширазе, Басре, Багдаде, Алеппо, Дамаске, Бейруте, Каире и Константинополе, Березин занимался чтением трудных манускриптов с опытными наставниками, посещал различные медресе, знакомился с местными учеными, брал уроки восточной каллиграфии. В то же время он указывал на то, что «знакомство с Мусульманскими учеными... всегда представляло большие трудности: отвращение вследствие религиозного фанатизма, питаемое Мусульманами ко всем неверным, – пишет Березин, – служит преимущественно в Персии и Константинополе, твердой преградой взаимным сближениям; кроме того, знание на Востоке до сих пор облекается в схоластические неизменные формы,

¹ Там же. С. 26

² Там же. С. 27.

затемняющие бесполезно Науку. Посещение Мусульманских библиотек также соединено с большими затруднениями, победить которые имеет возможность человек, поселившийся надолго в одном городе, а не путешественник, странствующий наскоро и занятый изучением всего, что представляется его взорам. Я не говорю о подозрительности Мусульманских властей и о больших расходах, с которыми связано на Востоке всякое снисхождение к неверному»¹. Вследствие этого, «обзор библиотек, знакомство с Мусульманскими учеными и разработка рукописей, предписанные мне в плане путешествия, были выполняемы мною по мере возможности, при этом добавляя, что затруднения, с которыми соединено посещение библиотек и знакомство с Учеными на Востоке, довольно известны»². В то же время из отчета Диттеля следует вывод, что путешественники (несмотря на все трудности) довольно активно посещали занятия в медресе, общались с местными жителями, причем не только на темы филологии, но и арабской философии, медицины, астрологии и толкования Корана, что позволило им фундаментально изучить восточные языки, а также познакомиться с арабо-мусульманской культурой, состоянием науки в Персии и Османской империи, включая ее арабские области. Знакомству магистров с представителями местных властей, а также духовенством активно содействовали русские дипломаты. Однако общение с ними, как и контакты с местными жителями, были возможны только благодаря фундаментальным знаниям в арабском, турецком и персидском языках, приобретенным магистрами у профессора Казем-Бека, а также в ходе усердных занятий на Востоке. Кроме того, Казем-Бек, несомненно, знакомил своих студентов с традициями и обычаями мусульманских народов и, что самое главное, внушил им уважение к арабо-мусульманской культуре. Об этом свидетельствует восхищение Березина памятниками арабского зодчества в Каире, Багдаде и Дамаске³. Сравнивая убранство арабских и византийских храмов, Березин пишет: «Вместо изображения святых, в Мусульманской мечети являются огромные и разноцветные надписи из Алкорана, искусно

¹ Обзор трехлетнего путешествия по Востоку Магистра Казанского Университета И. Березина... С. 9.

² Там же. С. 23 – 24.

³ Там же. С. 20.

скомпонированные; вместо правильных орнаментов, употребляются арабески самые трудные и самые фантастические, массивность здания исчезает под обилием и легкостью украшений»¹.

Таким образом, за три года путешествия Диттель и Березин посетили Кавказ, Иран, Ирак, Сирию, Палестину, Египет, Турцию, основательно изучили восточные языки и их диалекты, включая иракский, сиро-ливанский и египетский, памятники древней и средневековой культур, собрали ценные восточные рукописи. Все это имело большое значение для научных результатов командировки.

Постоянное изучение литературного арабского, персидского, и турецкого языков во время пребывания на Востоке позволило Березину, по его собственным словам, составить грамматику персидского языка и его наречий в трех томах, а также собрать материалы для обширной Тюркской хрестоматии. Более того, Березин напечатал некоторые замечания о теории тюркских диалектов под заглавием: «Дополнение к Тюркской грамматике»². По итогам путешествия Березин начал составлять очерк системы мусульманских диалектов, а также сделал краткий экскурс в арабскую диалектологию.

Научные успехи Березина в командировке были настолько велики, что ему предложили занять кафедру турецко-татарской словесности в Казанском университете. Казем-Бек, уступив место своему ученику, возглавил кафедру арабо-персидской филологии после ухода из Университета Эрдмана. В свою очередь Диттель был назначен экстраординарным профессором на кафедру арабской словесности в С.-Петербургский университет, где преподавал арабский в течение нескольких лет. К сожалению, Диттель не успел реализовать свой научный и педагогический потенциал, потому как в 1848 г. скончался.

Еще одна научная командировка на Ближний Восток была организована Казанской духовной академией и Святейшим синодом в середине столетия. Это был иной тип «ученого путешествия», который совершался не только с научной, но и религиозной целью. Как известно, Казанская духовная академия занималась

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 9.

подготовкой миссионеров, которым было необходимо знать татарский и арабский языки, Коран и Сунну, чтобы вести беседы с местными мусульманами. Для того, чтобы подготовить своего специалиста, не просто светского ученого, но и религиозного деятеля, КДА, с разрешения высших сановников, в 1851 г. отправила на Ближний Восток преподавателя турецкого и татарского языков, бакалавра Н. Ильминского. На протяжении нескольких лет он изучал восточные языки в Казанской духовной академии под руководством преподававшего там А.К. Казем-Бека. По окончании обучения Ильминский был приглашен преподавателем в КДА. В этот период он продолжил изучать ислам и культуру татар у Казем-Бека, однако уже в частном порядке. В 1847 г. Ильминский переехал в татарский квартал в Казани и начал посещать расположенную неподалеку медресе, чтобы изучить арабский язык вместе с местными студентами. Вероятно, при содействии Казем-Бека Ильминскому было позволено провести два месяца еще в одной медресе, где он учился у известного исламского богослова. После этого он снял маленькую квартирку в татарском квартале и прожил там около года¹. Как видно, Ильминский получил в Казани фундаментальную языковую и исламоведческую подготовку. Тем не менее, чтобы завершить востоковедное образование ему необходимо было отправиться на Ближний Восток.

Цель научной командировки заключалась в сборе «подробнейших и основательных сведений о магометанском учении и для усовершенствования себя в языках Арабском, Турецком и Персидском»². Ильминский отправлялся в путешествие на два с половиной года, за время которого должен был посетить Константинополь, Дамаск и Каир.

Духовно-учебное управление при Святейшем синоде, которое финансировало научное путешествие, настоятельно просило Азиатский департамент поручить попечение о нем (об Ильминском – Е.С.) и оказать ему должную поддержку

¹ Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение. 2013. С. 73.

² Отношение Ведомства православного исповедания Святейшему синоду от 19 июня 1851 г./АВПРИ. Ф. 161 СПб. ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1 [Об отправлении с ученой целью в Каир Магистра Казанской Духовной академии Николая Ильминского]. 1851. Л. 3.

Константинопольской миссии, а также генеральным консулам в Дамаске и Каире¹. Со своей стороны, посланник в Константинополе В. Титов заверил, что «Миссия вменила себе в обязанность доставить зависящие от нее облегчения, как здесь, так равно и в Сирии и Египте, снабдив его нужными рекомендациями к консулам нашим в тех краях»².

Путешествие Ильминского по Востоку началось в Константинополе, куда он прибыл второго октября 1851 г. одесским пароходом. Получив необходимые рекомендательные письма, прежде всего, к генеральному консулу в Бейруте Базили³, Ильминский отправился в Сирию, где намеревался провести зиму. Однако в силу неизвестных обстоятельств планы его изменились, и в ноябре того же года он уже был в Каире, где приступил к основательному изучению арабского языка. И.Ю. Крачковский отмечает, что в это время Ильминский мог заниматься у учителя Валлина 'Али ал-Баррани, а также пользоваться советами профессора ал-Азхара Ибрахима ад-Дасуки, друга шейха Тантави. В качестве предварительного знакомства с Кораном Ильминский прочел его целиком, а затем начал его углубленное изучение, руководствуясь комментариями ал-Байдави и глоссами на него Шайхзаде⁴. В Каире Ильминский приобрел для Казанской духовной академии множество книг на восточных языках и выслал их пароходом в Одессу. В это время привезти в Россию литературу на восточных языках было не так просто. Для этого она проверялась российскими цензорами. Однако поскольку в Одессе могли провести цензуру книг, изданных только на европейских языках, книги Ильминского направили в Санкт-Петербургский комитет иностранной цензуры. Только после этого они были переданы в Казань⁵. Ящик с книгами, который весил не менее четырех пудов 12 фунтов, был получен правлением КДА в октябре 1853 года⁶.

¹ Там же. Л. 3 об.

² Отношение Ведомства православного исповедания Святейшему синоду от 19 июня 1851 г./АВПРИ. Ф. 161 СПб. ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1. 1851. Л. 8.

³ Донесение В. Титова Л.Г. Сенявину от 14 октября 1851 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб. ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1. 1851. Л. 11.

⁴ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 179 – 180.

⁵ Донесение агента Министерства иностранных дел в Одессе в Азиатский департамент МИД /АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1. 1851. Л. 48 – 48 об.

⁶ Там же. Л. 56.

Проведя в Каире больше года, Ильминский отправился в Сирию и Иерусалим, где собирался продолжить свои занятия¹. Всюду общаясь с арабскими учеными он расширял свои арабистические познания, «главным образом в сфере важной для него религиозно-богословской литературы»².

21 августа 1853 г. он оставил Сирию и провел какое-то время в Смирне, где, судя по всему, занимался турецким языком. Однако в связи с началом Крымской войны в октябре 1853 г., он не смог продолжить путешествие и отправился в Триест³. В отношении Духовно-учебного управления при Святейшем синоде Азиатскому департаменту от 2-го декабря 1853 г., сообщалось: «Святейший Синод, имея в виду, что Бакалавр Казанской Академии Ильминский в настоящее время не может продолжить занятий по данной ему инструкции, признал нужным возвратить его в Санкт-Петербург...»⁴. Тогда же в декабре Ильминский отправился из Триеста в Вену. В Казань он вернулся в феврале 1854 г. По словам И.Ю. Крачковского, в то время «в России не было другого арабиста, который обладал бы такой подготовкой в данной области и в такой мере был знаком с живым арабским Востоком»⁵. Осенью того же года он приступил к преподаванию во вновь открывшемся миссионерском отделении Академии, где нужно было обстоятельно рассказывать историю ислама и пророка Мухаммада по арабским источникам. Кроме того, он должен был учить студентов татарскому и арабскому языкам, чтобы они, в качестве миссионеров, могли беседовать с татарами о христианских истинах. Однако в своих занятиях Ильминский основное внимание уделял восточным языкам, а не полемике против ислама. Вследствие этого он был заподозрен в увлечении исламским вероучением и даже его пропаганде. В 1858 г. Ильминскому пришлось оставить Академию, в которую он однако вернулся через пять лет. По замечанию Р. Джераси, Ильминский действительно не возлагал на полемические методы особых надежд. От

¹ Выписка из донесения Российского генерального консульства в Египте в Азиатский Департамент от 14 Апреля 1853 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1. 1851. Л. 66.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 180.

³ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1. 1851. Л. 75.

⁴ Отношение Духовно-Учебного управления при Св. синоде Азиатскому Департаменту МИД от 2 декабря 1853 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1. 1851. Л. 78.

⁵ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 180.

религиозной полемики у него осталось весьма негативное впечатление после поездки на Ближний Восток, где ему довелось видеть, что в подобном противостоянии с исламом неэффективны даже хорошо финансируемые западноевропейские миссии. Ильминский пришел к выводу о том, что подорвать веру мусульман можно только посредством всестороннего просвещения, и это заключение предопределило направление его дальнейшей деятельности¹. Постепенно Ильминский все больше сосредотачивался на разработке системы инородческого образования и ее реализации в открытых им учебных заведениях. В 1863 г. Ильминским была основана Крещено-татарская школа, а в 1872 г., Казанская учительская семинария, в которой готовились педагогические кадры из местных народов. Этой семинарии Ильминский посвятил двадцать лет жизни, окончательно отойдя от науки. Научную славу Ильминскому принесли его тюркологические труды. Исключительная арабистическая подготовка, по словам И.Ю. Крачковского, не нашла себе применения ни в кратковременном преподавании, ни в немногочисленных трудах на эту тему.

Таким образом, научные командировки на Восток имели огромное значение для профессионального роста ученых-востоковедов. Путешествуя по Османской империи, они в совершенстве осваивали арабский язык, знакомились с политическим и социально-экономическим положением арабских стран, религиями, культурой, обычаями и нравами их народов. Кроме того, востоковеды общались с арабскими учеными, тем самым способствуя не только научному обмену с арабо-мусульманским миром, но и налаживанию русско-арабских гуманитарных контактов. В большей или меньшей степени опыт и знания, приобретенные русскими учеными в таких командировках, отразились на их педагогической и научно-исследовательской деятельности, что оказало существенное влияние на подготовку отечественных специалистов в области востоковедения и развитие этой науки в целом.

¹ Джераси Р. Окно на Восток... С. 80.

Восточные ученые и языковая практика в российских вузах

Помимо учебных и научных командировок огромную роль в подготовке российских востоковедов, а также развитии культурных и научных связей с арабо-мусульманским миром сыграло приглашение в российские вузы лекторов восточного происхождения.

В России, в отличие от Европы, весьма рано стали привлекать к преподаванию учителей-мусульман, что связано с этносоциальной и культурно-исторической спецификой российского государства. Впервые такая практика была введена в народных училищах мусульманских регионов России, где преподавателями выступали местные образованные мусульмане. Как правило, они изучали восточные языки в российских медресе, где преподавался в том числе и арабский, как язык Корана. Некоторые из них отправлялись на обучение в восточные страны: ханства Центральной Азии, Турцию, Египет, Аравию или же просто долго путешествовали по Востоку, совершая хадж. Несмотря на то, что образованные мусульмане владели несколькими восточными языками, они не всегда знали русский язык, который в отличие от арабского в медресе не преподавался.

В XVIII веке татарский, а затем и другие восточные языки были введены в учебную программу Казанской гимназии, где с тех пор преподавали представители династии Хальфиных, которые состояли на государственной службе. Наиболее выдающимся из них был адъютант татарской словесности Казанского университета Ибрагим Хальфин. Кроме того, Казанская гимназия была первым в России учебным заведением, где надзирателями были представители восточных народов. Они приглашались из мусульманских регионов России, а также разных восточных стран и должны были вести беседы с воспитанниками на восточных языках во внеурочное время. В периоды отсутствия других преподавателей восточных языков они выполняли функции лекторов. В целом, в конце XVIII – первой половине XIX века именно Казань была научно-образовательным центром, в учреждения которой активно привлекались преподаватели восточного происхождения. В первую очередь

это касалось учителей татарского языка, которые приглашались из числа местных народов.

Большую роль в расширении научных контактов с арабо-мусульманским миром сыграло назначение на пост ректора Казанского университета Н.И. Лобачевского. Согласно его курсу, преподавательский состав восточного разряда был укомплектован из «природных персиян, татар, турок, соединяющих образованность европейскую с основательными теоретическими и практическими познаниями восточных языков»¹. Вследствие этого практическое обучение языкам мусульманских народов в Казанском университете осуществляли: Мирза Абдуссетар Казем-Бек – лектор и преподаватель турецко-татарского и персидского языков (1839 – 1855) – перс (азербайджанец); Махмудов Мухаммед Галей – преподаватель восточной каллиграфии (1842 – 1849) – татарин; Мир-Моминов Адони Мир-Абуталиб. – (1839 – 1846) лектор персидского языка – перс; Назарианц С. И. адъюнкт армянского языка – армянин, Сонин Н. Д. лектор персидского языка – перс, преподавал с конца 30-х гг. Все они внесли большой вклад в подготовку ученых-востоковедов и чиновников.

В отличие от Казанских учебных заведений в Харьковский и Московский университеты лекторы восточного происхождения не приглашались. Это было весьма странно, учитывая наличие в Москве Лазаревского института, где преподавали образованные армяне. В то же время в ведении Харьковского учебного округа находились народные училища в Крыму, где представители восточных народов преподавали татарский и даже арабский языки. В Петербургских учебных заведениях первым лектором восточных языков был Мирза Топчибашев, который затем возглавил кафедру персидской словесности в университете в звании экстраординарного профессора.

Голландский ученый Схимельпенник ванн дер Ойе находил весьма удивительным, что среди ученых-иностранцев в Петербурге в начале XIX века было

¹ Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России XIX века. Казань: Издательство Казанского университета, 1991. С. 217.

много представителей восточных народов¹. По своему этническому составу лекторы восточных языков в России были в основном татарами, азербайджанцами, армянами, греками и персами. Большинство из них были подданными Российской империи или, по крайней мере, культурно связаны с ней. Так, преподававшие в российских учебных заведениях азербайджанцы и персы происходили в основном из тех мест, которые были присоединены к России по итогам русско-персидских войн первой половины XIX века. В результате представители местных народов получили возможность познакомиться с русской культурой и языком и далее поступить на государственную службу. При этом далеко не все из них впоследствии принимали христианство. Среди армян и греков-преподавателей были те, кто покинул Османскую империю, спасаясь от «турецкого ига». Кроме того, после подписания Туркманчайского мирного договора армяне получили право переселяться в Российскую империю без каких-либо препятствий со стороны персидских властей, что существенно облегчило Лазаревскому институту поиск преподавателей. Лекторов-мусульман, которые были подданными Османской империи и Персии, вплоть до 40-х гг. XIX в. в российских учебных заведениях практически не было. С одной стороны, это объяснялось политическими причинами (частыми войнами с этими мусульманскими державами), а также культурно-религиозным барьером, с другой – незнанием местными учеными европейских языков.

Поиском подходящих кандидатур на роль преподавателей восточных языков в России (прежде всего в УОВЯ) должны были заниматься старшие драгоманы при российских дипломатических миссиях в Османской империи и Персии². Поскольку выпускники Учебного отделения зачислялись на дипломатическую службу на Востоке в качестве студентов, им была рекомендована языковая практика с местными учеными. В противном случае они не только не приобретали новых знаний в этой области, но и утрачивали прежние. Выше указывалось, что основная доля выпускников Учебного отделения служила драгоманами в Турции и Персии, там же при

¹ Shimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven and London Yale University press, 2006. P. 169.

² АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101 [Учебное отделение восточных языков. Учреждение отделения, регламенты, записки, проекты и т.п.]. 1823 – 1916. Л. 115.

миссиях они и проходили обучение. Таким образом, среди учителей студентов и драгоманов миссий были преимущественно носители турецкого и персидского языков, с которыми они могли общаться благодаря подготовке в России. С арабскими учеными наладить коммуникацию было намного сложнее (конечно, если они не владели европейскими языками), поскольку до появления в Университете Сенковского русские студенты с трудом представляли себе как правильно произносятся арабские звуки. В связи с этим довольно долго в русских консульствах на Ближнем Востоке служили местные, а не русские переводчики. Однако в конце 20-х начале 30-х гг., благодаря педагогической деятельности Сенковского, русским учебным заведениям впервые удалось выпустить специалистов со знанием арабского языка. Некоторые из них, желая впоследствии отправиться на Восток, поступали в Учебное отделение. Среди учеников Сенковского, впоследствии окончивших УОВЯ, были В. Григорьев, П. Савельев, а также Н. Мухин. Двое из них посвятили себя науке (причем Григорьев и Савельев служили до этого переводчиками), Мухин реализовался на дипломатическом поприще. Еще во время учебы в УОВЯ (в 1832 г.) он подал прошение на имя Нессельроде с просьбой о последующем его прикреплении к миссии на Восток¹. После окончания Учебного отделения в 1833 г. его желание осуществилось. Начало дипломатической деятельности Мухина совпало с усилением в России интереса к Арабскому Востоку и особенно Египту, что было связано с турецко-египетским кризисом, в урегулировании которого русское правительство принимало непосредственное участие. В связи с этим российскому МИД понадобились квалифицированные арабисты, которые были бы способны наладить контакты с арабами, а также содействовать укреплению позиций России на Ближнем Востоке. В 1839 г. Нессельроде поручил генеральному консулу в Александрии графу А. Медему найти ученого араба для преподавания в Учебном отделении МИД. По традиции, сложившейся в русских дипломатических представительствах, это поручение передали драгоманам. В это время переводчиком в египетском консульстве служил Н.Я. Мухин вместе со своим товарищем

¹ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 102 Ч. 6. Л. 85.

Р. Френон – сыном известного петербургского арабиста. Однако в отличие от Мухина Френ не имел фундаментальной востоковедной подготовки, поскольку до УОВЯ окончил не С.-Петербургский университет, а Царскосельский лицей. Тем не менее оба они брали уроки у египетского ученого шейха Мухаммада ‘Айада ат-Тантави. Он был выпускником и преподавателем ал-Азхара, известным не только в мусульманских, но и европейских научных кругах Каира. Обучая арабскому языку европейских востоковедов: Г.А. Валлина, Г. Вейля и Ф. Френеля, Тантави усвоил французский и немецкий языки и познакомился с западной научной методологией. Дружеские отношения шейх поддерживал и с Э. Лэйном, у которого тот консультировался относительно перевода трудных мест «1001 ночи»¹. Арабский исследователь Хусайн аш-Шафи‘и отмечает, что Тантави был знатоком арабского языка и литературы, Корана и фикха. Вместе с тем он был литератором и поэтом, свободно изъясняющимся на пяти языках².

Развитие культурных связей Египта с Европой, общение с западными востоковедами, а также шейхом Тахтави, посетившим Францию, способствовали появлению у Тантави интереса к европейской цивилизации. Именно поэтому приглашение поехать в Россию, которое поступило от давно знакомых ему Мухина и Френа, оказалось для шейха столь заманчивым. Мухаммад ‘Али, заинтересованный в налаживании отношений с Россией, рекомендовал Тантави по приезде в Петербург основательно заняться русским языком. По дороге в Петербург Тантави сопровождал Мухин, с которым у арабского ученого возникли доверительные отношения.

Присутствие знатока арабского языка и литературы в российских учебных заведениях должно было положительно отразиться на подготовке переводчиков-арабистов и ученых-востоковедов. П. Савельев писал, что переезд шейха Тантави в Россию в 1840 г. стал настоящим событием не только для него самого, но и для всего русского востоковедения. Теперь петербургские студенты получили уникальную возможность овладеть разговорным арабским языком, не покидая пределов

¹ См. Лэйн. Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века. М., 1982. С. 249.

² См. аш-Шафи‘и, Хусайн. Мин турас аш-шайх Мухаммад ‘Айад ат-Тантави... С. 13.

российской столицы¹. Следует отметить, что к египетскому шейху в российских верхах было изначально особое отношение. Об этом свидетельствует официальное приглашение от Министерства иностранных дел, а также то, что в Учебном отделении он не был лектором, как другие «туземцы». Когда стало известно о его приезде в Петербург, в УОВЯ решили отказаться от услуг Деманжа, который к тому времени преподавал в Петербургских учебных заведениях уже 23 года. В фонде УОВЯ сохранился черновик докладной записки, подготовленной, судя по всему, для Нессельроде, в которой говорилось: «Ныне, по случаю прибытия сюда Шеиха Мухамедь-Тантави, вызванного по высочайшему повелению из Египта для преподавания Арабской словесности в Учебном отделении восточных языков, я находил бы бесполезным удерживать в оном Профессора Деманжа, который впрочем со своей стороны готов остаться при заведении еще два года, т.е. до истечения 25 летнего срока службы»². Трудно представить, что в Западной Европе того времени могла бы возникнуть подобная ситуация, когда французского профессора, ученика известного де Саси, попросили освободить место для преподавателя-мусульманина из ал-Азхара. Судя по всему, Деманж весьма болезненно воспринял эту новость, потому как оставил службу и уехал из России. Все это свидетельствовало об уважении в российских верхах к ученым арабам и необходимости их приглашения в российские вузы.

С началом преподавания шейха Тантави в Учебном отделении были внесены качественные изменения в программу арабского языка. Несмотря на то, что первое время приходилось придерживаться программы Деманжа, шейх Тантави совершенно иначе разбирал арабские тексты, прекрасно зная арабскую литературу, культурные, исторические и бытовые реалии арабского мира. Вместе с тем он читал со студентами ранее незнакомые им литературные произведения, объясняя грамматику с опорой на арабских филологов. Несмотря на то, что ко времени своего приезда в Россию он не владел русским языком, он вел свои занятия на французском,

¹ См. Крачковский. И.Ю. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810 – 1861). Л., 1929. С. 39.

² Об увольнении от службы профессора Деманжа / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 107. Л. 67.

который студенты УОВЯ великолепно знали. Кроме того, шейх Тантави был прекрасным каллиграфом, о чем свидетельствует тот факт, что ему было доверено украсить каллиграфическим почерком турецкий зал в Петергофе.

Как арабский ученый, он хорошо разбирался в мусульманском праве. И хотя такой предмет появился в программе УОВЯ значительно позже, Тантави мог при случае сообщить студентам сведения об этом вопросе, необходимые для дипломатической службы. Помимо литературного арабского языка, шейх Тантави прекрасно владел египетским диалектом, что являлось весьма важным для подготовки востоковедов-практиков. Более того, он издал в Лейпциге пособие по египетскому диалекту, которое было призвано облегчить его преподавание студентам.

Введение практических занятий по арабскому языку в программу Учебного отделения положительно сказалось на подготовке переводчиков и дипломатов. Об этом можно судить по спискам выпускников УОВЯ и сведениям об их службе на Востоке. Так, первым русским генеральным консулом в арабских странах, имевшим востоковедное образование, был выпускник УОВЯ, ученик Тантави – Н. Мухин. У шейха Тантави, но не в Каире, а в Петербурге учился А. Лаговский, впоследствии ставший генеральным консулом в Александрии. За время преподавания египетского ученого в российской столице существенно выросло количество русских переводчиков, выпускников УОВЯ, служивших на Ближнем Востоке. Так, Д. Арбузов, выпускник СПбУ и УОВЯ (1842 – 1845)¹ служил драгоманом в Бейруте; И. Банщиков (1844 – 1848) – секретарем в Бейруте; В. Бланк (1843 – 1846) – первым секретарем в Бейруте. Сученко А. (1847 – 1850) – драгоманом в Египте, затем секретарем в Бейруте; Н. Мокеев (1852 – 1856) – драгоманом в Сирии; Н. Иванов (1851 – 1853) – консулом в Алеппо².

Дальнейшая судьба российских драгоманов и консулов, служивших на Ближнем Востоке, складывалась по-разному: некоторые из них назначались консулами в другие страны, как например, Р. Френ, который стал консулом в Анконе, где он

¹ Годы обучения в Учебном отделении.

² Список обучавшихся в Учебном отделении Восточных языков при Азиатском департаменте МИД с 1823 г. / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97 [Проект организации Учебного отделения восточных языков]. Л. 43 – 58.

впоследствии скончался. Мухин после Бейрута служил консулом в Адрианополе, а затем в Палермо¹. Другие выпускники Учебного отделения после дипломатической службы возвращались в Россию и занимали важные государственные посты. Так, М. Гамазов управлял драгоманатом Азиатского департамента, а затем стал директором УОВЯ. В. Бланк стал впоследствии мировым судьей в Липецке, Тамбовской губернии². И. Банщиков после возвращения с Востока состоял в Азиатском департаменте. Таким образом, деятельность большинства выпускников Учебного отделения после ухода с дипломатической службы продолжала быть связана с Востоком.

После того, как Сенковский в 1847 г. оставил кафедру, С.-Петербургский университет лишился преподавателя, который одинаково хорошо вел теорию и практику арабского языка. В связи с этим на место заведующего кафедрой арабской словесности было решено пригласить из УОВЯ шейха Тантави, который к тому времени приобрел весьма солидный педагогический опыт, углубил свои знания в методологии исследования, а кроме того, весьма неплохо освоил русский язык. В университете шейх Тантави преподавал арабский язык на старших курсах. На первом курсе до 1848 г. лекции по арабскому языку читал экстраординарный профессор по кафедре османского языка В. Диттель, а с 1850 г. профессор персидской словесности А.К. Казем-Бек. В рамках своего курса Тантави объяснял грамматику по арабской системе, упражнял студентов в разговорной речи, в переводах на арабский с русского, учил каллиграфии и чтению трудных рукописей, а также истории арабов. К сожалению, по словам И.Ю. Крачковского, преподавание его в университете не оставило значительных следов, поскольку там не нашлось слушателей, способных оценить глубину и уникальность излагаемого материала. Тем не менее деятельность шейха Тантави в Петербурге имела особое научное значение. Одной из важнейших его заслуг перед второй родиной было тщательно составленное собрание восточных рукописей, которое затем перешло в библиотеку университета³.

¹ Там же.

² Там же. Л. 45.

³ Крачковский. И.Ю. Шейх Тантави... С. 57.

За 20 лет работы в России египетский ученый установил дружественные и профессиональные отношения с российскими востоковедами, в частности с Френом и Дорном, которые высоко ценили его мнение и не раз обращались за советом. Благодаря шейху Тантави, крупные российские востоковеды получили возможность познакомиться с арабским ученым, а также проконсультироваться у него по вопросам арабской литературы и филологии. Переезд в Петербург шейха Тантави и его плодотворная научная и педагогическая деятельность создала прецедент, после чего приглашение лекторов-арабов в российские учебные заведения стало традицией.

Таким образом, российские власти, заинтересованные в налаживании контактов с мусульманскими народами, активно содействовали развитию востоковедения. С приходом в российские учебные заведения О.И. Сенковского и А.К. Казембека, Мирзы Топчибашева и шейха Тантави качественно улучшились методы теоретической и, особенно, практической подготовки отечественных востоковедов. Этому же способствовали и учебные командировки, организованные УОВЯ и российскими университетами. Находясь на Ближнем Востоке, русские ученые и дипломаты повышали уровень межкультурной компетентности (включающей знание языка, религии, традиций и обычаев местного населения). Приобретенные знания позволили им наладить коммуникацию с жителями Ближнего Востока, а также добиться успехов в научной, педагогической и дипломатической деятельности, что отразилось на развитии русско-арабских отношений во второй половине XIX века.

2. 3. Русская духовная миссия в Иерусалиме: просветительская деятельность и взаимоотношения с православными арабами

Россия от вечности предназначена просветить Азию.
арх. Порфирий (Успенский)¹

Русско-арабские связи в науке и образовании формировались в первой половине XIX века не только по светским, но и церковным каналам. Начиная с X столетия духовные контакты Руси с православным Востоком поддерживались посредством паломничества к святым местам, а также взаимоотношениями с восточными патриархатами. Канонические территории Александрийского Антиохийского и Иерусалимского патриархатов включали арабские страны, большинство которых входило в состав Османской империи. Основную часть православного населения Иерусалимского и Антиохийского патриархатов составляли арабы. Высшее церковное духовенство имело греческое происхождение и назначалось при непосредственном участии Вселенского патриарха в Константинополе.

Иерархи восточных церквей, с которыми русское правительство и духовенство периодически контактировали, были преимущественно греками. Через них Россия оказывала помощь своим далеким единоверцам, не вмешиваясь напрямую в дела православного Востока.

Ситуация стала меняться в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX века. Именно 40-е гг., по словам И.Ю. Смирновой, «стали решающими для формирования системы русско-иерусалимских и русско-антиохийских церковных связей»². В это время на Ближнем Востоке усилилось влияние европейских держав, в том числе благодаря

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. I - VIII. СПб: тип. Имп. Акад. Наук. 1894 – 1902. Т. III. С. 588.

² Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами (вторая треть XIX в.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2009. С. 27.

деятельности западных духовных миссий. Католические миссионеры, направляемые Ватиканом и поддерживаемые Францией, приступили к созданию обширной сети школ и семинарий в Сирии и Палестине¹. В 1846 г. папа восстановил Латинский иерусалимский патриархат, действовавший в свое время при крестоносцах. До этого, в 1841 г. был учрежден англо-прусский епископат, деятели которого также вели активную просветительскую работу.

Прозелитическая активность местных униатов, действовавших при поддержке католической церкви, французских, английских и американских миссионеров была направлена прежде всего на православное население Ближнего Востока. В сложившихся обстоятельствах русскому правительству пришлось предпринимать меры, чтобы оказать поддержку восточным патриархатам в борьбе с инославной пропагандой. Проблема русского присутствия на Востоке была весьма деликатной. Следовало не только противостоять дипломатическим и культурным инициативам европейских держав, не только постоянно подтверждать перед османскими властями отсутствие с русской стороны каких-либо империалистических намерений, но и строго соблюдать церковно-каноническую норму отношений с древними патриархатами. Любой неосторожный, хотя бы и вполне доброжелательный по намерениям, жест легко мог быть истолкован греками как «вмешательство в дела иной Автокефальной Церкви»².

Первоначально российские власти осуществляли охранительные меры при помощи своих дипломатических представительств. Еще в 1837 г. в ответ на поступившую просьбу от Антиохийского патриарха Мефодия о поддержке православия на Ближнем Востоке, Николай I поручил русской миссии в Константинополе «принять меры к ограждению прав и преимуществ православного Духовенства на Востоке от зловердных покушений Католиков и Униатов»³. Наставления по вопросу религии и восточной церкви занимали центральное место в инструкции, данной

¹ Ланда Р.Г. История арабских стран... С. 144

² Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М. 2006. С. 85.

³ См. Якушев. М.И. Конфликт из-за святых мест Палестины как казус Белли Крымской (Восточной) войны. Исторический контекст появления донесения К.М. Базили от 7/19 октября 1852 г. М., 2004. С. 448.

консулу в Бейруте К.М. Базили¹. Он должен был немедленно сообщать русскому посланнику в Константинополе о нарушениях прав православных в Сирии и Палестине, доносить генеральному консулу в Александрии, а также посланнику обо всем, что касалось проведения в жизнь различных фирманов, касающихся православных и их духовенства, а также о спорах, возникавших между различными христианскими церквями в Сирии. Речь шла и об обязанности консула поддерживать перед официальными властями законные требования православного населения, что вытекало из права России покровительствовать православному населению Османской империи, полученного по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Успешному выполнению подобных служебных обязанностей во многом способствовало греческое происхождение Базили. Сын беззащитных османских райя он пользовался уважением у населения Сирии и Палестины. По долгу службы Базили периодически посещал Иерусалим, особенно во время религиозных празднований. По сообщению британского консула, его появление в сопровождении русских поклонников сообщало особенный характер греческим и армянским церемониям². Несмотря на то, что Базили поддерживал тесные контакты с ближневосточными греками, (известно, что дома у него собирался небольшой круг греческих ортодоксов), его взаимоотношения с ними не всегда складывались просто. В частности, среди греческого духовенства ходили слухи о его покровительстве католикам и маронитам. А Антиохийский патриарх Мефодий, по словам арх. Порфирия (Успенского), утверждал, что если бы на небеса можно было приставить лестницу, он бы немедленно пополз туда, чтобы пожаловаться на Базили, который не печется об угнетенном православии. Подобные обвинения происходили, по-видимому, оттого, что российский консул «весьма гордо обращался с тамошними архиереями»³. В то же время известно, что к патриарху Мефодию Базили относился с глубоким почтением.

¹ Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука, 1991. С. 244.

² См. Norwood Derek. The Russian presence in Syria and Palestine 1843 – 1914. Oxford, 1969. P. 16.

³ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. 1... С. 186.

Прекрасное образование, широкая эрудиция и знание нескольких языков позволили Базили наладить широкий спектр контактов с европейскими консулами, греческим духовенством и местными властями. Дипломатическое влияние Базили стало особенно велико, когда в 1843 г. он был назначен генеральным консулом в Бейруте. Благодаря его усилиям, одна из арабских деревень, обратившаяся в англиканство, снова вернулась в лоно православной церкви¹. Однако для укрепления российских позиций в регионе и поддержания православия в Святой земле усилий Базили, а также других российских дипломатов было недостаточно.

Активизация католической и протестантской пропаганды, необходимость защиты прав и собственности русских паломников поставило вопрос о создании представительства Русской церкви в Святой земле. Это представительство должно было стать независимым центром информации и влияния на восточное духовенство, в целях усиления контроля над потоками иерусалимских и антиохийских пожертвований, активизации научно-богословских и книгоиздательских связей, просвещения местного православного населения и, наконец, покровительства русским паломникам². Изначально идея создания русского церковного учреждения в Святой земле принадлежала известному писателю и церковному деятелю А.Н. Муравьеву³. В 30–40-е гг. XIX в. Андрей Николаевич был непосредственным участником процесса принятия решений по русско-восточным церковным связям, представляя в одном лице — случай единственный в отечественной истории — синодальную и МИДовскую системы⁴. Проект русского монастыря, который помимо прочего должен был выполнять духовно-просветительские функции на Востоке, был представлен Муравьевым в 1838 г. Несмотря на достоинства этого проекта, вопросы его реализации беспокоили представителей Министерства иностранных

¹ Записка Архимандрита Порфирия о настоящем состоянии Палестинской Церкви/АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д 21. 1839 – 1842. Л. 89 об. – 90.

² Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. М., СПб.: Нестор-История. С. 161.

³ Андрей Николаевич Муравьев (1806 - 1874) был сослуживцем К.М. Базили по Азиатскому департаменту. До этого он служил обер-секретарем в Святейшем синоде. Муравьев дважды посещал Святую землю и считался знатоком палестинских дел. Вместе с тем он выступал связующим звеном между представителями Святейшего синода и восточных патриархов, а также принимал активное участие в решении просветительских задач России на православном Востоке.

⁴ Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 83.

дел. В частности, Базили опасался возможных последствий для отношений России с восточными церквями. В итоге этот проект был отклонен.

Между тем создание в 1840-е гг. в Иерусалиме англо-прусской епископии, а затем и латинской патриархии заставило русское правительство серьезно задуматься об усилении русского духовного присутствия в Святой земле. По справедливому замечанию И.Ю. Смирновой, российская политика в регионе во многом строилась как реакция на различные инициативы западных государств¹.

Для начала в российских верхах сочли полезным «присутствие в Иерусалиме благонадежной и образованной особы из Российского духовенства»², которая, с одной стороны, могла бы удобнее нежели чиновник вникнуть в положение церковных дел в Палестине, с другой – будучи посредником между Святейшим синодом и Иерусалимским духовенством – передавать последнему советы и внушения для пользы православия³. Кроме того, через соучастие российской церкви восточное духовенство получило бы ободрение и нравственную опору. Принимая в расчет мнительность турецких властей и недоверчивость греческого духовенства, русское правительство в первое время решило «ограничиться мерою... испытательною», которая состояла «в отправлении туда ... надежного лица из духовного сословия в качестве поклонника и с исключительным негласным поручением»⁴. В качестве «тайного агента» русской дипломатии Святейший синод избрал архимандрита Порфирия (Успенского). Во время командировки ему предписывалось избегать всего того, что способно обратить на него излишнее внимание, а по возвращении в Константинополь доставить российскому посланнику В. Титову подробный отчет. Согласно проекту инструкции, разработанной для арх. Порфирия перед его отправлением на Восток, главной задачей его миссии было изучение положения православия в восточных странах, а также наблюдение «за твердостью союза тамошней

¹ Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами... С. 28.

² Об отправлении духовного лица в Иерусалим. 13 июня 1842 г. /АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д 21. 1842. Л. 4.

³ Проект секретного отношения Посланнику Титову в Константинополь от 2 ноября 1843 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д 21. 1842. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 44.

Церкви Православной с Православною Российскою Церковию, по коему та и другая искони составляют в духе веры и любви единое целое»¹. В Святейшем синоде полагали, что для укрепления православия в Святой земле необходимо «усилить средства существующих на Востоке Православных училищ», духовное образование в которых «должно быть совершенно одно с тем, какое существует в наших»². В связи с этим арх. Порфирию следовало внушать местному духовенству, что без православных училищ усилия иноверцев могут подавить православие в народе. Общая же для всей Православной восточной церкви традиция требовала, чтобы во всех ее училищах были совершенно одни и те же классические сочинения. Также надлежало уверить восточных иерархов в готовности российского «правительства снабжать их оными, по возможности; но с тем вместе склонить их для собственного их удобства, учреждать у себя типографии...»³. Очевидно, что в данной инструкции были намечены первые просветительские задачи России на православном Востоке, направленные на помощь греческому духовенству в организации православных училищ и улучшение образовательного процесса, соответствующего российским стандартам. Мысль об открытии школы для православного населения на Востоке при содействии представителей российской церкви высказывал в 1841 г. обер-прокурор Святейшего синода граф Н.А. Протасов⁴. Подобные просветительские идеи исходили, прежде всего, из российского Духовного ведомства. В Министерстве иностранных дел имели более точное представление о политических и социокультурных реалиях Османской империи, поэтому осознавали, что реализовать их будет весьма непросто.

Выше упоминалось, что вопросы просвещения православного населения Османской империи находились в ведении восточных патриархов. При этом «находясь в постоянном непосредственном общении с турецким султаном и министрами Высокой Порты, Константинопольский Патриарх имел решающее преимущество

¹ Проект инструкции назначаемому по ВЫСОЧАЙШЕЙ воле для пребывания в Иерусалиме Архимандриту. К № 3391. 1842 / АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д 21. 1842. Л. 10.

² Там же. Л. 10 об.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Воробьева И.А. Русские миссии в Святой земле в 1847 – 1917 годах. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 47.

перед остальными Восточными Патриархами – Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским, что давало ему возможность почти беспрепятственно вмешиваться в дела формально «автокефальных» соседних Церквей»¹. Православная иерархия на Востоке, основу которой составляли греки фанариоты из Константинополя (обладавшие большим влиянием в османском правительстве) «с большой настороженностью и опасением относилась к усилению русского присутствия на Православном Востоке»². Это касалось и участия России в вопросах просвещения местного населения.

Следует отметить, что российские власти и ранее заботились о вопросах религиозного образования греков, а также других православных народов Османской империи. Известно, что Россия оказывала финансовую помощь Болгарии для устройства духовных училищ и отправляла туда религиозную литературу.

Между тем намерение внести подобные коррективы в систему обучения на православном Востоке встретили критику со стороны российского посланника В.П. Титова, по мнению которого было неуместно требовать, чтобы «тамошние духовные училища учреждались во всей точности по образцу наших...». При этом отмечалось: «Одно уже различие климата, образа жизни и умственных привычек неминуемо породит отмены. Сверх того в числе преподавателей, по необходимости найдется там весьма много таких, кои получше воспитаны исключительно на Западе. Наконец в Сирии и соседних странах невозможно вообразить себе ныне училище духовное или светское, где французский или греческий языки не играли бы важной роли в преподавании; - между тем известно, что на сих языках учебные курсы не всегда пишутся в нашем духе. Итак, совершенно признавая необходимость ободрять между православными на Востоке типографию и школы, преждевременно было бы однако ручаться в успехе нашего надзора за будущим их направлением...»³. Вместе с тем решение данного вопроса предлагалось отложить до

¹ Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами... С. 30.

² Там же. С. 31 – 32.

³ Д. Ст. Сов. Титова Замечания на проект Инструкции О. Архимандриту. 1842. По №3391. /АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 21. Л.18 об.

возвращения архимандрита Порфирия и получения подробных от него сведений. Эти замечания были учтены в инструкции, данной арх. Порфирию директором Азиатского департамента Л. Г. Сенявиным, где тема просвещения вообще не упоминается. Как и в проекте инструкции, там подчеркивался неофициальный характер миссии, важнейшей задачей которой было узнать потребности Палестинской церкви и какие меры надлежит принять для поддержания ее благосостояния.

Получив наставления и рекомендации, арх. Порфирий выехал из Петербурга в Одессу 23 мая 1843 г. В Константинополе он первым делом посетил В.П. Титова, который сообщил ему необходимые сведения, касавшиеся его предстоящей миссии. Кроме того, он рекомендовал посетить консула К.М. Базили, пребывавшего в то время в османской столице, к которому арх. Порфирий поступал в непосредственное подчинение. Первоначально российский консул произвел на архимандрита неблагоприятное впечатление, сформировавшееся под влиянием представителей восточной церкви, которые, судя по всему, опасались слаженной работы обоих российских представителей в Святой земле.

Во время беседы с арх. Порфирием Базили сообщил ему важные сведения относительно ситуации на Ближнем Востоке и политики России в регионе. Вместе с тем Базили заметил, что «влияние русского консула на церковные дела Палестины и Сирии не может быть слишком сильно, как влияние консула французского, потому что этот опирается всегда на трактаты, а нашему не на что сослаться, ибо в наших трактатах с турками не сказано ничего частного на счет религии, кроме общего и темного упоминания о поддержании христианства. Наш консул должен действовать более моральными средствами т. е. умолять, упрашивать, мирить, ласкать»¹. Среди вопросов, которые Порфирий обсуждал во время беседы с Базили, было образование православного населения Ближнего Востока. По этому поводу консул сообщил архимандриту, что в Дамаске была открыта семинария, в которой обучалось 15 воспитанников для занятия церковных должностей².

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего Т. I... С. 163.

² Там же, С. 157.

Поскольку укрепление православия на Ближнем Востоке во многом зависело от качества религиозного просвещения, арх. Порфирий, находясь в Константинополе, приступил к обстоятельному изучению состояния православных училищ. Необходимые сведения он получал от представителей местных церквей. В частности, преосвященный Самуил, с которым арх. Порфирий встретился в Куру-Чесме, рассказывал о светском училище для греков на острове Халки, которое он затем посетил. Однако русского архимандрита, прежде всего, заботила мысль о духовном образовании и организации семинарии, где могли бы обучаться не только греки, но и готовиться палестинские священники¹.

Первое знакомство с арабами и представителями арабского духовенства у арх. Порфирия произошло в Сирии, куда он отправился из Константинополя 15 октября 1843 г. В Дамаске арх. Порфирий посетил училище, которое было учреждено патриархом Мефодием. Там он познакомился с учителем арабского языка о. Иосифом, который хорошо владел арабским и греческим языками. Во время беседы с арх. Порфирием он интересовался постановкой образования в российских народных и духовных училищах, прежде всего преподаванием священных наук². Сам о. Иосиф 22 года священствовал и безвозмездно преподавал в местной школе. По его наблюдениям, православные арабы раньше боялись науки, как чумы, однако позднее у них появилась охота к обучению. По поводу дисциплин и учебной программы он заметил, что дети обучались арабскому чтению и письму за два-три года, а грамматику, чтение Св. Писания, логику и риторику осваивали в течение трех лет. В то время у священника обучались четыре мальчика (от 12 до 16 лет), которые по его мнению, могли стать хорошими наставниками в училище³. Помимо школьных и приходских занятий, о. Иосиф изучал арабские рукописи, сравнивал их с греческими переводами и подлинниками. Кроме того, он перевел с греческого на арабский язык катехизис Филарета, который патриарх надеялся напечатать при помощи русского консульства. Порфирий посетил дом священника в Дамаске,

¹ См. Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего Т. I... С. 194.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 256.

познакомился с его женой и дочерьми. По поводу о. Иосифа русский архимандрит заметил, что он – истинный труженик, на которого, к сожалению, мало обращают внимания.

В Сирии Порфирий осмотрел многие христианские обители, желая познакомиться с бытом, религиозной жизнью арабов, а также постановкой местного образования. В частности, в Сайданайском монастыре он обратил внимание на монахинь, а также игуменью, которая обучала послушниц арабскому чтению¹. Кроме того, он посетил монастырь святой Таклы (Фёклы), в Ма‘алуле.

Состояние арабских монастырей и церквей, их нищета и грязь сильно удручили арх. Порфирия. Не менее тяжелое впечатление на него произвел уровень образования представителей арабского клира. Так, в Сирии ему удалось пообщаться с селевкийским митрополитом Иаковом «из туземных арабов», о котором Порфирий отзывался как о «совершенном невеже»².

Получив некоторое представление о православных сирийцах, арх. Порфирий беседовал с Антиохийским патриархом об организации учебных заведений, а также финансовой поддержке со стороны императора и Святейшего синода. Так, арх. Порфирий интересовался возможно ли было открыть в Сирии 7 духовных училищ. Однако это представлялось весьма трудной задачей для местных иерархов, поскольку, по подсчетам патриарха, их содержание потребовало бы 90000 пиастров в год. Несмотря на то, что кроме Антиохийского патриарха и нескольких митрополитов греков в Сирии присутствовали и иерархи-арабы, принимавшие меры для просвещения своей паствы, арх. Порфирий насчитал там всего три православных начальных школы: в Дамаске, Бейруте и Триполи, которые были созданы при поддержке России.

Покинув Дамаск 14 ноября 1843 г., арх. Порфирий отправился в Палестину через Ливан, где также посетил различные монастыри и осмотрел исторические памятники. В Яффе он побывал в монастырской школе, где обучалось около 40 мальчиков арабской и греческой грамоте. Арабский язык там преподавал белый

¹ Там же. С. 228.

² Там же. С. 229.

священник; греческий – мирянин. Обучение происходило по ланкастерскому методу, когда старшие ученики обучают младших. Несмотря на очевидные недостатки, этот метод был выходом в условиях дефицита квалифицированных преподавателей. Местные учителя и священники, с которыми беседовал арх. Порфирий, отмечали, что греческий язык ученики (особенно арабы) осваивали плохо, поскольку в этом не было практической пользы. В связи с этим они считали целесообразнее преподавать новогреческий язык.

Из Яффы архимандрит направился в Иерусалим, куда прибыл 20 декабря 1843 г. Там его встретили представители греческого духовенства, которые настоятельно отнесли к арх. Порфирию и его предстоящей миссии, посчитав его новым российским консулом. Тем не менее ему была оказана торжественная встреча. Арх. Порфирий, следуя данным ему инструкциям, отказался от помещения, приготовленного ему в патриархии и отправился в Феодоровский монастырь, где обычно останавливались русские паломники.

Уже в первые дни пребывания в Иерусалиме Порфирий наметил меры по поддержанию православия в Святой земле и просвещению местного христианского населения, в котором будущая российская духовная миссия должна была принять непосредственное участие. Прежде всего, он считал необходимым открыть народные школы, а также учредить семинарию в патриархии для молодых монахов. Последних, по его мнению, следовало «набирать из славян, арабов и греков для поддержания равновесия православия и для духовных утешений единоплеменников их»¹. Кроме того, следовало устроить народные училища при митрополиях. Для того, чтобы детально ознакомиться с постановкой образования в Иерусалимском патриархате, а также выполнить научные задачи, арх. Порфирий совершал ознакомительные поездки в Вифлеем, Назарет, Рамаллу, а также другие города и деревни, где он посещал православные приходы, общался с местными священниками, а также их паствой. Порфирий был первым русским, которому удалось проникнуть в самые глухие православные арабские деревни. Местным арабам, встречавшим

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. I... С. 358.

его, льстило, что столь далекая и могущественная Россия, проявляла интерес к их делам. Кроме того, приезд русского архимандрита расширил их горизонты, которые в основном были ограничены соседними деревнями, и реже – большими городами¹.

Хотя Порфирия в поездках сопровождал переводчик, он старался сам коммуницировать с арабами на их родном языке. Так, в одной из деревень он приветствовал местных жителей, пожелав им по-арабски доброго вечера. А местным христианским детишкам он представился как «хаджи папа москов»². Путешествуя по Палестине, арх. Порфирий изучал церкви и монастыри в селениях, обдумывая организацию училищ. Посетив Рамаллу в феврале 1844 г., он осмотрел местную школу, где обучались православные дети. При этом его интересовал не только учебный процесс, но и финансовая сторона вопроса. В частности, он отметил, что школьное помещение арендовалось за 20 пиастров в месяц, а два священника, учившие мальчиков, получали из патриархии по 60 пиастров³. В деревне Райне, недалеко от Назарета, арх. Порфирий увидел несколько мальчиков, которые учились у поселянина арабской грамоте по церковным книгам⁴. При посещении Вифлеема арх. Порфирий беседовал с местным священником Илией, хорошо говорившим по-гречески, который сообщил ему, что православие не сможет там удержаться, если «митрополит вифлеемский будет запрещать богослужение и чтение поучений на арабском языке в самой Св. пещере»⁵. Несмотря на то, что арх. Порфирию встречались не только священники, но крестьяне-арабы, говорившие по-гречески, между греческим духовенством и православной арабской паствой, в массе своей неграмотной, существовала языковая и культурная пропасть и, как следствие, взаимная неприязнь.

Побывав в различных городах и селах Палестины, арх. Порфирий подробно ознакомился с положением православия в Святой земле. Помимо активной деятельности западных миссионеров его очень огорчили «распущенность нравов

¹ См. Norwood, Derek. The Russian presence in Syria and Palestine... P. 37.

² Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. I... С. 404.

³ Там же. С. 469.

⁴ Там же. С. 499.

⁵ Там же. С. 629.

святогробских монахов, жалкое приниженное положение сельского духовенства, особенно из туземцев – арабов, убожество и нищета греческих и арабских храмов, отсутствие более или менее благоустроенных школ для грамоты...»¹. Арх. Порфирий отмечал, что арабское белое духовенство весьма бедно и невежественно; сельские, и даже городские священники, хотя умеют читать и писать, но не понимают ни своих обязанностей, ни самой религии. Греки не принимали арабов в монашеское звание, чтобы не допустить их до высших степеней. Беседуя с арх. Порфирием, митрополит Петро-Аравийский Милетий отметил, что арабы не имеют никакой веры; они «варвары, злодеи». Они (греки) не принимают к себе арабских священников, дабы не уронить архиерейское достоинство, а об их просьбах докладывает драгоман². Поразившись тому, что греки не изучают арабский язык, арх. Порфирий писал, что леность, презрение к арабам, незнание их языка и корыстолюбие лишают православных Евангельской проповеди и облегчения нищеты. Подобные притеснения, по его мнению, могли побудить арабов перейти в унию³.

Сам арх. Порфирий относился к православной арабской пастве с большим сочувствием. Записывая в дневниках свои наблюдения, он отмечал, что «в арабском народе таятся сильные зародыши свободы и равенства, единодушия, правоты, степенности, строгости правил и нравов. При таких качествах и при лучшем правительстве, этот народ стал бы на высокую степень человеческого и общественного совершенства. Но жаль, что этому орлу не позволяет парить тяжелый свинец, привязанный к его голове и крыльям... Никто в мире не думает о просвещении и спасении их»⁴. Справедливости ради следует отметить, что греческое духовенство все же принимало некоторые меры для просвещения арабских христиан. Арх. Порфирий отмечал, что греки, опасаясь потери имений в княжествах Молдавии и Валахии и не желая делиться с Константинопольским патриархом на семинарию, сделали некоторые распоряжения относительно устройства школ, а также отправления

¹ Дмитриевский А.А. Русская Духовная миссия в Иерусалиме. М.: Издательство Олега Абышко, 2009. С. 52

² См. подробнее: Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. I – VI. СПб. 1894 – 1902.

³ Записка Архимандрита Порфирия о настоящем состоянии Палестинской церкви /АВПРИ Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 21. 1839 – 1842. Л. 81 – 82 об.

⁴ Порфирий (Успенский). еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. I... С. 654.

учителей в Яффу и Иерусалим для обучения греческой и арабской грамоте. Однако все это, по мнению арх. Порфирия, было сделано только для виду¹. Помимо доходов от имений в Молдавии и Валахии в Иерусалимскую патриархию поступали и щедрые пожертвования из России, часть которых патриархия должна была употреблять на поддержание училищ. Однако как реально расходовались эти средства, в России не знали. В связи с этим Святейший синод надеялся, что присутствие арх. Порфирия (Успенского) в Иерусалиме заставит греческое духовенство более ответственно подойти к этому вопросу.

Между тем пребывание русского архимандрита в Иерусалиме и его намерение учредить там духовную миссию весьма беспокоило греческое духовенство. С одной стороны, греки опасались излишнего контроля с российской стороны и утраты своего влияния и доходов от славян и других православных, с другой – угрозы в случае военного конфликта России с Османской империей. Зная об этих тревогах, арх. Порфирий в беседе с греческими иерархами заметил, что Русская духовная миссия (РДМ) будет сквозь пальцы смотреть на злоупотребления местного духовенства, пока не распространится свет православного просвещения, а кроме того, не будет отнимать его доходов. «Наша Миссия в Иерусалиме, – писал Порфирий, – была бы очень полезна словом и делом, т.е. ходатайствуя пред местным начальством за народ православный, служа образцом и примером духовной жизни, давая истинное направление школам народным»².

Арх. Порфирий неоднократно беседовал с представителями греческого духовенства о проблемах с просвещением в Палестине. Недостаток духовного образования чувствовался не только среди православных арабов, но и греков. По этому поводу знакомый арх. Порфирия о. Григорий заметил, что теперь все бросили учиться, никто не ходит к иеромонаху Дионисию слушать Катехизис. Сам Порфирий считал, что начинать духовное просвещение местных православных следовало с организации начальных школ, а затем уже семинарии или академии. При этом семинарию он мечтал открыть непосредственно при Русской духовной миссии.

¹ Там же. С. 419.

² Порфирий (Успенский). еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. I... С. 420.

«Вместе с нашими малолетними певчими, – писал Порфирий, – учились бы и архиерейские, и арабские ребяташки. Семинария при нашей миссии с дополнительными академическими курсами была бы превосходным рассадником будущих проповедников и учителей в Палестине»¹. Только при помощи духовного просвещения Порфирий считал возможным противостоять католической и протестантской пропагандам. Однако иерархи восточных церквей предпочитали бороться с успехами инославных миссий при помощи политических мер: в частности, просили султана запретить протестантам и католикам проповедовать в православных деревнях². Подобных мер ждали и от России, которая являлась покровительницей православия на Востоке. Однако арх. Порфирий видел помощь российского государства в другом, а именно в организации училищ. В беседе с иеродиаконом патриархии он указал, что «Колебание в вере... происходит от незнания оной. Надобно учить детей благочестию...»³. На это грек ответил, что архиереи думали завести школы, однако на это не хватает средств, да и учителей латинского, французского и итальянского языков трудно найти. Вероятно, иеродиакон имел в виду организацию училищ, прежде всего, для единоплеменных ему греков, поскольку знание этих языков расширяли возможности коммерческой деятельности на Ближнем Востоке. Сказанное представителем греческого духовенства поразило арх. Порфирия, и он записал в своем дневнике: «Вот люди! Из одной крайности бросаются в другую. Диких ребяташек Пецаллы (Бейт-Джалы – Е.С.), или Вифлеема, или Иерусалима выучить хотя бы разным языкам, как будто готовят их в министры в Париж или в секретари турецкого посольства в Рим»⁴. Слова арх. Порфирия свидетельствовали о том, что он недостаточно представлял себе роль французского и итальянского языков в экономической жизни Леванта. На ироничное замечание арх. Порфирия впоследствии обратил внимание А.Е. Крымский, известный своими антиклерикальными взглядами. Ученый упрекал архимандрита в том, что он в своей образовательной программе ограничивался лишь религиозным просвещением. Крымский писал, что

¹ Там же. Т. II. С. 85.

² Там же. Т. I. С. 368.

³ Там же. С. 369.

⁴ Там же. С. 369.

«грек-святогробец, возражавший Порфирию, лучше Порфирия понимал, что без итальянского, а уж подавно без французского языка православные воспитанники школы, хотя бы знали даже такую премудрость, как православный катехизис и священную историю, все равно останутся лишены возможности делать карьеру там, где желал бы для них Порфирий – на должностях переводчиков в консульствах, факторов-комиссионеров или на иной службе, во многих иных предприятиях»¹. Следует отметить, что в силу своего статуса и служебных обязанностей арх. Порфирий должен был заботиться прежде всего о духовном просвещении и об укреплении православия в святых местах, налаживании отношений греков с православными арабами, разногласия которых мешали общему делу, а не об улучшении их коммуникации с католическим и протестантским Западом и тех экономических выгодах, которое это сулило.

Еще до появления Русской духовной миссии в Иерусалиме, поддержка православных училищ на Ближнем Востоке не только в Сирии, но и Палестине, осуществлялась через российское консульство в Бейруте, и К.М. Базили лично занимался этим вопросом. В письме, адресованном А.Н. Муравьеву в июне 1839 г., консул писал, что лучший способ употребить благотворительные средства, поступавшие из России в Иерусалимскую патриархию (от ежегодного кружечного сбора)² - учредить духовное училище³. В патриаршем училище, по мнению Базили, следовало преподавать богословие, церковную и политическую историю, философию, арабскую, греческую, турецкую и латинскую словесность, историю Востока, географию, арифметику, а также практическую медицину. Можно предположить, что в Бейруте Базили основательно ознакомился с учебными заведениями католиков и протестантов, опыт которых он учел при составлении своей программы. В школах приморских городов: в Яффе, Акре и Газе Базили предполагал ввести преподавание религии, арабского, греческого и итальянского языков. При этом две трети

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 297.

² Регулярный кружечный сбор в пользу Храма Гроба Господня в Иерусалиме был учрежден указом Св. Синода от 19 октября 1834 г.

³ Письмо К. М. Базили к А. Н. Муравьеву. Константинополь, 3 июня 1839 г./ Лисовой Н.Н, Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. М., СПб.: Нестор-История. С. 490.

определенной суммы должно было выдаваться учителям, а остальные – на содержание воспитанников и пособие бедным родителям, дети которых будут хорошо учиться. В остальных школах консул считал возможным ограничиться религией и языками арабским и греческим¹.

Хорошо зная положение дел в Иерусалимской патриархии, Базили понимал, что там его образовательные проекты сочтут несбыточными. Тем не менее он регулярно беседовал с иерусалимскими иерархами по вопросам просвещения и советовал им часть поступавших из России средств направлять на образовательные цели. К советам российского консула, который передавал в Иерусалимскую патриархию собранные в России пожертвования, греческое духовенство так или иначе прислушивалось. В письме Муравьеву в апреле 1842 г., Базили сообщал, что по доставлении им в Иерусалим кружечного сбора и вследствие переписки с Патриархом были «1. Выписаны из Константинополя два учителя эллинский и ланкастерский для малолетних арабов. 2. Вызваны... из Дамаска в Иерусалим чрез Патриарха Антиохийского арабский учитель для монастыря. 3. Выписаны книги арабские с Ливана тысяч на 10 пиастров. 4. Выдано Птолемаидскому архиерею чрез нашего Агента в Кайффе² 3 т<ысячи> пиастров в ежегодное пособие училищу, основанному в Акре стараниями агента нашего. 5. Выдано от Патриарха Иерусалимского Антиохийскому 20 т<ысяч> пиастров в пособие училищам его епархий. 6. Кое какие учителя назначены по городкам Палестины и приступлено к основанию школы в Яффе»³. Советы Базили подкреплялись настоятельными рекомендациями Святейшего синода. В своем донесении действительному статскому советнику Устинову от 25 мая 1847 г. Базили писал, что средства, собранные в России за 1846 г. в пользу Иерусалимской церкви, «согласно изъявленному Святейшим синодом желанию, Патриарх предполагает употребить... кроме церковных нужд и на духовные

¹ Письмо К. М. Базили к А. Н. Муравьеву. Бейрут, 21 декабря 1839/2 января 1840 г./Лисовой Н.Н. Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 496.

² г. Хайфа.

³ Письмо К. М. Базили к А. Н. Муравьеву. Иерусалим, 25 Апреля 1842 г. / Лисовой Н.Н, Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 509 – 510.

престола его училища»¹. В то же время Базили беседовал с патриархом Кириллом «о способах к усовершенствованию образования Иерусалимского духовенства...»².

Проблема просвещения местного православного населения заключалась не только в дефиците учебных заведений и качестве учебного процесса, но и в отношении к нему православных арабов. Патриарх жаловался Базили, что арабы «весьма мало времени оставляют своих детей в училищах, а отвлекают их по девятому году и ранее для промыслов»³. В связи с этим Базили высказал свое мнение патриарху относительно просвещения православного арабского населения. Генеральный консул писал: «Домогаться умножения и вящего развития училищ, назначенных собственно для детей поселян излишне, судя по моральному и политическому состоянию племен сего края; лишь бы малолетние изучали бы свои молитвы, укреплялись бы в своей вере, не были бы увлекаемы в училища иноверных миссионеров, привыкали бы с детства к спасительной опеке своего духовного начальства, — благая цель достаточно тем достигнута, относительно законного влияния Церкви на паству. Но с другой стороны, сугубые старания должно приложить: 1-е к благонадежному воспитанию невежественного Арабского духовенства. 2-е к образованию молодых людей духовного звания, или предназначенных в оное, живущих в самом монастыре Святогробском; Святогробское юношество послушники и диаконы и Арабское духовенство могут похвастаться единственными надежными орудиями для благого влияния Церкви и столпами Престола Патриаршего»⁴. При этом Базили, подобно арх. Порфирию, считал, что «образование... священников сельских в нынешнем их возрасте — вещь несбыточная и остается помышлять о новом их поколении»⁵.

¹ Копия донесения Надворного Советника Базили к Господину Действительному Статскому Советнику Устинову от 25 мая 1847 г. /АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 15 [Училище основанное в Иерусалиме для образования арабов, предназначенных в духовное звание] 1847 – 1853. Л. 2 – 2 об.

² Выписка из отношения Г. Управляющего Российско-Императорскою Миссией в Константинополе Устинова к Г. Директору Азиатского Департамента от 14 -го Июня 1847 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 15. Л. 1.

³ Копия донесения Надворного Советника Базили к Господину Действительному Статскому Советнику Устинову от 25 мая 1847 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 15. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 2 об. – 3.

⁵ Там же. Л. 3.

Образованием будущих клириков, по мнению Базили, необходимо было озаботиться как можно скорее. В связи с этим консул указал патриарху Кириллу на пример Антиохийского патриарха, который предпринял меры «при благодетельном внушении и пособии Императорского двора», относительно образования некоторого числа молодых людей для посвящения в духовный сан¹. Судя по всему, генеральный консул имел в виду подготовку священников в патриаршем училище в Дамаске, организованном на российские средства в 1843 году². Если последовать этому примеру для Иерусалимского патриарха было затруднительно, Базили предлагал отправить «некоторое число священнических детей на иждивение его престола к Патриарху Мефодию для воспитания их совокупно с воспитанниками Антиохийского престола»³. За время дипломатической службы Базили заметил, что реализовать просветительские задачи проще в Сирии, чем в Палестине. Причина заключалась в том, что Антиохийской патриарх Мефодий не оказывал сопротивления в вопросах учреждения училищ, в отличие от Иерусалимской патриархии⁴.

Находясь в Сирии, Базили поддерживал постоянные связи с антиохийскими иерархами и оказывал содействие местным православным школам. Через А.Н. Муравьева он пытался довести до сведения Св. синода, что главная «услуга» Сирийской церкви состоит в оказании пособия местным училищам⁵. И.Ю. Смирнова отмечает, что на протяжении почти пятнадцатилетней работы в Святой земле все предложения и просьбы о денежных пособиях на церковные нужды Базили адресовал А.Н. Муравьеву. Тот, в свою очередь, прибегал для их исполнения к помощи московского Святителя Филарета, который активно влиял на церковную политику России на Ближнем Востоке. Известно, что по просьбе Муравьева, Св. синод выделил средства на Бейрутское училище, о котором Базили

¹ Там же. Л. 3.

² См. Смирнова И.Ю. Конфессиональный фактор российской внешней политики в ближневосточном и северо-тихоокеанском регионах в середине XIX века (1840 – 1860 гг.): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 152.

³ Копия донесения Надворного Советника Базили к Господину Действительному Статскому Советнику Устинову от 25 мая 1847 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 3.

⁴ Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 153.

⁵ Письмо К. М. Базили к А.Н. Муравьеву. Бейрут, 28 мая 1840 г./ Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 500.

проявлял постоянную заботу¹. Вместе с тем консул прилагал усилия к восстановлению бейрутской типографии. Благодаря его содействию был напечатан пространный катехизис, который должен был принести большую пользу арабскому духовенству в Антиохийском патриархате².

В отличие от Базили, которого в вопросах арабского просвещения заботила, прежде всего, подготовка арабского клира, арх. Порфирий мечтал о просвещении местного православного населения в целом. Вместе с тем он видел необходимость в укреплении русско-арабских духовных, а также гуманитарных связей. Так, Порфирий ходатайствовал перед российским консулом о назначении главы православного семейства в Газе Аврааме Джегеше российским консульским агентом³. По мнению архимандрита, «учреждение агентства русского в Газе было бы полезно, как для русских поклонников, которые заходят сюда из Египта, так и для здешнего православного общества»⁴. Однако Базили не поддержал эту идею, поскольку считал православных арабов не совсем подходящей кандидатурой на роль российских дипломатических представителей. В целом консул сочувственно относился к местным православным, однако вследствие их необразованности, их способности оценивал невысоко. Подтверждение тому можно обнаружить в письмах К.М. Базили к А.Н. Муравьеву. В частности, консул писал, что вынужден был взять на службу драгомана униата (для переписывания документов на французском языке), воспитанника католических учебных заведений. Другой его драгоман был православным, который был честным и хорошим человеком, но малоспособным⁵. Тот факт, что Базили привлекал себе в помощники маронитов и униатов негативно оценивался арх. Порфирием и настораживал греческих иерархов.

В период своего пребывания на Ближнем Востоке арх. Порфирий (Успенский) общался не только с православными арабами и греками. У него сложился

¹ Письмо А. Н. Муравьев к К.М. Базили. С.-Петербург, 23 марта 1841 г./ Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 501.

² Письмо К. М. Базили к А.Н. Муравьеву. Бейрут, 6 января 1845 г./ Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 517.

³ См. Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. II. 1895. С. 74.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Письмо К. М. Базили к А.Н. Муравьеву. Бейрут, 28 мая 1840 г. / Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля...С. 500.

весьма широкий круг общения, включавший европейских консулов, христиан других конфессий: католиков, коптов, сиро-яковитов. Арх. Порфирия неоднократно посещали и принимали у себя османские чиновники и бедуинские шейхи, гостеприимство и учтивость которых он отмечал¹.

Налаживание контактов с представителями различных конфессий и разных слоев местного населения являлось фундаментом для деятельности постоянной духовной миссии в Иерусалиме, которая была главной задачей, возложенной на архимандрита Порфирия Министерством иностранных дел и Святейшим синодом. Сам арх. Порфирий считал, что учреждение миссии создаст видимость единства церковей Иерусалимской, Антиохийской и Русской, облегчит наблюдение за расходом денег, поступавших из России, позволит создать лучшие условия для пребывания русских паломников в Иерусалиме, снабдит сельские храмы иконами, организует школу иконописания, окажет содействие в организации народных школ, семинарии и академии в патриархии². Свои идеи относительно устройства будущей миссии и ее просветительской деятельности Порфирий изложил в отчетах, представленных посланнику в Константинополе. Так, в записке «О настоящем состоянии Палестинской церкви» арх. Порфирий уделил основное внимание проблемам образования в греко-православном миллете Османской империи. Он писал: «Греческое юношество, посвящаемое Гробу Господня, не имеет средств к образованию, ибо в Иерусалиме нет никакого Духовного училища. Да оно и равнодушно к учению, видя, что высшие церковные степени даются сборщикам для Гроба Господня и Игуменам за их труды, либо за деньги»³. Относительно учебных заведений Порфирий заметил, что в школах, основанных в Иерусалиме, Вифлееме, Яффе и Акре на пожертвования из России, юноши обучаются «по Ланкастерской методе; но учение их не имеет религиозного направления, так, что даже катехизису не обучают их. Детей поселян учат грамоте Арабские священники, большею частью

¹ См. Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. II. 1895. С. 21.

² Дмитриевский А.А. Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой духовной миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения христианского Востока //Русская духовная миссия в Иерусалиме. М.: Издательство Олега Абышко, 2009. С. 56 – 57.

³Записка Архимандрита Порфирия о настоящем состоянии Палестинской церкви /АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д 21. 1839 – 1842. Л. 83.

безвозмездно. На папертях, или в самых церквях. – Женских школ нет в Палестине»¹. Представив краткую характеристику православных учебных заведений, арх. Порфирий указал на необходимость учреждения Русской духовной миссии в Иерусалиме. В записке о будущем ее устройстве, составленной по совету посланника В.П. Титова, архимандрит отметил, что присутствие РДМ поможет организовать училища и поддержать православие в Святой земле. Согласно его мнению, религиозное просвещение укрепило бы взаимоотношения греческого и арабского духовенства «союзом любви и справедливости и благотворительности»². Помимо помощи грекам в организации учебных заведений, арх. Порфирий считал необходимым учредить русский свято-поклонный монастырь в Иерусалиме, а при нем училище. По замыслу архимандрита его следовало открыть на 3-й, 4-й год существования монастыря. Курс в училище должен был составлять 10 лет, который бы слушали 12 учеников из послушников. Затем часть из них могла бы преподавать в духовных училищах России, другие при отличном знании арабского языка могли бы поступить в писцы и драгоманы консульства или в репетиторы в российские учебные заведения. Остальные могли бы избрать монашество и остаться в монастыре в качестве помощников учителей. В качестве наставников в монастырском училище следовало избрать ученых иеромонахов и одного араба из Иерусалима или Дамасского патриаршего училища³. В этом учебном заведении воспитанники получали бы такое же образование как в российских духовных уездных училищах и отчасти в семинариях, однако с добавлением практических курсов новогреческого и арабского языков. Со временем в монастырское училище арх. Порфирий планировал допустить «для слушания уроков» трех-четыре юных греков, посвященных Гробу Господню и столько же арабских мальчиков из духовного звания, «для приготовления тех и других в учителя на случай открытия духовного училища в Греческом монастыре Св. Гроба и для приучения русских питомцев разговору

¹ Записка Архимандрита Порфирия о настоящем состоянии Палестинской церкви /АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д 21. 1839 – 1842. Л. 83.

² Там же. Л. 92 об.

³ Замечания Миссии. Записка О. Архимандрита Порфирия. – Константинополь. Январь 5-го дня 1845 г. к № 472. /АВПРИ Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 21. 1839 – 1842. Л. 126 об.

Греческому и Арабскому»¹. Совместное обучение в училище греков, русских и арабов могло бы не только повысить их образовательный уровень, но и укрепить связи друг с другом и с единой Россией. Таким образом, Порфирий собирался подготовить профессиональные педагогические кадры для духовного учебного заведения в Иерусалиме. Он полагал, что монастырь посредством своего училища со временем «возжет свет веры и ведения в Палестинской Церкви, и медленно, но верно и спокойно приготовит будущих деятелей сей церкви из Арабов»². При монастыре арх. Порфирий полагал также на 3 – 4 года поместить русского иконописца «для обучения Арабов церковной живописи, дабы посредством их снабжены были все церкви Палестины и Сирии пристойными иконами»³.

Организация монастырского училища, по мнению Порфирия, не должна была вызвать противодействия в политическом отношении, поскольку «Турки привыкли видеть при монастырях обучающихся мальчиков, а Латины и Протестанты имеют свои училища»⁴. Таким образом, Османы не должны были возражать против русского училища, из которого русские ученики будут выбывать в Россию, тогда как их питомцы останутся в Палестине.

Помимо задач просветительского характера, миссия, по замыслу арх. Порфирия, должна была заниматься благотворительностью: раздавать подаяния бедным палестинским христианам, наблюдать за российскими паломниками, а кроме того «производить ученые исследования в Палестине и других местах Сирии»⁵.

Получив записку от арх. Порфирия, В.П. Титов присовокупил к ней свои замечания и отправил в МИД. В своих комментариях он указывал на правовую возможность организации РДМ в Иерусалиме. Так, согласно 14-й статье Кайнарджийского трактата, России предоставлялось право иметь в Порте, кроме посольской домово́й церкви, публичный православный храм, состоящий под защитой высочайшего двора, на подобие римско-католических монастырей, издавна находящихся в

¹ Там же. Л. 127 об.

² Там же. Л. 127 об.

³ Там же. Л. 136.

⁴ Там же. Л. 128.

⁵ Донесение Посланника Титова. От 22 января 1845 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 21. 1839 – 1842. Л. 108 об.

Порте и Галате под покровительством Австрии и Франции. «Доселе не являлось особенной нужды требовать сего преимущества. Но право тем не менее существует...»¹. Титов полагал, что русскую миссию в Иерусалиме, в случае ее учреждения, вполне может возглавить арх. Порфирий (Успенский), которого он считал весьма способным «как по личным его качествам, так и по приобретенной им опытности через двукратную поездку в Иерусалим»². Однако прежде арх. Порфирию следовало вернуться в Россию, «для совещания как о выборе членов монастыря, так равно о правилах его устройства по хозяйственной, училищной и священнодейственной части»³.

Находясь у посланника в Константинополе, арх. Порфирий получил разрешение на поездку в Египет, Синай и Нитрийские монастыри, куда он отправился в январе 1845 г. для изучения состояния христианских церквей. Вместе с тем он много времени уделял научным исследованиям, а также налаживанию контактов с коптами, о воссоединении которых с православной церковью он мечтал. Вернувшись из Египта, арх. Порфирий отправился на Афон, где провел год, изучая рукописи в местных монастырях. Таким образом, география путешествий арх. Порфирия по Востоку, как и круг его научных интересов, были чрезвычайно широки. Во время посещения восточных стран и христианских обителей арх. Порфирий «богомольствовал, списывал хрисовулы царей греческих, российских, сербских, болгарских и князей валахских, и молдавских, грамоты патриархов цареградских и другие древние акты, разузнавал состояние православной церкви и действия унии, католицизма и протестантства, в Египте ознакомился с вероучением и богослужением христиан-коптов и с их архиереями и монахами; в Сирии видел маронитов, ансариев, друзов и изучал их веровые толки; везде осматривал памятники

¹ Некоторые соображения по двум отчетам Отца Архимандрита Порфирия. 22 января 1845 г. /АВПРИ Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 21. 1839 – 1842. Л. 140.

² Донесение Посланника В.П. Титова. От 22 января 1845 г. /АВПРИ Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д. 21. 1839 – 1842. Л. 110.

³ Копия. Некоторые соображения по двум отчетам Отца Архимандрита Порфирия / АВПРИ Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д. 21. 1839 – 1842. Л. 142.

церковного зодчества, ваяния и иконописания и вслушивался в церковное пение православных и инославных христиан...»¹.

После Афона в 1846 г. Порфирий вернулся в Россию. Сначала он некоторое время провел в Одессе, а затем посетил архиепископа Иннокентия в Харькове. К удивлению архимандрита ученый архиепископ не знал православного Востока. «Когда приедете в Петербург, – говорил он Порфирию, – то, пожалуйста, дайте верное и подробное представление о Востоке и синоду и министерству иностранных дел; синоду начните с азбуки, а министерству напишите о политике России в отношении к Востоку»². Следует отметить, что арх. Порфирий мог с честью выполнить поручение архиепископа, так как, согласно Дереку Хопвуду, он был первым, кто собрал и привез в Россию столь подробные сведения о больших областях Сирии и Палестины³.

По прибытии в октябре 1846 г. в Петербург арх. Порфирий принялся за составление обстоятельных отчетов, которые тщательно были изучены Министерством иностранных дел и Святейшим синодом. После необходимых согласований, Николай I 11 февраля 1847 г. принял решение об учреждении Русской духовной миссии в Иерусалиме. Несмотря на официальный характер миссии, арх. Порфирий снова оправился в Иерусалим не в качестве игумена или настоятеля Святопоклонного монастыря, который он хотел основать, а в качестве поклонника, снабженного дозволением и формальной рекомендацией от русского духовного начальства. Вместе с архимандритом Святейший синод предполагал отправить одного иеромонаха и двух молодых людей, окончивших с успехом курс наук в среднем или высшем духовном заведении, которые имели бы познания в языках греческом и одном из новейших и отличались благонравием⁴. Хотя Россия стремилась укрепить свое положение на Ближнем Востоке, полномочия, данные Духовной миссии, как и ее финансирование, были весьма ограничены. Согласно копии Инструкции от 28

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга Бытия моего. Т. III... С. 57.

² Там же. С. 55.

³ Hopwood, Derek. The Russian presence in Syria and Palestine... P. 37.

⁴ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 оп. 46. Д. 19 ч. 1. 1847 [Об учреждении Российской духовной миссии в Иерусалиме]. Л. 5 – 5 об.

августа 1847 г., данной архимандриту Порфирию, «его пребывание в Иерусалиме вместе с подчиненными ему лицами ограничивалось тремя годами, если впрочем Святейший Синод не признает нужным впоследствии сократить или продолжить сии сроки»¹. При этом арх. Порфирию и подчиненным ему лицам надлежало состоять там не иначе, как в качестве поклонников. Им следовало избегать всего того, что может не нравиться местному духовенству и жителям; сверх того, они не должны были ни под каким предлогом устраниваться от служения по-гречески вместе с духовенством, дабы не навлечь на себя упрека в гордости или равнодушии к грекам. О том, насколько в российских верхах беспокоились о взаимоотношениях членов Миссии с греческими иерархами свидетельствует письмо, отправленное Иерусалимскому патриарху Кириллу, в котором его Блаженство просили принять «сих благочестивых поклонников... в Святом граде... сообразно тем чувствам взаимной любви, доверия и братства, какие всегда существовали между российской и всеми Восточными Церквями»².

Помимо того, что арх. Порфирию следовало быть весьма предупредительным в отношениях с греческим духовенством, он не должен был принимать ни малейшего участия в политических делах. В случае необходимости, архимандрит мог делать лишь «изустные дружелюбные представления Патриарху и Консулу», когда заметит, что-либо полезное к улучшению участи и доброму порядку поклонников³.

Согласно пунктам 15 и 16 инструкции, регулировавшим взаимоотношения архимандрита и консула, им предписывалось находиться для пользы службы отечеству «в постоянном единодушии». При этом архимандрит должен был сообщать консулу важные сведения относительно восточной церкви, а консул давать архимандриту наставления «и делать доверительные внушения»⁴.

¹ Инструкция Архимандриту Порфирию, отправляемому в Иерусалим. Копия. 28 августа 1847 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч. 1. 1847. Л. 31.

² Отношение Канцелярии Обер-прокурора Святейшего синода К.В. Нессельроде/ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч. 1. 1847. Л. 56.

³ Инструкция Архимандриту Порфирию, отправляемому в Иерусалим. Копия. 28 августа 1847 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч. 1. 1847. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 35 – 36.

Особым пунктом в инструкции отмечалась необходимость научных занятий в Миссии¹. Что же касается просветительской программы, намеченной арх. Порфирием, то она была сильно сокращена, а об училище вообще не упоминалось. Тем не менее в инструкции указывалось, что если среди духовных лиц при архимандрите будет кто-либо сведущий в иконописании, он бы мог обучать ему единовѣрных греков и арабов².

В отличие от католического патриарха и англиканского епископа, которые возглавляли западные миссии на Ближнем Востоке, российскую православную миссию должен был представить архимандрит. При слабом финансировании и различных ограничениях, которым миссия должна была следовать, она, по мнению Д. Хопвуда, была обречена на провал еще до отъезда из Петербурга³.

Получив необходимые рекомендации, арх. Порфирий со своими спутниками отправился 14 октября 1847 г. из Петербурга в Константинополь. Вместе с архимандритом на Ближний Восток выехали бакалавр С.-Петербургской духовной академии Иеромонах Феофан, а также два воспитанника С.-Петербургской духовной семинарии: Петр Соловьев и Николай Крылов⁴. При арх. Порфирии также находился штатный служитель одесского Успенского монастыря Иван Будземский. В османскую столицу члены миссии прибыли 23 ноября 1847 г. и оставались там некоторое время по причине неблагоприятной погоды. Перед отправлением в Иерусалим Титов сообщил арх. Порфирию необходимые сведения сообразно политическим обстоятельствам в Сирии и Палестине⁵. Вместе с тем он снабдил архимандрита рекомендательными письмами к вице-консулу в Яффе и генконсулу в Бейруте, которого просил посодействовать, чтобы арх. Порфирию и другим членам миссии

¹ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч. 2 1848 – 1855 [О научных занятиях Духовной миссии в Иерусалиме]. Л. 1.

² Инструкция Архимандриту Порфирию, отправляемому в Иерусалим. Копия. 28 августа 1847 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч. 1. 1847 [Об учреждении Российской духовной миссии в Иерусалиме]. Л. 37.

³ См. Hopwood, Derek. *The Russian presence in Syria and Palestine...* P. 42.

⁴ Отношение Канцелярии обер-прокурора Святейшего синода К.В. Нессельроде от 21 августа 1847 г. /АВПРИ.Ф. 161. СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч. 1. 1847. Л. 40.

⁵ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч. 1. 1847. Л. 85.

оказали благоприятный прием в Иерусалимской патриархии и предоставили им приличное помещение.

Архимандрит прибыл в Иерусалим 17 февраля и был тепло встречен греческим духовенством. Помимо членов Патриаршего синода, святогробского духовенства, арх. Порфирия приветствовали арабские священники, армяне и католики, которые навестили его через своих представителей. Кроме того, его посетил местный кади. Подобное внимание к русскому архимандриту свидетельствовало о том, что в Иерусалиме его считали не простым поклонником, а российским дипломатическим агентом¹.

В первое время члены миссии были размещены в самом Святогробском монастыре, однако благодаря ходатайству Базили, патриарх Кирилл выделил для них часть Архангельского монастыря. Там миссия водворилась 16 августа 1848 г. с благословения патриарха, данного в присутствии других церковных иерархов. Тогда же архимандриту было дозволено совершать богослужения на русском языке. Помимо членов миссии, в монастыре проживали прислуживавшие им арабы-христиане. Вместе с тем арх. Порфирия часто посещали православные греки и арабы, сиро-яковиты, копты, англичане и русские паломники. Они присоединялись к вечерней трапезе, которая превращалась в ученую и философскую беседу на французском, арабском и греческом языках.

Еще во время первого путешествия по Востоку арх. Порфирий осознал, что для успеха его миссии необходимо изучать арабский язык. Приехав в Иерусалим второй раз, он сразу же попросил найти им грека и араба «для ежедневного разговора»². Собеседники и писцы на этих языках должны были не просто приходить для занятий, а жить в монастыре, для чего им были отданы две кельи. Изучать арабский и новогреческий языки надлежало всем членам миссии. Находясь на Востоке, арх. Порфирий видел какое внимание арабскому языку уделяют католики и протестанты, добившиеся больших успехов в миссионерской деятельности. Во время посещения латинского патриарха в Иерусалиме Джузеппе Валерги в феврале

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Т. III... С. 221.

² Там же. С. 218.

1848 г., за действиями которого арх. Порфирию следовало наблюдать, патриарх спросил знает ли архимандрит арабский язык. Порфирий, не смутившись ответил, что начал изучать «Я раб ерхам, – Господи помилуй»¹. В отличие от католических монахов, которые изучали арабский язык еще в период средневековья, как с научными, так и религиозными целями, русское православное духовенство вплоть до середины XIX века практически не было с ним знакомо.

Первым церковным деятелем, увидевшим необходимость в изучении арабского языка с целью укрепления русско-арабских духовных связей, был именно арх. Порфирий (Успенский). Арабский язык членам миссии преподавал дамаскинец Фадлалла (Фадл Аллах) Сарруф², племянник арабского священника о. Спиридона, с которым арх. Порфирий встречался в Триполи в 1843 году³. Фадлалла служил в миссии не только преподавателем, но и переводчиком. Кроме того, он сопровождал арх. Порфирия в его поездках, помогал налаживать контакты с арабами, переводить старинные книги и рукописи, в частности, касающиеся церковной истории Востока, тем самым содействуя научным трудам русского архимандрита⁴. Присутствие в миссии переводчика-араба было очень ценно для научных путешествий арх. Порфирия. Поскольку далеко не во всех греческих монастырях Иерусалимского и Александрийского патриархатов имелись знатоки арабского языка, способные прочесть старинные рукописи. Вместе с тем Фадлалла был информатором арх. Порфирия и сообщал ему ценные сведения о Сирии, поступавшие к нему, вероятно, от дяди о. Спиридона, близкого к Антиохийскому патриарху Мефодию. Эти сведения касались событий в восточных патриархатах, действий церковных иерархов, а также их взаимоотношений. Все это очень помогало арх. Порфирию ориентироваться в ситуации на Ближнем Востоке, в том числе в делах восточных церквей и предпринимать меры к поддержанию православия. Так, Фадлалла сообщил арх. Порфирию о том, что в Сидоне для воссоединения униатов с православными требуется школа, а патриарх Мефодий не желает выделить на это средств. И

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. III... С. 221.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 348.

⁴ См. там же. С. 545.

если Йусуф Шатила, который был учителем и пользовался большим уважением дамаскинцев, по примеру Михаила Мшака делается протестантом, то многих за собой увлечет. При этом Фадлалла убеждал арх. Порфирия написать о Шатиле генконсулу Базили и просить его, чтобы он предоставил этому учителю прежнее место. Арх. Порфирий согласился¹. От Фадлаллы же арх. Порфирий узнал, что в Дамаске в 1847 г. было открыто девичье училище, которое размещалось в церковном доме близ патриархии².

Полученные сведения о Сирии помогали архимандриту в написании обстоятельных отчетов. Так, в отчете о состоянии Антиохийской православной церкви³, составленном для российского посланника В.П. Титова в 1848 г., арх. Порфирий сообщал, что для успехов православия в Палестине необходимо издавать переводы духовных сочинений на арабском языке. По имевшимся у него сведениям некоторые богословские трактаты, как например, «Исповедание» киевского митрополита Петра Могилы, были давно уже переведены на арабский язык. Тем не менее они оставались в рукописях, поскольку «иерусалимское духовенство хотя бы не вовсе лишено средств к напечатанию их, но неохотно к тому приступает по новости дела и при других заботах и издержках»⁴. Арх. Порфирий полагал, что при финансовой помощи с российской стороны можно печатать соответствующую литературу в типографии в Бейруте или перенести ее на время в Иерусалим. Издание духовной литературы на арабском языке было необходимо, чтобы поднять образовательный уровень не только арабского клира, но и всей арабской паствы. Вместе с тем духовная и учебная литература понадобилась бы богословской школе, которую арх. Порфирий просил учредить патриарха Кирилла. По замыслу русского архимандрита, там должны были обучаться не только греки, но и арабы, а кроме того, должен был преподаваться арабский язык. После шестилетних настояний со стороны арх. Порфирия патриарх, наконец, согласился открыть «для юных арабчиков», еще

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. III... С. 588.

² Там же. С. 436.

³ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч.2 [О научных занятиях Духовной миссии в Иерусалиме]. 1848 – 1855. Л. 5.

⁴ Письмо В. Титова к Дашкову от 16 января 1850 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19. Ч.2. 1848 – 1855. Л. 7 – 7 об.

неграмотных, четырехклассную школу. К тому же в это время из России поступили средства, которые Святейший синод рекомендовал употребить на образовательные нужды. Согласно копии с донесения генерального консула Базили к посланнику Титову, патриарх Иерусалимский предполагал открыть «особенное училище для воспитания некоего числа молодых Арабов, предназначенных в духовное звание, дабы заменить со временем нынешнее поколение необразованных и униженных пресвитеров палестинских, питающих зависть и вражду к Греческому Святогробскому Начальству, людьми образованными и обязанными Духовному управлению признательностью за дар воспитания»¹. В то же время Базили упоминал о своем намерении отправить в распоряжение его Блаженства «самого даровитого из арабских священников» антиохийского пресвитера Спиридона для содействия к основанию предполагаемого училища для подготовки арабских воспитанников в духовное звание, под его руководством². Вероятно, эту идею Базили подал арх. Порфирий, а тому, в свою очередь, племянник о. Спиридона Фадлалла³. На совете, который состоялся между патриархом, арх. Порфирием и Базили, приехавшим в Иерусалим, было решено дать о. Спиридону помещение в одном из святогробских домов, 10000 пиастров жалования в год, а также на дорогу 1000 пиастров; а кроме того пригласить из палестинских епархий на первый раз двенадцать молодых арабов и поместить их в приготовленном доме⁴. Открытие училища состоялось 26 марта 1849 г. в монастыре Св. Гроба. По случаю события арх. Порфирий записал в своем дневнике, что с этого времени «началось воскресение Церкви Палестинской. Этот день есть торжественный день и в моей жизни», – писал он⁵. Обучение в данной школе предполагало четыре года. В первом классе ученики изучали арабский алфавит и первую кафизму⁶ по-арабски, во втором – заканчивали изучение псалтыри и упражнялись в писании под диктовку. На третий год воспитанники изучали

¹ Копия с донесения Генерального консула Базили к Г. Посланнику Титову от 1 ноября 1849 г./АВПРИ Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1855. Л. 6 об – 7.

² Там же. Л. 7 об.

³ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. III... С. 578.

⁴ Там же. С. 579.

⁵ Там же. С. 579.

⁶ Кафизма – раздел Псалтыри.

арифметику, продолжали писать под диктовку не только на досках, но и на бумаге, а также учились читать и писать по-гречески. В четвертом классе мальчики проходили греческую грамматику, грамматический разбор и начала географии.

В декабре 1849 г. К.М. Базили сообщал В.П. Титову, что иерусалимское училище, где обучались арабы «функционировало и преуспевало». В нем обучались 27 монастырских послушников и 12 арабов подкоштных воспитанников монастыря Святогробского. Первые под руководством духовного наставника-грека изучали историю и географию, слова Плутарха и речи Демосфена, при постоянном преподавании катехизиса и проповедей Василия Великого и Иоанна Златоуста¹. Духовное воспитание арабов, по-видимому, было вверено Спиридону Сарруфу «для посвящения их со временем в духовное звание и для занятиями ими приходов по епархиям Иерусалимским»². В своем донесении Базили также упомянул о приходских училищах, которые были основаны в Иерусалимском патриархате за последние 8 лет на пожертвования, высылаемые ежегодно Святейшим синодом. Базили писал, что заботами патриарха Кирилла они получили некоторые улучшения и безвозмездно снабжались книгами и всем необходимым³. По ходатайству Базили патриарх Кирилл содействовал основанию училища в Сайде⁴. Следует отметить, что в своих донесениях посланнику Титову Базили регулярно упоминал тему просвещения в Палестине. Так, уже в феврале 1850 г. генконсул сообщал, что «состояние училищ (в Палестине – Е.С.) довольно удовлетворительно, по соображению с местными средствами и нуждами паствы»⁵. Количество учебных заведений постепенно увеличилось до 45. Греческое духовенство открывало школы даже в тех местностях, где можно было обойтись и без них только для того, чтобы предупредить «замыслы протестантских миссионеров, готовых всюду ласкаться к паствам приманкою училищ»⁶. В некоторых селах управление Святогробское открывало школы,

¹ Выписка из донесения К.М. Базили В. Титову от 2 декабря 1849 г. Копия/ АВПРИ Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 11.

² Там же. Л. 11 – 11 об.

³ Там же. Л. 11 об.

⁴ Там же. Л. 12 об.

⁵ Копия с рапорта Г. Генерального Консула Базили Г. Посланнику Титову от 25 декабря 1850 г. / АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853 Л. 16 – 16 об.

⁶ Там же.

чтобы таким образом доставить денежное пособие неимущим священникам, которым было вверено обучение их прихода¹. Как видно, Базили высоко оценивал просветительские труды греческого духовенства, благодаря которым «попытки протестантов доселе остаются безуспешными, и училища, основанные миссионерами в иных деревнях, ... закрылись по неявлению в оных учеников»². В Иерусалиме, Яффе, Акре и Назарете количество учебных заведений и их программы находились в соответствии с нуждами населения. В частности, в некоторых школах присутствовали учителя не только для детей, но и для взрослых. Остальные училища в других городах и селах ограничивались изучением арабской грамоты и молитв. При этом Базили отмечал, что количество учащихся в этих заведениях было весьма непостоянно, «завися всего более от времени года и сельских работ, отвлекающих детей в пособие к родителям», колеблясь от 800 до 1000³. По мнению российского генконсула, учебным заведениям подобного рода (т.е. по сути приходским школам для арабов), «вряд ли должно желать вящего развития или умножения»⁴. Своей главной обязанностью в деле просвещения он считал побуждение греческого духовенства к дальнейшему развитию патриаршего училища⁵. Полученные от Базили сведения, отправлялись из Константинополя в МИД, а оттуда в Духовное ведомство. Под влиянием его отчетов в российских верхах формировалось представление о ситуации на Ближнем Востоке, а также мерах, которые принимает греческое духовенство для просвещения местного населения. Об этом, в частности, свидетельствует отношение К.В. Нессельроде обер-прокурору Св. синода Н.А. Протасову от 4 февраля 1850 г. Ссылаясь на выписку из донесений Базили, он указывает на «постоянную заботливость» патриарха Кирилла об учреждении и улучшении школ в его Патриархии, благодаря чему выросло число униатов, возвратившихся к православию в Палестине⁶. Такие сообщения, поступавшие от российского генконсула,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Отношение Канцлера К.В. Нессельроде Обер-Прокурору Св. Синода Гр. Протасову от 4 февраля 1850 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 14.

оценивались весьма благосклонно российскими властями. Следует отметить, что Базили имел весьма четкое представление о патриаршем училище, которое он неоднократно посещал в Иерусалиме. Что же касается сельских школ, то скорее всего он довольствовался сведениями, поступавшими от греческого духовенства. Сами греческие иерархи нередко преувеличивали результаты своей просветительской активности, поскольку часть полученных из России средств они должны были тратить на образовательные нужды. Российским представителям в Святой земле было непросто отследить как именно расходуются деньги, поступавшие в святогробскую казну из России. В связи с этим православным иерархам заранее рекомендовалось выделять часть этих средств на просветительские нужды. Получив от Базили в ноябре 1851 г. деньги от кружечного сбора, предназначенные Святогробскому монастырю, арх. Порфирий просил наместника Иерусалимского патриарха, чтобы он учредил девичье училище в Св. Граде и послал утварь и ризницу в православные церкви в Алеппо и Ма'алуле¹. Арх. Порфирий отмечал, что по сравнению с числом женских училищ, открытых католической церковью на Ближнем Востоке, количество православных школ значительно уступает. Он насчитал всего 3 училища: «одно в Царьграде, другое в Дамаске под надзором арабской инокини Феклы, третье в Александрии»². Несмотря на долгое упорство греческих иерархов, арх. Порфирию удалось убедить их в необходимости организовать в Иерусалиме приходскую школу для девочек. Подготовка к открытию школы активно велась в 1850 г., однако затем, в силу различных обстоятельств, была приостановлена. Тем не менее в 1853 г. школа уже функционировала. Об этом свидетельствуют слова К.М. Базили, писавшего: «Училища подведомые Престолу в том числе и девичье, основанное первоначально пожертвованием Г. Генерала Адъютанта Путятин, поддерживаются по-прежнему в соразмерности с духовными средствами края...»³. Согласно

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. IV... С. 69.

² Путешествие по Египту и в монастыри святого Антонина Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. Архимандрита Порфирия Успенского. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1856. С. 20.

³ Копия с отношения генерального консула Базили к поверенному в делах Озерову от 20 Января 1853 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 34.

программе в этом училище обучали Закону Божию, священной истории, грамоте и рукоделию.

Помимо школы для девочек в Иерусалиме, архимандрит Порфирий обдумывал создание женского монастыря и школы в Назарете при греческой церкви Благовещения. Туда он планировал пригласить арабских учительниц из Сайданайского женского монастыря и женской школы в Дамаске. И.Ю. Смирнова отмечает, что замысел арх. Порфирия был оторван от реальности, поскольку прежде чем открыть в Назарете монастырь и училище необходимо было получить разрешение и благословение от местного церковного иерарха. Однако в проекте, направленном для ознакомления А.Н. Муравьеву, арх. Порфирий обошел стороной этот проблематичный для решения вопрос¹.

Среди образовательных учреждений, открытых для православных арабов, наиболее эффективно учебный процесс шел в патриаршем училище. Этому способствовало создание библиотеки с арабоязычной литературой, в организации которой принял участие наместник патриарха. По совету о. Спиридона он выписал 20 книг на арабском языке. В свою очередь, о. Спиридона на это надомнил его племянник Фадлалла, который, находясь с арх. Порфирием в Каире, составил по его совету список лучших арабских книг². Однако дефицит учебных пособий восполнялся медленно. Причиной тому, вероятно, был недостаток средств, выделенных на напечатание арабской литературы в Бейрутской типографии.

В отличие от Базили арх. Порфирий имел детальное представление не только о патриаршем училище и школах в приморских городах Палестины, но и сельских школах, где дела с духовным просвещением и образованием обстояли намного сложнее. Большинство местных христиан по-прежнему были неграмотными. Более того, арабские священники, и те, кому предстояло быть рукоположенным в сан, не всегда умели читать и писать, а некоторые даже не хотели учиться, считая «что

¹ См. подробнее: Смирнова И.Ю. Петербург-Москва-Иерусалим: миссия архимандрита Порфирия (Успенского) // ППС. 109. М., 2014. Изд-во «Индрик». С. 69 – 116.

² Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего Т. IV... С. 98.

довольно знать одно Евангелие и один Кондак»¹. В связи с этим арх. Порфирий регулярно беседовал с греческими иерархами, а также православными арабами, в частности, деревенскими старейшинами, убеждая их отдавать своих сыновей в училища. Православные шейхи нередко опасались, что там их дети развратятся. Тем не менее многие палестинцы поддерживали просветительские меры. Так, в феврале 1851 г. наблусские священники попросили наместника патриарха учредить у них училище и послать наставника, который мог бы обучать детей греческому языку, нужному при сношениях с монастырем, с поклонниками и купцами. Наместник намеревался отправить в Наблус учителя Фараха, знавшего греческий язык и преподававшего в арабской школе в Иерусалиме, но отменил свое распоряжение из-за недовольства арабских священников, не желавших его туда отпускать. Не помогли и ходатайства арх. Порфирия². Уговаривать арабских священников, чтобы те отпустили Фараха хотя бы на полгода, арх. Порфирий отправил Фадлаллу. Тем не менее и его усилия не увенчались успехом. Вместо Фараха в Наблус отправился грек Нифон, знавший арабский и французский языки. Однако арх. Порфирий считал, что из этого выйдет мало толку, поскольку греки не стремились просвещать арабов, а те, в свою очередь, не очень доверяли грекам.

Заботясь о качестве образования православного населения в Палестине, арх. Порфирий лично посещал все учебные заведения и участвовал в просветительских мероприятиях, организованных греческим духовенством. Своими впечатлениями он делился с Базили, с которым к этому времени у них установились дружеские отношения. Под влиянием сведений, поступавших от начальника Духовной миссии, представление Базили об образовании в Палестине начало меняться, что заметно по его отчетам. В своих донесениях посланнику в Константинополе Базили в 1852 г. сообщал, что состояние училищ и их развитие далеко не соответствует нуждам церкви и производимым на них расходам. В связи с этим во время

¹ Кондак – один из основных жанров византийской гимнографии. В первоначальном смысле слова это много-строфный гимн строго определенной формы.

² См. Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. IV... С. 86 – 87.

пребывания в Иерусалиме он собирался «лично поощрить ревность наставников в училищах и возобновить ходатайство у духовенства о сем предмете»¹.

Следует отметить, что арх. Порфирий и Базили нисколько не умаляли заслуг патриарха Кирилла в деле арабского просвещения. Однако достичь успехов на этом поприще ему было сложно, ввиду активной инославной пропаганды и недостатка надежных сподвижников. Вследствие этого патриарх обратился за содействием к архимандриту Порфирию, «в котором Его Блаженство обрел помощника, соединяющего с обширными познаниями и опытностью особенный дар к улаживанию и примирению»². По просьбе патриарха Кирилла арх. Порфирий в 1852 г. принял звание и обязанности попечителя иерусалимских училищ по учебной части³. В назначении русского архимандрита эфором эллино-арабского училища важную роль сыграл Базили, который подал эту идею патриарху. Арх. Порфирий же решил, что с удовольствием возьмется «за это знакомое и приятное (ему) дело»⁴. Именно в области просвещения, по мнению Дерек Хопвуда, деятельность арх. Порфирия была наиболее активной, а его сотрудничество с Иерусалимским патриархом – плодотворным⁵.

Вступив в новую должность, арх. Порфирий тут же занялся «приисканием вернейших и легчайших способов к распространению духовного образования между Арабами»⁶. Однако все просветительские меры он должен был согласовывать с Иерусалимской патриархией и действовать с ее согласия. Учебным процессом в патриаршем училище Порфирий в целом был доволен. Оно постепенно превращалось в духовную семинарию под управлением ректора иеромонаха Дионисия Клеопа. Арх. Порфирий и Базили вместе с патриархом осмотрели учебное заведение в сентябре 1852 г. Там обучалось около 30 воспитанников греческого и

¹ Выписка из отношения Г. Посланника в Константинополе к Г. Директору Азиатского департамента от 14 января 1852 г./ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 19.

² Отношение Российской императорской миссии в Константинополе 14 декабря 1852 г. Его превосходительству Н.И. Любимову / АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 20 об.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего Т. IV... С. 308.

⁵ См. Norwood Derek. The Russian presence in Syria and Palestine... P. 43.

⁶ Отношение Российской императорской миссии в Константинополе 14 декабря 1852 г. Его превосходительству Н.И. Любимову/ АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 21.

арабского происхождения. Вместе с тремя наставниками и прислугой они временно занимали отдельный дом по соседству с монастырем. В дальнейшем училище планировалось перенести в Крестный монастырь, где с этой целью уже велись ремонтные работы. Всего там должно было обучаться 50 – 60 воспитанников. В Крестном монастыре патриарх впоследствии планировал учредить духовную академию¹.

Между тем за три года существования училища туда было принято лишь 17 арабских юношей. Только один из них поступил в должность приходского учителя в городе Рамле, еще один скончался, девять оставили обучение. В итоге в учебном заведении остались лишь 5 благонадежных воспитанников.

Сам патриарх был намерен воспитывать в училище 20 арабов. Но несмотря на его приглашение и благоустройство упомянутой школы, ни иерусалимские, ни прочие христиане не отправляли больше в нее своих детей². По мнению арх. Порфирия, тому было несколько причин. «Во-первых, туземцы издавна не имеют любви и доверия к своим Владыкам – иноплеменным, обращающимся с ними холодно и даже презрительно; и потому легко переменяют свою веру и поручают обучение детей своих лучше Англичанам, нежели своим Архипастырям. Во-вторых, потому что почти все они весьма бедны. Питаясь трудами рук своих, они спешат выучить детей своих грамоте в самом раннем возрасте (между 6 и 9 годами) и потом делают их или ремесленниками или торговцами или держат их при себе для полевых и садовых работ... В-третьих, они не видят впереди никакой пользы от долговременного обучения детей, которым не бывать ни архиереями, ни переводчиками, ни писцами, когда все хлебные должности занимаются или Греками, или Католиками, или Униатами и Протестантами. В-четвертых, по учреждению Патриаршей школы, неблагоприятное попечителей ее произвело недоверчивость и страх даже в тех родителях, которые решились отдать в нее детей своих. Ибо им запрещено было видеть их; кой-какие училищные грехи не затаены были, и разглашенные напугали отцов и матерей; а взятое с них обязательство, чтобы сыновья их поступили в

¹ См. Письмо К. М. Базили – А. Н. Муравьеву. Бейрут, 18 марта 1852 г. / Лисовой Н.Н, Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 534.

² Записка арх. Порфирия 1852 г. /АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 23.

духовное звание, показалось нарушением древнего права, по которому приход избирает себе в священники кого хочет и кому доверяет. От этого пошли странные толки, будто детей постригут в монахи,... будто в Патриаршей школе они погибнут душой и телом. По сей причине за Иорданский шейх Абдалла взял назад своего сынка и одного сверстника его, которые подавали прекрасные надежды»¹. Вместе с тем деревенские мальчики привыкли к свободной одежде и свежему воздуху. В училище им было душно и тесно в другой одежде. По этим причинам Патриаршая школа пустовала. Для того, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, арх. Порфирий советовал патриарху воспитывать иерусалимских сирот за счет казны Святого гроба, но не помещать их в Патриаршей школе во избежание кривых толков, а выдавать матерям их несколько рублей серебром ежемесячно на каждого ребенка в виде подарка за успехи в учебе и за хорошее поведение. Это позволило бы избежать больших расходов на содержание их в училище, а выгода заставила бы матерей посылать детей своих в школу в течение многих лет, следовательно недостатка в учениках не было бы. Кроме того, ответственность за них перед Богом и родителями облегчилась бы в половину. Сначала патриарх увлекся идеей архимандрита, однако затем отказался от нее. По его представлению, если бы сиротам стали выдавать деньги, то их потребовали бы и остальные. А выдачу денег всем ученикам патриархия позволить себе не могла. Тогда арх. Порфирий решил действовать другим образом. Он предложил генконсулу, чтобы ему ежегодно выдавали 1000 р. серебром из кружечного сбора в пользу Гроба Господня, чтобы он расходовал их на воспитание арабских сирот. Порфирий полагал, что «Лакомые деньги заохотят арабов к учению»². При этом святогробское духовенство тоже не должно было быть ущемлено, поскольку сумма от кружечного сбора была неодинаковой каждый год, и оно не узнало бы об этой тысяче. Что же касалось патриарха, то он, по мнению арх. Порфирия, был бы рад такому распределению, поскольку и так уже выделял средства из российских пожертвований на нужды училищ. Кроме того, Кирилл

¹ Там же. Л. 24 – 24 об.

² АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА П- 9. Оп. 46. Д. 15 [Училище основанное в Иерусалиме для образования арабов, предназначенных в духовное звание]. 1847 – 1853. Л. 26.

положил 30000 руб. серебром в русские банки, которые составляли училищный капитал. Со стороны российских властей идея арх. Порфирия не вызвала возражений. По мнению российского посланника в Константинополе, архимандрит представлял полную благонадежность в финансовых вопросах. В связи с этим «сдача в его распоряжение сначала незначительной суммы послужит полезным опытом и примером для местного духовенства»¹.

Расчет арх. Порфирия и российских властей оправдался. Передача в его распоряжение небольшой суммы от кружечного сбора оказала нужное влияние на греческих иерархов. Арх. Порфирий беседовал с патриархом, а также его наместником Мелетием об увеличении числа арабских учеников, предлагая перевести в училище из ланкастерской школы 10 мальчиков с тем, чтобы они не жили в училище, а только бы ходили туда². По мнению Порфирия, приходящих учеников следовало содержать изданием казны Св. Гроба, но не помещать в самой школе, а ежемесячно выдавать им по 50 пиастров, как награду за хорошее поведение и похвальные успехи в науках³. Наместник согласился считать таких воспитанников внешними и избрал для них среди святогробского духовенства покровителей, которые как бы содержали их за свой счет. На самом деле из казны святогробской им выдавалось ежемесячное небольшое жалование⁴. Таким образом, число арабских воспитанников в патриаршем училище увеличивалось.

Помимо дефицита арабских учеников, образовательный процесс в училище осложняли и другие факторы, а именно напряженные взаимоотношения между ректором и патриархом. По мнению Базили, ректор был человеком ученым, получившим свое образование в Константинополе, Афинах и Берлине. Однако он был слишком молод, строг к воспитанникам и нетерпелив к местным обстоятельствам. «Он поссорился со всеми и даже с Патриархом, по тому поводу, что хотел по своему произволу и не соображаясь с обстоятельствами, исключить воспитанников,

¹ Российская императорская миссия в Константинополе 14 декабря 1852 г. Его превосходительству Н.И. Любимову / АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 9. Оп. 46. Д. 15. 1847 – 1853. Л. 21 об.

² Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. IV... С. 318 – 319.

³ Там же. С. 389.

⁴ Там же. Т. V. С. 129.

коих и без того трудно приискивать. Преподавание было даже прекращено на несколько дней»¹. Благодаря усилиям Базили, взаимоотношения ректора и патриарха удалось некоторым образом наладить. В свою очередь арх. Порфирий «теплым участием в успехах духовного училища и подобающим влиянием своим на ум ректора и на членов Комиссии» оказал существенную пользу². И все же Базили опасался, что им вряд ли удастся предупредить новые ссоры. Ректор был недоволен пребыванием своим в Иерусалиме и искал предлога, чтобы удалиться. Заменить его было весьма трудно «ибо в Греческом духовенстве ученые люди редки...»³. В подобных обстоятельствах патриарха просили употребить свое влияние и наладить ситуацию: «заохотить и привязать наставника», которому было трудно найти замену. Однако патриарх Кирилл в это время был занят делом о святых местах и не мог уделить достойное внимание проблемам своей паствы.

Заботу арх. Порфирия в тот период составляло не только эллино-арабское училище в Иерусалиме, но и другие православные школы в Палестине, попечителем которых он являлся⁴. Находясь на этом посту, он лично подбирал преподавателей для учебных заведений. Зная, что в Лидде нет благоустроенной школы для мальчиков, арх. Порфирий усердно просил патриаршего наместника об ее учреждении, что было особенно важно в условиях усилившейся там протестантской пропаганды. В связи с этим он интересовался у о. Спиридона есть ли у него подходящий кандидат на роль учителя. Священник рекомендовал ему троих: Георгия, Ханну и сына учителя арабского языка в Иерусалиме⁵. В итоге, в сентябре 1852 г. по просьбе арх. Порфирия и с согласия патриарха Кирилла учителем в Лидду был определен араб Георгий Дада, находившийся на службе у греческого лекаря. Тогда же у патриарха было испрошено благословение на изготовление всего необходимого для этого училища. Однако «по вялости патриаршего наместника» вопрос об

¹ Копия с отношения Генерального Консула К. Базили к Поверенному в делах А. Озерову от 20 Января 1853 г. / АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II - 9. Оп. 46. Д. 15. 1857 – 1853. Л. 32 об.

² Там же. Л. 33 – 33 об.

³ Там же. Л. 33 об.

⁴ См. Порфирий (Успенский). Проповедники в четырех патриархатах восточных и их проповеди. М., 1879. С. 47.

⁵ Порфирий (Успенский). еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. IV... С. 301.

устройстве училища в Лидде долго не мог решиться, хотя учитель был давно готов к преподаванию и снабжен разными учебными пособиями. Дело остановилось из-за отсутствия необходимых пяти ученических столов, которые не могли сделать в течение нескольких месяцев¹. Благодаря заботам Порфирия, учитель все же отправился в Лидду, где в августе 1853 г. была открыта приходская школа. В то время в ней обучалось 65 учеников².

Ежедневно посещая вверенные ему школы, арх. Порфирий заботился об их материальном обеспечении, в частности, помогал снабдить учеников одеждой, а также следил за учебным процессом. Побывав в лиддской школе, архимандрит испытал учеников в Законе Божьем, чтении, чистописании и арифметике. Дети отвечали хорошо³. Как видно, русского архимандрита интересовало не только религиозное просвещение, но и уровень образования учеников в целом. В инспектировании школ, беседах с учителями и местным населением арх. Порфирию помогал Фадлалла Сарруф.

В Иерусалиме арх. Порфирий часто принимал у себя арабских христиан, у которых успел заслужить доверие и доброе отношение⁴. Так, посетившие арх. Порфирия жители Наблуса просили патриарха отправить к ним учителя. Однако своих детей арабы не спешили отдавать в семинарию. На предложение архимандрита послать из Рамлы нескольких юношей на обучение в патриаршей школе местные священники ответили, что либо пусть учат всех их детей, либо они не дадут ни одного, чем арх. Порфирий был очень возмущен⁵. В Рамле православные христиане желали построить новую школу для своих детей в греческом монастыре. Их желание исполнилось в 1853 г. Тогда же, при непосредственном участии арх. Порфирия, который сам вел переговоры с местными жителями, были открыты школы в Назарете и Бейт-Сахуре. Арх. Порфирий глубоко вникал в нужды образовательного характера в различных арабских городах и селах и по возможности старался их

¹ Там же. Т. V. С. 136.

² Там же. С. 147.

³ Порфирий (Успенский). еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. IV... С. 317.

⁴ См. The Russian presence in Palestine (1843 – 1970). Brief sketch of Russian church and political activities in the Middle East. By The Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. Jerusalem 1970. P.6.

⁵ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего... Т. V. С. 146.

удовлетворить. Находясь в Наблусе, в конце апреля 1853 г. он посетил православную школу для малолетних детей. Она была организована при церкви Св. великомученика Димитрия и располагалась в тесном помещении. «Немногие мальчишки, – писал арх. Порфирий, – сидели на скамьях за обыкновенными во всех училищах столами, и после бойкого чтения арабской Псалтыри писали по-арабски изрядно. Чтению и письму обучает их местный христианин, а школою заведовал ученый, говорящий по-французски, иеромонах Нифон, грек»¹.

Наблюдая за образовательным процессом в православных школах Палестины, арх. Порфирий отметил несогласованность их учебных программ. В связи с этим 3 февраля 1853 г. он учредил правление училищного попечительства, цель которого заключалась в наведении порядка и реформировании системы обучения во всех школах, находившихся в пределах палестинской церкви. Эфорами, помимо арх. Порфирия, выступали Дионисий Клеопа, Камараш Феофан и архимандрит Вениамин. Собрав попечительский совет, арх. Порфирий указал, что воспитанники в приходском училище весьма мало успевают от того, что способ их обучения негоден и предложил разделить это училище на четыре отдельных класса, вместо двух и определить еще двух наставников, так чтобы один обучал детей арабскому чтению и письму, другой усовершенствовал их в том и другом, а третий и четвертый преподавали бы все прочие дисциплины. Это предложение было одобрено всеми эфорами. Кроме того, было решено просить патриаршего наместника разделить приходскую школу посередине стеной, а патриарха – назначить еще двух учителей. На роль новых наставников тогда же были избраны сын покойного учителя Фараха и брат арабского священника Михаила, которым вместе с остальными было назначено увеличенное жалование. Архимандрит сам написал устав для палестинских школ, настоял на том, чтобы число арабских воспитанников, готовящихся принять духовный сан, всегда соразмерялось с числом церквей, находившихся в пределах патриархата, установил выдачу путевых денег учителям при отправлении их к месту работы. Следует отметить, что миссия нередко помогала материально учителям

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего... Т. V. С. 115.

из своих личных сбережений¹. Кроме того, арх. Порфирий неоднократно поднимал вопрос в патриархии о материальной поддержке арабов, находившихся в крайней нужде, а также создании детского дома и обучении в нем арабских детей ремеслам.

Благодаря многолетним трудам, арх. Порфирию удалось добиться определенных успехов в просвещении православных арабов. В своих дневниках он отмечал, что в народном-низшем и патриаршем-высшем училищах свет духовный расцветает, учебный и нравственный порядок соблюдается. По распоряжению училищного попечительства и по указаниям арх. Порфирия была переделана патриаршая школа, помещения которой после преобразований стали просторнее. Внешние воспитанники посещали училище ежедневно и учились прилежно. Определенное им пособие, 30 пиастров в месяц каждому, производилось из казны святогробской. По окончании экзаменов, проходивших в училище 1 августа, арх. Порфирий отметил, что воспитанники отвечали удовлетворительно, а после испытаний все ученики подошли к нему с поклоном. «Я заслужил это почтение, – писал он, – потому что неослабным настоянием своим одел их пристойно, улучшил их стол, снабдил их учебными книгами и переделал их помещение так, что им теперь и просторно и весело»².

Для улучшения образовательного процесса в арабских приходских школах арх. Порфирий стремился ввести единую систему преподавания. С этой целью он предлагал попечительскому совету воспользоваться временным пребыванием в Иерусалиме учителей, приехавших из Рамлы и Лидды, и порекомендовать им использовать в своих школах введенный арх. Порфирием способ обучения детей. Предложение было принято охотно; эти учителя несколько раз посетили арабскую школу в Иерусалиме и усвоили необходимые приемы обучения. «Слава Богу! – отмечал арх. Порфирий, – Семена мои падают на добрую почву. Бог возрастит их!»³.

Арх. Порфирий лично контролировал как продвигается учебный процесс в приходских школах и был весьма доволен результатом. Совершая осмотр

¹ Перенижко О.А. Этапы и формы культурно-религиозного взаимодействия Палестины и России: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2003. С. 94.

² Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего Т. V... С. 136.

³ Там же. С. 133.

вверенных ему учебных заведений в сентябре 1854 г., он посетил школы в Яффе, Лидде и Рамле. В яффской школе многочисленным воспитанникам преподавали три учителя: два араба и один грек. Они учили читать, писать, считать по-арабски и по-гречески, преподавали закон Божий и священную историю. Арх. Порфирий писал, что в классах было опрятно, а дети милостивы и даровиты. После этого он отправился в Лидду, где ему было также приятно видеть «малых арабчиков». Местная школа была размещена в церковном доме, вблизи развалин церкви св. Георгия великомученика. Учеников было немного, а учитель – один, тот самый, которого арх. Порфирий прислал из Иерусалима. Учебные пособия, аспидные доски, бумага, карандаши, азбуки, часословы и псалтири, столы и черная доска для арифметических задач, все это было «новенькое, с молоточка. Отцы и матери рады, что у них началось порядочное обучение детей их»¹. Радовался и арх. Порфирий. Затем он посетил школу в Рамле, которая размещалась не в греческом монастыре, а возле старинной церкви, в светлом и длинном помещении. Там также преподавал учитель-араб, и для детей было все необходимое. Арх. Порфирий «спрашивал их и был доволен ответами их; слышал арабское чтение их и видел чистописание. Слава Богу!, – писал арх. Порфирий, – Среди здешнего арабского племени показался расцвет. Но надолго ли? Тяжел для меня этот вопрос: не хочу и отвечать на него. Мое дело готовить почву и сеять, а выращивание семян зависит от Бога»². Помимо учебных заведений в Яффе, Рамле и Лидде, была также открыта школа в Назарете с двумя комнатами для учителя.

Большое значение для просвещения арабских христиан имело открытие при Иерусалимской патриархии типографии для печатания книг (преимущественно религиозного содержания) на арабском и греческом языках. Об учреждении православной типографии в Иерусалиме арх. Порфирий хлопотал с 1849 г. Однако только в 1852 г. он добился от патриархии, чтобы она организовала небольшую греко-арабскую книгопечатню на два станка с буквами, выписанными из Парижа. В 1854 г. там были опубликованы две книги на арабском языке – Апостол и

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. V... С. 149.

² Там же. С. 149.

Катехизис. Несколько экземпляров этих книг арх. Порфирий отправил в библиотеку Учебного отделения восточных языков, как первые образцы арабского книгопечатания при Апостольской патриаршей кафедре в Иерусалиме. При патриаршей школе арх. Порфирий мечтал создать церковно-археологический музей для палестинских древностей, икон, рукописей, монет, однако святогробское духовенство не поддержало его.

Следует отметить, что просветительские идеи арх. Порфирия касались не только православных арабов и греков, но и коптов, которых он мечтал вернуть в лоно православия. Еще во время пребывания в монастыре преподобного Павла Фивейского в Египте в 1850 г. он рекомендовал игумену Дауду послать в Россию молодых монахов, которые за два – три года овладеют русским языком и принесут им знания и искусства¹. Однако копты недоверчиво отнеслись к этому предложению, поскольку боялись, что в России их монахи перейдут в православие. Некоторые идеи арх. Порфирия, касавшиеся просвещения арабского народа, были весьма утопичны. Так, он планировал открыть школу для детей синайских бедуинов с целью обучения их грамоте и ремеслам. Про бедуинов арх. Порфирий писал, что в них есть та естественная доброта и правота души, которая не прощает даже неумышленного вреда ближнему.

Важной частью просветительской программы арх. Порфирия было обучение арабских мастеров церковной живописи. В художественной мастерской, которую он надеялся открыть при миссии, должны были соединиться иконографические и стилевые особенности сиро-палестинских произведений с высокой техникой и качеством русских работ. И хотя Иерусалимская патриархия не спешила поддерживать эту инициативу, РДМ все-таки способствовала обучению местных мастеров. Так, иеромонах Феофан (которого арх. Порфирий высоко ценил за его художественное дарование) исправлял живопись на 26 иконах, написанных по его заказу местными иконописцами для Назаретской церкви, и написал «Распятие» для

¹ См. Путешествие по Египту и в монастыри святого Антонина Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. Архимандрита Порфирия Успенского. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1856. С. 255.

Екатерининской женской обители. По замыслу арх. Порфирия, Феофан должен был принять деятельное участие в создании школы иконописи при миссии «для обеспечения образами арабских православных храмов»¹. Несмотря на то, что желанию арх. Порфирия не суждено было сбыться, миссии все-таки удалось опосредованно повлиять на художественные традиции сиро-палестинских христиан, а также самой познакомиться с церковным искусством региона.

Успешной деятельности РДМ в научном и просветительском аспектах способствовало обязательное изучение членами миссии арабского языка. Иеромонах Феофан занимался арабским языком вплоть до 1853 г., а студент Николай Крылов продолжил и после, причем изучал он как разговорный, так и литературный язык. С помощью своего наставника он прочел всю летопись Александрийского патриарха Евтихия, написанную по-арабски, и перевел на русский язык из арабского синаксаря «Сказание о чуде св. Пророка Илии, случившемся в одном Христианском селении близ Иерусалима». Этот перевод, как отмечал арх. Порфирий, «был первый опыт его ознакомления с семитическим наречием, на котором поныне говорят миллионы людей в Азии и Африке...»². А в 1854 г. Крылов перевел с арабского на русский язык 14 деписаний дамасских православных христиан и сирийских архиереев по случаю избрания Антиохийского патриарха. Кроме того, он переводил летописи, в которых нашли отражение события, происходившие в Сирии и Ливане в XVII в. Знакомство членов миссии с реалиями Ближнего Востока, культурной и религиозной традициями православных арабов и, более того, первый основательный опыт изучения арабского языка представителями российского духовенства, несомненно, способствовали развитию культурных и религиозно-просветительских контактов России с Ближним Востоком. Другим важнейшим начинанием арх. Порфирия, заложившим основу для развития русско-арабских контактов в сфере

¹ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле в XIX - начале XX века. М., 2007. С. 136.

² Отчет об ученых и художественных занятиях миссии в Иерусалиме в течение 1853 г. 8 ноября 1854 г. Александровская Лавра /АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19. Ч.2 [О научных занятиях Духовной миссии в Иерусалиме].1848 – 1855. Л. 30 – 31.

образования, было ходатайство об отправлении первых православных арабов на обучение в Россию.

Несмотря на успешные начинания миссии, в том числе и в области арабского просвещения, ее деятельность пришлось приостановить. В связи с обострением российско-османских отношений в 1853 г. положение миссии оказалось крайне затруднительным. Арх. Порфирий не мог более содержать переводчика, оплачивать почтовые расходы, выдавать обычную плату арабскому причту за священнослужение в Архангельском монастыре для православных арабов, раздавать милостыню беднейшим арабским семействам перед главными христианскими праздниками¹. Все это происходило в том числе из-за задержек выплат окладов. 4 ноября 1853 г. арх. Порфирий с горечью отмечал, что его учебно-попечительская деятельность отцвела. «Сегодня я в последний раз заседал в ефории и ввел преподавание географии в народном училище...», – писал он².

Подводя итог своего пребывания на Ближнем Востоке, арх. Порфирий называл главные заслуги и достижения миссии в сфере просвещения: «учреждение девичьей школы в Иерусалиме и духовных и народных училищ там же, и в городах Рамле, Лидде, Сцалте и в селении Бет-Сахур, постройка Патриаршей школы в Крестовском монастыре в огромных размерах, основание учебного управления с правильным делопроизводством, учреждение Арабской типографии при Патриаршей кафедре»³.

К сожалению, не все, что было задумано арх. Порфирием, миссии удалось осуществить. Но он не тешил себя надеждой, что сделанное им немедленно принесет результаты. Своей главной задачей арх. Порфирий считал подготовить почву.

Таким образом, при арх. Порфирии (Успенском) были, по сути, впервые установлены регулярные контакты с арабскими христианами: православными, коптами, сиро-яковитами и униатами. Большую роль в этом сыграло личное внимание

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего Т. V... С. 138 – 139.

² Там же. С. 162.

³ Управляющему МИД Л.Г. Сенявину записка от арх. Порфирия (Успенского) от 28 декабря 1854 г. Александровская лавра /АВПРИ Ф. 161 СПб ГА II – 9 оп. 46. Д. 19 ч.2. 1848 – 1855. Л. 25.

и сочувствие арх. Порфирия к арабам и их нуждам. Коммуникация с арабами и налаживание с ними контактов происходили при помощи учителя и переводчика миссии Фадлаллы Сарруфа, который являлся помощником и информатором арх. Порфирия.

В сотрудничестве с Иерусалимской патриархией и генеральным консулом в Бейруте К.М. Базили арх. Порфирию удалось реализовать ряд мер, направленных на просвещение православного арабского населения. Эти меры касались организации школ, постановки учебного процесса, унификации учебных программ, методического надзора за деятельностью учителей и успехами учеников.

ГЛАВА 3.

РУССКО-АРАБСКИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Конец XIX – начало XX в. можно назвать кульминационным периодом в развитии русско-арабских отношений в дореволюционное время. Этому способствовали политические, религиозные и социокультурные факторы, которые возникли в первой половине XIX века и впоследствии приобрели более выраженный характер. В это время сформировалась благоприятная культурная среда для углубления русско-арабского взаимодействия, которая характеризовалась развитием системы науки и образования (в том числе востоковедения) в России, а также активизацией процессов культурного возрождения на Арабском Востоке. Стратегическая необходимость укрепить влияние России в ближневосточном регионе путем дипломатических, церковных и культурно-просветительских мер, послужила импульсом к развитию русско-арабских гуманитарных и, как следствие, научно-образовательных связей.

3.1. Просветительские задачи России на православном Востоке и их решение в 50 – 70-е гг. XIX в.

Просветительская деятельность западных духовных миссий в Сирии и Палестине

Во второй половине XIX века продолжалось активное политическое, экономическое и культурно-религиозное проникновение западных держав в арабские страны: расширялась сеть дипломатических и торговых представительств, активизировалась деятельность миссионерских организаций. В это время под влиянием Запада происходили существенные изменения в экономике и культуре арабских

стран. В Сирии и Египте, которые постепенно включались в орбиту мирового хозяйства, увеличились объемы внутренней и внешней торговли, возникли отдельные отрасли местной промышленности¹, произошла частичная модернизация системы образования.

Выше отмечалось, что католические миссионеры рано стали вести просветительскую деятельность на Ближнем Востоке. В XV веке францисканцы, основавшие за сто лет до этого Кустодию Святой земли, учредили в Вифлееме свою первую школу. В XVII столетии на территории Сирии, Палестины, Кипра, Египта и Стамбула насчитывалось уже 20 католических школ, причем 6 из них находились в Иерусалиме. Согласно сведениям, приведенным Ханной Килдани, в программу Иерусалимской школы были включены итальянский язык и латынь, духовные песни и музыка. Преподавание в католических учебных заведениях велось на итальянском языке, а образование носило религиозный характер. Учреждение школ имело прагматические цели: подготовку местных жителей, знающих европейские языки, для работы в монастырях и в качестве переводчиков для пребывавших в Святую землю паломников². Не все арабы, получившие подобное образование, могли найти применение своим знаниям, в связи с чем в XVIII веке количество школ и посещавших их учеников существенно сократилось. Причиной тому являлась учебная программа, суть которой заключалась в религиозном образовании и отсутствии практических знаний, пригодных в повседневной жизни.

В 40-е гг. XIX века сложилась благоприятная политическая ситуация для активизации религиозной пропаганды западных миссионеров на Ближнем Востоке. Необходимые для этого кадры католическая церковь подготовила уже давно. Примером тому является Джузеппе Валерга, который был поставлен во главе Латинского патриархата в Иерусалиме. Он получил фундаментальное богословское и юридическое образование в римском университете Ла Сапиенца, где изучал французский, иврит, греческий, латынь и арабский языки. Позднее Валерга выучил

¹ См. Араслы Э. Краткий очерк развития арабской культуры в XIX веке // Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С.М. Кирова. Баку, 1961. С. 95.

² Kildani, Hanna. *Modern Christianity in the Holy Land*. /Translated by George Musleh. Bloomington, 2010. P. 231.

турецкий, халдейский (арамейский) и курдский языки¹. В дальнейшем он получил обширный опыт миссионерской деятельности на Ближнем Востоке: с 1843 г. Валерга служил секретарем Апостольского делегата в Ливане, а затем апостольского викария в Алеппо. Во время пребывания в Сирии он имел возможность основательно изучить регион и арабский язык.

Действуя при мощной финансовой и дипломатической поддержке католических держав, епископ Валерга умело организовал просветительскую работу и решил кадровые вопросы. Он установил хорошие контакты с Кустодией Святой земли, а также различными католическими орденами, действовавшими на Ближнем Востоке и за его пределами, призвав их помочь в организации учебных заведений. Так, в 1848 г. в Иерусалим было приглашено Общество сестер Св. Иосифа, усилиями которого были организованы женские школы в Иерусалиме, Вифлееме и Яффе.

Хорошая координация и взаимопомощь между представителями католического духовенства из разных стран, орденов и конгрегаций, при поддержке западных правительств и консульств позволили католикам сделать большие успехи в области религиозной пропаганды и просвещения. Для того, чтобы организовать приходы и приходские школы в своем патриархате, Валерге нужны были подготовленные священники. Первым из них стал отец Абдаллах ('Абд Аллах) Коммандари, получивший образование в Риме. Можно предположить, что поначалу он был основным помощником Валерги, выполнявшим посредническую функцию в его общении с местным населением. Посетив Иерусалим, Вифлеем и Назарет, Валерга отобрал 10 юношей, чьи семьи согласились посвятить своих сыновей служению Богу, и отправил их учиться в Иезуитскую семинарию в Газире². Эти юноши затем составили костяк учеников и преподавателей в семинарии, организованной Валергой в 1852 г. Основной целью учебного заведения была подготовка священнослужителей для местных приходов, а также грамотных преподавателей в приходских школах. В семинарию было принято 15 юношей, среди которых были не только

¹ Ibid. P. 293.

² Ibid. P. 311.

арабы, но и киприоты, и европейцы¹. Вследствие этого в учебную программу был включен арабский язык, знание которого было необходимо приходским священникам. Сам Валерга считал обязательным для миссионеров изучение местных языков и обычаев. Отрицательным примером в этом отношении служили францисканцы. Многие из них плохо владели арабским языком, что не позволяло им вести полноценную педагогическую и пастырскую деятельность. Преподавательский состав семинарии был также разнородным и включал местных священников, преподававших арабский язык, а также европейцев. В 1857 г. католическая семинария была переведена в Бейт-Джалу.

Как только еп. Валерга получил необходимые кадры священнослужителей, он приступил к организации приходов. Руководить ими были отправлены как местные, так и европейские священники, знавшие арабский язык. В это время приходские школы были организованы в Бейт-Сахуре, а также других городах и селах Палестины.

Помимо приходских школ, католиками были созданы и профессиональные учебные заведения. Известно, что в 1867 г. отец Беллони организовал первую сельскохозяйственную школу в Палестине². При непосредственном участии католических миссионеров продолжало расти количество маронитских и униатских учебных заведений. Так, в 1865 г. в Бейруте было открыто униатское патриаршее училище, а также маронитское училище, которые были созданы при поддержке арабов, получивших образование в коллегиях Рима.

Следует отметить, что за время Крымской войны, когда работа РДМ была прекращена, деятельность католических миссий не ослабла, а по завершении военных действий – интенсифицировалась. Джузеппе Валерга оставался на посту патриарха вплоть до своей кончины в 1873 г. Его преемником стал Винченцо Бракко, который более 10 лет служил в Иерусалиме в составе патриаршего клира, преподавал в семинарии и являлся ее проректором³. Очевидно, что за это время он приобрел

¹ Ibid. P. 314.

² Ibid. P. 343.

³ Ibid. P. 364 – 365.

огромный опыт миссионерской и просветительской работы в Палестине и изучил арабский язык.

Католическим миссионерам довольно быстро удалось организовать сеть начальных и средних учебных заведений, а также обеспечить их необходимыми педагогическими кадрами, которые имели духовный сан и со всей ответственностью подходили к исполнению своего религиозного и профессионального долга. Важным преимуществом католических учебных заведений на Востоке было преподавание французского языка, который широко использовался в госучреждениях и коммерческих операциях с Европой¹.

В отличие от католиков протестанты проникли на Ближний Восток лишь в начале XIX века. Первыми из них были американские пресвитериане. В это время американцы вели активную торговлю с Бейрутом, где действовало американское консульство, защищавшее интересы своих граждан. Неудивительно, что американские миссионеры избрали центром своей деятельности именно Бейрут, где они пользовались поддержкой и покровительством дипломатического представительства своей страны. За несколько лет пребывания в этом городе протестанты открыли училище для подготовки миссионеров-педагогов из местных жителей, организовали школы и перевезли типографию с острова Мальта.

Если американцы избрали центром своей религиозной пропаганды Бейрут, то англичане – Иерусалим. В 1850 г. султанским фирманом были узаконены права протестантских общин, наряду с правами других конфессий в Османской империи, что открыло путь прозелитизму среди православного населения. В 1840-е годы наряду с арх. Порфирием (Успенским) и еп. Джузеппе Валергой в Иерусалиме начал свою деятельность еп. Соломон Гобат, который был назначен главой Англо-Прусского епископата. В молодости он принадлежал к Базельскому миссионерскому обществу, которое направило его в Париж, к барону де Саси, для изучения арабского языка. В этом он добился значительных успехов, поскольку смог самостоятельно прочесть Коран. Впоследствии Гобат направился на Ближний Восток,

¹ Гудожник И. Г. Миссионерство и культурный подъем на Арабском Востоке в XIX - начале XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИВ РАН. 1993. С. 12.

где на практике усовершенствовал свои знания. В 1830-е гг. он служил миссионером в Абиссинии и принимал участие в переводе Библии на арабский язык. Позднее Гобат был назначен вице-президентом протестантского колледжа, который был открыт в 1845 г. на Мальте с целью подготовки миссионеров¹. Вместе с тем он двадцать лет возглавлял Лондонское Библейское Общество в Египте и Месопотамии².

Столпами религиозной политики епископа Гобата на Востоке были образование и благотворительность. Его помощниками в просветительской работе стали обращенные в христианство евреи, а также члены протестантских общин, присоединившихся к епископату. Поначалу просветительская и миссионерская активность англичан была нацелена на палестинских евреев, вследствие чего был организован колледж для подготовки проповедников из их числа³. Однако миссионерская деятельность в иудейской среде не имела особого успеха. В связи с этим протестанты обратили свой взор на православных арабов, которые охотно отдавали своих детей в английские школы. Гобат считал, что религиозное образование должно стать ядром учебного процесса. При этом, по мнению епископа, основное внимание следовало уделять изучению священного писания, а не символа веры или катехизиса. Тем не менее религиозное просвещение было не единственной задачей протестантских миссионеров. Их учебным заведениям приходилось выдерживать жесткую конкуренцию, поэтому необходимо было ориентироваться на практические нужды местного населения. В связи с этим в 1843 г. была открыта индустриальная школа с преподаванием столярного дела и традиционных ремесел. Кроме того, в школе обучали переплетному мастерству и изготовлению сувениров, которые затем отправлялись в Британию⁴.

К концу Крымской войны епископом Гобатом были организованы и успешно функционировали школы в Иерусалиме, Вифлееме, Наблусе, Яффе. В 6 школах

¹ Kildani, Hanna. *Modern Christianity in the Holy Land...* P. 523.

² Смирнова И.Ю. *Конфессиональный фактор российской внешней политики...* С. 140.

³ Kildani, Hanna. *Modern Christianity in the Holy Land.* P. 507.

⁴ *Ibid.* P. 507.

обучалось 260 детей. Среди них были 68 арабов из обращенных в протестантство семей, и 39 еврейских детей, чьи родители также приняли протестантизм¹.

С 1856 по 1879 г. в Палестине значительно увеличилось количество миссионерских учреждений, включая школы и приходы. В 1860 г. в одном только Иерусалиме действовало 6 протестантских учебных заведений: две элементарные приходские школы для мальчиков и девочек, две приходские подготовительные школы, школа для девочек, организованная прусскими диаконисами, а также школа открытая Лондонским еврейским обществом. Часть учебных заведений управлялась напрямую епископом, другие состояли под его надзором. Программа школ Церковного миссионерского общества The Church Missionary Society (открывшего 45 учебных заведений) включала всеобщую историю, арифметику, алгебру, геометрию, философию, логику, английский и арабский языки, а также священное писание². Как видно, образовательная программа была довольно обширной и во многом соответствовала программам учебных заведений на Западе. При щедрой материальной поддержке протестантские школы (как впрочем и католические) пользовались у православных арабов значительным успехом.

Следует отметить, что протестантские миссионеры, особенно американцы уделяли большое внимание преподаванию арабского языка в школах, что объяснялось их стремлением сблизиться с местным населением. От католических миссионеров, целью которых в деле просвещения было развитие европейских ориентаций и привязанностей, американцев выгодно отличало нежелание навязывать американскую или вообще западную культуру³. В отличие от католиков у протестантов поначалу не было помощников-арабов, получивших образование на Западе, которые были готовы служить их интересам, помогать в работе с местным населением, преподавать в школах. Вследствие этого они сами активно изучали арабский язык и местные обычаи. А.Е. Крымский отмечал, что прибывшие в 1840-х гг. американские миссионеры постарались сами «обарабиться», чтобы

¹ Ibid. P. 550 – 551.

² Ibid. P. 551.

³ Гудожник И.Г. Миссионерство и культурный подъем на Арабском Востоке... С. 12.

преподавать на арабском языке, переводить и писать на нем книги¹. Для того, чтобы литературный язык произведений, издаваемых протестантами, был безупречен, они привлекали к работе христианских шейхов, хорошо знавших арабский язык. Некоторым протестантским миссионерам удавалось овладеть литературным арабским языком порой даже лучше, чем самим арабам. Так, медик Корнилий ван Дейк составил арабоязычные пособия в разных областях научного знания: естественной истории, химии, высшей математике, астрономии и географии, филологии и религии. Прибывший позднее на Восток доктор Джордж Пост также обогатил арабскую научную литературу изданием своих лекций по медицине.

Подобно арабским католикам, маронитам и униатам, получившим образование в европейских или миссионерских учебных заведениях, выпускники протестантских училищ также стали открывать свои школы. Так, по инициативе местных протестантов братьев Салиби в 50-х гг. XIX века была создана сеть «Школ Глазго».

При содействии американских миссионеров: В. Томсона и Э. Смита стали возникать первые научно-просветительские и литературные общества в арабских странах. Непосредственное участие в организации обществ принимали известные деятели арабского культурного возрождения Бутрус ал-Бустани, который был секретарем Эли Смита, а также Насиф ал-Йазиджи (ал-Язиджи). Еще в 1842 г. ими был создан кружок деятелей культуры, ставший впоследствии известным как «Сирийское общество приобщения к наукам и искусствам». В Общество вошли представители семей местных феодалов, состоятельных купцов, а также иностранцы². Члены Общества, которых было не меньше 50, делали доклады о значении науки и просвещения, совершенствовали ораторское искусство, собирали книги. Арабист австриец Альфред фон Кремер, находившийся в то время в Сирии, писал, что эта просветительская организация оказывала благотворное влияние на всеобщее

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 267.

² См. Усманов Н.К. Развитие просветительских идей на Арабском Востоке в XIX в. // Просветительство в литературах Востока. М.: Наука, 1973. С. 56.

образование¹. Позднее в арабских странах были созданы и другие просветительские общества, в том числе при содействии иезуитов².

Просвещению арабов способствовала активная издательская деятельность протестантских миссионеров и их арабских сподвижников. Так, Насиф ал-Йазиджи написал работы по мусульманскому праву, истории арабской музыки и литературы, грамматике и медицине. В 40-е гг. появились первые книги Б. ал-Бустани: учебник «Достижение желаемой цели в грамматике арабского языка» и учебник по арифметике «Снятие покрывала с науки счета». Вместе с тем он издавал газеты, опубликовал первую двухтомную энциклопедию «Круг знаний», а также составил знаменитый словарь «Мухит ал-Мухит».

В 1863 г. Бутрус ал-Бустани организовал национальную школу. По словам И.Ю. Крачковского, эта школа представляла едва ли не первую на Арабском Востоке попытку отрешиться в преподавании от конфессиональных рамок и положить в основу принципы национальности. Ал-Бустани удалось привлечь к работе в учебном заведении не только христиан, но и мусульман. Арабский язык там преподавал христианин шейх Насиф Йазиджи, мусульманское право и связанные с ним науки – сирийский мусульманин шейх Йусуф 'Асир, получивший образование в ал-Азхаре. Близкая связь Б. ал-Бустани с американцами позволила ему использовать европейские методы в преподавании математических и естественных наук, а кроме того, пригласить в школу европейских учителей. Слава об этом учебном заведении, которое пользовалось уважением у представителей различных конфессий, вышла за пределы Сирии. В 1876 г. ал-Бустани просили прислать учителя в Басру, чтобы организовать там подобную школу. Туда он направил своего племянника Сулеймана. Бейрутская школа ал-Бустани сыграла большую роль в развитии национального арабского движения.

Многолетняя просветительская работа американских протестантов в Бейруте, накопленный опыт во взаимоотношениях с местным населением, позволили им приступить к организации высшего учебного заведения. В 1866 г. к

¹ См. Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 275.

² См. Гудожник И.Г. Миссионерство и культурный подъем на Арабском Востоке... С. 15.

общеобразовательной школе, основанной В. Томсоном, американцы присоединили два факультета: научно-художественный, где преподавались и физико-математические науки, а также медицинский. Медицину в колледже преподавал Джорж Пост, арабский язык и литературу – Б. ал-Бустани, принявший деятельное участие в реорганизации учебного заведения. Для изучения арабского языка бейрутская Протестантская миссия предоставляла все необходимые пособия, а в миссионерской библиотеке имелись лучшие арабские тексты, изданные в Европе. Помимо арабского языка, на котором велось преподавание, в колледже изучали и французский язык. Позднее, когда учебное заведение было преобразовано в университет, в его учебную программу был включен и английский. Особое внимание в колледже уделялось преподаванию естественных наук, требовавшему от миссии больших затрат, а также физическому развитию студентов¹. Несмотря на то, что обучение некоторым дисциплинам поначалу носило поверхностный характер, Протестантский колледж способствовал распространению естественно-научных знаний среди арабов.

В 1860 -е г. позиции Франции в Сирии значительно укрепились. Для усиления культурно-религиозного влияния католикам, как и протестантам, требовалось высшее учебное заведение. Заботы по его организации взяли на себя иезуиты. В 1871 г. в Бейруте было начато строительство Университета святого Иосифа, а в 1874 г. там началось преподавание. Сначала в университете был открыт богословский, затем медицинский, востоковедный, юридический и инженерный факультеты. Вместе с тем были устроены лаборатории, обширная библиотека и типография. Среди преподавательского и профессорского состава были как европейцы, так и арабы: месопотамец о. Луис Шейхо и о. Салхиний, бельгийский арабист о. Ламменс.² Остальные профессора были преимущественно французы и вели преподавание на родном языке, правда некоторые из них успели ознакомиться с арабским языком во время пребывания в Алжире.

Благодаря политической и финансовой поддержке западных правительств и благотворительных организаций, католическим и протестантским миссионерам за

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 269.

² Там же. С. 287.

несколько десятилетий удалось создать сеть начальных и среднеобразовательных учебных заведений, открыть два университета, где можно было получить не только религиозное, но и светское образование.

Модернизация системы просвещения, происходившая на Ближнем Востоке в 1850 – 70 гг. преимущественно под влиянием западных духовных миссий, способствовала появлению новой арабской интеллигенции и значительному подъему арабской культуры во всех ее сферах¹.

Просветительские меры Русской духовной миссии в послевоенный период

С завершением Крымской войны Российской империи было необходимо восстановить пошатнувшиеся позиции в ближневосточном регионе, сдержать экспансию Запада и содействовать укреплению православия в восточных патриархатах. Наиболее подходящими для этого мерами были: активизация паломничества, учреждение новых представительств в Святой земле, а также укрепление взаимоотношений с восточными церквями. По замечанию И.Ю. Смирновой, приоритетным направлением российской дипломатии после Крымской войны становится развитие церковного присутствия России в Святой земле². При этом в основу церковной политики России в Османской империи был положен принцип сохранения межправительственного единства и укрепление греко-российских межцерковных отношений при постоянной поддержке национальных церковных движений (балканских, арабских)³. Одним из первых шагов по усилению российского влияния на Ближнем Востоке было учреждение в 1856 г. Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ), в задачи которого входила, в том числе, безопасная и экономичная перевозка русских паломников, что упростило и удешевило путешествия к святым местам. Для попечения о богомольцах непосредственно в Палестине, а также

¹ Гудожник И. Г. Миссионерство и культурный подъем на Арабском Востоке... С. 17 – 19.

² Смирнова И.Ю. Конфессиональный фактор российской политики в ближневосточном и северо-тихоокеанском регионах в середине XIX века (1840-1860-е годы): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: ИРИ РАН. М. 2017. С. 22.

³ Там же. С. 22.

укрепления взаимоотношений с православным Востоком необходимо было восстановить Русскую духовную миссию.

Для того, чтобы достичь намеченных целей в послевоенных реалиях, полномочия новой духовной миссии должны были измениться. Это прекрасно осознавал новый министр иностранных дел А.М. Горчаков. В своем докладе императору он отмечал, что если пребывание духовной миссии в Иерусалиме ограничится одними пассивными наблюдениями, то ее учреждение не имеет смысла, так как для этого достаточно генерального консульства в Бейруте и вице-консула в Яффе. По мнению министра, новой миссии следовало обратить особое внимание на православных арабов, подверженных инославной пропаганде. «Доселе мы смотрели на церковь в Сирии и Палестине, – писал Горчаков, – более через призму греческую, потому что вся ее высшая иерархия состоит из греков, хотя весь народный элемент есть чисто арабский в двух патриархатах – Иерусалимском и Антиохийском и даже отчасти в Александрийском... Греки... нетерпимы здесь не только народом, но и священниками, а между тем вся наша милостыня сыплется большею частью на иерархию греческую. Наша цель, наше стремление должны состоять в примирении враждующих племен Востока, ибо русских здесь равно любят и грек, и араб ему единоверный, не говоря уже о славянах, и даже иноверные латины, армяне, копты сирийцы и халдеи охотно сближаются с ними, чуждаясь греков, как закоснелых врагов своих. Мы должны примирять враждующих и поддерживать арабов, чтобы их не завлекли в унию благодеяния латинов; и если последние употребляют все средства для успешного действия пропаганды на людей им чуждых, то мы должны, по крайней мере, стараться привлекать к себе своих»¹. В докладе подчеркивалась необходимость официального статуса миссии и расширения ее полномочий, а также назначение ее главой епископа. Помимо укрепления взаимоотношений с греками и сближения с арабами, в докладе присутствует намек на возобновление общения РДМ с нехалкидонскими церквями: сиро-яковитской, коптской и

¹ Ротов (Никодим). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. URL: <https://rusdm.ru/history/> (Дата обращения: 12. 02. 2020).

армянской. Вместе с тем подчеркивалась необходимость благотворительной помощи населению и строительство богоугодных заведений.

Очевидно, что в докладе министра иностранных дел были указаны основные направления деятельности будущей миссии. При его составлении учитывалось мнение российских дипломатов, а также сведения из отчетов и докладных записок арх. Порфирия (Успенского).

Выше отмечалось, что во многом благодаря арх. Порфирию русское правительство обратило внимание на православных арабов, идейно-просветительская и материальная поддержка которых была важнейшим средством, удерживающим их от перехода в другие исповедания. Помимо РДМ, арх. Порфирий в 1857 г. предлагал учредить благотворительное общество для помощи «восточным братьям», которое передавало бы Миссии средства, собранные по всей России, путем ежегодного кружечного сбора. На эти средства Миссия должна была строить богадельни, больницы, церкви, училища и помогать бедным¹.

Как известно, подобное общество было создано лишь спустя несколько десятилетий. Что же касается Русской духовной миссии, то решение о возобновлении ее деятельности было принято на основе доклада министра иностранных дел в 1857 году.

После того, как РДМ была восстановлена, возник закономерный вопрос о назначении ее руководителя. Резонно было предположить, что возглавить новую духовную миссию с успехом сможет арх. Порфирий (Успенский). За годы пребывания на Ближнем Востоке он обстоятельно изучил этот регион, вник в нужды православной паствы, установил хорошие отношения с представителями православных церквей и других конфессий, местной османской администрацией и арабами, заслужив всеобщее уважение. Кроме того, арх. Порфирий собрал и изучил огромное количество источников по истории христианской церкви на Востоке, заложил фундамент для просветительской деятельности арабов, а также для возвращения коптов и сиро-яковитов в православие. Все эти труды, которые принесли уже

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. VII... С. 71.

значительные результаты, требовали своего продолжения. Среди сотрудников прежней миссии были и те, кто успел хорошо освоить арабский язык и вполне сработаться с арх. Порфирием (Успенским). Дружеские взаимоотношения у архимандрита сложились и с переводчиком миссии Фадлаллой Сарруфом.

Несмотря на достижения арх. Порфирия, его кандидатура в качестве руководителя духовной миссии не вполне устраивала обер-прокурора Святейшего синода П.А. Толстого, министра иностранных дел А.М. Горчакова, а также митрополита Московского Филарета. Причиной тому могли быть неосторожные высказывания арх. Порфирия в отношении русских дипломатов на Востоке, внешнеполитического ведомства и самого Св. синода. Кроме того, в российских верхах как в светской, так и в церковной среде, об арх. Порфирии отзывались как о натуре «неспокойной». Вышеуказанные причины способствовали тому, что архимандрит лишился назначения в Иерусалим, оставшись, вдали от «любимого своего дела – воскрешения арабского православного народа и возвращения сирийских и палестинских униатов в ограду нашей Церкви»¹.

Новым руководителем Русской духовной миссии был назначен епископ Кирилл (Наумов) – ординарный профессор и инспектор Петербургской духовной академии. Несмотря на фундаментальное богословское образование, ученую степень и опыт педагогической работы, он не был специально подготовлен к деятельности на Востоке. Это обстоятельство было учтено при формировании штата Миссии, в состав которой были включены переводчик арх. Порфирия Фадлалла Сарруф и студент семинарии Николай Крылов. Последний также служил в миссии при арх. Порфирии и успел основательно изучить арабский язык. Кроме того, к миссии был прикреплен профессор СПбДА Левинсон. Будучи знатоком еврейского языка, он мог способствовать налаживанию взаимоотношений между Миссией и русскими и польскими евреями.

Окончательный состав РДМ был утвержден Министерством иностранных дел. Помимо епископа Кирилла, переводчика Фадлаллы Сарруфа и профессора

¹ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего Т. VII... С. 69.

Левинсона к миссии были причислены два иеромонаха: Ювеналий (Половцев), и Леонид (Кавелин), иеродиакон Евкарпий и шесть певчих.

В инструкции, данной епископу Кириллу, Русской духовной миссии предписывалось поддерживать «братские» отношения с греческими иерархами, оказывать им уважение. Основное внимание миссии следовало обратить на арабское духовенство. Большим шагом к утверждению в арабах православия считалось посвящение хотя бы одного из них в архиерейский сан. Вместе с тем необходимо было заботиться о греческих и арабских училищах, местных церквях, а также арабской типографии. Эту заботу следовало проявлять в виде советов патриаршим наместникам и в материальной помощи.

Помимо прочего, миссии рекомендовалось устроить библиотеку с литературой (прежде всего религиозной) на русском, греческом и арабском языках, чтобы способствовать распространению православия. С этой же целью следовало раздавать катехизисы и молитвенники на арабском языке.

Согласно новой инструкции, все пожертвования для Святого гроба должны были передаваться через миссию, которые она получала от генконсула. Таким образом, предполагалось повысить статус РДМ в глазах греческого духовенства. Миссии надлежало распространять свои действия не только на Иерусалимский, но и Антиохийский и Александрийский патриархаты, которые необходимо было периодически посещать, раздавать милостыню и православную литературу.

Несмотря на то, что миссии не было предписано ведение самостоятельной просветительской деятельности, которая включала бы организацию школ, ей необходимо было осуществлять широкую методическую, образовательную, а главное благотворительную поддержку уже существующих училищ или тех, которые следовало открыть. Для того, чтобы обеспечить православных арабов религиозной литературой, миссия, вероятно, должна была финансировать типографскую, а также переводческую деятельность. При этом в составленной для РДМ смете благотворительная помощь учебным заведениям не была учтена. Кроме того, годовой бюджет миссии был едва больше, чем бюджет первой РДМ, хотя ее состав был шире. При таком содержании миссия не могла конкурировать с католиками и

протестантами в их просветительской и благотворительной деятельности. По замечанию Никодима (Ротова), поставленные перед миссией задачи были не соразмеримы с ее средствами и составом¹.

Помимо недостатка финансирования и ограниченного состава, были и другие факторы, способные осложнить работу миссии: противодействие католиков и протестантов, настороженное отношение османов и греков. Архимандрит Порфирий в пору своей службы на Востоке успел завоевать уважение греческого духовенства, и лично патриарха Иерусалимского Кирилла, с которым они плодотворно сотрудничали в сфере образования². Новый руководитель миссии, епископ, был незнаком Иерусалимскому престолу и вызывал недоверие. Кроме того, МИД, который решал все вопросы по учреждению духовной миссии с Портой, не поставил в известность греческих иерархов о возобновлении ее деятельности, не испросив на это благословение Иерусалимского патриарха. Выше упоминалось, что по новому порядку все пожертвования в пользу Святого Гроба передавались при посредничестве РДМ, в связи с чем греки боялись усиления контроля за своими доходами и даже их утраты. Все это не располагало греческое духовенство к миссии и ее новому начальнику. В подобных обстоятельствах приступить к решению просветительских задач (даже в виде советов и содействия Иерусалимскому патриарху) было невозможно. Для того, чтобы дистанцировать епископа Кирилла от сферы просвещения, патриарх вызвал к себе ректора Халкинского училища, который должен был помочь организовать ему школу.³ Отстранение еп. Кирилла, который был профессором и инспектором духовной академии и обладал необходимыми интеллектуальными ресурсами и опытом, чтобы содействовать постановке и улучшению духовного образования на Востоке, вызывает особое сожаление.

Для того, чтобы противостоять инославной пропаганде при небольших средствах, Кирилл предлагал русскому правительству комплекс мер, которые должны

¹ Ротов (Никодим). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. URL: <https://rusdm.ru/history/> (Дата обращения: 12. 02. 2020).

² Kildani, Hanna. *Modern Christianity in the Holy Land...* P. 65.

³ Ротов (Никодим). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. URL: <https://rusdm.ru/history/> (Дата обращения: 12. 02. 2020).

были поддержать православие на Востоке, не вызвав при этом опасения греческого духовенства. В первую очередь он считал необходимым расширить консульскую сеть в Сирии и Палестине, определив в новые представительства русских дипломатов православного вероисповедания. Кроме того, по мнению епископа, в Палестине надлежало открыть благотворительные учреждения, в особенности приюты. Еп. Кирилл справедливо полагал, что открыть самостоятельные школы на Востоке России пока не удастся, поэтому предлагал организовать училища для местного населения при других русских учреждениях, чтобы меры, направленные на просвещение православных арабов, не были столь очевидны. Первым благотворительным заведением, по замыслу епископа, должен был стать странноприимный дом и госпиталь в Иерусалиме, предназначенный для русских паломников. В то же время там можно было принимать и местных жителей. Летом, по мнению еп. Кирилла, в приюте могло располагаться неофициальное училище, благодаря которому в народе распространился бы русский, а также французский языки. При каждом консульстве следовало устроить не только храм, но и школу. В свою очередь, причет церкви обучал бы детей русскому и арабскому языкам, а также Закону Божию¹. Девочек следовало обучать рукоделию по примеру католических школ. Несмотря на то, что предложенные еп. Кириллом просветительские меры были весьма приемлемыми, они остались без внимания.

Существенную поддержку епископу Кириллу в его благотворительной и просветительской деятельности оказывала императрица Мария Александровна, которая выделяла собственные средства на нужды миссии. В ее окружении возникла идея создать Благотворительный комитет с целью поддержания деятельности РДМ в Палестине. И.Ю. Смирнова отмечает, что «Составление проекта, по просьбе императрицы, было поручено митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), который в силу своего многолетнего знания дел на Востоке выступал в качестве

¹ АРДМ (Архив Русской духовной миссии). Д. 3 /Ротов (Никодим). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. URL: <https://rusdm.ru/history/> (Дата обращения: 12. 02. 2020).

главного эксперта от Св. Синода»¹. Предполагалось, что этот комитет должен был заботиться в том числе об обучении православных арабских детей.

Поскольку иерусалимское духовенство не желало принимать помощь РДМ в вопросах арабского просвещения, еп. Кирилл сосредоточил свое внимание на Антиохийском патриархате, который особенно нуждался в распространении духовного образования. Наладить контакты с Антиохийской церковью и вообще Сирией ему помогал Фадлалла Сарруф. Его и профессора Левинсона иеромонах Ювеналий называл главными советниками епископа Кирилла.

В 1858 г. еп. Кирилл совершил ознакомительную поездку в Сирию. Местные священники своими познаниями произвели на русского архиерея более благоприятное впечатление, чем арабские священники Палестины. Кроме того, епископ заметил у сирийцев стремление к образованию. Сирийские храмы и училища, как и в Палестине, были в убогом состоянии. Однако местные церковные иерархи, стремясь улучшить свои учреждения, в том числе и образовательные, не отказывались от русской помощи. В связи с этим Кирилл направлял денежные пособия различным церквям и учебным заведениям. Он содействовал строительству церкви в Тире, а также школы в Триполи, где была активной протестантская пропаганда. В Бейрутском училище на средства миссии наняли преподавателя Катехизиса. Вместе с тем в Сирию для церковных нужд посылались книги и иконы. Кирилл также намеревался устроить школу в Дамаске, для чего купил дом. Там же он хотел открыть филиал иерусалимской миссии. Однако в Петербурге к замыслу епископа отнеслись безразлично.

Помимо активизации церковного общения, благотворительной помощи и содействия в организации учебных заведений, был еще один важный результат взаимоотношений еп. Кирилла с сирийцами, а именно возвращение нескольких тысяч униатов в православие. В 1858 г. папским повелением в униатской церкви был введен новый, григорианский календарь для религиозных праздников. Многие представители униатской общины его отвергли и высказали пожелание воссоединиться

¹ Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами... С. 174.

с Православной церковью. Однако Антиохийский патриарх Иерофей отстранился от решения этой проблемы.

В это время в Сирии находились епископ Кирилл и Фадлалла Сарруф, которых радостно приняли местные православные христиане¹. В условиях обострившейся греко-арабской церковной вражды, униаты (в случае их возвращения в православие) не желали находиться в подчинении греческого духовенства и намеревались перейти в ведение русского Святейшего синода. Еп. Кирилл приложил немало усилий, чтобы убедить их в невозможности исполнения этого желания. О намерении униатов воссоединиться с Православной церковью епископ, а также российский посланник в Константинополе сообщали в Петербург. При этом оба они полагали, что поддержать стремление арабов в данном вопросе необходимо. Получив указания от Министерства иностранных дел и Святейшего синода, епископ Кирилл, а также российские дипломаты оказали необходимое содействие в решении униатской проблемы.

Вскоре после посещения еп. Кириллом Сирии представители униатской общины подали прошение четырем восточным патриархам с условиями, на которых они были готовы воссоединиться с православием. Главное их требование состояло в том, чтобы в сирийских церквях всегда были епископы и священники из местных арабов. Патриархи согласились с предложенными условиями, и 5000 сирийских униатов вернулись в лоно Антиохийской церкви.

Помимо униатов, епископ Кирилл установил отношения с общиной сиро-халдейских христиан, которые тоже намеревались вернуться в православие, а также эфиопскими монахами в Иерусалиме, просившими о покровительстве Русской церкви. Епископ даже собирался совершить поездку в Эфиопию. Однако для переговоров с коптами (Эфиопская церковь была частью Коптской) на Восток командировали арх. Порфирия (Успенского). Кроме возобновления отношений с коптским духовенством, в задачи арх. Порфирия входил сбор сведений о местной церковной архитектуре и живописи, утвари библиотек и архивов.

¹ Муркос Г.А. Интересы России в Палестине... С. 12.

В 1860 г. арх. Порфирий отправился в Египет, где должен был встретиться с Коптским патриархом и обсудить с ним возможность союза между Египетско-Эфиопской и Православно-Кафолической церквями. Поскольку вопросы, подлежавшие обсуждению, были весьма деликатными, арх. Порфирию в качестве переводчика требовался Фадлалла Сарруф, которого он лично подготовил «к богословским беседам»¹. Выше упоминалось, что Сарруф посещал Египет вместе с арх. Порфирием, когда тот был начальником миссии. Более того, по просьбе архимандрита он специально выучил амхарский язык, чтобы вести переговоры не только с коптами, но и с эфиопами. Поскольку Фадлалла долго работал с арх. Порфирием, был знаком с коптскими иерархами и хорошо знал суть дела, его присутствие могло иметь решающее значение в успехе переговоров. Понимая это, арх. Порфирий просил епископа Кирилла отпустить Фадлаллу на 10 дней в Египет. Однако еп. Кирилл отказал ему в просьбе, ссылаясь на то, что переговоры с коптами «неблаговременны», а переводчик необходим ему самому для бесед с сирийскими униатами. Возмущенный отказом епископа арх. Порфирий жаловался в Святейший синод. Однако это не принесло результатов. По словам арх. Порфирия, его переговоры с Коптской церковью оказались сорваны. Справедливости ради необходимо отметить, что приезд Фадлаллы вряд ли повлиял бы на решение вопроса, поскольку вскоре после прибытия арх. Порфирия в Египет, Коптский патриарх скончался.

Подобно арх. Порфирию, епископ Кирилл был весьма деятельным руководителем миссии и стремился работать в различных направлениях, в том числе над укреплением взаимоотношений с православными арабами. Тем не менее деятельность миссии постоянно осложнялась множеством факторов. В отличие от католических и протестантских миссий, которые работали в тесном сотрудничестве с консульствами своих держав, РДМ имела напряженные отношения с российскими представительствами в Палестине. Для того, чтобы укрепить позиции России в Святой земле, русское правительство в 1858 г. учредило в Иерусалиме консульство. Тогда же под председательством великого князя Константина Николаевича

¹ Ротов (Никодим). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. URL: <https://rusdm.ru/history/> (Дата обращения: 12. 02. 2020).

был создан Палестинский комитет, имевший целью заботиться об улучшении положения русских паломников¹. Помимо этого, комитет должен был заниматься строительством русских богоугодных и странноприимных заведений, а также русского храма. Казалось бы, присутствие различных российских представительств в Иерусалиме должно было усилить влияние России. Однако вместо взаимопомощи русские организации усложняли друг другу работу.

Для того, чтобы разобраться в ситуации и решить спорные вопросы, в 1859 г. в Палестину направился великий князь Константин Николаевич. Изучив проблему на месте, он пришел к выводу, что причина конфликта заключается в смешении функций миссии и консульства, поэтому обязанности обоих представительств следовало разграничить. Вместо прежних обширных полномочий начальнику миссии отводилось нравственное и духовное назидание русской паствы, церковное представительство, производство богослужения, пастырское наблюдение за русскими паломниками. В обязанности консула входили: политическое, дипломатическое и гражданское представительство, приобретение земель и домов, хозяйственное заведование госпиталем и постройками. Подобное ограничение полномочий не устроило еп. Кирилла и конфликты продолжились. В связи с этим председатель Палестинского комитета в рескрипте на имя обер-прокурора Святейшего синода выразил мысль о переводе епископа Кирилла на другое место службы и назначении вместо него архимандрита. Предположение о том, что проблемы во взаимоотношениях с миссией связаны с высоким чином ее руководителя высказывал впоследствии консул в Иерусалиме А.Н. Карцов. В то же время святитель Филарет указывал на несоответствие епископского сана должности начальника РДМ в чужом патриархате. В итоге, согласно постановлению Святейшего синода от 21 июня 1863 г., епископ Кирилл был уволен с должности начальника миссии, а затем назначен в ведение Казанского архиепископа. По справедливому замечанию И.Ю.

¹ Дмитриевский А.А. Русская Духовная миссия в Иерусалиме. М.: Издательство Олега Абышко, 2009. С. 204.

Смирновой, епископ Кирилл оказался жертвой межведомственной конкуренции и несогласованности действий руководства МИД, Св. Синода и Палестинского комитета¹.

В записке, составленной для Святейшего синода, лицом, имеющим близкое отношение к Палестинскому комитету, указывались качества, которыми должен был обладать будущий начальник миссии. Главными из них были: «строгое благочестие, твердость характера, умение обращаться с русским простым народом и опытность в деле монастырского хозяйства»². Далее отмечалось, что от этого духовного лица не требовалось «ни выпренной учености, ни умения вынести условие общительности с иностранцами, ни даже познания греческого и арабского языка. Настоятель будет иметь дело исключительно с русскими поклонниками в пределах русской обители...»³. При этом сношения с греческим духовенством и иерусалимскими властями находились преимущественно в ведении консула.

Подходящей кандидатурой на должность нового начальника РДМ оказался иеромонах Леонид (Кавелин), которого перед отправлением на Восток возвели в сан архимандрита. Выше упоминалось, что Леонид был членом миссии при епископе Кирилле, однако пробыл в Иерусалиме чуть больше года из-за сложных взаимоотношений с начальником.

Новая духовная миссия перешла в исключительное ведение Св. синода, который считал предпочтительным заменить ее состав. Того же мнения, вероятно, придерживался и сам арх. Леонид, который имел право сформировать ее состав по своему усмотрению. Вместе с другими членами миссии были уволены профессор Левинсон и Фадлалла Сарруф, который верно служил РДМ более 10 лет. Инициатива его увольнения принадлежала непосредственно арх. Леониду. Причиной тому, вероятно, послужили сложные взаимоотношения архимандрита с епископом Кириллом, который был весьма расположен к Фадлалле. Поскольку арабского

¹ Смирнова И.Ю. Конфессиональный фактор российской политики в ближневосточном и северо-тихоокеанском регионах в середине XIX века (1840-1860-е годы): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: ИРИ РАН. М. 2017. С. 23.

² Дмитриевский А.А. Русская Духовная миссия в Иерусалиме ... С. 215.

³ Там же.

переводчика, знающего русский язык, найти в Сирии было практически невозможно, арх. Леонид предусмотрительно взял с собой воспитанника Медико-хирургической академии в Петербурге сирийца Георгия Сарруфа¹.

Согласно принятой инструкции², новая миссия не обладала столь широкими полномочия, как при епископе Кирилле. В документе были указаны основные сферы деятельности РДМ и ее функции, которые были разграничены с функциями консульства и Палестинского комитета. Так, забота о новых постройках для обеспечения приютов паломникам, надзор за возведенными для этой цели зданиями, а также попечение о материальных нуждах богомольцев, возлагались на особых лиц по усмотрению Палестинского комитета. Императорское консульство должно было сношаться с местными властями, заботиться о безопасности и интересах русских подданных, решать возникшие между ними споры и т.п. Круг действий Русской духовной миссии сводился к отправлению богослужения и удовлетворению духовных нужд российских подданных, а также православных других национальностей, если они обращались за содействием. Вместе с тем духовная миссия должна была поддерживать дружественные отношения с местным духовенством, передавать присылаемые из России пожертвования, оказывать содействие к примирению конфликтов, «не возбуждая подозрений и ревности» со стороны греческого духовенства³.

Помимо этого, арх. Леониду было предписано собирать сведения о состоянии духовного просвещения в восточных патриархатах, которые он должен был сообщать в своих отчетах.

Следует отметить, что в данной арх. Леониду инструкции были обозначены и некоторые просветительские меры. В частности, ему следовало оказывать возможное содействие греческому духовенству в борьбе с инославной пропагандой, а кроме того, в распространении среди арабских христиан «просвещения в духе

¹ Там же. С. 258.

² Инструкция Святейшего синода была дана в Указе его императорского величества. Из Св. Прав. Синода начальнику иер. Духовной миссии Архимандриту Антонину, № 1143. от 23 марта 1864 г.// Дмитриевский А.А. Русская Духовная миссия в Иерусалиме С... 239.

³ Там же. С. 238.

Православия». Бесплатное обучение грамоте православных арабских детей признавалось «мерой самой лучшей и наиболее надежной». В связи с этим арх. Леониду рекомендовалось узнать возможно ли при миссии открыть училище и во сколько обойдется его содержание. Свои предложения по этому вопросу арх. Леонид должен был отправить обер-прокурору Св. синода¹.

Вскоре после своего прибытия в Иерусалим арх. Леонид изучил этот вопрос и направил в Св. синод предложение об учреждении при миссии «первоначального училища для бесплатного обучения местных туземцев грамоте»².

Для того, чтобы организовать школу, архимандриту был необходим православный русский учитель, который владел бы арабским и греческим языками. На примете у него был лишь один человек, который подходил на эту должность – студент семинарии Николай Крылов, служивший в миссии при арх. Порфирии (Успенском) и Кирилле (Наумове). Поскольку он вместе с другими членами миссии был уволен (Крылов состоял певчим в хоре), Леонид просил разрешения оставить его в качестве сверхштатного сотрудника и в дальнейшем выплачивать ему жалование как учителю школы. На содержание учебного заведения Леонид предложил выделить средства, которые получал уволенный профессор Левинсон – 1500 р. Однако, по его мнению, этих средств было недостаточно, поскольку для привлечения детей в школу им необходимо было оказывать материальную помощь. Так, в греческих и инославных школах были устроены кухни, которые снабжали детей пищей. Кроме того, ученики получали бесплатные учебные принадлежности, книги и частые подарки: денежные пособия и одежду. Только так, по мнению арх. Леонида, можно было выдержать конкуренцию.

Изучив предложение архимандрита, Хозяйственное управление при Святейшем синоде заметило, что оклада профессора Левинсона хватило бы лишь на этапе организации школы. А при ограниченных средствах успех учебного заведения на Востоке был весьма сомнительным. Поскольку в Иерусалиме в то время действовало греческое училище, Св. синод посчитал необходимым отложить устройство

¹ Дмитриевский А.А. Русская Духовная миссия в Иерусалиме... С. 232.

² Там же. С. 231.

школы при РДМ «до более благоприятных обстоятельств». В то же время для «поддержания нравственного влияния Миссии», Св. синод предлагал направить оставшиеся 500 р. от содержания профессора Левинсона (1000 р. составляла его пенсию – Е.С.) в виде единовременного пособия греческой школе¹.

Как видно, предложение архимандрита Леонида успеха не имело. О просветительских мерах, которые принимались миссией в этот период известно очень мало. Никодим (Ротов), ссылаясь на документы Архива Русской духовной миссии², упоминает, что арх. Леонид поддерживал женскую школу в Иерусалиме, созданную Е.Ф. Бодровой в 1856 году³. Об этом русского архимандрита просило Министерство иностранных дел. Известно, что Е.Ф. Бодрова была весьма состоятельной дамой, которая осталась в Иерусалиме после совершения паломничества. Для того, чтобы организовать учебное заведение, ей необходимо было разрешение греческого духовенства и помощь российских представителей, которые могли выступать в качестве советников и посредников в отношениях с иерусалимскими иерархами. Получив дозволение наместника Иерусалимского патриарха митрополита Мелетия, Бодрова открыла школу в Архангельском монастыре, где раньше располагалась миссия арх. Порфирия (Успенского). Несмотря на то, что учебное заведение было организовано русской подданой, формально оно подчинялось Иерусалимской патриархии. Что касается содержания школы, то оно осуществлялось императрицей Марией Александровной, которая занималась благотворительностью, учреждением и поддержкой просветительских центров в России и в Османской империи⁴. Средства для школы направлялись через Св. синод и МИД в российские дипломатические представительства на Востоке, а затем передавались в духовную миссию.

¹ Дмитриевский А.А. Русская Духовная миссия в Иерусалиме... С. 235.

² АРДМ. Д. 1062. / Ротов (Никодим). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. URL: <https://rusdm.ru/history/> (Дата обращения: 12. 02. 2020)

³ Грушевой А.Г. Просвещение арабов-христиан как важный фактор во внешней политике Российской империи на Ближнем Востоке (вторая половина XIX в.) //Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 3(31). С. 259.

⁴ Бутова Р.Б. Школа Е.Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой земле. 2016. URL: <https://www.ippo.ru/old/history/school/s/1/index.html>. (Дата обращения: 17. 09. 2019).

Следует отметить, что Бодрова осуществляла не только руководство школой, но и вела педагогическую работу. В частности, она обучала арабских и греческих девочек русской грамоте по Часослову и Псалтири. Обучение в школе носило религиозный характер. По сообщениям современников, учебное заведение напоминало детский монастырь, уставу которого подчинялись также две ученицы-мусульманки. Сам арх. Леонид по мере возможности оказывал методическое и материальное содействие школе.

Впоследствии заботы об учебном заведении принял на себя архимандрит Антонин (Капустин), который сменил арх. Леонида (Кавелина) на посту начальника Русской духовной миссии. Подобно епископу Кириллу, у арх. Леонида не сложились отношения с российским консульством. Кроме того, у него были весьма напряженные взаимоотношения с греческим духовенством и членами собственной миссии. В итоге иеродиакон Арсений и иеромонах Иоанн подали на своего начальника жалобы российскому консулу в Иерусалиме, а также заместителю патриарха. В свою очередь, Иерусалимский патриарх указывал на неподобающее поведение арх. Леонида и просил Св. синод о его замене. В сложившихся обстоятельствах обер-прокурор высказал предположение о закрытии Русской духовной миссии в Иерусалиме. Однако митрополит Филарет встал на защиту РДМ, предложив на роль ее начальника Антонина (Капустина). В результате 16 июня 1865 г. Леониду (Кавелену) было предписано сдать дела и имущество миссии архимандриту Антонину, прибывшему в Иерусалим из Константинополя.

До того, как стать начальником духовной миссии, арх. Антонин (Капустин) долгое время служил на Востоке. Образование он получил в Киевской духовной академии, где впоследствии преподавал греческий и немецкий языки. В 1850 г. Антонин был назначен на должность настоятеля посольской церкви в Афинах. В Греции он всерьез увлекся археологией: изучал древние надписи и памятники архитектуры. В 1859 г. арх. Антонин был переведен настоятелем посольской церкви в Константинополе. Там он продолжил свои исследования: занялся палеографией и составил научный каталог рукописей, хранившихся в библиотеке Иерусалимского подворья.

В отличие от арх. Леонида (Кавелина) у арх. Антонина сложились хорошие взаимоотношения с иерусалимским духовенством и особенно патриархом Кириллом. Однако ситуация изменилась после того, как Кирилла низложили, а на патриарший престол возвели Прокопия. Арх. Антонин, считавший это низложение незаконным, активизировал связи с арабскими священниками, которые не признали нового патриарха. Подобные контакты негативно отразились на дальнейших отношениях архимандрита с иерусалимским духовенством.

Взаимоотношения арх. Антонина с российским консульством в Иерусалиме, также как и у его предшественников, складывались сложно. Дело дошло до того, что в 1878 г. иерусалимский консул И. Ларионов предложил закрыть миссию или превратить ее в домовую церковь при дипломатическом представительстве. Однако связи отца Антонина и расположение к нему посла Н.П. Игнатьева, считавшего закрытие духовной миссии вредным в политическом отношении, позволили сохранить ее в прежнем виде.

Что касается поддержки православия и укрепления российского влияния в Святой земле, арх. Антонин избрал, пожалуй, единственно возможный способ, благодаря которому удалось добиться успехов в этих направлениях. Он стал приобретать на благотворительные средства участки земли в Палестине и строить там богоугодные заведения. По законам Порты землю мог купить лишь османский подданный, поэтому все сделки оформлялись на переводчика Антонина Якова Халеби (Халаби), которого архимандрит считал своим другом. Выдавая себя за торговца, он приобретал на данные арх. Антонином средства земли, а затем переводил их на него путем дарственной. Таким образом были приобретены участок с Мамврийским дубом недалеко от Хеврона, земли около деревни Бейт-Джалы, на Елеонской горе, в Иерехоне, Гефсимании и Яффе. Помимо Халеби, с первоначальным оформлением участков арх. Антонину помогал консульский агент в Хайфе Селим (Салим) Хури.

По мере того, как приобретались земли, арх. Антонин занимался их благоустройством: разбивал плодовые сады, цветники, виноградники. Кроме того, на некоторых участках он проводил археологические раскопки, в частности в Иерехоне

и Иерусалиме. Находки из обнаруженного там некрополя составили коллекцию археологического музея, который арх. Антонин организовал при миссии.

На землях, принадлежавших РДМ, арх. Антонин занялся строительством и организацией богоугодных заведений. Постепенно им была создана целая инфраструктура храмов, монастырей, паломнических приютов и земельных участков, «связанных преданием с важнейшими новозаветными и ветхозаветными событиями»¹. Приобретение земли и строительство благотворительных учреждений имело большое значение для организации последующей просветительской работы.

Подобно арх. Леониду, а также другим начальникам миссии, арх. Антонин предлагал комплекс мер, направленных на просвещение православного населения Палестины. В частности, он просил Св. синод увеличить смету, чтобы миссия могла поддержать арабское духовенство и школы. Однако в этом ему было отказано. По примеру католиков, он мечтал организовать общину Палестинских сестер, которые бы занимались делами милосердия и женским образованием, но и этим планам не суждено было сбыться.

Понимая, что миссии не удастся получить поддержку государства для ведения масштабной просветительской работы, Антонин пытался организовать и поддержать образовательные центры своими силами. В первую очередь он всемерно помогал школе Бодровой. Находясь в Архангельском монастыре, школа вызывала раздражение греческого духовенства, которое стремилось контролировать деятельность учебного заведения и средства, поступавшие на его содержание. В связи с этим арх. Антонин решил перевести школу в Бейт-Джалу, где на средства, выделенные императрицей, было построено новое учебное здание. Эта местность была выбрана арх. Антонином неслучайно. Выше упоминалось, что в 1850-е годы там была открыта католическая духовная семинария, что сделало Бейт-Джалу «оплотом латинской пропаганды». По замыслу арх. Антонина, женская школа должна была помочь «воспитать будущих матерей тамошних в правилах строгого

¹ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2007. С. 211.

православия и спасти место от окончательного совращения в латинство»¹. В 1870 г. в школе обучалось 120 девочек. По примеру инославных школ, учениц кормили завтраком и оказывали возможную благотворительную помощь. Учебная программа включала в себя Закон Божий, русский и арабский языки, пение и рукоделие. Помимо самой Бодровой, в школе преподавали и арабские учителя. Ее ближайшей помощницей была учительница Мария Хаддад. Закон Божий в школе преподавал местный священник Исаак, которому арх. Антонин часто помогал. С русскими впоследствии сотрудничал и сын Исаака Георгий, который жил в Бейт-Джале и преподавал Закон Божий в женской учительской семинарии.

В 1874 г. Е.Ф. Бодрова оставила школу по причине плохого самочувствия, передав ее в заведование Марии Хаддад. Вскоре учебное заведение столкнулась и с другой проблемой. Со смертью императрицы школа осталось без финансирования. Архимандрит поддерживал ее как мог, но средств не хватало. И к 1880 г. в школе осталось лишь 60 учениц². Несмотря на трудности финансового и организационного характера, бейт-джальская школа сыграла важную роль в распространении женского образования в регионе. Ханна Килдани отметил, что эта школа была первым русским учебным заведением в Палестине в полном смысле этого слова³.

Помимо школы в Бейт-Джале, арх. Антонин устроил учебное заведение в Горней, в селе 'Айн-Карим. Там же были открыты приют для паломников и монастырь. Благодаря приобретенным землям, арх. Антонину удалось отчасти реализовать замысел еп. Кирилла (Наумова): открыть школу при другом русском учреждении. Однако не при консульстве, как предлагал епископ, а паломническом приюте, который арх. Антонин построил на благотворительные средства.

Никодим (Ротов) упоминает, что с просьбой об открытии православных школ к арх. Антонину обращались жители Наблуса, Бейт-Сахура, Яффы и Каны Галилейской. У него просили содействия православные школы Бейрута, обращались за помощью отдельные учителя. По мере возможности он оказывал

¹ См. Дмитриевский А.А. Русская Духовная миссия в Иерусалиме... С. 439.

² Бутова Р.Б. Школа Е.Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой земле. 2016. URL: <https://www.ippo.ru/old/history/school/s/1/index.html>. (Дата обращения: 17. 09. 2019).

³ Kildani, Hanna. Modern Christianity in the Holy Land... P. 77.

благотворительную и образовательную поддержку православным арабам, делал пожертвования, принимал учителей и учительниц организованных им школ. В благоустройстве территории, общении с местным населением и властями, поиске учителей и организации учебного процесса Антонину помогал Яков Халаби. Он, как и Фадлалла Сарруф, оказывал РДМ содействие в научной и просветительской работе, а кроме того, налаживании контактов с арабами Палестины, Сирии и Египта. Вместе с тем православные арабы сопровождали арх. Антонина в научных командировках. Известно, что в 1870 г. архимандрит вместе с ректором Киевской духовной академии, а также «профессором Крестной семинарии арабом Саруфом» (вероятно, Феодором) посетили Синайскую гору, где на протяжении двух месяцев изучали монастырь и рукописи в тамошней библиотеке¹.

Оценивая результаты просветительской деятельности Русской духовной миссии, А.Е. Крымский писал, что они не могли сравниться с достижениями католиков и протестантов. Причина, по его мнению, заключалась в том, что «..арх. Антонин... стоял в вопросах арабского школьного дела (имеется в виду религиозное просвещение – Е.С.) приблизительно на той же точке зрения, что и Порфирий»². Однако проблема заключалась не столько в убеждениях арх. Порфирия и других начальников миссии, сколько в отсутствии определенной просветительской программы, разработанной русским правительством для православных арабов. По справедливому замечанию А.Г. Грушевого, «...неясность в положении и в статусе Русской Духовной Миссии приводила к тому, что все рассуждения о важности православного просвещения арабов-христиан так и оставались словами...»³. Ни средств для организации масштабной школьной деятельности, ни подготовленных для этого кадров в России в 50-70-х гг. еще не было. Без соответствующего финансирования и государственной поддержки РДМ не могла заниматься полноценной просветительской работой.

¹ Киприан (Керн). Отец Антонин Капустин – архимандрит и начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме. М., 1997. С. 187.

² Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 308.

³ Грушевой А.Г. Просвещение арабов-христиан... С. 247 – 248.

И все же благодаря начальникам духовной миссии, которые изучили специфику местного образования и содействовали по мере возможности организации православных школ в Сирии и Палестине, Россия получила определенный опыт и знания, пригодившиеся в последующей работе Православного палестинского общества. Вместе с тем руководители РДМ принимали деятельное участие в организации Антиохийского подворья в Москве и отправлении православных арабов на обучение в Россию.

Антиохийское подворье и православные арабы

Поскольку российскому государству в 1850 – 1870 гг. было сложно организовать школы на Ближнем Востоке, доступ к получению среднего и высшего образования православным арабам был открыт непосредственно в России. Новый этап просветительских усилий Российской империи в ближневосточном регионе был связан с организацией Антиохийского подворья в Москве.

Как известно, Антиохийская церковь на протяжении нескольких столетий находилась под сильным влиянием вселенских патриархов. Одни и те же влиятельные кланы Фанара и других греческих общин Константинополя и Греции определяли назначения, смещения, перемещения не только предстоятелей древних апостольских престолов, но и наиболее важных и хлебных кафедр¹. В отличие от Иерусалимского патриархата в Антиохийском арабам удавалось занимать важные церковные посты (как правило в отдаленных епархиях). Однако уровень образования у местного духовенства оставался невысоким.

Между тем успехи католических и протестантских миссионеров заставили греческое духовенство задуматься о подготовке образованных представителей арабского клира, которые могли своими проповедями противостоять инославной пропаганде, а также вести преподавательскую деятельность. Это было особенно актуально для Антиохийского патриархата, где среди православных арабов были состоятельные семьи, которые отдавали своих детей в многочисленные католические

¹ См. подробнее: Смирнова И.Ю. Антиохийская Церковь при Патриархе Мефодии (1830-1850) // Евразия: духовные традиции народов. 2012. №3. С. 135 – 151.

и протестантские школы и отправляли их на обучение в Европу¹. Антиохийскому патриарху-греку приходилось считаться с арабским большинством своей паствы и, прежде всего, ее знатными представителями. Среди его приближенных были арабские священнослужители, которые помогали ему налаживать отношения с местным населением. Их сыновей, а также детей видных православных арабских семейств Сирии время от времени отправляли учиться в греческие духовные училища недалеко от Константинополя. На Ближнем Востоке духовных академий не было, поэтому православные арабы не могли получить высшее богословское образование.

В то же время османские греки, болгары и сербы нередко обучались в российских духовных семинариях и академиях. Подобный опыт в российских верхах рассчитывали применить и к православным арабам. Получив фундаментальное богословское образование, они могли рассчитывать на высокие церковные должности в Антиохийском патриархате, а следовательно лучше заботиться о нуждах православной паствы. Кроме того, постепенно они сформировали бы прослойку образованного арабского духовенства, ориентированного на Россию.

Впервые мысль о том, чтобы направить арабов-христиан на обучение в Россию была высказана арх. Порфирием (Успенским). Однако организовать это было непросто. Арабы не знали русского языка, а значит не могли сразу поступить в российскую духовную семинарию. Греки, отправлявшиеся учиться в Россию, также не владели русским языком. Однако в Москве существовало Иерусалимское подворье, которое было создано в 1818 г. для сбора средств в пользу Иерусалимской патриархии, а также служило местом, где греческие юноши могли освоить русский язык перед поступлением в семинарию. Помыслить о том, чтобы направить в Иерусалимское подворье с той же целью не только греков, но и арабов было невозможно. Следовательно, необходимо было организовать Антиохийское подворье, которое позволило бы упорядочить благотворительные сборы в пользу Сирийской

¹ См. Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013. С. 175.

православной церкви, а также служило бы центром культурной и языковой адаптации арабов-христиан, направлявшихся в Россию для получения образования.

Арх. Порфирий (Успенский), который хорошо изучил ситуацию в Антиохийском патриархате и поддерживал тесные связи с патриархом Мефодием, неоднократно беседовал с ним об организации училищ, просветительских мерах и материальной поддержке, способных улучшить состояние местного образования. С этой целью арх. Порфирий ходатайствовал перед русскими властями об организации Антиохийского подворья. Кроме того, он советовал патриарху Мефодию обратиться в Святейший синод с просьбой выделить церковное здание для его престола. Туда Антиохийскому патриарху надлежало отправить настоятеля с причтом «для сбора добровольных приношений на учреждение предпринятых им общепользных заведений в Сирии и для ограждения вообще в тамошнем крае Православия от влияния Иноверцев»¹.

Вопрос об организации подворья был решен в 1848 г. при непосредственном участии митрополита Московского Филарета (Дроздова) и А.Н. Муравьева². На основании донесения, полученного от святителя Филарета, (с которым должны были предварительно согласоваться детали пребывания антиохийского представителя в Москве)³, Святейший синод постановил отдать Вознесенско-Ипатиевскую церковь с ее утварью и церковной землей Антиохийскому патриаршему престолу, «с тем, чтобы учреждение сие и приобретаемые им способы обращаемы были в вспомоществование образованию Духовенства и просвещению в Антиохийской Патриархии»⁴. Помимо настоятеля на подворье должны были находиться один или два иеромонаха, а также низшие клирики или монахи. «Для пользы Антиохийской церкви» патриарху было предложено «прислать в числе клириков Подворья таких лиц, которые бы способны были пользоваться учением в Московских Духовных училищах, дабы могли возвратиться к дальнейшему служению церкви

¹ Отношение Н.А. Протасова К.В. Нессельроде от 7 февраля 1849 г./ АВПРИ. Ф. 149 Турецкий стол. Оп. 502/1. Д. 3874. 1849. Л. 1.

² Якушев. М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты... С. 170.

³ Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю. Россия и Святая Земля ... С. 155.

⁴ Отношение Н.А. Протасова К.В. Нессельроде от 7 февраля 1849 г./ АВПРИ. Ф. 149 Турецкий стол. Оп. 502/1. Д. 3874. 1849. Л. 1 – 1 об.

Антиохийской, соединив с местной национальностью потребное образование»¹. Находясь в Москве, антиохийское духовенство должно было по примеру «Греческого монастыря», состоять под наблюдением Московского епархиального начальства.

Очевидно, что учреждение подворья носило характер не только религиозный, но и политический и относилось к разряду церковно-дипломатических мер, поэтому активное участие в этом вопросе принимали не только Московский митрополит и Святейший синод, но и Азиатский департамент, и российские дипломаты на Востоке. Правила этого учреждения, разработанные Святейшим синодом, были сообщены государственному канцлеру.

Для достижения культурно-просветительских задач, поставленных Министерством иностранных дел и Святейшим синодом перед подворьем, необходимо было назначить его настоятелем араба. Обстоятельства для этого сложились вполне благоприятные. В 1842 г. в Россию прибыл митрополит Илиупольский и Гор Ливанских Неофит (сириец по происхождению) для сбора средств в пользу Антиохийской патриархии. К слову сказать, его отправлению в Россию содействовал К.М. Базили, полагавший, что «может быть приличнее, чтобы Араб был представителем Сирийской церкви» в Москве². Кроме того, российский консул весьма высоко отзывался о нравственных качествах сирийского митрополита, отмечая, что он «имеет доброе сердце, здравый ум, хотя не слишком образованный, и бескорыстное рвение к своей Церкви»³. Собранные митрополитом пожертвования через посредничество Святейшего синода и Азиатского департамента направлялись в генеральное консульство в Бейруте, а затем передавались в патриархию. По ходатайству Антиохийского патриарха Мефодия и согласно высочайше утвержденному 18 января 1847 г. определению Св. синода, митрополиту Неофиту был разрешен сбор в пользу духовных училищ Антиохийской патриархии «с тем, чтобы деньги эти навсегда оставались на хранение в одном из Русских кредитных учреждений, а

¹ Там же. Л. 2 – 2 об.

² См. Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю. Россия и Святая Земля... С. 156.

³ Письмо К.М. Базили к А.Н. Муравьеву. Бейрут, 15 сентября 1842 г./ Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля ... С. 513.

проценты на них высылались по требованиям Патриарха... на нужды означенных училищ»¹. Собранные Неофитом средства служили основным источником финансирования православных школ Антиохийского патриархата².

За 6 лет, проведенных в России, Неофит успел хорошо изучить русский язык, познакомиться с видными представителями Русской церкви, дипломатами, деятелями культуры и востоковедами. Известно, что он обучал арабскому языку Н.В. Берга, а также консультировал «по вопросам арабской современности» востоковеда П. Савельева³. Таким образом, митрополит Неофит обладал необходимыми знаниями и опытом, чтобы управлять подворьем в Москве и принять на попечение сирийских юношей (как послушников, так и монахов), которых должны были отправить на обучение в Россию. Выбор кандидатов в семинаристы осуществлялся с согласия патриарха при активном содействии российских представителей в Сирии и Палестине, а также А.Н. Муравьева.

Н.Ю. Сухова отмечает, что в 50-е годы XIX века открылись двери русских духовных школ для православных арабов, которым следовало стать высокообразованными представителями духовенства на Ближнем Востоке⁴. Согласно документам АВПРИ, в 1850 г. в Антиохийское подворье были отправлены иеродиакон Агапит из причета Мефодия и 12-летний сын консульского агента в Дамаске Николай Телатиниди⁵. Несмотря на то, что в 1849 г. император дозволил Антиохийскому патриарху присылать в подворье молодых людей для обучения в московских духовных училищах⁶, организовать их переезд и поступление было непросто. Процедура оформления сирийцев в учебное заведение была затянутой и требовала положительного ответа самых высоких инстанций. В частности, вопросами переезда, проживания, устройства в учебное заведение занимались консулы в Сирии,

¹ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/а. Д. 666 [Неофит, архиепископ умер в Москве. Наследство] 1886. Л. 6 – 6 об.

² См. Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты... С. 134.

³ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 198.

⁴ Сухова Н.Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в российских духовных академиях. URL: <http://ipro.ru/history/school/int/4/> (Дата обращения: 15.05. 2016).

⁵ Отношение управляющего Министерством иностранных дел исполняющему должность обер-прокурора Св. Синода /АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3875 [Иеромонах Агапит]. 1850. Л.8 – 8 об.

⁶ Отношение управляющего Министерством иностранных дел Л.Г. Сенявина обер-прокурору Святейшего синода Гр. Протасову /АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3875 [Иеромонах Агапит]. 1850. Л. 12 об.

посланник в Константинополе, директор Азиатского департамента, обер-прокурор Святейшего синода, настоятель подворья и митрополит Московский. Как видно, обучение православных арабов в России было делом большой государственной важности.

Пока решались организационные вопросы, Николай Телатиниди и иеродиакон Агапит проживали у митрополита Неофита, фактически находясь на его содержании. В марте 1851 г. они были определены на обучение в Московскую духовную семинарию. По окончании учебного заведения Агапит был направлен в Санкт-Петербургскую духовную академию. Впоследствии он вернулся на родину и стал митрополитом Эдесским.

Еще одним арабом, прибывшим на обучение в Россию, пока Подворьем заведовал Неофит, был дамаскинец Спиридон Аббуд ('Абуд). Он приходился двоюродным братом одесскому арабу Шамийе, семья которого натурализовалась в Одессе в середине XIX века. По примеру Агапита, он был определен на обучение в Московскую духовную семинарию. Следует отметить, что присланных в Россию арабов в основном отправляли учиться в Московскую духовную семинарию по причине ее относительной близости к Антиохийскому подворью. Настоятелю следовало заботиться о своих соотечественниках и их нуждах. При его посредничестве сирийцы-семинаристы держали связь со своими родственниками. После окончания духовной семинарии Аббуд был зачислен в Московскую духовную академию, где он продолжил обучение «с целью усовершенствования себя в науках»¹. В 1856 г. Аббуд окончил академический курс, однако на родину вернулся не сразу. Известно, что в 60-е гг. он еще проживал в Москве. В это время Аббуд близко общался с видными русским консерваторами, в частности с профессором русской литературы С. Швыревым, директором Московского архива Министерства иностранных дел кн. М. Оболенским. По его просьбе Аббуд заказал через своего брата список путешествия Макария Антиохийского на Русь, предназначенный для Московского

¹ ЦИАМ. Ф. 229 Московская духовная академия. Оп. 4. Д. 4 [Спиридон Аббуд]. 1854 – 1855. Л. 1.

архива. Впоследствии Аббуд вернулся в Сирию, где открыл школу с преподаванием русского языка¹.

Несмотря на вполне успешное начало, дальнейшее обучение православных арабов в России встретило много трудностей, что было связано со сменой настоятеля Антиохийского подворья. В 1850 г. скончался Антиохийский патриарх Мефодий. На патриарший престол взошел бывший архиепископ Фаворский Иерофей, который 9 лет собирал в России средства в пользу Иерусалимской патриархии. Хотя некоторые представители греческого духовенства считали его русским ставленником, он не пользовался особым авторитетом в России, а также среди своей арабской паствы, полагавшей, что он ведет дело к разрушению патриархата.

Вместе с тем в 1853 г. скончался митрополит Неофит. Вопрос о назначении нового настоятеля подворья в условиях смены Антиохийского патриарха, начала Крымской войны и закрытия Русской духовной миссии вызвал большие затруднения.

После смерти Неофита по распоряжению Святейшего синода была произведена опись его имущества. Помимо церковной утвари, книг и личных вещей были найдены двадцать четыре билета Московской сохранный казны на сумму 20447 р. 14 к. серебром и наличными деньгами 369 р. 2 коп.² Согласно завещаниям Неофита, найденным там же, часть его имущества (видимо церковная утварь) отходила храму Пресвятой Богородицы в Алеппо. Что касается средств, хранившихся в билетах Московской сохранный казны под № 31438 -м на 4000 руб. под № 56 433 -м на 700 руб., то они предназначались его родственникам, а также на содержание образовательных учреждений и неимущих в Алеппо³. При этом в завещании указывалось, что если его родственников не было в живых, то предназначенные им средства надлежало употребить на содержание воспитанников алеппского училища.

¹ См. Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 305 – 306.

² Отношение исправляющего должность обер-прокурора Святейшего синода управляющему Министерством иностранных дел/ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3879 [Антиохийское подворье в Москве. Лица им заведующие]. 1860. Л. 9. Об.

³ Там же. Л. 9.

Четырнадцать тысяч из указанной суммы составляли училищный капитал Антиохийского патриархата.

Узнав о завещании преосвященного Неофита, патриарх Иерофей стал оспаривать законность его распоряжений. Это касалось сумм, завещанных его родственникам, а также средств, выделенных на содержание училища. Кроме того, патриарх сомневался в необходимости хранить в Москве суммы, составлявшие училищный капитал. Тем не менее окончательно решить этот вопрос патриарх предоставил Св. синоду. Следует отметить, что помимо Св. синода и Антиохийской патриархии в этом деле принимали участие и российские дипломатические представительства.

Окончательное постановление по делу о наследстве Неофита было вынесено Синодом лишь в 1860 г. Большая часть средств, оставленных Илиупольским митрополитом (14285 р. 70 к.) составляла училищный капитал Антиохийского патриархата и должна была храниться в одном из российских кредитных учреждений¹. Оставшиеся средства надлежало разделить между родственниками Неофита и предстоятелем Алеппской церкви митрополитом Кириллом с сообщением ему изложенного в завещательных актах преосвященного Неофита назначения оных² (т. е. о необходимости употребить средства на Алеппскую церковь, неимущих воспитанников Алеппского училища или на бедных).

Пока решался вопрос о наследстве Неофита, необходимо было назначить нового настоятеля Антиохийского подворья. В период военных действий (1853 – 1856 гг.) прислать кого бы то ни было из Сирии было трудно. Поэтому присмотр за подворьем поручили иеромонаху Анфиму, греку, который прежде состоял при митрополите Илиупольском³ и находился в Москве.

С окончанием Крымской войны патриарху Иерофею следовало избрать нового, удобного ему настоятеля. Обер-прокурор Святейшего синода А.П. Толстой,

¹ Хозяйственное управление при Святейшем синоде в Азиатский департамент МИД/ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3879 [Антиохийское подворье в Москве. Лица им заведующие]. 1860. Л. 49.

² Там же, Л. 50.

³ Перевод письма Антиохийского Патриарха Иерофея к Г. Мухину от 6 мая 1857 г./ АВПРИ Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877 [Предположение о назначении на место Неофита Архимандрита Афанасия]. 1857. Л. 9 об.

весьма обеспокоенный этим вопросом, сообщал товарищу министра иностранных, что для «пользы церквей и народа в Антиохийском Патриархате» необходимо избрать настоятелем Антиохийского подворья духовное лицо арабского происхождения¹. По поводу национальности заведующего подворьем Спиридон Аббуд писал, что по требованию России в настоятели всегда должен был присылаться природный араб, а не грек, и попытки его блаженства патриарха «переубедить русских всегда отклонялись»². В теории так оно и было. Однако на практике дело обстояло намного сложнее. Документы, содержащиеся в фондах АВПРИ, свидетельствуют о том, что традиция назначать настоятелями подворья представителей арабского духовенства сложилась далеко не сразу и была результатом успешной дипломатической борьбы, в которой участвовали Министерство иностранных дел, московское высшее духовенство, Святейший синод, российские дипломаты и церковные представители в Сирии и Палестине.

От того удастся ли поставить араба-настоятеля во главе подворья, зависела не только эффективность материальной помощи Антиохийскому патриархату (греческое духовенство заботилось, прежде всего, о своих нуждах), но и вопрос об обучении арабского клира в России. В связи с этим на место покойного Неофита Святейший синод стремился назначить арабского архимандрита Афанасия «мужа достойнейшего по бескорыстию, ревности к церкви и к духовным пользам своего Православного племени»³. Интересно, что с архимандритом Афанасием были знакомы арх. Порфирий (Успенский) и К.М. Базили. В своих дневниках арх. Порфирий сообщал, что Афанасий был игуменом Баламандского монастыря, при котором функционировало училище. Однако патриарх разогнал учителей и ликвидировал учебное заведение, желая направить расходуемые на него средства в Антиохийскую патриархию. Среди основных причин закрытия Баламандской семинарии М.И. Якушев называет страх, который испытывали греки при мысли о том, что

¹ Отношение обер-прокурора Святейшего синода товарищу министра иностранных дел И.М. Толстому с пометкой «конфиденциально» от 5 февраля 1857 г./ АВПРИ Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. Л. 1 об.

² Цит. по: Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 304.

³ Отношение обер-прокурора Святейшего синода товарищу министра иностранных дел И.М. Толстому с пометкой «конфиденциально» от 5 февраля 1857 г. / АВПРИ Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 1 об.

образованные арабы смогут составить им конкуренцию в борьбе за патриарший престол в Дамаске¹.

Что касается арх. Афанасия, то он, по словам архимандрита Порфирия, был изгнан из Сирии. По рекомендации К.М. Базили он был принят Иерусалимским патриархом, который нуждался в проповеднике, владеющем арабским языком². Вместе с тем арх. Порфирий упоминал об Афанасии и в 1852 г., отмечая, что тот заходил к нему и просил поговорить с консулом Базили «об улучшении духовного благосостояния арабского племени»³. Он сообщил, что училище народное и женское имеют номинальный характер. Необходимо было определить смотрителя училищ, который объезжал бы всю Палестину и смотрел бы за порядком учения, поскольку число переходящих в протестантизм увеличивалось.

Из сведений, сообщенных арх. Порфирием, становится ясно, что архимандрит Афанасий был известен русским представителям на Ближнем Востоке (а значит митрополиту Филарету, Св. синоду и Министерству иностранных дел) своими трудами в области арабского просвещения. Кроме того, вполне очевидно, что его отношения с антиохийскими иерархами были напряженными.

Следует отметить, что обер-прокурор Св. синода А.П. Толстой, который ходатайствовал об архимандрите Афанасии, был назначен на этот пост в 1856 г. В отсутствие опыта он прислушивался к мнению митрополита Московского Филарета, который, по словам И.Ю. Смирновой, был ключевой фигурой по церковным делам Востока⁴.

Получив необходимую информацию, обер-прокурор обратился к товарищу министра иностранных дел с просьбой, чтобы российский посланник в Константинополе ходатайствовал перед Антиохийским патриархом о назначении архимандрита Афанасия. В свою очередь, И.М. Толстой выяснил у посланника А.П. Бутенева, возможно ли вступить с патриархом в переговоры относительно назначения

¹ См. Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты... С. 169.

² Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. I... С. 641.

³ Там же. Т. IV... С. 286.

⁴ См. подробнее: Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет (Дроздов) и Православный Восток // Родное и вселенское. К 60-летию Николая Николаевича Лисового. М.: Издание Паломнического центра Московского Патриархата. 2006. С. 306 – 329.

этого архимандрита, «столь желанного Святейшему Синоду». Бутенев делегировал решение этого важного вопроса генеральному консулу в Бейруте Н.Я. Мухину¹. В письме к Антиохийскому патриарху Мухин, «не касаясь вопроса о народности предполагаемого кандидата, тем более щекотливого, что при соперничестве в Духовенстве Сирийском между элементами Греческим и Арабским, он мог бы возбудить подозрение... старался внушить Его Блаженству необходимость назначения Архимандрита Афанасия, как по доверию, которое он успел снискать своим бескорыстием и ревностью к Церкви, так и по несомненным выгодам, который бы извлек Антиохийский Престол от исполнения желания Святейшего Синода»². Следовало ожидать, что кандидатура архимандрита Афанасия, в качестве настоятеля Антиохийского подворья, не устроит патриарха Иерофея. В ответном письме, отправленном Н.Я. Мухину, Иерофей указывал, что в силу ослабленного здоровья и преклонных лет архимандрит Афанасий отказался ехать в Россию³. Кроме того, он состоял при патриаршем Иерусалимском престоле и исполнял обязанности проповедника всей Сирии⁴.

Вместо архимандрита Афанасия патриарх обещал предложить иного кандидата. Пока же заведующим подворьем оставался иеромонах Анфим, который 13 лет находился в России и своим поведением «снискал отеческое благоволение Его Высокопреосвященства Митрополита Московского»⁵.

Однако российское высшее духовенство не смирилось с отказом патриарха направить в Москву архимандрита Афанасия. В конфиденциальном письме директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому от А.П. Толстого сообщалось, что согласно сведениям, поступившим из Дамаска, Афанасий не отказывался от руководства подворьем. Напротив, он «готов к услугам Церкви с полной охотой,

¹ Донесение посланника в Константинополе А.П. Бутенева И.М. Толстому от 13 апреля 1857 г. с пометкой «Конфиденциально». / АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 4 – 4 об.

² Копия с донесения Генерального Консула в Бейруте к Г. Действительному Тайному Советнику Бутеневу от 14 Мая 1857 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 7 об. – 8.

³ Донесение А.П. Бутенева И.М. Толстому от 27 мая 1857 г. / АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 5. Об.

⁴ Копия с донесения Генерального Консула в Бейруте к Г. Действительному Тайному Советнику Бутеневу, от 14 Мая 1857 г.; Перевод письма Антиохийского Патриарха Иерофея к Г. Мухину от 6 мая 1857 / АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 9 об.

а потому согласен принять на себя настоятельство Антиохийского Метеха в Москве, и ни за что от сей должности не откажется, хотя бы ему пришлось в сем случае потерпеть великие труды и даже подвергнуться опасности»¹. Сведения, на которые ссылался обер-прокурор, содержались в частных письмах православных арабов из Дамаска. Там же рассказывалось о бедственном состоянии Православной церкви и православной арабской общины, сложных взаимоотношениях с греческим духовенством, а кроме того, указывались меры (в том числе и просветительские), которые Россия могла принять для ее поддержания². Судя по всему, эти письма были доставлены в Россию при посредничестве РДМ, а их перевод на русский язык выполнил Фадлалла Сарруф.

В случае, если патриарх вновь отказался бы направить в Москву арх. Афанасия, А.П. Толстой просил Е.П. Ковалевского ходатайствовать о том, чтобы вместо него был назначен кто-либо иной «из Сирийских уроженцев». Это было необходимо, чтобы успокоить местное население «насчет сумм, жертвуемых на сию Патриархию в России»³.

По поводу данного назначения начальник РДМ епископ Кирилл собирался лично беседовать с Антиохийским патриархом во время своего пребывания в Дамаске. «Для лучшего в сем деле успеха» обер-прокурор просил Е.П. Ковалевского довести до сведения патриарха, что «здешнее Духовное Начальство примет деятельные меры к тому, чтобы в сборе денег не могло быть допускаемо ни малейшей утайки и о сих мерах доставит Его Блаженству надлежащие и подробнейшие сведения»⁴. Как видно, патриарх опасался, что собранные настоятелем-арабом средства дойдут до патриархии не в полном размере. Вопрос о поступавших из России пожертвованиях волновал обе стороны: греческое духовенство и представителей арабской общины, которые не доверяли друг другу. В связи с этим арабы просили извещать о количестве средств, присылаемых в пользу Антиохийской церкви, а

¹ Отношение П.А. Толстого Е. П. Ковалевскому с пометкой «конфиденциально» от 10 декабря 1857 г.; Выписки из письма первого / АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 15.

² Отношение П.А. Толстого Е. П. Ковалевскому с пометкой «конфиденциально» от 10 декабря 1857 г.; Выписки из письма первого / АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 15 – 22 об.

³ Там же. Л. 13 об.

⁴ Там же. Л. 13 об. – 14.

также о суммах, положенных в банк, и о годовом проценте. Православные арабы были озабочены тем, чтобы данные «благodeяния... были употребляемы согласно с истинным своим назначением – для пользы бедствующей Церкви, а не обращались бы в пользу частных лиц»¹.

Представители православной арабской общины неоднократно просили патриарха Иерофея назначить настоятелем подворья архимандрита Афанасия или архимандрита Сафрония, что позволило бы отправить на обучение в Москву арабских воспитанников. Пока же подворьем заведовал иеромонах Анфим, церковь, по мнению антиохийских арабов, теряла свои доходы. Кроме того, «для образовательных целей нельзя было никого послать, чтобы не пропали они, как пропал Соломон Хадае ... – молодой человек из Дамаска благородной арабской фамилии», который «сошел с ума в Москве от притеснения Иеромонаха Анфима, Грека...»². Православные арабы опасались, что вместо архимандрита Афанасия, патриарх Иерофей назначит заведующим подворья своего брата архидиакона. В связи с этим они просили содействия у Святейшего синода. В сложившихся обстоятельствах генконсул в Бейруте Н. Мухин решил лично посетить патриарха Иерофея, чтобы передать ему собранные для Антиохийской церкви средства и еще раз обсудить назначение архимандрита Афанасия. При этом генконсул намеревался сообщить патриарху о том, что, согласно имеющимся у него сведениям, Афанасий не отказывался ехать в Москву. Более того, Иерусалимский патриарх, у которого архимандрит находился в подчинении, не препятствовал его назначению, поскольку оно «было бы принято с удовольствием Святейшим Синодом и повело бы к упрочению пользы Антиохийского Престола»³. Однако доводы генконсула не убедили Иерофея. Патриарх сообщил, что «зная ближе чем кто-либо выгоды своей Епархии, и имея об оных постоянное попечение... вынужден отклонить делаемое ему предложение насчет Архимандрита Афанасия»⁴. Вместо него настоятелем подворья Иерофей предложил

¹ Выписка из письма второго/ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 17.

² Выписка из письма третьего/ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. 1857. Л. 19 об.

³ Копия с донесения Генерального Консула в Бейруте, Статского Советника Мухина к Г. Действительному Тайному Советнику Бутеневу от 16 Ноября, 1857 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877. Л. 25 об.

⁴ Там же. Л. 25 об.

назначить архимандрита Агафангела, который имел большой опыт в управлении делами патриархии и отличался нравственными качествами¹. В случае же его отказа патриарх желал назначить Аркадийского митрополита Иосифа, который также заслуживал полного доверия.

Предложенные патриархом кандидатуры убедили посланника в том, что опасения православных арабов и Святейшего синода относительно назначения настоятелем Подворья иеродиакона Мефодия – брата Иерофея – напрасны.

Св. синоду пришлось смириться с тем, что патриарх Иерофей не желает отправлять арх. Афанасия в Москву, однако принимать утвержденные им кандидатуры тоже не спешил. Наряду с назначением настоятеля подворья Св. синоду необходимо было решить и другую задачу – добиться согласия патриарха на отправление в Россию митрополита Амидского Макария, который нуждался в средствах для организации школ в своей епархии. Известно, что епархия митрополита находилась в Месопотамии и пребывала в крайней нужде. По этой причине Макарий еще в 1851 г. обратился через митрополита Неофита, а также святителя Филарета в Святейший синод с просьбой прибыть в Россию². Спустя год о митрополите Амидском писал в своих дневниках арх. Порфирий (Успенский), который сетовал на то, что Вселенский патриарх Анфим препятствовал России в оказании Макарию помощи³.

Во время посещения русской миссии в Константинополе в 1859 г. патриарх Иерофей возобновил ходатайство о назначении настоятелем подворья митрополита Иосифа, который был его заместителем в Дамаске. В то же время он высказывался против отъезда в Россию митрополита Макария. Иерофей считал, что его епархия, состоявшая из 40 православных домов, слишком мала и не нуждалась в производстве в (помощь) оной сборов доброхотных подаяний в России⁴. Несмотря на позицию патриарха, посланник в Константинополе полагал, что если Св. синод признает «путешествие Митрополита Макария в Россию, соответствующим пользе

¹ Там же. Л. 25 об.

² См. Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля ... С. 240.

³ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга Бытия моего Т. IV... С. 271.

⁴ Донесение Е.П. Ковалевскому из Миссии в Константинополе (вероятно, от посланника А.Б. Лобанова-Ростовского) от 1 августа 1859 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3879. Л. 43 об.

Православия, то сопротивление его Блаженства едва ли устоит против изъявленного в этом смысле желания нашей Церкви»¹. Мнение посланника было учтено. По высочайшему повелению, сделанному в результате доклада Святейшего синода, признавалось необходимым отправить в Россию двух митрополитов: «Аркадийского Епископа Иосифа для замещения места Начальника Антиохийского в Москве подворья и Амидского Митрополита Макария для сбора подаяний исключительно в пользу его нуждающейся Епархии»². Однако компромиссное решение не устроило Иерофея. Вследствие тяжелых испытаний, постигших сирийских христиан в 1860 г., патриарх не нашел возможным «отправить в Россию упомянутых двух Епископов...»³. Время шло, и патриарху необходимо было решить вопрос о настоятеле подворья: отправить Иосифа без Макария в Москву (согласно постановлению Синода) он не мог, поэтому предпочел оставить их обоих в Сирии, сославшись на ухудшение здоровья митрополита Иосифа и необходимость его присутствия в вверенной ему епархии⁴. Патриарх понимал, что Россия желает получить в настоятели Антиохийского подворья араба, но посылать кандидатов, выбранных Св. синодом, он не хотел. Вероятно, поэтому Иерофей предложил кандидатуру архимандрита Гавриила Шатилы, который давно находился во служении у патриарха и был известен ему «с самой выгодной стороны»⁵.

О выборе патриарха Азиатский департамент уведомил Святейший синод. Несмотря на арабское происхождение Гавриила и благоприятный отзыв о нем посланника в Константинополе, российские церковные иерархи не спешили утверждать его кандидатуру. «Святейший Синод, согласно с мнением Преосвященного Митрополита Московского» предложил Антиохийскому патриарху оставить на три года заведующим подворьем архимандрита Анфима⁶. На поступившее предложение

¹ Там же. Л. 44.

² Донесение К.К. Злобину из Миссии в Константинополе (вероятно, от посланника А.Б. Лобанова-Ростовского) от 26 июля 1860 г. /АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880. [Архимандрит Гавриил]. 1863. Л. 5 – 5 об.

³ Там же. Л. 5 об.

⁴ Митрополит Амидский Макарий посетил Россию в 1863 г.

⁵ Донесение К.К. Злобину из Миссии в Константинополе от 23 августа 1860 г. /АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880. 1863. Л. 7. об.

⁶ Отношение обер-прокурора святейшего синода (А.П. Толстого) товарищу министра иностранных дел от 4 января 1861 г. /АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880. Л. 10 – 10 об.

Иерофей ответил, что архимандрит Анфим не желает долее оставаться в России. Вместе с тем патриарх просил оставить его на некоторое время на подворье, чтобы он мог ввести в курс дела своего преемника, не знавшего языка и обычаев страны. В результате Св. синод согласился с выбором патриарха Иерофея, и с 1861 по 1869 г. Подворьем заведовал архимандрит Гавриил.

В конце 60-х гг. в Антиохийской патриархии решался важный вопрос об избрании митрополита Бейрута. Известно, что патриарх Иерофей назначил на этот пост архимандрита Кирилла, который принадлежал к грекам-фанариотам. Вследствие этого начался конфликт между Антиохийским патриархом и его арабской паствой, отвергшей этот выбор. Генеральный консул в Бейруте К.Д. Петкович сообщал в своих донесениях, что сирийская церковная распря, ознаменовавшаяся разными беспорядками и скандалами угрожала повлечь за собой «весьма губительные последствия как для Православной церкви на востоке вообще, так и для наших единоверцев в Сирии в особенности...»¹. Конфликт удалось уладить после того, как патриарх пообещал православной арабской общине назначить на митрополицию кафедру в Бейруте архимандрита Гавриила, заведовавшего подворьем в Москве. «Этот выбор, запечатлевший собою примирение между здешнею православною общиною и Антиохийским Патриархом и положивший конец долголетним распрям и несогласиям, как внешним, так и внутренним, принят с неподдельной радостью всеми жителями к какой бы партии они не принадлежали»². Относительно сделанного патриархом выбора, Н.Н. Лисовой заметил, что патриарх вынужден был оставить за епископом Кириллом «лишь титулярное звание «митрополита Пальмирского» и отправить его в Москву в качестве настоятеля Антиохийского подворья, а бывшего настоятеля этого подворья, араба Гавриила, сделать митрополитом Бейрутским»³.

¹ Донесение генерального консула в Бейруте К.Д. Петковича директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову от 28 апреля 1870 г. / АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880. Л. 20 об.

² Копия с рапорта Генерального консула в Бейруте, Ст. Сов. К.Д. Петковича Г. Императорскому Послу в Константинополе Генерал-Адъютанту Игнатьеву, от 22 октября /3 ноября 1869. /АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880. Л. 14 – 14 об.

³ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 344.

Следует отметить, что патриарх Иерофей, которому пришлось согласиться на митрополита-араба стремился извлечь из сложившейся ситуации выгоду. В своем рапорте К.Д. Петкович сообщал, что «...Его Блаженство, из многих обстоятельств становится очевидным, при самом избрании Архимандрита Гавриила на бейрутскую Епархию, имел уже в виду открыть этим вакансию в Москве для вышеупомянутого Епископа Кирилла»¹. Святейший синод и МИД вынуждены были согласиться с такой кадровой перестановкой. Назначение греческого епископа настоятелем Антиохийского подворья было нежелательным, однако избрание на митрополичью кафедру в Бейруте араба, который 8 лет прожил в России, было важнее. Посланник в Константинополе Н.П. Игнатъев, опасавшийся «происков недоброжелателей», просил Святейший синод как можно скорее утвердить кандидатуру епископа Кирилла, поскольку Антиохийский патриарх не позволял новоизбранному епископу выехать из Москвы ранее приезда туда его преемника. В интересах церкви необходимо было разрешить епископу Кириллу прибыть в Москву для занятия места начальника Антиохийского подворья². После того, как Святейший синод согласился на назначение епископа Кирилла³, патриарх Иерофей разрешил Гавриилу покинуть Москву и направиться в Бейрут.

Таким образом, с 1870 г. Антиохийским подворьем управлял епископ Кирилл. В октябре 1873 г. он обратился к митрополиту Московскому с просьбой «о скорейшем возвращении на родину в Турцию по причине крайне расстроенного его здоровья и о выдаче ему на то заграничного паспорта»⁴. Святейший синод, исполнив просьбу митрополита, назначил ему в попутчики монаха, который должен был сопровождать его до Константинополя, и выдал на путевые расходы 250 рублей⁵. 29

¹ Копия с рапорта Генерального консула в Бейруте, Ст. Сов. К.Д. Петковича, Г. Императорскому Послу в Константинополе Генерал-Адъютанту Игнатъеву от 22 октября /3 ноября 1869 г. / АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880. Л. 15.

² Донесение посла в Константинополе Н.П. Игнатъева П.Н. Стремоухову от 2 декабря 1869 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880. Л. 17 об.

³ Отношение обер-прокурора Д.А. Толстого товарищу министра иностранных дел от 6 января 1870 г. /АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880. Л. 19 – 19 об.

⁴ Отношение товарища обер-прокурора Св. синода Ю.В. Толстого управляющему МИД от 4 октября 1873 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 а. Д. 3881 [Епископ Кирилл]. 1874. Л. 12.

⁵ Отношение товарища обер-прокурора Св. синода управляющему МИД от 3 Ноября 1870 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 а. Д. 3881. 1874. Л. 16 – 16. Об.

октября митрополит Пальмирский Кирилл отправился из Москвы со всем своим имуществом в Константинополь. Генеральный консул в Бейруте К.Д. Петкович сообщил Антиохийскому патриарху об отъезде митрополита, а также о выдаче ему Святейшим синодом 250 рублей, которые по распоряжению Министерства иностранных дел необходимо было возместить из доходов с имений патриархии. В ответ на извещение генконсула патриарх заметил, что «в продолжении четырех лет он не получал ничего из доходов находящегося в Москве Антиохийского подворья, и что также ему ничего не известно как о состоянии, в котором подворье находится, так и об его управлении»¹.

После того, как митрополит Кирилл покинул Москву, в подворье была проведена плановая инвентаризация. Имущество нашли в сохранности, не оказалось лишь «сборной книги», которая была необходима для сбора добровольных подаяний в России. Таким образом, сумма пожертвований, собранных епископом Кириллом, осталась неизвестной. Известно было лишь то, что, по словам Антиохийского патриарха, он этих средств не получал. Что касается митрополита Кирилла, то он, по сообщению К.Д. Петковича, «по выезде из России... остановился на жительство в Константинополе»², а отчетная книга была им утеряна. Подобное происшествие огорчило и заставило задуматься не только Антиохийского патриарха, но и МИД и Св. синод.

После отъезда митрополита Кирилла в Константинополь посланник Н.П. Игнатъев сообщил в «доверительной» форме директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову свое мнение относительно выбора настоятеля Антиохийского подворья. Он напомнил, что подворье было «учреждено преимущественно с целью поддержки и развития образования Православного местного Сирийского духовенства, в состав коего входит в значительной степени Арабский элемент»³. Этот факт посланник просил учесть при выборе духовного лица на место

¹ Донесение генерального консула в Бейруте К.Д. Петковича директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову от 28 декабря 1873 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 а. Д. 3881. 1874. Л. 23 – 23 об.

² Донесение К.Д. Петковича в Азиатский департамент от 5/17 апреля 1874 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 а. Д. 3881. 1874. Л. 3 об.

³ Донесение посла в Константинополе Н.П. Игнатъева П. Н. Стремоухову от 29 ноября 1873 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 а. Д. 3881. 1874. Л. 5 об.

митрополита Кирилла. Приняв к сведению доводы посланника, П.Н. Стремоухов выразил Св. синоду позицию МИД по этому вопросу. В своем отношении обер-прокурору Св. синода Д.А. Толстому директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов указывал: «национальная вражда между Греками, стоящими во церковной иерархии в Сирии, и Арабами, занимающими только лишь низшие степени в этой иерархии, привела к тому, что Настоятелями подворья назначались всегда Греки, которые не брали с собой клириков из арабов и не заботились об образовании в России духовных лиц местной Сирийской национальности. Собираемые же из добротных пожертвований деньги, как видно из донесений агентов наших, шли большей частью на нужды Патриарха; об учреждении же общепользных заведений в Сирии на эти деньги Антиохийский патриарх вовсе не заботился. Такой порядок вещей, как совершенно противный означенной ВЫСОЧАЙШЕЙ воле, необходимо было бы изменить. Лучшим для этого средством было бы твердое с нашей стороны настояние согласно желанию Посла в Константинополе, чтобы начальником Антиохийского Подворья в Москве было назначено духовное лицо из Арабов, чтобы с ним прибыли и клирики арабского происхождения несколько подготовленные к дальнейшему воспитанию в Московских духовных училищах. С этой целью Министерство Иностранных Дел полагало бы поручить Послу ... в Константинополе войти по сему предмету в соглашение с Антиохийским Патриархом и не допускать назначения, на место Пальмирского Митрополита Кирилла, духовного лица греческой национальности»¹.

Святейший синод был полностью согласен с позицией МИД, особенно «в виду обнаружившихся злоупотреблений доходами Антиохийского подворья...»². Кроме того, синод считал необходимым учитывать не только национальность, но и церковный сан будущего настоятеля. Обер-прокурор Д.А. Толстой полагал, что при назначении руководителем подворья архиерея (по примеру митрополита Кирилла), значительная часть собранных средств должна расходоваться на его

¹ Отношение (черновик) товарища министра иностранных дел обер-прокурору Святейшего Синода от 21 декабря 1873 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 а. Д. 3881. 1874. Л. 21 – 22 об.

² Отношение обер-прокурора Св. Синода Д.А. Толстого товарищу министра иностранных дел от 18 апреля 1874 г./ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 а. Д. 3881. 1874. Л. 24.

«архиерейское содержание». В связи с этим Святейший синод выразил пожелание, «чтобы на будущее время для управления названным подворьем назначались духовные лица не выше архимандритского сана и при том из местных уроженцев Антиохийского патриархата, которые вполне сочувствовали бы интересам и пользам своих соотечественников»¹. При этом Св. синод полагал, что «для обеспечения употребления поступающих по подворью доходов, согласно их назначению, хозяйственная и денежная отчетность по подворью должна быть подчинена контролю и ежегодной ревизии Московской Духовной Консistorии»².

Следует отметить, что в начале 70-х гг. российские отношения с предстоятелем Антиохийской церкви носили напряженный характер. В это время усугубился церковный кризис между греческим духовенством и их православными паствами: сначала болгарской, а затем и арабской. Российский посол в Константинополе, граф Н.П. Игнатъев, который поддерживал интересы антиохийских арабов, советовал им воспользоваться ситуацией и низложить патриарха Иерофея. К сожалению российского дипломата, эта попытка провалилась. Тем не менее Игнатъеву удалось добиться уступок со стороны Иерофея и стоявших за ним панэллинистских кругов, в том числе, в вопросах арабского просвещения. Посланник пригрозил патриарху Иерофею, что русская помощь Антиохийской церкви будет распределяться адресно через бейрутского генконсула. Опасаясь потери доходов, Иерофей обещал выделить 21 тыс. руб. на поддержание арабских школ и церквей. Кроме того, он согласился на создание Национальной комиссии из православных арабов для контроля школьного дела. По словам Н.Н. Лисового, Комиссия дала свои результаты³. Таким образом, судьба благотворительных средств, собранных в России для Антиохийской церкви, подлежала двойному контролю: со стороны Московской духовной консистории, а также арабской комиссии в Сирии. Несмотря на то, что материальной помощи, направлявшейся из России, было недостаточно для развития образования в среде православных сирийцев, ряд учебных заведений таким

¹ Там же. Л. 24 об.

² Там же. Л. 24 об.

³ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле... С. 341.

образом удавалось поддержать. С этого времени в Св. синоде и Министерстве иностранных дел стали внимательнее следить за тем, чтобы деятельность подворья соответствовала целям, определенным при его учреждении.

Следует отметить, что с 1848 по 1873 г. лишь двое настоятелей: митрополит Неофит и архимандрит Гавриил были арабского происхождения. Достоверно известно, что в пору их руководства подворьем на обучение в Москву прибыли 4 сирийца: Спиридон Аббуд и Агапит Ставрос, которые поступили в семинарию при Неофите, а также два араба из Дамаска, привезенные в Россию архимандритом Гавриилом. Возможно, речь идет о Герасиме (Яреде) и Георгии Муркосе, которые были родом из Дамаска и приехали в Россию в начале 60-х гг.

А.Е. Крымский, ссылаясь на дневники арх. Порфирия (Успенского), писал, что начиная с 1848 г. «практиковалась в количестве шести душ отправка отдельных молодых арабов... для воспитания в русских учебных заведениях»¹. Однако в реальности цифры были скромнее. Об этом свидетельствует тот факт, что настоятели подворья при своем назначении должны были привозить на учебу в Россию несколько православных арабов. Из официальной переписки между Святейшим синодом и Министерством иностранных дел становится ясно, что настоятели-греки не заботились о просвещении арабов и не брали их с собой в Москву. Более того, сирийские семьи не стремились отдавать на обучение в Россию своих сыновей в периоды, когда подворьем заведовали греки. Все это говорит о том, что подворье, которое было создано в первую очередь для просветительских нужд Антиохийского патриархата, не всегда успешно выполняло свои функции.

Те арабы, которые все же смогли получить образование в России, впоследствии сыграли важную роль в развитии русско-арабских культурных связей. Обучаясь в духовных семинариях и академиях, они стремились «получить высшее богословское образование», чтобы «посильно послужить делу православия» на родине². По словам Н.Ю. Суховой, во время учебы арабы использовали неформальное знание проблем ближневосточного региона, истории Антиохийского и

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 305.

² ЦИАМ. Ф. 229 Московская духовная академия. Оп. 4. Д. 4602. Л. 3.

Иерусалимского патриархатов, занимались переводами с арабского языка богословских и церковно-исторических текстов, выбирали соответствующие темы для своих исследований¹. Среди арабов, окончивших российские духовные школы, были будущие архиереи богословы, церковные деятели, некоторые из них оставили свой след в науке.

Что касается Антиохийского подворья, то после митрополита Кирилла с 1873 по 1879 г. церковным учреждением управляли представители русского духовенства. Вероятно, в это время Министерству иностранных дел и Св. синоду не удалось достичь согласия с патриархом Иерофеем в выборе настоятеля подворья, поэтому назначить российских иереев было надежнее и проще. Авторы монографии «Россия и Святая Земля...» отмечают, что на протяжении всего патриаршества Иерофея обучение православных арабов так и не было налажено, а инициативы русского правительства в этой области были фактически заморожены².

Только в 1879 г. настоятелем Антиохийского подворья был снова назначен сириец архимандрит Христофор. Его преемники тоже были арабского происхождения, что стало настоящей победой российской дипломатии и имело большое значение для укрепления взаимоотношений России с православными арабами, а также их духовного просвещения.

Спустя годы Антиохийское подворье превратилось в культурно-религиозный центр для православных арабов, пребывавших в России. Известный востоковед А.Е. Крымский, который был лично знаком с московскими сирийцами, писал о подворье следующее: «настоятель, и другие его земляки-арабы, подолгу проживали в этом арабо-сирийском уголке Москвы, совершенно проникались русской культурой, в совершенстве изучали русский язык, а когда обстоятельства для них сложились так, что, например, открывалась для них архиерейская кафедра в Сирии, они, сильно русифицированные, возвращались на родину и, понятно, укрепляли в своей

¹ Сухова Н.Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в Российских духовных академиях. URL: <https://www.ipro.ru/old/history/school/int/4/index.html>. (Дата обращения: 11. 10. 2018).

² См. Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля... С. 247.

пастве чувство связи с русскими... содействовали распространению более или менее подлинной русской культуры...»¹.

Безусловно, А.Е. Крымский был прав, когда писал, что русское культурное влияние в Сирии и Палестине в 1830 – 70 гг. по своей силе не могло сравниться с культурным влиянием американцев-протестантов и французов-католиков². И все же оно существовало. Распространению русского влияния в этот период содействовали Русская духовная миссия и российские дипломатические представительства на Ближнем Востоке при непосредственном руководстве и поддержке Министерства иностранных дел и Св. синода. Благодаря их общим усилиям было организовано Антиохийское подворье, куда присылались настоятелями сирийские арабы. Без этого учреждения православным арабам было бы крайне сложно или даже невозможно приехать на обучение в Россию. Вместе с тем без православных арабов, получивших образование в высших российских учебных заведениях, успех просветительской деятельности Православного палестинского общества был бы сомнительным.

¹ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 198.

² Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 308.

3. 2. Русско-арабское взаимодействие в организации учебного дела Православного палестинского общества

Лучшее и даже единственное верное средство проникнуть в характер народа – усвоить его язык, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер¹.

К.Д. Ушинский

А.Г. Кезма и С. Хури – агенты Православного палестинского общества

По окончании русско-турецкой войны 1877 – 1878 г. сложились благоприятные условия для расширения дипломатического и культурно-религиозного влияния России на Ближнем Востоке. Успехи инославной пропаганды, важной составляющей которой была просветительская деятельность католической и протестантской миссий, продолжали ослаблять позиции православия в регионе. Русская духовная миссия, которая находилась в весьма сложных взаимоотношениях с Палестинской комиссией и консульством в Иерусалиме, не обладала достаточными средствами и полномочиями, чтобы содействовать просвещению православных арабов, а также поддерживать русских паломников, прибывающих в Палестину.

В сложившихся обстоятельствах российские чиновники, религиозные и общественные деятели, знакомые с положением дел в Палестине, задумались о создании новой организации, способной поддержать православие на Ближнем Востоке и отстаивать в этом регионе интересы России.

На необходимость учреждения благотворительного восточного общества, которое бы открывало больницы, школы и приюты указывал в свое время арх. Порфирий (Успенский)². Подобную идею поддерживали А. С. Норов³ и А.Н. Муравьев,

¹ Ушинский К.Д. Наука и искусство воспитания/ Сост. С.Ф. Егоров. М., 1994. С. 111.

² См. Воробьева И.А. Русские миссии в Святой земле... С. 90.

³ А.С. Норов, занимавший пост министра народного просвещения (1853 – 1858 гг.), продвигал идею создания русских школ на Ближнем Востоке и подготовил почву в высших кругах империи для того, чтобы подобные проекты получили развитие.

которые неоднократно бывали в Палестине. Однако МИД опасался, что действия частного общества (комитета) могут пойти вразрез с намерениями официальных русских представительств на Востоке и породят путаницу; поэтому ходатайственная записка о Палестинском комитете, поданная Николаю I, была отклонена¹.

Воплотить задуманное арх. Порфирием удалось впоследствии В.Н. Хитрово, который явился непосредственным организатором Православного палестинского общества. Посетив несколько раз Палестину, он получил представление о регионе, ознакомился с условиями пребывания православных паломников, установил необходимые контакты с начальником Русской духовной миссии и консулами. Благодаря его усилиям, идеей создания Палестинского общества прониклись государственные деятели. Среди его сторонников можно назвать обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева, министра народного просвещения А.В. Головина. Кроме того, проект создания общества поддержали представители монаршей фамилии, совершившие паломничество в Святую землю в 1881 году.

Торжественное открытие Православного палестинского общества состоялось в 1882 году. Его учредителями и почетными членами выступили 7 представителей царской семьи, видные историки, путешественники, ученые и церковные деятели. Председателем ППО стал великий князь Сергей Александрович, его помощником – В.Н. Хитрово, а секретарем М.П. Степанов.

Согласно уставу ППО, утвержденному 8 мая 1882 г., обществу полагалось 1) собирать, изучать и распространять сведения о Святой земле, 2) оказывать помощь православным паломникам, 3) устраивать приюты, больницы, церкви и школы. Последнее признавалось лучшим средством для поддержания православия в Сирии и Палестине. В школах общества подрастающее поколение местного сирийского населения должно было научиться Слову Божию и получить образование и воспитание в духе Православной церкви².

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 308.

² Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета общества Н.М. Аничкова. Ч. 1. Учебные заведения Сирии и Иудеи. СПб.: Типография Киришбаума. 1901. С. 1.

Как известно, образовательная работа являлась важной составляющей миссионерской деятельности, направленной на продвижение политических интересов. Российская империя, стремясь утвердиться в Святой земле в качестве основной державы-покровительницы христианских святынь и местного православного населения¹, использовала опыт западных стран, организовавших сеть школ на этой территории.

Проблема просвещения православных сирийцев (жителей Большой Сирии) и участие в этом процессе России волновала не только русских, но арабов. Об этом свидетельствует статья Г.А. Муркоса, опубликованная в 1882 г. в преддверии открытия Православного палестинского общества. По его мнению, решать эту проблему следовало с организации начальных школ «под руководством местных учителей и вызванных из России наставников из Русских. Эти школы могли бы служить и не для одной только Палестины, но и смежных к ней Сирии и Месопотамии. В них то и могут быть подготовлены молодые люди, которые могут быть отправлены в Россию для дальнейшего образования»². Таким образом, в своей статье Муркос наметил основные направления просветительской деятельности Палестинского общества.

Следует отметить, что организация школьного дела в Палестине была весьма сложной задачей. Учебные заведения, открытые иностранными державами, вызывали недоверие османских властей. Кроме того, усиление российского культурно-религиозного присутствия было нежелательно для западных держав, а также греческого духовенства. В подобных обстоятельствах учреждение школ требовало особой осторожности, значительных финансовых средств, а также поддержки российских дипломатических представительств. По счастью, В.Н. Хитрово удалось установить хорошие отношения с российским генеральным консулом в Бейруте К.Д. Петковичем, который весьма сочувственно отнесся к предстоящей деятельности Палестинского общества.

¹ Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2(22). С. 260.

² Муркос Г. Интересы России в Палестине... С. 6.

Не менее важным и трудным вопросом был поиск подходящего агента, которому следовало собрать статистические сведения о количестве и распределении православного населения в Палестине. Подобная информация была необходима обществу, чтобы определить, где именно следовало открыть первые школы¹.

Поначалу сбор сведений поручили российскому консульскому агенту в Хайфе Селиму (Салиму) Хури, который заведовал школами Назаретской и Птолемаидской епархий. Арабское происхождение, служба в российском дипломатическом представительстве и близкое знакомство с деятельностью православных школ в Палестине облегчали ему выполнение поставленной задачи и делали его подходящей кандидатурой на роль агента общества. Однако общение Хури с Хитрово и Степановым осложнялось вследствие языкового барьера. Отчеты, которые Хури отправлял в Петербург, были написаны на арабском языке. Для того, чтобы их перевести, руководству общества приходилось обращаться к доценту арабского языка, арабу по происхождению. Однако и после перевода в отчетах было не все ясно. Чтобы избежать недопонимания, общество просило консульскую службу снабжать отчеты Хури обстоятельными переводами на французском языке. Надо полагать, что ответы для Хури в ППО также писались на французском, что требовало от него усилий по переводу. Помимо того, что Хури не владел европейскими языками в необходимом объеме, он состоял на дипломатической службе, что не позволяло ему посвятить себя целиком нуждам ППО. В связи с этим общество озаботилось поиском другого агента, не отказываясь при этом от услуг Хури. Руководству ППО было очевидно, что русский человек, в качестве агента, «оказался бы не на месте, не зная ни языка, ни местных условий. С другой стороны, местный житель стал бы проводить разные национальные вопросы, которые, откровенно сказать, (были) крайне не желательны»². К тому же для назначения и соответствующего инструктажа руководству ППО нужно было вызвать агента в Россию, а в дальнейшем вести с ним переписку, что (по опыту с Хури) было весьма сложно.

¹ Отношение М.П. Степанова К.Д. Петковичу от 18 февраля 1883 г./ АВПРИ Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273 [Православное палестинское общество] 1882 – 1885. Л. 5. Об.

² Там же. Л. 6 об.

Таким образом, в качестве агента обществу подошел бы образованный православный араб, владеющий русским языком, готовый служить интересам России. Найти подходящего кандидата можно было только среди студентов или выпускников российских учебных заведений, которых было не так много. По счастью, в это время в Московской духовной академии учился православный сириец из Дамаска А.Г. Кезма¹ (Искандар Казма), который и был рекомендован руководству ППО «с самой отличной стороны»². Несмотря на то, что Кезма учился на втором курсе, ради службы в Обществе он решил оставить учебу. В своем прошении на имя ректора МДА от 27 мая 1883 г. Кезма писал: «Ввиду усилившейся в последнее время протестантской и католической пропаганды на Востоке и особенно в Палестине, я принял сделанное мне Православным Палестинским Обществом предложение – быть его агентом в СВ. Земле по устройству в ней православных сельских школ и попечении об этих школах. Поэтому не имею доле возможности продолжать свое образование покорнейше прошу Ваше высокопреподобие уволить меня из числа студентов Московской Духовной Академии»³. За время обучения в России сначала в духовной семинарии, а затем академии Кезма получил богословское образование, овладел русским языком, усовершенствовал свои знания во французском и греческом языках. Согласно отметкам в свидетельстве об увольнении, на годичных испытаниях 1881 – 1882 г. Кезма продемонстрировал следующие результаты: Священное писание: 4+, Психология – 4-, Греческий язык – 4, Латынь – 3 ½, Патристика – 4 -, Французский – 5, поведение – 5⁴. Прослушав эти и другие дисциплины, при отличном поведении, Кезма обладал необходимым набором качеств и знаний, чтобы начать просветительскую деятельность на Ближнем Востоке. Руководству общества оставалось решить вопрос: каким образом молодой человек в сложной политической и конфессиональной обстановке, в условиях непростых

¹ См. подробнее: Смирнова Е.В. Искандер Кезма в начале просветительской деятельности Православного палестинского общества // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. № 2. С. 66 – 122.

² Отношение М.П. Степанова К.Д. Петковичу от 18 февраля 1883 г. / АВПРИ Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 7.

³ ЦИАМ. Ф. 229 Московская духовная академия. Оп. 4. Д. 1676 [Кезма Александр Гаврилович студент]. 1883. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 12.

взаимоотношений с Османами и святогробским духовенством сможет в одиночку организовать школьное дело. Кезма, который был хорошо знаком с ближневосточными реалиями, весьма опасался трудностей, с которыми ему предстояло столкнуться. Для того, чтобы обезопасить себя от нападок Османов и греков, он в 1883 г. принял российское подданство, на которое имел право, прожив в России более 8 лет. С той же целью его планировали сделать сверхштатным драгоманом консульства. Однако затем от этой идеи отказались, так как официальная связь Кезмы с дипломатическим представительством в этом случае оказалась бы слишком велика. Поскольку без дипломатической поддержки было не обойтись, М.П. Степанов просил К.Д. Петковича оказать Кезме необходимое содействие. В свою очередь, Кезме следовало действовать с разрешения Петковича, обращаться к нему за советом и помощью, а также отсылать ему отчеты о расходах.

До отъезда на Восток агента снабдили необходимыми рекомендациями к генконсулу в Бейруте и начальнику РДМ архимандриту Антонину. Кроме того, Кезме была выдана инструкция, согласно которой главной его обязанностью было «наблюдение над устройством и ходом православных школ», учрежденных ППО¹. Для начала ему следовало собрать сведения о местностях, где проживают православные, указав конфессиональный состав каждого села, количество детей школьного возраста (мальчиков и девочек отдельно), наличие и типы учебных заведений и церквей. Особое внимание Кезма должен был обратить на то, где располагались православные школы – «в особом ли доме или квартире учителя, где этот последний учился и сколько получает содержания...»². Все указанные сведения ему следовало дополнить своими предложениями и замечаниями. На основе данной информации руководство общества должно было определить в каком селе следовало учредить школу. Получив указания об открытии учебного заведения, Кезма должен был поговорить с сельскими старейшинами, чтобы они сами изъявили о таком своем желании. Важно было, чтобы почин об открытии школы исходил «со

¹ Проект инструкции для А.Г. Кезмы/ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 134.

² Там же. Л. 134.

стороны самого населения»¹. Соблюдение подобной формальности было необходимо, чтобы не обострять отношения общества с греческим духовенством и турецкими властями. При этом открывать школы Кезма должен был лично, испросив на то благословение местного церковного иерарха.

Помимо сбора сведений, в задачи Кезмы входил поиск помещения для школ, а также учителей. Для начала Общество планировало открыть несколько простых учебных заведений – «одноучительных» с соответствующей программой. Преподавать в таких школах следовало: Закон Божий, чтение, письмо и 4 правила арифметики. Вместе с тем в программу рекомендовалось ввести рисование для мальчиков и рукоделие для девочек². В том случае, если количество учеников в школе стало бы больше 50, Кезме следовало взять второго учителя или открыть две школы: одну для мальчиков, а другую для девочек. В смешанной школе мальчиков и девочек предполагалось обучать в разные часы. В «двухучительных» школах учебную программу следовало расширить и ввести в курс обучения катехизис, элементарные понятия о географии и истории, дроби, а также один из иностранных языков: русский, турецкий или французский. Согласно инструкции, в учебную программу Кезме следовало также включить объяснение богослужения.

В отличие от западных духовных миссий Палестинское общество не имело опыта в организации учебных заведений на Ближнем Востоке. Кроме того, просветительские задачи школ ППО, отличались от целей католических и протестантских учебных заведений. Следовательно при составлении учебных инструкций и программ общество ориентировалось на российскую систему начального образования и опыт ее применения в регионах с инонациональным и иноконфессиональным населением Российской империи. Известно, что в народных начальных училищах России, к которым относились и церковно-приходские школы, детей обучали Закону Божию, грамоте, началам арифметики и церковному пению, что вполне соответствовало программам одноклассных школ ИППО. Начальные училища для «инородцев» в России имели свою специфику. Казанский просветитель,

¹ Там же. Л. 134 об.

² Там же. Л. 137.

востоковед и арабист Н.И. Ильминский, изучавший арабский язык в Казанской духовной академии и университете ал-Азхар, предложил свою концепцию инородческой школы. Он признавал необходимым обучать детей сначала на родном языке, постепенно приобщая их к русскому языку и культуре. В таких школах обучали грамоте, а также арифметике в объеме четырех действий с целыми числами. Этот проект Ильминского был положен в основу изданных 26 марта 1870 г. «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев»¹. Для мусульманского населения России предполагалось организовать систему начальных сельских и городских школ, целью которых было распространение русского языка и расширение доступа к светскому образованию. При этом мусульманские дети освобождались от уроков Закона Божия.

Формулируя принципы обучения в инородческих школах, Ильминский полагал, что учителя в них должны быть местного происхождения. Причиной тому были этнические и лингвистические факторы. По мнению Ильминского, учитель, вышедший из местной среды, вызовет большее сочувствие народа, менталитет, нужды и язык которого ему хорошо известны.

В то же время Ильминский считал, что инородческим школам необходимо русское руководство. Так, надзор за образовательными учреждениями возлагался на инспекторов начальных народных училищ. На летних каникулах (вероятно, также при содействии инспектора) проводились собрания для учителей с целью углубления познаний в русском языке, знакомства с педагогическими методиками и редактирования новых переводов².

По мнению Д.В. Городенко, принятие вышеупомянутых «Правил...» сыграло существенную роль в распространении образования среди нерусского населения страны, доказав свою эффективность среди народов Поволжья, Приуралья, Западной и Восточной Сибири»³. Поскольку Палестинское общество планировало обучать арабов (преимущественно православных, но не исключительно), эти

¹ Городенко Д.В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы высшего образования. 2009. С. 63.

² Джераси Р. Окно на Восток... С. 155.

³ Городенко Д.В. Формирование системы национального образования... С. 64.

правила могли учитываться при разработке учебно-воспитательной системы, принятой в его элементарных школах.

Следует отметить, что общество не собиралось ограничиваться сетью начальных учебных заведений. Спустя несколько лет после открытия первых школ, ППО планировало учредить в Назарете, или в каком-либо другом месте, нечто вроде духовного училища, с двумя или тремя классами и с преподаванием русского языка для подготовки лучших из учеников к поступлению в российские семинарии¹.

После учреждения школ Кезме надлежало регулярно их посещать, а также контролировать деятельность учителей. Поскольку образованные православные арабы в это время были преимущественно воспитанниками инославных школ, необходимо было отслеживать, чтобы они преподавали в «чисто православном духе»². Сами учителя должны были ежемесячно предоставлять сведения о количестве учеников, их поведении и занятиях. Для наблюдения за порядком в школах Кезме следовало поставить трех или четырех старшин или почетных лиц. Вместе с тем надлежало проверять достоверность поступающих от учителей сведений, обсуждать с ними и старшинами разные вопросы по делам школ, которые они должны были решать сами или при посредничестве генконсула и общества. Помимо прочего, Кезма должен был заботиться о поиске подходящей учебной литературы, а также перевести с русского на арабский язык самые необходимые пособия. Ему же планировали поручить перевод устава Палестинского общества.

Раз в месяц Кезме следовало отправлять через генконсула отчеты о школах, сведения относительно православного населения и действиях иноверной пропаганды.

Инструкция, данная Кезме, регламентировала его взаимоотношения с генконсулом, другими представителями России на Ближнем Востоке, а также местным духовенством. Ему вменялось в обязанность находиться в полном подчинении К.Д. Петковичу, уважительно общаться с церковными иерархами, поддерживать

¹ Проект инструкции для А.Г. Кезмы/ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 137 об. – 138.

² Там же. Л. 135 об.

хорошие отношения с российскими консульскими агентами, в особенности с Селимом Хури, чтобы иметь возможность пользоваться его поддержкой¹.

Таким образом, по прибытии в Сирию и Палестину Кезма должен был установить контакты с российскими дипломатическими и церковными представителями, местными властями, церковными иерархами и шейхами православных сел; собрать необходимые сведения, подыскать помещения для школ, учителей, учебные пособия и принадлежности, контролировать деятельность педагогов и регулярно составлять отчеты.

Кезма выехал на Восток летом 1883 г. В Сирии он должен был посетить К.Д. Петковича, а затем отправиться в отпуск к своим родным в Дамаск. Пребывая в Бейруте и Дамаске, где проживали наиболее образованные православные арабы, Кезме следовало подыскать нескольких учителей для будущих школ. Из Дамаска он должен был направиться в Палестину, осматривая по дороге православные села.

Прибыв в Яффу в конце сентября, Кезма посетил находившегося там архимандрита Антонина, который советовал ему подождать с объездом палестинских деревень. Антонин опасался, что с Кезмой произойдет та же оказия, что и с Хури, когда он собирал сведения о школьных и церковных делах для генконсульства. Во время объезда палестинских селений, какое-то духовное лицо донесло паше, что Россия прислала агента с политической целью. Для того, чтобы избежать подобных неприятностей, Антонин советовал Кезме пожить в Иерусалиме месяц в качестве поклонника и познакомиться с ситуацией. После того, как он займет определенное положение (архимандрит рекомендовал ему устроиться в консульство драгоманом), он сможет заняться изучением местного школьного и церковного дел².

Следует отметить, что появление Кезмы в Палестине вызвало различную реакцию российских представителей на Ближнем Востоке. Особое беспокойство в связи с этим испытывал и. о. консула в Иерусалиме В.А. Максимов, который, по сообщению А.А. Дмитриевского, противодействовал Кезме, рисуя его перед

¹ Там же. Л. 139.

² Письмо А.Г. Кезмы к К.Д. Петковичу. 28 сентября 1883 г./ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 177.

посольством в самом неприглядном свете. В своих донесениях в Министерство иностранных дел Максимов писал, что советовал Кезме подождать с объездом Палестины до прибытия нового Иерусалимского патриарха¹. Кроме того, он рекомендовал ему связаться с миссией в Константинополе, чтобы получить необходимый фирман для безопасного путешествия по Палестине. Относительно инструкции, данной Кезме, В.А. Максимов считал, что заявление от местных жителей о содействии в открытии школ следовало писать не на имя Кезмы, а адресовать консульству, которое в свою очередь поручило бы ему собрать необходимые сведения. При этом Кезме, находившемуся в Палестине, следовало сноситься не с консульством в Бейруте, а в Иерусалиме, что ускорило бы его работу. Максимов указывал, что предоставление Генеральному консульству в Бейруте контроля над деятельностью А.Г. Кезмы в округе Иерусалимского консульства «составляло нарушение правил Консульского устава»². В результате донесений Максимова в посольстве, которое не было предупреждено о командировке Кезмы, начался переполох. Российские дипломаты полагали открытие школ делом политическим, поэтому весьма трудным и деликатным. Тем более что турки крайне несочувственно относились к вмешательству иностранцев в дела народного образования. Директор Азиатского департамента И.А. Зиновьев считал, что справиться с подобным поручением мог бы человек более опытный, обладающий известным положением. Кезма, будучи сирийцем по происхождению, был не в состоянии внушить к себе уважение со стороны местных турецких властей³.

В результате агенту ППО было рекомендовано на время воздержаться от учреждения школ до выяснения пунктов инструкции, которые, по мнению Зиновьева, а следовательно и МИД, могли неблагоприятно отразиться не только на деятельности общества, но и русском влиянии в Сирии и Палестине⁴.

¹ Письмо П.А. Васильчикова к К.Д. Петковичу. 27 ноября 1883 г./ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 192.

² Отношение начальника Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьева Православному палестинскому обществу от 9 ноября 1883 г./ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 199 об.

³ Там же. Л. 200.

⁴ Там же. Л. 200 об.

В сложившихся обстоятельствах Кезма был вынужден покинуть Иерусалим и отправиться в Бейрут под покровительство К.Д. Петковича. Там он устроился учителем русского языка в местной арабской школе¹.

Как архимандрит Антонин, так и русские дипломаты понимали, что деятельность Кезмы в Палестине вызовет негативную реакцию Иерусалимской церкви и особенно нового патриарха, который не испытывал сочувствия к просветительским намерениям общества. По словам А.А. Дмитриевского, Иерусалимская патриархия считала «деятелей Общества на ниве туземного народного образования не своими союзниками и помощниками, а непрошенными узурпаторами того, что составляло, якобы, безраздельно достояние одной греческой Патриархии»².

Неудача Кезмы вызвала серьезное опасение общества в том, что в Палестине удастся организовать школьное дело. В связи с этим руководство ППО рассматривало альтернативные варианты. В частности, предполагалось открыть училище для православных арабов в Бейруте. В том случае если просветительская деятельность России на Ближнем Востоке не возымела бы успеха, признавалось возможным открыть училище в Одессе. Однако это предприятие было дорогим и рискованным и позволило бы греческому духовенству обвинить общество и русских «в исключительной поддержке Арабской национальности», побудило бы его с одной стороны, мешать поступлению к нам учеников, а с другой не допускать воспитанников оной к местной деятельности³.

Поскольку развитие школьного дела во многом зависело от отношения греческого духовенства, В.Н. Хитрово в 1884 г. отправился в Палестину. Путем неоднократных переговоров с патриархом Никодимом и обещаний ему щедрых пожертвований, Хитрово удалось смягчить гнев предстоятеля Иерусалимской церкви. Патриарх настоял на том, чтобы сохранить за собой надзор над будущими

¹ Дмитриевский А.А. Извлечение из исторической записки. Императорского Православного Палестинского Общества за 25 лет его существования (1882 – 1907) // Палестинское общество и русские школы на Востоке. Под редакцией Лисового Н.Н. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2014. С. 57.

² Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине... // Палестинское общество и русские школы на Востоке. Под редакцией Лисового Н.Н. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2014. С. 262.

³ Письмо П.А. Васильчикова к К.Д. Петковичу. 24 мая 1884 г. / АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 238 об. – 239.

школами, и просил не форсировать развития школьной сети в Иерусалиме и его окрестностях¹.

Именно поэтому общество вынуждено было открывать свои первые школы не в городах, а в глухих деревнях². Еще в 1882 – 1884 гг. при содействии Селима Хури были открыты школы в Муджадиле, Раме, Шаджаре и Кафр-Ясифе (Кафр-Йасифе). (Последние вскоре пришлось закрыть из-за непригодности преподававших там учителей). Пока Кезма находился в Бейруте, Хури наблюдал за школами, сообщал обществу необходимые сведения о православных митрополиях, а также о ходе учебного процесса³. В ППО высоко ценили услуги, оказанные С. Хури, и характеризовали его как «деятельного и, несмотря на свою способность увлекаться, преданного русским интересам агента»⁴. В 1884 г. общество выразило ему благодарность за произведенную экономию в средствах, а также приобретенные полезные книги для обучения⁵. Однако после возвращения в Палестину Кезмы, которому планировалось передать контроль над учебными заведениями, Хури собирались отстранить от школьного дела, чтобы избежать между ними недоразумений.

Первые учителя в школах ППО и специфика их работы.

Во время пребывания в Сирии Кезма не только преподавал в школе, но и занимался поиском учителей. Однако найти образованных сирийцев, которые за скромную плату согласились бы отправиться в Палестину, было непросто. В сложившихся обстоятельствах общество не могло предъявлять высокие требования к образованию и педагогическому опыту нанимаемых арабских учителей. В дальнейшем руководство ППО намеревалось готовить местные педагогические кадры в пансионе, который должен был открыть и возглавить Кезма. Вместе с тем в школы

¹ Лагузова Н.А. Школьная деятельность императорского Православного палестинского общества в 1905 – 1914 гг. // Иерусалимский православный семинар. М. 2012. Вып. 3. С. 123.

² Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине... С. 262 – 263.

³ Письмо С.Д. Лермонтова к К.Д. Петковичу. 18/1 1884 г./ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 206 об.

⁴ Письмо С.Д. Лермонтова к К.Д. Петковичу. 2 февраля 1883 г. / АВПРИ. Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 468 об.

⁵ Отношение Православного Палестинского общества от 10 октября 1884 г./ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 491.

общества собирались пригласить и русских учителей, которые сформировали бы интеллектуальное ядро педагогического штата.

Следует отметить, что кадровая политика ППО в этот период не могла быть обстоятельной не только в отношении арабских, но и русских учителей, прежде всего, по причинам финансового характера, а также из-за отсутствия опыта. Для того, чтобы попасть на службу Палестинского общества, достаточно было заявить о своем желании послужить интересам России и православия¹. Как правило, отправлявшиеся на Ближний Восток учителя не знали арабский язык, не имели представления о регионе, традициях и обычаях, населявших его народов. Чтобы адаптироваться к местным условиям и приступить к исполнению своих обязанностей, им нужны были помощники и переводчики-арабы.

Первой русской учительницей в школах общества стала М.С. Савельева. Ей следовало организовать и возглавить женскую школу в Назарете, в задачи которой входила подготовка сельских учительниц. Получив необходимые наставления и рекомендации от руководителей общества, Савельева в 1885 г. отправилась на Ближний Восток. На пути своего следования в Палестину она посетила в Бейруте К.Д. Петковича и познакомилась с А.Г. Кезмой, которые ввели ее в курс дела. По прибытии в Хайфу ее должен был встретить Селим Хури. Однако в то время он был болен, поэтому поручил это ответственное дело своему брату. Для того, чтобы помочь Савельевой освоиться в Назарете, туда на несколько недель планировали отправить Кезму. Ему следовало осмотреть здание, арендованное для женской школы, и определить можно ли будет там открыть школу мужскую, отгородив одну от другой. Кроме того, он должен был посетить другие учебные заведения общества и провести там экзамен. По результатам испытаний Кезме следовало выбрать несколько воспитанников от каждой школы, которые должны были составить первый контингент будущего пансиона. По завершении своих дел он должен был направиться обратно в Бейрут².

¹ Федотов П.В. Кадровая политика Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке (1882 – 1914 гг.): Русские сотрудники учебных заведений // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. Вып. 2. С.104.

² Письмо М.П. Степанова к К.Д. Петковичу. 19 сентября 1885 г. / АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 497.

В силу обстоятельств ни Кезмы, ни Хури в первое время с Савельевой не оказалось. В отсутствие переводчиков ей приходилось общаться с местным населением знаками¹. Оказавшись в Назарете, она первым делом занялась обустройством школьного помещения. В доме была грязь, не было подходящего двора или сада для детских игр. В некоторых комнатах отсутствовали рамы и Савельева не знала, как дети будут учиться зимой. Уборкой ей пришлось заниматься собственноручно, а самые необходимые вещи приобретать на собственные средства². Однако позднее общество ей эти расходы компенсировало.

По всем организационным вопросам Савельевой следовало связываться с Хури, а тот в свою очередь сообщал К.Д. Петковичу, что значительно усложняло процесс. К примеру, для того, чтобы получить канцелярские принадлежности, Савельевой необходимо было сообщить об этом консульскому агенту. Он же писал в Бейрут К.Д. Петковичу, чтобы получить его разрешение³. Не дождавшись вовремя ответа, Савельевой нередко приходилось приобретать вещи на собственные средства.

Участие Хури и Кезмы в организационных мероприятиях временами раздражало Савельеву, которая считала, что они чрезмерно вмешиваются в дела школы. Тем не менее без содействия арабов ей было трудно решить бытовые и учебные вопросы. Поскольку Савельева должна была преподавать в школе русский язык, ей необходимы были учебные пособия. Желая помочь русской учительнице, Хури попросил Кезму выслать ей из Бейрута азбуку, по которой он преподавал в школе. Кезма с разрешения Петковича выполнил его просьбу, отправив в Назаретскую школу 15 экземпляров азбуки⁴.

Не зная арабского языка, Савельева не могла самостоятельно преподавать. В связи с этим ей в помощь требовалась учительница-арабка, которая бы владела

¹ Письмо М.С. Савельевой к В.Н. Хитрово. 20 октября 1885 г. /АВПРИ. Ф. 337/ 2. РИППО. Оп. 873 /1 . Д. 362 [О Назаретской школе]. 1885 – 1886. Л. 3 об.

² Письмо М.П. Степанова к К.Д. Петковичу. 12 Декабря 1885 г. /АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 370

³ См. АВПРИ. Ф. 337/ 2 РИППО. Оп. 873 /1. Д. 362 [О Назаретской школе]. 1885 – 1886. Л. 91 об.

⁴ См. Письмо А.Г. Кезмы к К.Д. Петковичу. 16 октября 1885 г. / АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 347 – 347 об.

французским языком. Поскольку в Палестине подходящей учительницы не нашлось, она, по рекомендации Кезмы и Петковича, была приглашена из Бейрута. Помощницей Савельевой стала А. Нофаль (Науфал) – вдова с пятью детьми. С собой в Назарет она привезла лишь семилетнюю девочку, которую, вероятно, определили учиться в школу.

Следует отметить, что в начале деятельности ППО французский язык был основным средством коммуникации между русскими и арабскими педагогами, которым нужно было общаться и понимать друг друга в процессе совместной работы. Однако при знакомстве с Науфал оказалось, что французский она знает слабо, и Савельевой приходилось общаться с ней при помощи словаря. Тем не менее в лице Науфал она обрела помощницу, в которой очень нуждалась.

Несмотря на все трудности, школу удалось подготовить к началу учебного года. С благословения Назаретского митрополита Нифонта учебное заведение было открыто 3 октября 1885 г. В первый день на занятия пришли 27 детей, а спустя 17 дней их было уже 88¹. Важной задачей для Савельевой было привлечение как можно большего числа детей в том числе и тех, кто учился в инославных школах. Она быстро осознала материальную составляющую этого процесса. К примеру, в английской школе детям каждый месяц выдавалась чистая одежда, в которой они ходили на занятия. Вопрос финансовой помощи актуализировался в преддверии Рождества, когда в школе следовало организовать праздник и вручить детям подарки. Савельева писала Петковичу, что в случае если общество не даст ей разрешение на Ёлку, она сделает праздник за свой счет, иначе «все дети убегут туда, где им что-нибудь дадут...»². Просьба Савельевой была удовлетворена, ей разрешили организовать Ёлку. Кроме того, в Назарет выслали из России подарки, которые Степанов рекомендовал вручить тем детям, кто регулярно посещал школу³.

¹ Письмо М.С. Савельевой к В.Н. Хитрово. 20 октября 1885 г. / АВПРИ. Ф. 337/ 2. РИППО. Оп. 873 /1 . Д. 362. 1885 – 1886. Л. 4.

² Письмо М.С. Савельевой к К.Д. Петковичу. 20 декабря 1885 г. / АВПРИ. Ф. 337/ 2. РИППО. Оп. 873 /1 . Д. 362. 1885 – 1886. Л. 13 об.

³ Письмо М.П. Степанова к М.С. Савельевой / АВПРИ. Ф. 337/ 2. РИППО. Оп. 873 /1 . Д. 362. 1885 – 1886. Л. 31.

Тем не менее достичь взаимопонимания с Петковичем и руководством общества Савельевой удавалось не всегда. В своих письмах учительница отмечала, что в отсутствие достаточных средств она не в состоянии выполнить поставленные перед ней задачи по привлечению детей, их обучению и подготовке учительского персонала. По сравнению с финансированием, которое осуществляли англичане, выдавая воспитанницам ежемесячно деньги, школы общества не могли выдержать конкуренцию¹.

Недопонимание в общении с русским начальством, которое не знало всех нюансов организации школьного дела в Палестине, было не единственной проблемой Савельевой. У нее периодически возникали сложности в отношениях с местными жителями и властями, которые ей приходилось улаживать, в том числе и с помощью Хури. К примеру, новый губернатор требовал от учительницы закрыть школу и снять со здания русский флаг.

Будучи незамужней девушкой, Савельева неизбежно привлекала внимание местных мужчин, которые настойчиво пытались ухаживать за ней, а некоторые делали предложение. В своих письмах она сообщала: «Еще нет месяца как я открыла школу, а меня уже (по слухам) выдают замуж»².

Помимо прочего русская учительница продолжала испытывать сложности бытового и коммуникативного характера. Ей не хватало элементарного общения. «Ну и скука же здесь! – писала Савельева. Ни книг, ни газет – нет. Читать нечего! Знакомых нет, да и я избегаю знакомств. Моя помощница ложится спать в 8 ½ часов, так что мне даже слова сказать нельзя. Когда-то у меня здесь будет швейная машина или инструмент! Пока один товарищ у меня есть – это часы. Стук маятника напоминает мне, что я еще не в могиле»³.

Постепенно Савельевой все же удалось адаптироваться к окружающей обстановке, общению с ученицами и их матерями. «Я, слава Богу, привыкла к их

¹ АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 362 [О Назаретской школе]. 1885 – 1886. Л. 101.

² Письмо М.С. Савельевой к В.Н. Хитрову. 20 октября 1885 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 362. 1885 – 1886. Л. 6.

³ Письмо М.С. Савельевой к В.Н. Хитрову. 20 октября 1885 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1. Д. 362. 1885 – 1886. 4 об. – 5.

обычаям и ласкам, – писала Савельева, – а в начале мне жутко становилось от этих диких ласк, а теперь привыкла и не считаю большим неприличием, если какая-нибудь мать хлопнет по плечу так, что почувствуешь, – это она так горячо любит»¹. Русская учительница завоевала доверие и любовь не только родительниц, которые могли оставить ей своих дочерей на ночь, но и самих детей, называвших ее «ха-бибти» (любимая)². У нее постоянно обедали две девочки, бывшие ученицы католической школы, которых их матери не могли прокормить.

На Савельевой лежала огромная ответственность по организации учебно-воспитательного процесса. По сути она была первопроходцем, пытавшимся применить элементы российской педагогической системы к местным условиям. Прежде чем начать обучение, Савельевой и ее помощнице пришлось потратить много времени, сил и средств, чтобы привести в порядок внешний вид девочек, приучить их к чистоте и соблюдению правил гигиены. Большинство учениц, поступавших в школу, были «грязными, нечесаными и неумытыми», у некоторых были вши. Вместе с тем необходимо было приучить девочек к дисциплине. Они не знали как вести себя в классе, даже те, кто несколько лет учился в английской школе³. Кроме того, дети посещали школу нерегулярно, так как часто были заняты хозяйством.

Тем не менее методичная работа Савельевой приносила свои результаты. Ученицы постепенно привыкли к школе: слушали учителя и не разговаривали на уроках. Поскольку в школу поступали девочки с разным уровнем знаний, они были разделены на группы, что позволяло сделать обучение более эффективным. Такая практика применялась и в российских учебных заведениях. Первая группа состояла из детей дошкольного возраста, которые играли и учились говорить. Во второй группе дети учились читать и писать. Третья группа была самой многочисленной и называлась «рабочей». Там девочки слушали Евангелие и работали: шили, вязали, вышивали и кроили. Следует отметить, что четких учебных программ для

¹ Извлечения из писем М.С. Савельевой начальницы женской школы в Назарете. 23 января 1886 // СИППО (Сообщения Императорского православного палестинского общества). Май 1886. №5. С. 73

² Извлечение из Писем Савельевой начальницы женской школы в Назарете 20 октября 1885 // СИППО. 1886. № 2. С. 19.

³ Письмо М.С. Савельевой к М.П. Степанову. 7 декабря 1885. / АВПРИ. Ф. 337/ 2 РИППО. Оп. 873 /1. Д. 362. 1885 – 1886. Л. 8.

школ Общества еще не было разработано. Среди предметов, за которые выставлялись оценки в Назаретской школе значились: молитвы, Евангелие, Катехизис, азбука арабская, чтение арабское, письмо арабское, разговор арабский, азбука русская, разговор русский, азбука французская, чтение французское, арифметика, вязание, вышивание, шитье, стояние в церкви, поведение¹. Таким образом, учебная программа во многом совпадала с программами начальных школ в России. Интересно, что в Назаретской школе преподавался и французский язык.

Вопрос о преподавании в учебных заведениях ППО иностранных языков Совет общества решил не сразу. Обучать арабов английскому, французскому или немецкому языкам значило подготовить почву для иноверной пропаганды. Преподавание русского языка могло вызвать целую бурю среди греков. Оставался турецкий², изучение которого могло принести православным арабам пользу при устройстве на низшие административные должности.

По мере поступления в школу новых учениц (в январе 1886 г. их было 170, а в декабре больше 200)³ нагрузка Савельевой и Науфал возрастала. Им в помощь требовалась еще одна учительница. Найти подходящую кандидатуру в Палестине было весьма сложно, а выписать из Бейрута – долго и дорого. В связи с этим они выбрали самую способную из своих учениц – Насру Зарину и, получив согласие от ее матери, стали готовить себе помощницу⁴.

Суть подготовки, которая скоро вошла в систему, состояла в следующем: сначала Савельева и Науфал обучали воспитательницу для младшего отделения первого класса, которая готовилась к занятиям и преподавала под их присмотром. Набравшись опыта и необходимых знаний, она перемещалась на место преподавателя старшего отделения. Тогда же выбирали новую ученицу и начинали ее

¹ Отчет М.С. Савельевой по Назаретской школе 1886 г. / АВПРИ. Ф. 337/ 2. РИППО. Оп. 873 /1. Д. 362. 1885 – 1886. Л. 113.

² Письмо М.П. Степанова к К.Д. Петковичу С.-Петербург /АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273. 1882 – 1885. Л. 507.

³ Письмо М.С. Савельевой к В.Н. Хитрово. 2 декабря 1886 г. / АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873 /1. Д. 362. 1885 – 1886. Л. 107.

⁴ АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873 /1. Д. 362. Л. 181. об.

готовить в воспитательницы. Таким образом, в 1886 г. Насра Зарина стала преподавать в первом классе.

Распределение учебной нагрузки между тремя педагогами осуществлялось следующим образом: в младшем отделении первого класса преподавала самая юная учительница, обучая девочек азбуке при помощи наглядных пособий и развивающих детских игр¹; в старшем отделении азбуке и началу чтения обучала Науфал. Помимо этого, в обоих отделениях младшего класса заучивались молитвы. Во втором классе помощница Савельевой продолжала обучение чтению на арабском языке по отрывкам из Евангелия, параллельно знакомя девочек со священной историей. После этого Евангелие прочитывалось полностью, а кроме того, изучался Катехизис. Вместе с тем Науфал обучала письму, четырем правилам арифметики и элементарным сведениям из географии. Савельева преподавала во втором классе русское чтение и письмо, обучала молитвам, счету, пению и рукодельным работам: шитью, плетению кружев². Особенным спросом у местного населения пользовалось вышивание золотом, которому Савельева обучала по образцам, привезенным из России.

Помимо того, что Савельева преподавала детям и руководила школой, она собирала по понедельникам матерей учениц, а ее помощница читала им и объясняла Евангелие на арабском языке. Подобные чтения посещали до 200 женщин. По праздникам и воскресным дням ученицы под руководством педагогов посещали церковь, а затем совершали прогулки по окрестностям города, во время которых пели и играли. Тогда же детям покупались недорогие лакомства³.

Поскольку в Назаретской школе учебный процесс был налажен, Савельева озаботилась просвещением детей в сельской местности. По ее замыслу в сельскую школу следовало отправить учительницу, которая получила опыт преподавания в старшем отделении. На ее место в Назаретской школе назначалась учительница из

¹ См. Инструкцию для начальницы Бейт-Джальской школы /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 813/ 1 Д. 371 [О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах Общества]. 1886. Л. 30.

² Там же. Л. 30 об.

³ Инструкция для начальницы Бейт-Джальской школы /АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/ 1. Д. 371. 1886. Л. 32.

младшего отделения. Таким образом, Савельева и Науфал могли быстро подготовить учебно-воспитательный персонал для элементарных женских школ. В процессе преподавания Савельевой помогал арабский язык, на котором она понемногу начала говорить вскоре после приезда¹.

К концу 1886 г. учительницы Насра Зарина и ‘Аффифа Канази были готовы к самостоятельной педагогической деятельности, в связи с чем Савельева просила у общества разрешения открыть школы в соседних деревнях. Каждую неделю она собиралась лично посещать школы, контролировать и корректировать учебный процесс. Необходимость скорой подготовки учительниц и назначение их в сельскую местность была обусловлена постоянными просьбами жителей Муджадила, Райне, а также других деревень, открыть школы для девочек. По мнению Савельевой, отправлять в села для начала следовало арабских учительниц, так как появление русского педагога вызвало бы переполох. Если же «школа откроется с местной учительницей во главе, – писала она, – ничего не будет, а потом уже на место арабки нам легко будет поместить и русскую»². Руководство общества не возражало против обученных Савельевой кандидатур.

В письме от 3 мая 1886 г. Савельева сообщала Хитрово, что школа развивалась вполне успешно и дети охотно ее посещали, несмотря на все «уловки и приманки» англичан. Об успехах Савельевой сообщал Иерусалимскому патриарху русский консул Д.Н. Бухаров. Патриарх был рад, что наконец протестанты и католики не будут смеяться над православными учебными заведениями. «После такого начала, – добавил он, – надо ожидать и блестящих последствий. Будем молиться и надеяться, чтоб наша школа была лучше других»³. Школой Савельевой были довольны и местные османские власти. Так, 27 октября 1886 г. учебное заведение посетил паша из Акры. Дети встретили его пением. Он обратил внимание на самых маленьких и выразил надежду, что они будут умнее и разумнее теперешних

¹ Письмо М.С. Савельевой к В.Н. Хитрово. 20 октября 1885 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873 /1 . Д. 362. 1885 – 1886. Л. 6.

² Там же. Л. 70.

³ См. письма М.С. Савельевой к М.П. Степанову/ АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873 /1. Д. 362. 1885 – 1886. Л. 54 об.

матерей. Паша был весьма обрадован тем, что среди учениц Савельевой много мусульманок. Дети поднесли ему вышитые своими руками изделия. Поблагодарив Савельеву, паша заметил: «Много раз я приезжал в Назарет и посетил все здешние школы, но подобных успехов и работ не видал. Английская школа существует много лет, но работ мы в ней не видели. Много слышал я о Вашей школе и ее успехах и не верил, но теперь вижу сам, что все что говорили о ней не говорили достаточно. Она заслуживает больше»¹. Покидая школу, паша пообещал Савельевой содействие «всегда и везде».

Поскольку учебное заведение благополучно развивалась, общество напомнило Савельевой, что окончательной целью ее пребывания на Ближнем Востоке было «открытие пансиона для 10, 12 девочек», которые бы занимались в течение 4 лет и готовились для преподавания в сельской школе². В Совете общества полагали, что учительницы, подготовленные в Назаретской школе, были недостаточно опытными, чтобы заведовать учебными заведениями в сельской местности. Они годились только для начала, ввиду отсутствия других педагогических кадров. В связи с этим Савельева писала Хитрово 2 декабря 1886 г.: «Вы находите, что девушки, пробывшие менее 4-х лет в нашей школе, не могут быть учительницами, а где же мне было их взять, когда и в Бейруте их не могли найти. Арабок православных и образованных свободных – нет, а протестанток взять не смею, не получив от общества разрешения»³.

Идею создания женского пансиона Савельева вначале восприняла оптимистично. Она писала: «То, что другим надо приобретать золотом, нам русским это дается даром. Все здесь любят русских и надо видеть радость и приветливость, когда приходят сюда русские... Никто не знает что такое Россия, но с этими словами связано все хорошее. От России народ ждет чего-то»⁴. Однако затем ее отношение к этому вопросу изменилось. Во многом этому способствовал переезд в Назарет

¹ Письма М.С. Савельевой к М.П. Степанову/АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873 /1. Д. 362. 1885 – 1886. Л. 89.

² АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873 /1. Д. 362. 1885 – 1886. Л. 73 об.

³ Письмо М.С. Савельевой к В.Н. Хитрово. 2 декабря 1886 г./ АВПРИ. Ф. 337/ 2. РИПО. Оп. 873 /1 . Д. 362. 1885 – 1886. 102.

⁴ Там же. Л. 136 об.

Кезмы и открытие им в 1886 г. пансиона для мальчиков. Степанов, который знал о разногласиях, возникших между Савельевой и Кезмой в начале их работы, просил русскую учительницу о них забыть. Он отметил, что перевод Кезмы из Бейрута принесет Савельевой лишь пользу, так как рядом окажется человек, с которым можно будет при желании перекинуться лишним словом и «посоветоваться, в случае надобности, по знанию им местных условий»¹. Хотя общение Савельевой и Кезмы после его переезда в Назарет активизировалось, дружеские отношения им так и не удалось наладить. Об этом свидетельствуют письма Хитрово, в которых упоминается об обидах, нанесенных Кезме Савельевой².

Помимо Кезмы в мужском пансионе в это время преподавал учитель арабского языка Н. Абу Табих, который помогал своему руководству налаживать учебный процесс. Что касается женского пансиона, то Савельева считала, что вместо учебного заведения данного типа обществу было бы проще и дешевле открыть приют для детей-сирот и нищих.

Несмотря на негативный настрой Савельевой, общество не отказалось от идеи создания женского пансиона. Однако открыть его предпочло не в Назарете, а в Бейт-Джале, где католическая и протестантская пропаганда была особенно сильной. К тому же в Бейт-Джале уже существовала школа для приходящих девочек. Содержание учебного заведения требовало много средств, которых у Русской духовной миссии не было. В связи с этим в 1885 г. архимандрит Антонин решил передать школу в ведение Палестинского общества, оставаясь при этом ее попечителем. Содействие ППО в руководстве школой должно было выразиться в ее финансировании, а также назначении русской учительницы. Оценив успехи Савельевой, общество предлагало ей перейти в школу Бейт-Джалы. Однако Степанов предупредил учительницу, что в Бейт-Джале она окажется не только ближе к центру (Иерусалиму), но и к интригам. Тогда как в Назарете у нее было больше

¹ Письмо М.П. Степанова к М. С. Савельевой/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873 /1 . Д. 362. 1885 – 1886. Л. 33.

² См. Письмо В.Н. Хитрово к А.Г. Кезме. С.-Петербург, 1 ноября 1888 г./ Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия/ Сост., подг. текста и комментарии Н.Н. Лисового и Л.А. Герд. М.: ИППО; СПб.: «Издательство Олега Абышко». 2012. С. 228.

самостоятельности¹. В итоге Савельева отказалась покинуть Назарет, и общество озаботилось поиском другой подходящей кандидатуры. Поначалу на это место планировали пригласить М.А. Черкасову. Однако она «не приглянулась» архимандриту Антонину. Потерпев неудачу с назначением в Бейт-Джальскую школу, Черкасова направилась в Бейрут и открыла там несколько учебных заведений, которые с успехом возглавила. В конце концов начальницей школы в Бейт-Джале стала Мария Порфирьевна Глебова. В письме архимандриту Антонину М.П. Степанов характеризовал ее следующим образом: «девушка лет 30 и уже около 10 лет занимающаяся с детьми... во всех отношениях отличная, скромная,... желающая поработать»². Архимандрит был не против ее кандидатуры, но просил, чтобы в Бейт-Джалу на некоторое время пригласили Савельеву, которая введет в школе «настоящий порядок». Вместе с тем он считал полезным, чтобы Глебова по дороге посетила Назарет и увидела как там организовано обучение³.

Перед отправлением на Ближний Восток Глебова получила рекомендации для Иерусалимского патриарха от его уполномоченного в России Т.И. Филиппова. Вместе с тем ей передали инструкцию начальницы школы в Бейт-Джале. В документе содержались сведения о постановке учебного дела в школе Савельевой, информация о Бейт-Джальской школе, а также наставления по организации учебно-воспитательного процесса, которые необходимо было применять сообразно обстоятельствам. Инструкция была составлена с учетом опыта работы Назаретской школы.

В то время в Бейт-Джальской школе обучалось 60 девочек. Преподавала им арабская учительница 26 лет, получившая образование в католическом учебном заведении⁴. По примеру школы в Назарете, Глебовой предлагалось разделить учениц на 2 или 3 класса согласно их возрасту, а затем классы поделить на группы. До тех

¹ Письмо М.П. Степанова к М.С. Савельевой. 17 декабря 1886 г./ АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873 /1. Д. 362. 1885 – 1886. Л. 108 – 111.

² АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 371 [О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества]. 1886. Л. 2.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Инструкция начальниц женской школы в Бейт-Джале / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 371. Л. 21 об.

пор, пока она не освоится, ей советовали придерживаться порядка, заведенного арабской учительницей и сделать ее своей помощницей. Вместе с тем Глебовой следовало подыскать еще одну учительницу – православную арабку, владеющую французским языком. Если в Иерусалиме и его окрестностях таковой не окажется, ей, с разрешения о. Антонина, рекомендовалось обратиться к К.Д. Петковичу. Он подыскал бы для нее помощницу, которую следовало назначить первой учительницей Бейт-Джалльской школы. Поскольку Глебова вначале не могла преподавать самостоятельно, на нее возлагалась воспитательная работа. Ей надлежало приучать девочек к чистоте, опрятности и послушанию. По праздничным дням ей следовало «водить их, в порядке, в местную православную церковь и приучать их стоять чинно и внимательно во время богослужения»¹. Кроме того, по примеру Савельевой, она должна была заниматься с девочками рукоделием. Когда бы Глебова освоилась с новым положением и отчасти с арабским языком, ей следовало приступить к преподаванию русского языка, чтобы подготовить из девочек сельских учительниц. Русский язык был необходим арабским педагогам для того, чтобы пользоваться русскими учебными пособиями. При этом Глебовой рекомендовали набирать в школу преимущественно православных детей, однако при наличии большого помещения можно было не обращать внимание на вероисповедание и принимать всех желающих.

Помимо русского языка, в школе следовало преподавать молитвы, объяснение священной истории и Евангелия, объяснение богослужения, Катехизис, арабское чтение и письмо, арифметику, пение и рукоделие². По сравнению с программой в школе Савельевой, в Бейт-Джалле не предполагалось преподавать французский язык, однако в учебном плане появились краткая история и география (преимущественно Палестины и Сирии). В каждом классе девочки должны были учиться два года, но могли в случае необходимости оставаться и дольше. Цель воспитания заключалась в подготовке грамотных девушек, которые в будущем могли бы сами преподавать.

¹ Там же. Л. 25.

² Инструкция начальниц женской школы в Бейт-Джалле / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 371. Л. 25 об.

После того, как «начальница поставит школу на твердую ногу...совет Общества признал бы весьма полезным водворить нескольких учениц, на первое время от 10 до 12 лет, пансионерками. Эти пансионерки и должны будут составить контингент для православных учительниц, в виду чего следует выбирать их только из лучших воспитанниц и исключительно из православных...»¹.

Приехав в Бейт-Джалу, Глебова в первое время не могла собрать детей в школу, так как они были заняты хозяйственными работами. В связи с этим первый месяц своего пребывания в Палестине она посвятила помощи арабскому населению, (оказывая, в том числе, медицинскую помощь детям), чем снискала уважение и любовь местных жителей. В своих письмах Глебова передавала их слова благодарности: «В эти три недели мы ожили. Вы столько нам помогли, сколько вылечили ребят, все время занимаетесь, умная, добрая, как ангел, много видели русских, но такой никогда...»². Достичь взаимопонимания с арабами, Глебовой порой было легче, чем с некоторыми соотечественниками, служившими на Ближнем Востоке. К сожалению, ей не удалось избежать интриг, о которых М.П. Степанов предупреждал Савельеву. В Бейт-Джале она оказалась вовлечена в сложные взаимоотношения между российскими представителями в Святой земле. В своем письме М.П. Степанову М.П. Глебова сообщала, что Д.Д. Смышляев³ хотел уволить сторожа Бейт-Джалльской школы, заменив его новым. Архимандрит Антонин, в свою очередь, считал увольнение недопустимым, поскольку за сторожем стояла «целая арабская партия», которая могла из-за этого расправиться с русской учительницей. В сложившихся обстоятельствах Глебова заступилась за сторожа и приобрела симпатии местного населения⁴. Несмотря на доброжелательное отношение местных арабов, ей не суждено было надолго остаться в Бей-Джале. В силу обстоятельств Глебовой пришлось покинуть Ближний Восток. Ее преемницы в Бейт-

¹ Там же. Л. 26.

² Письмо М.П. Глебовой к М. П. Степанову 12. 11. 1886 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 371. 1886. Л. 56 об.

³ Уполномоченный ППО в Иерусалиме.

⁴ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 813/. Д. 371 [О Бет-Джалльской женской учительской семинарии и иудейских школах общества]. 1886. Л. 52.

Джалльской школе (А.О. Селиванова, В.К. Ваксмут, А.Ф. Клементовская)¹ также работали там весьма недолго.

Педагогическая комиссия 1888 г. и первые учебные программы ППО

За 6 лет существования школ ППО на Ближнем Востоке обществом был накоплен определенный опыт организационной и педагогической работы. На местах школьная деятельность контролировалась: М.С. Савельевой, А.Г. Кезмой, М.А. Черкасовой, архимандритом Антонином. Общий надзор за школами, кроме школы в Бейт-Джале, осуществлял К.Д. Петкович. В Петербурге за работой учебных заведений по отчетам следил Совет общества. В.Н. Хитрово и М.П. Степанов вели постоянную переписку с русскими учителями и А.Г. Кезмой, вникая во все нюансы их деятельности. Хитрово, которому хорошо были известны успеваемость и личные качества арабских воспитанников, давал обстоятельные советы насчет их последующего распределения по школам.

Для того, чтобы получить более объективное представление о работе школ, выявить недочеты и скорректировать учебный процесс, в 1888 г. на Ближний Восток был отправлен педагог, действительный статский советник В.П. Кулин. По итогам его командировки 19 января 1888 г. была созвана Педагогическая комиссия Отделения поддержания Православия в Святой земле. В ходе заседаний участникам комиссии надлежало разработать основные принципы учебно-воспитательной работы в школах ППО с учетом накопленного опыта и имеющихся сведений. Помимо В.П. Кулина в комиссию вошли М.П. Степанов, В.Н. Хитрово, В.Г. Васильевский², Д.Д. Смышляев. Председателем комиссии был назначен член-учредитель ППО П.А. Васильчиков.

Одним из наиболее важных вопросов, обсуждаемых на заседаниях, была организация учебного процесса в Назаретском пансионе, который возглавлял Кезма. Выше указывалось, что это учебное заведение занималось подготовкой

¹ Федотов П.В. Кадровая политика Императорского православного палестинского общества... С. 103.

² В.Г. Васильевский – византист, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, член-учредитель ИППО.

воспитанников как для педагогической работы, так и для последующего поступления в российские духовные семинарии и академии. В связи с этим, по мнению участников комиссии, курс Назаретской мужской учительской семинарии должен был «соответствовать отчасти курсу наших духовных училищ, представляющих собою переход от Элементарной школы к Духовной семинарии»¹. Для того, чтобы подготовить воспитанников к дальнейшему обучению в России (куда отправлялись лишь лучшие выпускники), «необходимо, чтобы преподавание предметов во втором классе... производилось по-русски»². В связи с этим в помощь Кезме было решено направить русского учителя. Для Назаретского пансиона был определен перечень дисциплин, программы по которым поручили разработать видным ученым и педагогам.

Помимо 19 января комиссия провела заседания 2, 10 и 17 марта, а также 23 мая. Состав ее участников постепенно расширялся. На последующих заседаниях комиссии присутствовали не только организаторы ППО, церковные деятели и педагоги, но и востоковеды. Участие В.Р. Розена, А.Я. Гаркави было особенно важным ввиду их профессионального знания арабского языка и истории Ближнего Востока.

В ходе заседаний были закреплены положения, которые уже практиковались в школах ППО, а также ряд новых. Учебные заведения Палестинского общества было решено разделить на несколько типов. 1 – Назаретский мужской пансион – закрытое учебное заведение, соответствующее отчасти российским уездным подготовительным к духовным семинариям духовным училищам. Второй тип – закрытый женский пансион, который предполагалось учредить в Бейт-Джале. К третьему относились элементарные женские школы в Назарете, Бейруте и Бейт-Джале. К четвертому типу – сельские элементарные мужские училища в Раме, Муджадиле и других деревнях.

¹ Протоколы Педагогической комиссии Отделения поддержания Православия в Св. Земле. Под председательством П.А. Васильчикова. 1888/ АВПРИ. Ф. 337/2. РИППО. Оп. 873/1 Д. 438 [Педагогические съезды учителей и выработка программ и инструкций для школ общества]. 1888 – 1902. Л. 2.

² Там же. Л. 2.

Согласно материалам комиссии от 17 марта 1888 г., официально было закреплено деление на группы: «Ученики и ученицы школ этих делятся... по способностям и познанию на три или четыре группы»¹.

Несмотря на то, что общие принципы учебно-воспитательной системы разрабатывались для всех типов школ, основательные программы были созданы только для Назаретского пансиона. Учебное заведение предполагалось комплектовать из лучших выпускников школ ППО в Палестине и в крайнем случае в Сирии. Воспитанники находились на содержании пансиона. Программой было закреплено посещение церкви по воскресеньям, регулярные прогулки, а также загородные поездки и экскурсии в каникулярное время². Учебный курс был рассчитан на 4 года: 2 года в первом классе и два года во втором.

Согласно учебному плану, А.Г. Кезма должен был преподавать русский язык в первом классе. Считалось, что вести этот курс в первые два года должен был именно араб, так как арабский язык требовался для объяснения нюансов русского языка³. Вместе с тем Кезме надлежало преподавать христианское учение, историю Ветхого и Нового заветов, а также другие составляющие программы Закона Божия в течение всего курса. Местные учителя из Палестины и Сирии определялись Кезме в помощники для преподавания арабского языка и начал арифметики в младшем классе. В старшем классе вести русский язык, географию и историю должен был русский учитель.

Программой был определен перечень учебных дисциплин и расписание. Среди предметов и необходимых занятий в пансионе значились: Закон Божий, арабский язык, русский язык, арифметика, история, география греческий язык, чиstopисание, церковное пение, ремесла, гимнастика, прогулка по городу после обеда⁴. При этом по каждой из дисциплин была разработана программа.

¹ Протокол V заседания состоящей при Палестинском Обществе Педагогической Комиссии 17 марта 1888 года, под председательством П.А. Васильчикова /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1 Д. 438. 1888 – 1902. Л. 7 об.

² См. Программы и учебный порядок Назаретского пансиона/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 10 – 11.

³ Там же. Л. 13 об.

⁴ Там же. Л. 12.

В рамках программы по Закону Божию пансионеры изучали: главные молитвы с объяснениями, священную историю, Ветхий и Новый Завет, церковную историю, объяснение богослужения, Катехизис¹. Для того, чтобы преподавать такой обширный курс, нужна была специальная литература. Некоторые пособия к этому времени уже были переведены Кезмой: «Молитвы, Заповеди и Символ веры», а также «Священная история» протоиерея Д. Соколова. В программу по священной истории признавалось необходимым добавить сведения из истории местных восточных церквей. В перспективе также планировалось перевести и издать на арабском языке литургику преосвященного Гермогена. В связи с этим участник комиссии барон Розен должен был порекомендовать специалиста, способного выполнить данную задачу.

Помимо религиозного просвещения, большое внимание в пансионе следовало уделить изучению русского языка, поскольку на нем должна была преподаваться большая часть предметов во втором классе. Кроме того, успех в его усвоении был главным условием для перевода в высший класс и для того, чтобы лучшие, из окончивших полный курс в пансионе, могли быть приняты в низший класс русской духовной семинарии².

Согласно учебному плану, воспитанники первого класса должны были изучать русский язык по 7 уроков в неделю, второго класса – по 5. Разработка детальной программы, применимой к условиям пансиона, была поручена Кезме. Преподавание русского языка в учебных заведениях ППО осложнялось отсутствием методической литературы, за исключением руководств по теоретической и практической грамматике, которые Кезме удалось подготовить. В связи с этим для арабов необходимо было составить учебник русского языка. В качестве примера рассматривали присланные из Бейрута арабо-французские и арабо-английские буквари, написанные католическими и протестантскими миссионерами. Кроме того, необходимо было составить хрестоматию, в которую, по мнению Розена, следовало

¹ Протокол III заседания состоящей при Палестинском Обществе Педагогической Комиссии 2 марта 1888 года, под председательством П.А. Васильчикова/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1 Д. 438. 1888 – 1902. Л. 4 об.

² Программы и учебный порядок Назаретского пансиона/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 15 об.

поместить словарь. В качестве основы для хрестоматии предлагалась азбука А.Н. Толстого и вошедшие туда написанные им рассказы. Поручить подобное дело ввиду сложности также было решено Кезме. Что же касалось составления грамматики или руководства для арабов по русскому языку, то барон Розен знал «только одного человека в России, который был бы способен для этого дела, а именно преподавателя арабского языка в Лазаревском институте в Москве М.О. Аттая («Атайа – Е.С.»)¹.

Основными пособиями и книгами для чтения по русскому языку в учебных заведениях ППО стали «Родное слово» и «Детский мир» К.Д. Ушинского. Доктор педагогических наук С.Ф. Егоров писал о «Родном слове» следующее: «Построенная на принципах постепенного и систематического умственного и нравственного развития ребенка эта книга стала одной из самых распространенных в народной школе» России². Что касается «Детского мира», то эту работу С.Ф. Егоров считал «выдающимся событием в истории отечественной педагогики, в теории и практике начального обучения...»³. По этим книгам гениального русского педагога с успехом учились дети в различных регионах Российской империи.

Помимо Закона Божия и русского языка, участники комиссии, в частности В.Г. Васильевский, разработали программы по всеобщей истории и истории России. Поскольку учебников по истории и географии на арабском языке не было, преподавание этих дисциплин вводили во втором классе, когда воспитанники уже достаточно освоили русский язык и могли слушать русскоязычного педагога.

В течение первого года второго класса воспитанникам следовало изучать историю Древнего мира и Средневековья «применительно к судьбам Святой земли». Программа должна была состоять из следующих разделов: Древний Египет, Финикия, Ассирия и Вавилон, Мидия, Персия, Греция и Рим, Византия, исламские завоевания, Арабские халифаты, Гассаниды в Сирии, Фатимиды в Египте, турки

¹ Протокол заседания состоящей при Палестинском Обществе Педагогической Комиссии 23 мая 1888 года, под председательством П.А. Васильчикова/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 9 об.

² Егоров С.Ф. Научно-педагогическое наследие К.Д. Ушинского / К.Д. Ушинский: наука и искусство воспитания. Сост. С.Ф. Егоров. М., 1994. С. 10.

³ Там же. С. 10.

Сельджуки, Крестовые походы, монголы и конец Халифата¹. Включение в программу древней и средневековой истории Ближнего Востока свидетельствовало о том, что ППО стремилось познакомить будущих арабских педагогов с историей и культурой родного региона, что имело большое значение для их дальнейшей просветительской работы. Поскольку учебных пособий по данному курсу не было ни на русском, ни на европейских языках (это говорило о том, что в католических и протестантских школах не преподавали историю Востока), их составлением собирались озаботиться².

На втором году второго класса планировалось читать курс по истории России, которую воспитанники пансиона начинали изучать с древних славян. В рамках курса особое внимание предполагалось уделить «сношениям России с Востоком и паломничеству русских людей в Святую землю»³. В качестве учебных пособий по дисциплине утвердили всемирную и русскую историю под ред. И.П. Хрущева, а также учебник по истории И.И. Беллярминова.

Помимо истории, на втором курсе пансиона должны были преподавать физическую и политическую географию: изучать краткое политическое описание важнейших государств в Европе, Азии, Америке, Африке и Австралии⁴. В рамках данного курса планировалось сообщить воспитанникам этнографические сведения о различных народах, их культурах, религиях языках и быте. Особое место отводилось изучению Османской, а также Российской империй. Предполагалось изучить пространство, границы, физическое описание российского государства; народонаселение, число и состав ее жителей, города и важнейшие области России, а также начертить ее карту⁵.

Согласно программе, в Пансионе надлежало преподавать черчение, арифметику и геометрию. Обучение арифметике следовало вести во втором классе по русским пособиям: 1. Арифметике К. Буренина и А. Малинина, 2. Собранию

¹ См. программу Назаретского пансиона/ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 28.

² Там же. Л. 17 – 17. Об.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Программа Назаретского пансиона / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 19.

арифметических задач А. Воронова. 3. Сборнику Арифметических задач Т. Лубенца¹. При этом задачи в пособиях Воронова и Лубенца предполагалось согласовать с местными бытовыми условиями.

Помимо арабского и русского языков, в Назаретском пансионе планировали преподавать греческий, как язык богослужения в Греко-восточной православной церкви. Вместе с тем знание греческого языка было необходимо тем, кто собирался поступать на обучение в российские духовные семинарии. Однако отсутствие пособий и подходящего преподавателя сделало эту задачу трудновыполнимой.

Программа по педагогике была разработана В.П. Кулиным. Учебный предмет предполагалось проходить с «окончившими уже четырех-годичный курс и оставленными на 2 года при пансионе для приготовления к педагогической деятельности»². В рамках курса учеников планировалось познакомить с целью воспитания и тремя составляющими этого процесса: физическим, умственным и нравственным воспитанием; основами дидактики и методики: задачами и способами обучения, взаимосвязью обучения и воспитания, училищными порядками и дисциплиной, значением личности учителя. Очевидно, что программа курса была составлена В.П. Кулиным с учетом достижений тогдашней педагогики, в том числе трудов К.Д. Ушинского. В качестве руководства по предмету предполагалось использовать учебник П.Е. Рощина «как наиболее доступный по изложению», а также учебник К.В. Ельницкого³. Программу Назаретской мужской семинарии с небольшими изменениями планировали применить впоследствии к женскому пансиону в Бейт-Джале.

Разработка точных программ для элементарных мужских школ, а также женских училищ в Бейруте, Назарете и Бейт-Джале ввиду различных условий, при которых они возникли, признавалась преждевременной. Их предполагалось составить постепенно для каждой местности с учетом накопленного опыта.

¹ Там же. Л. 16 об.

² Там же. Л. 33.

³ Там же. Л. 33.

Тем не менее для начальных школ ППО был указан перечень дисциплин. В сельских школах для мальчиков надлежало преподавать следующие предметы: 1) Закон Божий 2) арабское чтение и письмо 3) 4 правила арифметики 4) общие элементарные сведения по географии и истории 5) пение церковное. В женских городских школах в Назарете, Бейт-Джале и Бейруте программа включала: 1) Закон Божий (знание главных молитв более подробно, чем в мужской школе 2) арабское чтение и письмо 3) русский язык 4) 4 правила арифметики 5) география и история самые общие сведения 6) рукоделие, 7) пение.

Преподавание русского языка в элементарных мужских школах не было введено, поскольку лучшие из выпускников поступали в Назаретский пансион, где его и изучали. Программа женских школ в Назарете, Бейт-Джале и Бейруте была более основательной, так как в отсутствие пансиона для девочек, эти учебные заведения занимались подготовкой сельских учительниц.

Таким образом, в протоколах заседаний комиссий 1888 г. были отражены основные направления русско-арабского взаимодействия в организации учебно-воспитательного процесса: 1) разработка учебных программ; 2) подготовка и перевод учебных пособий; 3) педагогическая деятельность.

Пансионы и образцовые школы в Назарете и Бейт-Джале

Наибольшее внимание со стороны общества и его педагогов уделялось Назаретскому и Бейт-Джальскому пансионам – кузницам педагогических кадров, а кроме того, организованным при них образцовым школам, которые должны были стать моделью для других начальных учебных заведений ППО.

Выше отмечалось, что Назаретский пансион был открыт А.Г. Кезмой в 1886 г. Как руководитель и педагог он отвечал за преподавание основных дисциплин, разработку и внедрение учебных программ в соответствии с местными условиями, подготовку, перевод и адаптацию учебных пособий. Вместе с тем Кезма осуществлял контроль за деятельностью сельских учебных заведений, поддерживал связь с Советом общества в Петербурге, отсылал отчеты по школам в Палестине и следовал рекомендациям по корректировке учебного процесса. Решение всех этих задач

для одного человека было непосильной задачей. Вследствие этого Педагогическая комиссия в 1888 г. решила отправить в помощь Кезме русского педагога. Его помощником и первым русским учителем в пансионе стал А.И. Якубович. Он получил образование в Ставропольской гимназии и военно-медицинской академии (которую не окончил) затем несколько лет работал учителем в сельской школе¹. Находясь на службе РОПиТ, он познакомился с В.Н. Хитрово, который предложил ему сотрудничество с Палестинским обществом.

Для прибывшего в Назарет А.И. Якубовича А.Г. Кезма стал не только руководителем, но и товарищем, который знакомил его с местными условиями и вводил в курс дела. Благодаря содействию Кезмы, жена Якубовича – фельдшер открыла при пансионе первую амбулаторию для оказания медицинской помощи школьникам и местному населению. В отличие от М.С. Савельевой и М.А. Черкасовой, которые создавали школы в одиночку и испытывали большие коммуникативные сложности, А.И. Якубович быстро адаптировался к окружающей обстановке и приступил к преподаванию. Рядом с ним был Кезма, который помогал ему готовиться к занятиям, выступал по необходимости его переводчиком и, вероятно, давал ему уроки арабского языка. Кроме того, воспитанники второго класса, которым преподавал Якубович, уже были знакомы с русским языком. Таким образом, коммуникация, а следовательно и взаимопонимание между Якубовичем, Кезмой и арабскими детьми в пансионе достигались значительно легче, чем в других школах общества.

Несмотря на то, что Якубович не имел педагогического образования, он оказался талантливым учителем и организатором. Для улучшения учебно-воспитательного процесса он открыл подобие педагогических курсов. Занятия посещали три преподавателя образцовой школы, учрежденной при пансионе в 1890 г., а также учитель из сельской школы в Муджадиле². Поскольку Якубович недостаточно владел арабским языком, он проводил занятия при помощи выпускника пансиона Н. Абу Дарвиша. Судя по всему именно о нем упоминал В.Н. Хитрово, как об

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н. М. Аничкова. Ч. 2. СПб., 1910. С. 12.

² Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича от 28 июня, 5, 15, 26 августа, 1 сентября, 1 октября, и 26 декабря 1891 г.// СИППО. Апрель 1892. Вып. 2. С. 170 – 171.

одном из лучших учеников пансиона и возможном стипендиате общества¹. С Абу Дарвишем Якубович предварительно обсуждал все, что он должен был сказать учителям. На занятиях, которые проводились летом ежедневно кроме субботы, Якубович и Абу Дарвиш знакомили своих подопечных с некоторыми вопросами общей педагогики: рассказывали о значении воспитания, об отношении учителя к ученикам, о значении личности учителя, о классной дисциплине, о занятиях и играх, о наградах и наказаниях и т.п. Таким образом, Якубович преподавал педагогику по программе, разработанной В.П. Кулиным. Вместе с тем он уделял особое внимание методам преподавания арифметики и арабского языка, решая с учителями задачи и занимаясь с ними объяснительным чтением². О том как проходили педагогические курсы, Якубович писал в своих отчетах: «Каждый день даются пробные уроки Абу-Дарвишем с моею помощью, а потом тоже самое повторяется каждым учителем по очереди. Все слушатели изображают из себя класс. Кроме того, по просьбе учителей я посвящаю с ними частичку времени на занятия Русским языком: учимся читать, писать и по несколько слов наизусть... Само собой разумеется, что этого далеко недостаточно и что необходимо затем заставить учителя все это проделать на школе, где нужно указать все приемы до мелочей, как необходим и усиленный надзор за исполнением дальше всех предъявленных требований»³.

Важной задачей, которая стояла перед Якубовичем в это время, было внедрение новых методик преподавания, в том числе и в обучении русскому языку. В это время в России благодаря К.Д. Ушинскому распространился звуковой метод, согласно которому обучение грамоте начиналось не с заучивания условных названий букв «бэ», «вэ», «гэ», а с выделения отдельных звуков «б» «т», из которых затем составлялись слова. Подобный метод Якубович стремился ввести в преподавание и арабского языка.

¹ Письмо В.Н. Хитрово к А.Г. Кезме. С.-Петербург, 4 мая 1890 г. / Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3... С. 266.

² Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича...// СИППО. Апрель 1892. Вып. 2. С. 174 – 175.

³ Там же. С. 171.

Для эффективного обучения арабов родному языку Якубовичу требовалась «толково составленная арабская грамматика». В связи с этим на каникулах он поручил нескольким выпускникам пансиона составить арабскую грамматику по данному им плану. Книгу он планировал издать после того, как ее проверят арабские учителя и внесут свои правки. Вместе с тем он пытался составить хрестоматию на арабском языке по образцу лучших российских пособий. По его заданию из «Родного слова» были переведены те рассказы и сюжеты, которые носили не чисто русский характер, а общий, «приложимый ко всякой жизни; все же остальное, чисто национальное: пословицы, поговорки, скороговорки, песенки, стишки и пр., следовало (при переводе) заменить подходящими арабскими»¹. По мнению Якубовича, Все имеющееся на этот счет на арабском языке «с педагогической точки зрения, решительно никуда не годится, а как создание католиков или протестантов, для нас, и в частности, вещь негодная и неприменимая»².

Как известно, арабские и российские методы обучения языкам, а также другим дисциплинам существенно отличались. Арабские учителя требовали от детей «заучивать» текст наизусть, не анализируя его. Русские педагоги для развития устной и письменной речи применяли пересказы, диктанты, сочинения, изложения. Попытка Якубовича выстроить преподавание арабского языка в соответствии с передовыми методиками имела большое значение для развития учебного дела в школах ИППО³.

Внедрять новые методы преподавания арабского языка начали в Назаретской образцовой школе. Она являлась своего рода экспериментальной площадкой, где вводились и отрабатывались принципы обучения, которые затем распространялись в других школах общества. Вместе с тем образцовая школа была главным поставщиком учебных кадров для Назаретского мужского пансиона и находилась под пристальным наблюдением А.Г. Кезмы и А.И. Якубовича. Поначалу учебное заведение состояло из одного класса, разделенного на три группы. В 1891 г. в школе

¹ Выписки из Писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича...// СИППО. Апрель 1892. Вып. 2. С. 173.

² Там же. С. 173 – 174.

³ В 1889 г. Православное палестинское общество получило почетное наименование Императорское.

числились 200 учеников, которым преподавали 3 учителя. Занятия длились пять часов в день. Во время обеда дети домой не отпускались (как это было в Назаретской женской школе), а ели в классе то, что принесли с собой из дома. После трапезы они отправлялись во двор чтобы поиграть. При этом всегда присутствовал учитель который руководил играми и устранял возможные споры¹.

Основой педагогического состава в образцовой школе были выпускники Назаретского пансиона. По мнению Якубовича, пансионеры, окончившие 4-х годичный курс, должны были в течение двух лет пройти педагогическую практику под контролем своих наставников. По истечении этого срока практиканты назначались учителями в различные школы ИППО. Несмотря на то, что впоследствии педпрактика в пансионе действительно составила два года, его первый выпуск должен был остаться при учебном заведении всего на год. Подобное решение было принято В.Н. Хитрово в целях скорейшей подготовки первых учителей для школ общества².

Помимо практических занятий в образцовой школе, пансионеры в этот период слушали курс педагогики, углубляли свои знания в русском языке, занимались переводами, которые были необходимы для подготовки дидактических материалов. Занятиями практикантов руководил старший педагог, который каждый вечер проходил с ними вкратце те предметы, которые они должны были вести на следующий день в школе. Перед ним же они отчитывались за свою работу. Якубович лично следил за преподаванием и давал молодым учителям советы.

Система обучения в образцовой школе имела свои плюсы и минусы. С одной стороны, выпускники пансиона, окончив основной курс, получили возможность приобрести опыт педагогической работы. С другой – они были слишком молоды, нетерпеливы и несдержанны в своих воспитательных методах, что не устраивало родителей учеников. А.И. Якубович отмечал, что когда к педпрактике приступал новый выпуск пансионеров, учебный процесс страдал большим количеством

¹ См. Отзыв протестантов о русских назаретских школах // СИППО. Февраль 1892. (Warte des Tempels. 1891 № 23. Московские ведомости 1891. № 152). С. 29 – 30.

² Письмо В.Н. Хитрово к А.Г. Кезме. С.-Петербург, 21 марта 1890 г./ Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3... С. 259.

промахов и недосмотров. Ситуация улучшалась только через полгода, когда новые учителя приобретали необходимые навыки, привыкали к своему положению, а дети начинали смотреть на них как на учителей, а не на товарищей по играм¹. А.И. Якубович при помощи А.Г. Кезмы и Н.М. Абу Табиха, который был назначен заведующим образцовой школой, старался скорректировать учебный процесс. К 1893 г. там утвердилась учебно-воспитательная система, к которой он стремился.

В это время школа представляла собой двухклассное начальное училище с тремя группами в первом классе и двумя во втором. Общий курс обучения составлял 5 лет. При школе было организовано отделение для малолетних. (Нечто наподобие детского сада, который существовал практически при всех начальных учебных заведениях ИППО). Преподавание в школе вели шесть практикантов под постоянным надзором Н.М. Абу Табиха, а также другого преподавателя пансиона, который в этот день дежурил. Учителя «накануне своего дежурства в образцовом училище подготавливали практикантов к занятию... на следующий день»².

Как и в городских школах для девочек, в образцовой школе изучался русский язык. Его преподавание начиналось на 3-м году обучения. До этого дети основательно изучали арабский язык. На уроках практиковались пересказы, диктанты, грамматические разборы. Все это способствовало развитию речи и логического мышления, учило детей рассуждать и анализировать текст. Использование подобной методики в преподавании арабского языка облегчало ученикам последующее изучение русского языка.

С началом педагогической деятельности пансионеров, которые прошли практику в образцовой школе, уровень образования в мужских сельских учебных заведениях ИППО повысился. Соответственно улучшилось качество подготовки поступающих в пансион. Дети, которые обучались у таких педагогов, были отчасти знакомы с новыми методами преподавания и правилами поведения в учебном заведении.

¹ Отчет по Галилейским учебным заведениям Общества, представленный А.И. Якубовичем за 1-ое полугодие учебного 1892 – 93 года.// СИППО. Июнь 1893. № 3. С. 267 – 268.

² Отчет Инспектора Галилейских учебных заведений А.И. Якубовича за 1893/ 94 учебный год.// СИППО Декабрь 1894. № 6. С. 656.

А.И. Якубович, который преподавал в пансионе и контролировал учебный процесс в образцовой школе, содействовал открытию новых учебных заведений общества. Благодаря его усилиям в 1890 – 1894 гг., были открыты школы в Кафр-Йасифе, ар-Райне, ал-Барве, аш-Шаджаре. Более 10 школ были учреждены в последующие несколько лет. Поскольку за учебными заведениями требовался постоянный надзор, в Совете общества приняли решение назначить Якубовича на должность инспектора галилейского района.

Будучи школьным инспектором, Якубович не только контролировал, но и стремился улучшить учебно-воспитательный процесс, при этом уделяя особое внимание пансиону. По его мнению, пансионеры должны были приобрести не только теоретические знания, но и практические навыки, которые бы они смогли применять в повседневной жизни. В своих отчетах Якубович писал: «Мне кажется, что большинство школ берет на себя большой грех, не давая детям решительно никакой подготовки к будущему существованию. Ведь умение лишь читать и писать почти никого не накормит и не оденет»¹. Школа «не должна быть чем-то отвлеченным, безучастным, а, наоборот, должна прийти на помощь жизни и не только помогать ей в подготовке... сил к будущей борьбе за существование, но и руководить этим делом, усовершенствовать его и направлять его на должный путь, сообразуясь с местными климатическими и почвенными условиями и с существующими потребностями»². В связи с этим Якубович считал, что учеников школ ИППО, и особенно пансионеров, следовало обучить садоводству и огородничеству. Для этого инспектор собрал необходимые сведения о том, какие культуры можно выращивать в Палестине в условиях дефицита воды. Как известно, здания для учебных заведений ИППО брались в аренду, поэтому заниматься огородничеством было нелегко. Однако по просьбе Якубовича пансионерам разрешили работать на участке консульства. Там они высаживали рассаду капусты, свеклы, бобы, картофель, салат, а также плодовые деревья³. В некоторых работах принимали участие и старшие

¹ Выписка из письма старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича от 8 мая 1891 // СИППО. Февраль 1892. С. 25.

² Там же. С. 25 – 26.

³ См. Отчет по Галилейским учебным заведениям Общества... // СИППО. Июнь 1893. С. 262 – 263.

ученики образцовой школы. Якубович считал приобретенные навыки очень полезными, так как пансионеры, в качестве будущих учителей, «всю жизнь должны будут провести среди селян и всеми силами своего ума и души помогать им посредственно и непосредственно, внося в их среду понятия религиозные и нравственные и подавая им разные практические советы в их обыденной жизни, до – подаяния первой медицинской помощи включительно»¹. В женских школах Якубович советовал уделять больше внимания кройке и шитью.

Важной составляющей инспекторской службы был регулярный объезд школ. Контролировать учебный процесс, проводить экзамены и работу с педагогами Якубовичу помогал Кезма. Во время посещения школ Якубович наблюдал как исполняются учителями заведенные порядки. Он отмечал, что арабские учителя особенно те, кто не получил подготовку в школах ИППО, сложно адаптировались к новым методикам и далеко не всегда им следовали. Наиболее тщательно Якубович следил за выполнением двух требований, «которые были положены в основу обучения»: выразительное чтение с рассказом прочитанного и диктанты не менее двух раз в неделю. Вместо этого обучение чтению зачастую велось обыкновенным местным способом: монотонно и без всякого выражения, а письмо под диктовку носило случайный характер: «когда раз в неделю, а когда раз в месяц»². Инспектор не только указывал учителям на эти недостатки, но и отмечал их письменно, как обязательные требования. При последующих объездах Якубович с Кезмой убедились, что эти письменные наставления возымели необходимый результат.

Для того, чтобы улучшить учебный процесс в сельских школах, Якубович прибегал к помощи бывшего пансионера Абу Дарвиша, который был назначен руководителем школы для мальчиков в ар-Раме. Помимо учебной работы с детьми, Абу Дарвиш ежедневно занимался с учителями как в своей, так и соседней школе, «приготавливая их к занятиям следующего дня и разрабатывая с ними необходимый материал»³. (Учителя, с которыми он занимался, не были выпускниками пансиона).

¹ Выписка из письма старшего учителя Назаретского мужского пансиона... // СИППО. Февраль. 1892. С. 27.

² Отчет Инспектора Галилейских учебных заведений... // СИППО. Декабрь 1894. С. 657.

³ Учебные заведения ИППО во второй половине 1896 – 97 учебного года. Из отчета инспектора школ общества А.И. Якубовича // СИППО. Октябрь 1897. № 5. С. 541.

Благодаря усилиям Абу Дарвиша, учебный процесс в школе в ар-Рахе был поставлен весьма хорошо, поэтому многие ее выпускники становились кандидатами на поступление в Назаретскую учительскую семинарию (пансион).

Неменьшее внимание Якубович уделял и женским школам. Прежде всего, это касалось женской школы в Назарете, которая находилась по соседству с пансионом. Там в начале 90-х гг. по-прежнему преподавали А. Науфал и А. Канази под руководством русской учительницы А.И. Надеиной. Несмотря на то, что учебный процесс в школе был поставлен хорошо, А.И. Якубович и А.Г. Кезма были недовольны качеством преподавания арабского языка, особенно грамматики. В связи с этим Якубович просил учителя арабского языка в пансионе Абу Табиха уделить несколько часов в неделю преподаванию этого предмета девочкам. Кезма, в свою очередь, обещал провести в Назаретской школе уроки Закона Божия. В сельских женских школах, которые были открыты к этому времени, Якубович продолжал бороться с практикой телесных наказаний, а также использованием традиционного подхода в обучении. Для того, чтобы показать учительницам необходимые педагогические приемы, ему самому приходилось заниматься арабским языком с младшими учениками. И. Ра'иф отмечает, что Якубович постоянно находился среди детей, жил их жизнью. А они почтительно называли его «русским дядей»¹, ал-'амм ар-руси².

Помимо занятий с детьми, инспектор каждую субботу собирал у себя учительниц, чтобы объяснить недостатки их работы и указать пути к их исправлению.

Несмотря на недочеты в работе арабских педагогов, Якубович позитивно оценивал учебный процесс. Он писал: «наше школьное дело, с Божьей помощью, налаживается; во всех школах заводятся однообразные порядки и дело продвигается вперед. Нисколько не скрывая тех трудностей, которые предстоят еще нам

¹ Ра'иф 'Имад ад-Дин. Мин Байрут ва 'анха. Аурак Аурасийа фи-т-тафа'ул ал-хадари (Из Бейрута и о нем – евразийские страницы о цивилизационном взаимодействии. Бейрут: изд. Дар ал-мусаввар ал-'араби, 2018. С. 49.

² Амм (дядя, брат отца). Так арабы уважительно обращаются к людям старшего поколения, которые пользуются их расположением.

впереди, я надеюсь, что при теперешнем старании со стороны учительского персонала... разные затруднения преодолеваются и дело пойдет хорошо»¹.

Немалое значение для улучшения учебного дела ИППО имело участие А.И. Якубовича в педагогической комиссии 1894 г. Комиссия под председательством Н.М. Аничкова была созвана по результатам инспекторской проверки учебных заведений ИППО, проведенной в 1893 г. чиновником особых поручений при министре народного просвещения П.П. Извольским. Помимо А.И. Якубовича и П.П. Извольского, в комиссию вошли протоиерей Михайловский, П.А. Васильчиков, В.Н. Хитрово, В.Р. Розен, директор народных училищ С. Петербургской губернии В.А. Латышев.

Включение в комиссию Якубовича, который был хорошо знаком с постановкой учебного дела во всех школах округа, имело большое значение. Его опыт и знания были учтены при составлении программ. На заседаниях комиссии (всего их состоялось 11) были разработаны более точные программы для мужского и женского пансионатов, а также для начальных учебных заведений². В частности, программой был закреплен 6-летний курс обучения в учительских семинариях, по два года в каждом классе, а также введено преподавание турецкого языка в Назаретском пансионе³.

Об учебных программах в школах ИППО, а также классификации учебных заведений в конце 1890-х гг. можно судить по сведениям, содержащимся в отчете Н.М. Аничкова. В это время школы общества были разделены на следующие типы:

1. Одноклассные училища с тремя последовательными группами и тремя годами обучения, в течение которых детям от 8 до 12 лет преподавался Закон Божий, арифметика, арабский и русский языки, а также пение. Первые два предмета преподавались в объеме приблизительно равном курсу одноклассных сельских училищ в России. Для арабского и русского языков были разработаны особые программы.

¹ Отчет по Галилейским учебным заведениям Общества...// СИППО. Июнь. 1893. № 3. С. 273.

² Письмо Н.М. Аничкова к великому князю Сергею Александровичу. 21 июня 1894 г. /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1 Д. 438. 1888 – 1902. Л. 66.

³ Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского Православного палестинского общества ... С. 136.

2. Двухклассные сельские и городские училища, для детей от 8 до 14 лет, с тремя последовательными группами в 1 классе и двумя такими же группами во 2-м классе. В младшем классе проходило то же, что в одноклассном сельском училище, а во 2 классе: Закон Божий и арифметика преподавались в объеме приблизительно равном курсу двухклассных сельских училищ Министерства народного просвещения в России. Арабский, русский, турецкий языки и география читались по особой программе¹. Все предметы в таких училищах кроме русского языка преподавались по-арабски. Одноклассные школы были почти все смешанными. Двухклассные – отдельными. При каждой из школ находилось малолетнее отделение, типа детского сада для детей от 4 до 8 лет, которые также делились на группы по возрасту и объему знаний.

3. Пансионы с 3 классами и двухгодичным курсом в каждом классе, представляли собой тип учительских семинарий для подготовки учителей и учительниц. Все предметы преподавались по особо разработанной программе, причем курс Закона Божия превышал объем преподавания этого предмета в русских учительских семинариях. Курс математики приблизительно был равен курсу таких учебных заведений в России².

Как видно, классификация учебных заведений в 90-е г. претерпела серьезные изменения по сравнению с классификацией, разработанной в ходе комиссии 1888 г. Теперь начальные учебные заведения делились не на сельские мужские и городские женские, а на одноклассные и двухклассные школы, которые могли быть женскими, мужскими и смешанными. Образцовые школы в Назарете и Бейт-Джале служили моделью для двухклассных учебных заведений.

Помимо учебных программ, членами педагогической комиссии 1894 г. была написана инструкция для инспектора, в которой четко регламентировались его обязанности.

¹ Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии.// СИППО. Ноябрь-Декабрь 1899. С. 667.

² Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова...// СИППО. Ноябрь-Декабрь 1899. С. 668 – 669.

Согласно тексту документа¹, инспектор должен был следить за выполнением инструкций, утвержденных Советом общества и педагогическим советом, а также за исполнением порядков, заведенных в учебных заведениях; посещать как можно чаще порученные ему учебные заведения, обращая внимание не только на достигнутые результаты, но и на способы, которыми они были достигнуты; делать свои распоряжения через начальника пансиона, или непосредственно, сообщая в последнем случае ему об этом для сведения и руководства. Вместе с тем инспектору дозволялось при объезде школ, когда он считает это необходимым, брать с собой начальника пансиона (Кезму) или одного из арабских учителей; инспектор был обязан присутствовать на экзаменах как в пансионе, так и во всех школах; доводить до сведения общества о положении порученного ему дела в январе и июле месяцах².

С переходом А.И. Якубовича на должность инспектора возникла необходимость пополнить педагогический состав Назаретского пансиона русскими учителями. Кроме того, появилась возможность включить в штат преподавателей арабов, окончивших российские учебные заведения. Им следовало преподавать основные дисциплины в первом классе и готовить воспитанников к дальнейшему взаимодействию с русскими педагогами. Согласно отчетам 1892 – 1893 гг., в пансионе помимо А.Г. Кезмы преподавали: М.И Овчинников³(русский язык, труд, история, чистописание, черчение и гимнастика во втором классе), Г.Н. Халеби (Халаби) (арифметика, арабский язык и русская грамматика в первом классе), Е.В. Красильников (арифметика, география, геометрия и пение во втором классе). Как видно, в первом классе пансиона преподавал арабский учитель. Русские – только во втором. Курс арабского языка во втором классе, как и прежде, вел Н.М. Абу Табих⁴. А.Г. Кезма руководил пансионом и преподавал Закон Божий⁵.

¹ Инструкция инспектора мужских школ Импер. Прав. Палестинского общества /АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 438. 1888 – 1902. Л. 54.

² Там же. Л. 54.

³ См. Федотов П.В. Заметки русских учителей Назаретской семинарии ИППО: наблюдения и размышления о жизни на Ближнем Востоке в 1889 – 1895 гг. // Востокведение: история и методология. 2021. № 1. С. 117 – 133.

⁴ Отчет по Галилейским учебным заведениям Общества...// СИППО. Июнь 1893. С. 258.

⁵ См. подробнее: Смирнова Е.В. Русско-арабская коммуникация и учебный процесс в Назаретской семинарии ИППО // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. №1. С. 5 – 33.

Несмотря на то, что педагогический состав пансиона расширился, учебный процесс улучшился незначительно. Причиной тому была частая смена русских учителей, от которой Назаретский пансион очень страдал. С 1894 – по 1897 г. в учебном заведении полностью сменились педагоги. Согласно отчетам за 1895 – 1896 гг., в пансионе преподавали: Д.Ф. Богданов, Х.М. Алла-Верди (Варди), назначенный после ухода Абу Табиха, Е.Ф. Дружининский, А.А. Спасский¹. Подобные перемены негативно отражались на учебном процессе, в частности на дисциплине. Русские педагоги не могли в короткие сроки приспособиться к местным условиям, освоить язык, наладить эффективное сотрудничество с арабскими учителями и сблизиться с детьми. В.А. Латышев, который побывал с инспекцией на Ближнем Востоке в 1897 г. отмечал, что редкие русские учителя остаются на службе в пансионе более 2-х лет².

Частую смену педагогов В.А. Латышев объяснял непривычкой к климату и местным условиям, неопытностью учителей, которым приходится сразу вести сложную педагогическую работу. Опытные и зрелые учителя не стремились ехать на Ближний Восток. Как правило, у них были семьи, а служба в школах общества не обеспечивала будущего. Кроме того, русских учителей смущала ограниченность круга общения. Решить эту проблему, по мнению В.А. Латышева, было возможно посредством улучшения коммуникации между русскими и арабами. Русским педагогам следовало намного больше общаться с воспитанниками и состоять с ними в дружеских отношениях, однако без знания арабского языка это сделать было весьма трудно. Латышев отмечал, что Недостаточная подготовка преподавателей, приезжающих в Палестину, может быть пополнена еще в Петербурге», где есть возможность найти преподавателей арабского языка, а также улучшить свою подготовку в педагогическом отношении. «Познакомившись с арабским языком,

¹ Отчет начальника Назаретского пансиона А.Г. Кезма за учебный 1895 – 1896 г.// СИППО. Апрель 1897. № 2. С. 232.

² Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества (из отчета директора народных училищ С.-Петербургской губернии В.А. Латышева по командировке в Палестину и Сирию в 1897 г) // СИППО. Июнь 1897. № 3. С. 344.

учителя будут охотнее служить в Палестине, особенно если там устроится большее общение всех Русских между собою»¹.

При частой смене педагогов на Кезму, как начальника пансиона, ложилась огромная ответственность по организации учебного процесса. В связи с этим каждый учебный год он начинал с педсовета, на котором, как правило, присутствовали новые учителя. Между педагогами распределялись дисциплины и дежурства, составлялось расписание уроков, избирались секретарь педагогического совета и библиотекарь. Кезма поддерживал новых учителей, оставаясь с ними дежурить в пансионе в первое время.

После проведения педагогической комиссии 1894 г. в учебных заведениях ИППО стали вводиться новые программы. В пансионе, как и прежде, особое внимание уделялось обучению воспитанников русскому и арабскому языкам, знание которых имело большое значение в их последующей преподавательской деятельности. Учебная программа позволяет судить насколько глубоко воспитанники могли усвоить эти дисциплины за время пребывания в пансионе. Как правило, с арабским и русским языком мальчики знакомились в начальной школе, поэтому в пансионе они продолжали их изучение. К примеру, по арабскому языку в первом классе воспитанники проходили синтаксис и этимологию. По русскому языку они читали тексты и пересказывали их по заданным вопросам, составляли простые и сложные предложения, писали диктанты и переложения прочитанных статей. На втором году обучения воспитанники читали и пересказывали избранные статьи и повести, изучали грамматику, заучивали стихотворения, писали короткие сочинения. Упражнялись в церковно-славянском чтении, пересказе и переводе на русский язык с церковно-славянского².

Во втором классе по арабскому языку проходили теорию словесности, правила арабского стихосложения, занимались чтением с пересказом, писали переложения прочитанного, а также сочинения на разные темы, переводили с русского на арабский язык, заучивали стихотворения и упражнялись в составлении стихов.

¹ Там же. С. 351.

² Отчет начальника Назаретского пансиона А.Г. Кезма... // СИППО. Апрель 1897. № 2. С. 240.

В третьем классе (как по русскому, так и арабскому языкам) на занятиях читали прозаические и поэтические произведения, пересказывали, делали грамматический и логический разборы, писали сочинения и выполняли переводы с арабского языка на русский. Подобная программа знакомила с классической литературой, позволяла хорошо освоить письменную и устную речь, а также выполнять переводы с русского на литературный арабский язык.

Уровень знаний воспитанников проверялся на экзаменах, которые совместно принимались русскими и арабскими педагогами. В начале лета экзамены проходили в пансионе, а также других школах общества в присутствии Кезмы и инспектора. Устные и письменные экзамены проводились по арабскому, русскому и турецкому языкам, арифметике и геометрии. Устные: по Закону Божию, истории и географии. Экзамены по русскому и арабскому языкам принимались по одной системе. Воспитанники должны были прочесть незнакомую статью, кратко ее пересказать, сделать грамматический разбор предложений и рассказать стихотворение¹.

Программы регламентировали учебную и практическую деятельность пансионеров старшего (3-го) класса. Помимо педпрактики, они должны были посещать 5 уроков в неделю: 2 урока пения, 2 – педагогики и 1 – русского языка. По педагогике практиканты проходили не только общие принципы дидактики, но и разбирали методики преподавания отдельных дисциплин: арабского и русского языков, русского чистописания, географии, а также арифметики, что улучшало качество преподавания. Педагогическую практику могли одновременно проходить 8 пансионеров. Они дежурили в каждом отделении образцовой школы, включая детский сад, на протяжении одного – двух месяцев, что помогало им привыкнуть к детям и более основательно вести учебный процесс. Кроме того, практиканты дежурили в амбулаторной и пансионе. Дежурные по амбулаторной исполняли обязанности переводчика и помогали русскому фельдшеру в уходе за больными, набираясь тем временем практических знаний по медицине. Практиканты, дежурившие в

¹ Там же. С. 237 – 238.

пансионе, находились в распоряжении русского дежурного воспитателя и главным образом помогали младшему первому классу в занятиях по русскому языку.

Однако впоследствии А.И. Якубович заменил дежурства практикантов в пансионе на дежурство в Назаретской женской школе. В этом случае практикант поступал в распоряжение начальницы. Там «он давал некоторые уроки, поддерживал порядок среди учениц, а вечером занимался с арабскими учительницами, знакомя их с правильными педагогическими приемами и школьной методикой»¹. Начальница школы А.С. Петрова высоко оценивала результаты педагогической работы практикантов, особенно выделяя Н. Жаржура (Джарджура), который был не только прекрасным учителем, но и отличался добрым отношением к детям². Таким образом, А.И. Якубович облегчил взаимодействие русских и арабских учительниц в Назаретской школе.

За занятиями практикантов наблюдали Алла Верди – руководитель образцовой школы, а также русский дежурный педагог пансиона. Однако такой контроль был недостаточно эффективным, поскольку два педагога не могли находиться во всех классах, где проводились занятия. По мнению Кезмы, русские педагоги, не знавшие арабского языка, не могли «следить за преподаванием руководимого ими предмета и наблюдать за остальными предметами вообще, проверять степень усвоения детьми этих предметов и надзирать за ходом воспитания и направлять его»³. Ввиду указанных причин роль русского учителя ограничивалась почти одним внешним школьным порядком. С другой стороны, Алла Верди, получивший образование в греческой школе, не знал русского языка и с трудом мог общаться с русским коллегой. Кроме того, он не мог оценить методологическую основу урока. Воспитанники вели преподавание на арабском языке, но по российским методикам, с которыми в силу своего образования Алла Верди был мало знаком. Недостаточная коммуникация и, как следствие, недопонимание между руководителем школы,

¹ Там же. С. 246.

² Письмо А.С. Петровой к В.Н. Хитрово. 25 октября 1896 / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 368 [О Назаретской женской школе. 4 января 1895 – 16 декабря 1899]. Л. 42 об.

³ Назаретский мужской пансион и образцовая школа общества в учебном 1896 – 97 гг. Из отчета А.Г. Кезма // СИППО. Август 1897. № 4. С. 480.

русскими дежурными педагогами и практикантами мешали верной организации учебного процесса. Якубович и Кезма пытались исправить ситуацию, устраивая проверочные уроки, которые практиканты давали в присутствии преподавателя педагогики, ассистента, старшего учителя и руководителя пансиона. По окончании проверки они беседовали с каждым практикантом в отдельности, указывая им как хорошие, так и слабые стороны преподавания¹. Так или иначе это приносило свои результаты.

В 1895 г. лучшим практикантом по результатам пробного урока, а также по теории «училищеведения» оказался Халиль Бейдас (Халил Байдас). За ним шли: Андрей Булос (Булас), ‘Асаф Жерьес (Джарис), ‘Иса Дауд и Хабиб Юсеф (Йусуф). Важно отметить, что большинство этих воспитанников стали талантливыми педагогами, журналистами и переводчиками, которые долго служили обществу и внесли большой вклад в развитие русско-арабских культурных связей.

Выпуск пансиона в среднем давал 6 учителей. По окончании учебного курса лучший из воспитанников отправлялся в Россию, в Киевскую духовную семинарию. Однако не все выпускники хотели продолжить обучение в России. Причиной тому был страх родителей, которые не знали «что еще из этого выйдет, ждать очень долго, а здесь гораздо вернее: через два года будет учителем, будет получать жалование и родным помогать». Россия – далеко, «ехать нужно через море, там черным хлебом кормят и зимой плохо одевают...»².

Нецелесообразным отправлять выпускников пансиона в духовные учебные заведения считал и А.И. Якубович. Заботясь о постоянном пополнении педагогического штата, он рекомендовал посылать лучших выпускников не в духовные семинарии и академии, после чего они стали бы метить в «мутраны»³, и были бы потеряны для школьного дела, а в учительские семинарии⁴. Если выпускники захотели бы остаться в России, то вынуждены были работать в деревне. Такому

¹ Отчет Инспектора Галилейских учебных заведений...// СИППО. Декабрь 1894. № 6. С. 646.

² Там же. С. 648.

³ Матран – митрополит, архиепископ (араб.).

⁴ Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича...// СИППО. Апрель 1892. № 2. С. 188.

человеку было легче пойти работать в арабскую деревню, чем тем, кто прожил 10 лет в русском учебном заведении. Рекомендации Якубовича были учтены. Выпускники Назаретского пансиона стали отправляться не только в духовные учебные заведения, но и учительские институты.

Несмотря на то, что программы в образцовых школах и пансионах Назарета и Бейт-Джалы были схожи, учебно-воспитательный процесс выстраивался по-разному. В 1890 г. в Бейт-Джале был открыт пансион для девочек, который наряду с образцовой школой, а также сельской женской школой в Бейт-Сахуре возглавила Е.М. Тараканова. Ее коллегами и ближайшими помощницами стали В.М. Соколова и А.Ф. Клементовская, которые помимо русского языка преподавали в женском пансионе черчение. Курс Закона Божия читала сама начальница. В отличие от образцовой школы и первого класса пансиона в Назарете, где русскому языку обучали арабы, в учебных заведениях Бейт-Джалы его преподавали русские, которые арабским языком не владели. Достичь некоторого взаимопонимания с детьми в начале обучения помогало использование натурального метода. Девочки заучивали названия предметов, находившихся в классе: книга, доска, грифель, стол, стул, а также глаголы действия, которые употреблялись учительницей: встань, сядь, подойди, читай, пиши. Как и в женской школе в Назарете, русским педагогам помогали арабские учительницы, которые общались с ними на французском языке. С их помощью русские учительницы готовились и проводили занятия. Однако уроки получались весьма сухими, так как приходилось сообща переводить русские слова на арабский.

Бейт-Джальские учебные заведения в начале 1890-х гг. отличались от назаретских уровнем подготовки арабского учительского персонала. Арабские учительницы в Бейт-Джале были выпускницами греко-православных учебных заведений. Они не владели методами преподавания, принятыми в школах Палестинского общества. На уроках арабского языка они применяли традиционный подход, заставляя детей учить материал наизусть¹. Это не позволяло детям быстро адаптироваться к российским учебным методикам и препятствовало изучению русского

¹ Отчет по Бейт-Джальскому женскому пансиону за учебные 1890 – 92 гг. // СИППО. Октябрь 1892. № 5. С. 580.

языка. При обучении грамоте русские педагоги использовали звуковой метод, параллельно осваивая с детьми письмо, как это было принято в других школах ИППО, а также начальных учебных заведениях России. После этого в Бейт-Джалльской образцовой школе переходили к изучению азбуки Ф.Ф. Пуцыковича.

Дальнейшее обучение русскому языку происходило в пансионе. На уроках основное внимание уделялось следующим видам работ: беседы совместно с чтением; объяснительное чтение; устный и письменный рассказ прочитанного; грамматика: письменные грамматические упражнения, чистописание. Постепенно дети привыкали к новым способам ведения занятий. Параллельно их осваивали и арабские учительницы, которые присутствовали на уроках в качестве переводчиц. В это время в Бейт-Джалльском пансионе преподавали две арабки С. Абу Хаджар и С. ал-Мустаклаб¹. Е.М. Тараканова отмечала, что русским педагогам приходилось заниматься развитием речи и мышления у детей не только по-русски, но и по-арабски².

На первом курсе пансиона девочки начинали изучать «Родное слово». Заботясь о расширении детского кругозора, учительницы выбирали статьи, которые содержали сведения об окружающем мире, что было необходимо арабским ученикам, имеющим слабое представление по многим вопросам. Дети читали статьи о воде, о воздухе, параллельно делая соответствующие опыты. Во втором классе книгой для чтения по русскому языку служили пособия М.И. Вольпера, составленные специально для иноподданных Российской империи. Его учебники оказались вполне подходящими для школ общества. В рамках учебного курса дети знакомились с русской литературой: читали и заучивали стихотворения А.С. Пушкина, басни И.А. Крылова. В старшем классе преподавались этимология и синтаксис. Для того, чтобы дети быстрее освоили русский язык, учительницы старались интенсифицировать внеурочное общение. Во время бесед дети просили переводить каждое слово на арабский язык, поскольку им хотелось скорее заговорить по-русски. Однако, когда учительницы потребовали, чтобы они разговаривали только на

¹ Отчет по Бейт-Джалльской школе за 1893 – 1894 гг./ АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873/1. Д. 374. 1893 – 1894. Л. 96 – 99.

² См. подробнее: Отчет по Бейт-Джалльскому женскому пансиону за учебные 1890 – 92 гг. // СИППО. Октябрь 1892. № 5.

русском языке, дети стали упорствовать. За это их наказывали: заставляли девочек, которые говорили по-арабски 100 раз писать на доске сказанные ими фразы¹. По-видимому строгие меры были необходимы, так как эффективность обучения детей в Бейт-Джальском пансионе зависела от того, насколько быстро и хорошо они овладеют русским языком.

Постоянной разговорной практике способствовало совместное проживание русских учительниц и арабских воспитанниц. В Назаретской семинарии учителя жили отдельно от пансионеров ввиду отсутствия места. Общение русских педагогов со своими ученицами сближало их. Е.М. Тараканова писала в своих отчетах: дети, видя что о них заботятся и обращаются как с равными, платили за это лаской: подходили, обнимали и целовали руки². Общение русских учительниц с девочками осуществлялось не только на занятиях и во время хозяйственных работ в помещении или огороде, но и в часы отдыха. С ними играли в арабские игры и учили русским: гуси – лебеди, горелки, плетень, жгут. Во время игр пели песни по-русски и по-арабски. Вместе с тем девочкам читали русские сказки.³ После этого, по словам Таракановой, «одна другой придумали разные названия, смотря по характеру, и потешались этим... После уроков, в играх у них сейчас найдется Мишка косолапый, и лисичка, и стрекоза, и шавка, и дочка злой бабы, и работящая Машенька...Иные любили списывать или по-арабски, или по-русски любимые стихотворения в тетради, которые им были подарены на Рождество Христово»⁴. Укрепить взаимоотношения между русским и арабским учительским персоналом, а также с детьми, приобщить их к русской культуре помогали праздники. «Вечера по праздникам зимою, – писала Е.М. Тараканова, – проводились своеобразно, шумно и весело. После ужина в столовой все учительницы и дети играли в различные игры, а потом вздумали выучить игру с припевом. Выдался музыкально-вокальный вечер, достали ноты и на трехструнном фортепьяно подобрали мотив, дети были в восторге, облепили нас как пчелы, и уже целый вечер не переставали петь, пока не был выучен

¹ Отчет по Бейт-Джальскому женскому пансиону...// СИППО. Октябрь 1892. № 5. С. 517.

² Там же. С. 518.

³ Там же. С. 565.

⁴ Там же.

мотив. «Уж я золото хороню, хороню...» весь дом стал петь, было полное воодушевление... И так с тех пор, как только праздник... у нас устраивались музыкально-вокальные вечера»¹.

Так или иначе в пансионе девочки были окружены русскоязычной средой, не только на занятиях, но и в быту, и на кухне. Этому способствовал и обслуживающий персонал, который нанимался из русских поклонниц. Русские кухарки знакомили девочек с блюдами национальной русской кухни и, возможно, что-то учили готовить. Все это способствовало тому, что дети и арабские учительницы прониклись порядками, заведенными в русских школах. Начальница Бейт-Джальской семинарии писала: «Наша пансионская жизнь, жизнь семейная. Дети с каждым днем все ближе и ближе знакомятся с воспитательницами, т.е. с их образом мыслей, мнениями, желаниями, поступками, побуждениями, и так как влиянию последних поставлен полный простор, то, несомненно, что и дети будут так думать и поступать, как думают и поступают их воспитательницы, они исправляются от дурных наклонностей; сознают, что должны повиноваться постановлениям той среды, в которой живут»². По мнению директора народных училищ в Петербурге В.А. Латышева, посетившего школы общества в 1897 г., русские учительницы вносили особый вклад в воспитание детей. Они не только учили детей в школах, но и мыли их, водили по праздникам в церковь, устраивали чтения и беседы для взрослых, переписывались с бывшими воспитанницами, ставшими учительницами³.

Таким образом, с открытием Бейт-Джальского пансиона появился шанс воспитать арабских учительниц, владеющих русским языком и современными методиками преподавания, которые должны были стать соратницами и помощницами русских педагогов.

¹ Там же. С. 566.

² Там же. С. 568.

³ Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества...// СИППО. Июнь. 1897. С. 344.

Организация школ ИППО в Сирии и деятельность инспекторов

К середине 90-х гг. XIX века Палестинское общество накопило определенный опыт просветительской работы среди православных арабов. В 1895 г. в Палестине действовало 25 школ и два пансиона. Дальнейшему развитию школьного дела в этой области препятствовала Иерусалимская патриархия, которая оказывала противодействие «начинаниям Общества на пользу туземного православного населения»¹.

В это время Палестинское общество получило ходатайство от Антиохийского патриарха Спиридония (поддержанное 34 влиятельными представителями православной общины) с предложением принять в свое ведение православную женскую школу в Дамаске². С подобными просьбами к ИППО обратились и несколько антиохийских митрополитов. В сложившихся обстоятельствах Совет общества задумался о распространении просветительской деятельности в Сирии.

Хотя организация школьного дела в этой области Османской империи не была предусмотрена уставом общества, великий князь Сергей Александрович согласился на открытие учебных заведений при условии, что это не нанесет ущерб паломническим приютам в Палестине³.

Для ознакомления с местным учебным делом в Сирию летом 1895 г. были командированы А.Г. Кезма и А.И. Якубович. Им следовало осмотреть православные учебные заведения и обсудить с церковными иерархами организацию школ ИППО в пределах Антиохийского патриархата. После того, как Якубович и Кезма получили необходимые наставления от К.Д. Петковича, они посетили Бейрутского и Хомского митрополитов. Греческие владыки, обеспокоенные успехами инославной пропаганды, сообщили, что им остается лишь просить общество прийти на помощь и открыть школы, которые могли бы составить противовес школам

¹ АВПРИ. Ф. 208 Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 288 [Школы ИППО. Д.С.С. Дмитриевский. Командировка его по делам ИППО]. 1909 – 1910. Л. 14.

² См. Федотов П.В. Русские сотрудники школьных инспекций Императорского православного палестинского общества в Сирии и Ливане в 1895-1914-х гг.: мотивация и достижения // Былые годы. 2020. № 56. Is2. Р. 797.

³ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819 Д. 288 [Школы ИППО. Д.С.С. Дмитриевский. Командировка его по делам ИППО]. 1909 – 1910. Л. 17.

инославным¹. Пообещав предоставить церковные помещения, митрополиты просили учредить школы в тех селах, где просветительская деятельность католиков и протестантов была особенно активной. Хомский митрополит для начала передал обществу две школы. (Всего в его епархии было 9 школ, на которые приходилось 24 учителя). При этом он пожелал быть почетным председателем и формально нанимать учителей, которые будут поставляться обществом. Вопросы об их увольнении или перемещении он оставлял на благоусмотрение ИППО².

В отличие от церковных иерархов Бейрута и Хомса, Триполийский митрополит был по происхождению арабом. Его не столько заботила инославная пропаганда и религиозное просвещение своей паствы, сколько ее реальные нужды. А.И. Якубович писал, что на вопрос об открытии русских школ в его епархии владыка отвечал уклончиво, так как боялся преследований со стороны греческого духовенства. В случае если бы школы были открыты обществом, владыка желал придать образованию более светский характер, заменить русский язык французским и вносить изменения в программу и педагогический состав по своему усмотрению³.

Осматривая сирийские приходские школы, А.И. Якубович и А.Г. Кезма отмечали грязь, убогость школьной программы, отсутствие квалифицированных учителей, книг и пособий. Не отличалась в лучшую сторону и женская школа в Дамаске, которая находилась в непосредственной близости от патриаршего престола. Патриархия была признательна, что общество согласилось позаботиться об учебном заведении, надеясь, что оно и далее будет оказывать свою помощь. Побывав на занятиях во всех 4-х классах, из которых состояла школа, А.И. Якубович писал В.Н. Хитрово: «чушь и бестолковщина страшная! Никто из 6 учительниц ни малейшего понятия о школе не имеет, все темный народ»⁴. В связи с этим инспектор принял первые меры по организации учебного процесса: установил время молитв,

¹ Отчет Якубовича о поездке в Сирию в июле 1895 г. /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393 [О Южно-Сирийских школах общества]. Июнь 1895 – 23 декабря 1896. Л. 1.

² Там же. Л. 9 об.

³ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393 [О Южно-Сирийских школах общества]. Июнь 1895 – 23 декабря 1896. Л. 4.

⁴ Письмо А.И. Якубовича к В.Н. Хитрово. 9 ноября 1895 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393. Л. 18.

часовую длительность уроков с 10-минутными перерывами и запретил телесные наказания детей.

Передача дамаской женской школы в ведение Палестинскому обществу вызвала возмущение местной греческой общины. Купцы и служащие в административных учреждениях поднялись против патриарха. Греки обвинили его в измене, предательстве и пр. и пригрозили донести на него турецким властям¹. Для того, чтобы утихомирить греческую общину, патриарх попросил Якубовича включить в программу школы греческий язык. На его возражение о том, что преподавание в школах общества ведется на арабском языке, патриарх заметил, что арабский грекам не нужен. Якубович не растерялся и ответил патриарху, что не компетентен решать подобные вопросы, однако напишет ему обо всем, «что швай-швай² и иншаалла³ - со временем все хорошо будет...»⁴.

Между тем греки не успокаивались и стали натравливать на школы общества османские власти. В результате патриарха посетил местный мудир ма'ариф, «начальник просвещения», который выразил недовольство по поводу передачи школы русским, и грозился написать о случившемся в Константинополь. Патриарх ответил ему, что школу русским не отдавал, а попросил русское благотворительное общество принять ее на содержание и вести ее.

Несмотря на неблагоприятную ситуацию, митрополиты вслед за патриархом стали один за другим передавать школы в ведение ИППО. На основании отчета А.И. Якубовича Совет общества «решил принять в заведывание помимо Дамаской и Хомской еще 16 сельских школ в Дарее (Дарийа), Джеддеде (Джадида), Катане, Хине, Арбине ('Арбин), Калат-Джендиле (Кала'а Джандил), Айн-Шаара ('Айн-Ша'ара), Сехная (Сахнайа), Кфейре (Кфайр), Маара (ал-Ма'ра), Мааруне (Ма'рунийа), Дератие (Дайр 'Атийа), Рашее (Рашийа), Хасбее (Хасбийа), Хаддаде, Эзре»⁵.

¹ Письмо А.И. Якубовича к В.Н. Хитрово. 7 декабря 1895./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393. Л. 22 об.

² Понемногу (сиро-ливанский диалект).

³ Ин ша' Аллах - если пожелает Аллах, если Бог даст (араб.).

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Из письма В.Н. Хитрово к А.И. Якубовичу. 1/ 14 1895 г. АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873/1. Д. 393. Июнь 1895 – 23 декабря 1896. Л. 15.

Очевидно, организовать работу всех этих учебных заведений удалось не сразу. Так, к примеру, школы в Кала‘а Джандиле и Хаддаде были открыты только в 1897 г. Помимо указанных школ, к этому времени начали функционировать и другие учебные заведения: женская школа в аш-Шувайфате (1895); мужские школы в Сук ал-Гарбе (1895), Ма‘алуле (1895), ал-Му‘аллаке (1895), Бискинте (1897), Блудане (1897), Машгаре (1896), Сайднайе (1895), ‘Урне (1896), ал-Хадасе (1897). Таким образом, за два года ИППО удалось открыть в Сирии больше учебных заведений, чем за 13 лет в Палестине. В.Н. Хитрово благодарил А.И. Якубовича за все усилия, которые он приложил к распространению школьного дела в этой области. Особо отмечая, что «появление наше с нашими школами в Сирии... не менее важное, чем наше первое появление в Палестине, производит более сильное впечатление на местное население»¹.

Успешному развитию школьного дела в Сирии способствовало расположение к обществу Антиохийского патриарха и арабской православной общины, а также дружеские взаимоотношения с российским консулом в Дамаске А.П. Беляевым. Тем не менее организация школ в Сирии имела свои сложности и специфику. В своих отчетах А.И. Якубович писал: В Сирии, школьное дело «пока находится в полной зависимости от правильно поставленных отношений; отношения же эти в высшей степени сложны и щекотливы: турецкое правительство, патриарх, митрополиты, представители православных общин, греки, считающие себя почему-то полными хозяевами и распорядителями страны, – все это имеет то или иное отношение к школам, все старается воздействовать на эту бедную школу и вообще так или иначе путаться здесь. А между тем все эти лица и учреждения до такой степени различаются своими взглядами на это дело, до того различны их стремления и интересы..., что примирить их никаким образом нельзя... В силу нашего положения здесь, нужно жить решительно со всеми в мире, нужно со всеми ладить и в то же время нужно отстаивать свою самостоятельность и независимость в деле»².

¹ Письмо В.Н. Хитрово к А.И. Якубовичу. 25. 1. 1896 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393. Л. 58.

² Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества за вторую половину 1895/6 учебного года. (Из отчета инспектора школ А.И. Якубовича) // СИППО. Апрель 1897. С. 360.

Важным отличием в организации учебных заведений в Сирии и Палестине был способ получения школьных помещений. В Палестине обществу приходилось их арендовать. Это было затратно, однако позволяло организовать школу и набрать штат по своему усмотрению. В Сирии в ведение общества зачастую переходили уже существующие школы. Как правило, они располагались в церковных помещениях или помещениях, арендуемых общиной или епитропами. В основном школы не отличались обустроенностью: зачастую там было плохое освещение и отсутствовала классная мебель. Детям приходилось сидеть на земляном полу. Учебные пособия также отсутствовали.

Якубович должен был обустроить эти школы и организовать учебный процесс. Несмотря на то, что он переехал в Дамаск, сделать это в одиночку было весьма сложно. Кезма, с которым он совершил ознакомительную поездку по Сирии, не мог часто отлучаться из Назарета. В связи с этим в помощь инспектору определили лучших выпускников Назаретского пансиона 1895 г.: Х. Бейдаса, А. Булоса, А. Жерьеса, с которыми ему предстояло начать просветительскую работу.

Особое внимание Якубович уделял Дамасской школе, которая должна была стать образцовой школой в Сирии. Спустя месяц после того как школа перешла в ведение ИППО, Якубович посетил ее вместе с Халилем Бейдасом. Инспектор провел экзамен у детей и распределил их по группам, как в других школах общества. В ходе проверочных работ дети продемонстрировали некоторые знания только в арабском языке. По другим дисциплинам знания были слабые или совсем отсутствовали. Якубович и Бейдас провели работу с педагогами, познакомив их с основами учебной системы школ Палестинского общества¹. Спустя некоторое время в дамаскую школу, по примеру других городских женских школ общества, были назначены русские учительницы: Е.С. Иванова и О.И. Беленькова. До этого они некоторое время практиковались в женской школе в Назарете.

¹ Из письма А.И. Якубовича к В.Н. Хитрово от 7 декабря 1895 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393. Июнь 1895 – 23 декабря 1896. Л. 22.

Им в помощь в первое время был определен Андрей Булос, который состоял при школе в качестве учителя-практиканта¹. Чуть позже туда была направлена одна из первых выпускниц Бейт-Джалльского пансиона. Кроме нее в Дамасской школе преподавали и другие арабские учительницы. Одна из них окончила Назаретскую женскую школу ППО. Вероятно, Беленькова и Иванова познакомились с ней в Назарете, а затем привезли ее с собой в качестве помощницы. Остальные арабские учительницы были выпускницами местных школ.

Русские педагоги, которые преподавали ряд дисциплин во втором классе выстраивали и направляли учебно-воспитательный процесс. «Умение русского учительского персонала сочетать строгие требования в отношении к чистоте, порядку и к исполнению детьми и арабскими учительницами своих обязанностей с искренней любовью к детям и с крайней отзывчивостью на все их нужды и в школе, и вне школы, в особенности же заботы о бедняках и больных детях, – все это привязало и детей, и население и к школе, и к ее руководительницам и способствовало постоянному возрастанию детей в школе»². Действительно, за полтора года количество детей, посещавших женскую школу в Дамаске, увеличилось со 150 до 450 человек.

Помощь в преподавании русским педагогам оказывала выпускница Бейт-Джалльского пансиона, которая была назначена старшей арабской учительницей. Она же занималась с другими арабскими учителями, помогая им интегрироваться в учебно-воспитательную систему ИППО. Особенно плодотворно проходили занятия с учительницей из Назаретской школы. Она преподавала в средней группе первого класса. В младшей группе и малолетнем отделении преподавали арабские учительницы, получившие образование в местных учебных заведениях. Они с трудом усваивали новые методические приемы, продолжали сильно наказывать детей и заставляли учить наизусть пройденный материал. Кроме того, эти учительницы часто менялись и каждую приходилось обучать с нуля. По арифметике с учительницей приходилось заниматься каждый день, благодаря чему курс с группой удавалось

¹ См. Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине... Часть 1... С. 166 – 167.

² Учебные заведения ИППО во второй половине 1896 – 97 учебного года. Из отчета инспектора А.И. Якубовича // СИППО. Октябрь 1897. С. 548.

пройти. По грамматике арабского языка выпускница Бейт-Джалы не могла подтянуть своих младших арабских коллег, так как ее знания не были сильны в этой области¹. Преподавание арабского языка в школе традиционно было поставлено хорошо, и многие девочки им основательно владели. В связи с этим старшей арабской учительнице, которая преподавала арабский язык во втором классе, каждый день приходилось усердно готовиться к уроку, «чтобы не попасться в просак в каких-нибудь арабских премудростях и не сделать промаха, который сейчас же будет подхвачен арабистками старшего класса»².

Несмотря на отсутствие фундаментальных знаний в области арабской грамматики, учительница из Бейт-Джалы выстраивала уроки арабского языка в соответствии с новыми методиками, применение которых способствовало развитию речи и мышления. Преподавание русского языка, по мнению Якубовича, было также поставлено удовлетворительно, дети любили этот предмет. В школе обучали и французскому языку, однако часов на его преподавание отводились мало. Якубович, который сам пребывал в Дамаске, постоянно следил за порядком в учебном заведении. В других сирийских школах общества дела обстояли не так хорошо.

Основной проблемой была слабая подготовка местных сирийских учителей, которые продолжали преподавать в школах после того, как они перешли в ведение ИППО. В связи с этим учебные программы Палестинского общества поначалу внедрялись только в те сирийские школы, где преподавали пансионеры или русские педагоги. В сельских школах долго сохранялась прежняя система обучения. Чтобы познакомить учителей с порядком обучения и воспитания детей в школах Палестинского общества в села периодически направлялся Андрей Булос, который исполнял роль помощника и секретаря Якубовича. В течение месяца он должен был посетить несколько школ и провести в каждой из них занятия с учениками и их педагогами. В это время им распределялся и разрабатывался с учителем учебный материал на месяц вперед. Список пройденного ежемесячно представлялся

¹ Учебные заведения ИППО во второй половине 1896 – 97 учебного года... // СИППО. Октябрь 1897. С. 550.

² Там же. С. 551.

инспектору для проверки. Однако часто посещать школы, количество которых постоянно росло, Якубович и Булос не могли.

Для того, чтобы наладить учебный процесс, необходимо было обеспечить школы толковыми учителями. Поставить во главе каждого учебного заведения выпускников Назаретского и Бейт-Джалльского пансионатов было невозможно. Раз в два года из них выпускались только 20 учителей. Согласно сведениям, содержащимся в отчете Якубовича за 1896 – 1897 гг., на все сирийские школы приходилось только 7 пансионеров¹. Найти хороших учителей из выпускников инославных и патриарших училищ за 20 – 30 франков в месяц было непросто. Для того, чтобы пополнить педагогический штат грамотными учительницами, общество планировало принять в свое ведение женский православный институт Эмилии Сюрсок в Бейруте и сделать его подобием Бейт-Джалльского пансионата. Туда были направлены две учительницы. Одной из них была Екатерина Ивановна Шмидт, которая имела 25-летний стаж педагогической работы. В.Н. Хитрово поручил ей ознакомиться с порядками в Назарете и Бейт-Джале, а затем приступить к своим обязанностям в Бейруте. Он предлагал разделить бейрутский пансион на две части. Первый – платный – для девиц из состоятельных семей, а во второй – бесплатный. Учащихся в последнем следовало разделить на три категории: лучшие ученицы готовились в учительницы, средние – в фельдшерицы, наименее способные – в ремесленницы. При пансионе предполагалось открыть образцовую школу. Программы бесплатного отделения должны были совпадать с программами, установленными в Бейт-Джале². Из писем А.Е. Крымского, проживавшего в Бейруте в 1896 – 1898 гг., известно, что в институте Бакурат ал-ихсан преподавали три русских учительницы: Шмидт, Зайцева и Каменская, а также выпускница Бейт-Джалльского пансионата Марьям Оде (Марьям ‘Уда). А.Е. Крымский близко общался с этими учительницами, отмечал их плохое знание арабского языка, а также пренебрежительное отношение к местной природе и культуре³. Несмотря на это, учительница Марьям Оде была весьма привязана к

¹ Учебные заведения ИППО во второй половине 1896 – 97 учебного года...// СИППО. Октябрь 1897. С. 515.

² Письмо В.Н. Хитрово к А.И. Якубовичу. 4 января 1896 г. /АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 393. Июнь 1895 – 23 декабря 1896. Л. 47.

³ См. Крымский А. Е. Письма из Ливана (1896–1898). М.: Наука, 1975. С. 81, 98, 113.

М. Каменской и провожала ее в Россию со слезами на глазах¹. Впоследствии общество отказалось принять в свое ведение Институт, так как Э. Сюрсок не стремилась вводить и поддерживать учебно-воспитательную систему, принятую в Бейт-Джалльском пансионе.

В условиях дефицита профессиональных педагогов А.И. Якубович принял единственно верное на тот момент решение, позволившее организовать учебный процесс в сирийских школах. Он распределил имеющихся в его распоряжении пансионеров по районным центрам, дав им самые многочисленные школы. Вместе с тем он определил им помощников и подчинил каждому из них ближайшие учебные заведения, которые они должны были посещать от 2-х до 4-х раз в месяц и руководить занятиями тамошних неопытных учителей². К примеру, преподававший в Сайднайской школе выпускник пансиона Абдо Нажжар ('Абду Наджар) руководил учителями Ма'арской и Ма'рунской школ. Во главе последней стоял местный священник, который был несведущим в деле преподавания³. Сам Якубович отмечал, что эти меры не принесли значительной пользы, однако обойтись без них в то время было невозможно.

Распространение школьной деятельности в Сирии требовало увеличения штата инспекторской службы, задачи и роль которой приобретали все большее значение. Согласно инструкции, инспектору разрешалось иметь помощника и секретаря⁴. В связи с этим помощником Якубовича был назначен бывший учитель Назаретского пансиона Д.Ф. Богданов, в Палестине впоследствии инспектором стал А.Н. Малинин, а его помощником – П.П. Николаевский. С расширением инспекторской службы и ее штата русско-арабское взаимодействие в образовательной сфере приобрело новый уровень.

¹ Там же. С. 73.

² Учебные заведения ИППО во второй половине 1896 – 97 учебного года... // СИППО. Октябрь 1897. С. 515 – 516.

³ Отчет по Северно-сирийским школам Императорского Православного Палестинского общества за 1896 – 1897 учебный год. Написанный Д. Ф. Богдановым 15 августа 1897 г. / АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 409 [О Северо-Сирийских школах общества]. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 43.

⁴ Инструкция инспектора мужских школ Импер. Прав. Палестинского общества /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 54.

После ухода со службы А.И. Якубовича в 1898 г. инспектором сирийских школ ИППО стал Д.Ф. Богданов. За несколько лет службы в Сирии Якубович открыл многочисленные школы и наметил правильный вектор их развития. Дальнейшая организация школ и налаживание учебного процесса целиком легли на Д.Ф. Богданова. Ему пришлось «одному выносить здесь всю тяжесть представительства – обязанность очень сложная на первых порах», со всеми поддерживать мирные отношения, вникать и мириться с тяготами местных обстоятельств, чтобы не нажить себе врагов и не навредить развитию дела общества¹. Инспектор в Сирии представлял собой «ревизора и руководителя учителей и лицо, снабжающее школу всем нужным; у него же склад учебных пособий, он закупает и мебель, и стекла и проч., он же рассылает жалованье учителям, снабжает их деньгами на другие нужды школы и заботится даже об их житейской обстановке»².

Однако средств, выделяемых обществом, не всегда хватало даже на самое необходимое, в том числе на парты и скамейки. А еще нужны были столы, шкафы, доски, счеты, стулья. Все это приобреталось постепенно, в том числе на деньги жителей деревень, их старост и, конечно, русских учителей³.

Секретарем Д.Ф. Богданова по-прежнему оставался Андрей Булос. В то же время инспектору помогал выпускник Казанского учительского института С.С. Кондурушкин, который был назначен в 1898 г. начальником школы в Рашее (Рашайя). По словам И. Ра'ифа, он был единственным русским учителем, работавшим в сирийской глубинке⁴. Позднее в Рашайе был образован целый учебный округ, который включал в себя более десяти школ и находился в составе Южносирийской инспекции.

В работе С.С. Кондурушкину помогало знание арабского языка, который он быстро освоил на Востоке. В Сирии он занимался не только организационной и

¹ Письмо Д.Ф. Богданова к В.Н. Хитрово. 6 марта 1898 г. /АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 89 об. – 90.

² Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине... Часть 1 С. 10.

³ Письмо Д.Ф. Богданова к В.Н. Хитрово. 6 марта 1898 г. /АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 87 – 88.

⁴ См. Ра'иф, 'Имад ад-Дин. Хикаят Кундурушкин. Лубнан кабла карн би-риша русийа (Рассказы Кондурушкина. Ливан век назад русским пером). Бейрут, 2016. 221 с.

педагогической деятельностью, но и уделял время литературе и проводил исследования. В частности, он написал статью о состоянии образования в Сирии. Вместе с тем Кондурушкин перевел на русский язык «Калилу и Димну», а в 1908 году издал книгу «Сирийские рассказы». Будучи сыном самарского крестьянина, Кондурушкин писал о сельской жизни Восточного Ливана, о местных людях, как будто он был одним из них¹. Он с интересом изучал местные обычаи, сотрудничал с деревенскими жителями в области сельского хозяйства, возможно делился с ними российским опытом. По словам П.В. Федотова, немногие сотрудники ИППО на Ближнем Востоке сумели настолько близко сойтись с местными жителями и понять их интересы и проблемы, как С.С. Кондурушкин².

Лучше других инспекторов и русских учителей на Ближнем Востоке арабским языком владел Д.Ф. Богданов. Он успел ознакомиться с ним во время обучения в Казанской духовной академии. Желая послужить делу православия, а кроме того, получить практику в арабском языке, он отправился учителем в Назаретский пансион. Знание языка помогло Богданову установить и наладить отношения с местными жителями, детьми и учителями, а кроме того, позволило ему более тщательно контролировать учебный процесс.

Еще во время инспекторской службы Якубовича, Богданов активно содействовал учреждению школ в Северной Сирии. С 1897 по 1900 г. благодаря его усилиям были открыты школы в ал-Мине (ал-Мина'), Триполи, Латакии, Амьюне, Думе, 'Айте, Бейт-Бадре, Дайр-'Атийе, Джабра'иле, Маште, Кайме, Рахбе. Подготовка помещений, подбор учителей и контроль за их деятельностью требовал уйму времени и усилий от Богданова.

Регулярный объезд школ он совершал по следующему маршруту: «Мина - Рахбе – 8 часов, Рахбе – Мешта – 11 ч., Мешта – Кейме 3 часа, 4. Кейме – Хумс – 9 часов. Хумс – Дэйр Атыйе 12 часов и отдельно Мина – Амиун – 3 часа ...»³. И все

¹Ра'иф 'Имад ад-Дин. Мин Байрут ва 'анха...С. 132.

² Федотов П.В. Русские сотрудники школьных инспекций Императорского православного палестинского общества в Сирии и Ливане... С. 799.

³ Письмо Д.Ф. Богданова к В.Н. Хитрово. 22 сентября 1897 г. /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 12 об.

это в один конец. Бывало, что по дороге на Богданова, который передвигался без охраны, совершались нападения.

Для того, чтобы правильно выстроить учебный процесс в школах, Богданов должен был верно распределить учителей. В этом деле он пользовался принципом Якубовича: назначал пансионеров в те школы, которые располагались в крупных населенных пунктах. Вместе с тем Богданову необходимо было помочь учителям выстроить отношения с местной общиной. Успех школ нередко зависел от того, насколько учитель поладит с жителями деревни, где находилось учебное заведение. Так, в одну из сирийских школ Богданов назначил учителем сына местного священника, после чего к инспектору пришел шейх этого села, требуя отменить назначение. Оказалось, что у шейха был конфликт со священником, и он боялся, что тот будет вмешиваться в дела школы. С трудом удалось уладить этот инцидент. Похожие случаи происходили весьма часто, в связи с чем учителей старались не назначать в школы тех сел, откуда они были родом.

Пансионеры возглавляли двухклассные и некоторые одноклассные мужские школы. В женские одноклассные школы направлялись руководить выпускницы Бейт-Джалльского пансиона или двухклассных женских школ общества. Начальниками смешанных школ (где учеников было меньше 60) были учителя, получившие образование в двухклассных школах общества или греко-православных учебных заведениях. Женскими двухклассными школами в ал-Мине, Триполи, Латакии и Дамаске заведовали русские учительницы.

В основном преподавательский штат двухклассных мужских школ формировался по следующему принципу: возглавляли учебное заведение выпускники Назаретского пансиона, затем шли выпускники греко-православных пансионеров, двухклассных школ ИППО, местных православных и инославных школ. Выпускники Назаретского пансиона отвечали за организационный процесс, внедрение методик преподавания и учебных программ ИППО, занятия с другими арабскими учителями и их ознакомление с учебно-воспитательной системой общества. Они же держали связь с инспектором, отчитывались перед ним и нередко писали отчеты по своей школе, а также близлежащим сельским школам, за которые отвечали.

Русский язык преподавался только в двухклассных школах, которые возглавляли русские учительницы или выпускники пансионов. Т.е. в школах в Хомсе, Триполи, Амьуне, ал-Мине, Латакии, Дамаске, Сук ал-Гарбе, Кфайре, Му'аллаке, Хине, а также ряде других школ Северной и Южной Сирии.

В.Н. Хитрово полагал, что русский язык в начальных школах ИППО нужен лишь в том объеме, который бы позволил в пансионе не изучать его с азбуки. Денег же русский язык заработать не даст, считал он, и книг никто русских читать не будет из этих учеников, так как их нет¹. Поскольку в пансион поступали лучшие выпускники только двухклассных школ, из программ одноклассных и смешанных школ ИППО русский язык исключили.

Самой многочисленной в Северной Сирии была мужская двухклассная школа в Хомсе. По словам Д.Ф. Богданова, за полтора года (с 1895 по 1897 гг.) эта школа «успела стать в уровень с требованиями нашей инструкции»². Весьма хорошо там преподавался Закон Божий, арабский язык и арифметика. Поначалу учебным заведением заведовал Андрей Булос. Однако затем в школу были назначены Х. Бейдас (Байдас) и Н.П. Кошелев (бывший преподаватель Назаретского пансиона), который стал ее руководителем. Ко времени появления Кошелева в Хомсе (в 1898 г.) школьные помещения оставались необустроенными. Учитель отмечал разбитые окна, плохие столы и потолки. «В некоторых классах парт не имеется и дети лишены возможности писать», – сообщал он³. Несмотря на то, что Богданов прикладывал все усилия для улучшения школьной обстановки, средств, которые выделяло общество, не хватало, а местная община и церковные власти не проявляли должной заботы об учебном заведении. Но даже в таких условиях школьное дело удавалось вести хорошо. В своем письме Д.Ф. Богданову Н.П. Кошелев сообщал, что познания детей по русскому языку его очень впечатлили. «На все предложенные

¹ Письмо В.Н. Хитрово к А.И. Якубовичу. 4 января 1896 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393. Июнь 1895 – 23 декабря 1896. Л. 46 об.

² Отчет по Северно-Сирийским школам Императорского Православного Палестинского общества за 1896 – 1897 учебный год, написанный Д.Ф. Богдановым от 15 августа 1897 г. / АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 41.

³ Письмо Н.П. Кошелева к Д.Ф. Богданову. 27 октября 1898 г./ АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря. 1899. Л. 120.

Х.Б. (Халилом Бейдасом – Е.С.) вопросы, а также на вопросы, предложенные мною, (дети) отвечали быстро, совершенно правильно произнося каждое слово. Кроме того я и уч. Х.Б. предлагали им много вопросов из грамматики, на которые дети также отвечали, не стесняясь»¹. Разговаривая с ними во время урока, а также в перерывах, Кошелев чувствовал как будто общается с русскими. В связи с этим он решил преподавать русский язык во 2 группе 2 класса самостоятельно, не опасаясь, что дети его не поймут. Кошелев также остался весьма удовлетворен ответами детей по арабскому языку и арифметике во время опроса, устроенного Халилом Бейдасом.

Помимо Н.П. Кошелева и Х. Бейдаса, в школе преподавали и другие арабские учителя. Русский педагог отмечал, что занятия они вели вполне усердно, несмотря на то, что на них лежала большая нагрузка. Так, «учитель детского сада занимался со 160 человеками, почти грудными детьми, и он, бедный, не в состоянии с ними справиться»².

Сам Кошелев проработал в школе недолго. Руководить учебным заведением и преподавать во втором классе остался Халил Бейдас. Он же занимался с учителями своей школы, а также соседних сельских учебных заведений. Несмотря на успешную педагогическую работу в Хомсе, Бейдаса пришлось перевести в школу в Сук ал-Гарбе, так как у него не сложились отношения с местным митрополитом. На новом месте Бейдасу было поручено наблюдение за школами в аш-Шувайфате и ал-Хадете (ал-Хадасе)³.

Другой крупной северосирийской школой была школа в Триполи, которая располагалась в центре города, во дворе соборной церкви Св. Николая⁴. Количество обучавшихся в ней детей в ноябре 1897 г. достигало 300 человек. Когда школа перешла в ведение общества, учитель Дауд Муса покинул ее, испугавшись новых

¹ Там же. Л. 118 об.

² Там же. Л. 119.

³ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине... Часть 1. С. 230

⁴ Отчет помощника инспектора по северо-сирийским школам Общества 1897 – 98 гг. за первую треть, сентябрь - декабрь. / АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 70.

порядков, о которых слышал от хомских учителей¹. Учителем русского и французского языков был назначен А. Хащаб (Хашаб), которого Богданов характеризовал как толкового учителя. Хащаб приехал в Триполи с невестой, с которой вскоре обвенчался. Однако преподавал он в школе недолго. Поступив на Восточный факультет Петербургского университета, Хащаб покинул Сирию. После этого руководителем школы был назначен 'Асаф Жерьес, который был одним из лучших выпускников Назаретского пансиона. Богданов был очень доволен работой учителя. В своих отчетах инспектор писал: «по внешнему благоустройству и по успехам это теперь лучшая школа из всей Сирии и Палестины»². В связи с этим Богданов просил о награждении старшего учителя школы 'Асафа Жерьеса золотой медалью, кандидатом на получение которой он был при окончании пансиона. По мнению инспектора, наградить знаком общества и членством следовало попечителя школы по внешнему благоустройству Ас'ада Свейра (Свайра), который состоял заместителем Триполийского владыки по части заведывания вакуфными зданиями. Он достал на ремонт необходимые средства, отремонтировал и расширил помещение школы так, что оно стало лучшим на тот период помещением, где находились школы общества³.

Подобно другим пансионерам А. Жерьес не только руководил своей школой, но и контролировал учебный процесс еще нескольких учебных заведений. Жерьес периодически посещал школы в Рахбе, Джабра'иле, в Кайме, Бейт-Бадре, в Маште, в Амьуне, а затем писал на русском языке весьма обстоятельные отчеты о состоянии школьных помещений, учебном процессе и деятельности учителей. На его отчете Богданову от 30 октября 1898 г., есть приписка, оставленная, судя по всему, кем-то из Совета общества: «Молодой человек, как видно, хорошо учился в Назаретском пансионе, а потому и пишет очень недурно. Хорошо было бы, если бы все пансионеры подготовились также как этот»⁴.

¹ Там же. Л. 70.

² Письмо Д.Ф. Богданова к В.Н. Хитрово от 11 октября 1898 г. из Дамаска/ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 108.

³ Там же. Л. 108.

⁴ См. Письмо А. Жерьеса к Д.Ф. Богданову. 30 октября 1898 г./ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. 123 – 127 об.

Организовать учебный процесс в школах, в том числе и Триполи, было весьма сложно, поскольку поступавшие в учебное заведение дети имели разный уровень подготовки и способности. В результате ученики делились не на 2 или 4 группы в каждом отделении, как предписывалось инструкциями, а на большее количество групп. Так, в Триполийской школе было 36 групп по арабскому языку, 8 по Закону Божию и французскому. Работа с учениками, по словам Богданова, организовывалась следующим образом: «Все дети сидят в одной большой комнате. Учителя вызывают к себе в отдельную маленькую комнату по несколько человек. Их они сначала прослушивают, а затем прочитывают новый урок. После этого дети возвращаются в большую комнату для приготовления данного урока, а учитель вызывает к себе другую группу. По каждому предмету дети разделены на многочисленные группы: одни только начали, напим. читать по известной книжке; они составляют одну группу; другие прочитали 10 страниц по той же книжке – это другая группа: а третья дошла до половины – еще новая группа»¹.

Главное место в школах общества уделялось преподаванию арабского языка. В старшем классе двухклассной школы дети изучали подробно арабскую грамматику и синтаксис сначала по запискам учителя, а потом по объемному руководству Ибн 'Акила.

Помимо арабского и русского языков, в некоторых двухклассных школах, к примеру в Хомсе и Триполи, преподавали французский. В Триполийской школе французский язык изучали около 50 мальчиков. Д.Ф. Богданов отмечал: «Пристрастие к французскому языку здесь положительная эпидемия. Без Французского языка школы здесь быстро пустеют и ради него полны школы и пансионы... Город здесь большой, торговый; есть здесь своего рода аристократия и купечество поддерживает деловые сношения с чужими краями, Францией, Америкой, куда отсюда выселилось около 1000 молодых людей, оставив свои семьи...»². По мнению Богданова, введение французского языка в школах городов и деревень, имеющих

¹ Отчет по Северно-Сирийским школам Императорского Православного Палестинского общества за 1896 – 1897 учебный год написанный Богдановым 15 августа 1897 г./ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 44.

² Там же. Л. 44 об.

тесные торговые связи с Францией, было оправдано и принесло бы немалую пользу. Это привлекло бы в школы детей из наиболее знатных семей, удерживая их от перехода в католичество¹. Поскольку население Триполи было весьма расположено к России и ИППО, Богданов считал необходимым укрепить и развить школьное дело во всей епархии. Тем более, что католики, увидевшие успехи русских школ, перестали брать плату за обучение и стали выдавать даром книги и учебные принадлежности. Для того, чтобы выдержать конкуренцию, Богданов предлагал усилить преподавание не только французского языка, но и рукоделия, чем были сильны католические школы².

Помимо французского языка, местные общины считали целесообразным обучение и другим языкам в школах Общества. Так, греческая община и церковные иерархи выступали за введение в учебные программы ИППО греческого языка. В то же время преподавание турецкого языка было угодно местному мусульманскому населению, а также османской администрации.

В.Н. Хитрово выступал против обучения французскому и греческому языкам, так как детям было бы сложно учить их вместе с арабским, турецким и русским языками. Однако в случае необходимости В.Н. Хитрово соглашался ввести греческий и французский языки по часу в неделю.

Среди двухклассных учебных заведений ИППО в Северной Сирии была мужская школа в селе Амьюн, расположенном у подножья Ливана. Это учебное заведение существовало и прежде, поэтому перед обществом стояла задача упорядочить его работу. Руководителем школы был назначен пансионер Исхак Шхада. Местная община встретила нового учителя с недоверием, так как он был очень молод. Кроме того, она скептически отнеслась к порядкам, введенным в школах общества. Однако впоследствии отношение местных жителей к учебному заведению

¹ Отчет помощника инспектора по северо-сирийским школам Общества 1897 – 98 гг. за первую треть, сентябрь-декабрь / АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 71.

² Письмо Д.Ф. Богданова к В.Н. Хитрово. 11 октября 1898 г. Дамаск/ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 109.

улучшилось, и они откликнулись на предложение инспектора выстроить здание для женской школы¹.

Одноклассная женская школа была открыта в Амьёне в 1898 году. По рекомендации Хитрово ее начальницей была назначена А.Н. Халеби (Халаби). Будучи уроженкой Иерусалима, она получила образование в Киевском епархиальном женском училище и являлась одной из немногих женщин-арабок, отправленной на обучение в Россию. По словам П.В. Федотова, епархиальное училище в России окончила также Раиса Ававини (Хававини) - племянница епископа Рафаила (Ававини)², который с 1889 по 1893 г. был настоятелем Антиохийского подворья в Москве. За 6 лет, проведенных в российском училище, А.Н. Халеби почти забыла арабский язык, так что, вернувшись на родину, ей пришлось усиленно изучать его³. По замечанию инспектора, Халеби прекрасно говорила по-русски, однако вести уроки на арабском языке ей было сложно. Ей в помощь была определена Анжелина Хури – выпускница сельской православной школы.

Следует отметить, что толковые учителя-арабы и учительницы были не только среди выпускников школ ИППО, но и местных православных учебных заведений: Кефтинского и Бейрутского митрополичьих мужских пансионов, а также женского пансиона Эмилии Сюрсок. Выпускники этих училищ нередко возглавляли одноклассные школы или были ближайшими помощниками руководителей двухклассных школ.

К примеру, школу в селе Джабра'ил, где было 200 учеников, возглавлял Овад Жарих ('Аввад Джарих), получивший образование в Кефтинском пансионе. До того, как назначить Жариха руководителем сельского учебного заведения, инспектор направил его на «стажировку» в Триполийскую школу. Там, по словам Д.Ф. Богданова, «ему удалось усвоить внешние приемы нашей школы и благодаря

¹ Отчет помощника инспектора по северо-сирийским школам Общества 1897 – 98 гг. за первую треть, сентябрь – декабрь. Л. 76.

² Федотов П.В. «Русские» арабы: личные дела сотрудников учебных заведений ИППО арабского происхождения (по материалам Архива внешней политики Российской империи)// Всероссийская конференция «История востоковедения: традиции и современность. М.: ИВ РАН, 14 – 15 декабря 2022.

³ Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова...// СИППО Ноябрь-Декабрь 1899. С. 681.

этому он не растерялся при неожиданном наплыве детей»¹. Он поладил с местными жителями и, по мнению инспектора, сумел бы без больших неожиданностей продержаться школу до приезда учителя с пансионской подготовкой. В условиях нехватки профессиональных преподавателей подобная педпрактика, организованная Богдановым при помощи выпускников Назаретского пансиона, позволяла взятым со стороны учителям познакомиться с учебно-воспитательной системой общества. После того, как в школу в Джабра'иле в 1898 г. был назначен выпускник пансиона Наср Диаб (Дийаб), Овад Жарих, вероятно, стал ему хорошим помощником².

В двухклассной школе в Маште, которой руководил Ибрахим Жабер (Джабир), преподавал выпускник Бейрутского пансиона Ильяс (Ильяс) Хури³. До поступления в школу общества он год преподавал в Дамасской школе, получив, по словам Богданова, педагогическую подготовку. Вместе с ними в Маште преподавал Ханна Хури из Назаретской образцовой школы. Школой в Кайме руководил Михаил Жаббур (Джаббур), выпускник Кефтинского пансиона, который служил там репетитором для маленьких детей. Богданов писал о нем: «Тихий и скромный, сам деревенский житель, он имеет все данные для покойной и ровной работы в селе. Помощником к нему назначен учитель того же села»⁴.

В одноклассные немногочисленные школы в Дайр 'Атийе, Кафруне, Кайме назначали руководителями арабов, окончивших православные школы: Бейрутскую, Дамасскую и другие.

Двухклассными женскими школами как в Палестине, так и в Сирии руководили русские учительницы. В ал-Минской женской школе, открытой в 1897 г., преподавали сразу несколько русских учителей: О.И. Беленькова – выпускница Покровской женской гимназии в С.-Петербурге, которая руководила школой, и В.Д. Соколова. Помощницами им были назначены выпускницы Бейт-Джалльского

¹ Отчет помощника инспектора по северо-сирийским школам Общества за первую треть, сентябрь - декабрь 1897 - 98 гг. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 80 об.

² Статистический отчет по Северо-Сирийским учебным заведениям ИППО за 1897 – 98 гг. Богданов. 31 октября 1898/ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 84.

³ Отчет помощника инспектора по северо-сирийским школам Общества за первую треть, сентябрь - декабрь 1897 – 98 гг./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 81 об.

⁴ Там же. Л. 82.

пансиона: М. Хазбун и В. Халеби. Кроме них в школе преподавали еще 6-7 арабских учительниц с различным образованием. Одна из них окончила школу Черкасовой в Бейруте, другая православный пансион Сюрсок, остальные триполийскую православную школу и местные протестантские учебные заведения. Русские учительницы сложно привыкали к местной среде, трудно им было достичь взаимопонимания с арабскими коллегами и детьми. Свои первые впечатления о школе Соколова изложила в письме к В.Н. Хитрово от 22 декабря 1898 г. Поначалу школа произвела на нее удручающее впечатление, так что она хотела смалодушничать и бежать. Внутри учебное заведение было неблагоустроенным, дисциплины не существовало. Дети дерзили и не слушались, угрожая в случае чего уйти к католикам. Арабские учительницы «по своей грубости и нерадивости» отказывались повиноваться, не являлись в форме, опаздывали на дежурство. Половина учительниц почти безграмотна¹. Вероятно, слова Соколовой относились к учительницам, окончившим местные греческие и инославные учебные заведения. В отличие от выпускниц школ ИППО им было сложно адаптироваться к новым порядкам.

В то же время Соколова весьма высоко оценивала уровень подготовки выпускниц Бейт-Джальского пансиона. Несмотря на то, что они неважно знали литературный арабский язык, они обладали запасом методических знаний. Кроме того, «бейтджалиотки» оказывали существенную помощь русским учительницам. Они выступали связующим звеном в общении русских и арабских педагогов, а также детей. Выпускницы Бейт-Джальского пансиона преподавали в старших классах, контролировали учебный процесс в младшем классе, преподавали русский язык сами и помогали вести уроки русским учителям. Также они обеспечивали их коммуникацию с местным населением. Богданов считал бейт-джальских выпускниц «надежнейшим элементом».

Между тем работать в школе было сложно не только русским, но и арабским учительницам. Причиной тому был сложный характер О.И. Беленьковой. Д.Ф. Богданов писал: «В лице О.И. Беленьковой мы получили человека желающего

¹ Письмо В.Д. Соколовой В.Н. Хитрово. 22 декабря 1898 г. /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 129 – 131.

работать, но слишком нервного темперамента, с сильною склонностью к самовластью и высокомерному обращению ко всему местному. Резкие замечания и окрики на учительниц при детях, третирование их с высока, обременение работой, которую можно было бы облегчить без вреда для дела, все это составляет повседневный обиход школы»¹. О том что Беленькова часто доводила до слез арабских учительниц, Богданову сообщала их коллега А. Шведова. По этому поводу инспектор заметил: «По счастливому стечению обстоятельств здешние учительницы – народ тихий, почти безответный. Единственный протест с их стороны – отказ от службы...»². Отношения Беленьковой сложно складывались не только с арабскими, но и русскими подчиненными. Шведова жаловалась Богданову, что начальница унижает ее при детях, а другие русские учительницы ждут удобного случая, чтобы уйти из школы и вернуться в Россию³. Инспектору приходилось вмешиваться в конфликты между педагогами и улаживать их, зачастую вполне успешно. Постепенно отношения в женском коллективе школы в ал-Мине стали мягче. Несмотря на сложный характер Беленьковой, она, по мнению Богданова, была дорога тем, что болела за свое дело и была привязана к нему. Действительно, О.И. Беленькова долго служила в школах общества. Она обладала твердым и решительным характером, с успехом отстаивала интересы школьного дела и решала конфликты с местным, в том числе и мусульманским населением.

Несмотря на трудности взаимопонимания, русские учительницы ценили своих арабских коллег. Особенно их беспокоил возможный уход арабских помощниц из-за маленького содержания. В связи с этим Д.Ф. Богданов сообщал В.Н. Хитрово: «принимая во внимание трудность нашей работы, осложненную в женской школе суровостью и подчас произволом в служебных отношениях, нужно признать, что плата за труд арабским учительницам слишком недостаточна и сама по себе представляет мало привлекательного для последних. Нужно прибавить: уйдут

¹ Отчет помощника инспектора по Северо-Сирийским школам Общества за первую треть, сентябрь-декабрь 1897 – 98 гг./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 73 об.

² Там же. Л. 74.

³ Письмо А. Шведовой к Д.Ф. Богданову от 8 октября 1898 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 107.

учительницы – придется доставать новых из Бейрута, а оттуда за дешевую плату все равно не приедут»¹.

Однако в Совете общества не всегда понимали какую роль арабские педагоги играют в организации учебного процесса. Поскольку в Дамаске и ал-Мине преподавали русские учительницы, Совет общества распорядился сократить в этих школах арабский штат. Д.Ф. Богданов, который прекрасно знал специфику школьного дела, указывал: «распоряжение общества о числе учительниц для Дамасской и аль-Минской школ нельзя привести в исполнение. Начальницу и русских учительниц нельзя принимать в расчет при вычислении необходимого для школ количества учительниц. Язык преподавания – арабский. Русские учительницы являются специальными преподавательницами русского языка и руководительницами школы. Закон Божий, арабский язык, арифметику они не могут преподавать сами и потому не могут вести одной определенной группы. Уменьшить число арабских учительниц, особенно до предела, указанного обществом, значит сорвать школу – надорвать и заставить растеряться учительниц от непосильной работы, распустить детей и в успехах, и в поведении. Обе начальницы, с которыми мне пришлось говорить еще в прошлый год, уменьшение числа арабских учительниц совершенно признавали невозможным. Жду вторичного распоряжения общества по этому поводу».² Судя по всему, мнение Богданова в Совете ИППО было учтено.

Как инспектор, Д.Ф. Богданов много времени уделял не только административной, но и педагогической работе. Для того, чтобы улучшить учебный процесс, он разрабатывал методики преподавания по русскому и арабскому языкам, а также арифметике. Кроме того, он начал работу над составлением арабско-русского и русско-арабского словарей, что имело значение не только для школ ИППО, но и российской арабистики. В.Р. Розен (член ИППО и известный ученый-арабист) советовал ему взять за основу арабско-французский лексикон и заменить французские значения русскими.

¹ Письмо Д.Ф. Богданова к В.Н. Хитрово. 6 марта 1898 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 87.

² Письмо Д.Ф. Богданова к В.Н. Хитрово. 6 сентября 1898 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 103 об.

Помимо работы над словарем, Богданов стремился увеличить количество учебных пособий и просветительской литературы, которой постоянно не хватало в школах общества. Благодаря его содействию, были напечатаны 3000 экземпляров объяснения молитв А.Г. Кезмы. Кроме того, собирались издать его же «Священную историю»¹.

За несколько лет службы в Сирии Д.Ф. Богданову удалось не только открыть учебные заведения, но и организовать их работу, а кроме того, наладить общение с арабскими учителями, местными общинами и церковными иерархами, что было непременным условием для дальнейшего развития школ. О результатах работы Общества в Сирии Богданов писал следующее: «Дело наше несомненно крепнет и развивается здесь. С жителями мне удалось всюду установить самые дружественные отношения и я очень дорожу таковыми, хотя они отнимают дорогое время праздничного отдыха. Но к нам привыкли и если кому неприятны мы, так это протестантам и католикам, которые тщательно наблюдают за нами. Митрополит Хомский теперь хвалит наши школы, Митрополит Герасим... восторженно отзывается о школе и ее учителях. Все это не значит, что наши школы хороши: они бесспорно лучше других, но все же очень далеки от совершенства, нужна работа и работа»². «..Весь этот край, – писал Богданов, – доселе дикий и непросвещенный, пробуждается и желает школ и просвещения. Если не оказать ему скорейшей помощи в необходимых размерах, придут другие и дело православия потерпит здесь трудно поправимый урон...»³.

В отличие от Сирии, где школьное дело ИППО продолжало расширяться, в Палестине после 1898 г. новые школы практически не открывались. В 1899 г. в Палестине насчитывалось 23 учебных заведения, которые посещали 1074 ученика (по

¹ Письмо Д.Ф. Богданова к В.Н. Хитрово. 29 февраля 1898 г./ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 96 об.

² Отчет за январь 1898 г., составленный Д.Ф. Богдановым. 9 февраля 1898 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1 Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря 1899. Л. 62.

³ Отчет помощника инспектора по Северо-Сирийским школам Общества за первую треть, сентябрь – декабрь 1897 – 98 гг./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409. 26 июля 1897 – 22 декабря. 1899. Л. 82 об.

данным за апрель)¹. В то же время в Сирии количество детей в школах ИППО достигло 5764².

Так же как и в Сирии, инспекторы в Палестине (сначала А.Н. Малинин, а затем П.П. Николаевский) были вовлечены в сложную систему взаимоотношений между школами с одной стороны, местными общинами, церковными и османскими властями – с другой.

Иерусалимская патриархия по-прежнему не желала умножения школ ИППО. В 1898 г. с трудом была открыта женская школа в Иерусалиме. Патриарх Дамиан был недоволен тем, что общество принимало участие в проблемах патриаршего кризиса и желало видеть на Антиохийском престоле араба. Назначение митрополитом Назаретским Фотия, который считался недругом ИППО, также сулило неприятности школам. Общество опасалось, что он может закрыть школу и пансион в Назарете и организовать собственные школы с преподаванием французского языка³. Хотя Фотий не стал закрывать учебные заведения общества, он учредил свои школы: мужскую и женскую в Назарете, а также школу для мальчиков в Муджадиле⁴.

В связи с этим обществу в Палестине приходилось конкурировать не только с инославными учебными заведениями, но и греческими. Инспектор и его помощник просили местных арабских священников и псаломщиков за вознаграждение агитировать православных детей пойти в школы ИППО. В свою очередь, представители греческого духовенства объезжали села и пытались подействовать на священников во вред школам общества. В результате священник даже запретил учительнице в Яффе принимать в школу мальчиков⁵. Кроме того, греческое духовенство дискредитировало школы ИППО в глазах арабских православных общин, указывая на чрезмерную юность и неопытность преподававших в них педагогов.

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине... Часть I... С. 3.

² Там же. С. 4.

³ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/ 1. Д. 339 [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах общества]. 1899 г. Л. 21.

⁴ Отношение инспектора П.П. Николаевского в Совет Общества от 8 декабря 1899 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 339. 1899. Л. 104.

⁵ Там же. Л. 105.

Поэтому православные арабы нередко отдавали своих детей в католические и протестантские школы.

Работа школ Палестинского общества, а также Назаретского пансиона в это время осложнялась переменами в кадровом составе инспекции, а также других учебных заведений. При смене педагогов в Назаретском пансионе успех учебного процесса зависел от взаимоотношений учителей с их начальством. В 1899 г. в пансионе сменились как русские, так и арабские педагоги. Учителями в пансион были назначены Н.М. Богоявленский, В.А. Соловьев, А.А. Стасевич и Н.П. Мирошников, которые были выпускниками педагогических институтов. Наладить взаимоотношения с ними А.Г. Кезме и П.П. Николаевскому оказалось непросто. В своем письме Кезма сообщал инспектору, что русские учителя отказались выполнить его распоряжение и сопроводить пансионеров в баню, причем это был не единственный случай проявления с их стороны «грубости, нежелания подчиниться существующему в пансионе порядку...»¹.

Следует отметить, что русские учителя приехали в Палестину сразу после окончания институтов. Они не имели опыта преподавания в подобном учебном заведении и ничего не знали о палестинских детях. Им хотелось преподавать, а не заниматься воспитательной работой. А.Г. Кезма и П.П. Николаевский неоднократно указывали учителям, чтобы «они относились к детям с большей сердечностью... вдумывались в порядок воспитания и не тяготились заявлениями и частыми обращениями к ним воспитанников, выказывали бы больше участия к интересам детей, не были бы резки с ними...»². Однако указания начальства учителя воспринимали как мелкие придирки и даже личную обиду. В результате в феврале 1899 г. в Совет ИППО последовали прошения от всех 4-х педагогов о переводе их в одну из школ Сирии или же об увольнении со службы³. В.Н. Хитрово, который был в курсе сложившейся ситуации сообщил П.П. Николаевскому, что такие «глупые

¹ Письмо А.Г. Кезмы к П.П. Николаевскому. 12 февраля 1899 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 339. 1899. Л. 42 об.

² Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине... Часть II ... С. 38.

³ См. Прощения от преподавателей Назаретского пансиона от 19 февраля 1899 г./ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/ 1 Д. 339. 1899. Л. 44 – 47.

выходки русских учителей были, есть и будут»¹. Находясь в Палестине, они «воображают, что общество едва ли не на коленях должно перед ними стоять и смотреть им в глаза». В связи с этим Хитрово указывал, что в Сирию переводить их не следует. Более того, необходимо было прекратить выдавать им содержание с того дня, как они перестанут выполнять свои обязанности, а если решат отправиться в Россию не выдавать им путевых денег, чтобы они вернулись за свой счет². Как и следовало ожидать, меры Хитрово подействовали. Русские учителя просили Совет ИППО оставить их прошения об увольнении без последствий и считать их недействительными³. Оставшись на службе у общества, они в дальнейшем сыграли важную роль в развитии школьного дела.

Подобно Д.Ф. Богданову, П.П. Николаевский имел востоковедное образование и солидный опыт педагогической работы. Он окончил Факультет восточных языков в Петербургском университете и около 7 лет состоял преподавателем и воспитателем в Гатчинском Николаевском сиротском институте⁴. Наличие подобного опыта помогло ему быстро продвинуться по службе в обществе. Приехав на Ближний Восток в 1898 г., он в 1899 г. стал инспектором галилейских учебных заведений, сменив на этом посту А.Н. Малинина.

В отличие от Д.Ф. Богданова арабским языком П.П. Николаевский не владел или же не говорил на нем. В связи с этим ему необходима была постоянная помощь арабских педагогов. По примеру А.И. Якубовича, он объезжал школы и принимал там экзамены вместе с А.Г. Кезмой или же другими учителями. Однако Николаевскому неудобно было отрывать их от дел, и он просил общество назначить ему переводчика, который требовался в том числе для решения хозяйственных вопросов⁵.

¹ Письмо В.Н. Хитрово помощнику инспектора по Галилейским учебным заведениям П.П. Николаевскому от 18 марта 1899 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 339. 1899. Л. 64.

² Там же. Л. 64 об.

³ См. Прощение от 20 мая 1899 г./ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/ 1. Д. 339. 1899. Л. 81.

⁴ См. Федотов П.В. Галилейский учебный округ Императорского православного палестинского общества в 1892–1914-х гг.: русские сотрудники школьной инспекции // *Vylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. 2020. С. 1312.

⁵ Отношение П.П. Николаевского Совету ИППО. От 27 октября 1899 г. /АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/ 1. Д. 339. 1899. Л. 97.

Как в Сирии, так и в Палестине в двухклассных мужских школах преподавали пансионеры, а в женских – русские учительницы. Несмотря на то, что в Назарете располагался пансион, подготовленных учителей в Палестине не хватало. Многие из его выпускников отправлялись служить в сирийские школы, опытные же учителя такие, как Абу Дарвиш, нередко покидали учебные заведения из-за низкого жалования. Не всегда их было возможно сразу заменить. Вследствие этого инспектору приходилось выписывать учителей из Бейрута.

В одноклассных школах ИППО в Палестине большинство учителей были выпускниками Назаретской женской или образцовой мужской школ¹. Однако, по мнению П.П. Николаевского, для того, чтобы выдержать конкуренцию с инославными и греческими учебными заведениями, даже в маленьких школах общества должны были преподавать учителя с пансионерской подготовкой².

Подобно Д.Ф. Богданову, П.П. Николаевский постоянно следил за пополнением школ новыми учебными пособиями, в том числе по арабскому языку и литературе. Известно, что он принимал непосредственное участие в подготовке арабского букваря. Когда А.Г. Кезма выезжал в Сирию, инспектор просил его заехать в Бейрут, чтобы изучить какие книги стоит приобрести. Вместе с тем Николаевский заботился о регулярной доставке в Назаретский пансион из России широкого спектра периодических изданий, посвященных различным областям знания. Они предназначались для учителей, владеющих русским языком, чтобы держать их в курсе событий, происходивших в мире, а также знакомить с новыми исследованиями в педагогике. Список периодических изданий, которые доставлялись в пансион включал: «Вестник Европы», «Русский Вестник», «Образование», «Вестник воспитания», «Русский начальный учитель», «Христианское чтение», «Труды Киевской Духовной Академии», «Родник», «Детское чтение», «Игрушечка», «Церковный вестник», «Нива», «Новое время»³. По распоряжению В.Н. Хитрово журнал

¹ Отчет помощника инспектора А.Н. Малинина по Галилейским учебным заведениям ИППО за второе полугодие 1897-8 учебного года. // СИППО. Январь-февраль 1899. Т. XI – XII. Вып. 1. С. 93 – 94.

² Отношение П.П. Николаевского Совету ИППО от 8 декабря 1899 г. / АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 339. 1899. Л. 105 об.

³ Список периодических изданий, получаемых Назаретским мужским пансионом ИППО / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 339. 1899. Л. 81.

«Русский начальный учитель»¹ и еще ряд журналов доставлялись и в другие галилейские школы общества.

Таким образом, после ухода со службы А.И. Якубовича Д.Ф. Богданов и П.П. Николаевский продолжили развивать школьное дело. При отсутствии русских помощников они активно привлекали себе в помощь арабских учителей, которые оказывали им содействие в педагогической и административной работе. Умелое распределение педагогических кадров и постоянный контакт с руководителями двухклассных школ позволили инспекторам наладить учебный процесс. Назначение в женские школы выпускниц Бейт-Джалльского пансиона активизировало общение и профессиональное взаимодействие между русскими и арабскими учителями.

Командировка Н.М. Аничкова и М.О. Аттаи на Ближний Восток

Несмотря на то, что Д.Ф. Богданов и П.П. Николаевский успешно справлялись со своими обязанностями, опыт их инспекторской службы был еще небольшой. В связи с этим в Совете ИППО возникла необходимость изучить на месте систему административного управления и образования в учебных заведениях, количество которых с 1895 – по 1899 гг. удвоилось.

Как известно, Совет общества неоднократно отправлял на Ближний Восток опытных инспекторов и педагогов для изучения деятельности своих школ. В 1887 г. Палестину посетил В.П. Кулин, а в 1893 г. П.П. Извольский. По результатам их проверок были составлены обстоятельные отчеты и разработаны учебные программы. Во время последующих инспекций 1896 и 1897 гг., которые были произведены Д.В. Истоминым и В.А. Латышевым, школьное дело в Сирии только начало развиваться и получить представление о его специфике было невозможно. В 1899 г. учебные заведения в Сирии не только функционировали, но и продолжали умножаться. Основательного изучения требовали именно начальные школы

¹ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 339 [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах общества]. Л.1.

общества, так как посетившие Ближний Восток инспекторы уделяли внимание, прежде всего, Назаретскому и Бейт-Джалльскому пансионам.

Проинспектировать школы ИППО с целью составления новых учебных программ великий князь Сергей Александрович поручил Николаю Милиевичу Аничкову, который обладал для этого необходимыми профессиональными и личными качествами. Н.М. Аничков был выпускником историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Некоторое время он работал учителем, затем состоял директором училищ в Новгородской губернии. Находясь на службе в Министерстве народного просвещения, Аничков содействовал организации Западно-сибирского учебного округа, на территории которого действовало множество начальных школ. В качестве инспектора он побывал в учебных округах Москвы, Варшавы, Киева, Калуги и др.¹. В 1892 г. он был избран в члены Совета ИППО, а в 1896 г. назначен товарищем министра народного просвещения. В Совете ИППО Н.М. Аничков руководил учебными и медицинскими учреждениями общества. При его непосредственном участии была проведена педагогическая комиссия 1894 г. и разработана учебная программа. Благодаря усилиям Аничкова, в 1898 г. инспекторы школ ИППО и русские педагоги Назаретского пансиона получили равные права по службе и на пенсию с инспекторами народных училищ и преподавателями учительских семинарий в России². Это способствовало более длительному пребыванию русских служащих ИППО на Ближнем Востоке. Известный историк и деятель Палестинского общества А.А. Дмитриевский писал об Н.М. Аничкове следующее: «Как человек с многолетним педагогическим опытом, с незаурядным административным талантом, с замечательным трудолюбием и настойчивостью... Николай Милиевич был... для Палестинского Общества в самый разгар его боевой и весьма оживленной деятельности на Православном Востоке... настоящим кладом»³.

¹ Дмитриевский А.А. Н.М. Аничков. (Некролог). Печатается по изданию: Н.М. Аничков (Некролог). На правах Рукописи СПб., 1916. // Палестинское общество и русские школы на Востоке. / Под редакцией Лисового Н.Н. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2014. С. 97.

² Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова... // СИППО. Ноябрь-декабрь 1899. С. 673.

³ Дмитриевский А.А. Н.М. Аничков (Некролог)... С. 106 – 107.

Несмотря на то, что Н.М. Аничков был хорошо знаком с деятельностью учебных заведений по многочисленным отчетам, он давно мечтал побывать на Ближнем Востоке, чтобы самому увидеть школы. Согласно инструкции, ему следовало посетить наибольшее число учебных заведений ИППО как в городах, так и в селах, выявить недостатки школ и указать средства к их исправлению. Для выполнения ответственного поручения Аничкову требовался помощник, который бы владел арабским языком и был знаком с реалиями арабского мира. Переводчик, которого сенатору могли предоставить в русских консульствах, вряд ли содействовал бы проведению полноценной проверки, поскольку не ориентировался в учебном деле. На мнение арабских учителей ИППО, владевших русским языком, полагаться не стоило, поскольку оно могло быть предвзятым. Инспекторы также имели свое устоявшееся представление о школах и педагогах. Для того, чтобы получить объективную информацию о состоянии школьного дела, выявить достоинства и недостатки административной работы, а также учебного процесса, Аничкову требовался педагог-араб, который бы владел русским языком, и при этом не был тесно связан с местными арабскими общинами. Его выбор пал на М.О. Аттая ('Атайа), сирийца, который преподавал арабский язык в Лазаревском институте восточных языков (ЛИВЯ). Обществу давно было о нем известно, благодаря рекомендациям В.Р. Розена. Кроме того, Аничков, вероятно был знаком с Аттаей лично. Об этом можно судить по содержанию письма, которое было направлено Палестинским обществом директору ЛИВЯ В.Ф. Миллеру 2 декабря 1898 г. В письме говорилось: сенатор Н.М. Аничков «для исполнения возложенного на него поручения находил бы необходимым воспользоваться содействием доверенного лица, знающего хорошо арабский язык, причем им указано было на преподавателя вверенного Вам института Коллежского советника Аттая, как на такое лицо, которое могло бы с пользой для дела оказать ему желаемое содействие»¹. Для Аттаи предстоящая командировка с Аничковым, а также сотрудничество с ИППО имело большое значение. Ему представилась уникальная возможность проинспектировать учебные заведения

¹ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12 [Личное дело преподавателя практических занятий в Специальных классах по арабскому языку Михаила Аттая]. 1873 – 1916. Л. 107.

Общества и внести свой вклад в просвещение соотечественников, а кроме того увидеться со своими родными в Бейруте. Однако дирекция ЛИВЯ не желала отпустить Аттаю на несколько месяцев посреди учебного года. В связи с этим 4 февраля 1899 г. попечитель Московского учебного округа направил директору ЛИВЯ В.Ф. Миллеру письмо следующего содержания: «Вследствие предложения Г. Министра Народного Просвещения от 27 января имею честь сообщить Вашему Превосходительству для надлежащего распоряжения, что преподаватель арабского языка Лазаревского института восточных языков, Коллежский Советник Аттая, согласно ходатайству Августейшего Председателя Императорского ППО командирован с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения... по всеподданнейшему докладу Г. Министра в Палестину и Сирию сроком на 4 месяца с 15 февраля текущего года, для ознакомления с тем, как поставлено преподавание арабского языка в палестинских и сирийских учебных заведениях»¹. Получив данное письмо, В.Ф. Миллер был вынужден отпустить М.О. Аттаю в указанные сроки на Ближний Восток.

Ревизию школ Н.М. Аничков и М.О. Аттая начали с Северной Сирии, затем направились в Бейрут. Осмотрев школы в городе и его окрестностях, они отправились в Дамаск и Южную Сирию, после чего ознакомились с учебными заведениями в Палестине. За три месяца командировки инспектор и его помощник посетили 56 школ Палестинского общества.

Во время инспектирования Н.М. Аничков и М.О. Аттая изучали расположение учебных заведений, помещения, в которых они находились, знакомились с педагогами и учениками, а также представителями местных общин. Особое внимание Аничков уделял административной работе инспекторов, деятельности педагогов, а кроме того, взаимодействию русских и арабских сотрудников школ и инспекций.

Внешний вид сирийских школ произвел на Н.М. Аничкова в целом благоприятное впечатление. Их благоустройство он считал результатом совместных трудов инспектора, местных церковных иерархов и попечительского совета. По поводу школ, которые располагались в непригодных для обучения детей помещениях,

¹ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12. Л. 111.

Аничков беседовал с представителями местных общин. После осмотра школы в Сук ал-Гарбе Аничков решил пообщаться с шейхом села и местными жителями, собравшимися около учебного заведения. «К этой толпе сирийцев и к их двум священникам, – писал сенатор, – я решился обратиться тут же чрез проф. Аттая, который буквально переводил мои слова»¹. Аничков просил местных жителей обратить внимание, в каких условиях учатся их дети. За качество помещений, предоставленных для школ, отвечала прежде всего община. Сенатор указал на то, что, если помещение не будет улучшено, Общество закроет школу. Просьбу о воздействии на жителей Сук ал-Гарба Аничков передал русскому генеральному консулу в Бейруте и митрополиту Гавриилу.

В селе Сайданайа Аничков беседовал с местными духовными лицами и шейхами о расширении школы. При этом сенатор интересовался мнением самих жителей об учебных заведениях ИППО, для чего просил Аттая узнать об этом.

Во время ревизии сирийских школ Н.М. Аничкова и М.О. Аттая сопровождал Д.Ф. Богданов, о котором сенатор отзывался весьма высоко. Аничков указывал на непосильную нагрузку, которая лежала на инспекторе по наблюдению за 37 школами. Несмотря на то, что Богданову в одиночку было сложно справиться с этой работой, Аничков выступал против привлечения ему в помощники арабских учителей. По мнению сенатора, даже лучшие выпускники Назаретского пансиона, такие как Андрей Булос и Халил Бейдас, не в состоянии направлять учебный процесс нескольких школ. Кроме того, уделяя внимание соседним школам, пансионеры отвлекались от своих прямых обязанностей. Некорректным Аничков считал вмешательство педагогов-пансионеров в дела других арабских учителей, которые обладали большим опытом, хотя и не учились в Назаретском пансионе. Это замечание относилось прежде всего к Халилу Бейдасу, который присматривал за женской школой в аш-Шувайфате. Ее начальницей была Эмилия Слат, которая окончила бейрутскую школу М.А. Черкасовой и уже 12 лет состояла на службе общества.

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Часть I... С. 232.

Следует отметить, что Аничков похвально отзывался об арабских педагогах, высоко оценивая их труд. «При видимой пылкости своей натуры, – писал он, – большинство учителей и учительниц из сирийцев, следуя заветам своих семей, держат себя очень сдержанно и серьезно. Обладая хорошей памятью, эти юные педагоги далеко не так даровиты, как наши Русские, но терпения у них больше, хотя они не отличаются умением и находчивостью, однако точнее исполняют возложенные на них обязанности»¹.

Привлечение выпускников Назаретского пансиона в помощь инспекторам было общим местом для Сирии и Палестины. Если Богданову помощники были нужны для наблюдения за многочисленными школами, то Николаевскому – в качестве переводчиков. По этому поводу Н.М. Аничков писал: «г. Николаевский, а прежде г. Якубович, возлагали поручения на А. Г. Кезму... отвлекая его от прямых обязанностей... Хотя почтенный А. Г. Кезма охотно исполняет все поручения... посылки в деревню на несколько дней начальника пансиона, преподающего Закон Божий и управляющего всеми частями заведения, нельзя признать нормальными, и заменить его в этом случае другим подходящим лицом совершенно необходимо»².

Для того, чтобы решить эту проблему, Аничков предлагал назначить второго инспектора в Сирию и определить полноценных помощников для начальников инспекций. Кроме того, сенатор указывал на необходимость изучения русскими сотрудниками школ и инспекций арабского языка, что могло избавить их от постоянной потребности в переводчиках. Решение коммуникативных проблем между русскими и арабами являлось, по мнению Аничкова, непременным условием для развития школьного дела.

Успехами в области изучения арабского языка мог похвалиться не только Богданов, получивший специальное образование, но и некоторые учительницы, долго служившие на Ближнем Востоке. В частности, М.А. Черкасова, которая к тому времени заведовала 5-ю школами в Бейруте и его окрестностях. Она была

¹ Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова...// СИППО. Ноябрь – декабрь 1899. С. 682.

² Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Часть I... С. 15.

единственным русским педагогом в своих школах. Остальной преподавательский штат формировался из арабских учительниц, которых она сама подготовила. Лишенная общения с соотечественниками (Черкасова не желала присутствия другой русской учительницы и имела натянутые отношения с инспекторами), она быстро освоила арабский язык. Это знание позволило ей самостоятельно вести уроки, а кроме того наладить отношения с арабскими детьми и педагогами. Особенно близкие отношения у Черкасовой сложились с учительницей 'Афифой Абдо ('Абду), которая стала ее правой рукой. Помимо 'Афифы, в русских школах в Бейруте также преподавали ее сестры, а их отец служил экономом. Чрезмерная близость Черкасовой с семейством Абдо не нравилась обществу. Особенно смущало ее намерение передать впоследствии руководство школами 'Афифе, что считалось недопустимым. Тем не менее Н.М. Аничков ставил в заслугу М.А. Черкасовой умение общаться с учительским персоналом, а также детьми. Сенатор отмечал: «В Бейрутских школах особенно любовно относятся к детям и потому все они привязаны к школе и любят Марию Александровну»¹. Кроме того, М.А. Черкасова пользовалась заслуженным уважением у местного православного арабского населения. Н.М. Аничкову и М.О. Аттае всюду «приходилось слышать, что сирийские семейства, а особенно матери, крайне довольны таким воспитанием своих дочерей и очень ценят труды почтенной М.А. Черкасовой»². Особенно высоко в школе было поставлено религиозное воспитание и преподавание Закона Божия.

Теплые взаимоотношения и высокий уровень русско-арабского сотрудничества Н.М. Аничков отмечал и в Бейт-Джалльском пансионе, которым уже 9 лет заведовала Е.М. Тараканова. Под ее руководством преподавали несколько русских учительниц, а также выпускниц Бейт-Джалльского пансиона. По словам Аничкова, учительницы были «очень хороши с начальницею» и при этом проникнуты известным почтением. Сенатор отмечал профессиональные качества Таракановой, которая была знакома с новейшими на то время исследованиями в области педагогики

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Часть I. Учебные заведения Сирии и Иудеи. СПб.: Типография Киришбаума 1901. С. 138.

² Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова... // СИППО. Ноябрь – декабрь. 1899. С. 683.

как в России, так и за рубежом. Вместе с тем за годы, проведенные на Ближнем Востоке, она успела довольно хорошо усвоить теоретическую часть арабского языка и при необходимости могла объясниться на нем¹. В связи с этим Н.М. Аничков особенно сожалел о том, что Е.М. Тараканова перестала сама преподавать, а осуществляла только административное руководство. В России директора учебных заведений обязаны были читать курсы, что, с одной стороны, позволяло лучше следить за успехами учеников и работой учителей, с другой – улучшало взаимодействие в коллективе. В качестве примера Н.М. Аничков приводил А.Г. Кезму, который не только руководил пансионом, но и преподавал воспитанникам.

От качества русско-арабской коммуникации зависело преподавание во всех учебных заведениях общества. Аничкова особенно интересовало как поставлено обучение арабскому и русскому языкам, Закону Божию и арифметике. Вникать в суть учебного процесса, общаться с учителями и учениками Н.М. Аничкову помогал М.О. Аттая. При этом М.О. Аттая был не только переводчиком, он также как и Аничков проверял знания учеников и квалификацию учителей. М.О. Аттая беседовал с педагогами, проверял их конспекты для занятий, классные журналы, а также тетради детей. В Назаретском пансионе он дежурил вместе с другими учителями, чтобы изнутри увидеть как функционирует учебное заведение. Благодаря поступавшей от М.О. Аттая информации, Н.М. Аничков мог составить достаточно полное представление об учебной части в школах ИППО.

Во время посещения учебных заведений Н.М. Аничков неоднократно просил М.О. Аттая проверить, как арабские учителя переводят на арабский язык задачи из русскоязычного учебника². Поскольку русские учебники по математике еще не были переведены на арабский язык, существовали специальные конспекты. Эти рукописные тетради с небольшим числом задач, переведенных учителями в Назаретском пансионе на арабский язык, были, по мнению Н.М. Аничкова, лучше, чем местные пособия по математике³. Для того, чтобы уяснить насколько учителя

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Часть I... С. 279.

² См. там же. С. 178.

³ Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова...// СИППО. Ноябрь – декабрь. 1899. С. 676.

ориентируются в русскоязычном методическом материале, Аничков просил перевести какую-либо задачу, выбранную из сборника. Проверка показала, что некоторые учителя не только не владеют русскоязычной терминологией, но и вообще плохо знают математику. Так, М.О. Аттая предложил учителю одной из сирийских школ ответить по-русски на вопрос об увеличении и уменьшении дроби, начав с объяснения понятия „числитель“ и „знаменатель.“ Однако учитель совершенно запутался. Предположив, что он недостаточно хорошо знает русский язык, Н.М. Аничков попросил Д.Ф. Богданова и М.О. Аттая прослушать тот же ответ по-арабски, и оба они сообщили, что Фар повторял ту же бессмыслицу¹. Такие проверки показывали, что далеко не все воспитанники Назаретского пансиона хорошо усваивали курс математики, который читался во втором классе русскими педагогами на их родном языке.

Главной задачей для Аттая, как педагога, была проверка качества преподавания арабского языка, знание которого Палестинское общество «распространяло и укрепляло»². Выше отмечалось, что преподавание в начальных школах, а также в первых классах пансионеров осуществлялось на арабском языке. В связи с этим пансионеры весьма глубоко изучали арабский язык и литературу. Обучение арабскому языку в школах шло с разным успехом, что прежде всего зависело от подготовки учителей и методик их преподавания. При инспектировании ал-Минской женской школы Аттая остался весьма доволен уроками арабского языка, которые в первом классе вела Эмилия Уардини (Вардини). Аничков писал, что «Дети читали довольно бегло, умели рассказать прочитанное, и проф. Аттая нашел знания их вполне соответствующими возрасту»³. Тем не менее в некоторых школах, дети читали механически, мало понимали из прочитанного и не могли передать содержание своими словами. По мнению Н.М. Аничкова, это было следствием применения старых методик: безрассудного зубрения грамматики, бестолкового чтения хрестоматий и других учебников со статьями отвлеченного, а иногда даже философского

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Часть I... С. 195.

² Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова...// СИППО. Ноябрь – декабрь. 1899. С. 680.

³ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Часть I... С. 50.

содержания. В основном традиционные методики обучения применяли учителя, получившие образование вне школ ИППО.

Помимо навыков чтения и пересказа, М.О. Аттаю заботил почерк учеников. Как известно, каллиграфия составляла важную часть образовательного процесса у народов, использующих арабскую графику. По мнению Аттаи, будущие учителя обязаны были обладать красивым, аккуратным почерком, что было очень важно для их последующей педагогической работы.

Кроме того, Аттая обращал внимание на «неверное произношение» некоторых арабских учителей. Судя по всему, эти учителя вели свое преподавание не на литературном языке, а с примесью сиро-ливанского диалекта.

В отличие от арабского языка, русскому в начальных школах Палестинского общества уделялось меньше внимания. Аничков отмечал, что в начальных школах преподавание русского языка не навязывалось, а вводилось в незначительном объеме там, где были подготовленные учителя из пансиона¹. По его мнению, преподавание русского языка в сирийских учебных заведениях имело мало смысла. «Никогда за стенами школ, – писал он, – (дети) не услышат ни одного русского слова, не увидят ни одной русской книги и познания их вскоре, по оставлении учебного заведения, исчезнут бесследно»².

Даже в тех сирийских школах, где преподавали русские учительницы, дети не всегда хорошо осваивали русский язык. Так, на уроке русского языка начальницы ал-Минской школы О.И. Беленьковой, которая, по словам Н.М. Аничкова, отлично поддерживала внимание учениц и дисциплину класса, «девицы обнаружили очень слабые знания: они с трудом читали по учебнику Вольпера предложенную им г. Беленьковой небольшую статейку, почти ничего не могли рассказать из прочитанного, а продиктованные... для письма на доске краткие предложения были написаны с большими ошибками»³.

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Часть I... С.20.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 49.

Причину столь слабой подготовки Аничков видел в незнании русскими учительницами арабского языка, выучить который они могли путем длительного пребывания на Востоке. Однако в сирийских школах учительницы менялись часто, в основном из за неблагоприятного климата (в частности в ал-Мине и Дамаске), а также отсутствия русскоязычного общения.

Иначе дела обстояли в Палестине, где русские учителя могли пообщаться с соотечественниками, а выпускники школ имели языковую практику. Прежде всего, это относилось к Иерусалиму и Назарету, где находились русские учреждения и пребывали многочисленные паломники.

Успешному изучению русского языка способствовали и другие факторы. К примеру, в женской школе в Иерусалиме, открытой в 1898 г., вместе с арабскими детьми обучались русские мальчики и девочки. (В городские женские школы иногда принимали братьев учениц). В основном это были дети российских подданных, служащих в Иерусалиме. Посетив школу вместе с М.О. Атгаей, Н.М. Аничков писал: арабские «ученицы, находясь на русском подворье и имея даже в среде учащихся нескольких детей из русских семейств или служащих в русском доме, естественно всегда будут говорить по-русски, так как на дворах подворья и на самой улице круглый год слышна русская речь...»¹. Следует отметить, что русские дети учились вместе с арабскими по одной и той же программе, а в перерывах между занятиями общались между собой. Весьма интересно, что русские ученики нередко получали на экзаменах 4 или 5 по арабскому языку и 3 по русскому². При этом круглыми отличниками в школе были в основном арабы.

Наиболее значительные успехи в обучении русскому языку достигались в пансионах. Там же воспитанники приобщались к русской культуре. По мнению Аничкова, это было естественно и необходимо, так как «Пансион, основанный

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Часть I... С. 53.

² См. отчеты по Иерусалимской школе в 1902 – 1903 гг./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 390 [Об Иерусалимской женской школе Общества]. 12 августа 1898 – 31 декабря 1904. Л. 85.

Русскими, существующий на средства, идущие из России, не имеет права не знакомить воспитанников с Русской жизнью, с историей и географией России»¹.

Сенатор отмечал, что подготовка воспитанников Назаретского и Бет-Джалльского пансионатов должна была происходить на русском языке и русскими учителями, которым следовало овладеть арабским языком, «без посредства коего им почти невозможно обойтись, особенно в младшем классе»². Однако ввиду того, что русские педагоги, за редким исключением, арабского языка не знали, Аничков полагал целесообразным привлечение к преподаванию арабов, получивших образование в России³. Во время пребывания в пансионе сенатор заметил, что воспитанники первого класса весьма плохо усваивали материал на уроках русского языка В.А. Соловьева, который вел занятия с помощью практиканта-переводчика. Когда же вместо него русский язык стал преподавать выпускник Киевской духовной академии Р.Д. Тарази, который мог объяснять материал на арабском языке, ситуация значительно улучшилась. Сложно обстояли дела и с усвоением других специальных дисциплин в пансионе: геометрии, истории, географии, которые преподавали русские педагоги. В частности, Н.М. Богоявленский вел в первом классе уроки арифметики, по примеру других педагогов, прибегая к помощи дежурившего в этот день практиканта. Помощь переводчика (даже если он не владел в совершенстве русским языком) была необходима, поскольку Н.М. Богоявленский не знал арабского языка, а дети обучавшиеся в школах арифметике по-арабски не могли «понять многих терминов и выражений, употребляемых русским учителем»⁴. Из-за проблем коммуникативного характера пансионеры не всегда хорошо усваивали программы дисциплин, прочитанных им за два курса. На 5-6 году обучения они посещали мало теоретических занятий. Программой 1894 г. на 3-м курсе были предусмотрены только уроки русского языка и педагогики. Вследствие этого пансионеры-практиканты не приобретали новые знания и утрачивали прежние, что

¹ Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова...// СИППО. Ноябрь – декабрь. 1899. С. 677.

² Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Ч. I... С. 21.

³ См. там же. С. 21.

⁴ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Ч. II... С. 75.

негативно отражалось на их подготовке и на учебном процессе в образцовой школе. Аничков считал, что в течение последних двух лет обучения в пансионе помимо педагогической практики воспитанникам следовало углублять свои знания по истории, географии, арифметике, арабскому и русскому языкам. Кроме того, воспитанники должны были посещать «образцовые» уроки опытных педагогов прежде, чем преподавать сами.

Знание русского языка, по мнению сенатора, пансионерам необходимо было для того, чтобы пользоваться методической литературой. «На арабском языке почти нет педагогической литературы, – писал он, – не существует ни учебников педагогики, ни методик преподавания предметов начальной школы, нет народных книг для чтения, нет детских или педагогических журналов»¹. Особая нужда была в арабской хрестоматии, а также сборнике арифметических задач.

Конспекты с задачами, выписанными из учебников С.В. Житкова, А.И. Гольденберга, В.А. Евтушевского, были весьма тщательно изучены М.О. Аттаей. Основная проблема, по его мнению, заключалась в том, что задачи были переведены дословно, поэтому дети с трудом понимали о чем идет речь. Вместе с тем Аттая настаивал на том, чтобы в задачах единицы измерения длинны и массы указывались местные. Необходимо было составить пособие с учетом местных реалий и на основе российских учебников. По мнению Аничкова, с подобной задачей лучше всего бы справился арабский математик, знающий русский язык, или русский математик, владеющий арабским². Однако таких пока не было.

Таким образом, подготовку и введение в школах ИППО качественных арабоязычных пособий, а кроме того использование русскими педагогами арабского языка не только в общении с детьми и коллегами, но и в преподавании, Аничков полагал необходимым условием для улучшения учебного процесса.

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества... Ч. I... С. 21.

² Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова...// СИППО Ноябрь-декабрь 1899. С. 676.

Педагогическая комиссия и съезд инспекторов 1899 и 1902 гг.

По возвращении в Петербург Н.М. Аничков должен был подготовить обстоятельный отчет и собрать под своим председательством комиссию для пересмотра учебных программ, а также инструкций с учетом полученного опыта. Состав комиссии был тщательно продуман. К участию в заседаниях Аничковым были приглашены: «о. законоучитель Владимирского городского училища протоиерей Владимирский, секретарь общества и его помощник, директор народных училищ Петербургской губернии Латышев, профессор Аттая, приват-доцент С. Петербургского университета по Арабскому языку – Медников, учитель инспектор Воздвиженского городского училища Скородумов, инспекторы школ Галилейских – Николаевский и Сирийских – Богданов и начальница Бет-Джалльского пансиона Тараканова. Таким образом в комиссию вошли как люди опытные в преподавании и ведении учебного дела в начальных и низших школах (о. Владимирский и Г.Г. Латышев и Скородумов), так и ознакомившиеся на месте с школами общества (Г.Г. Хитрово, Латышев, Истомино), а равно и местные деятели, имеющие уже опыт в управлении учебными заведениями общества и, конечно, дорожащие их преуспеваемым»¹. Вместе с тем Аничковым «признавалось в высшей степени полезным» участие Аттая «как специалиста по арабскому языку, составляющему один из главнейших предметов преподавания в вышеупомянутых учебных заведениях»².

Комиссия начала свою работу 11 августа 1899 г. и продолжала ее (при ежедневных заседаниях) до 4 сентября³. В течение этого периода были разработаны новые программы и инструкции, а также определен список пособий, которые необходимо было написать и перевести. Огромную помощь в этом вопросе ИППО оказал М.О. Аттая, согласившись составить пособия на арабском языке для пансионеров и начальных школ. Ему был направлен «перечень одобренных комиссией и

¹ Письмо Н.М. Аничкова к великому князю Сергию. 7 октября 1899 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 73 – 74.

² Материалы Комиссия по пересмотру инструкций программ по учебным заведениям И.П.П. Общества. Август 1899 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 71.

³ Письмо Н.М. Аничкова к великому князю Сергию. 7 октября 1899 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 73 – 74.

утвержденных советом общества работ...»¹. Аттае было необходимо написать тексты к материалам для наглядного обучения в малолетнем отделении и младшей группе, а также составить новый букварь. Новый учебник следовало снабдить «достаточным количеством небольших статей, заимствованных из окружающей жизни и доступных пониманию местного населения»². Вместе с тем ему нужно было составить обстоятельную хрестоматию, которая давно требовалась в школах общества. Для пансионеров следовало перевести на арабский язык историю арабской литературы В.Ф. Гиргаса, составить и перевести учебные пособия по географии, соответствующие программам пансиона³. Кроме того, Аттае поручили проверить и оценить выполненные переводы пособий по математике, обучение которой в школах ИППО велось не слишком успешно. В проверке нуждались переводы арифметических задачник: 1) А.И. Гольденберга, (выполненные в Бейт-Джалльском пансионе); 2) С.В. Житкова, (выполненные учителями сирийских школ), В.А. Евтушевского, (выполненные практикантами Назаретского пансиона при участии преподавателя Алла Верди).

По указанию В.Н. Хитрово, М.О. Аттая начал свою работу с подготовки учебника по истории. По поводу переводов Гольденберга и Евтушевского Аттая справедливо отмечал, что «эти учебники нельзя только пересмотреть и оценить, но нужно почти все вновь перевести и большую часть задач заменить другими, более применительными к условиям жизни арабов»⁴. Работу над учебником по истории и задачками по арифметике он собирался закончить к январю 1900 г. После этого он планировал приступить к переводу истории литературы В.Ф. Гиргаса и составить хрестоматию. По вопросам, связанным с подготовкой учебных пособий, М.О. Аттая общался непосредственно с руководством общества: переписывался с Д.В. Истоминым, встречался с В.Н. Хитрово и Н.М. Аничковым⁵.

¹ Письмо Д.В. Истомина к М.О. Аттае. 28 октября 1899 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 78.

² Там же. Л. 79.

³ Там же. Л. 79.

⁴ Письмо М.О. Аттая к Д.В. Истомину. 4 ноября 1899 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 80 – 80 об.

⁵ Там же. Л. 80 – 80 об.

За короткий срок Аттае удалось проделать огромную работу по подготовке учебников для школ ИППО. Известно, что им были переведены задачник Евтушевского, история литературы Гиргаса, учебники по истории и географии. Курс Гиргаса Аттая дополнил фрагментами из произведений арабских авторов, в том числе сочинений Ибн Халдуна. В школах общества получил распространение и большой арабско-русский словарь Аттая¹. Вместе с тем проверкой переводов, а также составлением учебника по арабскому языку занимался Н.А. Медников. По мнению А.А. Дмитриевского, М.О. Аттая, В.Н. Хитрово, А.И. Якубович, П.П. Николаевский и Д.Ф. Богданов особенно потрудились над составлением и переводом на арабский язык лучших школьных научных руководств².

Программы и инструкции, разработанные на заседаниях комиссии, были одобрены великим князем Сергием³ и стали постепенно вводиться в школах ИППО. Вскоре после этого произошли качественные изменения в учебном процессе образцовой школы, что связано с назначением К.И. Каназе (Канази) ее руководителем. Он был первым выпускником Пансиона, получившим педагогическое образование в России – в Глуховском учительском институте. Н.М. Аничков весьма высоко отзывался о молодом педагоге, с которым успел познакомиться во время своей командировки на Ближний Восток. Профессиональное образование, знание русского и арабского языков, позволило Каназе с успехом преподавать курс педагогики в пансионе и руководить практическими занятиями воспитанников в Образцовой школе. Нововведения, прежде всего, касались тщательной проверки конспектов практикантов, по которым они вели уроки. Более того, образцы конспектов, а также расписание уроков, которые давали практиканты, отправлялись в Совет общества. Некоторые из этих конспектов по разным предметам переводились на русский язык⁴.

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 311.

² Дмитриевский А.А. Извлечение из исторической записки. Императорского Православного Палестинского Общества за 25 лет его существования (1882 – 1907) // Палестинское общество и русские школы на Востоке ... С. 25.

³ Копия ответного письма Н.М. Аничкову от великого князя Сергия. 17 октября 1899 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 75.

⁴ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 339 [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах общества]. 1899. Л. 111.

Для того, чтобы оценить качество уроков, которые давали практиканты, за ними наблюдал кто-либо из старших преподавателей. Кроме того, по субботам в пансионе устраивались собрания, на которых присутствовали практиканты, учителя школы и начальник пансиона, а иногда и инспектор¹. На собраниях разбирались уроки арабского языка и арифметики, указывались ошибки начинающих педагогов и пути к их исправлению.

Для того, чтобы практиканты понимали, как правильно вести занятия, К.И. Каназе каждую неделю давал по три образцовых урока по различным дисциплинам в разных группах. Образцовые уроки не менее трех раз проводил и учитель Фарах, который был помощником Каназе. Подобно практикантам он должен был предварительно предоставить для проверки свои конспекты Каназе и А.А. Стасевичу. Подобная подготовка к урокам способствовала, по мнению П.П. Николаевского, тому, что из Фараха должен был выйти «удовлетворительный образцовый учитель»².

Помимо проверки конспектов, была исполнена и другая рекомендация Н.М. Аничкова: был расширен курс теоретических занятий для практикантов. Теперь помимо уроков по русскому языку и педагогике они посещали уроки арабского языка, арифметики, географии и отчасти истории, чтобы повторить когда-то пройденный материал³. Повторение пройденной программы и усвоение новых знаний способствовало профессиональному росту будущих педагогов.

Важные изменения произошли и в организации учебного процесса в пансионе, позволившие повысить эффективность обучения и улучшить коммуникацию между воспитанниками и педагогами. Нововведения коснулись преподавания русского языка. Для того, чтобы облегчить воспитанникам восприятие учебного материала, русский язык во втором классе также, как и в первом, стал преподавать арабский учитель. Такая постановка дела благоприятно отразилась на успехах учеников не только в русском языке, но и на других предметах. При переводах с русского на

¹ Отношение П.П. Николаевского Совету ИППО от 8 декабря 1899 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 339. 1899. Л. 106 об.

² Там же. Л. 107 – 107 об.

³ Там же. Л. 107 об.

арабский язык преподаватель требовал совершенной точности, а затем разбирали ошибки. Вследствие этого ученики 1-го и 2-го класса, лучше понимали русский текст и пересказывали его, чем ученики 3-го класса, где вел русский учитель. При таком подходе пансионеры могли более вдумчиво читать методическую литературу по другим предметам, которую они затем использовали в педагогической деятельности. В обучении специальным дисциплинам, которые читали русские педагоги, проблемы оставались. Воспитанникам было тяжело воспринимать на русском языке геометрию. Ее курс в пансионе, также как и в России, составлял два года. В связи с этим предлагалось увеличить этот курс до трех лет, поскольку учителю требовалось много времени, чтобы разъяснить терминологию.

Улучшение качества образования вследствие введенных программ произошло не только в пансионах и образцовых школах, но и других начальных учебных заведениях ИППО. Об этом свидетельствует статья Ас'ада Дагира, опубликованная в журнале «ал-Муктатаф» в 1901 г. Автор весьма высоко оценивал организацию учебного процесса в школах ИППО и его сбалансированный характер, а также методологические подходы учителей. Дагир писал, что в школах уделялось большое внимание интеллектуальному, нравственному и физическому развитию детей. На уроках учителя старались избегать переутомления своих воспитанников, чередуя умственную работу с необходимым отдыхом. Вместе с тем в школах предъявлялись высокие требования к дисциплине учеников, а также педагогическим приемам учителей. В частности, за применение телесных наказаний учителя увольнялись. Бесплатное обучение в школах ИППО, духовные связи с православными арабами, а также забота о нуждах детей и их развитии, по мнению А. Дагира, должны были способствовать успехам школ Палестинского общества и распространению русского языка в Сирии и Палестине¹.

После командировки Н.М. Аничкова изменения произошли не только в работе учебных заведений, но и инспекций. В частности, в Сирию, наконец, был

¹ См. Дагир, Ас'ад. Ал-мадарис ар-русийа фи Сурийа (Русские школы в Большой Сирии) // Ал-Муктатаф. Каир, 1901. Октябрь. С. 901 – 904.

назначен второй инспектор – И.И. Спасский, который до этого преподавал в Назаретском пансионе.

Несмотря на то, что программы, разработанные в 1899 г., были успешно введены, учебные заведения работали по ним два года. В 1902 г. школы ИППО получили в Османской империи легальный статус. Это событие побудило Совет общества созвать очередную педагогическую комиссию «для обсуждения и принятия мер, могущих способствовать развитию и преуспеянию школ»¹. Съезд инспекторов и педагогов под председательством Аничкова был назначен в Петербурге в период с 2 по 16 сентября.

Согласно документам, в состав комиссии вошли: Н.М. Аничков, о. Владимирский, Е.М. Тараканова, О.А. Худобашева (начальница школы в ал-Мине) А.И. Константиновский (директор Псковской учительской семинарии), Н.А. Медников, М.О. Аттая, П.П. Николаевский, Д.Ф. Богданов, И.И. Спасский, М.И. Успенский, (учитель-инспектор Владимирского петербургского училища), М.А. Скородумов (учитель-инспектор Воздвиженского петербургского училища), А.А. Стасевич².

Во время заседаний обсуждались важные вопросы, решение которых было направлено на улучшение учебно-воспитательного процесса в школах ИППО, качества образования воспитанников, а также коммуникации между русскими и арабскими сотрудниками школ и инспекций. В дополнение к программам и инструкциям, Н.М. Аничковым был разработан комплекс мер, который должен был содействовать достижению намеченных целей.

В пансионах Н.М. Аничков предлагал увеличить количество воспитанников, что позволило бы снабдить все школы общества профессиональными педагогическими кадрами. Вместе с тем необходимо было достичь «большого единства действий между лицами преподавательского состава из русских и сирийцев»³.

¹Материалы Третьего педагогического съезда Императорского Прав. Палестинского общества. Сентябрь 1902. / АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 91.

² Материалы Третьего педагогического съезда Императорского Прав. Палестинского общества. Сентябрь 1902. / АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 101.

³ Там же. Л. 103.

Улучшению взаимопонимания, а также укреплению профессионального сотрудничества должно было способствовать увеличение количества уроков русского языка в обоих пансионах. Вместе с тем Аничков указывал на необходимость «большей практики учащихся в русском языке и изучение учителями и учительницами практически арабского языка»¹. Для Бейт-Джалльской семинарии Аничков предлагал подготовить учительниц из сириек, получающих среднее и даже высшее образование в России.

В двуклассных школах, преимущественно городских, Аничков предлагал увеличить курс обучения еще на 2 года с расширением программы до Бейт-Джалльского и Назаретского пансионатов; а также улучшить состав учителей и учительниц, помощников и помощниц. Вместе с тем Аничков считал необходимым «развитие знания арабского языка в среде русских учительниц в начальных школах»². Сенатор предлагал освободить их от занятий после обеда для самостоятельной работы по арабскому языку. Важнейшей мерой для улучшения учебного процесса Аничков считал ускорение перевода и издания руководств и учебных пособий для начальных школ. Необходимо было также перевести программы для учебных заведений ИППО на арабский язык. Для того, чтобы учителя могли повышать уровень образования и поддерживать знание русского языка, Аничков предлагал организовать библиотеки при каждой инспекции начальных школ.

Предложения Н.М. Аничкова по разным пунктам инструкции и программы ИППО были отправлены В.Н. Хитрово на согласование. Несмотря на целесообразность этих дополнений, не все из них возможно было применить.

Во время заседаний педагогического съезда участники обсудили 59 вопросов. Были пересмотрены, исправлены и дополнены инструкции и программы обеих семинарий и начальных училищ, инструкции инспекторов школ; расширен список учебных пособий. Директор Псковской учительской семинарии А.И. Константиновский обещал Н.М. Аничкову составить руководства по педагогике, русскому языку, истории, арифметике, геометрии, естествоведению, физике,

¹ Там же. Л. 104.

² Там же. Л. 106.

чистописанию, рисованию, садоводству и огородничеству, пчеловодству и пению для наставников и воспитанников учительских семинарий и народных учителей ИППО¹.

Разработанные инструкции и программы вошли в «Труды педагогического съезда Императорского Православного Палестинского Общества», которые были опубликованы в 1902 г. и стали, по словам А.А. Дмитриевского, руководящими в школах и семинариях общества вплоть до 1913 года².

Таким образом, командировка на Ближний Восток руководителя учебной части ИППО Н.М. Аничкова, во время которой ему удалось с помощью М.О. Аттаи проникнуть в суть учебного процесса в начальных школах и семинариях, а также созданные впоследствии педагогическая комиссия и съезд действующих инспекторов и учителей позволили разработать максимально полные и эффективные на то время инструкции и программы для всех типов учебных заведений общества. Кроме того, с помощью М.О. Аттаи была выполнена работа по профессиональному переводу и адаптации русскоязычных пособий на арабский язык, что способствовало значительному улучшению учебного процесса.

Школьные инспекторы и учителя: некоторые аспекты профессионального взаимодействия после 1902 г.

Принятые программы и инструкции внесли коррективы в работу учебных заведений и инспекций, штат которых расширился за счет помощников инспекторов и секретарей. Со времен А.И. Якубовича в ИППО установилась практика назначать инспекторов и их помощников из бывших преподавателей Назаретской учительской семинарии (пансиона). Во время работы в этом учебном заведении русские педагоги знакомились с местными обычаями и языком, устанавливали необходимые контакты с османскими властями и церковными иерархами, что имело значение для их дальнейшей инспекторской службы. Вместе с тем они налаживали

¹ Отношение директора Псковской учительской семинарии Председателю 3-го Педагогического съезда Императорского Православного Палестинского Общества, сенатору Н.М. Аничкову /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438. 1888 – 1902. Л. 121.

² Дмитриевский А.А. Н.М. Аничков. (Некролог)... С. 138.

общение с воспитанниками семинарии, которые затем назначались учителями в подведомственные им школы. Семинаристы нередко становились секретарями инспектора. Они хорошо владели арабским и русским языками, в определенной мере знали турецкий и греческий, а кроме того имели представление об организации учебного процесса и методах преподавания. Следовательно, они могли не только выступать переводчиками, но и оказывать полноценное содействие инспекторам и их помощникам при проверке школ. Вместе с тем секретари и учителя-семинаристы выступали связующим звеном в общении инспекторов с местным населением и властями, а также другими арабскими учителями, помогая вникнуть в суть возникших проблем и содействуя успешному их разрешению.

В отсутствие секретарей инспекторы (пожалуй за исключением Богданова) не могли качественно исполнять свои обязанности. Чем хуже инспектор владел арабским языком, тем больше он нуждался в секретаре. Под влиянием информации, которую инспектор получал от секретаря, формировалось его мнение по тем или иным вопросам. А.А. Дмитриевский отмечал, что зависимость инспекторского надзора от секретарей не всегда благотворно отражалась на ведении школьного дела или прямо вела к погрешностям и даже предвзятым взглядам на учащихся, пользующихся личными симпатиями или антипатиями секретаря¹.

Особую организационную роль инспекторский надзор по-прежнему играл в Сирии, где школьное дело продолжало расширяться. Согласно данным, приведенным на годовом собрании ИППО в 1904 г., в северосирийских школах обучалось 1.724 человека, в южносирийских – 3.877, в школах М.А. Черкасовой в Бейруте – 973. В учебных заведениях Галилеи числилось 680 учеников, а в Иудее – 571. Общее число учащихся в 87 школах Сирии и Палестины составляло 10.225: 5.858 мальчиков и 4.967 девочек². Согласно отчету за март 1904 г., в Южной Сирии

¹ См. Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине... С. 279.

² Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 12 декабря 1904. // СИППО. 1904. Т. XV. Вып. 2. С. 358.

действовали 37 школ ИППО, 33 из которых были мужскими и смешанными. В Северной Сирии – 27 школ: 9 мужских, 9 женских и 9 смешанных¹.

На все учебные заведения общества приходилось 417 педагогов и проверяющих. При этом русский учебно-воспитательский персонал вместе с членами инспекций составлял 25 человек.

Как и прежде, русские педагоги преподавали в учительских семинариях, а также женских двухклассных школах: в Назарете, Бейт-Джале, Иерусалиме, Хайфе, ал-Мине, Триполи, Латакии, Дамаске, Бейруте. Штат русских педагогов в некоторых женских школах уменьшился, особенно там, где была опытная начальница, долго служившая на Ближнем Востоке. Основную помощь русским учителям оказывали выпускницы Бейт-Джалльской семинарии. В Иерусалимской школе под началом Е.И. Голубевой преподавали Мариам Оде (Марьям 'Уда) Кассис и Пелагея Дафешь (Дафиш). Они вели занятия в младшем и старшем классах, а также составляли отчеты о проделанной ими работе на прекрасном русском языке. Начальница школы в ал-Мине Л.Ф. Кременецкая, служившая в школах общества с 1897 г., руководила 8-ю арабскими учительницами. И.И. Спасский писал, что «она вела свое дело с полным усердием и аккуратностью, всегда достигая от своих детей значительных успехов»². В женскую школу в Триполи, открытую в 1899 г., была назначена начальницей А.Ф. Юдина. До этого она преподавала в ал-Минской школе под руководством О.И. Беленьковой. У нее в подчинении было 6 арабских учительниц³, с которыми она имела напряженные отношения. В 1906 г. в помощь А.Ф. Юдиной была назначена К.П. Анжиева⁴, а после ее увольнения С.М. Соколова.

Если русская учительница (которая не была руководителем школы) покидала службу, Общество считало возможным заменить ее выпускницей Бейт-Джалльской семинарии. Такая замена была целесообразна по ряду причин. С одной стороны,

¹ Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в 1903 - 1904 учебном году. (Из отчета инспектора И.И. Спасского) // СИППО 1905. Т. XVI. Вып. 1. С. 58.

² Ходатайство о выдаче пособия начальнице Эль-Минской школы Л.Ф. Кременецкой на лечение /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416 [О. Северо-Сирийских школах Общества]. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 80.

³ См. Список сотрудников школ и инспекции ИППО в Северной Сирии /АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 276. 1898. Л. 74 – 76.

⁴ Приложение к донесению И.И. Спасского в Совет ИППО от 14 января 1906 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 8.

свободных русских учителей на Востоке не было, а вызывать из России нового педагога, не знавшего арабского языка, не имело смысла. С другой стороны, с началом русско-японской войны Россия оказалась в тяжелом экономическом положении, и Совет ИППО старался экономить средства. В этот период общество вынуждено было пойти на радикальные меры – сократить полностью штат русских учительниц в Латакийской женской школе. Ее начальницу, М.Н. Трапезникову, Общество перевело в Дамасскую школу. Спасский очень сожалел о решении Совета общества оставить учебное заведение без русских педагогов, отмечая, что латакийцы с огорчением воспримут эту новость¹. В отношении Совету общества от 18 октября 1907 г. инспектор указывал, что жители митрополии («народ мягкий и деликатный») и сам митрополит Арсений всегда очень внимательно относились к учебному заведению. Более того, «для русских учительниц он был всегда как родной отец»². Желая, чтобы общество расширило школьное дело в его митрополии, Арсений в 1906 г. просил Спасского ходатайствовать об открытии школ в ас-Сауде, и других местностях. Однако Совет ИППО отклонил ходатайство митрополита, указав, что при том состоянии, в котором находится Россия, «общество не принимает возможным открывать новые школы»³.

Выступая против сокращения русских учителей, И.И. Спасский указывал на особое значение Латакийской школы для подготовки педагогических кадров. Это учебное заведение поставляло для северосирийских школ учительниц, «всегда отличающихся деловитостью и усердием...С закрытием русского штата, – писал Спасский, – школа без сомнения падет, так что она не в состоянии будет давать таких учительниц... Вследствие этого инспекция оказывается в затруднении при замещении учительских мест, так как девочки триполийской и минской школ, отказываются поступать на деревенские места»⁴. По мнению Спасского, резоннее

¹ Отношение И.И. Спасского Совету Общества от 18 октября 1907 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 184 об.

² Там же, Л. 185.

³ Отношение Общества И.И. Спасскому от 14 VII. 1906 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 89.

⁴ Отношение И.И. Спасского Совету общества от 18 октября 1907 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 186.

было бы сократить русский штат в Триполи, поскольку располагавшаяся в ал-Мине инспекция могла бы без труда контролировать учебное заведение. Кроме того, можно было закрыть школу в Амьуне, Кусбе или Думе, где население довольно богатое и могло бы содержать школы на свои средства.

До того, как в Дамасскую женскую школу была назначена М.Н. Трапезникова, ей руководила Е.А. Лемпорт, впоследствии переведенная в Бейт-Джалльский пансион. Она была одной из немногих русских учительниц, которые за годы службы на Востоке хорошо овладели арабским языком. Кроме нее в школе долгое время преподавала С.М. Соколова. Порой русским педагогам было проще наладить контакт с арабскими коллегами, чем с соотечественницами. Так, у Лемпорт не сложились отношения с новой учительницей школы А.Н. Моренец, которая из-за этого вскоре уволилась. На ее место взяли Эмилию Смат, возглавлявшую ранее школу в аш-Шувайфате. По состоянию здоровья она несколько лет не преподавала. В 1904 г. Смат обратилась к Богданову с просьбой принять ее снова на службу. Ее угнетала безвыходность и страшило грядущее одиночество. Поскольку Смат была сиротой, шанса на замужество у нее не было. Во время перерыва в педагогической деятельности она усиленно занималась рукоделием и арабским языком, стараясь восполнить пробелы в подготовке¹. Поскольку она была на хорошем счету у общества, Богданов пошел ей на встречу и снова взял на работу.

Несмотря на то, что Д.Ф. Богданов успешно руководил инспекцией, пользовался заслуженным уважением местных жителей и властей, он в 1904 г. оставил службу и вернулся в Россию. Инспектором стал его помощник Н.М. Богоявленский, который незадолго до этого женился на бывшей учительнице Дамасской школы М.И. Левицкой. Н.М. Богоявленский оставался на службе у общества до 1908 г. На посту школьного инспектора его последовательно сменили А.А. Стасевич, С.С. Аверкиев и М.М. Никаноров. Двое последних были выпускниками Лазаревского института восточных языков.

¹Донесения Д.Ф. Богданова в Совет общества от 15/ IV 1904./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 398. [О Южно-Сирийских школах Общества]. 1904. Л. 30 об.

В отличие от Южной Сирии, где инспекторы менялись относительно часто, инспекцию в Северной Сирии до 1915 г. возглавлял только И.И. Спасский. После того, как он сменил пребывавшего в Северной Сирии Богданова, ему необходимо было установить контакт с местными учителями, что ему быстро удалось. Некоторые учителя служили в сирийских школах уже многие годы и стали для Спасского большой опорой.

В это время мужской школой в ал-Мине, где находилась инспекция, заведовал Христофор Акель ('Акил), получивший образование в Назаретском пансионе, а затем и России. Под его началом служили еще 5 арабских учителей. В Минйарской школе с самого ее открытия 9 лет служил учителем Дауд Жерьес (Джарис). Мужской школой в Амьуне заведовал И. Жабер (Джабир)¹. Из 8 тамошних учителей только он получил подготовку в Назаретском пансионе, остальные имели преимущественно начальное образование. Руководство ими, по мнению Спасского, было крайне необходимо: «Опытность и заметное усердие к делу старшего учителя, – писал инспектор, – может ручаться за удовлетворительное выполнение этой задачи»².

В мужской школе в Триполи более 7 лет с успехом преподавал А. Жерьес (Джарис). У него в подчинении находилось 7 арабских учителей, педагогическую деятельность которых он постоянно направлял. Жерьес не только преподавал и руководил школой, но и был своего рода корреспондентом для Палестинского общества. Хорошо владея русским языком, он писал информационные заметки о Сирии, которые затем публиковались на страницах Сообщений ИППО³. В частности, он написал статью о православной гимназии, основанной митрополитом Афанасием в 1910 году⁴. Подобные заметки, которые составляли и другие арабские педагоги общества (в частности, А.Д. Баллан), являются важным источником для изучения

¹ Препроводительная бумага И.И. Спасского в Совет общества от 8/3 – 1906 г. к донесению о посещении школ в Думе и Амиуне/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 30.

² Там же. Л. 30.

³ А. Жерьес. Внутреннее устройство среднего учебного заведения в Хомсе // СИППО Т. XXII. Вып. 4 (Октябрь-Декабрь). СПб. 1911. С. 545 – 553.

⁴ Там же. С. 545.

истории Сирии, происходивших в то время в стране социокультурных процессов, в том числе и в сфере образования.

Латакийской мужской школой в 1906 г. заведовал выпускник пансиона 'Иса Дауд. Весьма лестную характеристику этому учителю дал А.Е. Крымский, который познакомился с ним во время своего пребывания в Сирии в 1896 – 1898. гг. «Иса Дауд, – писал он, – юноша замечательно симпатичный... знает русский язык, перечитал все, что нашел здесь русского, но это его не удовлетворяет. В селе у него времени много и он хочет выучить французский язык, чтобы иметь возможность не остаться без чтения, ведь здесь почти нет русских книг»¹. Крымский просил сестру прислать из России для 'Исы Дауда учебник французского языка. Однако книга ему не досталась. Учебник у Крымского попросила учительница Мария Оде (Марйам 'Уда), которая преподавала тогда в институте Сюрсок. Мария Оде Кассис была лучшей выпускницей первого выпуска Бейт-Джалльского пансиона. Впоследствии она преподавала в Иерусалимской школе, а затем в пансионе Бейт-Джалы под началом у Е.И. Голубевой.

В женской школе в Амьюне преподавала Мирьям Акле (Марйам 'Акла). В 1906 г. исполнилось 10 лет ее службы в школах общества. Она, как и преподаватель 'Иса Дауд, удостоились награды со стороны ИППО. «В виду отменно усердной службы в течение столь продолжительного времени» И.И. Спасский просил Совет общества пожаловать им звание пожизненных членов сотрудников², которое им и было присвоено.

Следует отметить, что И.И. Спасский, Д.Ф. Богданов и другие инспекторы очень дорожили опытными учителями-арабами, на которых держался учебно-воспитательный процесс в начальных школах общества. Инспекторы ходатайствовали перед ИППО о повышении им жалования, выплате материальных пособий на лечение, старались вникать в другие их нужды. Так, учителю Бейт-Бадрской школы пансионеру Дж. Слеману (возможно Салман) было тяжело преподавать в глухой

¹ Крымский А.Е. Письма из Ливана... С. 131.

² Препроводительная записка И.И. Спасского в Совет ИППО от 27 III 1907 г. с представлением пожалования некоторым служащим в школах знака Общества / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 134.

местности, куда не поступали книги и журналы. Вследствие этого он просил перевести его в другую школу. Отсутствие книг в деревнях и культурного общения, как правило, негативно сказывались на учителях, которые утрачивали полученные ими навыки учебно-воспитательной работы и начинали преподавать по-старому. Помощник инспектора В.А. Соловьев опасался, что если не прислушаться к желанию Слемана, он может совсем оставить службу, и «это было бы ничем неоправданной потерей достойного работника, которых на службе у общества и так немного»¹. Однако Спасский не одобрил перевод Слемана в другую школу, поскольку ему следовало еще набраться опыта. Кроме того, хорошие учителя нужны были и в деревнях. Для того, чтобы не огорчать учителя отказом, Спасский предлагал увеличить его жалование на 5 фр. в. месяц. Совет общества одобрил эти меры. Однако небольшая прибавка к жалованию не сумела надолго задержать Слемана в школе. Вместе с другим выпускником Назаретского пансиона он собирался отправиться в Америку².

Другой проблемой, которую И.И. Спасский старался решить, было выгодное трудоустройство в школы арабов, окончивших российские учебные заведения. Продолжить обучение в России могли не только лучшие выпускники пансиона, но и те учителя, которые желали этого и получили рекомендации от инспектора. Так, Спасский ходатайствовал перед Советом ИППО за учителя Амьонской школы И. Жабера (Джабира), который желал получить в России педагогическое образование. Совет общества поощрял намерение Жабера поступить в учительский институт и был готов обеспечить его необходимыми средствами. Однако учителя просили уведомить о том, что окончание института в России не обеспечит ему продвижение по педагогической службе. В Совете ИППО отмечали, что «в Палестинском обществе не имеется таких учебных заведений (вроде городских училищ в России...) которые нуждались бы в учителях с институтской подготовкой...

¹ Препроводительная записка И.И. Спасского в Совет Общества от 14/VI – 1906 г. к донесениям о посещении Соловьевым В.А. школ в Кусьбе, Амиуне, Меште, Бет-Бедре и Кейме; О состоянии вышеупомянутых школ / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 73.

² Препроводительная бумага И.И. Спасского в Совет общества от 9 XII – 1906 / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 112.

Единственное учебное заведение, которое иногда нуждается в подобных учителях, – это Назаретская учительская семинария, но и там вакансий для учителей-сирийцев кажется крайне ограниченное количество: не больше двух трех... И потому Ибрагиму Жаберу, по окончании им курса в институте, общество может предложить, а особенно на первых порах место лишь заведующего 2-х классной школы общества, т.е. такое же место, какое он занимает в настоящее время»¹. Неудивительно, что Ибрагим Жабер в итоге отказался ехать в Россию, сославшись на рекомендации врача и слабое состояние здоровья².

Спасский считал весьма важным привлекать в школы арабов, которые окончили российские учебные заведения. В отношении общества инспектор указывал, что хотел бы устроить в одну из подведомственных ему школ Саега Фаека (Саиг Фаик), который оканчивал курс Екатеринославской духовной семинарии³. Спасский был давно знаком с этим семинаристом, который останавливался у него каждый раз на пути в Россию и обратно. По мнению инспектора, Фаик был человеком серьезным, занимающимся и скромным, поэтому он желал видеть его в своей инспекции, «где так оскудели знающие, подготовленные учителя»⁴. Вместе с тем Спасский просил Совет общества обсудить вопрос о заработной плате этого учителя, поскольку в то время жалование арабских педагогов, получавших образование в России, приравнивалось к жалованию выпускников Назаретского пансиона. Обсуждение этого вопроса вызвало оживленную переписку между инспектором и Советом общества. В Петербурге полагали, что «несомненное преимущество первых (арабских выпускников российских учебных заведений – Е.С.) в образовании обесценивается их весьма слабым знанием своего родного языка, который был необходим в школьном деле. Спасский был согласен с тем, что арабы, учившиеся в

¹ Отношение Общества И.И. Спасскому от 20/11 1906 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 11 об. – 12.

² Препроводительная бумага И.И. Спасского в Совет Общества от 25 /11 1906 к донесениям об отказе учителя И. Жебера от поступления в учительский институт/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 26.

³ Приложение к препроводительной бумаге И.И. Спасского в Совет общества от 15/IV 1906 г. с ходатайством воспитанника духовной семинарии С. Фаека о предоставлении ему учительского места/ АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873/1. Д. 416. Л. 45 – 45 об.

⁴ Там же. Л. 45 об.

России, слабо знают родной язык. Однако общее хорошее умственное развитие позволяло им быстро освоиться в школьном курсе. И через год – два они становились «полными господами» по всем школьным предметам. Благодаря тому же хорошему своему развитию, при более глубоких и широких взглядах, они относились к делу гораздо осмысленнее, сознательнее, чем пансионеры. Наконец, лучшее знание русского языка составляло их «новое преимущество перед назаретскими учителями, давая им легкую возможность следить за новой педагогической литературой и прилагать к делу ее последние указания»¹. В связи с этим Спасский полагал справедливым назначить Фаику жалование большего размера, чем у пансионеров, а именно 100 франков в месяц.

В Совете общества не видели препятствий к назначению Фаика на службу. Однако Д.В. Истомин (и.д. секретаря ИППО) не считал возможным назначить ему большее жалование по сравнению с выпускниками Назаретского пансиона. С одной стороны, духовная семинария в России не являлась педагогическим учебным заведением, с другой – образование, полученное в России и лучшее общее развитие, не гарантировало того, что воспитанник духовной семинарии повел бы дело лучше, чем выпускник Назаретского пансиона. Тем не менее общество полагало возможным увеличить жалование учителям, которые проявляли большое усердие на службе².

Информация, содержащаяся в переписке И.И. Спасского с Д.В. Истоминным, свидетельствует о том, что общество не собиралось назначать арабов, окончивших российские учебные заведения, на привилегированные должности или платить им жалование больше, чем выпускникам Назаретского пансиона. Так что отправляться на обучение в Россию, чтобы затем служить в начальных школах ИППО для арабов не имело особого смысла. Выпускники российских семинарий и духовных академий должны были, прежде всего, пополнить ряды образованных арабских клириков. Некоторые из них поступали преподавателями в Баламандскую

¹ Там же. Л. 46.

² Отношение Общества И.И. Спасскому от 7 / VII 1906. / АВПРИ. Ф. 337/ 2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря. 1907. Л. 86.

духовную семинарию, которая являлась в Сирии единственным духовным учебным заведением среднего типа. Помимо греческого и арабского языков там преподавали и русский, что позволяло семинаристам познакомиться с русской богословской литературой, а кроме того получить дальнейшее духовное образование в России.

Несмотря на то, что инспекторы старались помогать профессиональным педагогам, удержать их на службе становилось все труднее. Низкие оклады не способствовали продолжительной работе арабов в школах общества. Так, за один учебный год школы северосирийской инспекции оставили 23 из 167 учителей, прежде всего потому, что нашли более выгодные места или уехали в Америку¹. Новых педагогов, по замечанию инспектора, с каждым годом становилось найти все труднее. В связи с этим приходилось иногда брать на службу мальчиков, недавно окончивших двухклассную школу. В южносирийских учебных заведениях Общества происходило то же самое. В 1904 г. из Джадиде Мардж Аюн (Джадида Мардж'айун) в Америку уехал учитель Жубран Атые (Джубран 'Атия). Школа в 300 мальчиков осталась с одним только опытным учителем Халилом Бейдасом². Инспектор отмечал, что средний срок службы учителей составлял пять лет. Прибавка к жалованию раньше следовала после 3 лет службы, теперь после 5, что, по мнению инспектора, могло усугубить проблему с нехваткой кадров³.

Для того, чтобы решить кадровую проблему в условиях недостаточного финансирования, помощник И.И. Спасского В.А. Соловьев предлагал оставить в школах только опытных учителей, а остальных сократить. Соловьев отмечал, что вместо одного хорошего учителя за 50 – 60 франков в месяц, приходится брать двух с менее основательной подготовкой за 25 – 30 франков. Средства расходовались те же, однако положительного результата достичь не удавалось. По мнению

¹ Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в 1903-1904 учебном году. (Из отчета инспектора И.И. Спасского) // СИППО 1905. Т. XVI. Вып. 1 С. 59.

² Донесение Д.Ф. Богданова в Совет общества от 15/ IV 1904./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 398 [О Южно-Сирийских школах общества]. 1904. Л. 32.

³ Там же. Л. 32 об.

Соловьева, «один порядочный учитель гораздо полезнее, ... чем двое плохих»¹. Предложение помощника инспектора было разумным. Однако в школах, где обучались несколько сотен детей один или двое учителей не смогли бы поддержать хорошую дисциплину и организовать учебный процесс.

Проблема с низким жалованием для арабских учителей была актуальна и в последующие годы. Инспектор галилейских школ П.И. Ряжский отмечал в 1909 г., что прежние выпускники семинарии в Назарете, недовольные учительским содержанием, бегут в Америку или посвящают себя более прибыльным занятиям. А новые питомцы «и не подумают посвятить себя учительству, а если на время и поступают на эту службу, то скоро убегут, потому что учительского жалования не хватит ни на один стол»² (имелось в виду пропитание). Несмотря на то, что Назаретский пансион каждые два года давал новые выпуски хорошо подготовленных учителей, школы общества по-прежнему испытывали в них недостаток. В связи с этим инспекторам, как и в начале деятельности ИППО, приходилось нанимать учителей с сомнительным образованием и педагогической подготовкой. В своих отчетах И.И. Спасский писал: «Большинство учительского персонала, будучи малоразвитым, с большим трудом и медленностью воспринимают делаемые им указания в интересах лучшего ведения дела. Требуется много времени, чтобы они усвоили и приложили к делу замечания, постоянно повторяемые при различных случаях»³. Одни вели занятия по старинке, заставляя детей все заучивать наизусть, другие играли в карты. Инспекторам и обществу приходилось это терпеть, так как не всегда была возможность их заменить⁴.

Поскольку школы не удавалось пополнить профессиональными педагогами, важно было сохранить выпускников Назаретской семинарии в качестве старших учителей, которые руководили начальными учебными заведениями. По

¹ Препроводительная бумага И.И. Спасского в Совет общества от 8/3 – 1906 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 31 об.

² Донесение П.И. Ряжского в Совет ИППО от 15 декабря 1909 г. /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 354. [О. Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах]. 1909. Л. 114.

³Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в 1903 – 1904 учебном году. (Из отчета инспектора И.И. Спасского)// СИППО 1905. Т. XVI. Вып. 1. С. 58.

⁴ Приложение к № 29 Мина, 25 февраля 1906 г. (к донесению о состоянии Аккарских и Сафитских школ) / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 25.

мнению Соловьева, они должны были не только преподавать детям, но и быть учителями учителей. Помощник инспектора писал: «Преимущества педагогической подготовки воспитанников семинарии особенно рельефно выступает именно здесь на Востоке и вот почему. Восток, можно сказать, до сих пор еще не слышал, что такое педагогика. Латинская миссионерская школа, через которую впервые начали пробиваться сюда струйки европейских влияний, не могла ничего поведать ему в этом отношении, так как сама до сих пор не вышла из рабства средневековых схоластических методов. Здесь не существует, кажется, и намека на что-нибудь вроде книг по методике, дидактике или вообще по вопросам воспитания и обучения»¹. Таким образом, выпускники Назаретской и Бейт-Джальской семинарий были единственными проводниками новых педагогических идей в области начального образования в Сирии и Палестине.

В.А. Соловьеву, как профессиональному педагогу, изучившему школьное дело на Ближнем Востоке, было об этом хорошо известно. Для того, чтобы обзавестись педагогической литературой на арабском языке, И.И. Спасский планировал поручить перевод некоторых пособий, прежде всего, курс общей дидактики арабам, хорошо владевшим русским языком². Перевод и издание педагогической литературы, позволили бы познакомиться арабским учителям, которые не оканчивали русские школы, с основами педагогики и новейшими учебно-воспитательными методами.

Для того, чтобы улучшить методику преподавания учителей, не получивших специальной подготовки, а кроме того поддержать знания выпускников Назаретской и Бейт-Джальской семинарий, Спасский организовывал небольшие педагогические съезды. Эти собрания, на которых присутствовали педагоги из северосирийских школ общества, проводились в доме Спасского в праздничное или каникулярное время, а также в период посевных работ, когда учеников не было в школах.

¹ Препроводительная бумага И.И. Спасского в Совет Общества от 18/V – 1906 года к донесению о посещении помощником инспектора школы в Рахбе. Приложение 5. Мина 8 апреля/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 60 об. – 61.

² Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в 1903 – 1904 учебном году (Из отчета инспектора И.И. Спасского) //СИППО 1905. Т. XVI. Вып. 1. С. 66.

Первый съезд, на котором присутствовали 12 учителей¹, был проведен Спасским в 1906 г. По рекомендации инспектора, сельские учителя посетили ал-Минскую школу, чтобы ознакомиться с тем, как организован образовательный процесс в городских учебных заведениях. На собрании Спасский повторил замечания, сделанные педагогам во время объезда школ. В следующем 1907 г. съезд был созван на страстной неделе и прошел в уже более расширенном составе: в нем участвовали 13 учителей и 6 учительниц.

Съезд проходил с четверга по понедельник в утреннее и послеобеденное время. Спасский писал, что пока педагогические собрания представляют из себя «только слабые опыты, первое начало действительного серьезного обсуждения соединительными учительскими силами разных школьных вопросов»². Совместное обсуждение должно было пробудить в учителях интерес к своим обязанностям и сводилось к одному вопросу – «как надо вести учебное дело для получения наибольшего успеха с возможно меньшей напрасной затратой сил и времени»³. Инспектор указывал учителям на недопустимость телесных наказаний, необходимость более строгого отношения к пропускам уроков учениками, четкого деления их на группы и повышения самообразования. В ответ на замечания Спасского, учителя объяснили, что отсутствие четкого деления на группы связано с нерегулярным посещением детей школы. Что же касалось повышения самообразования, то жалования учителей было недостаточно, чтобы покупать книги. Подобные собрания позволяли установить более тесный контакт между инспектором и учителями, повышали результативность работы и способствовали улучшению учебного процесса. Общество сочувственно восприняло инициативу И.И. Спасского и пожелало, чтобы он и впредь проводил съезды под своим руководством⁴.

¹ Препроводительная бумага И.И. Спасского в Совет общества от 15/IV 1906 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 47 об.

² Препроводительная записка И.И. Спасского в Совет Общества от 26 V - 1907 г. к донесениям по делу о съезде учителей по школьным делам/ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 144.

³ Там же. Л. 144.

⁴ Приложение 3 к препроводительной записке И.И. Спасского в Совет Общества от 26 V - 1907 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 163.

Для того, чтобы поддержать и повысить уровень образования учителей, И.И. Спасский намеревался при каждой школе открыть небольшую библиотеку. На необходимость организации библиотек указывала и программа, разработанная для двухклассных школ¹.

В задачи И.И. Спасского входило обеспечить библиотеки литературой на русском и арабском языках, а также арабоязычными пособиями по разным дисциплинам. Вследствие этого инспектор активно поощрял переводы учебной литературы и их публикацию. При чем это касалось не только учебных пособий для начальной школы, но и вообще литературы просветительского характера. Так, преподаватель Баламандской духовной семинарии Жамиль (Джамил) Антаки перевел на арабский язык «Практическое руководство для пастырей» П.В. Нечаева. По этой книге Антаки учился во время пребывания в России, а затем преподавал в Баламандской семинарии. Поскольку патриарх отказал ему в издании перевода за неимением средств, Антаки просил Спасского оказать ему содействие. Инспектор считал весьма полезным издание перевода Антаки не только для семинаристов, но и всего арабского духовенства. По этому поводу Спасский писал в Совет общества: «При известной необразованности последнего, руководство Антаки поможет ему ознакомиться со своими прямыми пастырскими обязанностями. О них арабское духовенство знает только понаслышке, по преданию, кое-что и кое-как, и таковы пастырские знания не только у священников, но и у самих митрополитов. Мне хорошо известно, что на арабском языке не существует подобного знания, на нем нет даже основных церковных правил, перевод которых между прочим, дает Антаки в своем руководстве. При хорошем знании Антаки русского языка можно вполне рассчитывать, что его перевод сделан достаточно удовлетворительно»². Тем не менее ходатайство Спасского о выдачи пособия на это издание было отклонено, так как книга предназначалась для Баламандской духовной семинарии, которая не относилась к учебным заведениям общества. При этом Совет ИППО указывал, что

¹ См. Инструкция для одноклассных и двухклассных начальных училищ Императорского Православного Палестинского общества / АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 284 [Школа в Хамате]. 1903.

² Приложение к донесению И.И. Спасского в Совет ИППО от 14 января 1906 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1 Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 6 – 7.

необходимость в книге сирийского духовенства – это «забота иерархов Антиохийского патриархата»¹.

Остается неизвестной судьба другого пособия, написанного руководителем школы в ал-Мине (ал-Мина') Христофором Акелем ('Акил). Во время учебы в российской духовной семинарии он увлекся пчеловодством. Поскольку инструкцией для двухклассных школ было предусмотрено обучение этому предмету, Акель стал его преподавать. Занятия проходили во внеурочное время в саду у инспектора. Желая обучить основам этого полезного дела арабских учеников и внедрить российский опыт в местное хозяйство, он составил руководство на арабском языке (на основе различных российских пособий) и надеялся его опубликовать на средства общества. Ходатайствуя об издании этого пособия перед Советом ИППО, Спасский писал, что на Востоке пчеловодство развито весьма слабо. Пчелы в Сирии, по словам инспектора, предоставлены сами себе, ими интересуются только тогда, когда берут у них мед². Поскольку на арабском языке подобного руководства не существовало, «издание труда Акеля было бы для арабов совершенно новым откровением знаний», очень полезных для них в быту. «При этом, – продолжал Спасский, – наша школа может оказать прекрасную услугу провода этих знаний в народную среду чрез своих учащих и учащихся. Теперь пока пчеловодство ведется у нас в одной только минской мужской школе. Но с изданием руководства Акеля легко будет устроить его и в других наших школах... Возникающий при этом вопрос о том, насколько состоятелен труд Акеля по своим достоинствам, мне кажется, не должен много затруднять общество. По своему довольно продолжительному образованию в России – в духовной семинарии – он достаточно хорошо знает русский язык для удовлетворительного выполнения своего труда, в чем не могло ему не оказать пособия и знание своего родного языка, усовершенствованное им за не менее продолжительную учительскую службу в Сирии. К этому нужно прибавить также, что в позапрошлый год в летние каникулы (он) ездил в Россию, где около

¹ Отношение Общества И.И. Спасскому от 20/11 1906 г./ АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 13.

² Препроводительная бумага И.И. Спасского в Совет общества от 8 марта 1906 г./АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 36.

Одессы занимался на пасеке одного довольно известного пчеловода»¹. В отличие от Спасского его помощник В.А. Соловьев имел иную точку зрения на труд Акеля. Он указывал, что полученный арабским учителем в России опыт пчеловодства, не применим к местным условиям из-за разницы в климате. Российские улья не подходили для Сирии, а местные породы пчел отличались от российских. В связи с этим Соловьев указывал на бесполезность этого труда для практических целей в Сирии.

В итоге общество вынуждено было отказать Акелю в опубликовании его пособия в связи с большими затратами на это предприятие. Если бы Акель сам нашел средства для его издания, ИППО соглашалось приобрести у него определенное количество экземпляров для распространения его в семинариях и некоторых школах².

Интересно, что Акелю все же удалось доказать практическую пользу составленного им пособия. Применить полученные в России знания к южному климату Сирии Акелю помогло изучение пасек в Одессе. Из 20 ульев, устроенных при школе в ал-Мине, часть была сделана в форме глиняных кувшинов «применительно к местным условиям», другие по американскому и русскому образцам. Инспектор отмечал, что народ с любопытством отнесся к российской системе пчеловодства и собирался его применять в родных селах и деревнях³.

Кроме пособия по пчеловодству, Х. Акель, по просьбе И.И. Спасского, перевел на арабский язык общую дидактику С. Миропольского и сочинение К.П. Победоносцева: «Ученье и Учитель». В отношении общества Спасский сообщал, что «Полезность переводов этих книг на арабский язык, лишенная всяких педагогических руководств, очевидна, и говорить о ней здесь нет нужды. Таким образом было бы очень хорошо издать эти переводы для руководства учащим в наших школах»⁴. Для того, чтобы удостовериться в «правильности перевода и пригодности его для

¹ Там же. Л. 37 – 37 об.

² АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 63 об.

³ Северо-Сирийские школы Императорского Православного Палестинского Общества в 1909 – 1910 учебном году. По отчету инспектора И.И. Спасского // СИППО 1910. Т. XXI. Вып. 4. С. 551 – 552.

⁴ Препроводительная бумага И.И. Спасского в Совет общества от 27 III- 1906 г. к донесениям. Приложение 2./ АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 92.

школы»¹, Совет общества предлагал направить труды Х. Акеля на отзыв Р.Д. Тарази, который с 1899 г. возглавлял школу в Хомсе². За продолжительную и усердную службу Х. Акель вместе с другими арабскими учителями в 1911 г. был избран в пожизненные члены-сотрудники общества³.

Помимо Х. Акеля, переводами пособий на арабский язык занимался секретарь северосирийской инспекции К. Каттуф. По просьбе И.И. Спасского он перевел на арабский язык вторую часть арифметического задачника В.А. Евтушевского⁴.

Важной частью воспитательной работы инспектора было регулярное общение с детьми, а также их родителями, которое происходило во время объезда школ. В своих отчетах И.И. Спасский указывал: «В целях педагогических были приняты меры установить с учащимися детьми живые, непосредственные отношения... в Мине постоянно был открыт доступ к инспектору и в его помещение для всех детей, так что старшие почти ежедневно приходили сюда для игры – на дворе или в саду. Кроме того, в Рождество и Пасху старшие дети – мальчики и девочки 2 класса приходили к инспектору для поздравления с праздниками, при чем пели соответствующие церковные песнопения»⁵.

Регулярные объезды школ, педагогические съезды, перевод и издание пособий на арабском языке, общение с учителями и детьми приносили хорошие результаты.

Инспекторы старались следить за соблюдением в школах учебных программ по всем дисциплинам, в том числе и по арабскому языку. Написанная М.О. Аттаей программа была весьма обширна и для ее выполнения требовались соответствующие руководства. В связи с этим общество намеревалось издать новый учебник⁶.

¹ Отношение Общества И.И. Спасскому от 7 / IX 1906 г. / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 97.

² См. Федотов П.В. Русские сотрудники учебных заведений Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 183.

³ Летопись Палестинского общества // СИППО 1911. Т. XXII. Вып. 3. С. 427.

⁴ Отношение И.И. Спасского Совету общества от 18 октября 1907 г. / АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 179 об.

⁵ Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в 1903-1904 учебном году. (Из отчета инспектора И.И. Спасского) // СИППО. 1905. Т. XVI. Вып. 1. С. 63.

⁶ См. Северо-сирийские школы Императорского Православного Палестинского Общества в 1909 – 1910 учебном году. По отчету инспектора И.И. Спасского // СИППО 1910. Т. XXI. Вып. 4. С. 550 – 551.

Благодаря контролю инспекторов и работе учителей-семинаристов, методы преподавания арабского языка в школах постепенно удалось скорректировать. «Старая метода обучения... по которой дети учились читать... теперь по-видимому совсем исчезла... в некоторых школах упрочился и звуковой способ», – отмечал И.И. Спасский¹.

Русский язык преподавался в большинстве северосирийских школ. С наибольшим успехом он изучался в Триполи, Латакии, Мине, Амьуне, и Кусбе². По мнению И.И. Спасского, основные трудности в преподавании русского языка заключались в том, что ИППО могло взять в школу, где обучались 120 – 150 детей, лишь одного учителя, знающего русский язык. Так, в Южной Сирии на 50 школ приходилось 30 пансионеров, два русских учителя и два араба, получивших образование в России. Преподавание русского языка начиналось в школах с «живых бесед». Эти уроки у арабских учителей отличались шаблонностью, так как велись по конспектам, которые нередко содержали ошибки. Несмотря на существующие недостатки, в изучении русского языка удавалось достичь неплохих результатов. В некоторых школах ученики старших групп говорили по-русски, умели склонять и спрягать, удовлетворительно писали под диктовку и даже по вопросам излагали письменно содержание изученных статей³. Следовательно, русский язык преподавался с успехом не только в учительских семинариях, но и некоторых двухклассных школах.

Помимо русского и арабского языков, во всех двухклассных школах обучали турецкому. Его преподавание, по мнению И.И. Спасского, не было эффективным, поскольку программа предусматривала мало часов, а в отсутствие разговорной практики язык быстро забывался⁴. Тем не менее возможность изучения турецкого языка привлекала к школам общества мусульман. Н.М. Аничков и И.И. Спасский

¹ Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества...// СИППО 1905. Т. XVI. Вып. 1. С. 60.

² Северо-сирийские школы Императорского Православного Палестинского Общества...//СИППО 1910. Том XXI. Вып. 4. С. 550.

³ Состояние школ И.П. Палестинского Общества Южной Сирии в 1908 – 9 учебном году. Из отчета инспектора А. Стасевича // СИППО 1910. Т. XXI. Вып. 1. С. 81.

⁴ Донесение Спасского И.И. в Совет ИППО от 13 ноября 1907 г. приложение к № 158 / АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416. 14 января 1906 – 10 декабря 1907. Л. 191.

считали, что обучение мусульман в школах ИППО могло принести пользу и обеспечить лояльность мусульманского населения по отношению к русским учебным заведениям. Мусульманские мальчики посещали школы с разрешения инспектора, хотя из-за этого некоторые родители забирали своих православных дочерей¹.

Кроме турецкого языка, в некоторых наиболее крупных школах общества преподавался английский или французский языки по выбору и на средства местных жителей. Часов на их преподавание выделялось мало и обучение также не приносило особых результатов. Однако наличие в школьном расписании западноевропейских языков привлекало в учебные заведения детей и успокаивало местное население. К примеру, английскому языку обучали в школах Амьюна и Кусбы, французскому – в Триполи, ал-Мине и Латакии.

Постепенно в школах улучшилось преподавание математики, что связано с поступлением в их пользование задачника В.А. Евтушевского, переведенного на арабский язык М.О. Атгаей. Однако, по замечанию И.И. Спасского, не все учителя быстро сумели сориентироваться в той массе материала, который дала им новая книга².

Среди предметов, включенных в программу двухклассных школ, был труд для мальчиков и рукоделие для девочек. Рукоделие Спасский считал важнейшим предметом, но, к сожалению, во многих школах не было толковых преподавателей и материала³. В то же время А.А. Стасевич сообщал в своих отчетах, что рукоделие преподавалось во всех южносирийских школах общества. Некоторые ученицы шили золотом и шелками, вязали кружево, которое из Сирии очень успешно поставлялось в Америку⁴.

¹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 283 [Школы ИППО в округе Триполийского Вице-Консульства] 1902 – 1914. Л. 26.

² Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества... // СИППО 1905. Т. XVI. Вып. 1. С. 60 – 61.

³ Северо-сирийские школы Императорского Православного Палестинского Общества... // СИППО 1910. Т. XXI. Вып. 4. С. 551.

⁴ Состояние школ И.П. Палестинского Общества южной Сирии в 1908 – 9 учебном году. Из отчета инспектора А. Стасевича // СИППО 1910. Том XXI. Вып. 1. С. 81.

Учительские семинары

После утверждения программ 1902 г. учебный процесс постепенно улучшался не только в сирийских, но и в палестинских школах. В 1904 г. инспектором галилейских школ стал выпускник Московской духовной академии П.И. Ряжский, который наряду с И.И. Спасским считался одним из лучших деятелей ИППО на Ближнем Востоке. Подобно своим коллегам в Сирии, он контролировал и корректировал деятельность арабских педагогов, ходатайствовал о повышении жалования самым усердным из них. Как у предыдущих школьных инспекторов в Палестине, у П.И. Ряжского сложились дружеские отношения с А.Г. Кезмой. Во время празднования 25-летия его службы Ряжский отметил, что Кезма помогал ему и другим русским инспекторам и педагогам освоиться в Палестине. В свою очередь, Ряжский старался всячески помочь начальнику семинарии. Инспектор ходатайствовал о предоставлении Кезме прав на чинопроизводство и пенсию наряду с другими русскими педагогами семинарии. Кроме того, он способствовал переводу сына Кезмы из Киевской духовной семинарии в Глуховский учительский институт по причине его слабого здоровья.

Вместе с А.Г. Кезмой и другими педагогами П.И. Ряжский содействовал правильной постановке учебного дела в Семинарии, а также начальных школах общества. В это время женскими школами заведовали учительницы, которые весьма долго служили на Ближнем Востоке. Так, в Назаретской женской школе долгие годы преподавала Е.Н. Каковина, в Иерусалимской – Е.М. Алексеева. Бейт-Джалльскими школой и пансионом с 1903 руководила Е.И. Голубева. Впоследствии к ней присоединялась Е.А. Лемпорт. По мнению П.И. Ряжского, она лучше других русских учительниц знала арабский язык, «хорошо умела руководить подчиненными ей арабскими учительницами, учительницами-практикантками и держать Образцовую семинарскую школу в должном порядке»¹. Е.А. Лемпорт и Е.И. Голубева служили в Бейт-Джалле до 1913 г.

¹ Письмо инспектора палестинских учебных заведений и управляющего подворьями его Сиятельству Вице-председателю ИППО князю Алексею Александровичу Ширинскому-Шихматову от 28 февраля 1912 г.

В мужскую школу в Хайфе был переведен Халил Бейдас. В это время он начал издавать журнал «ан-Нафа'ис», в котором публиковались произведения русских классиков, переведенные на арабский язык, а также статьи семинаристов.

В образцовой школе и особенно в Назаретской семинарии учебный процесс улучшался по мере того, как педагогический штат пополнялся арабами, окончившими русские учебные заведения, а срок службы русских учителей и приобретенный ими опыт в пансионе увеличивался.

В связи с этим А.Г. Кезма писал: «За 18 лет со времени своего открытия семинария приобрела достаточный опыт для выработки способов ведения как учебной, так и воспитательной части»¹. В это время педагогическим советом семинарии был создан свод правил для воспитанников, который имел целью приучить их к порядку, надлежащему обращению со своими вещами, правильным взаимоотношениям с товарищами и педагогами. Правила детально и строго регламентировали поведение воспитанников как в самом учебном заведении, так и вне его. В частности, прописывались нормы поведения в церкви, во время прогулок, в спальне, в столовой, на занятиях, в отношении к старшим.

К примеру, перед обедом и ужином воспитанникам следовало посещать умывальную комнату, где под наблюдением дежурного наставника они мыли руки². За четким выполнением правил следил дежурный воспитатель. После завтрака дети шли убирать кровати. Дежурные воспитанники в это время подметали спальню и следили там за порядком. В спальне запрещалось держать личные вещи, только полотенце, которое должно было висеть на решетке кровати и аккуратно сложенную под подушкой ночную рубашку. Во время 10-минутных перемен воспитанникам рекомендовалось выйти на площадку или рекреационную комнату, тогда как дежурные должны были проветрить класс, подготовить доску и прочие принадлежности к следующему уроку. Отправляясь на прогулку и возвращаясь

/АВПРИ. Ф. 337/2 Оп. 873/1 Д. 385 [О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества]. 1912 – 1913. Л. 2 об. – 3.

¹ Правила для воспитанников Назаретской В.Н. Хитрово учительской семинарии Императорского Православного Палестинского Общества// СИППО 1904. Т. XV. Вып. 1. С. 60.

² Там же. С. 66.

обратно в черте города, воспитанники должны были идти попарно. При этом им строго воспрещалось ходить по засеянным полям, огородам, садам, рвать плоды, ломать ветки и т.п. «Находясь в столовой, воспитанники должны сохранять возможную тишину: не стучать ложками, тарелками... иметь салфетки на груди, заткнутыми одним углом за ворот кумбаза, сидеть прямо, не разваливаясь и не кладя локтей на стол, не смеяться, бережно обращаться с посудой и опрятно содержать столовое белье...»¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что данные правила были разработаны с учетом норм поведения, принятых в российских учебно-воспитательных заведениях, некоторые из них сохранились и по сей день. Воспитанники, которые проводили 6 лет в стенах пансиона, твердо усваивали эти нормы и хотя бы частично придерживались их не только в педагогической практике, но и дома. Список этих правил, которые имели под рукой русские и арабские учителя был для них своеобразной инструкцией и помогал достичь единства требований в отношении к ученикам, что было весьма важно для воспитательного процесса.

В «Правилах» содержались требования, нацеленные на улучшение качества русско-арабской коммуникации. В частности, воспитанникам предписывалось «в дни дежурства русских преподавателей и преподавателей-туземцев, знающих русский язык, ... говорить между собою по-русски»². Взаимодействие учеников и русских педагогов в пансионе углублялось на обязательных и факультативных занятиях, а также во время экскурсий. В 1903 году в семинарии преподавал выпускник Глуховского учительского института Николай Сак, в лице которого «Общество приобрело отличного труженика, любящего молодежь и умеющего руководить занятиями»³. Помимо прочих дисциплин, Сак с успехом преподавал ручной труд. На уроках воспитанники занимались столярным и переплетным ремеслом: изготавливали вешалки, ящички для вилок и ножей, скамейки для чистки сапог, лестницы для

¹ Там же. С. 68.

² Правила для воспитанников Назаретской В.Н. Хитрово учительской семинарии Императорского Православного Палестинского Общества // СИППО. 1904. Т. XV. Вып. 1. С. 67.

³ Преподавание ручного труда и музыки в Назаретской учительской семинарии в 1903 – 4 учебном г.// СИППО. 1905. Т. XVI. Вып. 3. С. 412.

библиотеки пансиона, сундуки для учебных принадлежностей, ящики для тетрадей, переплетали книги. Все эти ремесленные навыки, наряду со знаниями, приобретенными на уроках садоводства и огородничества, воспитанники с успехом затем применяли в педагогической практике, а также в домашнем хозяйстве. Некоторые выпускники семинарии могли впоследствии устроиться в мастерские и зарабатывать ремеслом себе на жизнь.

Помимо дисциплин, предусмотренных программой, Сак вел факультативные занятия по музыке. «Преподавание музыки, – писал учитель в своем отчете, – было предпринято в семинарии с целью дать воспитанникам разумное и приятное развлечение и развить в них эстетический вкус»¹. Однако музыкальных инструментов в семинарии не было. Нашлось лишь несколько скрипок, на которых стали играть три ученика. Они разучивали упражнения из школы К.К. Альбрехта и сборника «Маленький Паганини». Остальные ученики также заинтересовались занятиями и стали их посещать. Однако для этого нужно было приобрести еще инструменты. Сак отмечал, что если приобрести 4 скрипки два альты и виолончель можно было бы организовать маленький струнный оркестр и научить музыке значительное число воспитанников².

Николай Сак, так же как и другие педагоги пансиона, сопровождал учеников во время загородных экскурсий, имевших «самое благотворное влияние на физическое и умственное развитие молодежи...»³. Впервые летние выездные экскурсии для пансионеров были предложены А.Г. Кезмой и одобрены Советом общества в 1889 году⁴. Подготовку к загородным прогулкам ученики осуществляли заранее, читая в пособиях по истории и географии о тех местах, которые планировалось посетить. Накануне отъезда воспитанники рассказывали учителю все, что им удалось найти по теме предстоящей экскурсии и получали от него дополнительную информацию, а также наставления. Найденные учениками сведения касались в основном

¹ Там же. С. 414.

² Там же. С. 415.

³ Пасхальная прогулка воспитанников Назаретской Василия Николаевича Хитрово семинарии в 1904 г. Из отчета преподавателя Николая Сака // СИППО. 1905. Т. XVI. Вып. 3. С. 405.

⁴ Письмо В.Н. Хитрово к А.Г. Кезме. С.-Петербург, 14 мая 1889 г./ Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3... С. 233.

исторического прошлого мест, которые они собирались посетить, природы, обычаев и нравов, населявших их народов. Во время подобных краеведческих экскурсий воспитанники наблюдали за природой, жизнью местного населения, рассматривали памятники архитектуры и их руины, общались с местными жителями. Случался и интеллектуальный обмен между семинаристами и учениками-мусульманами. Весьма интересна встреча экскурсантов с бедуинами около озера Мером, описанная Н. Саком. После того, как закончились занятия в школе-палатке, писал Н. Сак, ученики вместе с учителем бедуином вышли на встречу пансионерам. Между бедуинами и воспитанниками завязался разговор, и дело дошло до скорого взаимного испытания. После устных вопросов выступили на сцену арабская каллиграфия и письменные арифметические задачи. Этот учитель не мог спорить в познаниях с пансионерами, однако последние не желали уронить его достоинство перед его учениками и родителями, потому не предлагали ему трудных вопросов. «Один из воспитанников собрал около себя толпу бедуинских ребятишек и, живо освоившись с ними, вел мирную беседу о школьных занятиях и играх»¹. Дело дошло до того, что «двое из местных мальчиков-мусульман даже решили ехать в Назарет учиться, причем один настолько воспылал любовью к просвещению, что решился даже бросить свою мать. Мы думали, что это шутка, но утром, в день отъезда, мальчики уже поджидали нас с котомками и были очень огорчены, когда мы не взяли их с собой»². Помимо мусульман, пансионеры во время прогулок общались и с иудеями. Проезжая мимо еврейского села, воспитанники были удивлены дружбой их товарища-семинариста с местными еврейскими мальчиками. Оказалось, что до того, как он поступил в семинарию, они были соседями. Еврейские мальчики настойчиво звали воспитанников в гости, но поняв, что это невозможно вынесли им угощения. Как видно, такие экскурсии не только расширяли кругозор воспитанников, но и содействовали их общению и взаимопониманию с детьми других вероисповеданий. Пансионеры, которые знакомились в рамках учебного курса с историей Арабского халифата, достижениями средневековой исламской

¹ Пасхальная прогулка воспитанников...// СИППО. 1905. Т. XVI. Вып. 3. С. 409.

² Там же. С. 411.

культуры и мысли иначе смотрели не только на мусульманских соплеменников, но и на арабов в целом, их историческое прошлое и будущее.

Постепенно состав русских учителей в семинарии пополнялся не только профессиональными педагогами, но и востоковедами. Среди преподавателей Назаретского пансиона в 1909 г. был выпускник Лазаревского института восточных языков С.С. Аверкиев. В это время в ЛИВЯ преподавали М.О. Аттая и А.Е. Крымский, у которых С.С. Аверкиев получил хорошую арабистическую подготовку и, вероятно, ознакомился с сиро-ливанском диалектом. Служба в школах общества была для юных востоковедов шансом получить прекрасную языковую и педагогическую практику. Некоторые учителя продолжали заниматься востоковедной деятельностью по возвращении в Россию. В частности, С.С. Аверкиев, преподавал в советских учебных заведениях и написал ряд научных трудов.

В то же время педагогический штат семинарии пополнялся за счет арабских выпускников российских учебных заведений. Помимо А.Г. Кезмы и К.И. Каназе, в семинарии преподавали А.Д. Баллан и Х.А. Хабиб. Арабский язык в это время продолжал преподавать Г.М. Фотие. Х.А. Хабиб, подобно К.И. Каназе, был выпускником российского педагогического института. В свою очередь А.Д. Баллан получил образование в Полтавской духовной семинарии, а затем в Казанской духовной академии¹.

Русские и арабские учителя регулярно собирались А.Г. Кезмой для участия в педсоветах, в ходе которых обсуждались различные вопросы, касающиеся обучения, воспитания и поведения семинаристов. Следует отметить, что участие в педсоветах как русских, так и арабских педагогов, позволяло эффективно решать важные проблемы и избегать недоразумений.

Так, на одном из педсоветов разбиралось поведение воспитанника, который грубо повел себя с преподавателем С.С. Аверкиевым, сказав ему «неприличную брань». В отношении Совету ИППО от 17 декабря 1909 г. П.И. Ряжский сообщал: «Когда г. Аверкиев отказал Жамилю (Джамил – Е.С.) в газете и заявил, что газеты

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 313.

выписываются не для учеников, то Жамиль ему ответил: а для кого же? Для чертей что ли?» Аверкиев понял эту неприличную выходку так, что Жамиль обозвал всех учителей чертями, поскольку именно для них выписывались газеты. Арабские учителя на собрании оспаривали такой смысл фразы, так как соответствующая арабская поговорка, переведенная учеником на русский язык, имела несколько другой смысл: «для чертей – значит ни для кого. Досталось чертям – значит: никому не досталось»¹. Инцидент был улажен. Подобная ситуация свидетельствовала о том, что педсоветы с участием русских и арабских учителей были необходимы, так как недопонимание между учениками и педагогами возникало неоднократно.

Согласно отчету по Назаретской семинарии за 1909 – 1910 г., преподавание дисциплин распределялось между учителями следующим образом: А.Г. Кезма преподавал Закон Божий, С.С. Аверкиев – историю, географию, геометрию и русское чистописание. А.Д. Баллан – русский язык в I и II классах. К.И. Каназе – педагогику в III классе. И.А. Колонутов – русский язык в III классе, природоведение во всех классах, черчение и рисование во втором классе, а также ручной труд. А.Х. Хабиб преподавал арифметику во всех трех классах, черчение и рисование в первом классе, русское пение, и гимнастику во всех классах. Г.М. Фотие вел арабский язык в трех классах и арабское чистописание в первом классе. Священник Юсеф (Йусуф) Насир обучал семинаристов греческому и церковному пению, Са‘ид Абу Хамад – турецкому языку. Вместе с тем С.С. Аверкиев был секретарем педсовета, а А.Д. Баллан – библиотекарем и воспитателем. Воспитателями были также А.Х. Хабиб и Г.М. Фотие. И.А. Колонутов заведовал физическим кабинетом и музеем².

Данное распределение свидетельствовало о том, что недостатки учебного процесса, которые подметили Н.М. Аничков и М.О. Аттая во время командировки на Ближний Восток, были учтены и по возможности исправлены. В частности, русский язык в первом и втором классе преподавал арабский выпускник российской духовной академии А.Д. Баллан. Арифметику во всех трех классах вел выпускник

¹ Отношение П.И. Рязского Совету ИППО от 17 марта 1909 г. /АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 354 [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах]. 1909. Л. 26.

² Учительская, имени В.Н. Хитрово, семинария в Назарете в 1909 – 1910 учебном году. По отчету начальника семинарии А.Г. Кезма // СИППО. 1910. Т. XXI. Вып. 4. С. 553 – 554.

Киевского института, который весьма углубленно занимался математикой Х.А. Хабиб. Следовательно, вопрос о недопонимании воспитанниками математической терминологии, а также проблема перевода задач были решены. Он же вел и другие предметы в первом классе. Русский учитель С.С. Аверкиев, будучи востоковедом по образованию, мог на уроках использовать арабский язык, чтобы избежать недопонимания. Для того, чтобы доходчиво объяснить ученикам материал по геометрии, он без труда мог ознакомиться с арабоязычной терминологией. Арабский язык у всех воспитанников преподавал учитель с многолетним педагогическим опытом Г.М. Фотие¹. Педагогику на третьем курсе семинарии с успехом преподавал К.И. Каназе, он же руководил образцовой школой. К этому времени удалось расширить список арабоязычных пособий, что позволило улучшить учебный процесс и облегчить преподавание. Каназе, который читал курс педагогики по русскоязычным материалам, вероятно, пользовался пособиями и на арабском языке, переведенными Христофором Акелем. Облегчить преподавание математических дисциплин позволил задачник Евтушевского, переведенный на арабский язык. Большую помощь в преподавании русским и арабским педагогам по различным дисциплинам оказал русско-арабский словарь, составленный выпускником Казанской духовной академии П.К. Жузе. Словарь в качестве награды раздавали ученикам за отличную учебу и поведение.

Благодаря совместным усилиям русских и арабских педагогов, удалось достичь значимых успехов в преподавании русского языка. В первом классе воспитанники изучали грамматику, во втором – теорию словесности. В третьем – знакомились с методикой русского языка, правила которой иллюстрировались аналогичными примерами из методики арабского языка, а кроме того изучали историю русской литературы. Во время внеклассных занятий воспитанники должны были читать книги на русском языке, взятые из библиотеки и писать на них отзывы. Кроме того, семинаристы делали переводы с русского на арабский язык и иногда помещали их в журнале, который печатал Халил Бейдас.

¹ Там же. С. 553 – 554.

Преподавание арабского языка также было поставлено фундаментально. Семинаристы изучали не только грамматику и теорию словесности, но и историю литературы¹. Судя по всему, в этом им помогала работа В.Ф. Гиргаса, которую перевел М.О. Аттая. В выпускном классе семинаристы писали сочинения на арабском и русском языках на общественно-значимые темы, в том числе о роли просвещения: «Образование и его значение в истории прогресса», «Семья и школа в отношениях к задачам воспитания», «Значение письма и печати»², «Прогресс народов и высшие школы», «Женское образование», «Научное значение опыта и наблюдения»; а также на темы, посвященные классикам русской литературы и их произведениям: «Одинаково ли изображают Пушкин и Гоголь русскую действительность», «Значение Ломоносова в русской литературе»³.

Основательное изучение русского и арабского языков, а также литературы позволило выпускникам Назаретской семинарии заниматься переводческой и литературной деятельностью. В семинарии обучали и английскому языку. Его на безвозмездной основе преподавал учитель образцовой школы Дмитрий Хури.

В учительских семинариях удавалось достичь наибольшего профессионального взаимодействия между русскими и арабскими педагогами, особенно теми, кто долго служил на одном месте. От слаженной работы и взаимопонимания между учителями и воспитанниками зависело качество образования. Об этом писал и А.А. Дмитриевский, считавший главной причиной успеха Назаретской семинарии просвещенную, «товарищески-дружную» работу ее педагогов⁴.

Результаты просветительской деятельности Назаретского пансиона были отмечены на страницах Сообщений ИППО: «За 25 лет семинария имела десять выпусков и дала до семидесяти образованных и вполне подготовленных к деятельности учителей, из коих более двух третей окончивших в ней курс, с честью для воспитавшего их заведения, благоплодно работают в школах Общества в Палестине и

¹ Там же. С. 613 – 619.

² Назаретская, имени В.Н. Хитрово, учительская семинария... // СИППО. 1909. Т. XX. Вып. 4. С. 614.

³ Учительская, имени В.Н. Хитрово, семинария... // СИППО. 1910. Т. XXI. Вып. 4. СПб., 1910. С. 555.

⁴ Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине... С. 310

Сирии, а некоторые, покинув педагогическую службу, не без пользы для церкви православной и своего народа работают и на других поприщах деятельности в России, в Сирии, Палестине, Египте и даже в далекой Америке»¹.

В Бейт-Джалльской учительской семинарии также успешно готовились педагогические кадры. Среди преподавателей в 1906 г. числились О.Л. Анненкова, М.М. Измайлова, М.О. Кассис. Руководила школой Е.И. Голубева. В первом классе преподавали преимущественно выпускницы самой семинарии, во втором и третьем занятия вели русские учительницы с помощью своих арабских коллег. За время обучения воспитанницы хорошо осваивали русский язык: свободно читали и правильно излагали свои мысли. К примеру, «изучая Закон Божий на арабском языке, они довольно бойко давали ответы на экзамене по-русски»². Большое внимание уделялось преподаванию географии и истории России. Голубева отмечала, что удельный период по истории изучался не очень активно, так как не был интересен арабам, в отличие от русско-турецких войн и защиты Россией православных арабов и греков от турок, о чем воспитанницы слушали с большим интересом. Руководством для изучения истории арабских стран, а также Османской империи служил учебник А.И. Якубовича, дополненный сведениями из истории Г. Вебера. Помимо других дисциплин, в третьем классе преподавались алгебра, геометрия, физика, рисование с элементами черчения, а также «учение по воспитанию». Курс педагогики читали по учебникам К.В. Ельницкого. В отличие от Назаретской семинарии педагогика в Бейт-Джале преподавалась русскими учительницами на их родном языке. Педагогическая практика воспитанниц была не такая обширная, как в Назарете. Практические занятия учениц 3-го класса состояли в посещении уроков в местной образцовой школе. После этого они излагали перед наставницей план занятий, которые посетили. Каждая практикантка делала письменный отчет об одном из прослушанных в школе уроков. Кроме того, они принимали живое участие в воспитательной работе и организации досуга школьников: играли с ними во время

¹ Летопись Палестинского общества // СИППО. 1911. Т. XXII. Вып. 3. С. 428.

² Бет-Джалльская учительская семинария Императорского Православного палестинского общества в 1906 – 1908// СИППО. 1909. Т. XX. Вып. III. С. 437.

перерывов, а также вели наблюдение. После подготовительных работ практикантки самостоятельно вели уроки в школе. За год каждая из них давала по 6 уроков: по Закону Божию, арабской грамоте, объяснительному чтению, арифметике, грамматике, географии и русскому языку¹.

После окончания учебного курса воспитанниц Бейт-Джалльской семинарии также, как и воспитанников в Назарете, вывозили на экскурсии. В частности, в 1908 г. они побывали на Мертвом море и Иордане.

О хорошей подготовке воспитанниц свидетельствовали экзаменаторы, которые проводили годовые испытания в Бейт-Джалле в июне 1907 г. На экзамене присутствовал патриарх Иерусалимский Дамиан (это было второе посещение патриархом семинарии за 15 лет), который прибыл туда в сопровождении архимандрита Каллиста и архимандрита Иосифа. Среди экзаменаторов также были: архимандрит Леонид – начальник РДМ, управляющий генконсульством в Иерусалиме Г.В. Чирков, врач русской иерусалимской больницы В.Я. Северин и начальница Иерусалимской школы Е.М. Алексеева. Экзамены длились 3 часа. Проверяли знания по церковной истории, катехизису и литургике, по русскому и арабскому языкам и педагогике. Несмотря на присутствие незнакомых лиц, ученицы отвечали бойко и верно. После экзамена архимандрит Каллист, окончивший курс Московской духовной семинарии, по поручению патриарха записал в экзаменационном листе: «Настоящие ученицы, в присутствии Блаженнейшего патриарха Дамиана, архимандрита Иосифа, знатока арабского языка, и архимандрита Каллиста, кандидата Московской духовной академии, выдержали устные экзамены по церковной истории, катехизису и литургике отлично. Кроме того, их спрашивали по грамматике русской и арабской, и делали перевод с арабского на русский язык и наоборот безошибочно»². Учитывая недоброжелательное отношение греческого духовенства к школам ИППО, похвальный отзыв патриарха и архимандритов о знаниях девочек,

¹ Бет-Джалльская учительская семинария...// СИППО. 1909. Т. XX. Вып. III. С. 439.

² Бет-Джалльская женская Учительская семинария и посещения ее Блаженнейшим патриархом Иерусалимским Дамианом. Впервые напечатано в Сообщениях ИППО. 1912. Т. XXII. Вып. 1.//Палестинское общество и русские школы на Востоке. / Под редакцией Лисового Н.Н. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2014. С. 82.

представлял большую ценность и, несомненно, свидетельствовал о высоком уровне подготовки семинаристок.

Несмотря на то, что к концу первой декады XX века Палестинскому обществу удалось достичь значимых результатов в подготовке учительских кадров, школьное дело по-прежнему сталкивалось с многочисленными трудностями. Его активному развитию препятствовало, прежде всего, недостаточное финансирование. Школ было много, а средств – мало. Низкое жалование учителей, получивших образование в Назаретской семинарии, а также учебных заведениях в России, заставляло их искать более перспективную службу на Ближнем Востоке или уезжать на заработки в Америку. Для школьной системы ИППО это стало серьезной проблемой. Поскольку двухклассные мужские школы держались именно на выпускниках Назаретской семинарии, с их недостатком снижалось качество образования. Это вызывало недовольство со стороны местного населения, особенно сирийского, которое поддерживало активные коммерческие связи с Европой и было более состоятельным в сравнении с населением Палестины. Сирийцы (в основном в городах) периодически выступали за расширение учебной программы, включение французского и английского языков, а также сокращение часов русского языка¹, изучение которого отнимало много времени и в дальнейшем не приносило материальной пользы. Вместе с тем на школы ИППО периодически оказывали давление османские власти, желавшие поставить их под свой контроль.

Осознание того, что общество не в силах обеспечить на должном уровне образовательный процесс во всех школах, число которых к 1910 г. достигло 101, вынудило Совет ИППО задуматься об их сокращении. Активным сторонником этой идеи был Н.М. Аничков, предлагавший закрыть школы в Сирии (вернее передать их местному духовенству и православным общинам) и сосредоточить свои просветительские усилия на Палестине. Для того, чтобы выяснить отношение к школам местного населения и оценить качество учебного процесса, на Ближний Восток в 1910 г. были командированы секретарь общества А.А. Дмитриевский, а также

¹ См. Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества... С. 258.

представитель Министерства иностранных дел, имевший востоковедное образование, Н.В. Кохманский. В ходе объезда сирийских школ выяснилось, что местное население по-прежнему относится к учебным заведениям доброжелательно, а к самому обществу – с благодарностью. Несмотря на то, что в обществе идею закрытия сирийских школ продолжали обдумывать, Министерство иностранных дел выступало против подобных радикальных мер. Для решения вопроса о сирийских учебных заведениях в Дамаске в 1910 г. было проведено совещание с участием А.А. Дмитриевского, Н.В. Кохманского, консула в Дамаске Б.Н. Шаховского, а также инспектора галилейских школ А.А. Стасевича. Как представители Министерства иностранных дел, Шаховской и Кохманский протестовали в самой категоричной форме против закрытия школ в Сирии¹, полагая, что подобный шаг со стороны Палестинского общества нанесет тяжелый удар по обаянию России на всем Востоке. Кроме того, вместо закрытых российских школ там сразу бы появились инославные учебные заведения, что свело бы все усилия России по поддержанию православия на нет. По мнению А.Г. Грушевого, именно Б.Н. Шаховскому во многом удалось отстоять сирийские школы. За время служения на Ближнем Востоке консул хорошо изучил регион и наладил контакты с представителями местных общин. Кроме того, востоковедное образование позволяло ему лучше ориентироваться в ситуации. Представление Шаховского о дальнейшем развитии школьного дела ИППО во многом совпадало с мнением И.Ю. Крачковского, который с 1909 по 1910 гг. был в научной командировке на Ближнем Востоке и принимал живое участие в инспектировании учебных заведений общества². Благодаря содействию МИД, который всегда считал русские школы в Сирии и Палестине делом политическим, российское правительство увеличило смету учебных заведений общества.

Вместе с тем было решено разработать новые программы для школ ИППО, которые бы соответствовали нуждам местных жителей. В частности,

¹ АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819 Д. 288 [Школы ИППО. Д.С.С. Дмитриевский. Командировка его по делам ИППО]. 1909 – 1910. Л. 17.

² См. Грушевой А.Г. Планы развития образования в русских школах на Ближнем Востоке перед Первой мировой войной // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 37 – 56.

предполагалось расширить программы начальных школ, а кроме того открыть в Бейруте коммерческое училище. С этой инициативой выступил генеральный консул России в Бейруте князь Гагарин. По его мнению, подобное училище могло бы рассчитывать на самое широкое сочувствие и материальную поддержку русского купечества¹, что позволило бы закрепить ему за собой ближневосточный рынок. Преподавание в младших классах учебного заведения должно было осуществляться на арабском языке, в средних – на русском, в старших – на французском. В свою очередь Б.Н. Шаховской предлагал расширить преподавание французского и английского языков в школах и увеличить количество их часов в программе². Вместе с тем предлагалось увеличить количество воспитанников в семинариях и преобразовать их из трехклассных в шестиклассные с ежегодным выпуском³.

К концу учебного 1913 – 1914 г. были закончены труды особого совещания, образованного Советом общества для рассмотрения учебных программ учительских семинарий. Программа включала изменения и дополнения по всем дисциплинам: арифметике, физике, естествознанию, педагогике, русскому и европейским языкам. В разработке программ по арабскому языку непосредственное участие принимал И.Ю. Крачковский, предлагавший расширить курс арабской литературы не только за счет классических трактатов, но и произведений Нового времени⁴. Вместе с тем предполагалось внести изменения в курс по истории русской литературы и исключить из программы церковно-славянский язык.

В те же годы планировалось расширить и укрепить научные связи с Ближним Востоком. В частности, сенатор Е.П. Ковалевский предлагал учредить новое научное общество⁵. В отличие от ИППО, которое занималось, прежде всего, палестиноведением и историей христианства в регионе, новое общество должно было также

¹ АВПРИ. Ф. 208. Консульство в Бейруте. Оп. 819. Д. 288. 1909 – 1910. Л 8.

² Там же. Л. 20 – 21.

³ См. там же.

⁴ См. Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. №2 (22). С. 316.

⁵ См. Доклад Е.П. Ковалевского «Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях». 1915 г. с. 339 – 349; Письмо сенатора Е.П. Ковалевского Председателю Московского археологического общества графине П.С. Уваровой. 15 января 1915// Россия в Святой Земле: документы и материалы / сост., подготовка текста, вступ. статья и комм. Н. Н. Лисового Т. I. М.: Международные отношения, 2000.

уделить внимание древнему и мусульманскому Востоку. С этой целью Е.П. Ковалевский предлагал задействовать российских востоковедов, а также образованных представителей местного населения, которые бы изучали историю ближневосточного региона. К сожалению, начавшаяся в 1914 г. война помешала реализации этих планов и дальнейшему развитию научно-образовательного сотрудничества с Ближним Востоком.

Следует отметить, что школы ИППО закрылись не сразу. Еще осенью 1914 г. учебные заведения планировалось открыть, что И.И. Спасский и сделал на некоторое время¹. К началу военных действий на служебных местах находились М.Н. Трапезникова, возглавлявшая Бейт-Джальскую семинарию, И.И. Спасский, А.А. Стасевич, И.А. Колонутев со своей супругой, Е.М. Алексеева, руководившая школой в Дамаске, М.А. Черкасова, а также другие сотрудники школ и инспекций. В это время возникли сложности с переводом денег, поэтому сотрудники ИППО испытывали большие финансовые трудности. В сложившихся обстоятельствах в Петербурге меньше всего переживали за благосостояние Черкасовой. «Зная, с каким исключительным уважением и вниманием относятся местные православные сирийцы к русским школам и их самоотверженной и энергичной начальнице... можно питать полную уверенность... что в случае какой-либо нужды в денежных средствах бейрутские нотабли–сирийцы не задумаются оказать М.А. Черкасовой временную поддержку»². Действительно, начальница бейрутских школ до последнего не обращалась в Петербург за финансовой помощью. Подобно М.Н. Трапезниковой³, М.А. Черкасова отказалась покинуть место своей службы.

В Дамаске весь русский персонал поддерживала Е.М. Алексеева, которая временно выполняла функции инспектора. Не всем русским учителям и сотрудникам инспекций удалось покинуть Османскую империю, некоторые из них были сосланы турецким правительством в Урфу. Что касается арабских учителей, многие

¹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 283 [Школы ИППО в округе Триполийского Вице-Консульства]. 1902 – 1914. Л. 53.

² Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией // СИППО. Т. XXVII. Петроград 1916. С. 286.

³ См. Юшманов В.Д. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны.// СИППО. 1915. Т. XXV. Вып. 1-2. С. 151.

из них были призваны в армию, однако некоторым удалось скрыться от османских властей.

Когда профессиональные взаимоотношения между русскими и арабами были прерваны, особое значение приобрели дружеские узы. «Местные православные сирийцы, по преимуществу учителя сельских школ общества и бывшие ученики, – писал В.Д. Юшманов, – относятся к русским с трогательной заботливостью и готовы делиться с ними всем, что имеют»¹. Известно, что секретарь галилейской инспекции Фарах Салты (Салти) был проводником русских служащих, покидавших Назарет в ноябре 1914 г. Среди них были Е.Н. Каковина, С.С. Аверкиев, учитель семинарии Е.С. Воловик с женой, детьми и отцом, учительница Назаретской школы А.С. Кузнецова и другие². «При прохождении таможи служащим общества и монахам Духовной миссии оказывали услуги и посильное содействие арабские учителя хайфской и абеллинской ('Ибилин(ской) – Е.С.) школ Общества Дауд Айуб и Тауфик Хури, а также бывший воспитанник Илия Закка, проводивший их затем на лодке до парохода, рискуя за проявление таких симпатий к русским подвергнуться недовольству турецких властей со всеми последствиями»³. Арабский учитель Селим Кобейн (Салим Куб'айн), который в это время преподавал в Египте, помогал русским сотрудникам ИППО обустроиться в Александрии.

Вместе с тем арабские учителя и секретари инспекторов содействовали сохранению имущества и библиотек общества. В Палестине надзор за школьным оборудованием был поручен А.Г. Кезме, а также старшим учителям школ. И.И. Спасский, находившийся в 1919 г. в Константинополе, просил бывшего своего секретаря К. Каттуфа передать книжное собрание сирийской инспекции ИППО на хранение митрополиту Триполи⁴.

¹ Там же. С. 179.

² См. Юшманов В.Д. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией // СИППО. 1915. Т. XXVI. Вып. 3 – 4. С. 377.

³ Юшманов В.Д. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией // СИППО. 1915. Т. XXVI. Вып. 3 – 4. С. 387.

⁴ См. Арраси, Джульетт. Ал-мадарис ал-урсудуксийа фи минтакатай Хасбийя ва Мардж 'айун ма'а индила' ал-харб ал-'аламийа ал-ула (Православные школы в районах Хасбийи и Марджаюна с разгаром Первой мировой войны) // Лубнан фи-л-харб ал-'аламийа ал-ула. (Ливан в Первой мировой войне). Бейрут. 2011. С. 300.

Следует отметить, что не все православные школы Сирии были закрыты с началом военных действий. По словам Джульетт Арраси, закрылись лишь школы, которые были зарегистрированы как русские. Учебные заведения, которые числились за антиохийским духовенством продолжали работать при поддержке местного православного населения. Оказавшись в ведении церковных иерархов, ливанские школы испытывали трудности из-за прекращения российской помощи. Несмотря на это, священники, которые присматривали за учебными заведениями, пытались поддержать образование своей православной паствы¹. В ведении представителей местной Православной церкви оказалась и учебная литература. Следует предположить, что в ходе военных действий часть книг и школьного оборудования ИППО были утрачены, однако другая часть, несомненно, осталась. Осуществлять преподавание в православных школах в этот период помогали выпускники учительских семинарий ИППО, которые были проводниками русской педагогической системы на Ближнем Востоке. После окончания Первой мировой войны в Амьонской школе в Ливане некоторое время преподавался русский язык. Об этом упоминала мать арабского исследователя И. Зайна, которая училась там в этот период. Вскоре после установления французского мандата русский язык был заменен на французский², однако в составе педагогического штата по-прежнему находились выпускницы Бейт-Джалльской семинарии. По справедливому замечанию А.Г. Грушевого, учебные заведения ИППО, прежде всего семинарии в Назарете и Бейт-Джале, «подготовили первые кадры европейски образованных профессиональных педагогов для среды арабов-христиан, работавших в основном в сельской местности»³. Английские и французские власти, организуя систему просвещения на подконтрольных им территориях, неизбежно привлекали арабских выпускников русских школ в качестве учителей. Михаил Нуайме писал, что без этих учителей английские власти не смогли бы наладить систему образования в Палестине⁴. А Ханна Абу Ханна

¹ См. там же. С. 304.

² Халил Зайн, Илийас. Бад' ал-харакат ат-та'лимийа фи Амийун. Ал-мадраса ар-русийа тали'а ан-нахда ат-тарбавийа. (Начало просвещения в Амьоне. Русская школа в авангарде образовательного возрождения). Третий Амьонский Фестиваль. 2009. С. 20.

³ Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий...С. 295.

⁴ См. Нуайме М. Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980. С. 93.

называл арабских выпускников русских учебных заведений авангардом палестинского культурного возрождения, которые сыграли важную роль в развитии образования на Арабском Востоке¹.

Арабские учителя не только передавали своим воспитанникам знания, но и организовывали учебно-воспитательный процесс по российскому образцу, усвоенному ими в семинариях. Вести педагогическую деятельность им помогали российские учебники, переведенные на арабский язык, а также пособия, составленные местными учителями по российским образцам.

Как известно, педагоги-арабы активно содействовали подготовке арабских учебников. В частности, Антуан Баллан и Константин Каназе составили пособие по географии, а также занимались переводом учебника по математике. Халил Бейдас подготовил ряд учебных пособий по истории мусульманских государств, математике и арабскому языку².

Выпускники русских школ внесли большой вклад в развитие арабской литературы и познакомили своих соотечественников с литературной традицией России. Учебные заведения ИППО окончили такие видные литераторы и переводчики как Михаил Нуайме (Миха'ил Ну'айма), Халил Бейдас (Байдас), Надра Хаддад, Насиб 'Арида, 'Абд ал-Масих Хаддад и Селим Кобейн (Салим Куб'айн). На формирование их литературных взглядов большое влияние оказала русская словесность³. Усилиями Халила Бейдаса были переведены некоторые произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Толстого, А.П. Чехова. Многие произведения вышли в сотрудничестве Бейдаса с другими назаретскими питомцами и бейт-джальскими питомцами⁴. Известно, что переводами с русского на арабский язык занималась учительница Пелагея Дафешь (Дафиш). Произведения Толстого переводил и Селим

¹ См. Абу Ханна, Ханна. Тала'и' ан-Нахда фи Филастин. Хириджу ал-мадарис ар-русийа. (Авангард возрождения в Палестине. Выпускники русских школ). Бейрут: Му'вассаса ад-дирасат ал-филастинийа (Организация палестинских исследований), 2005. 193 с.

² Там же. С. 60.

³ См. Али-Заде Э.А. Русская литература и арабский мир. (К истории русско-арабских связей). Книга 1. Москва: Изд-во МБА, 2014. С. 38.

⁴ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 315.

Кобейн. В свое время он женился на русской сотруднице ИППО и переехал с семьей в Египет, где занимался преподаванием и издательской деятельностью.

Некоторые выпускники русских школ продолжали поддерживать литературные связи с Советским Союзом. Так, Селим Кобейн состоял в многолетней переписке с И.Ю. Крачковским. В свою очередь, Михаил Нуайме, посетивший Советский Союз в 1956 г., принимал делегации русских востоковедов и литераторов в Ливане, а кроме того содействовал налаживанию советско-ливанского образовательного обмена¹.

Арабские выпускники российских учебных заведений оказали влияние не только на развитие арабской литературы, но и науки. Так ученый-рентгенолог Адиб Хазин, который в начале 1930-х годов вернулся из Киева в Палестину, основал в Акке² крупную больницу с применением рентгенологии³.

Посредством выпускников русских школ на Ближний Восток просачивалось влияние российской бытовой культуры, методов сельскохозяйственного и ремесленного производств. Приобретенные знания в области садоводства, огородничества, пчеловодства, рукоделия, столярного и переплетного мастерства, несомненно, применялись выпускниками в хозяйстве и, возможно, передавались из поколения в поколение. Особенно сильны были традиции русской культуры и воспитания в семьях арабских учителей и учительниц, которые заключали между собой браки. Известно, что заведующий амбулаторией Г.Н. Халеби женился на учительнице А. Халеби. В то же время браки заключались между русскими сотрудниками школ и инспекций ИППО. У некоторых из них на Востоке появлялись дети, которые могли ходить в местные школы и изучать арабский язык. Так, у помощника инспектора В.А. Соловьева в Триполи родился сын, который впоследствии стал известным писателем и автором «Повести о Ходже Насреддине»⁴.

¹ Ра'иф, 'Имад ад-дин. «Об отношениях М. Нуайме с СССР и советскими выпускниками» // Конференция, посвященная 130-летию Михаила Нуайме. М.: РУДН, 2019.

² Акко – портовый город на северо-западе Израиля.

³ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 314.

⁴ Федотов П.В. Кадровая политика Императорского православного палестинского общества... С. 106.

Выше отмечалось, что далеко не все арабы, окончившие российские учебные заведения, вернулись на родину. По этому поводу Б.Н. Шаховской заметил: «Проследив, что стало со всеми отправленными в Россию Сирийцами, я нашел, что почти все те, кто поехали туда не в духовном сане, остались в России и устроили себе прекрасную жизнь...»¹. Некоторые арабы поступили на службу в российские ведомства. В частности, Джамиль Антаки (Джамил Антаки) устроился в Ведомство внутренних дел в Туркестане специалистом по мусульманскому праву, курс которого прослушал у А.Е. Крымского в Лазаревском институте. Фаузи Хури, который также был слушателем А.Е. Крымского, работал в российских газетах экспертом по делам Востока². Другие православные арабы, в том числе и стипендиаты ИППО, занимались в России педагогической и востоковедной деятельностью, содействуя тем самым развитию русско-арабских научных связей.

¹ Копия донесения консула в Дамаске Б.Н. Шаховского посланнику в Константинополе от 7 октября 1908 г./АВПРИ. Ф. Турецкий стол (новый). Оп. 502 б. Д. 4911 [Прием в русские семинарии и академии]. 1908 г. Л. 2.

² См. Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 313.

3. 3. Арабские востоковеды в России: научно-исследовательская и педагогическая деятельность

Расширение российского культурного влияния на Ближнем Востоке в конце XIX века было следствием просветительской активности Православного палестинского общества. Углублению научно-образовательного взаимодействия между русскими и арабами содействовали арабские ученые и педагоги, преподававшие в российских вузах.

Во второй половине XIX века главным востоковедным центром страны становится Петербург и, прежде всего, Петербургский университет, где в 1855 г. был открыт Факультет восточных языков. Именно там после закрытия Восточного разряда в Казанском университете оказались сосредоточены основные востоковедные кадры.

Голландский ученый Схимельпенник ванн дер Ойе отмечает, что в отличие от Восточного разряда Казанского университета, научно-педагогический состав которого считал своим «принципиальным» долгом подготовку переводчиков и других госслужащих, профессура Санкт-петербургского университета в основном ставила перед собой научные цели¹. Исключение, по мнению Ван дер Ойе, составлял А.К. Казем-Бек, который был переведен в Петербургский университет, а затем стал первым деканом Факультета восточных языков. По словам И.Ю. Крачковского, Казем-Бек едва ли полностью сочувствовал приемам российского научного востоковедения и не всегда отражал их в своих работах: «пятилетний период его деканства был в сущности борьбой между практическим и научным уклоном в работе молодого Факультета, где Казембек поддерживал первое направление»². Внимание Казем-Бека к практической составляющей российского востоковедения было вполне объяснимо. В отличие от европейских и российских ученых, которые занимались изучением древнего и средневекового Востока, Казем-Бек также

¹ См. Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven and London Yale University Press, 2010. P. 175.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 126 – 127.

интересовался Востоком ему современным, происходившими там социокультурными процессами. Кроме того, он понимал политические, экономические и культурно-просветительские задачи России на Востоке, был сторонником интеллектуального и культурного обмена с местными народами.

По мнению А.К. Казам-Бека, Петербургскому университету следовало заниматься подготовкой востоковедов «широкого профиля», т.е. специалистов, способных заниматься научно-исследовательской, педагогической, дипломатической и переводческой деятельностью. Об этом свидетельствует его речь, произнесенная на открытии факультета: «Теперь всякое Министерство, по своему управлению, и всякое торговое общество, по своим сношениям с иноплеменными, могут иметь в воспитанниках нашего заведения желаемую помощь в нуждах своих... Что же касается будущего значения нашего факультета в ученом отношении... то настоящий его состав может быть верным залогом того, что в праве ожидать от него Министерство в России. Как Вы могли заметить выше, нигде еще в Европе не было такого соединения в одно ученое общество столь многочисленных ориенталистов, как ныне у нас; нигде еще не были сосредоточены все отрасли азиатских языков и литературы в такой полноте, как в нашем факультете, и, наконец, нигде еще не бывало такого числа природных туземных представителей восточной науки и русских ученых, исследовавших Восток на самом месте, вне своего отечества, как у нас»¹. Как видно, залогом успешного развития востоковедения в России и подготовки отечественных ориенталистов Казем-Бек считал соединение практического и теоретического аспектов обучения, сотрудничество российских ученых и «туземных» педагогов, а также посещение русскими востоковедами изучаемых ими стран.

Отличительной чертой деканства А.К. Казем-Бека, по словам И.Ю. Крачковского, явилось его стремление усилить практическую сторону преподавания восточных языков посредством привлечения лекторов из местной среды². При нем на факультете преподавали три араба – роскошь, которую впоследствии

¹ Цит. по: Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М.: Наука, 1973. С. 242 – 243.

² См. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 134.

университет себе уже не позволял. Заведующим кафедрой арабской словесности по-прежнему оставался шейх Тантави. Однако преподавать арабский язык на новом факультете ему практически не довелось в связи с тяжелой болезнью. В это время он продолжал работать на дому: принимал учеников и давал научные консультации. В 1856 г. в Петербург из Казани был приглашен **Ахмед Ибн Хусейн ал-Мекки** (Ахмад Ибн Хусайн ал-Макки). Известно, что мекканец преподавал в казанских учебных заведениях с конца 1840-х в годов. По традиции сначала он был приглашен комнатным надзирателем в Казанскую гимназию, а затем «допущен к практическому упражнению студентов в живом арабском языке»¹. Преподавая в университете, он начал подготовку учебного пособия «Арабско-русские разговоры»², которые планировалось издать. Однако рукопись так и осталась неопубликованной. К сожалению, остается неизвестным, каким образом лектор аравийского происхождения оказался в Казани. Можно предположить, что его приглашению содействовал А.К. Казем-Бек, знакомый с представителями мусульманской интеллигенции разных стран, или же мусульманские ученые Казани, которые преподавали в местных учебных заведениях и нередко посещали Аравию. Возможно, его пригласил и сам Тантави, который в ал-Азхаре общался со студентами из разных арабских стран. Так или иначе, ал-Мекки был переведен в Санкт-Петербургский университет в 1856 г. именно по ходатайству Тантави. В его лице египетский ученый рассчитывал обрести помощника, а возможно, и преемника, прежде всего, в преподавании разговорной практики. Однако лектором «ново-арабского языка» ал-Мекки служил недолго. В 1858 г. он оставил университет.

С болезнью шейха Тантави в трудном положении оказался не только университет, но и Учебное отделение восточных языков. Несмотря на то, что Тантави в 1847 г. формально оставил УОВЯ, он продолжал содействовать подготовке будущих дипломатов. Выше упоминалось, что УОВЯ отличалось практической направленностью в изучении Ближнего и Среднего Востока. После открытия Факультета восточных языков (ФВЯ) неоднократно вставал вопрос о дублировании работы

¹ Загоскин Н.П. Деятели Императорского Казанского университета (1805 г. – 1900 г.) Казань., 1900. С. 58.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 135.

Учебного отделения и ФВЯ, в связи с чем Учебное отделение предлагали закрыть. Несмотря на то, что задачи факультета и Учебного отделения отчасти совпадали, главные цели их были все-таки различны. Целью факультета являлось научное изучение восточных языков и словесности вообще, целью отделения – практическая подготовка небольшого числа переводчиков. Учебное отделение старалось подготовить для МИД специалистов с хорошим общим (и даже юридическим) образованием, знакомых с языками, религиями, географией, историей и бытовой культурой народов Ближнего и Среднего Востока.

В связи с этим в УОВЯ во второй половине XIX века был расширен курс востоковедных дисциплин, а также спектр преподаваемых европейских языков, распространенных на Ближнем Востоке. Помимо истории и географии Востока, в Учебном отделении читали курсы восточной нумизматики, мусульманского, а затем и международного права. В 1851 г. было введено преподавание новогреческого языка, необходимого дипломатам, служившим в странах Леванта.

В 1885 г. в Учебном отделении открылись курсы восточных языков для офицеров, целью которых была подготовка специалистов к службе на Кавказе и в Азиатских военных округах¹. На курс обучения, составлявший три года, принималось не более 5 офицеров. Главными предметами были арабский, персидский и турецкий языки, второстепенными – мусульманское, международное право и французский язык. Кроме того, офицеры должны были основательно изучить географию Востока.

Следует отметить, что окончившие курсы УОВЯ офицеры играли существенную роль в изучении Ближнего Востока и установлении коммуникации с местными жителями. Выполняя служебные поручения в арабских странах, офицеры собирали военно-статистические сведения, составляли словари и разговорники, путевые заметки, а также этнографические очерки. Так, Абдул Азиз ('Абд ал-'Азиз) Девлетшин, командированный в Хиджаз в 1898 г. для изучения военно-политической обстановки, составил отчет о системе турецкого управления в городах Аравии,

¹ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97 [Проект организации Учебного отделения восточных языков]. Л. 14.

торговле и занятиях местного населения¹. С тайной миссией в район Месопотамии был отправлен другой выпускник курсов УОВЯ подполковник В.А. Шелковников. Целью поездки, состоявшейся в 1902 – 1903 гг., была разведка турецких вилайетов и района проектируемой Багдадской дороги. Практически одновременно с Шелковниковым в районе строительства Багдадской железной дороги вели разведку ГШ капитан П.А. Томилов и штабс-капитан В.И. Семенов². В 1910 г. в Багдад совершил поездку штабс-капитан Ю.В. Макаров, составивший подробное топографическое описание дороги от Багдада до Аданы³.

Выдающимся военным-востоковедом XIX века был Д.Н. Богуславский. Он изучал восточные языки вольным слушателем в Петербургском университете, затем долгое время служил при миссии в Константинополе, где общался с турецкими и арабскими учеными богословами. При содействии Богуславского в Россию бежал арабский публицист Ризкаллах Хассун. Русский офицер был первым приставом при пленном имаме Шамиле, семья которого относилась к нему с большим уважением. По словам И.Ю. Крачковского, Д.Н. Богуславский обладал основательной арабистической подготовкой, что позволило ему перевести Коран. Вместе с тем он состоял в экзаменационных комиссиях на курсах Учебного отделения восточных языков⁴.

Поскольку УОВЯ занималось подготовкой переводчиков, дипломатов и офицеров, оно нуждалось в преподавателях восточного происхождения, которые вели бы не только языковую практику, но и основной учебный курс. После ухода шейха Тантави его необходимо было заменить другим преподавателем-арабом, который знал бы литературный арабский язык и был хорошо образован.

Следует отметить, что шейх Тантави и Ахмед Ибн Хусейн были единственными арабами-мусульманами, преподававшими в высших учебных заведениях Российской империи. После их ухода в России преподавали лишь арабы-христиане.

¹ См. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 74.

² Там же. С. 265.

³ Там же. С. 152.

⁴ Там же. С. 37.

Смене конфессионального ориентира российских вузов в выборе арабских педагогов способствовали внешнеполитические и социокультурные изменения, происходившие в арабских странах. Как известно, в первой половине XIX века культурно-просветительским центром Арабского Востока был Египет, откуда и пригласили шейха Тантави. Однако после смерти Мухаммада 'Али и прихода к власти 'Аббаса I, правление которого рядом исследователей считается реакционным, культурный обмен Египта с Европой несколько замедлился. Более того, некоторые иностранцы, в частности французы, лишились в Египте своих привилегий. Вместе с тем Крымская война и участие египетского контингента в составе османских войск не благоприятствовали поискам и приглашению другого египетского ученого в Петербург. Таким образом, с уходом Мухаммада 'Али, который поддерживал с Россией научно-образовательные контакты, а также закрытием Восточного разряда в Казани, связанной в культурном и просветительском отношении с Арабским Востоком, поиск араба-мусульманина, способного и желавшего преподавать в России усложнился. Перемещение во второй половине XIX века интеллектуального и просветительского центра арабского мира в Сирию и, прежде всего, в Ливан, отразилось на географии развития русско-арабских научных связей.

Культурная среда, сформировавшаяся в Сирии и Ливане под влиянием экономических, религиозных и научно-образовательных контактов с Западом, благоприятствовала углублению межкультурного взаимодействия в этих странах. Это выразилось в дальнейшем знакомстве арабов с достижениями западной науки и культуры и некотором их усвоении, а кроме того в активизации общения между образованными представителями различных конфессий. Вследствие интеллектуального обмена с европейцами и учеными мусульманами, арабы-христиане освоили европейские языки, а также существенно углубили свои познания в арабском языке, которому в ряде миссионерских учреждений уделялось большое внимание. По словам А.Е. Крымского, «миссионеры в течение одного-двух поколений создали среди сирийского населения кадры просвещенной арабской интеллигенции, которая под защитой консульств, сумела в своей стране... догнать и перегнать

реформированную египетским либеральным правительством интеллигенцию Египта»¹.

Поскольку наиболее образованная прослойка сиро-ливанского населения в 1860-80-е гг. состояла преимущественно из христиан, обучавшихся в миссионерских учебных заведениях, именно они пришли на смену арабам-мусульманам, преподававшим в российских вузах.

Так, с 1856 г. в Петербургском университете помимо Ахмеда ал-Мекки преподавал другой лектор арабского языка **‘Абд Аллах (Федор Иванович) Келзи (Калзи) (1819 – 1912)**. Он был армянином-католиком из Алеппо. Вероятно, там в одном из местных католических учебных заведений, которых в Алеппо было немало, Ф.И. Келзи получил начальное, а может быть и среднее образование. И.Ю. Крачковский упоминал, что в 1837 г. Келзи занимался преподавательской деятельностью в Одессе². Как известно, этот город имел тесные торгово-экономические и культурные связи с Ближним Востоком, а Алеппо был одним из крупнейших городов региона. Возможно, переезд Келзи в Россию был связан с коммерческими делами его семьи. Вместе с тем армяне из Османской империи и Персии нередко переселялись в Россию и по другим причинам.

Для того, чтобы преподавать в российских учебных заведениях, Келзи должен был освоить русский язык. Он вполне мог получить образование в Ришельевском лицее, где обучались представители различных народов и вероисповеданий, в том числе иностранные подданные. Судя по всему, там он и преподавал арабский язык, который наряду с другими востоковедными дисциплинами был введен в учебную программу в 1837 г. Появление Келзи на Факультете восточных языков в Петербурге в 1856 г. совпадает по времени с закрытием востоковедных центров в других городах России, в том числе и Одессе.

Ф.И. Келзи был зачислен на факультет в 1859 г. после ухода из университета Ахмеда ал-Мекки, а в 1863 г. был утвержден штатным лектором³. Прослужив в

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 246.

² См. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 135.

³ См. Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе... С. 244.

университете 25 лет, он в 1881 г. вышел в отставку, однако еще год продолжал занятия в качестве вольнонаемного преподавателя. За время своей педагогической деятельности Келзи составил «Русско-арабские общественные разговоры» (1868), которые были весьма популярным пособием у отечественных арабистов¹.

В конце 50-х гг. в Россию приехал **Ириней Георгиевич (Салим) Нофаль (Науфал)** (1828 - 1902), происходивший из известной арабо-христианской семьи Ливанского Триполи². По словам И.Ю. Крачковского, Нофаль получил «типичное» для левантийцев образование, под которым ученый, вероятно, подразумевал обучение в начальной школе и пансионе, организованных миссионерами. В молодые годы он, подобно арабам его происхождения, делил время между торговлей, представительством европейских держав и занятиями литературой³. Однако «блестящее англо-французское образование», (которое было у Нофаля по словам А.Е. Крымского) получить на Ближнем Востоке он в то время не мог. Ни Протестантский колледж, ни Университет святого Иосифа еще не были открыты. Обладая необходимыми финансовыми возможностями, родители Нофаля отправили его в Европу, где он продолжил обучение в Королевской гимназии в Лондоне, а затем в Сорбонне. В Россию он, вероятно, прибыл по приглашению Учебного отделения восточных языков, которое искало замену шейху Тантави. Вместе с тем Нофаль пытался заменить Тантави и в университете, неоднократно подавая заявку на получение должности профессора арабской словесности. Несмотря на высшее европейское образование (чего, по словам В.В. Бартольда, весьма не хватало арабским преподавателям в России) его заявка была отклонена⁴. В совершенстве владея английским и французским языками, Нофаль не знал русского, вследствие чего не подошел университету. Подобную заявку университет отклонил и от иеромонаха

¹ См. Дьяков Н.Н., Жуков К.А. Россия и Ближний Восток (Турция и арабские страны) в Новое и Новейшее время. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета. 2014. С. 103.

² См. ал-‘Акики, Наджиб. Ал-Мусташиркуна... С. 156.

³ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. М.: Изд-во «Правда». 1948. С. 74.

⁴ См. Бартольд В.В. Работы по истории востоковедения. Обзор деятельности Факультета восточных языков... С. 125.

Агапита¹, который получил богословское образование в России и владел русским языком, но не знал или забыл литературный арабский язык.

В отличие от Петербургского университета в Учебном отделении МИД незнание русского языка не являлось препятствием к педагогической деятельности. Поступавшие в УОВЯ студенты должны были владеть французским языком. В связи с этим у Нофалья не было коммуникативного барьера в общении с ними.

Помимо арабского языка, Нофаль с 1872 г. преподавал французский, а с 1873 г. мусульманское право². Директор УОВЯ М.А. Гамазов, который поддерживал с Нофалем и его семьей дружеские отношения, сообщал о нем следующее: «Г. Нофаль, получивший высшее европейское образование и уже 28 год преподающий в отделении арабский язык, несмотря на давно уже расстроенное здоровье свое, с самою строгою аккуратностью занимается порученным ему делом... Что же касается до достоинства преподавания им этого языка, то, чтобы не ходить далее, сошлюсь просто на свидетельство с отличной стороны, рекомендованных мне факультетом кандидатов его, нынешних двух воспитанников наших, которые заявляли мне, что они в нашем институте в первый раз познакомились с синтаксисом арабского языка и что признают лекции г. Нофалья, основанные им на законах общей сравнительной грамматики, прямоведущими к всестороннему ознакомлению с трудностями и капризами этого языка»³. Несколько иначе у Нофалья обстояли дела с преподаванием мусульманского права и французского языка. В связи с ухудшением состояния здоровья Нофалью было тяжело вести несколько дисциплин, а заменить его было нечем. Вместе с тем программа разработанных им курсов не всегда устраивала руководство Учебного отделения. По мнению М.А. Гамазова, «менее всего удовлетворительно» у Нофалья шло преподавание мусульманского права⁴. Он неоднократно просил «талантливового... но несговорчивового» ученого

¹ См. Крачковский. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета... 1929. С. 55.

² Список управляющих, преподавателей и студентов в УОВЯ / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 38; Д. 101. (Учреждение отделения, регламенты, записки, проекты и т.п.). 1823 – 1916. Л. 36, 38, 39.

³ Записка «Об Учебном отделении Восточных языков» составленная М. Гамазовым от 6 января 1886 /АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101. 1823 – 1916. Л. 26 – 27.

⁴ Записка М. Гамазова для И.А. Зиновьева. 1 мая 1888 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101. 1823 – 1916. Л. 43 – 43 об.

преподавать исключительно то, чего требует практика. В лекциях должна была содержаться информация, необходимая российским представителям на Востоке для защиты интересов русских подданных. Кроме того, в практических сведениях нуждалась и военная администрация в России для понимания и разрешения юридических вопросов во взаимоотношениях с российскими мусульманами¹. Вместо этого Нофаль знакомил публику «со своими личными философическими взглядами на учение пророка, ничего общего не имеющими ни с насущными потребностями нашей службы вообще, ни с задачами нашего института в особенности»². Чтобы облегчить студентам понимание курса и убедить Нофалья последовательно излагать материал, Гамазов просил его опубликовать свои лекции. Нофаль, хотя и не сразу, выполнил рекомендации руководства: литографировал лекции, а затем их издал. Свои научные и дидактические труды Нофаль печатал в России на французском языке. Лекции по мусульманскому праву были впоследствии переведены и изданы на русском языке³. Тем не менее практических сведений в них содержалось немного. В частности, второй выпуск лекций, который с большим нетерпением ожидало Военное ведомство, содержал всего 8 листов и был посвящен пророку Мухаммаду, его эпохе и учению.

Следует отметить, что Нофаль весьма негативно относился к исламу. Причиной тому, вероятно, было не столько его христианское вероисповедание, сколько образование, полученное в европейских учебных заведениях. Как христианин, он не мог быть весьма сведущ в мусульманском праве, которое обстоятельно изучалось лишь в медресе. Необходимые студентам сведения мог сообщить шейх Тантави, получивший высшее исламское образование, или другой ученый-мусульманин.

С преподаванием французского языка у Нофалья также возникали трудности, но уже другого характера. Он читал этот курс «неудобопонятным» языком, т.е. не

¹ Там же. Л. 43 – 44.

² Там же. Л. 45.

³ См. Нофаль И.Г. Курс мусульманского права, читанный в 1884/85 г. в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте профессором И. Нофалем: Пер. с фр. Вып.1 – Санкт-Петербург: Воен.-учебный Ком. Глав. Штаба, 1886. 24 с.

всегда учитывал уровень подготовки своих слушателей, а именно офицеров. Несмотря на настоятельные просьбы М.А. Гамазова, Нофаль не мог «отрешиться от ораторского витиеватого слога, от вычурных фраз, от им самим сочиняемых технических неологизмов, от нескончаемых философских обсуждений того или другого вопроса»¹. Так что его лекции оставляли весьма немного следов в понимании и памяти слушателей. При этом грамматике, диктовке, переводам и чтению газет, он уделял недостаточно внимания. Очевидно, что программа составленных Нофалем курсов и манера преподавания больше подходила для студентов университета, чем для слушателей УОВЯ, которых необходимо было подготовить к службе на Востоке. Несмотря на подобные нюансы, Нофаль не без успеха продолжал преподавание, дослужившись в Министерстве иностранных дел до высоких чинов. Помимо педагогической деятельности он успешно представлял российское внешнеполитическое ведомство на международных конгрессах ориенталистов², а также выполнял перевод официальных бумаг. Редактировать переведенные на русский язык документы И. Нофалю помогал М.А. Гамазов, который хорошо знал арабский язык.

В России Нофаль был не только ученым и педагогом, но и талантливым писателем и представителем новой арабской литературы. Его друг и соотечественник Г.А. Муркос писал о литературном творчестве И. Нофаля следующие: «Переводы и статьи профессора И.И. Науфаля замечательны по художественности изложения и особенно по умению передавать европейские понятия в арабской форме»³.

Скончался Нофаль в 1902 г. в Петербурге, оставив после себя неплохую библиотеку, содержащую в том числе редкие рукописи. Его сыновья, которые всю жизнь провели в России, впоследствии распродали ее. Отдельные рукописи из собрания Нофаля изредка удавалось найти у букинистов.

Среди арабских лекторов в России отдельно следует упомянуть **Фадлаллу (Фадл Аллах) Сарруфа**. (1826 – 1903). Несмотря на то, что он не получил высшего образования, он мог стать первым православным арабом, преподававшим арабский

¹ Записка М. Гамазова для И.А. Зиновьева. 1 мая 1888 г./ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101. 1823 – 1916. Л. 44.

² См. Кириллина С.А. Арабские ученые в России (XIX – начало XX)// Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М.: Ключ – С. 2008. С. 158.

³ См. Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 306.

язык в российских вузах. Однако, в силу обстоятельств, Сарруф начал педагогическую деятельность в России достаточно поздно.

Фадлалла Сарруф¹ происходил из благородной арабской семьи в Дамаске. Его отец Иоанн Сарруф состоял на службе в «Турецком Диване»², а дядя о. Спиридон был известным проповедником и учителем арабского языка в дамасской патриаршей школе. Там, у своего дяди, красноречие и педагогические качества которого отмечал арх. Порфирий (Успенский), обучался и Фадлалла Сарруф. По рекомендации о. Спиридона и Антиохийского патриарха Мефодия, Фадлаллу направили на службу в Русскую духовную миссию в Иерусалиме, где он стал переводчиком и преподавателем. Следует отметить, что приглашение Фадлаллы было личной инициативой арх. Порфирия, поскольку по штату миссии переводчик не полагался. В отсутствие официального оклада арх. Порфирий выплачивал ему скромное жалование из своих личных средств. В качестве поощрений за усердную службу Фадлалла, по ходатайству арх. Порфирия, несколько раз получал от Святейшего синода «незначительные денежные вспоможения»³. За пять лет работы в миссии у Фадлаллы сложились теплые дружеские отношения с ее сотрудниками и самим арх. Порфирием (Успенским). Начальник РДМ писал о своем драгомане следующее: «Сей христианин православного вероисповедания, кроме преподавания помянутого языка, в течение пяти лет исполнял должность переводчика при непрерывных сношениях моих с арабами как на месте моего служения, так и в любознательных путешествиях моих. Во все это время он вел себя весьма честно и исполнял свои условные обязанности с похвальным усердием, получая от меня и от сотрудников моих столовое содержание и скудную плату»⁴.

¹ См. подробнее: Смирнова Е.В. Фадлалла Сарруф – переводчик Русской духовной миссии в Иерусалиме и лектор С.-Петербургского университета // Востокведение: история и методология. М.: ИВ РАН. 2021. № 2. С. 68 – 79.

² Копия свидетельства архимандрита Порфирия. 29 апреля 1857 г. С. Петербург / АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25 [Фадл-Алла Сарруф драгоман Духовной миссии в Иерусалиме]. 1850 – 1895. Л. 210.

³ Копия с Высочайше утвержденного доклада 6 октября 1862 г. о производстве нештатного Драгомана Миссии нашей в Иерусалиме Фадлалла Сарруфа в первый чин / АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 33 об.

⁴ Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Т. V... С. 158.

С началом Крымской войны Фадлалла должен был вернуться в Дамаск, где его ждало неопределенное будущее. Однако арх. Порфирий не оставил молодого человека. Вместе с другими членами миссии Сарруф покинул Ближний Восток и отправился в Россию.

В течение нескольких лет он находился в Петербурге. Следует предположить, что в это время он совершенствовал знания русского языка, выполнял переводы, а также давал частные уроки, чтобы заработать себе на жизнь. Кроме того, он поддерживал контакты с прежними членами миссии и заводил новые знакомства. В 1857 г. Сарруф принял российское подданство¹. Тогда же было решено возобновить работу Русской духовной миссии, которую возглавил епископ Кирилл. По новоутвержденному штату РДМ официально полагалось иметь переводчика. На эту должность епископ предложил Св. синоду Фадлаллу Сарруфа. Вместе с тем он представил Фадлаллу министру иностранных дел А.М. Горчакову, который велел молодому человеку обращаться к нему в случае необходимости.

Как и арх. Порфирий (Успенский), еп. Кирилл (Наумов) был весьма доволен службой Фадлаллы. Епископ характеризовал его следующим образом: «В продолжении двух лет... Сарруф при отличном поведении и примерной честности, постоянно обнаруживал отличное усердие к службе, не щадя ни сил своих к исполнению многосложных его обязанностей, ни издержек на усовершенствование себя в изучении языков по моему требованию»². В связи с этим еп. Кирилл ходатайствовал о производстве Ф. Сарруфа в чин со старшинством с декабря 1858 года³. При этом он ссылался на указ Св. синода от 1857 г. считать «членов духовной миссии, не имеющих священного сана... в действительной государственной службе в соответственных чинах с правом на награды и пенсии»⁴. Просьба еп. Кирилла была удовлетворена: император назначил Ф. Сарруфу чин Коллежского регистратора с зачислением ему в действительную службу 14 лет, проведенных при миссии с 1848

¹ Отношение обер-прокурора Святейшего синода товарищу министра иностранных дел от 25 сентября 1862 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895 гг. Л. 28.

² Список с отношения Преосвященного Кирилла Епископа Мелитопольского / АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 88 – 88 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 87 об.

по 1862 год¹. Вместе с тем по ходатайству еп. Кирилла, а также по всеподданнейшему докладу вице-канцлера Фадлалла Сарруф был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени «за содействие в деле воссоединения Мельхитов к Православии»².

Несмотря на очевидные заслуги Фадлаллы, он вместе с другими членами миссии в 1864 г.³ был уволен со службы архимандритом Леонидом. Поскольку начальник РДМ имел право сформировать состав миссии по своему усмотрению, МИД и Святейший синод не видели препятствий к увольнению переводчика. В отличие от русских членов миссии Сарруфу после увольнения не предоставили средств для возвращения в Россию, вследствие чего он оказался в весьма трудном положении. Более 10 лет Фадлалла находился на службе Русской духовной миссии, пребывая преимущественно в русскоязычной среде. Три года он провел в России и получил российское подданство. Несмотря на то, что Сарруф продолжал поддерживать контакты с родным Дамаском, ему было трудно вернуться домой ни с чем после стольких лет и начать жизнь заново. Вероятно поэтому, он решил покинуть Восток и отправиться в Россию. Летом 1864 г. Сарруф сообщил о своем затруднительном положении в Министерство иностранных дел России, попросив выдать ему прогонные деньги из Иерусалима в Петербург⁴. Однако МИД не считал, что Сарруф состоит на службе во внешнеполитическом ведомстве и передал это прошение в Св. синод. В свою очередь Ведомство православного исповедания также не признавало в Сарруфе своего служащего. Согласно делам Духовного управления, Сарруф был назначен Святейшим синодом на должность драгомана миссии по прошению епископа Кирилла и с согласия Министерства иностранных дел. Однако тогда не были определены служебные права и ведомство, к которому он причислялся, поэтому ни МИД, ни Ведомство православного исповедания не несли

¹ Копия с Высочайше утвержденного доклада 6 октября 1862 г. о производстве нештатного Драгомана Миссии нашей в Иерусалиме Фадлалла Сарруфа в первый чин/ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 33 об.

² Донесение государственного канцлера в Правительствующий сенат от 28 мая 1869 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 57 об.

³ Уволен Указом от 26 марта 1864 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 58.

⁴ Записка из Дела по прошению коллежского регистратора Фадлаллы Саруфа о восстановлении его прав по службе / АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 153 – 154.

ответственность за увольнение Сарруфа без соблюдения соответствующего регламента. Вместе с тем, «Принимая во внимание, что Сарруф начал службу свою при миссии чрез посредство в сем деле Антиохийского Патриарха, которым был прислан из лучшего православного семейства Дамасского, что он, по свидетельству прежних начальников Иерусалимкой миссии, посвятил ей лучшие годы своей жизни, пожертвовал для целей миссии всеми выгодами, какие мог получить от других занятий преимущественно же от торговли; ныне же, по объяснению Сарруфа, он не имеет средств к существованию, – Святейший синод признает возможным, в виде особого снисхождения, оказать Сарруфу денежное вспомоществование, не принимая затем на себя дальнейшего устройства его»¹. Получив пособие в 500 р., Сарруф против ожидания обоих ведомств решил отправиться в Петербург, где надеялся найти себе применение и продолжить службу.

Между тем переезд в Россию стал для Ф. Сарруфа тяжелым испытанием. Он оказался первым арабским драгоманом, служившим в российских представительствах на Востоке, который не только получил российское подданство, но и пожелал поступить на государственную службу. К такому развитию событий ни МИД, ни Ведомство православного исповедания не были готовы.

Оказавшись в Петербурге без поддержки и средств к существованию, Сарруф написал несколько писем А.М. Горчакову, в которых просил оказать ему помощь в сложившейся ситуации. Он писал: «Я приехал в Россию, надеясь найти себе здесь защиту и место по моим заслугам и способностям. К несчастью, не только нигде не был нужным в течение 6 месяцев после моего приезда, но и должен был услышать самые черные клеветы и самые неосновательные обвинения относительно моего поведения, вследствие которых мою действительную Государственную службу сочли недействительной, вольнонаемной. До сих пор я не могу найти никакого исхода из моего несчастного положения и потому осмеливаюсь...

¹ Отношение Ведомства православного исповедания товарищу министра иностранных дел от 16 октября 1864 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 45

беспокоить Ваше Сиятельство этими моими немногими словами»¹. На протяжении последующих нескольких лет Сарруф продолжал писать Горчакову. Называя министра «Гениальным защитником восточных христиан», он просил его встать на защиту «верноподданного России, посвятившего свою жизнь на пользу Церкви и Отечества». Сарруф сообщал о попытках «осквернить» плоды его трудов на Востоке, несмотря на имеющиеся у него доказательства: «Высочайшие указы, законные документы и блистательные как день Божий факты»². Как видно, МИД отрицал службу Сарруфа по своему ведомству, отказывая ему в служебных правах, в связи с чем он неоднократно обращался к вице-канцлеру напрямую, умоляя его вмешаться в это дело. Сарруфу пытались помочь его бывшие начальники: арх. Порфирий (Успенский) и еп. Кирилл (Наумов), которые весьма высоко отзывались о Сарруфе и его трудах на Востоке. Однако все было напрасно. Несмотря на то, что Сарруф был российским подданным, он находился в бесправном положении. Он не имел возможности продолжить свою службу без соответствующих документов, которые ему отказывались выдавать. Оформить Сарруфу аттестат, значило признать его состоящим на службе своего ведомства, чего МИД не желал допустить.

Осознав, что Министерство иностранных дел не намерено решать его вопрос, Сарруф в 1869 г. обратился в сенат. В своем прошении он жаловался на неправильное увольнение его от должности и на несоблюдение при сем всех формальностей, установленных законом³. Кроме того, он обвинял МИД в непредоставлении ему служебных прав по должности драгомана миссии в Иерусалиме.

Правительствующий сенат являлся высшим государственным органом законодательной, исполнительной и судебной власти, который подчинялся непосредственно императору и осуществлял надзор за деятельностью госучреждений. В ответ на притязания Сарруфа министр иностранных дел сообщил сенату, что его

¹ Прошение Ф. Сарруфа на имя А.М. Горчакова от 13 февраля 1865 г. / АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 46.

² Прошение Ф. Сарруфа на имя А.М. Горчакова от 20 января 1868 г./АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 48.

³ Отношение Товарища министра иностранных дел В.И. Вестмана управляющему Министерством юстиции/АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 99.

жалоба на несправедливое увольнение не может относиться к МИД¹, так как в 1863 г. Русская духовная миссия поступила в исключительное ведение Духовного ведомства, а не Министерства иностранных дел. Вместе с тем министр указывал, что на должности драгоманов при русских представительствах на Ближнем Востоке традиционно нанимались местные жители, однако они не причислялись к МИД. Ф. Сарруф не составлял исключения из правила, соблюдаемого Министерством иностранных дел по отношению к лицам, служащим по найму при русских миссиях и консульствах на Востоке. «Лица эти к числу которых относятся преимущественно консульские агенты, содержимые за счет Министерства иностранных дел в местах неположенных по штату, а также вольнонаемные Драгоманы при консульствах удостоиваются за усердную и продолжительную службу наградами, орденом и чином, но сия последняя награда никогда не влекла за собой какого-либо изменения в положении их, она не давала им прав государственной службы, а имела исключительно почетное значение, а зачет в действительную службу времени состояния их в каком-либо учреждении делался в виду предоставления им права на получение пенсии. Представление же Фадлалла Сарруфа к награде первым чином было сделано чрез Министерство Иностранных Дел по предварительному соглашению о том со Святейшим Синодом»². При этом Фадлалла не был причислен ни к какому ведомству, поскольку это не предполагалось. Посему министр иностранных дел считал притязания Сарруфа беспочвенными.

Однако Сенат придерживался иного мнения. 27 января 1871 г. в собрании Сената было заслушано дело по прошению коллежского регистратора Сарруфа о восстановлении прав его на службе³. В ходе разбирательств было отмечено, что чин коллежского регистратора с зачислением в действительную службу периода с 1848 г. был назначен Сарруфу по докладу вице-канцлера. Кроме того, находясь на службе в миссии, он получал права и преимущества действительной

¹ Донесение Канцлера в Правительствующий Сенат от 28 мая 1869 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 51.

² Там же. Л. 52 а об. – 53.

³ Слушание дела по прошению Коллежского Регистратора Сарруфа о восстановлении прав его на службе, состоявшееся в Правительствующем сенате 27 января 1871 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 74.

гражданской службы через Министерство иностранных дел. Признав Сарруфа, состоявшим на действительной службе, сенат постановил «распространить на него все права с оною сопряженные...»¹. Таким образом, «Указом Правительствующего Сената от 20 июня 1872 г. № 22518» на Министерство иностранных дел возлагалось: выдать аттестат о службе Сарруфу, который никогда не находился в ведомстве сего министерства, но занимал неклассную должность при Духовной миссии. 2. Удовлетворить его содержанием по бывшей его должности драгомана за время с 13 мая 1864 г. т.е. за период времени, когда он не нес никаких служебных обязанностей. 3. Удовлетворить Сарруфа прогонными деньгами².

Решение Сената не устраивало А.М. Горчакова. МИД отказывался выдавать Сарруфу аттестат и содержание, на которое он, по мнению министерства, не имел после увольнения права. Руководство МИД было убеждено, что «Удовлетворение неправильных притязаний Сарруфа возбудило бы подобные притязания со стороны десятков лиц, служащих на Востоке на таких же основаниях»³. В свою очередь, Сенат считал опасения МИД беспочвенными, поскольку одно занятие штатной должности без зачисления в действительную службу, не дает права этой службы⁴. Следовательно другие драгомены на Востоке не имели тех же прав, что и Сарруф.

Дело Сарруфа стало своеобразным прецедентом в системе взаимоотношений российских представительств на Востоке со служащими местного происхождения и было для Министерства иностранных дел глубоко принципиальным. Стремясь обжаловать решение сената, руководство внешнеполитического ведомства обратилось с просьбой о его пересмотре сначала в Министерство юстиции, а затем и к императору. В отношении, направленном Азиатским департаментом 12 января 1873 г. секретарю императора Д.М. Сольскому, сообщалось: «Определения Сарруфа на службу по М-ву ИД не было. Подобное решение составило бы неминуемо

¹ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 91.

² Проект к управляющему Министерством юстиции от 11 июля 1872 г. / АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 71.

³ Объяснение по поводу проекта указа Правительствующего сената по делу Сарруфа, подписанное В.И. Вестманом /АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 85.

⁴ Указ Его Императорского величества Самодержца Всероссийского из правительствующего Сената. Министру иностранных дел. 23 Июня 1872 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 92.

такой пример, который разрушит вековое значение драгоманов из местных жителей на Востоке, служба коих никогда не могла считаться, сама по себе, государственной службой по Министерству Иностранных Дел, будучи вольнонаемной»¹.

В результате переписки, возникшей между Министерством иностранных дел и Министерством юстиции, исполнение указа Правительствующего сената откладывалось. Далее по просьбе вице-канцлера и с позволения императора дело было передано на рассмотрение в Государственный совет 7 октября 1872 г. Департамент гражданских и духовных лиц, рассмотрев дело, подтвердил, что Ф. Сарруф состоял на действительной службе, но не при Министерстве иностранных дел, а в Ведомстве православного исповедания. В доказательство тому приводились следующие факты. После преобразования РДМ Сарруф был представлен епископом Кириллом на должность драгомана, положенную по штату миссии. Синод одобрил состав миссии, присовокупив, что «полагает Членов Миссии, не имеющих Священного сана, считать в действительной государственной службе в соответствующих чинах и правах на награды и пенсии»². Вследствие этого Гражданский департамент поручил «Святейшему Синоду выдать Сарруфу как аттестат о его службе при Духовной Иерусалимской миссии, так и годовой оклад жалования, по должности драгомана той миссии из сумм Духовного ведомства и Государственного казначейства по равным частям, в прочих же домогательствах Сарруфа, как неосновательных отказать»³.

Однако решение Государственного совета не удовлетворило Ф. Сарруфа, который за прошедшие годы «не потерял духа и веры в правосудие»⁴. Сарруф отказался принимать причитающиеся ему деньги и возобновил ходатайства о выдачи

¹ Отношение Азиатского департамента МИД Д. М. Сольскому от 12 января 1873 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 148 – 148 об.

² Записка из дела по прошению Коллежского Регистратора Фадлаллы Саруфа о восстановлении его прав по службе/ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 150 – 150 об.

³ Рассмотрение дела о служебных правах коллежского регистратора Фадлаллы Сарруфа в Департаменте гражданских и духовных дел 10 февраля 1873 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 149 об.

⁴ Всеподданейшее прошение Ф. Сарруфа на имя императора от 3 февраля 1886 г. /АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 180 об.

7.380 руб. 62 коп. – суммы, которая ему была определена решением сената в 1872 г.

Как и следовало ожидать, новые прошения Ф. Сарруфа не достигли результата. В конце 1873 г. Духовное ведомство начало составлять аттестат о его службе, однако дело решилось далеко не сразу.

В 1884 г. Сарруф обратился со всеподданнейшим прошением непосредственно к императору, в котором сообщил, что вследствие долговременного производства дела по поводу его служебных прав и несвоевременной выдачи аттестата, он в течение 13 лет был лишен возможности поступить вновь на службу и понес от сего значительные потери. Прибегая к монаршему милосердию, Сарруф просил о выдачи ему штатного содержания по бывшей его должности с 15 мая 1864 г. до настоящего времени с зачетом этих лет в действительную службу и о возмещении путевых расходов на обратный проезд из Иерусалима в Петербург¹. Сарруф писал: «Я никогда не был жаден до денег, а теперь, когда моя жизнь совершенно разбита, после стольких обид и тяжких лишений, я сумею дожить остаток предопределенных мне дней с тою черствою коркою хлеба, которую я добываю моим трудом. Вся цель моего всеподданнейшего ходатайства в том, чтобы увериться самому и убедить свидетелей моей многотрудной тяжбы, что несмотря на множество лежащих на пути препятствий, даже такой неведомый никому человек, как я может явить правоту своего дела перед престолом Верховного и Венценосного Судии Русской земли и из его священной длани принять то, что у него отнято было несправедливым человекоугодием»².

Окончательно этот вопрос решился лишь в 1895 г. Государь император «всемиловитивейше соизволил» назначить Фадлалле Сарруфу единовременное пособие в размере двух тысяч рублей из сумм государственного казначейства с тем, «чтобы

¹ Отношение Командующего ИМПЕРАТОРСКОЮ Главною Квартирою по канцелярии для принятия прошений на Высочайшее имя приносимых Его Высокопревосходительству К.К. Гирсу от 28 Ноября 1884 г./АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 176 – 176 об.

² Всеподданнейшее прошение Ф. Сарруфа на имя императора от 3 февраля 1886 г. /АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 181.

впредь от него Сарруфа, не были принимаемы никакие прошения или заявления по предмету изложенных в прошении ходатайств»¹.

О том, как складывалась судьба Сарруфа в эти десятилетия, можно только догадываться. Вероятно, он состоял внештатным сотрудником в различных организациях и ведомствах, где могло пригодиться его знание арабского языка. Аттестат Сарруфу, судя по всему, выдали в 1877 г., так как в 1878 он был назначен цензором восточных языков в Главное управление по делам печати², где состоял на службе до 1880 г. В 1882 г. Сарруф стал лектором арабского языка в С.-Петербургском университете, сменив на этой должности Ф.И. Келзи. За время своей преподавательской деятельности Фадлалла издал фототипические коллекции писем на арабском языке. Кроме того, он подготовил грамматику современного разговорного арабского языка, к которой приложил пословицы, поговорки, хадисы и песни. К сожалению, она так и не была опубликована³. Находясь в России, Сарруф не забывал о далекой родине, поддерживая живые связи с православными сирийцами⁴. В Университете он преподавал до 1903 г. В том же году он скончался.

Еще до того, как Фадлалла стал лектором, в России появились первые преподаватели-арабы, окончившие отечественные вузы. Подобно Ф. Сарруфу, они были православного вероисповедания и происходили из Дамаска, а их семьи так или иначе были связаны с Антиохийской патриархией. Начальное образование они получили в дамаской патриаршей школе, затем в греческих училищах, после чего были отправлены на обучение в Россию. Кандидаты для поступления в российские духовные школы выбирались антиохийскими иерархами, а также российскими представителями на Ближнем Востоке. Выше упоминалось, что прежде, чем поступить в российские духовные семинарии, арабы не менее года проживали в Антиохийском подворье в Москве. Под присмотром настоятеля они изучали русский язык, привыкали к климату, знакомились с местными обычаями. Именно таким

¹ Канцелярия Его Императорского Величества по принятию прошений на Высочайшее имя приносимых. 18 ноября 1895 г./ АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 25. 1850 – 1895. Л. 202.

² Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе... С. 244.

³ См. Дьяков Н.Н., Жуков К.А. Россия и Ближний Восток...С. 103.

⁴ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 306.

образом получил образование **Герасим (Яред)**, который стал первым преподавателем-арабом в России, окончившим российскую духовную школу.

Начальное образование он получил в Дамаске, после чего был направлен в Константинопольское патриаршее училище. Во время посещения Дамаска епископом Кириллом, Яред участвовал в его торжественной встрече. Об этом упоминал его друг и соотечественник Г.А. Муркос, который, видимо, тоже присутствовал на торжественном мероприятии. Муркос писал: «Красноречивый, тогда еще юный и восторженный монах Герасим Яред говорит с амвона приветственную речь, в которой проводится параллель между Спасителем, посетившим Иерусалим на осле, и русским святителем, прибывшим для восстановления угасающего православия»¹. Вполне вероятно, что епископ Кирилл заметил даровитого юношу и рекомендовал отправить его на обучение в российскую духовную школу. Так это или нет – неизвестно. Однако в 1860 г. Герасим (Яред) прибыл в Россию.

После двух лет пребывания на Антиохийском подворье он поступил в Московскую духовную семинарию, а затем в Петербургскую духовную академию. Во время обучения в России Яред заинтересовался византиноведением. Защитив диссертацию, посвященную Константинопольскому патриарху Фотию, он в 1870 г. был назначен приват-доцентом по византийской истории. Помимо диссертации, он написал и опубликовал ряд очерков о церковно-общественной жизни на Ближнем Востоке, которые представляют определенный научный интерес. В петербургских духовных школах Яред преподавал не только историю Византии, но и греческий язык². Кроме того, с 1870 по 1875 г. он читал курс новогреческого языка в Учебном отделении МИД³. При необходимости Яред мог преподавать и разговорный арабский язык. Однако в то время Университет и УОВЯ в лекторах арабского языка не нуждались.

Педагогическая и церковная карьера Герасима (Яреда) в России сложилась весьма успешно. В 1876 г. он был удостоен сана архимандрита и назначен ректором

¹ Муркос Г.А. Интересы России в Палестине... С. 12.

² Блиев В.Р. Митрополит Герасим (Яред) как отечественный византинист// Уроки истории. Национальные приоритеты России. 2015. № 3 (17). С. 36.

³ Список управляющих, преподавателей и студентов в УОВЯ/ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 37.

Псковской, а затем Рижской духовных семинарий. Тем не менее в 1886 г. о. Герасим оставил службу в России и вернулся на Ближний Восток: сначала в Палестину, а затем Сирию, где был возведен в сан митрополита Селевкийского¹. Став антиохийским архиереем, Герасим (Яред) продолжал поддерживать активные сношения с Россией и содействовал развитию школьного дела ИППО в своей митрополии. По стопам Герасима (Яреда) в Россию в начале XX века отправился его племянник – Александр Яред, окончивший Баламандскую духовную семинарию в Сирии, где преподавался русский язык. После того, как Яред провел некоторое время послушником на Антиохийском подворье², он рассчитывал сразу поступить в Киевскую духовную академию. Однако ввиду недостаточной подготовки Яред не прошел вступительные испытания. В связи с этим по решению Ведомства православного исповедания он был зачислен на обучение в Московскую духовную семинарию³.

Получив среднее образование в духовных семинариях, не все арабы стремились продолжить его в духовной академии. Некоторые из них поступали в светские, в том числе и востоковедные учебные заведения.

Первым православным арабом, получившим в России высшее востоковедное образование, стал **Георгий Абрамович Муркос** (1846 – 1911). Он был сыном православного священника из Дамаска, который считался правой рукой Антиохийского патриарха. Начальное образование Муркос получил в православной дамасской школе, затем учился в греческом училище на о. Халки недалеко от Стамбула. Оттуда, по ходатайству отца Муркоса, греки отправили его на обучение в Россию. После окончания Петербургской духовной семинарии он не пожелал продолжить образование в духовной академии, по примеру других православных арабов, а поступил в Петербургский университет на Факультет восточных языков. Окончив университетский курс со степенью кандидата, Муркос (по рекомендации В.Ф. Гиргаса и М.Т. Навроцкого) в 1871 г. был приглашен экстраординарным профессором

¹ Сухова Н.Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в российских духовных академиях. URL: <http://ippo.ru/history/school/int/4/> (Дата обращения: 15.11. 2015).

² Отношение Канцелярии обер-прокурора Святейшего синода Первому департаменту Министерства иностранных дел от 14 января 1909/ АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 4914. 1908. Л. 7.

³ Отношение Канцелярии обер-прокурора Святейшего синода Первому департаменту Министерства иностранных дел от 7 октября 1909 /АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 4917. Л. 1.

на кафедру арабской словесности Лазаревского института восточных языков (ЛИВЯ)¹. И.Ю. Крачковский отмечал, что «Г.А. Муркос – второй после Тантави случай, когда араб у нас возглавлял профессорскую кафедру»².

Окончание Муркосом Университета совпало по времени с преобразованием Лазаревского института. В результате реорганизации, направленной на повышение эффективности учебного процесса, гимназический (общеобразовательный) курс был отделен от курса восточных языков. В это время в ЛИВЯ были созданы Специальные классы – высшее учебное заведение, в котором восточные языки изучались на протяжении трех лет. При этом права студентов, окончивших Специальные классы, и преподавателей Института были приравнены к таковым в университетах³.

После преобразований количество лекций и практических занятий восточными языками в ЛИВЯ превысило курс Факультета восточных языков. Студенты в обязательном порядке изучали арабский, турецкий и персидский языки. Специальные классы были, прежде всего, ориентированы на подготовку востоковедов для службы в российских ведомствах и представительствах на Востоке. В связи с этим Институт нуждался в лекторах восточного происхождения. Штатные должности для преподавателей-практиков были предусмотрены на кафедрах турецкого и персидского языков, которым отдавался приоритет.

Иная ситуация сложилась на кафедре арабской словесности. Приглашенный в Лазаревский институт Г.А. Муркос был своего рода универсальным преподавателем, который мог с успехом вести курс как арабской словесности, так и практики. Будучи заведующим кафедрой и лектором, Муркос заложил основы профессионального преподавания арабского языка в ЛИВЯ, который в то время был единственным востоковедным центром в Москве. Историк Лазаревского института А.П. Базиянц писал, что Г.А. Муркос был одним из тех преподавателей, «которые

¹ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 177 [О предоставлении звания и.о. ординарного профессора специальных классов Георгию Муркосу] 1896 – 1897. Л. 13.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 161.

³ АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 155 [Преобразование Лазаревского института восточных языков в Москве]. 1869 – 1872. Л. 6 об.

разработали программу, наладили учебный процесс и в какой-то степени подготовили учебные пособия по научным дисциплинам»¹.

Несмотря на то, что Г.А. Муркос получил в России фундаментальное образование, ему не удалось сделать блестящую научную карьеру. В отличие от русских востоковедов, а также шейха Тантави, И.Г. Нофаля, А.К. Казем-Бека, Г.А. Муркос не знал западноевропейских языков (в совершенстве он владел арабским, греческим и русским языками), что не позволяло ему ознакомиться с трудами европейских ориенталистов, сдать магистерский экзамен и получить ученую степень. Однако это не помешало ему написать и опубликовать ряд исследований, которые оставили заметный след в российской науке.

Его научное наследие, посвященное Ближнему Востоку, было разнообразным по тематике. Особое внимание Г.А. Муркос уделял арабской литературе, как средневековой, так и ему современной. Среди его арабистических работ следует выделить перевод «Муаллаки Имру-уль-Кайса» (Му‘аллака Имру’ ал-Кайса), который ученый сопроводил интересными сведениями о жизни поэта, а также ценными комментариями относительно культурно-исторических реалий арабского мира джахилийской эпохи².

Особого внимания заслуживает сделанный Г.А. Муркосом обзор важнейших литературных явлений Арабского Востока в XIX веке, ставший новинкой в европейской и российской науке³. Работа Муркоса навсегда сохранила за собой характер первоисточника, поскольку он писал о жизни и творчестве литераторов, с которыми был лично знаком.

Помимо работы в Лазаревском институте, Муркос был занят исследованиями в Восточной комиссии, созданной при Московском археологическом обществе в 1887 г. По поручению комиссии Муркос изучал арабские рукописи, привезенные

¹ Базиянц А.П. Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М.: Наука, 1973. С. 97.

² Муркос Г.А. Муаллака Имру-уль-Кайса. М.: Университетская типография, 1882.

³ См. Некролог Муркоса// Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества. Т IV. М.: Типография крестного календаря А. Гатцука, 1913. С. 74.

М.М. Ковалевским из Дагестана, среди которых были произведения Ибн Хабиба, особо почитаемого на Кавказе¹.

На заседаниях Восточной комиссии Муркос выступал с докладами, которые впоследствии были опубликованы в «Древностях восточных»². Он был одним из первых арабистов в Москве, кто изучил и частично издал в своем переводе на русский язык арабские рукописи Лазаревского института и библиотеки Московского архива МИД.

На заседаниях Московского археологического общества Муркос прочел цикл докладов, посвященных патриарху Макарию Антиохийскому и описанию его путешествия в Россию³. Изучением «Путешествия...», список которого в Москву в свое время доставил Спиридон Аббуд, Муркос занимался многие годы.

Перевод и издание рукописи, составивший в итоге более тысячи страниц, (последний выпуск «Путешествия...» был опубликован в 1900 г.) несомненно, является главным научным трудом Г.А. Муркоса. Его научная ценность была признана востоковедами, а также специалистами по отечественной истории. За проделанный труд Министерство просвещения предлагало назначить Муркоса исполняющим должность ординарного профессора, к чему он давно стремился. Ходатайство о его назначении поддержал товарищ министра просвещения Н.М. Аничков, который сообщил об этом попечителю Московского учебного округа⁴. Аничков, безусловно, благоволил Муркосу, который принимал активное участие в деятельности Палестинского общества и был его членом. Однако Совет специальных классов отказал Муркосу в назначении ввиду отсутствия у него ученой степени.

¹ Муркос Г.А. Об арабских рукописях Лазаревского института восточных языков и малой Казыкумукской мечети в Дагестане. М.: типография и словолитня О.О. Гербек, 1889. С. 8.

² Муркос Г.А. О рукописном сборнике XVII в. на разных восточных языках из собраний графа А.С. Уварова. 1891; О (парчовой) ткани с арабской надписью в Московском публичном (Румянцевском) музее. 1896; О приобретении Лазаревским институтом арабской рукописи XVI века, содержащей толкования на юридический свод «Хидаю». 1889. Т. I. Вып. I.

³ Муркос Г.А. О служебниках Антиохийского патриарха Макария, находящихся на Афоне // Труды восточной комиссии Т II. М. 1894; Исследования о списках Путешествия Антиохийского патриарха в Россию и о найденном мною в рукописях Московского Главного Архива Министерства иностранных дел нового списка // Археологические известия; Некоторые курьезы английского перевода Путешествия Антиохийского патриарха Макария в Россию по имеющейся в Лондоне арабской рукописи.

⁴ Отношение попечителя Московского учебного округа директору Лазаревского института восточных языков от 30 октября 1896 г. / ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 177. Л. 5.

Следует отметить, что в России Муркос был не только ученым и педагогом, но и церковно-общественным деятелем. Как неофициальный представитель Антиохийской церкви, он содействовал борьбе арабов-христиан против гнета греческого духовенства, развернув на страницах «Московских ведомостей» полемику с его панэллинистическими тенденциями¹. Об этом свидетельствует тематика и содержание ряда его статей, опубликованных с 1882 по 1892 гг.² Статья, посвященная «захвату» Иерусалимской патриархии святогробским духовенством, была написана на основе греческих источников. Благодаря этому, содержащиеся там сведения приобрели неопровержимый характер, что стало ударом для святогробского братства. Статьи Муркоса имели настолько широкий общественный резонанс, что русское правительство во избежание ссор с греческими патриархиями вынуждено было запретить дальнейшие его публикации на подобные темы.

Посредством газетных статей Муркос стремился привлечь внимание русского общества к проблемам православных арабов и познакомить его с арабским миром. Эти работы имели не только просветительскую, но и некоторую научную ценность. Они являлись важным источником для изучения происходивших в Сирии и Палестине событий, поскольку, по словам автора, были написаны на основе арабских газет и частных писем. Следует отметить, что Муркос был первым востоковедом, кто занялся изучением культурно-религиозных связей России с православными арабами и многое сделал для дальнейшего их развития.

В своей научной и публицистической деятельности Муркос уделял внимание не только проблемам Православной церкви на Востоке, но и другим конфессиям, а также взаимоотношениям между их представителями. В 1877 г. он опубликовал брошюру «...Об отношениях между мусульманами и не-мусульманами». Вместе с тем Муркос написал работу под названием «Секта друзов», которая значится в списке его трудов³.

¹ Коровин Д.В. Московский антиохиец // Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 84.

² Муркос Г.А. Мнения православных арабов о греко-болгарской распри. М. 1880; Интересы России в Палестине, М. 1882; Как совершился захват Иерусалимской патриархии святогробцами и кто были истинными хранителями истинных палестинских святынь. 1892.

³ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 177 [О предоставлении звания и.о. ординарного профессора специальных классов Георгию Муркосу] 1896 – 1897. Л. 8 – 9.

Как ученый, преподаватель, общественный деятель и член ИППО Г.А. Муркос поддерживал широкий спектр дружеских и профессиональных контактов в России и за ее пределами. Его друзьями и коллегами были Герасим (Яред) и Ириной Нофаль. Вместе с тем он оказывал действенную поддержку арабам, которые были отправлены на обучение в Россию и пребывали на Антиохийском подворье.

В 1900 г. Г.А. Муркос по выслуге лет оставил преподавательскую деятельность в Лазаревском институте, сохранив за собой службу в Московском архиве Министерства иностранных дел. Спустя 6 лет он уехал на родину, где провел последние годы жизни. Детей и жены у Муркоса не было. Свое состояние, заработанное благодаря участию в коммерческом предприятии, занимавшемся экспортом апельсинов в Россию, он разделил на три части. Одну треть Муркос завещал брату, другую – слуге, оставшуюся часть своего имущества он завещал благотворительным заведениям в Дамаске и научным учреждениям в России¹.

Следует отметить, что Г.А. Муркос был не единственным преподавателем-арабом в Лазаревском институте. Вместе с ним долгие годы работал его соотечественник и родственник **Михаил Осипович Аттая** ('Атайя')². Как заведующий кафедрой, преподаватель арабской словесности и языковой практики, Муркос испытывал большие нагрузки. В связи с этим вскоре после прихода в институт он озаботился поиском помощника.

Подобно Г.А. Муркосу, М.О. Аттая родился в Дамаске, однако в детстве был вынужден перебраться с семьей в Бейрут. В отличие от его родного города в Бейруте в это время можно было получить не только начальное, но среднее и даже высшее образование. Окончив начальную школу, Аттая поступил в Бейрутский коммерческий колледж, а затем на медицинский факультет Сирийского евангелического университета. Одновременно он посещал курсы арабского языка и литературы на факультете словесности. Несмотря на вполне успешное обучение, Аттае не

¹ Некролог Муркоса... С. 77.

² См. подробнее: Смирнова Е.В. Михаил Осипович Аттая и его вклад в российское востоковедение (по документам архива Лазаревского института восточных языков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2016. № 9 (71) С. 187 – 191.

удалось окончить университет. В студенческую пору он сотрудничал с либеральными органами арабской периодической печати и выступал с критикой османских властей. В результате Аттае грозило тюремное заключение, которого ему удалось избежать при содействии российского генконсула, а также при условии, что он покинет страну. Следует предположить, что Муркос знал о проблемах Аттаи и предложил ему переехать в Москву. Желая помочь родственнику устроиться в России, Муркос в то же время надеялся обрести помощника по кафедре.

Несмотря на то, что М.О. Аттая не получил востоковедного образования, он успел неплохо изучить литературный арабский язык на филологическом факультете. Кроме того, он в совершенстве владел французским. Однако языком преподавания в Лазаревском институте был русский, который Аттае необходимо было освоить.

Разместив у себя на квартире приехавшего родственника, Г.А. Муркос около года занимался с ним русским языком. Кроме того, он приложил немало усилий, чтобы учредить при кафедре арабской словесности должность частного преподавателя практических занятий, на которую М.О. Аттая был назначен 15 ноября 1873 года¹.

То, что арабистической подготовкой студентов ЛИВЯ занимались только арабы, имело свои плюсы и минусы. Арабский язык (литературный, разговорный, а также каллиграфия) студентам преподавались весьма основательно. Вместе с тем им сообщался широкий спектр сведений страноведческого характера. Тем не менее Г.А. Муркос и М.О. Аттае, для которых арабский язык был родным, оказалось непросто составить методически верную учебную программу для русских студентов. На это указывал Н.И. Стребулаев², который изучал методику преподавания восточных языков в учебных заведениях Запада и Востока с целью последующего ее улучшения в российских вузах. В записке, адресованной вице-директору Азиатского департамента Д.Л. Лисовскому, Н.И. Стребулаев отмечал, что преподаватели

¹ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12 [Личное дело преподавателя практических занятий в Специальных классах по арабскому языку Михаила Аттая]. 1873 – 1916. Л. 14.

² Н.И. Стребулаев – драгоман и секретарь российского генерального консульства в Бейруте.

Лазаревского института не были знакомы с программами изучения арабского языка на Востоке, что мешало им выстроить курс в верном направлении. Получив востоковедное образование в России и усовершенствовав знание арабского языка в Сирии, Н.И. Стребулаев был в состоянии оценить методику преподавания восточных языков. По поводу преподавания арабского языка в ЛИВЯ он писал: «Каким образом могут быть понимаемы слушателями тексты грамматических трактатов аль-Фариси и Ибн-Малека, понимание коих непременно предполагают огромную предварительную работу даже для учеников старших классов на Востоке»?¹. Судя по всему, грамматикой ал-Фариси, а также грамматикой и синтаксисом Ибн Малика пользовался Муркос в рамках курса по арабской словесности. Будучи арабом по происхождению, Муркос, несомненно, хорошо понимал язык и суть этих сложных грамматических трактатов. Однако востоковедное и филологическое образование он получил в России, а не на Востоке. В Дамаске он обучался в начальной школе и не мог там основательно изучить литературный арабский язык. В связи с этим ему было сложно синтезировать западные и восточные методы преподавания и адаптировать арабские грамматики для понимания русских студентов, как это делали О.И. Сенковский, А.К. Казем-Бек, А.О. Мухлинский и В.Ф. Диттель. Что касается М.О. Аттая, то за два года факультативного обучения на словесном факультете Сирийского евангелического университета, он не успел освоить методику преподавания арабского языка. Однако по сравнению с Г.А. Муркосом он больше времени уделял педагогической работе. Неоконченное высшее образование и отсутствие необходимой квалификации Аттая стремился компенсировать своим трудолюбием и ответственным подходом к делу, что позволило ему со временем стать отличным педагогом.

Для того, чтобы методически верно выстроить курс и облегчить его восприятие студентам, Аттая начал подготовку дидактических материалов. В это время востоковедные факультеты российских вузов все еще страдали от нехватки учебных пособий по арабскому языку. В связи с этим Аттая уже к 1877 г. подготовил

¹ Записка Н.И. Стребулаева для Д.Л. Лисовского от 1 января 1894 г. / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101. 1823 - 1916. Л. 67.

учебник практических занятий, который правление ЛИВЯ разрешило литографировать¹. В последующие десятилетия «Практическое руководство к изучению арабского языка» издавалось еще несколько раз, в результате чего его общий тираж составил 2000 экземпляров. В 1910 г. Аттая подготовил третье дополненное и исправленное издание «Практического руководства». Этим учебным пособием пользовались студенты Санкт-Петербургского университета, Казанской духовной академии, Учебного отделения МИД, офицеры Главного штаба, студенты Казанской духовной академии, а также ученики мусульманских школ на Кавказе и в Средней Азии. Помимо «Руководства», Аттая подготовил и другие учебные пособия, в частности «Арабскую метрику» и «Хрестоматию по арабской литературе», которые служили хорошим руководством для изучения основ грамматики и лексики литературного арабского языка, а также давали общее представление о культурных и бытовых реалиях Арабского Востока. Несмотря на то, что учебники М.О. Аттаи не всегда находились «на уровне филологической науки», они имели важное дидактическое значение.

В учебных целях М.О. Аттая издавал и арабские литературные произведения. В 1910 г. он опубликовал арабскую сказку «Камар аз-Заман» и составил для нее глоссарий. Поскольку арабско-русские словари, изданные ранее, в это время стали библиографической редкостью, Аттая расширил глоссарий, положив в его основу лексику из словарей А.В. Болдарева, И.Ф. Готвальда и В.Ф. Гиргаса. По мнению И.Ю. Крачковского, словарь М.О. Аттаи представлял в основном переработку труда В.Ф. Гиргаса. Однако многие авторитетные лингвисты помещали в основу своего труда какой-либо другой словарь, дополняя или исправляя его. Таким дополнением, сослужившим несомненную пользу русской арабистике, в словаре Аттаи была лексика из арабских текстов «ново-литературного», церковного и разговорного языков².

¹ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12 [Личное дело преподавателя практических занятий в Специальных классах по арабскому языку Михаила Аттая]. 1873 – 1916. Л. 24.

² Аттая М.О. Арабско-русский словарь. М., 1913. 1026 с.

В институте Аттая вел не только языковую практику, но и каллиграфию. Программа курса предусматривала ознакомление студентов с главными почерками арабского письма. «Успехи Института в обучении восточной каллиграфии получили признание на всероссийской выставке в Москве в 1882 году, а также на Парижской выставке в 1900 году»¹. Помимо языковой практики и каллиграфии Аттае в 1901 г. было поручено читать студентам третьего курса мусульманское право, которому в Институте уделялось большое внимание.

В ЛИВЯ М.О. Аттая занимался не только педагогической, но и научно-исследовательской деятельностью. Он интересовался историей и филологией средневекового Арабского Востока, его литературной и фольклорной традициями. В 1887 г. М.О. Аттая опубликовал совместный перевод со студентом Лазаревского института М.В. Рябининым «Книги Калилы и Димны», снабдив его комментариями². Несмотря на то, что В.Р. Розен указывал на малоудовлетворительное качество перевода³, работа Аттаи имела определенное научное и популяризаторское значение и вошла в историю русской арабистики, как первый отечественный перевод этого произведения. Занимаясь изучением арабской народной поэзии, Аттая просил руководство Учебного отделения отправить в Лазаревский институт рукопись ал-Ахтала⁴. О том, что Аттая серьезно интересовался не только филологией, но и историей арабского мира, свидетельствует его труд «История Багдадских халифов», над которым он работал с конца 1880-х гг. К огромному сожалению, работа Аттаи была утрачена во время пожара, случившегося у него на даче в 1893 г., и так и не была опубликована⁵.

Подобно другим ученым и преподавателям Лазаревского института М.О. Аттая был занят исследованиями в Восточной комиссии: читал доклады, переводил арабские рукописи. В частности, он исследовал фотоснимок арабской надписи на мечети при ханском дворце в Баку, а также рукопись, в которой рассказывалось о

¹ Базиянц А.П. Лазаревский институт восточных языков... С. 101.

² Аттая М. О., Рябинин М. В. Книга Калила и Димна. М.: типография и словолитня О.О. Гербек, 1889. 288 с.

³ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 170.

⁴ По ходатайству преподавателя Лазаревского института Г. Аттая о доставлении ему из библиотеки Учебного отделения рукописи «Аль-Ахталь» / АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 231. 1889. Л. 1.

⁵ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12. 1873 – 1916. Л. 81.

происхождении г. Дербента и жителей Дагестана¹. В 1898 г. Московское археологическое общество единогласно избрало его своим действительным членом², выражая надежду, что М. О. Аттая и впредь не откажет в содействии его научными трудами и исследованиями.

Сотрудничая с русскими учеными в Москве и Петербурге, Аттая постепенно усваивал научную методологию и по мере возможности содействовал работе своих коллег. Арабский исследователь Наджиб ал-‘Акики упоминал, что Аттая был корректором истории арабской литературы, подготовленной одним из российских востоковедов³.

В научной и педагогической деятельности М.О. Аттая весьма плодотворно сотрудничал с А.Е. Крымским, который был его учеником и коллегой. Под руководством арабского лектора Крымский сделал первые успехи в переводе арабских поэтов джахилийской эпохи. Аттая помогал ему переводить му‘аллаки ‘Антары, способствуя возникновению у Крымского интереса к доисламской поэзии. После окончания Московского университета А. Е. Крымский отправился в командировку на Ближний Восток, которая была организована Лазаревским институтом для его подготовки к дальнейшей востоковедной деятельности. В Бейруте, где Крымский провел больше года, он жил в доме родителей Аттая⁴. После возвращения в Москву он был назначен заведующим кафедрой арабской словесности в ЛИВЯ, освободившейся после ухода Г.А. Муркоса.

К совместным трудам А.Е. Крымского и М.О. Аттая относится перевод многочисленных вариантов повести «Семь спящих отроков эфесских», которые встречаются в произведениях арабских писателей. Непосредственно Аттаей была переведена сура Корана «Пещера», фрагменты из трудов ат-Табари, Йакута, Ибн ал-Асира, Казвини. Он не только выполнил перевод, но и снабдил его примечаниями и обстоятельными историко-филологическими комментариями⁵. Арабской

¹ Базиянц А.П. Лазаревский институт восточных языков... С. 180.

² ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12. 1873 – 1916. Л. 105.

³ См. ал-‘Акики, Наджиб. Мусташрикуна (Востоковеды)... С. 157.

⁴ См. Крымский А. Е. Письма из Ливана (1896–1898). М.: Наука, 1975. С. 31 – 32.

⁵ См. Аттая М.О., Крымский А.Е. Семь спящих отроков Эфесских. М.: Типография Крестного календаря, 1914. 70 с.

средневековой поэзии была посвящена работа Крымского и Аттаи об Абу Фирасе и Мутанабби. Результатом совместного труда ученых был также «Арабский изборник», изданный в 1916 году.

На протяжении долгой научной и педагогической деятельности в институте М.О. Аттая сочетал должности преподавателя, помощника воспитателя гимназических классов, а также библиотекаря. Он заведовал библиотеками Специальных и гимназических классов, а также запасной библиотекой. Первой библиотекой он заведовал с конца 1870-х гг., когда она состояла из 1 431 тома¹. В 1909 г. количество томов во всех библиотеках достигло 31 567 томов, а количество лиц, их посещавших, увеличилось в десять раз. Труды Аттаи в этой области были отмечены Обществом русского библиотековедения. В 1911 г. он был приглашен на Первый всероссийский съезд по библиотечному делу, проходивший в Санкт-Петербурге. За вклад Аттаи в библиотечное дело Комитет библиографического общества в 1912 г. избрал его своим действительным членом. О заслугах Аттаи перед отечественным библиотековедением писал Е. А. Беляев, указывая, что в результате его сорокалетней непрерывной деятельности в этой области составила лучшая востоковедная библиотека в Москве и одна из лучших в России².

В библиотеке М. О. Аттае часто помогала его сводная сестра Хафиза-Мария, которую он вместе с братом Федором вывез из Бейрута, когда они были маленькими³. Хафиза-Мария выросла в России и получила медицинское образование. Своих детей у Аттаи не было, несмотря на то, что он был женат дважды: сначала на С.Ф. Фогст, а затем на Н.К. Зегер).

Помимо сестры и брата в квартире у М. О. Аттаи часто проживал кто-то из его учеников, как например князь Б. Н. Шаховской, ставший потом консулом в Дамаске. Впоследствии Аттая обучал детей своих бывших студентов, которые также проживали у него. С теплотой отзываясь о своих учениках, М.О. Аттая писал: «Ни

¹ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1527 [О рассмотрении прошений профессора А. Крымского о проверке подлинности диплома преподавателя М.О. Аттая]. Л. 26.

² См. Беляев Е.А. М.О. Аттая. Некролог // Новый Восток. Кн. 6. М.: Типо-литография «Искра революции», 1924. С. 530 – 532.

³ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1527 [О рассмотрении прошений профессора А. Крымского о проверке подлинности диплома преподавателя М.О. Аттая]. Л. 26.

один из окончивших курс Специальных классов студентов не проезжает мимо Москвы, не посетив меня, а жившие у меня воспитанники и студенты до сих пор сохраняют со мной самые дружеские отношения и ведут переписку»¹. Несомненно, что главным своим призванием Аттая считал именно педагогику. Он не только читал лекции в Институте, но и вывозил студентов на экскурсии, ставил с ними пьесы в театре, занимался по праздникам, помогал им с переводами для докладов в Восточной комиссии². О том, что Аттая был великолепным педагогом свидетельствовали его многочисленные студенты, занимавшие ответственные должности в странах мусульманского Востока.

Заслуги М.О. Аттая перед отечественной наукой и образованием отметило и русское правительство. В общей сложности М. О. Аттаей было издано более 40 трудов, не считая статей и заметок, опубликованных в периодических изданиях. «Воздаяние отлично усердной и ревностной службы», а также «особых трудов» императоры Александр III и Николай II пожаловали ему ордена Св. Анны третьей и второй степени, а также Св. Станислава третьей и второй степени³. По поручению русских властей Аттая выполнял ответственные дипломатические задания. В 1900 г. ему было поручено представить императору Николаю II приезжих арабов и быть их переводчиком при высочайшей аудиенции. Кроме того, Аттае доверялся перевод всех документов из правительственных учреждений, поступавших в Лазаревский институт.

Следует отметить, что в дореволюционный период Аттая был последним лектором-арабом в России, получившим высшее образование за ее пределами. Все его соотечественники и единоверцы, преподававшие в России в начале XX века, были уже выпускниками российских учебных заведений. То, что в российских вузах в это время преподавали лишь православные арабы, свидетельствовало об улучшении качества их образования, а также об укреплении церковных и гуманитарных связей с православным Востоком, благодаря которым они и попадали в Россию.

¹ Там же. Л. 25.

² Там же. Л. 24.

³ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12. 1873 – 1916. Л. 236.

Качество преподавания и уровень профессионального взаимодействия и взаимопонимания с российскими коллегами и студентами был у таких арабских педагогов выше, чем у их предшественников.

В первые годы XX в. в Петербургский университет и Учебное отделение МИД преподавателем арабского языка был назначен Антуан Федулович Хащаб (Хашаб), пришедший на смену Ф. Сарруфу и И. Нофалю. По происхождению и образованию А.Ф. Хащаб был подобен Г.А. Муркосу. Он родился в 1874 г. в Триполи, в семье православного священника¹. Получив начальное образование в греко-православной школе, Хащаб поступил в Кефтинский пансион, а затем был переведен во французскую коллегию Святой Екатерины в Александрии. В августе 1891 г. он, в качестве стипендиата Святейшего синода, был направлен на обучение в Одесскую духовную семинарию. После ее окончания Хащаб предполагалось отправить на Ближний Восток, чтобы пополнить штат учебных заведений ИППО высокообразованными педагогами. По распоряжению В.Н. Хитрово, он был определен учителем в триполийскую школу. Однако Хащаб не спешил покидать Россию, а хотел продолжить свое образование. По примеру Г.А. Муркоса, с которым он, вероятно, был знаком, Хащаб решил поступить в Петербургский университет, на Факультет восточных языков.

После вступительных испытаний он, вероятно, был не уверен в своем зачислении. В связи с этим Хащаб в 1897 г. отправился в Триполи, где его уже ждал школьный инспектор Д.Ф. Богданов. По распоряжению инспектора он был назначен учителем русского и французского языков в Триполийскую школу. Несмотря на то, что Хащаб проявил себя, как толковый педагог, преподавал он недолго. Узнав о зачислении в университет, он оставил школу и уехал обратно в Петербург. Там в 1898 г. Хащаб принял российское подданство и обвенчался с Анной Казимировной Прехтель. Поначалу Хащаб был определен на изучение дальневосточных языков. Однако по ходатайству В.Р. Розена он был переведен на арабско-

¹ См подробнее: Дзевановский-Петрашевский В.М. Антоний Феодулович Хащаб (1874 – 1948): новые материалы к биографии ученого арабиста // Подарок ученым и утешение просвещенным: сборник статей посвященных 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой составитель и автор идеи Дзевановский-Петрашевский. СПб: Петербургское востоковедение. 2016. С. 403 – 435.

персидско-турецко-татарский разряд. Следует отметить, что Хащаб с глубоким почтением относился к своему наставнику и великому ученому. После смерти Розена он опубликовал некролог, в котором осветил основные вехи его биографии и профессиональной деятельности. Там же Хащаб писал о глубоком уважении арабов к В.Р. Розену, который содействовал изучению и популяризации арабского языка и востоковедных исследований в Европе и России¹.

Помимо арабского языка, Хащаб весьма успешно изучал персидский. В связи с этим по рекомендации профессора В.А. Жуковского он был командирован на каникулы в прикаспийские земли Персии, где должен был на практике изучить фарси.

После окончания университета А. Хащаб по рекомендации Н.И. Веселовского был оставлен на кафедре арабской словесности в качестве лектора. Он не только читал вверенный ему курс, но и помогал студентам во внеурочное время, делился своими знаниями о Востоке. Известно, что А. Хащаб был учителем И.Ю. Крачковского, консультировал его по ряду вопросов, а кроме того выступал оппонентом на защите его диссертации. Вместе с тем он занимался с А.Н. Самойловичем².

Подобно другим лекторам-арабам в России, Хащаб занимался подготовкой дидактических материалов. В 1910 г. он составил «Грамматику арабского языка», надеясь, что учебник будет пользоваться популярностью, в том числе и среди российских мусульман. Его надежды оправдались. Изданная им в 1910 г. «Грамматика» служила пособием для ряда студенческих поколений³. Большим успехом пользовались также его «Образцы современной арабской письменности».

Помимо преподавания, Хащаб занимался научными исследованиями. В 1906 г. руководство Факультета направило его в командировку в Сирию для сбора материалов по новоарабской литературе и покупке книг. Вторая командировка его в Египет состоялась в 1911 году.

¹ См. Хашаб, Антуан. Ал-барун Фиктур фун Рузин ал-мусташир ар-руси ал-'аллама аш-шахир (Барон Виктор фон Розен – выдающийся русский ученый-востоковед) // Ал-Машрик. 1908. № 3. С. 171 – 173.

² Дзевановский-Петрашевский В.М. Антоний Феодулович Хащаб... С. 411.

³ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 197.

Работу в университете Хащаб совмещал с преподаванием арабского языка в Учебном отделении МИД. Кроме того, он состоял на службе в Министерстве финансов, что помогало ему заработать необходимые средства на содержание семьи.

По стопам Антуана Хащаб на обучение в Россию был отправлен и его младший брат Федор. После окончания Черниговской духовной семинарии он также, как и Антуан, планировал поступить в Петербургский университет. Однако ему это не удалось, и он продолжил обучение в Петербургской духовной академии. Судя по всему, брат А. Хащаб был выпускником учебных заведений Православного палестинского общества.

Как русские востоковеды, так и православные арабы, преподававшие в России, содействовали научной и просветительской работе ИППО. Выше отмечалось, что с открытием школ общества в Палестине и Сирии начался качественно новый этап в развитии научно-образовательных связей с Арабским Востоком. Обучаясь в начальных школах и в учительских семинариях ИППО, воспитанники получали качественное образование, хорошо осваивали русский и арабский языки, изучали французский, английский, турецкий и греческий. Лучшие выпускники Назаретской семинарии отправлялись на обучение в Россию. Поскольку они уже владели русским языком, им не нужно было его изучать, пребывая на Антиохийском подворье. Арабские воспитанники сразу направлялись в учебные заведения, как правило в Киевскую или Полтавскую духовные семинарии. После их окончания стипендиаты общества могли поступать в Киевскую духовную академию или Глуховский учительский институт. Выбор высших учебных заведений объяснялся двумя целями, которое ставило перед собой ИППО в деле арабского просвещения: подготовка учительских кадров, а также образованных священнослужителей. Подготовка ученых-востоковедов, как и специалистов других профессий в задачи ИППО не входила. Безусловно, не все арабы после окончания духовной академии посвящали себя служению Церкви. Некоторые из них предпочитали стать учеными и преподавателями в российских вузах.

Речь идет о Т.Г. Кезде (Тауфик Джабра'ил Казма) и П.К. Жузе (Бандали ал-Джаузи), которые внесли существенный вклад в развитие российского и советского

востоковедения. **Тауфик Гаврилович Кезма** (1882 – 1958) родился в Дамаске и был младшим братом директора Назаретской мужской семинарии А.Г. Кезмы. Начальное образование он получил в одной из двухклассных школ общества, затем продолжил обучение в Назаретской семинарии под присмотром своего старшего брата. После окончания Назаретского пансиона он был отправлен на учебу в Киевскую духовную семинарию, затем и духовную академию. Получив в 1907 г. подданство Российской империи, Т.Г. Кезма стал помощником проректора в Университете святого Владимира, а также сверхштатным преподавателем арабского и турецкого языков в Киевском коммерческом институте. В 1914 г. он был направлен институтом в Персию для усовершенствования разговорного персидского языка. Вернувшись из командировки, Кезма обратился к руководству института с просьбой о предоставлении ему штатной должности преподавателя персидского. Для того, чтобы удостовериться в его знаниях, учебный комитет предложил ему подтвердить свою квалификацию в Лазаревском институте восточных языков. При этом руководство Коммерческого института интересовало знание разговорного персидского языка, который вводился в программу. В связи с этим Кезму должны были проэкзаменовать ираноязычные лекторы Лазаревского института, а также А.Е. Крымский¹.

Несмотря на то, что Т.Г. Кезма не получил востоковедного образования, он основательно изучил арабский язык в Назаретской семинарии, что позволило ему в дальнейшем преподавать его в российских вузах. Помимо разговорных восточных языков, Кезма преподавал древнегреческий, церковнославянский, латынь и древнееврейский языки, которыми овладел в духовной семинарии и академии. Наряду с преподаванием, он занимался переводами, а также исследовал арабские рукописи, хранившиеся в архивах Киева. Несмотря на активную педагогическую и научную деятельность Тауфика Кезмы, его имя, по замечанию ‘Умара Махамида, остается малоизвестным в истории палестинской мысли и литературы².

¹ Отношение директора Лазаревского института восточных языков попечителю Московского учебного округа. 1915 г. /ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 115. 1915. Л. 2 – 3.

² См. Махамид, ‘Умар. Мукаддама фи-л-адаб ал-‘араби ва-л-истишрак ар-руси С... 71.

Другим выпускником Назаретской семинарии, а также российских духовных школ был известный исламовед и арабист **Пантелеймон Крестович Жузе** (1870 – 1942). Начальное образование он получил в греческих монастырях. После окончания семинарии в Назарете он приехал в Россию и поступил сначала в Вифанскую семинарию, затем в Московскую духовную академию. Однако ее П.К. Жузе не окончил, а перевелся с IV курса в Казанскую духовную академию «с целью ознакомления с исламской литературой»¹. Итогом его ранних исследований в этой области стала диссертация на тему «Мутазилиты. Догматико-историческое исследование в области ислама». Она была опубликована и вызвала, по словам Салама Мусафира, «широчайший интерес в академических кругах как Востока, так и Запада»². Получив степень кандидата богословских наук, П.К. Жузе был принят в штат академии, где продолжил свою востоковедную деятельность. Среди работ Жузе по исламоведению важное место занимают исследования, посвященные пророку Мухаммаду, изучению Корана, вопросам взаимоотношения ислама и науки. Хотя труды палестинского ученого не были лишены влияния миссионерских идей, он пытался объективно подойти к вопросам изучения Корана и Сунны, указывая, что ислам и наука не взаимоисключающие явления³. Весомым вкладом Жузе в русскую арабистику стала публикация учебника русского языка для арабов, а также большого русско-арабского словаря, который, по словам автора, «заклучал в себе все употребляемые в русском языке слова... и почти все русские обороты и пословицы»⁴. Выход в свет этих изданий, которые долгое время оставались единственными в своем роде, значительно облегчил русско-арабскую коммуникацию.

Издатели трудов Жузе отмечают, что появление учебника было обусловлено «необходимостью дать какое-либо пособие православным арабам, приезжающим учиться в Россию, но это издание скоро получило распространение в Сирии и Палестине», где существовал значительный спрос на пособия для изучения

¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1330. Л. 4.

² Мусафир Салам. Выдающийся ученый Бандали Салиба Джаузи// Россия и Арабский мир. СПб.: Ноах, 1994. С. 74.

³ См. Жузе П.К. Ислам и просвещение. Казань: Типография Университета, 1899. С. 1 – 11.

⁴ Жузе П.К. Полный русско-арабский словарь. Предисловие автора. Казань: Типо-литография Ключникова, 1903.

русского языка¹. Речь идет, прежде всего, об учебных заведениях ИППО, а также Баламандской семинарии, в которой преподавался русский язык.

Важным направлением научно-исследовательской деятельности П.К. Жузе было изучение христианства на Ближнем Востоке, в частности, истории Антиохийской православной церкви и арабской христианской литературы. Научную работу Жузе постоянно совмещал с преподаванием. Помимо Казанской духовной академии, где Жузе преподавал арабский и французский языки, он читал лекции в духовной семинарии, гимназиях и миссионерских курсах. Как педагог, Жузе пользовался неизменным уважением среди студентов, которые видели в нем крупного лингвиста. По некоторым сведениям, ученый владел 16-ю языками. Часть из них он освоил на Ближнем Востоке, в том числе в Назаретской семинарии, другие выучил в России. Несмотря на то, что Россия стала для Жузе второй родиной (в 1899 г. ученый принял российское подданство, а в 1903 г. женился на Л.Л. Зуевой), он никогда не забывал о родных краях, куда долгое время мечтал вернуться. В 1900 и 1903 гг. Жузе удалось побывать в Сирии и Египте, где ученый провел ряд семинаров и выступил с научными лекциями, имевшими резонанс в арабских литературных кругах. Следующая поездка Жузе на родину состоялась в 1909 – 1910 гг., во время которой он изучал рукописи в библиотеках Иерусалима, Бейрута, Дамаска, слушал лекции ведущих востоковедов в Бейрутском университете, посетил занятия в университете ал-Азхар. За время пребывания на Востоке Жузе опубликовал несколько заметок в Сообщениях ИППО. Там же были напечатаны и его научные статьи. Осенью 1909 г. в Бейруте П.К. Жузе познакомился с будущим академиком И.Ю. Крачковским, которого затем сопровождал в путешествии по святым местам. Вместе они, вероятно, посетили Университет св. Иосифа, а также библиотеки, куда Жузе было легче попасть в силу его происхождения. Кроме того, они побывали в школах и семинариях ИППО, в которых Крачковский изучал постановку учебного дела. Общение с Жузе помогло ученому ближе узнать и понять арабов, лучше вникнуть в суть социокультурных и политических процессов,

¹ Жузе П.К. Полный русско-арабский словарь. Казань, 1903. Предисловие издателей.

происходивших на Востоке. Случайное знакомство Жузе с Крачковским переросло в теплые дружеские и профессиональные отношения между ними. ‘Умар Махамид отмечает, что палестинский историк и великий русский ученый были закадычными друзьями, которые обменивались визитами и опубликованными статьями¹. Знакомство с И.Ю. Крачковским имело важные последствия для научной деятельности П.К. Жузе. Именно его влиянием М.А. Кострюков и М.З. Хабибуллин объясняют перемены в методологии исламоведческих исследований палестинского ученого и его переход на позиции петербургского академического востоковедения². В то же время Жузе, а также другие арабы, с которыми Крачковский общался (в основном по переписке), были нитью, связывающей его с Ближним Востоком, где он после 1910 г. больше не бывал. Жузе рассказывал Крачковскому о событиях, происходивших в Палестине, делился своими переживаниями о судьбах палестинцев и особенно арабов-христиан³. Находясь в России, арабские преподаватели, продолжали поддерживать активные связи с родиной, жить ее проблемами, нередко посещали Ближний Восток с научными целями или отправлялись в отпуск к родным. Крачковскому, который изучал новую арабскую литературу, сведения, поступавшие от его знакомых арабов, были необходимы для научной работы.

Между тем отказ П.К. Жузе от антиисламской полемики, произошедший в том числе под влиянием общения с И.Ю. Крачковским, негативно отразился на его службе в академии, которую он после 20 лет был вынужден оставить. В 1916 г. Жузе перешел в Казанский университет, где уже в должности приват-доцента, стал читать курс мусульманского права на юридическом факультете. Одновременно с преподавательской деятельностью в университете Жузе вел курс исламоведения и арабского языка в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте. До 1917 г. Жузе много публиковался, его научные статьи и очерки выходили в российских («Казанский телеграф», «Сообщения ИППО») и арабских журналах («ал-Хилал», «ал-Муктатаф» и др.). Подобно его арабским коллегам православного

¹ См. Махамид, ‘Умар. Мукаддама фи-л-адаб ал-‘араби ва-л-истишрак ар-руси... С. 58.

² См. Кострюков М.А., Хабибуллин М.З. Пантелеймон Крестович Жузе (1870 – 1942): востоковед, исламовед и общественный деятель. Казань: ЯЗ, 2012. С. 83, 149.

³ См. Махамид, ‘Умар. Мукаддама фи-л-адаб ал-‘араби ва-л-истишрак ар-руси... С. 59.

исповедания, Жузе принимал деятельное участие в развитии культурно-религиозных и научных связей России с Ближним Востоком, просвещении и культурном возрождении арабов.

После 1917 г. жизнь и научная деятельность арабских ученых в России претерпевает изменения. Из научного творчества русских арабов исчезает религиозная компонента, а тематика их работ начинает отвечать духу времени и запросам нового общества.

М.О. Аттая с первых дней революции работал в новой советской высшей школе. Наряду с преподавательской деятельностью ученый занимался переводами на арабский язык «Коммунистического манифеста» и «Интернационала», а также ряда работ социально-политического характера, таких как Конституция РСФСР¹. В 1920 г. Аттая стал первым директором Института живых восточных языков, на базе которого впоследствии был сформирован Московский институт востоковедения. Он участвовал в разработке новых программ, ориентированных на изучение современного Востока, помогал наладить учебный процесс.

Скончался М.О. Аттая в 1924 г. Его учениками были такие известные ученые как А.Е. Крымский, Е.А. Беляев, Х.К. Баранов, В.А. Гордлевский, которые внесли огромный вклад в развитие советского востоковедения, а также становление московской школы тюркологии и арабистики. По словам Р.Г. Ланды, в пору его обучения в Московском институте востоковедения память об М.О. Аттае была еще жива. О своем учителе с благодарностью вспоминал Х.К. Баранов и рассказывал о нем студентам.

В отличие от М.О. Аттаи, который остался после революции в Москве, Антуан Хащаб в 1918 г. отправился в Мерв, где находилось отделение русского банка, которое он курировал. После этого он вернулся в Петроград, но пребывал там недолго. Под предлогом научной командировки Хащаб отправился в Персию, в чем ему помогли Н.Я. Марр и В.В. Бартольд. Благодаря усилиям этих ученых, удалось частично сохранить библиотеку Хащаб в Петербурге, которая впоследствии

¹ Базиянц А., Шарбатов Г. Первый директор Центрального института живых восточных языков.// Азия и Африка сегодня, 1978. № 8. С. 58.

отошла университету. Находясь в Персии, Хашаб по возможности продолжал поддерживать связь с Россией через своих коллег – лекторов восточных языков, которые остались в Москве. Кроме того, он встречался с Н.Я Марром во время его командировки в Персию. В это время Хашаб интересовался Институтом живых восточных языков в Петрограде и даже задумывался о своем возвращении в Россию. Однако его с женой пугал новый режим и они предпочли остаться в Персии.

Другой арабский ученый – Тауфик Кезма после революции остался в Киеве, в результате чего надолго потерял связь с сирийскими родными. С 1918 г. он работал в Институте Ближнего Востока, читал лекции по арабской грамматике, преподавал турецкий и персидский языки. Кроме того, с 1920 г. Кезма занимался научной деятельностью во Всеукраинской академии наук при Кабинете арабо-тюркской филологии, который возглавлял переехавший в Киев А.Е. Крымский¹. Он был одним из первых преподавателей на Восточном факультете в Киеве². В академии Кезма переводил рукописи, народные сказания, пословицы и поговорки, привезенные Крымским с Ближнего Востока. Арабский ученый стал настоящим другом и соратником известного русского востоковеда³. Благодаря их совместным усилиям, формировалась украинская школа арабистики. Весомым вкладом в отечественное востоковедение стал учебник Т.Г. Кезмы «Элементарные основы грамматики арабского языка», который получил одобрение А.Е. Крымского и сочувственный отзыв И.Ю. Крачковского. К.И. Гурницкий отмечал, что успеху книги Т.Г. Кезмы содействовало то обстоятельство, что создана она была под непосредственным наблюдением и при щедрой помощи Крымского⁴. Оставаясь на Украине до конца своих дней, Кезма по мере сил содействовал развитию советско-арабских культурных и научных связей: переводил на русский язык произведения современных арабских

¹ Левантийская диаспора в славянском социокультурном пространстве. Диалог цивилизаций: Базовые идеи, концепты технологии. Доступно на: <http://ippo.ru/history/school/int/3/> (Дата обращения: 08. 10. 2015)

² Махамид, 'Умар. Мукаддама фи-л-адаб ал-'араби ва-л-истишрак ар-руси...С. 71.

³Заза, Имад. Христианин из Дамаска. Вдали от родины. URL: http://ippo.ru/history/school/int/T_Kezma/1/ (дата обращения: 07. 10. 2015).

⁴ Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. М.: Наука, 1980. С. 174.

писателей, в частности Михаила Нуайме, отсылал свои заметки о русских востоковедах в арабские периодические издания¹.

Послереволюционная жизнь П.К. Жузе была связана с Азербайджаном, куда он вместе со своей семьей переехал в 1920 г. В Баку Жузе пригласили на преподавательскую работу в университет, где он продолжил свои востоковедные исследования, сосредоточившись на изучении истории Азербайджана и Закавказья в средние века. Этой проблеме П.К. Жузе посвятил ряд серьезных работ: «Азербайджан под властью арабов VII – IX вв.», «Арабские племена в Закавказье» и другие². Кроме того, Жузе перевел на русский язык несколько сочинений средневековых арабских историков (ал-Балазури, Йа'куби, Ибн ал-Асира, Йакута ал-Хамави), где содержались сведения по истории Азербайджана³. В 1921 г. П.К. Жузе была присуждена степень доктора арабского языка и словесности, а в 1922 – 26 гг. он стал деканом Восточного факультета Бакинского университета. Там же вместе с П.К. Жузе арабский язык преподавал Ибрахим Уарвар. Он был стипендиатом Палестинского общества и получил образование в Киевской духовной семинарии. Женившись на русской дворянке Е. Пашковой, он после революции уехал в Азербайджан, где скончался в 1971 году⁴.

В 20-е гг. П.К. Жузе снова посетил Ближний Восток, куда привез рукопись своего труда «Из истории идейных течений в исламе», которая произвела большое впечатление на арабскую интеллигенцию. Во время этой поездки Жузе прочел лекции о развитии политической мысли у арабов, об истории арабо-исламской цивилизации. Его лекции и пропагандистская работа в Палестине, направленные против британского мандата, вызвали серьезное недовольство англичан, которые увидели в этом угрозу своей политике. Под давлением английских властей Жузе был вынужден покинуть Палестину и вернуться в Баку, где продолжил работать до конца своих дней.

¹ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 314.

² Кострюков М.А., Хабибуллин М.З. Пантелеймон Крестович Жузе... С. 179 – 180.

³ Там же. С. 172.

⁴ См. Федотов П.В. «Школьная фотоколлекция» 1860 – 1910-х гг. Императорского православного палестинского общества В собрании государственного музея истории религии // Труды государственного музея истории религии. 2020, № 20. С. 44 – 53.

К послереволюционному периоду относится научная и педагогическая деятельность выпускницы женской семинарии в Бейт-Джале **Кульсум Наср Оде (Кулсум Наср ‘Уда)** (1892 – 1965). Преподавая в Назарете, она познакомилась с И.Ю. Крачковским, который стал ее другом и наставником. Кульсум Оде вышла замуж за русского врача И.К. Васильева и в 1914 г. уехала в Россию. Потеряв мужа, она в 1924 г. приехала в Ленинград и по приглашению Крачковского стала преподавателем арабского языка в Институте живых восточных языков. С тех пор она начала работать под руководством великого русского ученого¹. Именно его курс лекций вдохновил Кульсум Оде на составление большой хрестоматии по новой арабской литературе, что явилось «первым опытом не только у нас, но и вообще в арабистическом мире»². Хрестоматия получила известность в арабских странах и была введена «в преподавание ряда высших учебных заведений в Германии и Англии»³. Позднее К.В. Оде-Васильева перевела на арабский язык монографию И.Ю. Крачковского о шейхе Тантави, сделав ее достоянием арабской общественности. По словам ‘Умара Махамида, Оде-Васильева внесла большой вклад не только в распространение арабской культуры в России, но и русской культуры и литературы на Востоке посредством своих переводов на арабский язык⁴.

Таким образом, привлечение арабских преподавателей в Россию, их долгая и плодотворная здесь деятельность способствовали углублению русско-арабских связей в науке и образовании. Первые педагоги-арабы, приезжая в Россию, едва ли имели о ней широкое представление, тем более не знали русский язык, что, безусловно, ограничивало межкультурную и научную коммуникацию. Ситуация начала постепенно меняться в 50-е и, особенно, 80-е годы XIX века, когда арабские студенты стали обучаться в России, открывались русские школы и семинарии на Ближнем Востоке. Именно там юные арабы начинали приобщаться к русской культуре, изучали русский язык, знакомились с методикой преподавания. Оканчивая

¹ Оде-Васильева К.В. Мои воспоминания об академике И.Ю. Крачковском. // Палестинский сборник. Вып. 2(64-65). 1956. С. 130.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики... С. 214.

³ Крачковский И.Ю. Предисловие к «Образцам ново-арабской литературы (1800 – 1925)» К.В. Оде-Васильевой. Л.: Издание Ленинградского восточного института имени А.С. Енукидзе, 1929.

⁴ Махамид, ‘Умар. Мукаддама фи-л-адаб ал-‘араби ва-л-истишрак ар-руси... С. 72.

русские духовные академии и университеты, арабы овладевали научной методологией, которую впоследствии применяли в своих востоковедных исследованиях. Значительное влияние на лекторов-арабов оказали наши востоковеды, работа с которыми помогла им раскрыть научное дарование и стать настоящими учеными. Большой заслугой арабских ученых перед российским востоковедением стало изучение арабских источников по истории России и стран СНГ, подготовка фундаментальных словарей, пособий и хрестоматий, которые содействовали популяризации арабского языка в России. Свой вклад арабы-востоковеды внесли в изучение истории, религии и филологии Ближнего Востока, реалии которого им были хорошо знакомы. Находясь в России, арабские ученые принимали активное участие в интеллектуальном развитии своих соотечественников: публиковались в арабских периодических изданиях, поддерживали контакты с арабской интеллигенцией, читали на родине лекции, содействовали просветительской работе ИППО. Вместе с тем они способствовали развитию русско-арабских гуманитарных связей, приглашая к себе родственников, которые также обучались в российских вузах. Не только сами арабские востоковеды, но их дети и племянники нередко оставались в России. Известно, что у Пантелеймона Жузе было семеро детей. Большинство из них стали известными русскими учеными, чьи труды принесли славу советской науке¹.

После революции жизнь арабских ученых в России не всегда складывалась просто: у кого-то оборвалась связь с родными, многим не удалось избежать ареста. И все же они нашли здесь вторую родину. Не жалея сил, арабы-преподаватели работали на благо советской науки и образования. Воспитав не одно поколение отечественных востоковедов, они всемерно содействовали культурному и научному обмену с арабскими странами.

¹ См. Владимир Пантелеймонович Жузе (1904 – 1993). Жизнь и научная деятельность. СПб., 2004. С. 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации на основе широкого спектра архивных и печатных источников проанализирован процесс формирования культурных связей России с Арабским Востоком в их научно-образовательном аспекте, возникновение и развитие которых зависело от качества русско-арабской коммуникации и специфики ее реализации на разных исторических этапах.

Первые контакты восточных славян с арабами осуществлялись преимущественно в торговой и военно-политической сферах при посредничестве Византии и Хазарского каганата, которые граничили с Арабским халифатом. Непосредственным образом славяне контактировали с арабами во время военных компаний хазар и византийцев против Халифата. Попадая а Ближний Восток в результате добровольного перехода на сторону арабской армии, в качестве пленников или рабов, захваченных тюркскими кочевниками и проданных в арабские страны, славяне постепенно осваивали арабский язык и адаптировались к местной культуре. Улучшение славяно-арабской коммуникации в данном случае было тесно связано с процессом аккультурации и постепенной ассимиляцией славян. В большинстве своем славяне, попадавшие на Ближний Восток, не возвращались на Русь, потому не могли содействовать активному развитию русско-арабских культурных связей. В то же время ближневосточные славяне могли способствовать установлению контактов арабов с Восточной Европой, выступая в качестве проводников и переводчиков в составе посольств и торговых караванов.

Основной зоной торговых контактов восточных славян с арабами были города Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Византии. Посредниками в их коммуникации могли выступать представители тюркских народов, владевшие арабским языком, евреи, а также восточные христиане, которые знали арабский и греческий языки. В отличие от торговых и военных контактов, осуществлявшихся между восточными славянами и арабами напрямую, культурные связи Руси с Арабским Востоком носили в основном опосредованный характер и формировались

через Волжскую Булгарию и Византию, которые имели культурно-религиозные связи с Ближним Востоком и выступали проводниками его культурного влияния на русские земли. Возникновению культурных связей Руси с Арабским Востоком содействовали, прежде всего, факторы религиозно-идеологического характера: с одной стороны, утверждение ислама в Волжской Булгарии, с другой – христианизация Руси. Первое способствовало тому, что мусульманский мир оказался в непосредственной близости от русского государства, второе – возникновению духовных связей Руси со Святой землей. В то же время утверждение ислама в Волжской Булгарии и последующее крещение Руси привело к возникновению религиозного барьера, который препятствовал полноценному интеллектуальному обмену между жителями обоих государств.

Специфика культурного взаимодействия Руси с Арабским Востоком при болгарском посредстве зависела не только от интенсивности контактов славян с булгарами и болгар с арабами, но от мировоззренческих установок, сформировавшихся у славян в результате крещения, с помощью которых определялся спектр и характер возможных заимствований из мусульманской культуры. Как известно, болгары часто посещали Ближний Восток с религиозными и учебными целями. Во время долгих путешествий они овладевали арабским языком, усваивали научные знания и элементы местной культуры, которые затем приносили в культуру Булгарии. Вместе с тем болгарские земли посещали арабские строители, ремесленники и ученые. Через Аббасидский халифат и государства Центральной Азии в Волжскую Булгарию постепенно проникала арабо-исламская литературная, религиозно-философская, художественная и архитектурная традиции, которые продолжали развиваться в местных условиях.

При развитых торговых, военных и этнических контактах с Волжской Булгарией Русь так или иначе знакомилась с культурой арабо-исламского мира. Однако культурное взаимодействие между двумя государствами было ограничено, ввиду того, что они развивались на разных цивилизационных основах. Так, религиозные и научные тексты славян и болгар (написанные преимущественно на арабском языке) оставались друг другу практически неизвестными. В основном на Русь

проникали элементы декоративного искусства и зодчества, генетически восходившие к Арабскому Востоку, однако не имевшие четких коннотаций с исламом (как например: растительный орнамент). Можно предположить, что подобный культурный обмен осуществлялся во время контактов славянских и болгарских ремесленников, которые в результате военных столкновений могли оказаться на территории соседнего государства в качестве пленников.

Взаимодействие Руси с арабо-исламским миром в сфере художественной культуры продолжалось и в ордынский период. В отличие от Волжской Булгарии, которая поддерживала дипломатические, торговые и культурные связи с Ираком, Золотая Орда активно контактировала с Египтом и его мамлюкским правительством. После ликвидации Аббасидского халифата местом пребывания халифа стал Каир, на который ориентировалось мусульманское население Орды, как на культурный и духовный центр. В Египет ездили учиться ордынские мусульмане, отсюда в Орду приезжали арабские ученые, что способствовало развитию культурного и интеллектуального обмена между двумя государствами. Находясь под властью Золотой Орды, русские могли контактировать с арабами, перемещаясь по обширным территориям Евразии в составе ордынских войск. Однако эти контакты носили поверхностный характер, в том числе и ввиду языкового барьера.

Вероятной зоной русско-арабских культурных контактов в этот период были ремесленные мастерские в Орде. Известно, что мамлюкские султаны присылали в дар ханам египетских зодчих, строителей, ремесленников и художников. В то же время в крупные ордынские города свозились лучшие мастера со всех краев государства, включая и Русь. Во время совместного творчества с мусульманами русские мастера могли заимствовать техники и стили, характерные для арабо-исламского искусства, что объясняет их последующее появление на Руси.

Вместе с тем влияние арабо-исламской культуры достигало русских земель благодаря селившимся там ордынцам, а также активным контактам княжеской верхушки с ордынской знатью. Русские князья и бояре, считавшие все ордынское престижным, заимствовали различные элементы ордынской культуры, в том числе из ее бытовой и художественной сфер. Духовная культура исламизированной Орды

Русь в то время интересоваться не могла. Отсутствие глубокого интереса на Руси к исламу и арабоязычной традиции, распространившимся в золотоордынском государстве, с одной стороны, объяснялось упадком русской культуры, серьезно пострадавшей в результате нашествия, с другой – нежеланием ханов исламизировать русские земли и их лояльным отношением к Церкви.

Геополитические изменения, произошедшие в Европе и Азии в XV веке в результате освобождения русских земель от Золотой Орды и возникновения Османской империи, отразились на связях Руси с арабским миром, большая часть которого оказалась под властью Османов. С этого времени Московскую Русь неизбежно интересовали происходившие в Османской империи события, а также ее взаимоотношения с государствами-преемниками Золотой Орды. После того, как Османы завоевали Египет, а османский султан был объявлен повелителем всех правоверных, постордынские государства переориентировались на Стамбул. Вместе с тем их население продолжало поддерживать контакты с арабскими странами, культуру которых активно заимствовали сами Османы. Тесные культурно-просветительские связи с арабо-османским миром поддерживало Крымское ханство, где продолжала существовать арабоязычная традиция. Крымские ученые и богословы писали по-арабски сочинения, посещали с учебными целями арабские страны, выписывали оттуда литературу. Через Крым культурное влияние арабо-османского мира достигало Казанского ханства, с которым Московская Русь поддерживала отношения.

После присоединения Казанского и Астраханского ханств к Московскому царству культурное взаимодействие Руси с арабо-мусульманским миром не ослабло, а порой даже усиливалось. Об этом свидетельствует появление новых стилей в русской архитектуре, созданных под впечатлением от мусульманского зодчества.

Расширение границ Османской империи и превращение Крымского ханства в ее вассала, с которым у Москвы были напряженные отношения, вынуждали ее поддерживать дипломатические контакты с этими государствами. Посредниками в коммуникации Московского царства с Османами и крымцами выступали

российские мусульмане и новокрещены. Они занимались переводами с восточных языков в Посольском приказе, а также участвовали в дипломатических миссиях в Османскую империю, помогая установить контакты с местным правительством и населением. Содействие российских мусульман в решении коммуникативных вопросов со странами Востока привело к тому, что русские долгое время не стремились сами изучать восточные языки, что ограничивало их потенциальное общение с народами Османской империи.

Возникновению культурных связей Руси с Арабским Востоком способствовали не только контакты с соседними мусульманскими народами, но и христианами Восточного Средиземноморья. Крещение Руси укрепило ее взаимоотношения с Византией, а также способствовало возникновению духовных связей со Святой Землей, которые поддерживались посредством паломничества. По сути паломничество было единственным видом регулярных контактов Руси с Ближним Востоком на протяжении столетий. Однако общение паломников с арабами было весьма ограниченным, ввиду религиозных целей путешествия, а также языкового барьера. Отправлявшиеся в святые места представители русской знати и духовенства, а также купцы нередко владели греческим языком, который был распространен среди образованных христиан Ближнего Востока. В случае необходимости они могли выступать посредниками в общении паломников с арабами-мусульманами.

При византийском посредничестве Русь посещали церковные иерархи, которые были родом из Сирии. Несмотря на ближневосточное происхождение, они также как и византийцы были носителями культуры христианского Восточного Средиземноморья и привносили ее элементы в культуру Руси, содействуя формированию местных просветительских традиций. Иногда на Руси оказывались не только представители антиохийского духовенства, но и миряне-сирийцы, в частности врачи, которые, вероятно, владели достижениями арабской медицины и могли частично передать свой опыт местным лекарям.

Однако ни ближневосточные христиане, ни византийцы, которые имели представление о достижениях арабской научной мысли, не были ее проводниками на Русь. Европейские страны, которые находились с арабами в постоянном

контакте, также не способствовали знакомству Руси с арабской научной и философской традициями ввиду недостаточного русско-европейского интеллектуального обмена. На культурном взаимодействии Руси с Западной Европой негативно отразился церковный раскол и последующая зависимость русских земель от Золотой Орды.

Завоевание Византии турками-османами и укрепление Московского княжества, повлияло на отношения Руси не только с мусульманским, но и христианским Ближним Востоком. Оказавшись под властью Османов, восточные патриархаты видели в Московском государстве своего покровителя. С этого времени представители восточных церквей, среди которых были греки и арабы, периодически посещали русские земли. Из Москвы в качестве даров они увозили на Ближний Восток предметы церковной утвари и иконы, которые впоследствии украшали ближневосточные храмы. Вместе с тем стилистические элементы христианских реликвий и паломнических сувениров, привезенных на Русь с Ближнего Востока, иногда находили отражение в церковно-прикладном искусстве Московской Руси. В то же время на церковное искусство оказывало влияние описание святых мест, сделанное паломниками. Восточные патриархи нередко играли важную политическую и церковно-общественную роль в истории России. Они участвовали в церковных процессах, происходивших на Руси, выступали посредниками в общении с Портой, а кроме того, информировали русских царей о политических событиях, происходивших в Османской империи.

В XVI – XVII веках сведения о Ближнем Востоке поступали на Русь не только через восточных христиан и русских паломников, но и посредством контактов с Западной Европой, которые в это время существенно расширились. Вместе с литературой, переведенной с европейских языков, на Русь проникали сведения об арабских странах, а также некоторые арабские научные знания и литературные произведения, получившие европейскую обработку. К концу XVII века на Руси был накоплен определенный пласт знаний о географии, культуре, религиозных традициях арабских стран, получен опыт взаимодействия с арабо-мусульманским и

христианским Востоком, что стало фундаментом для развития русско-арабских культурных связей, определив их специфику.

Наряду с религиозно-идеологическими факторами, которые способствовали возникновению культурных связей российских народов с Ближним Востоком, существовали факторы политические, ставшие своеобразным катализатором для активизации контактов России с арабо-османским миром. Включение России в XVIII веке в сферу Восточного вопроса, войны с Персией и Османской империей, присоединение новых территорий, населенных мусульманами, актуализировали для русского правительства вопросы, связанные с исламской цивилизацией, ее историей и культурой. Вместе с тем выход России к Черному морю, присоединение Крыма и территорий Кавказа сделало Османскую империю ее непосредственным соседом. С этого времени Арабский Восток так или иначе фигурировал в сфере внешнеполитических интересов России, которую волновали проблемы православного Востока, экспансия западных держав в регионе, а также возникновение сепаратистских тенденций и национально-освободительного движения в арабских странах.

Важным шагом, направленным на укрепление позиций России на Ближнем Востоке, было учреждение российских дипломатических представительств в азиатских областях Османской империи. В конце XVIII – первой половине XIX века русские консульства, вице-консульства и агентства были открыты в Египте, Сирии, Ливане и Палестине. По мере военных успехов России в борьбе с Османами сеть русских дипломатических представительств в арабских странах и их полномочия расширялись. Основными задачами консульств была защита русских подданных, пособие российской торговле, сбор сведений, поддержание взаимоотношений с восточными церквями и покровительство местному православному населению. В первой половине XIX века российскими консулами и вице-консулами назначались в основном европейцы, нередко греки, которые могли коммуницировать с представителями ближневосточной греческой общины и поддерживать взаимоотношения с церковными иерархами. Востоковедного образования российские дипломаты, служившие в это время на Востоке, как правило, не имели и не владели арабским языком. От уровня востоковедной подготовки консулов во многом зависело

эффективное исполнение их служебных обязанностей. В то же время знание арабского языка позволяло лучше ориентироваться в местной политической ситуации, оценивать происходившие события, а кроме того, общаться с представителями местных арабских общин. Не зная восточных языков, дипломаты всецело зависели от драгоманов, которыми в русских консульствах служили представители местного населения: греки, армяне, арабы-католики, марониты.

Общение российских консулов с местными арабами как мусульманами, так и христианами, в первые десятилетия XIX века было весьма ограниченным ввиду небольшого к ним интереса со стороны русского правительства, а также языкового барьера. Консулы чаще общались с тюркоязычной администрацией, а также греческим духовенством, чем с племенной арабской знатью или православными арабами, об укреплении связей с которыми в России в это время еще не помышляли. Несмотря на отсутствие активных контактов с арабами, а также эффективной коммуникации с ними, консулы в первой половине XIX века подготовили необходимую почву для дальнейшего взаимодействия России с ближневосточным населением. Они осуществляли сбор сведений об арабских странах, населявших их народах, их обычаях и религиях, политической обстановке, торговле, местных конфликтах, о которых сообщали русскому правительству, тем самым повышая уровень его осведомленности. Кроме того, все русско-арабские контакты в сфере культуры и церковных взаимоотношений осуществлялись при непосредственном участии российских дипломатов. Они укрепляли авторитет России среди местного населения и являлись проводниками ее политики в регионе.

Во второй половине XIX века на должности российских консулов в арабских странах нередко назначали выпускников Учебного отделения МИД и Лазаревского института восточных языков, что свидетельствовало об улучшении качества отечественного востоковедного образования, а кроме того стремлении Министерства иностранных дел усилить кадровый состав консульств для эффективного решения коммуникативных и, как следствие, политических задач. Так, в Ираке и странах Залива, где русские дипломатические представительства были открыты в конце XIX – начале XX века, консулами назначались преимущественно выпускники

востоковедных вузов или российские мусульмане, что позволило наладить хорошие контакты с арабскими шейхами.

Специфика взаимоотношений России с той или иной арабской страной в различные периоды зависела от готовности арабов и русских к общению друг с другом, а также от взаимного интереса. Эффективность данной коммуникации определялась наличием необходимых навыков и знаний, таких как владение иностранными языками, знание культуры, религии, традиций и обычаев другого народа. Чем выше уровень межкультурной компетентности вступающих в диалог народов или их представителей, тем интенсивнее культурное взаимодействие. В начале XIX века интерес арабского населения к межкультурным и межцивилизационным контактам, а также необходимые для этого коммуникативные навыки отличались в зависимости от культурной среды, в которой арабы росли и проживали, а также их конфессиональной принадлежности. Происходившие с начала XIX века социокультурные изменения в ряде арабских стран под влиянием внутривосточных факторов (реформы), а также внешних воздействий (военно-политическое, экономическое, культурно-религиозное проникновение западных держав) способствовали расширению контактов арабского мира с Европой, возникновению интереса у арабов к достижениям европейской цивилизации и улучшению коммуникативной подготовки к контактам с ее представителями.

В конце XVIII – начале XIX века наиболее активный культурный обмен с европейцами осуществляли марониты и униаты, для обучения которых были организованы коллегии в Риме. По возвращении на родину они открывали школы и содействовали просвещению своих единоверцев. Получив образование в Европе и освоив местные языки, марониты и униаты содействовали расширению арабо-европейских контактов. Наладить эффективный интеллектуальный обмен между европейцами и арабами было проще в тех городах Сирии, где был высокий процент христианского населения, активно действовали католические и протестантские миссии и располагались консульства западных держав, что обеспечивало более лояльное отношение местных мусульман к арабам-христианам и европейцам. Такими

городами были, прежде всего, Алеппо и Бейрут, куда нередко отправлялись европейские востоковеды, желавшие на практике изучить арабский язык.

В отличие от маронитов и униатов, которые благодаря помощи католической церкви организовали неплохие учебные заведения в Сирии, православные арабы практически не имели качественных школ у себя на родине. Греческие церковные иерархи, не обладая мощной поддержкой извне, не могли наладить систему образования в своих патриархатах, а кроме того не были особо заинтересованы в просвещении арабской паствы. Вместе с тем греческое духовенство плохо владело арабским языком, поэтому не могло осуществлять полноценную проповедническую и преподавательскую деятельность среди арабов. Арабские священники, которым следовало обучать детей в приходских школах были зачастую неграмотными. Наиболее образованных православных арабов, владеющих греческим и литературным арабским языком, можно было встретить в Дамаске, где существовало патриаршее училище.

Главным культурно-образовательным центром Арабского Востока в первой половине XIX века был Египет, жители которого имели возможность познакомиться с техническими достижениями западной цивилизации во время похода Наполеона. Египетские христиане и улемы, которые привлекались к сотрудничеству с Наполеоном и его администрацией, успели отчасти приобщиться к европейской культуре и освоить французский язык. Некоторые арабы-христиане даже покинули Ближний Восток вместе с французской армией и стали во Франции переводчиками и преподавателями. Опыт общения с французами пригодился египтянам в период правления Мухаммада 'Али, который активизировал контакты с Европой. В ходе проведенных пашой преобразований, направленных в том числе на модернизацию системы просвещения, была создана сеть светских учебных заведений, организованы учебные поездки египтян в Европу, приглашены европейские специалисты. Первыми учениками, помощниками европейских педагогов и преподавателями арабского языка в новых училищах стали выпускники ал-Азхара – интеллектуальная элита традиционного арабо-мусульманского общества. Освоив французский язык в период египетской кампании Наполеона, они были наиболее

подготовленной частью местного мусульманского общества к интеллектуальным контактам с Западом. Благодаря политике Мухаммада 'Али, направленной на активизацию европейско-египетских контактов, а также созданным пашой условиям для безопасного пребывания иностранцев в Египте, европейцы охотно посещали эту страну, включая востоковедов, желавших изучить арабский язык. Их преподавателями выступили шейхи ал-Азхара, которые во время занятий со своими учениками осваивали западную научную методологию и практиковали европейские языки. Один из этих шейхов сам побывал в Европе, а после возвращения на родину стал видным арабским просветителем. В отличие от Египта в Сирии Мухаммад 'Али не успел провести реформы в системе просвещения. Однако расположение египетских властей к европейцам и политика веротерпимости активизировали в Сирии деятельность миссионеров, которые способствовали развитию просвещения в местной среде.

Аравия в первой половине XIX века в силу социально-политических условий была меньше других арабских стран готова к коммуникации с Европой и практически не испытала ее культурного влияния. На Аравийский полуостров отправлялись с научными целями лишь хорошо подготовленные европейские востоковеды, которые не имели возможности обучаться арабскому языку у местных мусульманских шейхов, как это было в Египте. Тем не менее там существовали крупные медресе, продолжавшие готовить улемов, которые затем посещали различные мусульманские центры, включая регионы России.

В начале XIX века русские только приступили к обстоятельному изучению арабского языка. Вследствие этого для общения с арабами им требовался язык-посредник. Таким языком был, прежде всего, французский, которым владела образованная часть русского населения, а также просвещенные униаты, марониты и египтяне, получившие опыт взаимодействия с европейцами.

Необходимость установления русско-арабских контактов в профессиональных целях объяснялась, с одной стороны, стремлением арабов приобщиться к российскому научно-техническому опыту, с другой – желанием русских изучить арабский язык, географию, историю, религии народов Ближнего Востока для решения

научных и стратегических задач в Османской империи, а также улучшения коммуникации с российскими мусульманами.

Для подготовки востоковедов в России в начале XIX века были открыты кафедры восточных языков при университетах, а также специализированные учебные заведения, которые должны были выпускать квалифицированных переводчиков и дипломатов. В качестве преподавателей турецкого, персидского, татарского языков, имевших для России приоритетное значение, приглашались европейские и русские востоковеды, а также ученые восточного происхождения, которые получили классическое мусульманское образование. Зачастую носителями турецкого и персидского языков, которые преподавали в российских вузах, были азербайджанцы, проживавшие на территориях, присоединенных к Российской империи, и успевшие ознакомиться с русским языком и культурой. Преподавая в российских вузах, лекторы восточного происхождения обучали студентов каллиграфии, сообщали полезные сведения об исламе, культуре и законодательстве мусульманских стран, что так или иначе готовило их к службе на Ближнем Востоке. Однако российские мусульмане и европейские востоковеды, приглашенные для преподавания в российские вузы, не всегда имели правильное арабское произношение и не владели арабскими диалектами, поэтому не могли подготовить квалифицированных переводчиков и дипломатов для службы в арабских странах.

Ситуация с преподаванием арабского языка в России улучшилась с приходом в университеты О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека, которые хорошо знали мусульманский Восток. Сенковский изучал арабский язык в Ливане у маронита А. 'Ариды, бывшего профессора Венской академии, Казем-Бек у арабского шейха, приглашенного его отцом в Дербент из Бахрейна. В процессе преподавания оба востоковеда использовали синтетический метод, основанный на сочетании европейских и восточных подходов в изучении арабского языка. Кроме того, они уделяли особое внимание арабской фонетике, разговорной практике, а также знакомству с культурными и бытовыми реалиями мусульманского Востока, что подготовило их студентов к коммуникации с арабами. Ученые выступали за организацию научных командировок в страны Ближнего и Среднего Востока, которые постепенно вошли

в практику российских университетов. Именно ученики О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека (А.О. Мухлинский, А.Н. Гусев, И.Н. Березин и В.Ф. Диттель) впервые посетили арабские страны в 30-40 гг. XIX века с научными целями. Для того, чтобы командировка была максимально результативной, Казем-Бек составил для своих студентов подробный научный план, в котором указал на необходимость посещения местных библиотек и учебных заведений, занятий с восточными учеными и общение с их учениками. Кроме того, он снабдил их рекомендательными письмами к влиятельным особам на Востоке (включая Каир), связи с которыми по возможности поддерживал. Согласно отчетам русских востоковедов, наиболее эффективный интеллектуальный обмен у них состоялся с арабскими улемами в Египте.

Вместе с тем О.И. Сенковский и А.К. Казембек выступали за языковую практику с восточными учеными (в том числе и арабами) в стенах российских университетов. До середины 1830-х гг. Учебное отделение МИД, отвечавшее за подготовку переводчиков и дипломатов, не испытывало особой нужды в лекторе-арабе. Однако египетско-турецкий конфликт, в разрешении которого Россия приняла активное участие, выявил необходимость в преподавании разговорного арабского языка в Учебном отделении. В связи с этим министр иностранных дел К.В. Несельроде поручил генеральному консулу в Египте найти ученого-араба, желавшего преподавать в России. Задание выполнил ученик О.И. Сенковского Н.Я. Мухин, который служил в это время драгоманом в консульстве в Египте и брал уроки у шейха Тантави. Шейх был преподавателем ал-Азхара, знал французский язык и обучал арабскому языку европейских востоковедов. Переезд Тантави в Петербург и его долгая педагогическая деятельность способствовали улучшению арабистической подготовки российских ученых и дипломатов, что позволило повысить качество русско-арабской коммуникации и, как следствие, содействовало развитию культурных связей.

В первой половине XIX века русско-египетские научные контакты осуществлялись не только в области языкознания, но и в сфере естественных наук и были организованы при поддержке русского и египетского правительств. Инициатором подобных контактов выступил Мухаммад 'Али, по просьбе которого из России в

Египет регулярно отсылались научные журналы, содержащие сведения о российской золотодобыче. Для получения более основательного знания и опыта в этой сфере на уральские заводы были отправлены египетские инженеры, которые до этого обучались в Вене и знали европейские языки. Их наставником был избран горный инженер подполковник Е.П. Ковалевский, который общался с мусульманами во время экспедиции в Центральную Азию. В дальнейшем именно ему было предложено возглавить экспедицию в Египет для разработки золотоносных россыпей. В Африке Ковалевский встретил своих подопечных египтян, которые ему помогали во время экспедиции и содействовали в организации местных фабрик. Мухаммад 'Али, который был благодарен русскому правительству за обучение египетских инженеров, оказывал всяческое содействие российским ученым, прибывавшим на Ближний Восток: медикам, географам и биологам. Наиболее результативную научно-исследовательскую деятельность в Египте и на Ближнем Востоке в целом вели те русские ученые, которые имели опыт взаимоотношений с Востоком, знали его языки и быстро адаптировались к окружающей среде. Это утверждение относится к А.А. Рафаловичу, который жил и учился в Одессе, П.А. Чихачеву, служившему при миссии в Константинополе, а также Л.С. Ценковскому. Они довольно быстро освоили разговорный арабский язык, что позволило им беспрепятственно путешествовать по Востоку, проводить свои исследования, собирать информацию, общаться с местным населением, в том числе и арабскими коллегами. Известно, что Рафалович беседовал с египетскими врачами и консультировал больных. Подобные контакты были весьма важны для всестороннего изучения Арабского Востока, а кроме того имели некоторое просветительское значение для местных врачей и инженеров, получивших опыт общения с российскими специалистами.

Научно-образовательные связи России с Арабским Востоком в первой половине XIX века формировались по светским и церковным каналам. Прежде всего, установление русско-арабских контактов происходило посредством скоординированной работы российских ведомств и министерств, особенно Министерства иностранных дел, которое через консульскую сеть связывалось с османскими властями по вопросам научных командировок и экспедиций на Ближний Восток, а также

отправлению арабов с научными и учебными целями в Россию. Второй путь реализации научно-образовательных контактов изначально был связан не столько с задачами интеллектуального обмена, сколько с просветительскими целями России на православном Востоке.

Поддержка восточных церквей в вопросах просвещения поначалу осуществлялась в виде материальной помощи, отправляемой из России в Иерусалимскую и Антиохийскую патриархии. Непосредственное участие в этом вопросе принимали Святейший синод и Министерство иностранных дел, которые передавали назначенные патриархам средства через российских дипломатических представителей на Востоке. Этим вопросом, в частности, занимался генеральный консул в Бейруте К.М. Базили. Будучи греком по происхождению, он не слишком заботился о качестве образования православных арабов, полагая, что в их среде следовало ограничиться начальным религиозным образованием, а также подготовкой священников, что позволило бы укрепить связи православной арабской паствы с греческими иерархами и воспрепятствовать их переходу в другие исповедания. С этими задачами греческое духовенство, по мнению Базили, вполне справлялось. Сведения о состоянии православных школ в Палестине генконсул получал, прежде всего, от греческих иерархов, которые были склонны преувеличивать свои достижения в этой области.

Ситуация изменилась с появлением на Востоке арх. Порфирия (Успенского), который был назначен начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. Он был первым представителем русского духовенства, кто побывал во многих православных арабских деревнях и приходах, изучил специфику местной церковной жизни, греко-арабских отношений и местного просвещения. До того, как арх. Порфирий был командирован на Восток, в российских верхах не имели четкого представления о положении православных арабов и уровне их образования. Отчеты архимандрита позволили К.М. Базили получить более обстоятельные сведения о греческих учебных заведениях в Палестине, что изменило его отношение к просвещению православных арабов.

Благодаря скоординированной деятельности К.М. Базили и арх. Порфирия, а также хорошим взаимоотношениям русского архимандрита с Иерусалимским и Антиохийским патриархами, России удалось реализовать свои первые предприятия в области арабского просвещения. Так, при содействии арх. Порфирия было организовано греко-арабское духовное училище и типография, открыто несколько приходских школ. Усилиями русского архимандрита учебные заведения были снабжены необходимым инвентарем и школьными принадлежностями. Вместе с тем он принимал участие в распределении учителей по школам, организации учебного процесса, в том числе установлении и введении общих для этих школ программ, а также педагогических методов. В качестве попечителя учебных заведений, арх. Порфирий выполнял инспекторские функции, контролируя учебный процесс в вверенных его заботам школах.

По мере возможности арх. Порфирий способствовал развитию образования в местной православной среде, выступал посредником в общении греческого духовенства с арабской паствой, помогая улаживать конфликты. Благодаря его усилиям у православных арабов появилась возможность получать не только начальное образование в приходских школах и среднее в патриаршем училище, но и высшее — в российских духовных академиях.

Успех просветительских и научных предприятий миссии зависел от коммуникативных возможностей ее сотрудников. Будучи выпускниками и студентами российских духовных школ, члены миссии владели греческим, а также западноевропейскими языками, что позволяло им коммуницировать с греческим духовенством, европейскими консулами и миссионерами. Наблюдая за достижениями западных духовных миссий и их руководителей, которые владели арабским языком, арх. Порфирий быстро осознал необходимость его изучения. С этой целью в Иерусалим из Дамаска был приглашен Фадлалла Сарруф, который получил образование в местном патриаршем училище и знал греческий и арабский языки. Он был назначен переводчиком и учителем арабского языка при Русской духовной миссии. Благодаря Ф. Сарруфу, с которым у арх. Порфирия установились дружеские отношения, был реализован весь спектр его коммуникативных контактов с арабами

различных вероисповеданий. Сарруф содействовал научным трудам миссии – переводам и поискам рукописей. Кроме того, он сопровождал арх. Порфирия в научных путешествиях, помогал наладить контакты с местным населением, представителями Коптской и Сиро-яковитской церквей, содействовал организации приходских школ и учебного процесса. Благодаря трудам Порфирия, Русская церковь и правительство обратили внимание на православных арабов, просвещение которых во второй половине XIX века стало важной политической и культурной задачей Российской империи.

После окончания Крымской войны Россия стремилась восстановить свои позиции на Ближнем Востоке: были открыты новые дипломатические представительства, учреждено Российское общество пароходства и торговли, создан Палестинский комитет, возобновлена деятельность Русской духовной миссии в Иерусалиме. При последующих начальниках духовной миссии, которая по-прежнему слабо финансировалась, ее просветительские возможности сократились. Задачи миссии в области арабского просвещения сводились к рекомендациям и содействию в этом вопросе греческому духовенству. Несмотря на то, что еп. Кирилл и арх. Леонид, (пришедшие на смену арх. Порфирию) разработали комплекс мер, направленный на просвещение православных арабов, реализовать его было невозможно без соответствующего финансирования, а также сотрудничества с Иерусалимской патриархией, с которой у начальников миссии были напряженные отношения. Вследствие этого руководители РДМ решали локальные просветительские задачи, на которые у них хватало средств и полномочий. В частности, еп. Кирилл (Наумов) оказывал материальную и методическую поддержку некоторым учебным заведениям Сирии. Налаживать контакты с православными сирийцами еп. Кириллу помогал Фадлалла Сарруф, который по-прежнему служил в миссии переводчиком. В свою очередь, арх. Леонид (Кавелин) поддерживал школу для девочек, открытую Е.Ф. Бодровой в Иерусалиме. Архимандрит Антонин (Капустин) впоследствии перевел это учебное заведение в Бейт-Джалу и принял над ним попечение. В школе Бодровой впервые был приобретен опыт обучения арабских детей русскому языку, а также русско-арабского педагогического сотрудничества.

В целом Русская духовная миссия не обладала необходимыми полномочиями, финансовыми и кадровыми возможностями для ведения полноценной просветительской деятельности. В отличие от западных миссионеров члены РДМ не были подготовлены к работе на Ближнем Востоке и не владели арабским языком. Их коммуникацию с местным населением обеспечивали переводчики, которые были помощниками начальников духовной миссии и их советниками. Они же информировали свое руководство о проблемах и настроениях православных арабских общин, о чем впоследствии докладывалось в Святейший синод и Азиатский департамент. Несмотря на ограниченные ресурсы, начальникам Русской духовной миссии удалось собрать обширную информацию о Сирии и Палестине, ознакомиться со спецификой местного образования и менталитета, получить опыт взаимоотношений с греками, арабами, османской администрацией, опыт в организации учебных заведений на Ближнем Востоке, завоевать уважение и симпатии православных арабов, что имело большое значение для дальнейшей просветительской работы в Палестине и Сирии, а также развития русско-арабских культурных связей. Вместе с тем благодаря начальникам Русской духовной миссии и, прежде всего, архимандриту Порфирию, установилась традиция отправлять православных арабов на обучение в Россию.

Непосредственное отношение к реализации просветительских задач России на Ближнем Востоке имело Антиохийское подворье, которое было учреждено в Москве при участии митрополита Московского Филарета, а также А.Н. Муравьева. В подворье направлялись православные арабы для того, чтобы пройти своеобразную культурную и языковую адаптацию, перед поступлением в российские духовные семинарии. Способные к обучению в России арабские клирики и послушники выбирались при содействии церковных и дипломатических представителей России на Ближнем Востоке. Святейший синод рекомендовал Антиохийской патриархии отправлять нескольких арабов в Москву с настоятелем подворья, при его вступлении в должность. Однако подобные рекомендации исполнялись в том случае, если руководителем подворья становился араб. Настоятели-греки не заботились о том, чтобы их арабские единоверцы получали образование в России. На протяжении

многих лет Святейший синод, Министерство иностранных дел и его представители на Ближнем Востоке вели дипломатическую борьбу с Антиохийским патриархом Иерофеем за то, чтобы на должность настоятеля подворья назначались арабы, а не греки. Окончательного успеха в этом вопросе удалось добиться лишь в конце 70-х гг. XIX в. Вопрос о назначении настоятелем подворья араба был тесно связан с подготовкой просвещенных арабских клириков. Получив образование в России, они должны были вернуться в Сирию, чтобы занять высокие церковные посты и содействовать просвещению православной арабской паствы, а кроме того поддерживать тесные контакты с Россией. Несмотря на то, что к началу 80-х гг. лишь единицы православных арабов окончили российские духовные академии, они сыграли важную роль в дальнейшем развитии русско-арабских научных и образовательных связей, в том числе просветительской деятельности Православного палестинского общества.

В отличие от западных духовных миссий, на службе которых состояли европейские клирики, владевшие восточными языками, а также арабы, получившие образование в миссионерских учебных заведениях, Россия не обладала кадровым потенциалом для ведения масштабной просветительской работы на Ближнем Востоке. Оказать содействие Палестинскому обществу в организации школ в Палестине поначалу могли лишь православные арабы, окончившие российские учебные заведения, которые в совершенстве владели арабским и русским языками, получили российское духовное образование и знали ближневосточные реалии.

На роль агента ППО был избран сириец А.Г. Кезма, получивший образование в России: сначала в духовной семинарии, а затем академии. Ему надлежало собрать необходимые сведения о православном населении в Палестине, открыть школы, снабдить их мебелью, найти местных учителей, организовать учебный процесс и регулярно его контролировать, а кроме того составить необходимые пособия на арабском языке. Он же помогал адаптироваться русским учителям, которые приезжали в Палестину. Как правило, русские педагоги не владели арабским языком и не были готовы к службе на Востоке. Русским учительницам, которые возглавили женские городские школы, приходилось поначалу общаться с местным

населением, учениками и их родителями жестами. Благодаря содействию А.Г. Кезмы и консула в Бейруте К.Д. Петковича в помощь им были направлены православные арабки (выпускницы греко-православных, католических и протестантских учебных заведений), которые отчасти владели французским языком. Они помогали осуществлять учебно-воспитательный процесс и выступали посредниками в общении русских учительниц с арабами. Коммуникация между русскими и арабскими педагогами и учениками стала постепенно улучшаться после того, как были открыты Назаретский и Бейт-Джалский пансионаты, в задачи которых входила подготовка местных педагогических кадров.

С первыми выпусками пансионатов общество получило арабских учителей, знакомых с российскими методиками преподавания, русским языком, способных пользоваться русскоязычными пособиями. Выпускники Назаретского пансионата назначались руководителями мужских школ общества, а кроме того оказывали содействие русским учителям в пансионе. Вместе с первым русским учителем (впоследствии инспектором) школ ИППО А.И. Якубовичем пансионеры занимались с учителями-арабами, которые не являлись выпускниками школ общества, помогая им освоить современные методы преподавания и улучшить их знания по отдельным дисциплинам.

Выпускницы пансионата в Бейт-Джале возглавляли одноклассные женские школы и были помощницами и переводчицами русских учительниц, преподававших в двухклассных городских школах и в пансионе. Под руководством русских педагогов они преподавали большую часть предметов и помогали интегрироваться в школьную систему ИППО арабским учительницам, получившим начальное образование в греко-православных и миссионерских школах.

В отличие от Палестины школьное дело ИППО в Сирии развивалось быстрее, что объяснялось заинтересованностью в этом процессе местных церковных иерархов и православных арабских общин. Ввиду многочисленности школ, открытых обществом в Сирии, ведущую роль в организации учебного процесса играли инспекторы. Поскольку Назаретский пансион выпускал небольшое количество учителей, часть которых уезжала на заработки в Америку или находила более

прибыльные места службы, учебные заведения общества испытывали постоянный дефицит квалифицированных педагогических кадров. Учитывая обстоятельства, школьные инспекторы ставили пансионеров во главе наиболее крупных школ, подчинив им учителей, получивших образование в сирийских учебных заведениях. Они организовывали учебный процесс в своей школе, а кроме того следили за ходом обучения в соседних сельских школах ИППО, занимаясь с их учителями. Как правило, инспекторы и их помощники преподавали некоторое время в Назаретском пансионе, что позволяло им адаптироваться к местным реалиям и вникнуть в специфику учебного процесса. Однако лишь некоторые из них хорошо владели арабским языком. Их секретарями и переводчиками были выпускники Назаретского пансиона, которые знали русский язык. В Палестине инспекторам помогали не только пансионеры, но и сам А.Г. Кезма. Для контроля за деятельностью учебных заведений инспекторы, их помощники и секретари устраивали периодические объезды школ, корректируя учебный процесс, составляя отчеты и направляя их в Совет ИППО, откуда затем получали соответствующие распоряжения.

Вместе с тем инспекторы проводили педагогические съезды арабских учителей из подведомственных им школ, во время которых обсуждали профессиональные проблемы, отрабатывали педагогические приемы, тем самым повышая квалификацию арабских преподавателей. По ходатайству инспекторов, арабские педагоги отправлялись на обучение в Россию, а по возвращении устраивались в школы общества. Важной частью инспекторской службы была непосредственная организация школ, обустройство и ремонт помещений, снабжение их необходимым учебным материалом, в том числе пособиями, переводом которых занимались пансионеры и арабские выпускники российских учебных заведений. В случае возникновения конфликтов инспекторы общались с представителями местных властей, арабских общин, церковнослужителями, деревенскими шейхами, русскими дипломатами.

Важную роль в организации школьного дела ИППО, а также улучшении учебного процесса играли внешние инспекции, которые отправлялись из Петербурга на Ближний Восток для изучения работы школ. По результатам инспекций в

Петербурге созывались педагогические комиссии, целью которых была разработка новых учебных программ и инструкций. По мере того, как в состав комиссий включались русские учителя и инспекторы ИППО, знавшие школьное дело изнутри, а также востоковеды, учебные программы и инструкции становились эффективнее. Особое значение имела инспекция 1899 г., которую провел сенатор Н.М. Аничков совместно с преподавателем Лазаревского института восточных языков, сирийцем М.О. Аттаей. С помощью Аттая сенатору удалось проникнуть в мельчайшие подробности учебного процесса и проблемы русско-арабского сотрудничества. По возвращении в Петербург Аничковым была созвана комиссия, а затем и педагогический съезд, в которых принимали участие инспекторы и учителя школ ИППО, а также М.О. Аттая, как преподаватель арабского языка и представитель арабо-православной культуры. Ему было поручено составить и перевести на арабский язык ряд учебных пособий, необходимых для школ общества. В рамках педагогического съезда 1902 г. были разработаны новые программы и инструкции, которых в учебных заведениях общества придерживались более 10 лет.

Во время пребывания на Ближнем Востоке Аничков обратил особое внимание на проблемы русско-арабской коммуникации в школах и инспекциях, от качества которой зависел весь учебный процесс. Чем лучше было знание русского и арабского языков среди педагогов, учеников, инспекторов, их помощников и секретарей, тем выше был уровень взаимопонимания и эффективнее сотрудничество.

Русско-арабская коммуникация улучшалась по мере того, как штат учебных заведений и инспекций пополнялся русскими педагогами, имевшими востоковедное образование, а также арабскими выпускниками учебных заведений в России. Кроме того, чем дольше русские педагоги и инспекторы оставались на службе ИППО, тем лучше они адаптировались к окружающей среде, осваивали арабский язык, налаживали отношения со своими арабскими коллегами и учениками.

Профессиональное взаимодействие между русскими и арабами наиболее эффективно реализовалось в учительских семинариях, где были сосредоточены лучшие русские и арабские педагогические кадры, вследствие чего удавалось достичь наиболее высоких результатов в обучении. Выпускники Назаретской и Бейт-

Джалльской семинарий овладевали русским и литературным арабским языками, что позволяло им читать в оригинале русскую литературу и выполнять качественные переводы на арабский язык. За время пребывания в пансионах, общения с русскими инспекторами и педагогами арабы усваивали элементы русской бытовой культуры, а также учебно-воспитательной системы, проводниками которой они выступали и после установления французского и британского мандатов. В просвещении своих соотечественников после Первой мировой войны выпускникам пансионов помогали арабские учебники, составленные по русским образцам.

Во второй половине XIX века русско-арабское научно-просветительское взаимодействие в основном носило внутриконфессиональный характер и реализовалось между представителями православного исповедания. Первыми преподавателями арабами в России (в 1840-е гг.) были мусульмане (М. ат-Тантави, А. ал-Мекки), получившие классическое исламское образование. Им на смену в 1850-е гг. пришли арабы-христиане, окончившие европейские и миссионерские учебные заведения (А. Келзи, И. Нофаль). В 1860 - 1870-е среди арабских преподавателей появились православные выпускники российских вузов, которых постепенно стало большинство.

Причину изменения конфессионального состава арабских лекторов следует искать не в принципиальной позиции российских вузов, предпочитавших православных арабов, мусульманам или католикам, а в улучшении качества их подготовки и укреплении церковных связей с Арабским Востоком, благодаря которым они и попадали в Россию. Качество преподавания и уровень профессионального взаимопонимания с российскими коллегами и студентами был у выпускников российских вузов, как правило, выше, чем у их предшественников. Арабские ученые и преподаватели (Г.А. Муркос, М.О. Аттая, Ф.И. Сарруф, Т.Г. Кезма, П.К. Жузе, А.Ф. Хащаб) своими научными трудами и педагогической деятельностью внесли существенный вклад в развитие отечественного востоковедения, воспитали не одно поколение русских дипломатов и ученых-арабистов. После революции 1917 г. некоторые из них (М.О. Аттая, П.К. Жузе, Т.Г. Кезма, а также К.В. Оде-Васильева) остались в России. Продолжая трудиться бок о бок со своими русскими коллегами,

они содействовали развитию советской школы востоковедения, установлению контактов Советского Союза с арабскими странами, по возможности поддерживали научные и литературные связи с арабской интеллигенцией. Научно-исследовательская и педагогическая деятельность арабских преподавателей в России в до- и послереволюционный периоды свидетельствует о непрерывном развитии русско-арабских научно-просветительских связей, которое продолжилось в советскую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ****Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)****Ф. 149 Турецкий стол**

1. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 а. Д. 1859 [Нофаль]. 1879.
2. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3875 [Иеромонах Агапит]. 1850.
3. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3877 [Предположение о назначении на место Неофита архимандрита Афанасия]. 1857.
4. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3879 [Антиохийское подворье в Москве. Лица им заведующие]. 1860.
5. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3880 [Архимандрит Гавриил]. 1863.
6. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 3881 [Епископ Кирилл]. 1874.
7. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/а. Д. 666 [Неофит, архиепископ умер в Москве. Наследство]. 1886.
8. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502 б. Д. 4911 [Прием в русские семинарии и академии]. 1908.
9. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 4917 [Послание Митрополита С.-Петербургского Антония Патриарху Антиохийскому и бывшему патриарху Константинопольскому о принятии 1) Гайнатаки 2) Хабиба 3) Яреда].
10. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/2. Д. 4960 [Школы инородческие в Турции. Правительственный контроль над ними]. 1911.

Ф. 153 Учебное отделение восточных языков

11. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 19 [Официальные бумаги]. 1839.

12. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 20 [Корреспонденция]. 1840.
13. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 94 [Проекты об образовании Академии школы восточных языков]. 1806, 1820 – 1825.
14. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97 [Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД]. 1823.
15. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 101 [Учебное отделение восточных языков. Учреждение отделения, регламенты, записки, проекты и т.п.]. 1823 – 1853, 1916.
16. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 102 [Расписание, предметы, учебные занятия, экзамены]. 1823 – 1833.
17. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 107 [Личное дело коллежских советников Шармуа и Деманжа профессора Учебного отделения восточных языков]. 1826 – 1840.
18. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 111 [О дозволении студенту Мухлинскому слушать лекции в Учебном отделении восточных языков и об отправлении как его так и студента Гусева в Константинополь на три года для усовершенствования их в восточной словесности]. 1826 – 1838.
19. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 113 [Об учреждении в Казани училища восточных языков и о предоставлении молодым людям окончившим здесь курс учения средств к продолжению Государственной службы]. 1829.
20. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 118 [О проекте отделения восточных языков при Санкт-Петербургском университете]. 1832.
21. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 139 [Переводы с восточных языков]. 1843 – 1856.
22. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 147 [О чиновниках, окончивших Учебное отделение восточных языков]. 1856 – 1866.
23. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 155 [Преобразование Лазаревского института восточных языков в Москве]. 1869 – 1872.
24. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 169 [О приглашении драгомана Азиатского департамента, Барона Гинзбурга временно занять в Отделении восточных языков Кафедру арабского и французского языков за болезнью Г. Нофаля].

25. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 231 [По ходатайству преподавателя Лазаревского института Г. Аттая о доставлении ему из библиотеки Учебного отделения рукописи «Аль-Ахталь»]. 1889.

26. АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 292 [Об учреждении в Одессе училища восточных языков]. 1826.

Ф. 161 Санкт-Петербургский Главный архив II - 9

27. АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 15 [Училище основанное в Иерусалиме для образования арабов, предназначенных в духовное звание]. 1847 – 1853.

28. АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9 Оп. 46. Д. 19 ч. I [Об учреждении Русской духовной миссии в Иерусалиме]. 1847.

29. АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 19 ч. II [О научных занятиях Духовной миссии в Иерусалиме]. 1848 – 1855.

30. АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 21 [Об отправлении духовного лица в Иерусалим]. 1839 – 1842.

31. АВПРИ. Ф. 161. СПб ГА II – 9. Оп. 46. Д. 25 [О Драгомане духовной миссии в Иерусалиме Фадл Алла Сарруфе в 3-х частях]. 1850 – 1895.

Ф. 161 Санкт-Петербургский Главный архив II - 10

32. АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 2. [О сообщении Египетскому Вице-королю описания нового способа добывать золото из золотоносных песков; - о поручении майору Гурьеву перевести на французский язык; - о посылках инженеров; - о присылках в Россию людей Египетского паши для распознавания и разработки золотоносных россыпей и о пожаловании Египетским Пашой Полковнику Ковалевскому золотой табакерки]. 1838 – 1848.

33. АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1. [Об оказании содействия отправляющемуся за границу для проведения опытов очищения зачумленных вещей посредством усиленной теплоты: состоящему при Одесском карантине

доктору Бюлеру, директору Одесского Карантинного дома Уманцу, медику того же карантина Черникову и статскому советнику Врачко]. 1841.

34. АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1 [Об отправлении Магистров Казанского Университета Диттеля и Березина на Восток с ученой целью и выдачи им сумм по сему случаю]. 1842 - 1848.

35. АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 2 [О разрешении Коллежскому советнику Чихачеву отправиться в Персию и Азиатскую Турцию для геологических исследований]. 1845.

36. АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1 [Об отправлении за границу для исследования чумы врачей Коробки и Рафаловича]. 1846.

37. АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 2 [Об отправлении в Египет магистра Ценковского для исследования естественных произведений]. 1847.

38. АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 3 [Об отправлении доктора философии Лагуса на Восток для изучения Восточных языков]. 1851.

39. АВПРИ. Ф. 161 СПб ГА II – 10. Оп. 48. Д. 1 [Об отправлении с ученой целью в Каир Магистра Казанской Духовной академии Николая Ильминского]. 1851.

Ф. 208 Консульство в Бейруте

40. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 103 [Доклады]. 1820 – 1839.

41. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 163 [Переписка о Ливане]. 1861 – 1864.

42. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 189 [Консульская организация]. 1839 – 1840.

43. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 191 [Дела агентств]. 1845 – 1849.

44. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 273 [Православное палестинское общество]. 1882 – 1885.

45. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 283 [Школы ИППО в округе Триполийского Вице-Консульства]. 1902 – 1914.

46. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 284 [Школа в Хамате]. 1903.

47. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 285 [Школы ИППО в Латакийском округе]. 1904.
48. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 286 [Школы М.А. Черкасовой]. 1906 – 1914.
49. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 288 [Школы ИППО Д.С.С. Дмитриевский. Командировка его по делам ИППО]. 1909 – 1910.
50. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 296 [Школы в Бейруте и Сирии]. 1890.
51. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 302 [Научные командировки и образовательные экскурсии] 1910 – 1914.
52. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 498 [Подданство]. 1911 – 1913.
53. АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 662 [Духовное завещание Муркоса]. 1911 – 1912.

Ф. 337/ 2 РИППО (Российское императорское православное палестинское общество)

54. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 264 [Циркуляры к заведующим подворьями, врачебными и учебными заведениями общества в Палестине и Сирии]. 1903.
55. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/ 1. Д. 339 [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах общества]. 1899.
56. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 354 [О Назаретской учительской семинарии и Галилейских школах общества]. 1909.
57. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 362 [О Назаретской женской школе]. 1885 – 1886.
58. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 368 [О Назаретской женской школе]. 1895 – 1899.
59. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 371 [О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества]. 1886.
60. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 374 [О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества]. 1893 – 1894.

61. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 385 [О Бет-Джальской женской учительской семинарии и иудейских школах общества]. 1912 – 1913.
62. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 390 [О Иерусалимской женской школе общества]. 1898 – 1904.
63. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 393 [О Южно-Сирийских школах Общества]. 1895 – 1896.
64. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 398 [О Южно-Сирийских школах общества]. 1904.
65. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 409 [О Северо-Сирийских школах общества]. 1897 – 1899.
66. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 416 [О Северо-сирийских школах общества]. 1906 – 1907.
67. АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 873/1. Д. 438 [Педагогические съезды учителей и выработка программ и инструкций для школ общества]. 1888 – 1902.

Центральный исторический архив Москвы

Ф. 213 Лазаревский институт восточных языков

68. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 906 [Правила и расписание лекций для студентов специальных классов Института]. 1885.
69. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1064 [О допущении к преподаванию профессора Муркоса, Сахова, Халатьянца и Хаханова].
70. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1102 [Переписка с попечителем Учебного округа о разрешении на выдачу вознаграждения преподавателю мусульманского права]. 1900 – 1901.
71. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1527 [О рассмотрении прошений профессора А. Крымского о проверке подлинности диплома преподавателя М.О. Аттая].
72. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 11 [Аттая Михаил. Преподаватель специальных классов]. 1912.

73. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 12. [Личное дело преподавателя практических занятий в Специальных классах по арабскому языку Михаила Аттая]. 1873 – 1916.

74. ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 2. Д. 177. [О предоставлении звания и.о. ординарного профессора специальных классов Георгию Муркосу]. 1896 – 1897.

Ф. 229 Московская духовная академия

75. ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4 [Абуд Спиридон]. 1854 – 1855.

76. ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5 [Абуррус Илья, Иеромонах Игнатий]. 1903.

77. ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1676 [Кезма Александр Гаврилович]. 1882 – 1883.

78. ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4602 [Хабиб Ханания Яков Христофорович студент]. 1890 – 1896.

79. ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4605 [Хахим Александр студент]. 1904 – 1908.

80. ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4772 [Шамиэ Александр студент]. 1894 – 1898.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Сообщения Императорского православного палестинского общества

81. Извлечения из писем М.С. Савельевой начальницы женской школы в Назарете. 23 января 1886 // СИППО. Май 1886. №5. С. 14 – 20.

82. Выписки из Писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А.И. Якубовича от 28 июня, 5, 15, 26 августа, 1 сентября, 1 октября, и 26 декабря 1891 // СИППО. Апрель 1892. № 2. С. 168 – 192.

83. Отчет по Бет-Джальскому женскому пансиону за учебные 1890 – 92 гг. // СИППО. Октябрь 1892. № 5. С. 515 – 583.

84. Отчет по Галилейским учебным заведениям Общества, представленный А.И. Якубовичем за 1-ое полугодие учебного 1892 – 93 года // СИППО. Июнь 1893. № 3 С. 257 – 273.

85. Отчет инспектора Галилейских учебных заведений А.И. Якубовича за 1893/ 94 учебный год // СИППО. Декабрь 1894. № 6. С. 641 – 658.

86. Отчет начальника Назаретского пансиона А.Г. Кезма за учебный 1895 – 1896 г. // СИППО. Апрель 1897. № 3. С. 232 – 254.

87. Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества (из отчета директора народных училищ С.-Петербургской губернии В.А. Латышева по командировке в Палестину и Сирию в 1897 г) // СИППО. Апрель 1897. № 3. С. 341 – 351.

88. Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества за вторую половину 1895/6 учебного года. (Из отчета инспектора школ А.И. Якубовича) // СИППО. Апрель 1897. № 3. С. 351 – 384.

89. Назаретский мужской пансион и образцовая школа общества в учебном 1896 – 97 гг. Из отчета А.Г. Кезма // СИППО. Август 1897. № 4. С. 471 – 485.

90. Учебные заведения ИППО во второй половине 1896 – 97 учебного года. Из отчета инспектора школ общества А.И. Якубовича // СИППО. Октябрь 1897. № 5 С. 514 – 552.

91. Из писем Д.Ф. Богданова, помощника инспектора по школам общества в Северной Сирии // СИППО. Декабрь 1897. С. 667 – 671.

92. Отчет помощника инспектора А.Н. Малинина по Галилейским учебным заведениям ИППО за второе полугодие 1897-8 учебного года // СИППО. Январь-Февраль 1899. Вып. I. С. 91 – 106.

93. Извлечение из отчета председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений общества в Палестине и Сирии // СИППО. Ноябрь-Декабрь 1899. Т. XI – XII С. 656 – 691.

94. Правила для воспитанников Назаретской В.Н. Хитрово учительской семинарии Общества // СИППО. 1904. Т. XV. Вып. 1. С. 60 – 72.

95. Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 12 декабря 1904 // СИППО. 1904. Т. XV. Вып. 4. С. 346 – 360.

96. Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в 1903 – 1904 учебном году. (Из отчета инспектора И.И. Спасского) // СИППО. Т. XVI. Вып. 1. СПб. 1905. С. 58 – 67.

97. Пасхальная прогулка воспитанников Назаретской Василия Николаевича Хитрово семинарии в 1904 г. Из отчета преподавателя Николая Сака // СИППО. Т. XVI. Вып. 3. СПб., 1905. С. 405 – 412.

98. Преподавание ручного труда и музыки в Назаретской учительской семинарии в 1903 – 4 учебном году // СИППО. Т. XVI. Вып. 3 СПб., 1905. С. 412 – 415.

99. Жузе П.К. Устав Антиохийской православной церкви // СИППО. Т. XVII. Вып. 1. СПб., 1906. С. 23 – 52.

100. Каназе К.И. Из Назарета (Корреспонденция). Двадцатипятилетний юбилей службы начальника Назаретской учительской семинарии А.Г. Кезма в учебных заведениях Императорского Православного Палестинского Общества // СИППО. Т. XIX. Вып. 4. СПб., 1908.

101. Жузе П.К. Начало христианской письменности у арабов // СИППО. Т. XIX. Вып. 4 СПб., 1908. С. 487 – 503.

102. Соколов И.И. Дидаскал Иаков Патмосский. Очерк из истории духовного просвещения в Сирии и Палестине в XVIII в. // СИППО. Т. XX. Вып. 3. СПб., 1909. С. 321 – 351.

103. Бет-Джалльская учительская семинария Императорского Православного палестинского общества в 1906 – 1908 // СИППО. Т. XX. Вып. 3. СПб., 1909. С. 432 – 441.

104. Назаретская, имени В.Н. Хитрово, учительская семинария Императорского Православного Палестинского Общества в 1907 – 1908 учебном году. По отчету начальника семинарии А.Г. Кезма // СИППО. Т. XX. Вып. 4. СПб., 1909. С. 613 – 619.

105. Состояние школ И.П. Палестинского Общества Южной Сирии в 1908 – 9 учебном году. Из отчета инспектора А. Стасевича // СИППО. Т. XXI. Вып. 1. СПб., 1910. С. 78 – 83.

106. Северо-сирийские школы Императорского Православного Палестинского Общества в 1909 – 1910 учебном году. По отчету инспектора И.И. Спасского. СПб., 1910 // СИППО. Т. XXI. Вып. 4. С. 548 – 553.

107. Учительская, имени В.Н. Хитрово, семинария в Назарете в 1909 – 1910 учебном году. По отчету А.Г. Кезма // СИППО. Т. XXI. Вып. 4. СПб., 1910. С. 553 – 558.

108. Хитрово С. Итальянские школы на Ближнем Востоке // СИППО. Т. XXII. Вып. 1. СПб., 1911. С. 73 – 87.

109. Летопись Палестинского общества // СИППО. Т. XXII. Вып. 3. СПб., 1911. С. 422 – 437.

110. Жузе П.К. Епархии Антиохийской Церкви. Исторический этюд по истории Антиохийской церкви // СИППО. Т. XXII. Вып. 4. СПб., 1911. С. 481 – 498.

111. Жерьес А. Внутреннее устройство среднего учебного заведения в Хомсе // СИППО. Т. XXII. Вып. 4. СПб., 1911. С. 545 – 553.

112. Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского общества 28 апреля 1913 // СИППО. Т. XXIV. Вып. 2. СПб., 1913. С. 200 – 214.

113. Баллян А.Д. Влияние Германии и Италии в Сирии и Палестине. Корреспонденция // СИППО. Т. XXV. Вып. 1 – 4. СПб., 1914. С. 206 – 208.

114. Юшманов. В.Д. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время Войны // СИППО. Т. XXV. Вып. 1 – 2. СПб., 1915. С. 147 – 180.

115. Юшманов В.Д. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией // СИППО. Т. XXVI. Вып. 3 – 4. СПб., 1915. С. 373 – 408.

Другие опубликованные источники

116. Абдо А. Краткая история жизни Мамы – Марии Черкасовой, главы и основательницы русских школ Российского Императорского Православного Палестинского Общества в Бейруте // Всмотриваясь друг в друга. Россия и арабский мир: взаимное восприятие. М.: ИВ РАН, 2013. С. 393 – 429.

117. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной Академии. Выпуск I. Коллекция синайских и афонских икон преосвященного Порфирия Успенского. Киев: Типография школы печатного дела. 1912.
118. Ал-Джабарти, Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммада Али (1806 – 1821). М.: Восточная литература, 1963.
119. Аттая М. О. Арабско-русский словарь. М., 1913.
120. Аттая М.О., Крымский А. Е. Семь спящих отроков Эфесских. М.: Типография Крестного календаря, 1914.
121. Аттая М. О., Рябинин М. В. Книга Калила и Димна. М.: типография и словолитня О.О. Гербек, 1889.
122. Базили К.М. Записка о внешней торговле Сирии // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука. 1991. 367 с.
123. Базили К.М. Обзор оттоманской армии в Сирии // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука, 1991. 367 с.
124. Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношении. М.: Мосты культуры, 2007. 607 с.
125. Беляев Е.А. М.О. Аттая. Некролог // Известия. 1924. № 214, 19. IX.
126. Беляев Е.А. М.О. Аттая. Некролог // Новый Восток. Кн. 6. М.: Типо-литография «Искра революции», 1924. С. 530–532.
127. Березин И.Н. Езиды // Ирак в работах русских путешественников и дипломатов. Россия и Арабский мир. Вып. 12. СПб., 2011. С. 42 – 64.
128. Березин И.Н. Мосуль (из путешествия по Востоку) //Ирак в работах русских путешественников и дипломатов Россия и арабский мир. Вып. 12. СПб., 2011. С. 26 – 41.
129. Вяземский П.А. Путешествие на Восток (1849 – 1850). Из путевого дневника. Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей первой половины XIX века. М.: Восточная литература РАН, 1995.

130. Дамаскин, Тауфик. Арабские симпатии к России // Московские ведомости. 1904. № 95.
131. Даниил паломник. Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли. М.: Изд. Центр «Россия молодая». 1999. 41 с.
132. Диттель В.Ф. Очерк путешествия по Востоку с 1842 по 1845. Курды и Бедр-Хан-Бек.// Ирак в работах русских путешественников и дипломатов. Россия и арабский мир. Вып. 12. СПб., 2011. С. 65 – 85.
133. Дмитриевский А.А. Отчет о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. Машинописная копия без титульного листа, места и даты из АВПРИ ИДД МИД РФ. Публикатор Лисовой Н.Н. //Палестинское общество и русские школы на Востоке./ Под редакцией Лисового Н.Н. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014. 416 с.
134. Египет глазами россиян XV – XVIII веков. Сборник хождений/ Сост. В.В. Беляков. М.: ИВ РАН. 2013. 292 с.
135. Жузе П.К. Ислам и просвещение. Казань: Типография Университета, 1899.
136. Жузе П.К. Полный русско-арабский словарь. Казань: Типо-литография. 1903. 1019 с.
137. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран/ Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку: «Элм», 1986. 428 с.
138. Ипатьевская летопись / под ред. О.П. Лихачева. Л., 1990.
139. Казембек М. План ученого путешествия по Востоку магистров Казанского Университета Диттеля и Березина. Казань: Университетская типография, 1841.
140. Клот-бей. А.Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. СПб., 1843.
141. Ковалевский Е.П. Путешествие во внутреннюю Африку. Часть 1-2. СПб, 1849.
142. Кохманский Н.В. Отчет по командировке в Сирию для обследования вопроса о преобразовании школьной деятельности Палестинского Общества. (1910)

// Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб.: Контраст, 2016. 285 с.

143. Крымский А.Е. Некролог Муркоса// Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества. Т 4. М.: Типография крестного календаря А. Гатцука, 1913.

144. Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896 – 1898). М.: Наука, 1975. 344 с.

145. Лэйн. Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века. М., 1982. 436 с.

146. Муравьев А.Н. Письма с Востока от 1849 – 1850 гг., Ч. 1 – 2. СПб., 1851.

147. Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 г. Ч.1 и 2. СПб., 1835.

148. Муравьев Н.Н. Дела Турции и Египта в 1832 – 1833 гг. М., 1870.

149. Муркос Г.А. Интересы России в Палестине. М.: Университетская типография (М. Катков), 1882.

150. Никитин А. Хождение за три моря. Л., 1950. 183 с.

151. Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова. СПб.: Издание Н.Г. Поливанова. А.А. Ильина и к., 1878.

152. Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834 – 1835 гг. Авраама Норова. Ч. 1 и 2. СПб., 1840.

153. Норов А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 году. Ч. 1- 2. СПб., 1844.

154. Нофаль И.Г. Курс мусульманского права, читанный в 1884/85 г. в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте профессором И. Нофалем: Пер. с фр. Вып.1. СПб.: Воен.-учебный. ком. Глав. штаба, 1886.

155. Нуайме М. Мои семьдесят лет. М.: Наука, 1980. 237. с.

156. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку магистра Виллиама Диттеля // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. № 10.

157. Обзор трехлетнего путешествия по Востоку Магистра Казанского Университета И. Березина // Из журнала Мин. Нар. Просвещения. 1847. № 7.

158. Оде-Васильева К.В. Взгляд в прошлое // Палестинский сборник. М.-Л.: Наука. Вып. 13(76). 1965. С. 171 – 176.

159. Оде-Васильева К.В. Мои воспоминания об академике И.Ю. Крачковском. // Палестинский сборник. Вып. 2 (64-65). 1956. С. 127 – 136.
160. Петкович К.Д. Ливан и Ливанцы: очерки нынешнего состояния автономного Ливанского-генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях. СПб.: Военная типография в здании Главного Штаба, 1885.
161. Повесть временных лет/ под редакцией О.П. Лихачева. М., 1999.
162. Порфирий (Успенский) еп. Чигиринский. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки еп. Порфирия Успенского. Т. I – VIII. СПб. 1894 – 1902.
163. Порфирий (Успенский). Проповедники в четырех патриархатах восточных и их проповеди. М., 1879.
164. Порфирий (Успенский). Синайский полуостров. СПб., 1848.
165. Порфирий (Успенский). Сирийская Церковь. Из журнала Министерства Народного Просвещения № 9. История сирийской церкви и ее проблемы. 1850.
166. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. Вып. 1. М.: Университетская типография, Страстной бульвар. 1896.
167. Путешествие архимандрита Порфирия (Успенского) в Нитрийские монастыри в Ливии в 1845 г. Восток Христианский. Нитрийские монастыри в Ливии. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1868.
168. Путешествие Вольнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784, 1785 годах. М.: Унив. Тип., у Ридигера и Клаудия, 1795.
169. Путешествие по Египту и в монастыри святого Антонина Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. Архимандрита Порфирия (Успенского). СПб., 1856.
170. Рафалович А. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям дельты. СПб.: Типография Якова Трея, 1850.

171. Россия в Святой Земле: документы и материалы / сост., подготовка текста, вступ. статья и комм. Н. Н. Лисового. Т. 1. М., 2015; Т. 2. М., 2017; Т. 3. М., 2020.
172. Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского XXII – XXIII/ Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. I. СПб., 1858.
173. Сенковский О.И. Воспоминания о Сирии // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука. 1991.
174. Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам на Востоке с 1723 по 1747 г. СПб., 1886.
175. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
176. Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета общества Н.М. Аничкова. Часть I. Учебные и врачебные заведения Сирии и Иудеи. СПб.: Типография Киришбаума 1901; Часть II Учебные и врачебные заведения Галилеи. СПб., 1910.
177. Хитрово В. Научное значение раскопок, произведенных Православным Палестинским Обществом на Русском месте близ храма Гроба Господня в Иерусалиме. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума в доме Министерства финансов на Дворцовой площади, 1885.
178. Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия/ Сост., подг. текста и комментарии Н.Н. Лисового и Л.А. Герд. М.: ИППО; СПб.: «Издательство Олега Абышко». 2012. 320 с.
179. Хождение купца Василия Познякова в Иерусалим и по Святым местам в 1558 г. М., 1884.
180. Чихачев П.А. Письма о Турции. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
181. Чихачев П.А. Страница о востоке. М.: Наука, 1982. 213. с.
182. Уманец А. Поездка на Синай. С приобщением отрывков о Египте и Святой земле. Ч. 1 - 2. СПб., 1850.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

183. Абдулаева Г.А. Золотая эпоха Крымского ханства: Очерки. Симферополь.: «Издательство Крымчпедгиз», 2012. 216 с.
184. ад-Дейрави, Назим Меджид. Ост-Индская компания и интересы Англии на Ближнем Востоке// Россия и арабский мир. Вып. 6. СПб. 2000. С. 51 – 57.
185. Аксанов А.В. Казанское Ханство и Московская Русь.: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2016. 288 с.
186. Алексеев А. Антиохийское патриаршее подворье в Москве// Журнал Московской патриархии. 1954. Июнь. № 06. С. 58 – 65.
187. Алиева Л.Г., Демидова В.Г. Письма О.И. Сенковского с Востока // Восток и взаимодействие литератур. Душанбе: ТГУ, 1987.
188. Али-Заде Э.А. Русская литература и арабский мир. (К истории русско-арабских связей). Книга 1. Москва: Изд-во МБА, 2014. 524 с.
189. Аликберов А.К. Роль «русского мусульманства» в социокультурном пространстве евразийских коммуникаций// Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. М.: ИВ РАН, 2020. 264 с.
190. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры / Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир». М.: ИВ РАН, 2019. 456 с.
191. Аль Халиди Мустафа, Омар Фаррух. Миссионеры и империализм в арабских странах. М.: Восточная литература, 1961. 173 с.
192. Аль-Холи, Амин. Связи между Нилом и Волгой. М.: Наука, 1962. 40 с.
193. Араслы Э. Краткий очерк развития арабской культуры в XIX веке //Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С.М. Кирова. Баку, 1961. С. 95 – 104.

194. Астафьев В.В., Бикташева А.Н. Очерки истории Казанского университета. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. 377 с.
195. Базиянц А. П. Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М.: Наука, 1973. 224 с.
196. Базиянц А., Шарбатов Г. Первый директор Центрального института живых восточных языков // Азия и Африка сегодня. 1978. № 8. С. 58.
197. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
198. Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т.9: Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977.
199. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 295 с.
200. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
201. Беляев Л.А. Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке// Поволжская археология 2016. №2 (16). С. 18 – 36.
202. Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов// Тюркологический сборник 2007 – 2008. М.: «Восточная литература» РАН, 2009. С. 35 – 56.
203. Беляков В.В. Гуманитарные связи России с Египтом. Конец XIX – середина XX века. Взаимные миграции и межкультурное взаимодействие. Саарбрюкен, 2011. 260 с.
204. Беляков В.В. Сфинксы над Невой: Египет в русской культуре. М.: ИВ РАН, 2015. 192 с.
205. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991. 176 с.
206. Блиев В.Р. Митрополит Герасим (Яред) как отечественный византинист // Уроки истории. Национальные приоритеты России. 2015. № 3 (17). С. 35 – 37.

207. Болдырев А.В. Ближний Восток и проливы во внешней политике России и западноевропейских стран на рубеже XIX – XX вв. // Вестник МГУ Сер.8. История. 2001 № 5. С. 3 – 21.

208. Бондаревский Г.Л. Русско-египетские отношения в конце XIX века (по архивным данным). М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. 14 с.

209. Брюсова В.Г. Иконы русских иконописцев XVII века на Ближнем Востоке // Православный Палестинский сборник. Вып. 31-й (94-й). М.: Издание ИППО, 1992. С. 129 – 131.

210. Бутова Р.Б. «Горячая Вера деятелей первого часа» Император Александр III и основание Императорского Православного Палестинского Общества // Православный палестинский сборник. 118-й вып. М.: Индрик. 2020. С. 291 – 300.

211. Бутова Р.Б. Русское присутствие на Ближнем Востоке в последней трети XIX в. по неизданным материалам и публикациям арх. Антонина (Капустина): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2010.

212. Бутова Р.Б. Школа Е.Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой земле. URL: <https://www.ippo.ru/old/history/school/s/1/index.html>. (Дата обращения: 15.03.2020).

213. Валеев Р.М. Основные этапы развития торговли и денежно-весовых систем Поволжья и Прикамья периода средневековья (IX– начало XV вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Серия: гуманитарные науки. Книга 2. Часть I. Казань, 2009. С. 29 – 37.

214. Валеева Д.К. Искусство волжских булгар (X– начало XIII вв.). Казань, 1983. 132 с.

215. Валеева Д.К. Искусство домонгольской Волжской Булгарии X – нач. XIII вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М.: Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств ордена Ленина Академии художеств СССР, 1981.

216. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Искусство Золотой Орды как часть исламской цивилизации // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань. 2009. С. 18 – 26.

217. Веселовский Н.И. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869 – 1894. СПб., 1898.

218. Воевода Е.В. История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи. М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2010. 157 с.

219. Воевода Е.В. История языковой подготовки кадров для внешнеполитических учреждений российского государства. М.: Изд-во МГИМО – Университет, 2016. 256 с.

220. Воробьева И.А. Русские миссии в Святой земле в 1847 – 1917 годах. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 175 с.

221. Гагин И.А. Волжская Булгария: очерки истории средневековой дипломатии (X – первая треть XIII вв.). СПб.: СПб-гос. Унив. 2004. 240 с.

222. Гаркави. А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах: с половины VII до X по Р.Х. М.: USSR: ЛЕНАНД, 2015. 308 с.

223. Георгиев В.А., Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 – начале 40-х годов XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1975. 200 с.

224. Георгиев В.А., Ерофеев Н.Д., Киняпина Н.С. История России XIX начала XX века. М.: Изд-во «Зерцало», 1998. 752 с.

225. Герд Л.А. Россия и Антиохийский Патриархат XVIII в. в документах Святейшего Синода. //Православный палестинский сборник. 118-й вып. М.: Индрик. 2020. С. 172 – 183.

226. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. – Московский институт востоковедения – МГИМО / Под. Ред. Академика РАН А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2015. 381 с.

227. Горелова Т.А. Диалогическая основа межкультурных взаимодействий: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1998.

228. Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Под ред. Г.А. Федорова-Давыдова. М.: Наука, 2001. 365 с.

229. Городенко Д.В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманизация образования. 2009. С. 62 – 67.
230. Горячкин Г.В. Из Страны пирамид в Страну восходящего солнца // Восточная коллекция. Осень 2010 № 3(42). С. 60 – 80.
231. Горячкин Г. «...Мой прах навсегда оставят в Египте» русский дипломат на Берегах Нила // Родина. 2008. №1. С. 67 – 69.
232. Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь, 2010. 324 с.
233. Греков Б.Д., А.Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М. – Л.: АН СССР, 1950. 505 с.
234. Григорьев. В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. С.-Петербург.: Типография В. Безобразова и комп., 1870.
235. Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке: архивные материалы и статья. СПб.: Контраст, 2016. 285 с.
236. Грушевой А.Г. Планы развития образования в русских школах на Ближнем Востоке перед Первой мировой войной // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 37 – 56.
237. Грушевой А.Г. Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22) С. 258 – 331.
238. Грушевой А.Г. Просвещение арабов-христиан как важный фактор во внешней политике Российской империи на Ближнем Востоке (вторая половина XIX в.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. № 3.(31). 2020. С. 247 – 265.
239. Грушевой А.Г. Реформирование школ Палестинского общества в Сирии – проекты российских представителей и отношение к ним местного населения (по данным инспекции 1910 г.) // Письменные памятники Востока № 2. (21). Осень – зима 2014. С. 189 – 200.

240. Гудожник И.Г. Миссионерство и культурный подъем на Арабском Востоке в XIX – начале XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1993.
241. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Кн. 2. М.: Ди дик, 1997. 512 с.
242. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Эксмо-Пресс, 2015. 384 с.
243. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период, X – нач. XIII вв.) Казань: Татарское книжное издательство. 192 с.
244. Давлетшин Г.М. Мусульманское богословие в Золотой Орде (исторический аспект)// Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань.: ФЭН, 2009. С. 27 – 38.
245. Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М.: Наука, 1973. 434 с.
246. Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль, 1965. 272 с.
247. Дерягина Т.П., Фролова О.Б. Арабские рукописи из коллекции Антония Мухлинского в библиотеке Санкт-Петербургского университета// Россия и арабский мир: научные и культурные связи. Вып. 3. СПб., 1998. 84 с.
248. Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 548 с.
249. Дзевановский-Петрашевский В.М. Антоний Феодулович Хащаб (1874 – 1948): Новые материалы к биографии ученого арабиста // Подарок ученым и утешение просвещенным: сборник статей посвященных 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой составитель и автор идеи Дзевановский-Петрашевский. СПб: Петербургское востоковедение. 2016. С. 403 – 435.
250. Дмитриевский А.А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882 – 1907) историческая записка. СПб.: типография В.Ф. Киршбаума, 1907. 334 с.
251. Дмитриевский А.А. Русская Духовная миссия в Иерусалиме. М. - СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009. 688 с.

252. Долинина А.А. Невольник долга. (Биография И. Ю. Крачковского). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 459 с.
253. Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. 256 с.
254. Дьяков Н. Н. Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 176 – 203.
255. Дьяков Н.Н., Жуков К.А. Россия и Ближний Восток (Турция и арабские страны) в Новое и Новейшее время: (Учебно-методическое пособие). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета. 2014. 147 с.
256. Егоров А.Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. Ришельевский лицей. Вып. 1. Иваново, 1993. 172 с.
257. Егоров В.Л. Основные направления развития культуры Золотой Орды// Владимирцовские чтения 111, Доклады и тезисы всероссийской научной конференции. (Москва, 25 – 26 октября 1993 г.) М., 1995. С. 10 – 19.
258. Егоров С.Ф. Научно-педагогическое наследие К.Д. Ушинского / К.Д. Ушинский: наука и искусство воспитания / Сост. С.Ф. Егоров. М., 1994. 259 с.
259. Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе. Ее история в XVI – XIX веках, критическая оценка и будущие задачи. М.: Университетская типография Страстной бульвар, 1896.
260. Загоскин Н.П. Деятели Императорского Казанского университета (1805 г. – 1900 г.). Казань, 1900.
261. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: «Восточная литература РАН», 2006. 303 с.
262. Зайцев И.В. Историография истории отношений постордынских юртов с Россией и Османской империей. Казань, 2002. С. 269 – 313.
263. Зайцев И.В. Письменная культура Крымского ханств // Восточный архив. М., 2006. № 14 – 15. С. 87 – 93.
264. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII – XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.

265. Заходер. Б.Н. Итиль три рассказа //Международные связи России до XVII в.: М., 1961.
266. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX – X вв. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 280 с.
267. Загидуллин И.К. Мусульманское духовенство в Крымском ханстве //Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: 2009. С. 92 – 96.
268. Зыятдинов К.Ш., Галиуллин А.Н. Дорога через века (история развития здравоохранения и медицинской науки на территории Республики Татарстан от древности до наших дней. Казань.: Изд-во «Слово», 2012. 136 с.
269. Иванов С.М. Политика русского правительства в вопросах торгово-экономических связей России и Турции во второй половине XIX – начале XX века //Россия, Запад и Мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 71 – 89.
270. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука, 1990. 435 с.
271. История русского искусства. В 13 т. Т1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.
272. Калан Э. Городская культура и торгово-экономические отношения Золотой Орды (на примере Сарай ал-Джадида – Нового Сарая) //Ученые записки Казанского Университета. Т. 151: Гуманитарные науки. Кн.2. Ч.1. Казань, 2009. С. 82 – 89.
273. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI – XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.
274. Карцев. А.А. Обзор документов Центрального государственного исторического архива в Ленинграде по вопросу о культурных связях России с Сирией, Ливаном и Палестиной в XIX и начале XX в. //Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР, том XIX, Арабский сборник. М.: Главная редакция восточной литературы, 1959. С. 106 – 112.
275. Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878 – 1898). М.: Изд-во Московского университета, 1994. 208 с.

276. Киняпина Н.С., Георгиев В.А, Панченкова М.Т., Шеремет В.И. Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII – начало XX века. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. 433 с.

277. Кириллина С.А. Арабские ученые в России (XIX – начало XX)// Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М.: Ключ – С. 2008. С. 145 – 165.

278. Кириллина С.А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI – XVIII столетий. М.: Ключ, 2010. 564 с.

279. Кириллина С.А. Русские путешественники и миссионеры в Египте// Россия и Восток. Взгляд из Сибири в конце столетия. Иркутск: Оттиск, 2000. С. 250 – 255.

280. Кириллина С.А. Сбережение и передача знаний в мире ислама: система высшего образования в османском Египте XVIII столетия // Вестник Московского университета. Серия 13. 2004. № 4. С. 3 – 32.

281. Кобищанов Т.Ю. Русские мамлюки в Османском Египте// Вестник Московского университета. Серия 13 Востоковедение. 2008 январь-март. №1. С 47 – 69.

282. Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX века). М.: Доброе слово, 2003. 372 с.

283. Кобищанов Ю.М. Встреча христианских цивилизаций в святых местах Палестины и Египта (глазами русских паломников XV – XVIII веков) // К 150-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме (147 – 1997), сб. 35. 1999. С. 197 – 204.

284. Ковалевский А.П. Ибн-Фадлан: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Издательство Харьковского ун-та им. А.М. Горького. 1950.

285. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. Харьков: Издательство Харьковского ордена трудового красного знамени Государственного университета. 1956. 347 с.

286. Ковалевский А.П. Описание путешествия Павла Алеппского как источник по истории Украины в эпоху ее воссоединения с Россией. Харьков: Универс. Им. А.М. Горького, 1954.

287. Копоть Е.М. Митрополит Агапий Эдесский: «русский воспитанник» и типичный монах-левантинец второй половины XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки» Научный журнал №. 2. (12) 2013. С. 75 – 86.

288. Копоть Е.М. Русское духовно-политическое присутствие в Биляд-аш-Шам в к. XIX- н. XX вв. с его правовой стороны (на примере просветительской деятельности ИППО). М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.А. Шолохова. 2010. С. 64 – 73.

289. Коростовцев М.А., С.И. Ходжаш. Востоковедная деятельность Порфирия Успенского// Ближний и Средний Восток. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С.121 – 130.

290. Косач Г.Г. Афифа Абдо: размышления в связи с публикуемым документом //Всматриваясь друг в друга... Россия и Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 464 – 475.

291. Кострюков М.А., Хабибуллин М.З. Пантелеймон Крестович Жузе (1870 – 1942): востоковед, исламовед и общественный деятель. Казань: ЯЗ, 2012. 223 с.

292. Костяшов Ю.В., Кузнецов А.А., Сергеев В.В. Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII – начале XX века. Калининград, 1997. 105 с.

293. Крачковская В.А. Путешествие И.Ю. Крачковского на Ближний Восток (1908 – 1910 гг.) // Палестинский сборник. Вып. 25 (88): Культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. Л.: Наука. 1974. С. 10 – 19.

294. Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 168 с.

295. Крачковский И.Ю. Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII веке // Советское востоковедение VI. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 185 – 198.

296. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М. – Л.: АН СССР, 1950. 299 с.

297. Крачковский. И.Ю. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810 – 1861). Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1929. 134 с.
298. Крымский А.Е. История новой арабской литературы. М.: Наука, 1971. 794 с.
299. Кузнецов А.Б. Россия и Османская империя в первой четверти XVI в. // История в культуре и культура в истории: Материалы 5 Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск: тип. «Крас. Окт» 2001. С. 147 – 155.
300. Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского православного палестинского общества в 1905 – 1914 гг. // Иерусалимский семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 121 – 158.
301. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература РАН, 1995. 312 с.
302. Ланда Р.Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005. 320 с.
303. Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М.: Медина, 2011. 508 с.
304. Левин З.И. О механизме кросскультурного взаимодействия // Всматриваясь друг в друга... Россия и Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 359 – 371.
305. Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М.: Наука, 1972. 262 с.
306. Ленц Н. Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей 1804 – 1817. Одесса, 1903.
307. Ливотова О.Э., Португаль В.Б. Востоковедение в изданиях Академии наук 1726 – 1917 г. Библиография. М.: Наука. 1966. 144 с.
308. Лимонов Ю.А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества. Международные связи России до XVII в.: М., 1961. С. 55 – 63.
309. Лисейцев. Д. Служилые татары и новокрещены Посольского приказа в начале XVII века. Казань: Эхо веков, 2003 № 1-2 (30/31). С. 31 – 44
310. Лисовой Н.Н. М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского общества в Бейруте // Всматриваясь друг в друга... Россия и

Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 430 – 463.

311. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2006. 512 с.

312. Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб.: «Нестор–История», 2015. 775 с.

313. Лобынцева М.А. К вопросу о создании Азиатского департамента Министерства иностранных дел России // Иран. М.: Наука, 1971. С. 84 – 91.

314. Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань: Издательство Казанского университета, 1972. 225 с.

315. Максимов Е.А. Дореволюционная историческая и общественно-политическая мысль о дипломатии России на Ближнем Востоке в начале 30-х годов XIX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сургут, 2007.

316. Махамид, Омар. Россия и Палестина: диалог на рубеже XIX - XX веков: историко-литературные очерки. СПб.: Лики России, 2002. 152 с.

317. Мейер М.С., Кириллина С.А., Мелкумян Е.С., Орлов В.В., Осипова Н.А. Ближний Восток и ислам в российской науке и образовании: традиции и современность. М.: Гуманитарий, 2003. 126 с.

318. Мельникова Е. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы// Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX – XII веков. Казань. «Мастер Лайн». 1999. 328 с.

319. Мельникова Е.А. Волжский путь в ментальной карте составителя «Повести временных лет»// Труды по русской истории М.: Парад. 2007. 614 с.

320. Микульский Д.В. Арабский Геродот. М.: «Алетейа», 1998. 229 с.

321. Михайлова. С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России XIX века. Казань: Изд-во Казанского университета, 1991. 359 с.

322. Мишин Д.Е. «Остров русов» в произведениях средневековой мусульманской географии. //Всматриваясь друг в друга... Россия и Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 32 – 38.
323. Мишин. Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2002. 364 с.
324. Мохначева М.П. «Азиатский вестник» Г.И. Спасского и европейские общества ориенталистов // Россия и Восток. История и культура. Омск, 1997. 333 с.
325. Мусатова Т.Л. Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII - начале XX в. М.: Наука, 1990. 204 с.
326. Мусафир Салам. Выдающийся ученый Бандали Салиба Джаузи// Россия и Арабский мир. СПб.: Ноах, 1994. С. 74 – 77.
327. Мусин А. Археология древнерусского паломничества в Святую землю в XII – XV вв. // Богословские труды. Сборник тридцать пятый к 150-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме (1847 – 1997). Издательство Московской патриархии, 1999.
328. Надирадзе Л.И. Из истории Палестинского общества // Палестинский сборник. Л., 1974. Вып. 25 (88). С. 162 – 166.
329. На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X – XVI вв.)/ Сост. Муслимов И.Б. М.: ИНСАН, 1996. 768 с.
330. Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX вв.) // Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады/ отв. ред. и сост. В.Я. Белокреницкий и И.Д. Звягельская. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 528 с.
331. Наумов И.Н., Шарапов Д.Ю. Становление и развитие золотоордынской городской культуры // История в подробностях 2013. № 8. (38). С. 8 – 15.
332. Никодим (Ротов). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. СПб.: Изд-во С.-Петербургской духовной академии. 2019. 440 с.
333. Нойман, Ивэр Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
334. Панова Л.Н. Диалог культур в России XIX века. М.: ВАВТ, 2010. 88 с.

335. Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия 1516 – 1831. М.: Индрик, 2012. 654 с.

336. Панченко К.А. Православные арабы – осведомители российского посольского приказа в XVII в. // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (История, экономика и политика). Вып. 4. М., 2000. С. 307 – 317.

337. Перенижко О.А. Архимандрит Порфирий (Успенский) и учреждение русской духовной миссии в Иерусалиме // Русская Философия и Православие в контексте мировой культуры. Краснодар, 2005. С. 233 – 238.

338. Перенижко О.А. Этапы и формы культурно-религиозного взаимодействия Палестины и России: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2003.

339. Пересыпкин О. Антиохийская церковь и Россия // Москва и Ближний Восток: духовные и культурные связи. М.: Круг, 2007. С. 75 – 94.

340. Перминов. П. Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке. Первый консул в Александрии. Азия и Африка сегодня. М., 1987. № 9.

341. Петрунина О.Е. Российские консульства в Леванте накануне Греческой революции 1821 г.: новые документы // Православный палестинский сборник. 118-й вып. М.: Индрик. 2020. С. 225 – 258.

342. Пончаева Х.Д. Духовная элита и модернизация системы образования в Египте в эпоху Мухаммеда Али. СПб. Издательский дом С.-Петербургского университета, 2004. 33 с.

343. Подцероб А. Б. Россия – арабский мир: культурные и научные связи // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4. С. 59 – 62.

344. Прусис Т.С. О торговле и консульствах Российской империи на Ближнем Востоке (обзор архивных материалов) // Вопросы истории. М., 2001, №1. С. 139 – 145.

345. Пумпян Г.З. Ирак в русской периодической печати и записках путешественников XVIII – начала XX веков // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 6. СПб. 2000. С. 58 – 66.

346. Пумпян Г.З. Отражение просветительской деятельности Императорского православного палестинского общества (ИППО) в Сирии, Ливане и Палестине в изданиях и публикациях Общества // Подарок ученым и утешение просвещенным: сборник статей посвященных 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой составитель и автор идеи Дзевановский-Петрашевский. СПб: Петербургское востоковедение, 2016. 568 с.

347. Пятницкий Ю.А. Живопись сиро-палестинского региона // Христиане на Востоке. Государственный Эрмитаж. СПб.: Славия, 1998.

348. Редькин О.И. Арабский язык в России проблемы межкультурного диалога //Россия и Восток: Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: СПбГУ Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. 392 с.

349. Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М.: Наука, 1982. 136 с.

350. Родионов М.А., Сарабьев А.В. Марониты: традиции, история, политика. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 500 с.

351. Романова Н.Г., Смилянская И.М. Арабский мир и Россия: Изменяющиеся парадигмы взаимного восприятия. // Восток (Oriens). 2009. № 5. С. 161 – 168.

352. Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченок, Г. А. Санина. М.: Международные отношения, 1992. С. 384 с.

353. Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861): Материалы конференции / Отв. ред. Н. Н. Дьяков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 302 с.

354. Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. / Под ред.: И.А. Федосова. М.: Изд-во Московского университета. 224 с.

355. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.

356. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 640 с.

357. Сарабьев А.В. А.Е. Крымский и Арабский Восток: восприятие сердцем и беспристрастный научный анализ. //Всматриваясь друг в друга... Россия и Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 201 – 230.

358. Сарабьев А.В. Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 324 с.

359. Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение. 2019. 280 с.

360. Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М.: Русская панорама, 2007.

361. Сидо Камаль Сидо. Россия и «восточный вопрос» в историографии стран Ближнего и Среднего Востока (конец XVII в. – 70-е годы XIX в.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989.

362. Сипенкова Т.М. Россия и Арабский Восток: этапы историко-культурного взаимодействия // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 392 с.

363. Семенов И.Г. Образование Хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским халифатом во второй половине VII – VIII веке: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Махачкала, 2010.

364. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века/ Под ред. И.М. Смилянкой. М.: Наука, 1991. 367 с.

365. Смилянская Е.Б., Смилянская И.М., Велижев М.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011. 840 с.

366. Смилянская И.М. Арабский мир в представлениях русских паломников XII – первой половины XIX в. //Всматриваясь друг в друга... Россия и Арабский мир: взаимное восприятие. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 482 с.

367. Смилянская И.М. Из истории народного освободительного движения в Сирии в середине XIX века. // Восток в Новое время. Экономика, государственный строй. М.: Наука, 1991. С. 103 – 120.

368. Смилянская И.М. Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского // Письма из Ливана. М.: Наука, 1975. С. 303–338.

369. Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик. 2015. 468 с.

370. Смирнова Е.В. Арабские авторы о культурных связях России с Арабским Востоком в XIX – начале XX в. // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 18. Арабская филология: традиции и современность. М.: ИВ РАН, 2018. С. 273 – 289.

371. Смирнова Е.В. Искандер Кезма в начале просветительской деятельности Православного палестинского общества // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. № 2. С. 66 – 122.

372. Смирнова Е.В. Михаил Осипович Аттая и его вклад в российское востоковедение (по документам архива Лазаревского института восточных языков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2016. № 9 (71) С. 187 – 191.

373. Смирнова Е.В. Научно-просветительские связи России с Арабским Востоком в XIX – начале XX века: история изучения вопроса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 36 – 41.

374. Смирнова Е.В. Подготовка отечественных востоковедов и русско-арабская коммуникация (первая половина XIX века) // Человеческий капитал. М., 2019. № 7 (127). С. 26 – 33.

375. Смирнова Е.В. Русско-арабская коммуникация и учебный процесс в Назаретской семинарии ИППО // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. № 1 С. 5 – 33.

376. Смирнова И.Ю. Антиохийская Церковь при Патриархе Мефодии (1830-1850) // Евразия: духовные традиции народов. 2012. №3. С. 135 – 151.

377. Смирнова И.Ю. Конфессиональный фактор российской внешней политики в ближневосточном и северо-тихоокеанском регионах в середине XIX века (1840 – 1860 гг.): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: ИРИ РАН, 2017.
378. Смирнова И.Ю. Петербург-Москва-Иерусалим: миссия архимандрита Порфирия (Успенского) // ППС. 109. М., 2014. Изд-во «Индрик». С. 69-116.
379. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1994.
380. Старокадомский М.А. О культурно-просветительской деятельности Палестинского общества на Ближнем Востоке // Палестинский сборник. М. – Л., 1965. Вып. 13 (76). С. 177 – 184.
381. Сухова Н.Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в российских духовных академиях. URL: <http://ippo.ru/history/school/int/4/> (Дата обращения: 15.05. 2016).
382. Тольц. В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский периоды. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
383. Трутнев В. Глубокие корни // Азия и Африка сегодня. 1991. №4. С. 49 – 50.
384. Усманов Н.К. Развитие просветительских идей на Арабском Востоке в XIX в. //Просветительство в литературах Востока. М.: Наука, 1973. С. 48 – 67.
385. Уханова И.Н. Культовые изделия из перламутра, дерева и кости XVIII – начала XIX века. // Христиане на Востоке. Государственный Эрмитаж. СПб.: Славия, 1998.
386. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. 227 с.
387. Федотов П.В. Галилейский учебный округ Императорского православного палестинского общества в 1892–1914-х гг.: русские сотрудники школьной инспекции // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 57 (3). С. 1309 – 1316.

388. Федотов П.В. Кадровая политика Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке (1882 – 1914 гг.): Русские сотрудники учебных заведений // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. С. 102 – 108.

389. Федотов П.В. Русские сотрудники учебных заведений Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 174 – 190.

390. Федотов П.В. Русские сотрудники школьных инспекций Императорского православного палестинского общества в Сирии и Ливане в 1895 - 1914-х гг.: мотивация и достижения // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 56 (2). С. 796 – 806.

391. Федотов П.В., Бахер Т. «Московские школы» Ливана 1887 – 1914: фотографии Императорского Православного палестинского общества из собрания Государственного музея истории религии (отрывки из записок путешественников, воспоминаний и отчетов должностных лиц, сборник к 130-летию Императорского Православного Палестинского общества и 125-летию основания первой школы ИППО в Ливане). СПб.; Бейрут, 2012. 175 с.

392. Фролова О.Б. Арабские мусульманские рукописи в библиотеке С.- Петербургского университета и вопросы межцивилизационных контактов // Ислам и проблема межцивилизационных взаимодействий. М.: Нур, 1994. С. 298 – 302.

393. Халидов А.Б. Книжная культура // Очерки истории арабской культуры V – XV вв. М.: Наука, 1982. 440 с.

394. Халидов А.Б. Издания на арабском языке до конца XIX века // Россия и арабский мир научные и культурные связи. Вып. 3. СПб., 1998. С. 7 – 12.

395. Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах/ Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн Даста. М.: URSS, 2014. 199 с.

396. Хилтухина Е.Г. Вопросы взаимоотношения культур Востока и Запада. Методологические аспекты взаимодействия // Методологические аспекты изучения истории духовной культуры Востока. Улан-Уде, 1988. С. 23 – 32.

397. Чеснокова Н. Антиохийский патриарх Макарий в Москве // Москва и Ближний Восток: духовные и культурные связи. М.: Круг. 2007. 224 с.

398. Шарафутдинова Р.Ш. Русско-арабские культурные связи (странички из истории русско-арабских школ) // Палестинский сборник. Л. 1974. Вып. 25 (88) С. 54 – 58.
399. Шебунин А.Н. Россия на Ближнем Востоке. Л.: Кубуч, 1926. 124 с.
400. Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М.: Наука, 1975. 226 с.
401. Ушинский К.Д. Наука и искусство воспитания/ Сост. С.Ф. Егоров. М., 1994. 205 с.
402. Якушев. М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013. 536 с.
403. Якушев. М.И. Конфликт из-за святых мест Палестины как казус белли Крымской (Восточной) войны. Исторический контекст появления донесения К.М. Базили от 7/19 октября 1852 г.// Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 2. М., 2004. С. 437 – 487.
404. Якушев М.М. Об учреждении российского вице-консульства в Яффе во главе с Г.И. Мострасом //Православный палестинский сборник. 118-й вып. М.: Индрик, 2020. С. 203 – 520.
405. Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-русских отношений (1774 – 1847). М.: Индрик, 2018. 512 с.
406. Яценко С.А. Выбор веры в истории номадических обществ // Вера, Мысль, Выбор: По материалам Зерновских конференций 2012 – 2013 гг.: «Философская мысль и религиозный опыт», «Свобода и выбор веры в истории мировых религий». М.: Центр книги Рудомино, 2014. 288 с.

Источники и литература на английском языке

407. Agsous S. The Palestinian graduates of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) and the making of the native cultural Nahda // Contemporary Levant. 2021. P. 35 – 50.

408. Anderson M. *The Eastern Question 1774 – 1923: A Study in International Relations*. London – New York: St. Martin's Press/ Palgrave Macmillan, 1966. 436 p.
409. Astafieva E. Found and buy, study and appropriate, build and reconfigure: The three stages in turning the “Coptic domain” in Jerusalem into the Church of Saint Alexander Nevsky (1856-1896). URL: <https://journals.openedition.org/ejts/6195?lang=en> (access date: 17.04.2020).
410. Bitis A. *Russia and The Eastern question. Army, Government and Society 1815 – 1833*. Oxford: Oxford University press, 2006. 540 p.
411. Bolsover G. *Russian and the Eastern Question 1832 – 1841*// *Bulletin of the Institute of Historical Research*. 1933. Vol. IX. № 32.
412. Burckhardt J.L. *Bedouins and wahabys collected during his travels in the East*. London, 1830.
413. Burckhardt J.L. *Travels in Syria and the Holy Land*. London: Darf Publishers LTD, 1992. 668 p.
414. Clayton G.D. *Britain and the Eastern question*. London: White Lion Publisher, 1974. 256 p.
415. Dyakov N.N. *The Arabian Peninsula and the Gulf in St. Petersburg's periodicals (early 20th C.A.D.)*// *Россия и арабский мир. Научные и культурные связи*. Вып. 7. СПб., 2000. С. 83 – 89.
416. Fairey J. *Russia's quest of Holy Grail: relicts, liturgics and Great-Power politics in the Ottoman Empire*// *Russian-Ottoman Borderlands. The Eastern Question Reconsidered*/ Edited by Lucien J. Frary and Mara Kozelsky. The University of Wisconsin Press. 2014. P.131 – 165.
417. Fisher A. *Moscovite – Ottoman relations in the XVI – XVII centuries* // *Humaniora islamica*. Vol. 1. 1973. P. 207 – 217.
418. Gerd L. *Russia, Mount Athos, and the Eastern Question, 1878 – 1914*// *Russian-Ottoman Borderlands. The Eastern Question Reconsidered* / Edited by Lucien J. Frary and Mara Kozelsky. The University of Wisconsin Press, 2014. P. 193 – 221.
419. Graham S. *With the Russian pilgrims to Jerusalem*. London: Macmillan, 1913. 306 p.

420. Hopwood D. *The Russian Presence in Syria and Palestine 1843 – 1914. Church and Politics in the Near East.* Oxford: Clarendon Press, 1969. 232 p.
421. Jacoby D. *Diplomacy, Trade, Shipping and Espionage between Byzantium and Egypt in the Twelfth Century // Byzantinisches archiv. Band 19.* K.G. Saur München – Leipzig, 2000. P. 83 – 102.
422. Jelavich B. *A century of Russian Foreign Policy 1814 – 1914.* New York: Lipincott, 1965. 308 p.
423. Kildani H. *Modern Christianity in the Holy Land/ Translated by George Musleh.* Bloomington, 2010. 719 p.
424. Marriot J.A.R. *The Eastern question an historical study in European diplomacy.* Oxford: Clarendon press. 1917.
425. Ouseley W. *Travels in various countries of the East more particularly Persia.* Vol. 1. London, 1819.
426. Persen W. *The Russian Occupation of Beirut 1772 – 1774 // Journal of the Royal Centre Asian Society.* 1955. 42 (3 – 4). P. 275 - 286.
427. Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the Emigration.* New Haven and London: Yale University Press, 2010. 288 p.
428. Šedivý M. *Metternich, the Great Powers and the Eastern Question.* Published by the University of West Bohemia. 2013. 535 p.
429. Stavrou, T.G. *Russian interests in Palestine 1882 – 1914.* Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1963. 249 p.
430. Stavrou T.G. *Russian Interest in the Levant 1843 – 1848. Porfiri Uspenskii and establishment of the first Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem// Middle East Journal.* 1963. Vol. 17. № 1 / 2. P. 91 - 103.
431. Temperley H. *England and the Near East: The Crimea.* London, 1936. 582 p.
432. *The Russian presence in Palestine (1843 – 1970). Brief sketch of Russian church and political activities in the Middle East.* By The Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. Jerusalem, 1970.

433. Tibawi A. L. American Interests in Syria. 1800–1901. A Study of Educational, Literary and Religious Work. Oxford: Clarendon press, 1966. 333 p.

434. Tibawi A.L. British Interests in Palestine. 1800–1901. A Study of Religious and Educational Enterprise. London: Oxford University Press, 1961. 280 p.

435. Tibawi, A.L. Russian cultural penetration of Syria-Palestine in the nineteenth century //Journal of The Royal Central Asian Society. Vol. 53. Is. 2. 1966. P. 166 – 182.

436. Travelers to the Middle East from Burckhardt to Theisiger: An Anthology/ Edited by Geoffrey Nash. London – New York: Anthem Press publ. 2011. 296 p.

Источники и литература на арабском языке

437. Абахсин, ‘Али. Хаула ал-‘илакат ат-та’рихийя байна Русийа ва дувал ал-Халидж ал-‘Араби (Об исторических связях России с государствами Арабского залива) // ал-Васика. Манама, 1999. № 35. С. 28 – 70.

438. ‘Абд ал-Латиф, Салман. Ал-ватн ал-‘араби фи ибда‘ат ал-фаннанин ар-рус фи-л-карн ат-таси‘ ‘ашр ва бидайа ал-карн ал-‘ишрин (Арабский мир в произведениях русских художников в XIX – начале XX в.). Дамаск, 2008.

439. ‘Абд Раббах Хусайн. Ал-‘илакат ас-сакафийя ал-мисрийя – ас-суфйатийя (Египетско-советские культурные связи). Каир, 1976. 79 с.

440. ал-‘Абидин, Зайн Шамс-уд-Дин. Миср фи ‘ахд ‘Аббас ва Са‘ид (Египет в эпоху Аббаса и Саида). Каир, 2009. 220 с.

441. ал-‘Акики, Наджиб. Ал-Мусташиркуна (Востоковеды). Бейрут, 1937. 251 с.

442. Арраси, Джульетт. Ал-мадарис ал-уртудуксийя фи минтакатай Хасбийя ва Мардж ‘айун ма‘а индила‘ ал-харб ал-‘аламийя ал-ула (Православные школы в районах Хасбийи и Марджайуна с разгаром Первой мировой войны) // Лубнан фил-харб ал-‘аламийя ал-ула. (Ливан в Первой мировой войне). Бейрут, 2011.

443. ал-Бустани, Салим. Нисбатунa ила рус, ва нисба б‘адунa ила-л-б‘ад ал-ахар (Наши отношения с русскими и некоторыми другими) // Ал-Джинан. 1870 – 1884. Бейрут. С. 488 – 489.

444. Дагир, Ас'ад. Ал-мадарис ар-русийа фи Сурийа (Русские школы в Большой Сирии) // Ал-Муктатаф. Каир, 1901. Октябрь. С. 901 – 904.
445. ад-Дайрави, Назим Маджид. Ал-Кур'ан ва-н-наби Мухаммад фи-л-ши'р ар-руси ал-класики (Коран и пророк Мухаммад в русской классической поэзии). СПб., 2011. С. 162 – 168.
446. ад-Дайрави, Назим Маджид. Русийа ва-л-'Ирак фи-л-му'аллафат ал-'арабийа ва ар-русийа (ал-карн ал-'ашр – ал-карн ат-таси' 'ашр) (Россия и Ирак в арабских и русских сочинениях (X – XIX вв.)). СПб., 2012. С. 134 – 158.
447. ал-Джийар, Са'ид Ибрахим. Та'рих ат-та'лим ал-хадис фи Миср (История современного образования в Египте). Каир, 1971. 254 с.
448. Зайдан, Насир. Даур Русийа фи-л-Шарк ал-Аусат ва шимал ал-Ифрикийа мин Бутрус ал-Акбар хатта Фладимир Бутин (Роль России на Ближнем Востоке и Северной Африке от Петра Великого до Владимира Путина). Бейрут, 2013. 320 с.
449. Касимийа, Хайрийа. Русийа кайсарийа ва-л-Машрик ал-'араби. (Царская Россия и Арабский Восток)// Дирасат Та'рихийа (Исторические исследования). Дамаск. Октябрь 1982. № 9 – 10. С. 40 – 77.
450. Махамид, 'Умар. Мукаддама фи-л-адаб ал-'араби ва-л-истишрак ар-руси ва мурасалат байна Игнати Кратшкофски ва-л-куттаб ал-филастинийн ва гайрухум мин ал-'араб (Введение в арабскую литературу и российское востоковедение. Переписка Игнатия Крачковского с палестинскими и другими арабскими писателями). Наблус, 2015. 142 с.
451. Мухаммад 'Али баша ал-кабир (Мухаммад 'Али великий паша). Al-Hilal Press Heritage Center, 2015.
452. Ра'иф, 'Имад ад-Дин. Агатангил Кримски. 1897. Кисас байрутийа. (Агафангел Крымский. Бейрутские рассказы). Бейрут, 2017. 220 с.
453. Ра'иф 'Имад ад-Дин. Мин Байрут ва 'анха. Аурак Аурасийа фи-т-тафа'ул ал-хадари (Из Бейрута и о нем – евразийские страницы о цивилизационном взаимодействии. Бейрут: Дар ал-мусаввар ал-'араби, 2018. 178 с.

454. Ра'иф, 'Имад ад-Дин. Хикайат Кундурушкин. Лубнан кабла карн би-риша русийа (Рассказы Кондурушкина. Ливан век назад русским пером). Бейрут, 2016. 304 с.
455. Сабри, Мухаммад. Та'рих Миср мин Мухаммад 'Али ила -л-'аср ал-хадис. (История Египта от Мухаммада Али до Новейшего времени). Каир, 1996. 313 с.
456. Салим, Дуккаш. Ал-муварана ва-л-китаб мин ал-карн ал-хамис 'ашара хатта-л-йаум (Марониты и книга. От XV века до наших дней) // Ал-Машрик. Январь 1996. С. 123 – 148.
457. Свидан, Шукри. Та'рих ал-джам'ийа ал-имбиратурийа ал-урсудуксийа ал-филастинийа 'ан руб' ал-карн. (История Императорского православного палестинского общества за четверть века). Бостон. 1912. 224 с.
458. Судах, Марван. Ал-Махтутат ал-'арабийа фи Русийа (Арабские рукописи в России) // Ан-Нашра. Амман, 2002. № 22. С. 29 – 34.
459. Таусун, Амир 'Умар. Ал-Джайш ал-мисри фи-л-харб ар-русийа ал-ма'руфа би-харб ал-кирм. (Египетская армия в Крымской войне). Каир, 1993.
460. ал-Хадри-бек, Мухаммад. Ад-даула ал-'Аббасийа (Государство Аббасидов). Каир. 2003. 265 с.
461. Халил Зайн, Илйас. Бад' ал-харакат ат-та'лимийа фи Амийун. Ал-мадраса ар-русийа тали'а ан-нахда ат-тарбавийа. (Начало просвещения в Амьуне. Русская школа в авангарде образовательного возрождения). Третий Амьунский Фестиваль. 2009. 32 с.
462. ал-Хамдани, Тарик Нафи'. Ал-'усманийуна ва-р-рус фи-л-Халидж ал-'Араби дираса фи-л-'илакат ас-сийасийа байнахума 1878 – 1907 (Османь и русские в Арабском заливе, изучение политических взаимоотношений между ними 1878 – 1907) // Ал-Васика. Манама, 1990. № 16. С. 82 – 115.
463. Абу Ханна, Ханна. Тала'и' ан-Нахда фи Филастин. Хирриджу ал-мадарис ар-русийа. (Авангард возрождения в Палестине. Выпускники русских школ). Бейрут: Му'вассаса ад-дирасат ал-филастинийа (Организация палестинских исследований), 2005. 193 с.

464. Хащаб, Антуан. Ал-барун Фиктур фун Рузин ал-мусташирик ар-руси ал-‘аллама аш-шахир (Барон Виктор фон Розен – выдающийся русский ученый-востоковед) // Ал-Машрик. 1908. № 3. С. 171 – 173.

465. Хитти, Филипп. Та’рих Лубнан мунзу акдам ал-‘усур ат-та’рихийа ила ‘асрина ал-хадир. (История Ливана с древнейших времен до наших дней). Бейрут, 1959.

466. аш-Шафи‘и, Хусайн. Мин турас аш-шайх Мухаммад ‘Айад ат-Тантави. Аввал му‘аллим ли-л-‘арабийа фи-л-билад ар-русийа. (Наследие Мухаммада ‘Айада ат-Тантави. Первый учитель арабского языка в России). Каир, 2013. 313 с.

467. аш-Шахбандар, Халил Халид. Мин ал-‘илакат ас-сакафийа байна Русийа ва дувал ал-Халидж ал-‘араби (О культурных связях России с государствами Арабского Залива) // Ал-Васика. Манама, 1999. № 35. С. 13 – 27.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ
ДИССЕРТАЦИИ

1. Смирнова Е.В. Михаил Осипович Аттая и его вклад в российское востоковедение (по документам архива Лазаревского института восточных языков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2016. № 9 (71) С. 187 – 191.
2. Смирнова Е.В. Научно-просветительские связи России с Арабским Востоком в XIX – начале XX века: история изучения вопроса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 36 – 41.
3. Смирнова Е.В. Подготовка отечественных востоковедов и русско-арабская коммуникация (первая половина XIX века) // Человеческий капитал. М., 2019. № 7 (127). С. 26 – 33.
4. Смирнова Е.В. Арабские востоковеды в России в XIX – начале XX в. К вопросу о возникновении русско-арабских связей в сфере науки и образования // История востоковедения: традиции и современность. М.: ИВ РАН, 2018. С. 86 – 103.
5. Арабские авторы о культурных связях России с Арабским Востоком в XIX – начале XX в. // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 18. Арабская филология: традиции и современность. М.: ИВ РАН, 2018. С. 273 – 289.
6. Смирнова Е.В. Русско-арабская коммуникация и учебный процесс в Назаретской семинарии ИППО // Христианство на Ближнем Востоке №1. 2021. С. 5 – 33.
7. Смирнова Е.В. Фадлалла Сарруф – переводчик Русской духовной миссии в Иерусалиме и лектор С.-Петербургского университета // Востоковедение: история и методология. М.: ИВ РАН. 2021. № 2. С. 68 – 79.

8. Смирнова Е.В. Искандер Кезма в начале просветительской деятельности Православного палестинского общества// Христианство на Ближнем Востоке. 2021. № 2. С. 66 – 122.

9. Смирнова Е.В. Научная командировка Н.И. Ильминского на Ближний Восток и его арабистическая подготовка// Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 сентября 2022 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 36 – 44.